ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВА

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ В СССР

новейший период

УДК 329(470+571)
ББК 60.69(2Рос)+66.7(Рос)
А 47

Московская Хельсинкская группа благодарит
Харьковскую правозащитную группу
и ее председателя Евгения Захарова
за подготовку монографии к изданию

Издание третье, стереотипное

Алексеева, Л. М.

А 47 История инакомыслия в СССР : новейший период / Людмила Алексеева. — 3-е изд., стер. — М. : Моск. Хельсинк. группа, 2012. — 384 с. — ISBN 978-5-98440-063-3.

В монографии дается систематизированное описание инакомыслия в Советском Союзе. Каждое независимое общественное движение описано отдельно: национальные (русское, украинское, литовское, эстонское, латвийское, армянское, грузинское, крымскотатарское, немецкое, движение турок-месхетинцев), религиозные (баптисты, пятидесятники, адвентисты, православные), правозащитники, социалисты. Репрессии, которым подвергались участники диссидентского движения.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей инакомыслия в СССР послесталинского периода.

УДК 329(470+571)
ББК 60.69(2Рос)+66.7(Рос)

ISBN 978-5-98440-063-3

СОДЕРЖАНИЕ

Моему мужу Николаю Вильямсу —
без него эта книга не была бы написана.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — первая попытка систематизированного описания современного инакомыслия в Советском Союзе. В книге столько глав, сколько ныне известно независимых общественных движений. Каждое описано отдельно, так как каждое имеет свое лицо и цели их не совпадают. Тем не менее правомочно их описание как целостного явления, благодаря общему для современного инакомыслия правозащитному характеру и принципиальному отказу от насильственных методов борьбы.

Первый (краткий) вариант работы был написан по гранту Госдепартамента США — как справочное пособие. Инакомыслие в СССР уже осознано миром как важное явление внутренней жизни страны, влияющее и на международные отношения. Между тем представление о его характере и масштабах довольно смутное. На Западе лишь немногие специалисты имеют такое представление, а в СССР, думаю, его могли выработать лишь в соответствующих отделах КГБ, так как никто иной не имеет возможности изучить эту тему, в том числе инакомыслящие, у которых нет для таких академических занятий ни необходимых материалов под рукой, ни просто покоя.

Приступив к работе, я сознательно отказалась от изучения довольно объемистой советологической литературы, больше доверяя собственным оценкам, сложившимся за 15 лет участия в правозащитном движении и благодаря довольно широкому дружескому и деловому общению с участниками национальных и религиозных движений (при сборе информации для «Хроники текущих событий» и для Московской Хельсинкской группы и благодаря работе по оказанию помощи политзаключенным). Личные впечатления сообщали живость общей картине, но нередко их не хватало для четкого представления об ее существенных частях и тем более— отдельных деталях.

Неисчерпаемым кладезем явилась «Хроника текущих событий» — мой основной источник — и другие информационные издания самиздата, но я не ограничилась ими и прочла *весь* самиздат, опубликованный зарубежными издательствами, собранный в Архиве самиздата радио «Свобода» (Мюнхен) и в архиве издательства «Хроника» (Нью-Йорк), а также воспоминания участников независимых общественных движений. Все вместе — это огромная библиотека, на ее освоение потребовалось более двух лет напряженного каждодневного труда.

Несколько слов о расположении глав.

Я пыталась расположить их строго по схеме: национальные движения — религиозные движения — гражданские движения. Но жизненные явления не всегда укладываются в эту схему, и я подчинила структуру книги логике реального развития инакомыслия в СССР, пусть в ущерб стройности глав.

Я начала с национальных движений не только потому, что они — наиболее широкие и наиболее традиционные, но и потому, что возникли они раньше большинства религиозных и намного раньше гражданских.

При определении порядка глав о национальных движениях учитывалось время их возникновения, а также внутреннее сходство или различия. Естественным было вслед за украинским и литовским описать эстонское национальное движение, а затем армянское и грузинское из-за схожести их целей и общности такого признака как наличие национальной территории, в отличие от крымских татар и месхов, лишенных такой территории и добивающихся ее возвращения, а также в отличие от евреев и немцев, тоже не имеющих собственной территории в СССР, но ставящих целью не ее обретение, а выезд на историческую родину, за пределы СССР. Намерение отделить описание литовского национального движения от католического не было осуществлено из-за того, что это было бы искусственным препарированием явлений, на самом деле нерасторжимо переплетенных.

Религиозные движения тоже расположены в хронологической последовательности — по времени их возникновения. Глава «Русское национальное движение» отделена от остальных национальных движений и от главы «Православные» и помещена после главы «Движение за права человека», так как исторически русское национальное движение «ответвилось» от правозащитного: значительная часть участников русского национального движения — это прежние правозащитники, разочаровавшиеся в демократических и правовых идеалах.

Не все заслуживающие описания события вошли в книгу — объем ее и так оказался более намеченного.

При выборе имен для упоминаний приходилось руководствоваться не только требованиями исторического повествования, но и соображениями безопасности его героев. Я называла умерших, эмигрировавших, уже осужденных за описанное деяние или сделавших публичное заявление о данной своей деятельности. К сожалению, из-за непомерности задачи, я не написала обо всех, о ком можно было и кто заслужил своим трудом и жертвами войти в историю инакомыслия в СССР. Я прошу прощения у всех причастных к этому удивительному явлению, не упомянутых здесь.

Приношу мою глубокую благодарность Питеру Дорнену, руководителю отдела самиздата радио «Свобода» за любезное предоставление материалов и картотек; а также участникам независимого общественного движения в СССР, помогавшим мне консультациями при написании отдельных глав: Надии Светличной, Томасу Венцлове, Александру Малахазяну, Айше Сеитмуратовой, Роману Рутману, Лидии Ворониной, Владлену Павленкову, пастору Георгию Винсу, Аркадию Полищуку, свящ. Михаилу Меерсону-Аксенову.

Людмила Алексеева

1983 г.

УКРАИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Украина по площади (603,7 тыс. кв. км) превосходит Францию, население ее — более 46 миллионов человек, из них 36,4 млн. — украинцы. [1] Это крупнейший из европейских народов, не имеющий государственной самостоятельности. Украина обрела ее ненадолго в 1918 г. (период Украинской Рады). С 1922 г. формально закреплен статус Украины как союзной республики в составе СССР.

После установления советской власти на Украине украинское крестьянство упорно сопротивлялось коллективизации. С 1931 г. производилась в связи с этим массовая высылка украинцев в восточные области СССР. Полных сведений о численности высланных нет, но известно, что только в первые два месяца 1931 г. были высланы 300 тысяч человек. [2] Сопротивление было сломлено лишь в 1932-1933 гг. путем организации искусственного голода на Украине, в наиболее хлебных ее районах. Осенью, после сбора урожая, у крестьян было реквизировано все зерно — не оставляли ни на пропитание, ни на посев. На подступах к городам были поставлены заградительные отряды, не пропускавшие голодающих из сел в города, которые снабжались хлебом и другим продовольствием. Значительная часть реквизированного у крестьян хлеба пошла на экспорт. Вырученная за проданный по демпинговым ценам хлеб иностранная валюта была употреблена на покупку промышленного оборудования, необходимого для ускоренной индустриализации Советского Союза. Не имеется официальных данных о численности умерших в тот год от голода, так как власти тщательно скрывали эту трагедию. По данным украинского самиздата, основанным на подсчетах убыли населения, очевидной из всесоюзных переписей, в 1932-1933 гг. на Украине погибло приблизительно 6 млн. человек. [3]

Расправа с украинским крестьянством обеспечила коллективизацию сельского хозяйства и одновременно — подорвала возможности украинского национального движения, так как основную массу украинского населения составляло именно крестьянство, которое в 1926 г. насчитывало 23,8 млн. при 5,7 млн. городских жителей. [4] К тому же города и промышленные центры на Украине имели преимущественно русское население. Голод 1932-1933 гг. обессилил украинскую деревню. Происходившая в то время индустриализация Украины получала кадры промышленных рабочих не из окружающих сел, как бывает обычно при процессе индустриализации, а за счет пришлого населения, главным образом, из русских областей СССР, что способствовало сохранению национального разрыва между сельским и городским населением, существующего до сих пор.

Начиная с 30-х годов, на Украине ведется последовательная политика русификации. Ее основное проявление — вытеснение украинского языка русским во

всех областях общественной жизни. Насколько продвигается этот процесс, показывают следующие данные.

Согласно всесоюзной переписи 1970 г., 3 млн. 17 тыс. украинцев, проживающих на Украине (8,5% ее украинского населения) считали родным языком русский. Это на 942 тыс. человек (или на 2,6%) больше, чем в 1959 г. (Для сравнения: из 9,1 млн. русских, проживающих на Украине, назвали родным языком украинский только 135 тыс. человек, т.е. 0,2% русского населения Украины, и только 2,5% этого населения свободно владеет украинским языком). Численность русскоязычного населения на Украине с 1970 по 1979 гг. увеличилась с 13,3 млн. человек до 15,5 млн. человек, т.е. на 2,3 млн. человек; украиноязычного — с 32,7 млн. человек до 32,9 млн. человек (т.е. всего на 200 тысяч). [5]

Вытеснение украинского языка русским достигается комплексом государственных мероприятий, направляющих демографические процессы в желательную для властей сторону.

1. Экономически поощряется переселение украинцев в восточные слабо заселенные районы Советского Союза — в Казахстан, Сибирь, на Урал, на Дальний Восток. Одновременно поощряется переселение русских на Украину. В результате с 1959 по 1970 гг. численность украинского населения на Украине увеличилась лишь на 3,1 млн. человек, т.е. на 9,7%, а русского — на 2 млн. человек, или на 28% — главным образом, за счет миграции. В 1970 г. русские на Украине составляли 9,1 млн. человек против 35,2 млн. украинцев. К 1979 г. численность украинцев выросла на 1,2 млн., т.е. меньше, чем на 4%;русское население увеличилось на столько же — на 1,3 млн. человек, т.е. возросла на 14%.

По-прежнему русское население сосредоточено в городах и промышленных центрах (в 1970 г. 84,6% русских на Украине жили в городах — 7 млн. 712 человек). Украинцы составляли в 1970 г. лишь 30% населения промышленных областей, а в городах — 29,4% населения. [6]

2. Внедрение русского языка начинается с дошкольных детских учреждений. Среди детских ясель и садов в целом по Украине преобладают русскоязычные. Но и те, что числятся украинскими, в значительной степени русифицированы, так как при укомплектовании воспитателями преимущество дается русским и русифицированным украинцам.

3. Большинство высших учебных заведений на Украине русифицированы: приемные испытания и начальная стадия обучения в них проводятся по-русски. В столице Украины Киеве только в университете, да и то не на всех кафедрах, преподавание ведется на украинском языке; в большинстве же вузов Украины, за исключением некоторых в западных областях, — по-русски. В 1970 г. из 1 млн. 583 тыс. специалистов с высшим образованием, работающих на Украине, 601 тыс. приходилась на долю русских, т.е. более трети. При этом в РСФСР на 1 тысячу украинского населения доля людей с высшим образованием составляет 73 человека против 43 на тысячу русского населения. [7]

4. Постановка высшего образования оказывает влияние на язык обучения в школьной системе. Знание русского языка дает безусловное преимущество при поступлении в вузы, это создает тягу из украинских школ в русские и позволяет расширять сеть русских школ за счет украинских «по желанию родителей».

Всячески поощряется изучение русского языка в украинских школах, в то время как украинский язык в русских школах преподается лишь по просьбе родителей ученика.

В результате в городах Донбасса и Крыма украинских школ уже нет вовсе. В таких больших городах, как Харьков, Запорожье, Николаев, Херсон, Днепропетровск, Одесса и многих других, украинские школы единичны, да и то на окраинах. В Киеве число украинских школ постоянно сокращается, и в них вводятся классы с преподаванием на русском языке. Такие школы постепенно становятся из смешанных полностью русскими.

5. Настойчивость учащихся и их родителей в отстаивании украиноязычности вызывает преследование (сообщение на работу родителям, беседы с начальством, «проработки» на собраниях) как проявления украинского национализма.

В результате последовательно проводимых в течение полустолетия мер русский язык вытеснил украинский из всех сфер общественной жизни, фактически им пользуются лишь в селах да среди небольшой части украинской интеллигенции, преимущественно гуманитарной. По конституции 1978 г. украинский язык утратил статус государственного языка УССР.

В 1939-1944 гг. к советской Украине были присоединены западные украинские земли, до тех пор включенные в состав Польши, Румынии и Чехословакии. Население Украинской ССР возросло благодаря этому почти на 8 млн. человек.

Присоединение западных областей весьма способствовало возрождению украинского национального движения.

В западных областях к моменту их присоединения к Украинской ССР полнее, чем на советской Украине, сохранилась украинская национальная традиция и была жива традиция национального сопротивления. В Западной Украине существовали активные подпольные организации, боровшиеся за независимость. Наиболее известной и влиятельной из них была ОУН — Организация украинских националистов, действовавшая на украинских землях, входивших в состав Польши.

В 1939 г., после прихода советских войск на Западную Украину, известные новым властям участники украинского сопротивления были арестованы — новая власть справедливо полагала, что они являются и ее непримиримыми противниками.

Сразу после вступления германской армии, в июне 1941 г., во Львове была провозглашена Украинская Народная Республика. Но через несколько дней инициаторы этого акта были арестованы гестапо и помещены в концентрационные лагеря, где они пробыли до конца войны. Оставшиеся на свободе ОУНовцы начали вооруженную борьбу против оккупантов. В 1942 г. была создана для этих целей Украинская повстанческая армия (УПА). До 1944 г. она сражалась против германской армии, а с приходом советских войск повернула оружие против нового врага. УПА пополнилась за счет украинских крестьян, сопротивлявшихся коллективизации, начатой в западных областях сразу после возвращения советских войск. Борьба длилась до начала 50-х годов. В ней погибли тысячи людей. Сотни тысяч участников УПА и сочувствовавших им попали в советские лагеря со стандартным сроком — 25 лет. Целые украинские села были высланы за «пособничество УПА» — около 2 млн. человек.

Общие потери Западной Украины огромны. В 1930-1931 гг. украинское население областей, присоединенных к СССР после 1939 г., составляло 7 млн. 950 тыс. человек, а в 1970 г. — 7 млн. 821 тыс. человек, т.е. за 40 лет оно не увеличилось,

а уменьшилось. Это указывает на убыль приблизительно 20 млн. человек, исходя из среднего прироста населения. [8] Несмотря на это катастрофическое положение в западных областях, национальное движение в течение долгого времени после окончания войны было локализовано именно здесь. Это видно из перечня подпольных организаций, раскрытых на Украине в 50-х — 60-х годах. [9] Перечислю их в хронологическом порядке.

1. Объединенная партия освобождения Украины (ОПОУ) — раскрыта в Станиславе, ныне Ивано-Франковск (Западная Украина), в 1958 г. Перед судом предстало 10 человек — в основном, молодые рабочие. Они получили лагерные сроки от 7 до 10 лет.

2. ОУН-Север (Я. Гасюк, В. Леонюк, Б. Христинич, В. Затворский, Я. Кобылецкий) — раскрыта в 1960 г. Эта организация была основана пятью членами ОУН с Западной Украины, отбывавшими сроки в советских лагерях. Часть из них осталась жить в местах заключения, чем объясняется добавка к названию слова «Север». Сроки — от 5 до 12 лет лагеря.

3. Во Львове (Западная Украина) в 1961 г. был раскрыт Украинский рабоче-крестьянский союз (юристы Л. Лукьяненко, И. Кандыба, И. Боровицкий, партийный работник С. Вирун, работник милиции И. Кипиш, инженер Либович и заведующий клубом В. Луцкив).

Л. Лукьяненко был приговорен к расстрелу, замененному впоследствии 15 годами лагеря, остальные получили от 10 до 15 лет лагерей.

4. В том же Львове в том же 61-м году был раскрыт Украинский национальный комитет. По этому делу известны фамилии 18 осужденных молодых рабочих. Двое из них — Богдан Грыцына и Иван Коваль были расстреляны, остальные получили от 10 до 15 лет лагерей.

5. В Донецке в том же 61-м году была осуждена группа журналиста Григория Гайового. Численность группы и сроки неизвестны.

6. В 1962 г. в Ходорове Львовской обл. состоялся суд по «делу шести» (Федор и Михаил Процивы, Капитоненко, И. Нагребный, Дронь и Ханас). Федор Процив был расстрелян, остальные получили от 8 до 15 лет лагерей.

7. В том же 62-м году в Тернополе (Западная Украина) судили группу из пяти человек: Евгений Гогусь был приговорен к расстрелу, замененному 15-летним заключением, Е. Грицинин, В. Куликовский, Палихата и П. Пундик были приговорены к лагерным срокам 11, 11, 6 и 5 лет соответственно.

8. В Луцке (Западная Украина) в 1962 г. прошел суд над группой В. Романюка — Шуста. Численность группы и приговоры ее участникам неизвестны.

9. В том же 1962 г. в Запорожье состоялся процесс над группой, из которой известны В. Савченко, Ю. Покрасенко, В. Рынковенко, А. Воробьев, В. Чернышев и Б. Надтока. Сроки — от 3 до 6 лет.

10. В 1964 г. в Донецке судили группу Бульбинского — Бабича — Тарасюка, Трофимовича. Сроки неизвестны.

11. В 1964 г. в Одесской области выявили организацию «Демократический союз социалистов». По этому делу были осуждены директор школы рабочей молодежи Н. Драгош (7 лет лагерей), учителя этой же школы Н. Тарнавский (7 лет лагерей) и И. Чердынцев (6 лет), а также студенты С. Чемиртан (5 лет лагерей), Н. Кучеряну (6 лет) и В. Посталаки (6 лет лагерей).

12. В 1967 г. в Ивано-Франковске (Западная Украина) состоялся суд над членами Украинского национального фронта, состоявшего из 9 человек (учителя Н. Квецко, Я. Лесив, Г. Прокопович, токарь Кулынин, участковый милиционер М. Дяк, инженер И. Губка, литератор З. Красивский, хормейстер М. Мелень, шахтер Н. Качур). Сроки — от 5 до 15 лет лагеря плюс 5 лет ссылки.

13. В 1968 г. студент Николаевского сельскохозяйственного техникума Николай Богач был осужден на 3 года за попытку создания подпольной организации «Борьба за общественную справедливость» (проходил по делу один).

14. В 1971 г. в Ворошиловграде судили несколько человек, из которых известны секретарь комсомольской организации Ворошиловградстроя рабочий А. Чеховский (6 лет лагерей), Г. Толстоусов (5 лет лагерей) и Потоцкий (срок неизвестен). Созданная ими организация называлась «Партия борьбы за реализацию ленинских идей».

15. В 1973 г. в Ивано-Франковской области (Западная Украина) осудили группу молодежи, создавшую Союз украинской молодежи Галичины (рабочие Д. Гринькив, М. Мотрюк и В. Шовковый, инженер Д. Демидов, студент Р. Чупрей). Сроки — 7 лет лагеря плюс 5 лет ссылки Гринькиву, остальным — по 4-5 лет лагерей. [10]

16. В 1973 г. во Львове была раскрыта подпольная молодежная организация (студенты и школьники старших классов) — «Украинский национально-освободительный фронт». Из 50 ее участников, ставших известными КГБ, были арестованы студент-филолог Львовского университета Зорян Попадюк (приговор — 7 лет лагеря и 5 лет ссылки) и Радомир Микитко (приговор — 5 лет лагеря). [11]

17. В том же году на Западной Украине была арестована группа украинской молодежи в селе Россохач Тернопольской обл. — братья Владимир и Николай Мармусы, П. Винничук, С. Сапеляк, В. Сенькив, Н. Слободян — за вывешивание украинских национальных флагов. Наибольший срок получил В. Мармус — 6 лет лагеря и 5 лет ссылки. [12]

Население западных областей составляет лишь 16% всего населения Украины, но большинство подпольных организаций 50-х — 70х годов (10 из 17) было создано именно в западных областях. Мы знаем названия 7-и западноукраинских организаций — все они содержат слово «украинский». Это определенно свидетельствует, что национальная идея была превалирующей, если не единственной, в побуждениях участников этих организаций. Из названий двух самых ранних национальных организаций — Объединенная партия освобождения Украины и

ОУН-Север ясно, что они действовали в духе ОУН-овской традиции. То же самое известно об организации Украинский национальный фронт (Ивано-Франковск, 1967 г.).

Из шести организаций, раскрытых в Восточной Украине, известны названия трех: «Демократический Союз социалистов» в Одесской области; «Борьба за общественную справедливость» в Николаеве и «Партия борьбы за реализацию ленинских идей» в Ворошиловграде. Эти названия указывают, что не национальная идея воодушевляла их участников. По своим установкам эти организации сродни подпольным организациям, существовавшим в те же годы в русских областях СССР. О направленности трех остальных организаций в Восточной Украине ничего не известно, но об одной из них, раскрытой в 1962 г. в Запорожье, можно предположить, что она была нейтральной к национальной проблеме, так как, судя по фамилиям участников, в нее входили и украинцы и русские.

Связующим звеном между этими двумя побуждениями — национальным и демократическим — является Украинский рабоче-крестьянский союз (Львов, 1959-1961). Ставя ту же цель, что и другие национальные организации, — отделение Украины, — УРКС отказался от традиционного ОУН-овского пути, который был годен для борьбы против польского господства, но не оправдывал себя в советских условиях.

Судя по приговору, ведущая роль в УРКС принадлежала Л. Лукьяненко. Он — единственный среди участников организации выходец из Восточной Украины (Черниговская область). Лукьяненко получил образование в Москве — окончил юридический факультет Московского университета, был членом партии. Возможно, его более богатый жизненный опыт в советских условиях способствовал модернизации установок УРКС по сравнению с другими подпольными организациями, возникавшими в Западной Украине.

В основу деятельности УРКС был положен правовой принцип. УРКС намеревался добиваться независимости Украины мирным, законным путем — на основании ст. 17 Советской конституции, предоставляющей каждой союзной республике право на выход из состава СССР.

Л. Лукьяненко сообщает, что он и его товарищи к 1960 г. пересмотрели программу УРКС, составленную в 1959 г. и

> *«взяли курс на создание легальной организации, имеющей целью защиту гражданских прав».* [13]

Они предполагали изменить название «Украинский рабоче-крестьянский союз» на Союз борьбы за демократию, так как цели их эволюционировали, идея самостоятельности Украины была отодвинута идеей о необходимости демократических свобод, и новое название точнее отражало их новые цели.

Марксистская ориентация этой организации заметна из включения в ее название слов «рабоче-крестьянский» и подтверждается программой УРКС: ее участники мечтали о социалистической Украине. Их целью было избавить ее от последствий «сталинского» национального гнета и вернуться на «ленинский путь». Эти моменты сближают группу Л. Лукьяненко со следующим после подпольного этапом национального движения на Украине, захватившего и западные и восточные ее части — мирным, открытым демократическим движением за национальные права.

Начальная стадия этого движения получила название движения шестидесятников — по 60-м годам, когда оно началось и вошло в силу (и, видимо, по аналогии с так же называвшими себя русскими революционерами-демократами 60-х годов прошлого века). Первотолчок этому движению дали молодые украинские поэты, писатели, публицисты, художники.

За короткий «хрущевский» срок, сравнительно благоприятный для развития украинской культуры, она чудесно возродилась. Появилась плеяда талантливых поэтов, артистов и художников. Ведущими фигурами и вдохновителями движения шестидесятников стали молодые поэты Василь Симоненко, Микола Винграновский, Иван Драч, Лина Костенко, Ирина Стасив, Игорь Калинец, художники Алла Горская, Людмила Семыкина, Панас Заливаха, Галина Севрук, Стефания Шабатура и др. Они возродили почти задушенную в сталинское время украинскую культуру, внесли в нее искренность, отсутствовавшую в официальных поделках, и художественный вкус. При несхожести дарований шестидесятников их объединяло живое национальное и гражданское чувство.

Наиболее популярным из поэтов-шестидесятников был Василь Симоненко (умер в 1961 г. в 29-летнем возрасте). Он не был новатором поэтической формы, но остро чувствовал парадоксы эпохи и имел смелость писать о них. Наиболее известные из его публицистической лирики стихи — «Вор» (о колхознике, ворующем у колхоза, чтобы хоть как-то прокормить семью); «Некролог кукурузному початку, сгнившему на складе», «Шовинист», «Пророчество 17 года», в котором поэт с болью утверждал, что

«На кладбище расстрелянных иллюзий
Уж не осталось места для могил».

Но, пожалуй, наибольший успех имело стихотворение, где Симоненко, обращаясь к Украине, восклицал:

«Пусть молчат Америки и России,
Когда я с тобою говорю!»

Читателей будоражило и вдохновляло, что Россия поставлена в один ряд с Америкой, как тоже нечто отдельное от Украины. Это было необычайно ново и смело, поскольку лейтмотивом всей официальной украинской культуры была нерасторжимая связь Украины с Россией.

В 60-х годах появилась группа талантливых и смелых публицистов-литературоведов, историков — Иван Дзюба, Иван Светличный, Валентин Мороз, Вячеслав Чорновил, Святослав Караванский, Евгений Сверстюк, Василь Стус, Михаил Брайчевский. Валентин Мороз, оценивая вклад шестидесятников, писал, что самая важная их заслуга — в возвращении весомости высоким словам и понятиям, обесцененным официальным словоблудием, вдохновляющий пример героического гражданского деяния, каким было в глазах большинства открытое выступление против официального курса, на словах поддерживающего, а на деле обессилевшего украинскую культуру.

Призыв шестидесятников нашел горячий отклик — и в интеллигентской, и в рабочей среде и даже среди части украинского истэблишмента. Книги со стихами поэтов-шестидесятников расхватывались мгновенно, стихи их заучивались наизусть. Выступления этих поэтов собирали полные аудитории, выставки украин-

ского народного и современного искусства привлекали массу посетителей, как и концерты украинской музыки — все национальное принималось с энтузиазмом.

Местами встреч шестидесятников стали мастерские художников, работавших в национальной манере (скульптор Иван Гончар, Алла Горская и др.), музеи, квартиры знатоков украинского народного искусства, таких, как хирург Э. Бинявский, коллекционировавший писанки (разрисованные пасхальные яйца).

Центром шестидесятников стал клуб творческой молодежи в Киеве. По свидетельству Леонида Плюща, из этого клуба вышло большинство киевских патриотов-оппозиционеров. Инициатором и президентом клуба был молодой режиссер Лесь Танюк. В клубе встречалась молодежь из разных социальных слоев — здесь бывали и студенты, и молодые специалисты, и рабочие. Постоянных посетителей было несколько сот человек. Наиболее массовую аудиторию собирали литературные вечера. Их проводили в самом большом зрительном зале Киева — Октябрьском, вмещавшем более тысячи человек, и он бывал переполнен. Надия Светличная припомнила организованные Клубом вечера памяти драматурга М. Кулиша, объявленного в 30-е годы «врагом народа» и к началу 60-х годов еще официально не реабилитированного. Был также вечер памяти украинского режиссера Л. Курбаса, погибшего в лагере на Соловках. На вечере памяти Шевченко в 1964 г. был поставлен монтаж из трех его произведений, которые «проходили в школе», но в клубной соответственно настроенной аудитории и в соответствующем исполнении они звучали зажигательно.

Клуб творческой молодежи возник под эгидой обкома комсомола. Комсомольские работники надеялись с помощью энтузиастов из молодежи оживить и сделать более эффективной официальную пропаганду, но паническая боязнь любого «уклона» заставила их через 3 года закрыть Клуб, хотя никакой «крамолы» там не было. Лесь Танюк потерял работу и вынужден был уехать из Киева. Там, где он появлялся в поисках работы, он организовывал клубы, подобные киевскому. Они появились в Днепропетровске, во Львове, в Одессе и в других местах.

В Киеве после закрытия Клуба творческой молодежи, в 1965 г., была попытка создать дискуссионный клуб, но после двух дискуссий («О морали и прогрессе» и «О морали и науке»), собравших по нескольку сот человек, он был разогнан.

Вообще большинство гражданских выступлений 60-х годов осуществлялись на официально разрешенных мероприятиях. Наиболее известны выступления И. Дзюбы на вечере памяти украинской поэтессы Леси Украинки в киевском городском парке и на митинге в Бабьем Яре. Такого рода выступления были довольно частым явлением в тогдашней общественной жизни на Украине.

Леонид Плющ в своих воспоминаниях описывает один из таких вечеров — памяти художника украинского возрождения А.Петрицкого (1917 — 1933 гг.):

«Масса молодежи. Аплодисменты каждому намеку на мерзости сталинизма... Актер Василько говорил «крамолы» больше всех, и аплодировали ему потому чаще. Он гневно клеймил равнодушных и гонителей Петрицкого. А я уже знал, что он, бывший актер гениального режиссера Курбаса, не только отрекся от него, но и участвовал в травле Курбаса, драматурга М. Кулиша и др.».

Общее настроение в Киеве было таково, что и бывшие стукачи оказались за украинское возрождение. [14]

Движение шестидесятников распространилось на всю Украину, и западную, и восточную, но центром его оказался Киев — самый крупный и наиболее украинский по составу населения город Восточной Украины. Ввиду положения Киева как столицы Украинской ССР, здесь были сосредоточены культурные учреждения, наиболее талантливые и известные представители украинской интеллигенции.

«Маленькая группа людей из Киева разбрызгивала искры на всю Украину, — писал об этом времени В. Мороз, — и там, где они падали, сразу же таял многолетний лед безразличия и нигилизма». [15]

Шестидесятники принадлежали к поколению, выросшему в советском обществе. Они восприняли его ценности, но в идеализированном, «книжном» виде: для них социализм был неотторжим от интернационализма, демократии и гуманности. Они защищали эти ценности от умерщвления официозом и бюрократией. Целью шестидесятников была демократизация советской системы и прекращение русификации, и они верили в возможность добиться этого в советских условиях.

Кредо шестидесятников было развернуто выражено в работе Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация?» [16] , законченной в декабре 1965 г. Это исследование национальной проблемы в СССР, в основном, на украинском материале. Оно написано с позиций марксистского интернационализма и содержит острую критику навязываемой русификации, которую автор характеризует как сталинское отклонение от ленинской национальной политики.

Движение шестидесятников было интеллигентским по существу, так как пафос его направлялся на сохранение национальной культуры. Но на Украине нет такой пропасти между национальной интеллигенцией и народом, как у русских; украинские патриоты-интеллигенты ощущают себя его органичной частью, возможно, из-за неукраинского состава большинства городского населения и значительной части бюрократии, а также потому, что большинство их — интеллигенты в первом поколении, выходцы из украинских сел (старая украинская интеллигенция была почти поголовно уничтожена в довоенные годы).

Наиболее массовой формой проявления национальных чувств, разбуженных шестидесятниками, стало ежегодное паломничество к памятнику великого украинского поэта Тараса Шевченко (1814-1861 гг.) 22 мая, в годовщину перенесения его праха из России, где он умер, на его родину, в украинский городок Канев на Днепре. Этот день отмечала до революции украинская интеллигенция. В советское время официально отмечались даты рождения и смерти Шевченко, но не 22 мая. В 60-х годах внимание к этой дате возродилось. В этот день стало принято возлагать цветы у памятника Шевченко. Так как памятник ему есть почти во всех городах Украины, этот обычай распространился. В Киеве он приобрел особенно широкий характер. К памятнику подходили с цветами в течение всего дня, но особенно многолюдно около него становилось вечером, после окончания работы, когда собиралось по нескольку сот человек, в основном молодежь, студенческая и рабочая. Читали стихи украинских поэтов, классиков и современников, а то и свои собственные, пели украинские песни.

Возродился и еще один обычай — колядки, т.е. ватаги ряженых, которые ходили по домам с пением обрядовых песен. Этот обычай был рождественским, но в советское время его приурочили к Новому году. Молодежь, главным образом

студенты гуманитарных факультетов, стремились к полному воспроизведению старинного обряда. Для посещений выбирали дома уважаемых профессоров, известных писателей, но иногда из озорства заходили и к бюрократам высокого ранга.

По обычаю, колядовавших принято было одаривать. Деньги, собранные во время колядок, шли на общественные нужды.

Власти пытались помешать возрождению национальных чувств, но делали это не очень решительно. Иногда отменяли вечера, на которых ожидались выступления шестидесятников. Перед 22 мая в учреждениях и институтах партийное и комсомольское начальство предупреждало «неблагонадежных» о нежелательности появления у памятника Шевченко. Как потом стало известно, нарушивших запрет незаметно фотографировали. Попавшие в объектив подвергались «проработке», получали выговоры от начальства, но до 1965 г. увольнений и исключений из институтов за паломничество к памятнику не было. Вообще до 1965 г. движение почти не встречало отпора в грубых формах. Цензура препятствовала появлению литературных произведений с гражданским звучанием, но все-таки многие произведения шестидесятников выходили в свет, самые резкие расходились благодаря появившемуся в это время самиздату. Почти всем шестидесятникам удавалось сочетать открытое выражение своих взглядов с продолжением карьеры или даже иметь успех именно благодаря талантливому выражению такого рода взглядов (например, кинофильмы «Тени забытых предков» — режиссер Сергей Параджанов; «Ночь накануне Ивана Купала» — режиссер Юрий Ильенко).

Среди партийного и советского руководства имелись люди, сочувствовавшие шестидесятникам и старавшиеся ввести их в «рамки», чтобы из Москвы не потребовали расправы. Возможно, таковым было отношение к шестидесятникам и тогдашнего первого секретаря ЦК КПУ Петра Шелеста, который проявлял необычайную для советских партийных руководителей мягкость к «идейным отклонениям» шестидесятников от официальной линии. Похоже, Шелест пытался ограничиться «идейными» мерами против оппонентов официального курса. Книга Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация?» была написана как приложение к заявлению в ЦК КПУ по поводу национальной политики (есть версия, что Дзюбе предложил написать эту книгу тогдашний секретарь по идеологической работе ЦК КПУ Андрей Скоба). Достоверно известно, что книга эта в ЦК КПУ была размножена небольшим тиражом, и с ней ознакомили крупнейших партийных чиновников — на уровне секретарей обкомов. Однако, вскоре после этого тираж был изъят из обращения, и книга разошлась, как обычно, в самиздате, а потом и в тамиздате. При ЦК была создана специальная комиссия, которая должна была подготовить ответ Дзюбе, но все кончилось статьей под псевдонимом Стенчук «Что и как отстаивает Дзюба», которая была предназначена для заграницы, а на Украине распространялась полузакрыто, до уровня партийных и комсомольских агитаторов, но в печати не появилась.

Серьезные репрессии впервые были проведены в 1965 г., когда в августе-сентябре в разных местах Украины почти одновременно арестовали более 20 украинских интеллигентов, в той или иной мере причастных к движению шестидесятников.

Журналист Чорновил, обобщая сведения об арестованных, писал, что если бы можно было создать их «типовую» биографию, то она выглядела бы следующим образом.

Осужденный имярек имел к моменту ареста 28-30 лет отроду, он — выходец из крестьянской (или рабочей) семьи, отлично окончил среднюю школу, поступил в институт (некоторые — после армии), где активно участвовал в научной жизни. Как хороший студент получил по окончании института хорошее назначение, написал диссертацию (или защитил ее), публиковался в периодических изданиях (или опубликовал книгу). Если он имел техническое образование, то интересовался литературой и искусством, принимал близко к сердцу положение с украинским языком на Украине. К моменту ареста его творческий потенциал и его карьера быстро шли в гору. Не женат (или женился незадолго до ареста, имеет маленького ребенка). [17]

Аресты 1965 г. выглядят не совсем обычно по сравнению с такими же акциями КГБ в других местах.

Необычно было, что какое-то время после арестов имена арестованных не были выключены из официального обихода: газета «Литературная Украина» напечатала статью Масютки уже после его ареста, а журнал «Искусство» поместил репродукцию картины арестованного Панаса Заливахи. Продолжали демонстрировать киножурнал, среди кадров которого были посвященные работам арестованного психолога М. Горыня, и на экране появлялся он сам и т.д.

Похоже, приказ об арестах был «спущен» из Москвы для немедленного осуществления, чем и объясняется неподготовленность этой акции и неряшливость ее исполнения украинскими кагебистами. В Москве в то же самое время — в первых числах сентября — были арестованы писатели А. Синявский и Ю. Даниэль.

Неясен и принцип «отбора» для арестов на Украине в 1965 г.

Центром движения шестидесятников был Киев, но только семеро арестованных были киевлянами и лишь один из них (Иван Светличный) — ведущей фигурой. Его через 8 месяцев освободили «за недостатком улик». Против него, действительно, улик не было, так как ничего тайного он не делал, но это справедливо по отношению ко всем арестованным, которых, несмотря на это, осудили.

Надия Светличная высказала предположение, что для ареста отобрали не по принципу активности, а тех, кого надеялись заставить «раскаяться» и тем дискредитировать движение, имевшее огромный моральный авторитет. Если это так, замысел потерпел поражение.

Правда, некоторые на следствии «каялись» и даже давали показания на других. Арестованные не были психологически подготовлены к свалившемуся на них испытанию. Даже В. Мороз, впоследствии героически державшийся и на воле, и в неволе, признавался, что на первом следствии «вел себя не наилучшим образом». Однако к изумлению и некоторой растерянности властей аресты не испугали публику и не отвратили ее от шестидесятников.

«Самым крупным сюрпризом истекшего десятилетия было то, что аресты 1965 г. не затормозили, а ускорили современное украинское возрождение, — писал об этом в 1970 г., уже имея историческую перспективу, Валентин Мороз. — Эра великого Страха — миновала. Аресты не испугали, а вызвали огромную заинтересованность — не только на Украине, но и во всем мире».

Репрессировать за украинский патриотизм в тогдашних условиях означало создать человеку ореол мученика и придать ему особую притягательность. [18]

Имели место многочисленные выражения сочувствия и солидарности с арестованными. 4 сентября 1965 г. Иван Дзюба использовал для этого свое выступление перед премьерой кинофильма «Тени забытых предков». Ему было поручено приветствовать создателей фильма от имени киевлян. Войдя на трибуну переполненного кинотеатра «Украина», после нескольких вступительных слов Дзюба сказал, что праздник национального искусства омрачен многочисленными арестами, и начал перечислять фамилии арестованных. Директор кинотеатра стал стаскивать оратора с трибуны. Чтобы заглушить слова Дзюбы, включили сирену. Кто-то из зала крикнул:

— Кто против тирании — встаньте!

Из-за шума и суматохи мало кто услышал этот призыв, но все-таки несколько человек встали (двоих исключили за это из партии и выгнали с работы).

Суды начались через полгода после арестов. Большинство судов сделали закрытыми — вероятно, чтобы скрыть ничтожность причины осуждения и его юридическую необоснованность. Тем не менее стали известны несколько последних слов обвиняемых, державшихся мужественно и с сознанием своей правоты.

Михайло Осадчий, которого судили во Львове, так описывает происходившее около суда:

«— Слава..., слава... слава...» — кричала толпа, запрудившая всю Пекарскую (такое было все пять дней). Нам бросали цветы, они падали на металлическую крышу машины, сквозь щели в дверях, к нам. Когда мы шли в помещение суда, то шли по ковру из живых весенних цветов, нам жаль было их топтать, но мы не могли наклониться — нас вели крепко, до боли стиснув локти...

— Михайло, держись! — крикнул из толпы Иван Дзюба Горыню, — держись! — Я лишь успел увидеть его лицо; увидел на какой-то миг, как Лина Костенко пробиралась сквозь строй охраны, ловко вложила в руку Мирославы Зваричевской плитку шоколада. Начальник изолятора как безумный метнулся к Мирославе и выхватил плитку». [19]

Всех арестованных судили за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Приговоры были — от нескольких месяцев до 6 лет лагерей строгого режима. Несколько человек были осуждены условно.

В учреждениях и в институтах состоялись «проработки» близких к арестованным или как-то выразивших им сочувствие. Десятки людей были исключены из институтов и уволены с работы. Но воодушевление не спадало. Организовали общественную кассу помощи безработным и семьям арестованных. Касса составилась из небольших, но регулярных взносов сочувствующих, сохранивших работу, и из нерегулярных более крупных взносов обеспеченной части украинской интеллигенции, в движении не участвовавшей. Туда же стали отдавать сборы от колядок, от общественных лотерей, в которых разыгрывались картины современных украинских художников и предметы быта, выполненные в традиционном национальном стиле специально для лотереи.

Лагерникам писали письма не только родные и друзья, но едва знакомые, а то и вовсе незнакомые люди. Им слали книги, открытки, теплые вещи, старались использовать все возможности, чтобы выразить сочувствие и облегчить неволю.

Львовский журналист Вячеслав Чорновил собрал материалы об осужденных (биографические сведения, списки публикаций, выступления на суде, отрывки

из лагерных писем). Сборник, названный им «Горе от ума», появился в самиздате с именем составителя на обложке.

Следующим после арестов 1965 г. и связанных с ними событий важной вехой украинского национального движения было 22 марта 1967 г. — очередная шевченковская годовщина, когда впервые власти предприняли попытку разогнать собравшихся у памятника Шевченко в Киеве.

По свидетельству очевидицы Надии Светличной, 22 мая 1967 г. вечером у памятника Шевченко собралось несколько сот человек. Часа два-три все шло как обычно: у памятника выросла гора цветов. Время от времени на постамент забирался кто-либо из присутствовавших читать стихи. После 9 вечера вдруг появилось несколько милицейских машин. Из них вышли милиционеры, некоторые, судя по погонам, в высоких чинах. Они стали пробираться через толпу к постаменту, видимо, намеревались схватить очередного выступающего. Но он заметил их и скрылся в толпе. Тогда милиционеры схватили первых попавшихся 4-5 человек и запихали их в свои машины, а сами вернулись в толпу, выкрикивая требование разойтись. Но собравшиеся не расходились. Более того: юпитеры, которыми милиционеры осветили место сбора, привлекли гулявшую в парке публику, и толпа увеличилась настолько, что пришлось перекрыть движение троллейбусов по прилегающей к парку улице. Милиционеры оказались рассредоточенными среди собравшихся. В каком-то месте образовался кружок вокруг человека в милицейских погонах. Ему скандировали одно слово:

— Позор!

Этому примеру последовали остальные, и вскоре все милиционеры оказались в таких «засадах». Они с трудом выбрались из толпы и уехали, увозя арестованных. Находившийся на площади Микола Плахотнюк предложил идти в ЦК, чтобы требовать освобождения арестованных, извинений за оскорбление памяти Шевченко грубым разгоном и ущемление свободы слова. Человек 200-300 направились в ЦК. Они шли по тротуару плотной толпой. Заранее сговорились не петь, не кричать, чтобы не давать повода для обвинения в нарушении общественного порядка. По дороге в ЦК их встретили пожарные машины, демонстрантов окатили водой из шлангов, но они молча продолжали свой путь. Метров за 200 до здания ЦК путь был прегражден поставленными поперек улицы машинами, а перед ними стояла цепочка людей — партийные и комсомольские работники, срочно вызванные в ЦК в этот субботний вечер. Демонстранты остановились и решили здесь дожидаться утра, когда появятся работники ЦК, чтобы предъявить им свои требования.

Стояли на тротуаре, взявшись под руки цепочками человек по пять, плотной колонной. В половине второго ночи прибыл министр охраны общественного порядка Головченко со свитой, в которой узнали заместителя председателя украинского КГБ.

Головченко попросил демонстрантов изложить их претензии. Оксана Мешко вышла из толпы и потребовала освобождения арестованных. Головченко обещал, что к утру их отпустят, и просил утром прислать в ЦК делегацию от демонстрантов, а сейчас разойтись. Большинство послушалось, но человек 40 решили ждать освобождения арестованных. Часа в 3 ночи их привезли и выпустили на глазах у ожидающих.

Через несколько дней после демонстрации Плахотнюк и еще несколько замеченных на демонстрации людей были уволены с работы.

В последующие годы власти больше не предпринимали милицейских разгонов собравшихся у памятников Шевченко. Однако они, с одной стороны, заблаговременно предостерегали людей, находившихся «под подозрением», о нежелательности появления около памятника в этот день, и ослушание грозило увольнением с работы, а с другой, — стали проводить в этот день официальные фестивали украинской поэзии, казенная атмосфера которых отвращала от их посещения, их заполняли специальной публикой — комсомольцами, дружинниками и даже солдатами. Тем не менее, паломничество к памятнику Шевченко 22 мая продолжалось ежегодно до 1972 г.

Украинское национально-демократическое движение по духу, социальному составу участников, аргументации требований и способам самовыражения очень близко к правозащитному движению, начавшемуся в Москве в 1965 г. Взаимоузнавание произошло в мордовских политических лагерях, где находились арестованные в 1965 г. украинцы и куда попали москвичи Синявский и Даниэль. Благодаря письмам из лагерей и через родственников, ездивших на свидания, установились личные связи и на воле. Путь с Украины в Мордовию лежит через Москву. Родственники арестованных, ездившие их навестить, и освободившиеся из лагеря обязательно оказывались в Москве. Они останавливались у родственников и друзей московских политзэков.

Во время широкой правозащитной кампании — в связи с судом над московскими самиздатчиками Юрием Галансковым и Александром Гинзбургом в 1968 г. — основную часть «подписантов» составляли москвичи. Украина была единственной из республик, поддержавшей эту кампанию. Украинцы дали более 18,8% от общего числа ее участников («Письмо 139-ти»). [20]

Вследствие усиления преследований за «национализм» после 1967 г. реже стали публичные проявления национальных чувств, характерные для первой половины 60-х годов, и участились случаи анонимных выступлений. Так, в марте 1968 г. в Киевском университете и в Сельскохозяйственной Академии были разбросаны листовки с призывом бороться против русификации. Такие же листовки рассылались по почте. Вскоре в связи с этим были арестованы рабочие Киевской ГЭС, студенты-заочники Киевского университете А. Назаренко, В. Кондрюков и В. Карпенко. Их осудили за «антисоветскую пропаганду» соответственно на 5 лет, 3 и 2,5 года лагеря строгого режима. Несколько их друзей были исключены из университета. [21] Были и другие случаи использования листовок на Украине в эти годы.

Из-за ухудшения внутренней обстановки на Украине на фоне общего спада надежд на демократизацию после вторжения советских войск в Чехословакию в августе 1968 г. создалась атмосфера, которая стимулировала крайние, трагичные формы протеста.

В ноябре 1968 г. совершил самосожжение украинский учитель из Днепропетровской области Василий Макуха (50 лет, политзаключенный сталинских лагерей, отец двоих детей). Макуха приехал в Киев 5 ноября 1968 г., в канун празднования годовщины Октябрьской революции, вышел на главную улицу столицы Крещатик, поджег себя и, горя, бежал по людной улице с возгласами «Да здравствует свободная Украина!». Когда удалось погасить пламя, В. Макуху доставили в больницу, где через два часа он скончался. Насколько мне известно, это первое по времени самосожжение в знак протеста против национального угнетения: Ян Палах (Чехословакия) — январь 1969 г.; Илья Рипс (Рига) — апрель 1969 г.;

Ромас Каланта и его последователи (Литва) — май 1972 г., крымский татарин Муса Мамут — 1978 г.

Самосожжение В. Макухи, свидетелями которого были сотни людей, в обстановке общей усталости и подавленности, вызвало поразительно слабую реакцию, в то время как в начале — середине 60-х годов несравненно менее значительные события давали чрезвычайно сильный отклик (например, аресты 1965 г.). Известно, что на Украине распространялась листовка об этом самосожжении (за что был осужден С. Бедрило), но, видимо, не широко. Вероятно, под впечатлением от самосожжения Макухи и Я. Палаха в феврале 1969 г. пытался совершить самосожжение Николай Бреславский, 45-летний учитель из Бердянска, тоже, как и Макуха, узник сталинских лагерей, отец троих детей. Его удалось спасти, и он был осужден на 2,5 года лагеря строго режима за «антисоветскую агитацию и пропаганду» (Бреславский имел при себе плакаты с протестом против русификации).

В конце 1970 г. случилось еще одно трагическое событие — была убита киевская художница Алла Горская — общая любимица, мастерская которой в течение всего предшествующего десятилетия была постоянным местом многолюдных собраний шестидесятников. Алла поехала в город Васильков в часе езды от Киева к свекру забрать швейную машинку — и была найдена с проломленной головой в погребе его дома. Сам свекор — старый больной человек — был найден мертвым за несколько десятков километров от дома.

Обстоятельства гибели Горской и особенно расследования этого убийства породили общую уверенность в причастности к нему КГБ, сотрудников которого раздражало дерзкое бесстрашие художницы на допросах и ее роль «заводилы» среди киевских шестидесятников.

На похоронах Аллы выступили ее друзья — Иван Гель, Евген Сверстюк, Олесь Сергиенко. Через год с небольшим все трое расплатились за смелые гражданские речи арестом. [22]

К концу 60-х гг. стало меньше публичных выступлений в защиту национальных прав, но интенсифицировались менее заметные на поверхности формы национально-демократического движения, прежде всего — самиздатская деятельность.

В начале 60-х годов украинский самиздат состоял главным образом из перепечаток стихов поэтов-шестидесятников, не опубликованных в советской печати или опубликованных в труднодоступных из-за малого тиража изданиях. В 1965 г. на обысках, проведенных у арестованных и в их окружении, самиздатский «улов» был очень бедным, что свидетельствует о слабом развитии самиздата. Лишь в единичных случаях находили одну-две статьи, чаще всего — анонимный памфлет «По поводу суда над Погружальским» о пожаре в украинском отделе киевской библиотеки. [23] Однако вскоре после арестов 1965 г. появился сборник В. Чорновила об этих арестах и книга И. Дзюбы «Интернационализм или русификация?», законченная в декабре 1965 г. Эти две работы стали наиболее популярными в украинском самиздате. Они были изданы за рубежом по-украински и на европейских языках и открыли украинскому зарубежью людей нового сопротивления, чуждых большинству эмигрантов своим отношением к социализму и марксизму, не без советских предрассудков, довольно невежественных относительно предшествующих стадий борьбы, но искренне любящих Украину и мужественно отстаивавших ее благо, как они его понимали.

Кроме книг Чорновила и Дзюбы, довольно широко распространились публицистические выступления С. Караванского, написанные в форме жалоб в соот-

ветствующие советские инстанции. Караванский приводил скрупулезные доказательства русификации Украины и полного несоответствия русификаторской политики партийным программным документам и советским законам. [24]

Во второй половине 60-х годов украинский самиздат обогатился статьями Е. Сверстюка («Собор в лесах»), В. Стуса («Место в бою или расправа?») в защиту И. Дзюбы, М. Брайчевского («Воссоединение или присоединение?» — об истории отношений Украины и России), Л. Плюща (писавшего под псевдонимами Лоза, Малоросс и др.) и В. Мороза. Последний, еще находясь в мордовском лагере, передал на волю «Репортаж из заповедника имени Берия», а освободившись написал статьи: «Среди снегов» (призывавшую к «апостольскому» служению Украине), «Дантон и Датон» и «Хроника сопротивления» — о разрушении украинской культуры и русификации. М. Осадчий по освобождении отдал в самиздат книгу «Бельмо» — автобиографическую повесть с описанием ареста, суда и лагерных лет. Довольно широко ходило в самиздате коллективное письмо творческой молодежи Днепропетровска, за которое получили лагерные сроки И. Сокульский, Кульчинский и Савченко. [25] Были запущены в самиздат описания процессов 30-х годов, в частности, суд над режиссером Л. Курбасом.

На русский язык одной из первых была переведена работа И. Дзюбы «Интернационализм или русификация?». Эта книга открыла украинское национальное движение москвичам, пережившим к тому времени события, во многом схожие с украинскими: в Москве только зародилось движение, которое впоследствии получило название правозащитного.

Кроме украинского, на Украине стал распространяться и русский самиздат — «Технология власти» Авторханова, произведения Солженицына и запись его исключения из Союза писателей, статья А. Сахарова «Размышления о прогрессе», запись судилища над Б. Пастернаком и др. Регулярно поступали на Украину выпуски «Хроники текущих событий» (см. главу «Правозащитное движение»). Систематический обмен самиздатом и информацией способствовали тому, что «Хроника», начиная с первых выпусков, регулярно помещала сообщения с Украины.

Наладился систематический обмен самиздатом между Украиной и Москвой. Леонид Плющ первым стал ездить в Москву специально за новыми самиздатскими работами и организовал их размножение в Киеве, а также перевод наиболее значительных произведений украинского самиздата на русский язык для передачи их в Москву.

Украинский самиздат не только «политизировался», но и стал в значительной степени профессиональным: в нем историки писали работы по истории, литераторы — по литературоведению и т.д. «Профессионализации» украинского самиздата способствовали появление и стабилизация слоя «кочегаров с высшим образованием». Этот слой составили специалисты, уволенные с работы за «национализм», освободившиеся политзаключенные, их родные и друзья. Обращение украинских интеллигентов, особенно гуманитариев, к физическому труду не было временным явлением — это становилось их многолетним, а то и пожизненным статусом. С каждым годом этой слой увеличивался за счет новых увольнений и закончивших сроки лагерников, возвращения же из этого слоя к квалифицированному интеллигентному труду были единичными.

«Кочегары с высшим образованием» являются потенциальными самиздатскими авторами из-за неимения другого выхода их творческим потребностям. Большинство их мечтает о серьезных научных занятиях, обмене мнениями с коллега-

ми, об исследовательской работе по специальности хотя бы в свободное от зарабатывания на жизнь время.

В 1971 г., 22 мая, в то время, когда молодежь пошла к памятнику Шевченко, несколько безработных специалистов собрались на частной квартире на «шевченковский семинар», где читали подготовленные к этому дню свои работы: В. Сверстюк прочел статью «Шевченко — певец христианского всепрощения», И. Дзюба — об отношениях между Шевченко и русскими славянофилами, Л. Плющ — о «Молитве» Шевченко, М. Коцюбинская — исследования о языке и образах в поэзии Шевченко.

Зародилась мысль о постоянно действующей Академии украиноведения. Замысел этот был погребен арестами 1972 г. [26]

Вполне профессионально составлялось и информационное издание — начавший выходить в январе 1970 г. «Украинский вестник». Его появлению способствовало знакомство с московской «Хроникой текущих событий», регулярно переправляемой на Украину. В «Хронике» украинские материалы составляли лишь небольшую часть сообщений, были кратки, и многие события оставались неизвестными. Однако из-за отсутствия собственного информационного органа часто бывало так, вспоминает Плющ, что киевляне узнавали о событиях, имевших место в городе, именно из московской «Хроники».

Редакция «Украинского вестника» заявила, что ее цель — доводить до общественности информацию, которую скрывают или фальсифицируют официальные издания: о нарушении свободы слова и других демократических свобод, гарантированных конституцией; о судах и внесудебных репрессиях на Украине, нарушениях национальной суверенности (факты шовинизма и украинофобии); о положении украинских политзаключенных; об акциях протеста против нарушений гражданских прав. «Вестник» помещал обзоры или полный текст статей, документов и художественных произведений, распространяемых в самиздате. Редакция заявляла, что «Вестник» не является органом какой-то организации или группы, объединенной программно или организационно, и потому будет публиковать самиздатские материалы, написанные с разных позиций, и объективную информацию обо всех событиях и явлениях украинской общественной жизни.

В первом выпуске «Украинского вестника» были сообщения о самосожжениях на Украине; о кампании против И. Дзюбы; о суде над рабочими Киевской ГЭС, о суде над С. Бедрило; о внесудебных репрессиях в Днепропетровской области; о следствии по тюремному делу С. Караванского; о судах, обысках, допросах на Украине в конце 1969 г.; список 58-ми человек, подвергшихся внесудебным репрессиям в 1968-1969 гг.; сообщение «Украинцы в тюрьмах и лагерях»; список политзаключенных-украинцев; несколько самиздатских документов.

В течение 1970-1972 гг. вышли шесть выпусков «Украинского вестника». [27] Редакция его, как и у «Хроники», была анонимной. Можно лишь сказать, что в обвинительном заключении по делу В. Чорновила (Львов) ему приписывалось участие в издании «Вестника»; а киевляне В. Лисовой, Н. Плахотнюк и З. Антонюк обвинялись, среди прочего, в его распространении.

К этому времени самиздат на Украине распространился довольно широко. Во время обысков 1972 г. только во Львовской области было изъято более 3 тысяч экземпляров самиздатских произведений. [28]

1 июня 1970 г. вторично был арестован Валентин Мороз. Его осудили на 9 лет тюрьмы и лагеря плюс 5 лет ссылки. Жестокость вынесенного ему приговора была показателем нового этапа репрессий. [29]

Осуждение Мороза вызвало многочисленные и очень резкие протесты участников украинского национально-демократического движения. Такой же бурный протест вызвал арест (в декабре 1971 г.) Нины Строкатой, жены Святослава Караванского — «вечного узника». Возник комитет защиты Строкатой, в который намечалось ввести не только украинцев, но и москвичей-правозащитников. Комитет подготовил два информационных бюллетеня о Строкатой и ее деле. Этот комитет был первой попыткой открытой правозащитной организации на Украине. Однако массовые аресты в январе 1972 г. не дали ее осуществить.

Аресты эти начались 12 января одновременно в Киеве и во Львове. К 15 января были арестованы в Киеве: Иван Светличный, Леонид Плющ, Евген Сверстюк, Василь Стус и другие известные «шестидесятники», а несколько позднее — и Иван Дзюба; во Львове — Вячеслав Чорновил, Михаил Осадчий, Стефания Шабатура, Иван Гель, Ирина Стасив, а позже — ее муж Игорь Калынец и др.

В 1972 г., как и в 1965-м, решение об арестах, несомненно, было принято «централизованно»: почти одновременно с арестами на Украине — с 14 января — начались аресты в Москве и в Новосибирске по делу о «Хронике текущих событий». Но на этот раз украинские гебисты явно готовили свою часть акции заранее и провели ее согласно гебистским законам.

Через месяц после начала арестов, 11 февраля 1972 г., в газете «Советская Украина» появилась статья о бельгийском гражданине Ярославе Добоше, который в конце 1971 г. посетил Киев и Львов и встречался с видными украинскими диссидентами. Газета сообщала, что Добош прибыл «для выполнения задания зарубежного антисоветского центра бандеровцев ОУН», что Светличный, Сверстюк, Чорновил и другие арестованы в связи с его «делом» (самого Добоша, после того как его принудили к «признаниям», выслали за рубеж). После многодневных допросов Зиновия Франко, внучка классика украинской литературы Ивана Франко, близкая к ведущим киевским шестидесятникам, написала покаянную статью в ту же «Советскую Украину», где подтвердила, что Добош — агент

«...зарубежных вражеских националистических центров, связанных с разведками империалистических держав».

До суда были освобождены из-под ареста Л. Селезненко и М. Холодный. На их показаниях были построены впоследствии обвинения против большинства арестованных. [30]

Размах арестов в 1972 г. сильно превзошел кампанию 1965 г. «Украинский вестник» (вып. № 8) называет имена около 50-ти арестованных в то время на Украине. На самом деле их было больше. Аресты пресекли на два года издание «Украинского вестника». Ухудшилась связь с Москвой. В ноябре 1972 г. прекратился на полтора года выпуск «Хроники текущих событий». В силу этих обстоятельств события 1972-1973 гг. хуже фиксированы, чем более ранние и более поздние. В моей картотеке учтены 122 человека, арестованных за участие в национально-демократическом движении на Украине в 1972-1974 гг., но и эта цифра меньше истинного числа арестов. Известны в основном те, кого судили за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Они отбывали сроки в политических

лагерях, и сведения о них, хоть и с опозданием, дошли до Москвы. Но были осужденные «за клевету» и по сфабрикованным уголовным обвинениям. Они получили меньшие сроки и были рассеяны по уголовным лагерям. Сведения о таких осужденных заведомо не полны.

«Набор 1972 года» на Украине отличается от «набора» 1965 г. не только более широкими масштабами арестов, но и составом арестованных. Известна социальная принадлежность 89-ти осужденных: 72 — люди интеллигентных профессий (в том числе 10 священников), 17 — рабочие. Распределение между Восточной и Западной Украиной почти сравнялось: из Восточной Украины — 48 человек (из них 28 киевляне), из Западной — 55 (из них — 13 из Львова). Так что в 1972 г., в отличие от 1965 г., «первенство» оказалось за Киевом. В этот раз были арестованы практически все ведущие деятели национально-демократического украинского движения и его активные участники, хотя не обошлось и без «случайных» людей. По возрасту арестованные в 1972 г. старше арестованных в 1965-м. Из 85 человек, возраст которых известен, лишь 29 моложе 30 лет, 32 — от 30 до 40 лет и 23 — старше 40.

На судах камуфляж с Добошем и иностранными разведками был отброшен. Большинство судили по статье «антисоветская агитация и пропаганда». Обвинения строились на самиздатской деятельности подсудимых, вменялось в вину авторство самиздатских произведений (Сверстюк, Дзюба, Марченко, Стус, Стасив, Калынец, Глузман и др.); распространение самиздата (Плющ, Середняк, Плахотнюк, Лисовой, Пронюк, Семенюк и др.) и даже хранение самиздата (Светличная, Плющ, Светличный).

Довольно часто в вину вменялись деяния несколколетней давности. Так, среди обвинений, предъявленных Сверстюку, значилось выступление в 1963 г. на совещании учителей с критикой школьной работы.

Почти все приговоры были максимальными по данной статье (7 лет лагеря и 5 лет ссылки) или близкими к максимальному. [31]

Аресты сопровождались повальными обысками — только во Львовской области с января по март 1972 г. их было более 1000 с бесчисленными допросами. [32]

«Признания» Добоша, не использованные на судах, широко использовались при допросах оставшихся на воле, а также на «обсуждениях», проводившихся по месту работы или учебы людей, близких к арестованным или известных своими высказываниями, неугодными властям. Таких людей ждало исключение из института, увольнение с работы.

Трудно определить численность уволенных и исключенных, так как такие случаи никто не фиксировал. В выпуске № 8 «Украинского вестника» приводятся 60 фамилий уволенных с работы, но это данные лишь о жителях больших городов, занимавших престижные должности. Редакция «Вестника» считает, что общее число уволенных исчисляется тысячами. Вероятно, это так и есть, поскольку увольнения имели место по всей Украине — и в больших и в маленьких городах и в сельских местностях. Кроме того, в «Вестнике» № 8 перечислены 50 авторов, запрещенных к публикации, и около 100 авторов, которых было запрещено цитировать и упоминать в публикациях, а также 24 студента, исключенных из Львовского университета (оговаривалось, что известны фамилии лишь небольшой части исключенных из этого университета и что исключения проводились и в других университетах, в частности, в Киевском). [33]

Эпидемия судебных и внесудебных расправ резко изменила атмосферу общественной жизни на Украине. Публичные проявления национального чувства, удававшиеся в 60-е годы, были решительно пресечены. Попытки продолжить эту едва зародившуюся традицию жестоко карались.

В мае 1971 г. имел место первый арест за выступление у памятника Шевченко. Был арестован Анатолий Лупынос, бывший политзаключенный (1956-1966 гг.), вернувшийся из лагеря инвалидом — он ходил на костылях. Лупынос прочел собравшимся у памятника Шевченко свое стихотворение, посвященное трагическому и униженному положению Украины в составе СССР (он сравнивал Украину с насилуемой женщиной) — и находится по сей день в психбольнице.

В 1973 г. ректор Львовского университета запретил студентам проводить традиционный вечер памяти Т. Шевченко. Они попытались провести этот вечер самочинно, но были разогнаны. В университете появились листовки с протестами против разгона и посвященный этому самиздатский сатирический журнал «Корыто». Начались аресты среди студентов. Арестованных избивали, всячески унижали. Было проведено массовое исключение из университета. Сначала попробовали устроить осуждение исключаемых на комсомольских собраниях, но когда убедились, что студенты поддерживают репрессированных, их стали исключать приказом ректора.

В 1974 г. в Львовском университете власти взяли на себя организацию шевченковского вечера. На это мероприятие допускались лишь члены студенческого актива. На вечере исполнялись песни о партии и о комсомоле, и лишь несколько выступлений были действительно на шевченковскую тему, причем присутствовавших заранее предупредили, что при исполнении «Завещания» они не должны вставать, как это делалось обычно прежде.

В последующие годы стала действовать тайная инструкция, что в вузы Западной Украины следует принимать не более 25% студентов из местной молодежи. [34]

Основной удар в 1972-1974 гг., как и в 1965-м, пришелся на украинскую интеллигенцию. Ее разгром далеко превзошел по масштабам непосредственные связи арестованных. Аресты выглядят как часть широко задуманного мероприятия по искоренению национального самосознания украинцев. Основной упор был сделан на тотальное перемещение национально настроенной украинской интеллигенции в категорию «кочегаров с высшим образованием». «Чистка» была проведена не только в научных и культурных учреждениях, она распространилась на сельскую интеллигенцию, а также на партийные и советские кадры.

В мае 1972 г. был смещен Петр Шелест, первый секретарь ЦК КПУ, которого обвинили, согласно «Украинскому вестнику», в национализме и провоцировании «националистического движения» на Украине. На его место был назначен Щербицкий. После этого началась замена партийных работников. На уровне обкомов, горкомов и райкомов партии были смещены (отправлены на пенсию, понижены в должности или уволены по обвинению в коррупции или других неблаговидных поступках) 25% секретарей по идеологической работе. Сменили многих руководящих работников в культурных и научных учреждениях. Их открыто обвиняли в «национализме». [35]

Был увеличен аппарат КГБ, особенно в западных областях Украины. Некоторые его работники были заменены, весьма увеличился процент русских среди кагебистов. Неслыханные масштабы приобрело подслушивание телефонных разговоров, перехват писем, тайная и открытая слежка.

Все эти события вместе взятые создали на Украине атмосферу, сравнимую с атмосферой сталинского террора 30-х годов. Конечно, число арестов сейчас несравнимо меньше, но так же под подозрением находится каждый и так же грозит расплата за неосторожно сказанное даже в частном разговоре слово, проявление сочувствия неугодным властям (так, известен случай лишения старика-киевлянина пенсии за посещение семьи арестованного друга). Были блокированы все возможности публичного проявления национальных чувств, национальное движение было парализовано.

В 1973 г. Иван Дзюба, приговоренный к 5 годам лагерей и 5 годам ссылки, вышел на свободу, согласившись написать статью в газету с осуждением своих взглядов. Это — единственный известный мне случай отступенчества среди осужденных «призыва 1972 года». [36] Остальные мужественно вели себя на следствии и на суде. Еще один раскаялся в лагере, и был освобожден. Остальные участники украинского национального движения, оказавшись в лагерях, включились в правозащитное движение политзаключенных, начавшееся во второй половине 65-х годов и приобретшее особый накал в 70-х, чему в значительной степени способствовали украинцы, которые и среди нового состава лагерей дают заметное большинство. (К концу 1976 г. в лагере особого режима из 20 политзаключенных 13 были украинцы, в женском политическом лагере украинки составляли 25%).

После 1972 г. создалось парадоксальное положение, когда украинский самиздат пополняли в основном не находящиеся на воле, а политзаключенные. Это были заявления в официальные инстанции с разбором их собственных дел (В. Чорновил, И. Гель, Д. Шумук, В. Романюк, Н. Светличная и многие другие), где доказывалась юридическая несостоятельность обвинения; выступления за права политзаключенных, продолжение начатой на воле борьбы за национальные права. Часто эти заявления украинские политзаключенные делали совместно с политзаключенными других национальностей, и проблема национального освобождения в этих документах подчеркнуто трактуется как общая для всех народов, включенных в состав СССР. Украинские политзаключенные стали непременными участниками коллективных воззваний, в которых отражаются общедемократические требования, в частности, обращений к Белградскому совещанию стран — участниц Хельсинкских соглашений. Документы с общедемократическими требованиями подписывают не только участники современного национального движения, но и некоторые из ОУНовцев.

Вячеслав Чорновил вместе с Эдуардом Кузнецовым был инициатором движения за статус политзаключенного, которое распространилось на все политические лагеря. Многие политзаключенные украинцы участвовали в коллективных голодовках, в лагерных забастовках, заявили об отказе от советского гражданства.

Значительную часть украинского самиздата 1972-го и последующих годов составляют обращения родственников политзаключенных, добивающихся освобождения своих близких. Они направляли жалобы в соответствующие советские инстанции, затем стали апеллировать в международные организации и обращаться к международной общественности (письма жены Л. Плюща Т. Житниковой, Раисы Мороз, Оксаны Мешко — матери политзэка О. Сергиенко и др.).

В 1973-1975 гг. украинский самиздат пополнился седьмым-девятым выпусками «Украинского вестника». Эти выпуски существенно отличаются от предыдущих. Во-первых, их составители выступали не анонимно, а под псевдонимом Максим Сагайдак. Во-вторых, 7-8 выпуски — это не сборники информационных

сообщений и самиздатских документов, а тематические статьи. Там помещены стихотворения Максима Сагайдака, датированные декабрем 1972 — октябрем 1973 гг., его же статья о тайной дипломатии и анонимная статья «Этноцид украинцев в СССР». Это хорошо фундированное статистическое исследование о физическом истреблении украинского народа с 1918 по 1950 гг. и о длящейся до сих пор русификации, подавлении национального самосознания и уничтожения украинской культуры.

Лишь в 1980 г. выяснилось, кем были подготовлены эти выпуски «Украинского вестника» — это сделали киевские журналисты Виталий Шевченко и его однофамилец Александр Шевченко вместе с врачом из Львовской области Степаном Хмарой. [37] Они не принимали прежде участия в национально-демократическом движении, что помогло им остаться нераскрытыми в течение нескольких лет.

Стремление скрыть свои взгляды и тем более деятельность, неугодные властям, на Украине после 1972 г. совершенно естественны, и издание под псевдонимами последних выпусков «Украинского вестника» — не единственный такой случай. Так, историк М. Мельник (с 1972 г. — сторож на кирпичном заводе) тщательно скрывал свой многолетний труд над рукописью по истории Украины. Весь его архив был изъят при обыске 6 марта 1979 г., после чего М. Мельник покончил жизнь самоубийством. [38]

Так же скрывал свой философский труд о судьбах Украины Юрий Бадзьо — филолог, лишившийся работы по специальности в 1972 г. и с тех пор работавший грузчиком на хлебозаводе. Рукопись Бадзьо «Право жить» (около 1400 рукописных страниц) была изъята при обыске, предшествовавшем его аресту в апреле 1979 г. [39] Оба эти труда могли стать наиболее значительными произведениями украинского самиздата 70-х годов, но остались неизвестными читателям.

Несмотря на особо свирепое подавление любых проявлений неофициальной общественной активности на Украине, как и в других местах СССР, подспудное развитие национально-демократического движения шло в сторону организованного оформления открытых его проявлений.

Первыми шагами в этом направлении были случаи подключения активистов украинского движения к московским правозащитным ассоциациям. В Инициативную группу защиты прав человека в СССР, которая была первой из таких ассоциаций (возникла в Москве в мае 1969 г.) вошли киевлянин Леонид Плющ и харьковчанин Генрих Алтунян (оба были арестованы).

В 1974 г. в Москве была создана советская секция Международной амнистии. [40] В нее вошел киевлянин Микола Руденко, известный украинский писатель. В 1976 г., когда оформилась Московская Хельсинкская группа, Украина первой из нерусских республик поддержала эту инициативу. 9 ноября 1976 г. была создана Украинская Хельсинкская группа — первая открытая неофициальная общественная ассоциация на Украине. Ее создателем и руководителем стал тот же Микола Руденко.

Создание первой из национальных хельсинкских групп именно на Украине — очень знаменательный факт, свидетельствующий о потенциальных возможностях национального движения на Украине — невидимого на поверхности общественной жизни, вынужденного таиться, но готового прорваться наружу при малейшей возможности.

Украинскую Хельсинкскую группу организовали 9 человек.

В Группу был включен член Московской Хельсинкской группы Петр Григоренко как представитель Украинской группы в Москве. [41]

Все члены Украинской Хельсинкской группы, за исключением И. Кандыбы, — с Восточной Украины. Среди них преобладают киевляне. Возраст большинства членов Группы — около 50 лет. Как на всех прежних стадиях украинского национального движения, в Украинской Хельсинкской группе преобладают интеллигенты-гуманитарии. Из списка видно, что все члены Группы к моменту вступления в Группу работали не по специальности.

В Хельсинкскую группу вошли представители всех стадий украинского национального движения: О. Мешко и О. Бердник — узники сталинских политлагерей по обвинению в национализме; И. Кандыба и Л. Лукьяненко — участники «подпольного» периода украинского национального движения 50-х годов; О. Тихий и Н. Строкатая — зачинатели движения «шестидесятников», Маринович и Матусевич — молодое пополнение этого движения. Только эти двое не пережили до вступления в УХГ тюремного заключения — это тоже отражает ситуацию на Украине, где репрессии против национального движения свирепей, чем в любой другой республике.

Выделяется в кругу энтузиастов украинского национального движения Микола Руденко. Он сделал весьма успешную карьеру. Этому помогли его анкетные данные (пролетарское происхождение и членство в партии), его литературные способности и его искренний советский патриотизм. Руденко после окончания школы служил в специальных войсках НКВД, сражался в качестве политрука в годы второй мировой войны под Ленинградом, где получил тяжелое ранение позвоночника, сделавшее его инвалидом. После войны профессионально занялся писательским трудом. С 1947 по 1971 гг. были опубликованы 11 сборников его стихов, два романа и сборник рассказов. С 1947 по 1950 гг. Руденко был главным редактором киевского украинского литературного журнала «Днепр» и секретарем партийной организации Союза писателей Украины. В 1949 г. в одной из своих статей он писал, что украинские националисты были и остаются злейшими врагами украинского народа. Его просоветский настрой потерпел крах под влиянием антисталинской речи Хрущева в 1956 г. на XX съезде КПСС. Руденко почувствовал себя ответственным за преступления сталинской эпохи как один из проводников партийной политики. В начале 60-х годов он стал писать «в стол», не для публикования, и одновременно обращался с письмами в ЦК КПСС, критикуя ортодоксальный марксизм и правительственную политику; вступил в советское отделение Международной Амнистии. 18 апреля 1975 г. его задержали на два дня, а затем исключили из партии и из Союза писателей. Он стал работать сторожем. В 1975 г. вышли в самиздате его «Экономические монологи» — критика ортодоксального марксизма.

Такова же жизненная эволюция П.Г. Григоренко, бывшего советского генерала и убежденного коммуниста. [42] Особенность положения Григоренко в Украинской Хельсинкской группе еще и в том, что он покинул родину в ранней молодости и вполне русифицировался. До момента вступления в Украинскую группу в качестве ее московского представителя его не занимали проблемы русификации Украины. Он был одним из активнейших участников правозащитного движения, входил в Московскую Хельсинкскую группу и занимался всеми аспектами нарушений гражданских прав в СССР. Что же касается национального вопроса, то его особым интересом была проблема крымских татар, которым он в

течение многих лет помогал в их борьбе за возвращение на родину и среди которых приобрел много близких друзей.

Вступление П. Григоренко в Хельсинкскую группу — свидетельство ее тесных контактов с московскими правозащитниками и особенно с Московской Хельсинкской группой. Украинская Хельсинкская группа была создана по примеру Московской, использовала ее опыт. Первое сообщение об Украинской Хельсинкской группе исходило от Московской Хельсинкской группы. [43] Члены МХГ отмечали, что в условиях Украины образование Хельсинкской группы является актом большого мужества и что деятельность ее членов встречает исключительные преграды: в столице Украины нет корреспондентов западных газет и дипломатических представителей, которым можно было бы передать информацию о нарушениях гуманитарных статей Заключительного Акта Хельсинкских соглашений. По почте такая информация, как показал опыт, тоже не доходит. Члены МХГ заявили, что будут помогать Украинской группе в передаче информации корреспондентам и представителям глав правительств, подписавших Заключительный Акт.

С первых слов первого меморандума Украинской Хельсинкской группы речь идет о геноциде и этноциде на Украине, которые начались в 30-е годы и длятся до сих пор. Меморандум № 1 был программным для Украинской Хельсинкской группы. Она полностью сосредоточилась на украинской национальной проблеме. Об этом свидетельствует не только программный документ, но и остальные документы Группы (до конца 1980 г. Украинская Хельсинкская группа выпустила 30 деклараций и обращений, в том числе 18 меморандумов и 10 информационных бюллетеней). [44] Все они посвящены общим или частным аспектам национальной проблемы.

В отличие от остальных хельсинкских групп, Украинская совсем не откликалась на религиозные преследования, хотя на Украине эта проблема не менее остра, чем в других республиках. К 1 августа 1980 г. на 90 находившихся в заключении участников украинского национального движения приходилось 78 заключенных, арестованных на Украине «за веру» (33 баптиста, 14 униатов, 12 пятидесятников, 11 адвентистов, 6 иеговистов и 2 православных). Среди членов УХГ были верующие: униатка Строкатая, православный Лукьяненко (он пришел к вере в лагере), а в 1977 г. в Группу вошел баптист Петр Винс, так что в УХГ были даже непосредственные контакты для получения информации о положении верующих на Украине, но ни один документ Украинской Хельсинкской группы о нарушениях прав верующих не упоминает. Нет в этих документах и упоминаний о проблемах еврейского движения за выезд в Израиль, хотя десятки тысяч евреев на Украине добиваются разрешения на выезд и многие подвергаются в связи с этим дискриминации.

Попытки защиты социально-экономических прав на Украине тоже не попали в поле зрения УХГ. Известно о деятельности и судьбе зачинателей движения за права трудящихся Ивана Грещука (Киев), Владимира Клебанова и Алексея Никитина (Донбасс) — сообщили московские правозащитники в «Хронике» и в документах МХГ, но не Украинская Хельсинкская группа.

Таким образом, Украинская Хельсинкская группа, провозгласившая своей целью

«содействие выполнению Всеобщей декларации прав человека и гуманитарных статей Заключительного Акта Хельсинкских соглашений»,

сузила поле своей деятельности до защиты только одного права — права на национальное равноправие, и фиксировала нарушения только этого права и только по отношению к украинцам. Это самоограничение Украинской Хельсинкской группы повлекло за собой ограничение круга ее сторонников. Украинская Хельсинкская группа не стала связующим звеном между различными диссидентскими движениями, существующими на Украине (религиозные движения — баптистов, пятидесятников, адвентистов, иеговистов, униатов, православных; национальные движения — крымских татар за возвращение в Крым и евреев — за выезд из СССР; правозащитное движение, так сказать, в чистом виде, без упора на национальную проблему украинцев, которое заметнее украинского движения в больших городах Украины, сильно русифицированных — Харьков, Одесса, Черновцы, Ворошиловград, Запорожье, как и вся промышленная Донецкая область). Если и возникали между этими движениями какие-то связи, то опять же, через московских правозащитников, а не через Украинскую Хельсинкскую группу.

Сконцентрированность УХГ на одной-единственной проблеме объясняется многими причинами. Во-первых, сыграл роль ее однородный состав: все ее основатели — украинцы, и большинство их были участниками украинского национального движения задолго до создания Группы. Лишь позднее в УХГ вошли русские (Владимир Малинкович и Петр Винс) и еврей Иосиф Зисельс.

Узость диапазона деятельности УХГ объясняется не только направленностью интересов ее членов, но и обусловлена чрезвычайно трудными условиями их работы.

Преследования начались буквально с момента объявления Украинской Хельсинкской группы. Объявление это было сделано 9 ноября 1976 г. в Москве на пресс-конференции иностранных корреспондентов. Когда на следующий день Руденко возвратился в Киев, он узнал, что через несколько часов после пресс-конференции в окна его дома были брошены большие камни, один из них ранил в висок его гостью Оксану Мешко. В милиции, куда обратились за помошью, отказались не только расследовать дело, но даже составить акт о случившемся.

25 декабря были проведены обыски у нескольких членов Украинской Хельсинкской группы. Это был первый шаг наступления властей на хельсинкское движение. Во время обыска у М. Руденко в его письменный стол были подложены американские доллары, у Тихого «нашли» винтовку, а у Бердника — порнографические открытки. Не очень понятно, для чего делались эти подлоги, так как этот реквизит не был использован впоследствии во время судов, как не использовалась в 1972 г, театрализация «преступных связей» украинских диссидентов с Ярославом Добошем.

Первые аресты были произведены одновременно в Московской и Украинской Хельсинкских группах: 3 февраля 1977 г. был арестован в Москве Александр Гинзбург, а 4 и 5 февраля на Украине — М. Руденко и О. Тихий.

В апреле были арестованы Матусевич и Маринович, в декабре — Л. Лукьяненко. В ноябре 1977 г. П. Григоренко было разрешено поехать в США в гости к сыну, и вскоре он был лишен советского гражданства.

После ареста Руденко и Тихого в Украинскую Хельсинкскую группу были приняты новые члены — рабочий-электрик Петр Винс, Ольга Гейко (жена М. Матусевича) — филолог, работавшая воспитательницей в детском саду, инженер и бывший политзаключенный Виталий Калинниченко, преподаватель английского языка и тоже бывший политзэк Василь Стрильцив. Оба они безуспешно добивались разрешения на эмиграцию. В 1978 г. в Украинскую группу вошли инженер

и бывший политзэк Петр Сичко и его сын Василь Сичко, студент факультета журналистики Киевского университета, а в 1979 г. — еще 16 человек; все — или бывшие политзэки или находившиеся в заключении в то время.

В условиях Украины впечатляющим актом гражданского мужества является самое заявление о вступлении в независимую общественную группу. Видимо, поэтому Украинская группа, в отличие от ее московских коллег, постоянно стремилась к привлечению новых членов, даже если они заведомо в силу своих жизненных условий не могли практически работать в Группе, в частности, заключенных.

В 1978 г. Украинская Хельсинкская группа взамен меморандумов, которые выпускал первый состав Группы, стала выпускать информационные бюллетени. Выпуск их не был периодическим, но все-таки они отображали основные факты преследования участников украинского национального движения, в том числе членов УХГ, и положение украинских политзаключенных. В этих бюллетенях публиковались самиздатские документы, тоже главным образом о репрессиях против участников украинского национального движения и о судьбе его арестованных участников.

К 1979 г. репрессии на Украине приобрели определенный мафиозный оттенок. Частым методом расправ стали избиения на улицах «неизвестными людьми», против женщин — угрозы изнасилования. Весной 1979 г. при невыясненных обстоятельствах погиб молодой украинский композитор Владимир Ивасюк, автор популярных среди молодежи песен, окрашенных ярко выраженным национальным чувством. Последний раз перед его исчезновением его видели в конце апреля в консерватории, выходящим в сопровождении какого-то человека, как это было несколько раз незадолго перед этим, когда его уводили на допросы в УКГБ, предлагая стать осведомителем — он отказался. 18 мая Ивасюка нашли мертвым в лесу, труп висел на дереве. На фоне мафиозного разгула, происходящего на Украине, родственники и друзья Ивасюка не поверили в официальную версию — самоубийство, и считают, что смерть эта — дело КГБ. Похороны Ивасюка вылились в многолюдную демонстрацию — собралось более 10 тысяч человек. 12 июня, в праздник Троицы, у могилы Ивасюка состоялся гражданский митинг, на котором выступили Петр и Василий Сичко. Собравшиеся (несколько сот человек) скандировали «Слава Украине». [45]

Политические аресты 1979-1980 гг. на Украине в первую очередь были направлены против участников Хельсинкской группы.

При этом широко использовались уголовные обвинения, сфабрикованные с помощью милиции или негласных сотрудников КГБ. Наиболее часто применяются такие статьи, по которым легче «сделать дело» на основании лжесвидетельств милиционеров и их помощников: «сопротивление власти», «хулиганство», а также «хранение наркотиков», заранее подложенных намеченной жертве. Из 14 членов УХГ в 1979-1980 гг. 6 осуждены по уголовным обвинениям. Видимо, преследовалась цель дискредитации первой открытой украинской правозащитной ассоциации. Возможно также, что уголовные обвинения являются неуклюжей попыткой прикрыть факт разгрома общественной группы, созданной на основе Заключительного Акта Хельсинкских соглашений.

В то же время деятелей украинского самиздата, действующих анонимно, и поэтому меньше известных на Западе и даже у себя на родине, чем члены УХГ, судили «за антисоветскую агитацию и пропаганду» и давали максимальные или

близкие к максимальным сроки (как и членам УХГ, судимым по этой статье). Так были осуждены осуществлявшие выпуск «Украинского вестника» в 1973-1975 гг. Степан Хмара, Виталий Шевченко и Александр Шевченко, а также другие авторы украинского самиздата (Юрий Бадзьо, Дмитрий Мазур, Василий Курило, Григорий Приходько, Павел Черный и др.).

Поскольку к 1979 г. совершенно ясно определилось, что членство в УХГ почти автоматически ведет к аресту, вступившие в нее летом и осенью 1979 г. выглядят совершенными комикадзе. Большинство новых членов УХГ только отбыли заключение (С. Шабатура, В. Стус, М. Горбаль, Я. Лесив, И. Сокульский, Ю. Литвин, З. Красивский), а И. Сеник и В. Чорновил еще находились в ссылке после лагерного срока.

В течение 70-х годов определилась роль Украины как «опытного участка» карательных органов. Четко прослеживается, что новые методы преследований сначала опробируются на Украине, а затем распространяются на другие республики. Это очевидно из истории преследований Украинской Хельсинкской группы.

Обыски хельсинкцев начались с Украины и подлоги на обысках тоже были испробованы на Украине. Там начали фабрикацию уголовных обвинений против членов хельсинкских групп, там же впервые дали лагерный срок за участие в хельсинкском движении женщине (Ольге Гейко), там впервые осудили за «антисоветскую агитацию» женщину пенсионного возраста — 75-летнюю Оксану Мешко. На Украине же впервые был вынесен приговор женщине за то, что добивалась освобождения мужа-политзэка (Раиса Руденко). С Украинской Хельсинкской группы начались и повторные аресты.

Несколько членов Группы, осужденные по уголовным статьям на сравнительно небольшие сроки (два-три года), по окончании этих сроков не вышли на свободу: им в лагере предъявили новые обвинения — кому по политическим статьям, а кому вновь сфабрикованные уголовные, и осудили на этот раз на долгие сроки (В. Стрильцив, В. Овсиенко, В. Стус, Я. Лесив, П. Сичко, В. Сичко и др.). Аресты членов УХГ М. Горбаля и В. Чорновила — тоже «новаторские»: по обвинению в попытке изнасилования. Прежде такие приемы не использовались против инакомыслящих. Тем или иным способом, но к 1981 г., когда был арестован последний оставшийся на свободе член Украинской Хельсинкской группы Иван Кандыба, все участники УХГ оказались в заключении, и до конца 1983 г. ни один из них на свободу не вышел: у кого подходил срок освобождения, тот, не выходя из заключения, получал новый приговор.

Только так удалось прекратить деятельность Украинской Хельсинкской группы. От имени УХГ сейчас действует ее заграничное представительство в США — П. Григоренко и Н. Строкатая, в Европе — Л. Плющ. Заграничное представительство УХГ издает ежемесячный «Вестник репрессий на Украине» [46] на украинском и на английском языках на основе информации, которая регулярно и довольно оперативно поступает с родины. Поступление информации указывает на продолжение украинского национально-демократического движения, несмотря на то, что его участникам пришлось отказаться от открытых выступлений под своим именем. Известно, что в УХГ незадолго до последних арестов появились новые члены, но имена их не были обнародованы.

После разгрома Украинской Хельсинкской группы возродились попытки подпольной деятельности. В Ивано-Франковской области в 1979 г. была раскрыта организация под названием «Украинский национальный фронт» (УНФ). Извест-

ны имена трех ее членов: сельский учитель Николай Крайник (1936 г.р.), Иван Мандрик (1938 г.р.) и машинист Николай Зварич (1948 г.р.).

Первым из членов УНФ был арестован Зварич — в июне 1979 г., за ним — Мандрик. За Мандриком 17 сентября приехали на машине три человека в штатском и увезли его с работы. Жене сказали, что его срочно вызвали в служебную командировку, а через три дня ей сообщили, что муж ее покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна гостиницы (еще одна таинственная смерть на Украине).

В августе 1980 г. состоялся суд над Николаем Крайником, на котором выяснилось, что он был руководителем УНФ, что в эту организацию входило около 40 человек и что занимались они просветительской деятельностью — пытались продолжить «Украинский вестник» (вышли №№ 10 и 11) и выпустили два тома литературного альманаха «Прозрения».

Таким образом, УНФ — организация с мирными пропагандистскими целями. Ее подпольность объяснятся не экстремизмом ее членов, а естественным желанием избежать судьбы Украинской Хельсинкской группы. [47]

Уже после разгрома УНФ появились обращения Украинского патриотического движения — организации, тоже скрывающей имена своих членов. УПД, как и Украинская Хельсинкская группа, указывает в своих документах на систематическое удушение украинской национальной интеллигенции и физическое истребление народа под советским господством. К этим обвинениям добавлено обвинение в низком жизненном уровне на Украине. УПД констатирует, что Советский Союз превратился в

«военно-полицейское государство, преследующее широкие империалистические цели»,

и полагает, что в этих условиях единственным спасением Украины является выход из состава СССР. Для этого УПД предлагает путь референдума под контролем ООН. Призывая Запад поддержать такое развитие событий на Украине, УПД поясняет:

«Свободная Украина могла бы стать надежной защитой Запада от коммунистической экспансии, оздоровила бы и внутриполитическую обстановку в странах, являющихся соседями Украины, помогла бы народам, ныне находящимся в составе СССР, добиться достойного национального существования. Деколонизация СССР — вот единственная гарантия мира во всем мире». [48]

Таким образом, национальное движение на Украине в конце 70-х — начале 80-х годов вернулось от открытых организаций к подпольным и, возможно, отказалось от надежды, воодушевлявшей участников открытого периода движения, — о решении «украинской национальной проблемы» в составе Советского Союза. И возврат к подполью, и возрождение идеи об отделении от СССР — результат непрекращающейся русификации и жестокой репрессивной политики властей.

Однако несмотря на утрату возможности открытой общественной деятельности украинское национальное движение сохранило демократическую направленность, и это помогает даже в наступивших труднейших условиях развитию тенденции, едва наметившейся в деятельности УХГ, — к объединению украинского

национального движения с другими независимыми общественными течениями, имеющимися на Украине, прежде всего — с правозащитниками-неукраинцами. При резком ухудшении политического климата в Советском Союзе в конце 70-х — начале 80-х годов демократически настроенная часть неукраинского населения Украины может сочувствовать идее ее отделения в надежде, что отделившаяся Украина будет демократической страной. Конечно, в обстановке политического террора, господствующего на Украине, лишь единицы думают об этой перспективе, да и то как об очень отдаленной возможности. Однако уже сейчас смыкание правозащитников-неукраинцев с украинским национальным движением происходит на платформе этого последнего.

Кроме отмеченных вступлений в Украинскую Хельсинкскую группу правозащитников-неукраинцев, эта тенденция прослеживается в «деле о листовках» 1981 г.

В январе 1981 г. в Киеве были арестованы пятеро молодых интеллигентов — в годовщину массовых арестов 12 января 1972 г. они расклеивали листовку на украинском языке:

«Соотечественники! 12 января — День украинского политзаключенного. Поддержите его!»

Трое из задержанных были украинцами, двое — евреями. Наталья Пархоменко, имевшая маленькую дочь, была отпущена из-под ареста — ее исключили из комсомола и из университета. Сергей Набока (1955 г.р., студент факультета журналистики Киевского университета), Леонид Милявский (1951 г.р., переводчик), Лариса Лохвицкая (1954 г.р., математик) и Инна Чернявская (1954 г.р., эндокринолог) были осуждены «за клевету на советский строй» на 3 года лагеря общего режима каждый.

Кроме расклеивания листовки, подсудимые обвинялись в совместном составлении манифеста о внутриполитическом положении СССР и текста «Перспективы заполнения духовного вакуума советского общества», а также в написании и попытке распространения листовки с призывом к бойкоту Московской олимпиады. В дополнение к этому С. Набока был признан автором «клеветнических» стихов и статей («Псевдосоциализм» и др.), а Лариса Лохвицкая обвинялась в написании статей «Будущее нашего общества», «Выбрать свободу» и «Записки радиослушателя», а также в устных высказываниях — одобрительных относительно польской «Солидарности» и неодобрительных — о вводе советских войск в Афганистан.

На суде все четверо виновными в «клевете» себя не признали и активно защищали свою позицию. [49]

Делаются на Украине и попытки продолжить открытую правозащитную деятельность. 9 сентября 1982 г. пятеро украинских католиков объявили себя Инициативной группой защиты прав верующих и Церкви. Председателем этой группы стал Иосиф Тереля, отбывший в заключении 16 лет. Кроме него, в Группу вошли три священника украинской католической церкви и Стефания Петраш — мать политзаключенных Владимира и Василя Сичко, жена политзаключенного Петра Сичко, сама отбывшая лагерный срок в сталинское время.

Украинская католическая церковь — одна из поместных церквей Вселенской римско-католической церкви, их отношения были подтверждены унией, документированной на Брестском соборе 1596 г. (поэтому Украинскую католическую церковь нередко называют униатской).

К моменту окончания второй мировой войны в СССР проживали 14 млн. украинцев, для которых эта церковь была традиционной (Западная Украина). 18 июня 1945 г. указом уполномоченного Совета по делам русской православной церкви на Украине П. Ходченко юрисдикция над украинской католической церковью была передана совершенно незаконной Инициативной группе из трех священников, назначение которой было — подготовить переход украинской католической церкви в лоно Русской православной церкви. Это решение было принято на Львовском соборе 10 марта 1946 г., после того как была отправлена в лагеря и частично уничтожена вся высшая иерархия украинской католической церкви и большинство ее священников — за несогласие на эту реформу. С тех пор официально украинская католическая церковь прекратила существование, но на самом деле — существует в катакомбах. Сколько прихожан она сохранила — неизвестно, но в Западной Украине немало сел, добивающихся, хоть и безуспешно, открытия храмов и регистрации своих общин. В последние годы состоялось несколько судебных процессов над священниками подпольной украинской католической церкви.

Инициативная группа защиты прав верующих и Церкви поставила целью добиться легализации украинской католической церкви. 24 декабря 1982 г. председатель Группы Иосиф Тереля был арестован. В 80-е годы это стало неминуемым для руководителя открытой правозащитной ассоциации. К этому времени аресты стали уделом не только тех, кто решался на открытые выступления, но и просто «за образ мыслей».

В Харькове был арестован Генрих Алтунян, а во Львове — Михаил Горынь. Между этими двумя арестованными много общего. Оба арестованных — бывшие политзаключенные, и оба после освобождения не занимали активной общественной позиции, однако вокруг них группировались их друзья, способные, по мнению властей, на «недозволенные» разговоры, а то и на обмен самиздатом. Этого оказалось достаточным для ареста практически без всякого повода с их стороны и осуждения — Алтуняна на 7 лет лагеря и 5 лет ссылки, и Горыня на 10 лет лагеря и 5 лет ссылки. [50] Очень возможно, что такие суды после опробации на Украине, со временем распространят отсюда на другие республики, как уже не раз бывало с «опытом» украинского КГБ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данные на 1 января 1982 г. «Народное хозяйство СССР, 1922-1982», Москва,1982, с.с. 11, 18, 35.

2. «Український вісник», №№ 7-8, Paris - Baltimore - Toronto, 1975, с. 39.

3. Там же, сс. 26-27.

4. Там же, с. 50.

5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, Москва, Изд-во «Статистика», 1973, с.с. 9, 152-153; «Вестник статистики», № 8, 1980.

6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, с.с. 152, 158. «Вестник статистики», № 8, 1980.

7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, с.с. 475-476, т. III, с. 358.

8. «Український вісник», №№ 7-8, с. 53.

9. По данным «Реестра осужденных или задержанных в борьбе за права человека в СССР с марта 1953 г. по февраль 1971 г.». Радио «Свобода», Архив самиздата , 1971 г.

10. «Хроника текущих событий», вып. 33, декабрь 1974 г. Изд-во «Хроника», Нью-Йорк, с. 47, 65-66.

11. М. Хейфец, Зорян Попадюк -диссидент без страха и упрека. «Форум» № 4, 1983 (Мюнхен, Сучасність), с.с. 46-47.
12. ХТС, вып. 51 (декабрь 1978 г.), с. 98.
13. «Українські юристи під судом КГБ», Нью-Йорк, Сучасність, 1968, с. 62.
14. Леонид Плющ. На карнавале истории. Overseas Publication, Inc., London, с. 133.
15. В. Мороз. Серед снігів (Есеі, Листи й документи), Сучасність, 1975, с. 79.
16. Иван Дзюба. Интернационализм или русификация? Сучасність, 1973. (Перевод с украинского).
17. В. Черновіл. Лихо з розуму, Paris, Перша Українска друкарня у Франціі, 1968, с. 16.
18. В. Мороз. Серед снігів, с.с. 80, 100-101.
19. М. Осадчий. Бельмо. Сучасність, 1980 (перевод с украинского), с.с. 66-67.
20. «Процесс четырех», Амстердам, Фонд им. Герцена, 1971, с.с. 342-349.
21. ХТС, вып. 5, с. 99; вып. 6, с. 118.
22. Свидетельство Н. Светличной.
23. «По поводу суда над Погружальским» — «Национальный вопрос в СССР», сборник документов.Сучасність, 1975, с.с. 37-45.
24. Там же, с.с. 45-61.
25. «Молодь Дніпропетровська в боротьбі проти русифікаціі». Сучасність, 1971.
26 . Л. Плющ. На карнавале истории, с.с. 486-489.
27. Український вісник, №№ 1-6: Балтимор, «Смолоскіп», 1971-1972.
28. Український вісник, вып. 7-8, с. 125.
29. ХТС, Фонд им. Герцена, Амстердам, 1979, вып. 14, с.с. 440-441; вып. 17, с.с. 37-39.
30. ХТС, вып. 25-27.
31. ХТС (Изд-во «Хроника», Нью-Йорк), вып. 28, с.с. 18-24; вып. 29, с.с. 45-48; вып. 30, с. 78.
32. Український вісник»,вып. 7-8, с.с. 122, 123.
33. Там же, с.с. 131-134.
34. Там же, с. 134.
35. Там же.
36. ХТС, вып. 30, с. 109.
37. ХТС, вып. 60, с.с. 54-61.
38. ХТС, вып. 53, с. 71.
39. ХТС, вып. 55, с.с. 7-9; Ю. Бадзьо. Відкритий лист до Президіі Верховноі Ради Союзу РСРта Центрального Комітету КПРС. Нью-Йорк, 1980, Видання Закордонного представництва Украінськоі групи Гельсінкських угод.
40. «Хроника защиты прав в СССР», изд-во «Хроника», Нью-Йорк, вып. 11, 1974, с.с. 28-29.
41. Сборник документов общественной Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений,изд-во «Хроника», Нью-Йорк, вып. 3, 1977, с.с. 73-79.
42. П. Григоренко. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, Изд-во «Детинец», 1981
43. Сборник документов общественной Группы содействия..., вып. 3, с.с. 73-74.
44. Там же, вып. 3, с.с. 73-110; вып. 4, с.с. 55-62; вып. 5, с.с. 63-67. Інформаційні Бюлетені Украінськоі громадськоі групи Сприяння виконанню Гельсінкських угод. Смолоскип. Торонто-Балтимор, 1981.
45. ХТС, вып. 53, с.с. 73-74.
46. «Вісник репресій в Украіні», Нью-Йорк, Закордонне представництво Украінскоі Гельсінськоі групи.
47. ХТС, вып. 56, с. 66; вып. 60, с.с. 53-54.
48. Украинское патриотическое движение. Заявление с обращением к украинскому народу, к правительствам всех стран и в ООН (без места, 1980). Архив самиздата Радио «Свобода», вып. 45/80, 29 декабря 1980 г. и вып. 32/80 (22 сентября 1980 г.).
49. ХТС, вып. 61, с. 38; вып. 62, с.с. 66-69.
50. ХТС, вып. 62, с.с. 60-65; вып. 63, с.с. 85-88.

ЛИТОВСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Своеобразие ситуации в Литве определяют следующие факторы:

1. Сравнительно недавнее включение в состав СССР и очевидная незаконность этой акции.

2. Компактность населения в национальном и религиозном отношении (2,7 млн. литовцев составляют 80% населения Литвы, большинство их — верующие католики). [1]

3. Католическая церковь традиционно является политически активной. Ее относительной самостоятельности от властей способствует то, что глава ее — папа римский — находится за пределами Советского Союза.

4. В последние годы несомненное влияние на настроения в Литве оказывает ее географическая, культурная, религиозная и историческая близость к Польше.

Как известно, Литва вместе с Эстонией и Латвией оказалась отданной Советскому Союзу по тайному договору между СССР и гитлеровской Германией в августе 1939 г., так называемому Пакту Молотова — Риббентропа. В отличие от Эстонии и Латвии, литовский президент Сметона не подписал формального отречения от власти и не передал ее новому правительству, поддерживаемому Советским Союзом, оккупировавшим Прибалтийские республики в июне 1940 г. (дипломатическая служба бывшего литовского правительства находится в Риме и имеет своих официальных представителей в государствах, не признавших аннексии Прибалтики Советским Союзом, и в Ватикане).

С первых дней установления нового режима началось подавление возможного сопротивления.

В 1940 г., в ночь с 11 на 12 июля, перед выборами в сейм, было арестовано 1,5 тысячи литовских интеллигентов. Первая депортация произошла в июне 1941 г. Она распространилась на 36 тысяч наиболее политически активных граждан (в основном интеллигентов). [2] В годы немецкой оккупации потери литовской нации составили около 270 тыс. человек. Эти потери коснулись всех слоев населения. [3]

В 1944 г. при приближении советских войск отправились в эмиграцию около 60 тыс. человек, среди них — цвет литовской интеллигенции (около 3 тыс. специалистов разных профессий, 2 тыс. студентов университетов и 3300 школьников старших классов). [4]

Вскоре после восстановления советского режима (в 1944 г.) в Литве началась партизанская война против советизации страны. Эта война продолжалась более десятилетия; последние партизанские отряды были уничтожены в 1956 г. Погибло около 50 тыс. человек — в боях и в результате расстрелов за участие в партизанской войне. 50 тыс. отправились в лагеря на 25-летние сроки. [5] По другому самиздатскому источнику общие потери с 1945 по 1950 гг. составили 270 тыс. человек — столько же, сколько в годы немецкой оккупации. [6] Обескровленными оказались все слои населения, все возрастные группы.

Костяк партизанского движения составляла молодежь — гимназисты, студенты, крестьяне (и из зажиточных семей, и бедняки). Именно крестьянские парни дали большинство погибших с оружием в руках и расстрелянных, а также отправленных в лагерь («Простые крестьянские парни, так и не успевшие стать отцами семейств», — пишет об общем впечатлении от литовского контингента лагерников В. Буковский в своих воспоминаниях). [7]

К погибшим и лагерникам следует добавить в потери нации 350 тыс. сосланных (без суда) в восточные районы СССР. Ссылали семьями, и в эти 350 тыс. вошли литовцы все возрастов и из всех социальных групп — и крестьяне, и рабочие, и интеллигенты — все способные к сопротивлению или казавшиеся властям таковыми. Значительная часть ссыльных погибла на чужбине, некоторые до сих пор не получили разрешения вернуться на родину. В заявлении Литовской Хельсинкской группы от 8 июня 1977 г. сообщаются фамилии 21 литовца, находящихся и сейчас в таком положении. [8]

Вооруженное сопротивление было подавлено к середине 50-х годов. Оккупация стала заданным условием существования Литвы. Крестьяне вынуждены были принять колхозы. Интеллигенция пошла на государственную службу. Церковь не могла продолжать активную проповедническую деятельность. Быт советизировался, мышление людей приспособилось к «новой жизни», она определяет и планы личных судеб, и национальные устремления. Перемены, произошедшие за четверть века после того, как открытое вооруженное сопротивление нации было подавлено, особенно заметны при сравнении человеческих типов литовца-лагерника с 25-летним сроком и основной массы нынешних его соотечественников. Многие из участников национально-освободительной борьбы никогда не жили на воле при советской власти. Юными взяли они оружие в руки при вторжении советских войск, да так и просидели по лагерям до старости. Эти люди сохранили прежние представления о жизни, традиции, песни, привычки, и когда они возвращаются на родину, то выглядят очень инородно, как перенесенные машиной времени из далекого прошлого. Буковский отмечает сохранившееся у этих лагерников отношение к труду, какого уже нет на воле. Даже в лагере они работали старательно, упорно, с любовью к делу. Весьма отличаются от нынешних и их представления о взаимоотношениях между литовской нацией и советским режимом.

«Они все еще жили психологией 40-х годов, — пишет Буковский, — партизанской психологией. Уж если такой массе народа не удалось добиться освобождения с оружием в руках — то какой смысл писать бумажки?»

Для многих из них никакое общение с властями не было приемлемо — ведь они не признавали эту власть законной. [9]

Среди литовцев-долгосрочников особенно примечателен Пятрас Паулайтис. Вот что сообщает о нем «Хроника текущих событий»:

«Учился в Риме. Доктор философии. Во время немецкой оккупации Литвы Паулайтис преподавал латынь в 8-м классе гимназии г. Юрбаркас, в которой руководил подпольной деятельностью учащихся. 16 февраля 1942 г. (День независимости Литвы) его ученики водрузили знамя Литвы над зданием местного гестапо. «Новое» название города Георгенбург юные подпольщики всюду изменяли на старое — Юрбаркас.

С приходом в Литву советских войск в 1944 г. 26 учеников Паулайтиса вступили в Союз борьбы за свободу Литвы. Сам Паулайтис редактировал газету Союза «К свободе».

В 1946 г. военный трибунал приговорил его к 25 годам заключения. В 1956 г. Паулайтис освободился (пересмотр дела). Вернувшись в Каунас, работал кочегаром на консервном заводе. Отказался осудить литовский буржуазный национализм — при этом условии ему обещали разрешить преподавание. В 1957 г. был вновь арестован, обвинен в подрывной работе среди студентов Каунасского политехнического института и ...в намерении возродить Союз борьбы за свободу Литвы... Верховный суд Литовской ССР 12 апреля 1958 г. приговорил 7 студентов к различным срокам, от 1 года до 10 лет, а Паулайтиса — снова к 25 годам». [10]

Паулайтис освободился 12 апреля 1983 г., в 79-летнем возрасте, проведя за свою жизнь 6 лет в подполье и 35 — в заключении.

Колоссальные потери нации парализовали ее сопротивление по меньшей мере на полтора десятка лет, до начала 70-х годов. Этот период анабиоза независимой общественной жизни для многих литовцев был периодом напряженных раздумий — переоценки ценностей, поисков новых путей, так как прежние показали свою непригодность в советских условиях. Нынешнее национальное сопротивление в Литве, во всем его многообразии, не является продолжением партизанской традиции, это новая борьба других людей в новых условиях.

В самиздате есть интересные свидетельства о нынешних настроениях наиболее советизированных слоев литовской нации — советского чиновничества, интеллигенции и городских средних слоев — две статьи Т. Женклиса [11] и статья Эйтана Финкельштейна. [12]

Автор, скрывающийся под псевдонимом Т. Женклис, по всей видимости, принадлежит к литовской чиновной интеллигенции. Он утверждает, что в этой среде широко распространена следующая концепция национальных целей (эта концепция имеет хождение не только в Литве, но и в Эстонии, и в Армении, а, возможно, и в других нерусских республиках, но, пожалуй, в Литве сторонники этой концепции добились наибольших успехов):

«Основная функция народа в оккупированной стране носит»консервационный» характер. Мы ... в первую очередь должны заботиться о том, чтобы остаться в живых и по возможности сохранить свою монолитность и здоровье».

Образцом литовского государственного деятеля, способствующего сохранению нации в условиях оккупации, Т. Женклис считает первого секретаря ЦК

Литовской КП Снечкуса — бессменного «хозяина» Литвы с начала оккупации до его смерти в январе 1974 г.

Женклис пишет, что Снечкус с конца 40-х — начала 50-х гг. проводил все более национально ориентированную политику. Методами Снечкуса были: укрепление и использование сильных связей в Москве, прежде всего личная дружба с М. Сусловым; подчинение своему влиянию присланных из Москвы вторых секретарей ЦК КПЛ; искусный подбор кадров аппарата по принципу личной преданности и слепой исполнительности; фактический саботаж многих поступающих из Москвы директив при видимости их тщательного исполнения (таких, например, как кампания внедрения кукурузы или расширения посевных площадей за счет пастбищ); «пробивание» для Литвы дополнительных привилегий и поблажек (одним из важнейших аргументов здесь служила необходимость доказать многочисленной литовской эмиграции, что советская Литва действительно процветает).

Т. Женклис считает большой заслугой Снечкуса, что Литва сохранила компактное в национальном отношении население, что развитие промышленности осуществляется без непоправимого ущерба природе, что сельское хозяйство остается продуктивным, а население обеспечивается на более высоком уровне, чем в других республиках, что в литовских школах продолжают изучать классиков литовской литературы — борцов за национальную независимость Литвы. Все это, по мнению Женклиса, помогло Литве лучше других республик сохранить свои традиции и дальше других продвинуться по пути модернизации.

Трудно сказать, является ли продолжением этой линии Снечкуса нынешний литовский «хозяин» — П. Гришкявичюс, но некоторые успехи эта линия одержала и после смерти Снечкуса. Так, Э. Финкельштейн констатирует, что продолжается начатая при Снечкусе замена присланных из Москвы чиновников литовцами. К середине 70-х годов заметно продвинулось употребление литовского языка в качестве официального (в правительственных учреждениях, общественных организациях, в Литовской Академии наук, в высшей школе и на многих предприятиях — как в промышленности, так и в сфере обслуживания). Однако по конституции 1978 г. литовский язык утратил статус государственного языка Литовской ССР — это произошло в большинстве нерусских республик.

Точку зрения советизированных литовцев-недиссидентов на будущее Литвы Т. Женклис излагает следующим образом.

Собственными силами нам от советского тоталитаризма не избавиться, как не смогли избавиться от него ни восточные немцы, ни венгры, ни поляки, ни чехи со словаками — как ни пытались. Не поможет в этом и Запад, как не помог перечисленным народам, так как цель Запада — закрепление политического статус-кво. В этой ситуации судьба всех порабощенных коммунистами народов, в том числе и русского, едина, и решаться она будет в Москве. Советская власть обречена на гибель внутренними законами своего собственного развития. Гибель эта не за горами. Русское диссиденство, видимая часть которого представлена именами таких великанов духа, как Сахаров и Солженицын, является символом и порукой этого скорого конца.

Когда Москва, наконец, перестанет быть советской, коммунистической, наступит день свободы и для Литвы. Это случится, даже если литовцы и не будут пытаться приблизить этот день насильственными или иными подпольными дей-

ствиями, оказывать организованное сопротивление. Поэтому ради сохранения нации нежелательно слишком широкое распространение такого рода деятельности.

Само по себе освобождение не принесет политической и социальной идиллии. Страсти, сдерживаемые в течение длительного времени тяжелым прессом угнетения, вырвавшись наружу, неизбежно будут разрушительными. Вызванные ими конфликты и столкновения могут стоить большой крови. Главная задача литовцев — не допустить такого хода событий. Нужно уже сейчас готовиться к этому времени, чтобы прийти к нему максимально организованными и обойтись минимумом жертв.

Достижение этой цели составляет пафос работы литовских советских чиновников и интеллигентов, сохранивших живое национальное чувство (не следует, конечно, идеализировать этот слой. Люди с развитым национальным чувством отнюдь не составляют в нем большинства. Нормой же является беспринципный карьерист, вкусивший сладость власти и готовый на все ради сохранения и беспрекословно исполняющий волю Москвы — возможно, поэтому и стали заменять русских чиновников литовскими).

Точка зрения, изложенная Женклисом, долгое время была превалирующей в Литве, и сейчас широко распространена. Позиция большинства литовцев — упорное, но пассивное сопротивление оккупации в ожидании освобождения. Однако эти настроения оказались благоприятной почвой для развития активного диссидентского движения, когда нация несколько оправилась от понесенных ею колоссальных потерь. Такое движение после многолетнего оцепенения проявилось открыто в самом начале 70-х годов как национальное, религиозное и гражданское противостояние.

Национальное движение является восприемником цели национально-освободительного движения 40-х — 50-х годов — освобождение Литвы от советской оккупации, но не его методов. Во всяком случае, ничего не известно о попытках возродить вооруженную борьбу против оккупации, редки и рецидивы партизанской идеологии.

Национальное движение имеет своих героев и мучеников, но не имеет лидеров и какой-либо четкой организационной структуры. Прежде его ячейками были подпольные организации, возникшие во времена массового освободительного движения, но последняя такая организация — «Движение за свободу Литвы» — не пережила рубежа 50-х — 60-х годов.

В начале 70-х годов национальное движение стало структурироваться. Люди, готовые к активности в этом направлении, естественно сосредоточились в краеведческих, исторических и литературных кружках. Их так и называли — «краеведы». Это было довольное широкое движение. В отличие от своих предшественников — участников национально-освободительного движения 40-х — 50-х годов, — «краеведы» не ставили прекращение оккупации своей непосредственной задачей. Их практические усилия были в основном направлены на сохранение и изучение национальной культуры. Однако мирный характер движения не уберег его от разгрома. Известен суд над «краеведами» в марте 1974 г. в Каунасе. Четверо (Шарунас Жукаускас и его подельники) были осуждены на сроки от 2 до 6 лет лагеря. [13] Краеведческие и прочие кружки существуют и сейчас, но они находятся под неусыпным контролем властей и чрезвычайно стеснены в своей деятельности. Есть и необъявленные кружки такого рода. Они изучают истори-

ческие события, находящиеся под официальным запретом — прежде всего освободительного движения 40-х — 50-х годов. Однако наиболее активные элементы национального движения стали группироваться вокруг самиздатских журналов. Редакции этих журналов анонимны, как и значительное число авторов.

Первый по времени появления и популярности — литературно-публицистический журнал «Аушра» («Заря»), выходящий с ноября 1975 г. В 1976 г. появились «Бог и родина» — консервативный католический журнал и националистический «Вестник свободы», прекратившийся в 1977 г. после 8 выпусков из-за репрессий против его сотрудников; в 1977 г. стали выходить «Путь правды» (призванный помогать священникам в подготовке проповедей и при дискуссиях на теологические и церковные темы), националистический публицистический журнал «Витязь» и «Варпас» («Колокол»), который сначала издавала группа, назвавшая себя Революционным Фронтом освобождения Литвы, но потом журнал изменил направление и сосредоточился на вопросах национальной культуры.

«Аушра» и «Варпас» взяли названия неподцензурных журналов, выходивших в Литве в конце XIX века, и продолжают их дело, что подчеркивается сохранением нумерации выпусков, начиная от этих прежних изданий. «Аушра» была националистической и много внимания уделяла литовской истории. «Варпас» был либеральным, почти социалистическим название взято от журнала, издававшегося Александром Герценом в Лондоне в 1857-1867 гг. Нынешние их продолжатели действуют соответственно этим традициям.

В 1978 г. стали выходить «Перспективы» — либеральный журнал, девиз которого: «Уважай мнение других, даже если ты его не разделяешь»; и религиозно-философский журнал «Кров», рассчитанный на молодежь. Кроме того, имеется журнал «Христос скорбящий», посвященный религиозным и культурным проблемам и рассчитанный на широкие круги верующих. В 1979 г. к 400-летию Вильнюсского университета стал выходить журнал «Alma Mater» (известно 4 выпуска). В 1980 г. появилось несколько периодических изданий: «Будущее» — католический, националистический журнал, «Путь нации», «Голос Литвы» и «Долой рабство», а также журнал «В трезвости — сила», цель которого — противоборствовать пьянству.

Кроме того, в самиздате издается в течение многих лет «Литовский архив» — собрание исторических документов и воспоминаний главным образом о национально-освободительной борьбе 40-х — 50-х годов. «Литовский архив» составляет многотомное собрание. Самиздатская периодика позволяет выявить спектр мнений и тенденций, конгломерат которых представляет собой в настоящее время литовское национальное движение. Размах мнений чрезвычайно широк — от либеральных до довольно консервативных («Бог и родина»), от строгих католиков до индиферентных к религии, от непримиримых врагов марксизма до неомарксистов («Перспективы»). Но, повторяю, — ни один из этих журналов не призывает к насильственным действиям ради избавления от оккупации.

В национальное движение входят также одиночки и небольшие группы (скорее основанные на дружеских связях, чем формальные организации), которые по ночам пишут лозунги на улицах и внутри общественных зданий. Наиболее частые лозунги: «Свободу Литве!» и «Русские, убирайтесь вон!». Распространенным проявлением национального чувства является посещение в День поминовения и в знаменательные дни истории Литвы могил литовских деятелей времен незави-

симости и борцов за свободу Литвы, вывешивание флагов в День независимости (16 февраля).

В 70-е годы большинство осужденных на заключение за участие в национально-освободительном движении вышло на свободу. Часть их присоединилась к нынешнему национальному движению, уловив его дух — такие, как Балис Гаяускас. В 1948 г. он в 22-летнем возрасте был осужден на 25 лет лагеря и отбыл заключение полностью. Вновь был арестован в 1977 г. по обвинению в сборе материалов для «Литовского архива», в переводе на литовский язык «Архипелага ГУЛаг» Солженицына, в передаче информации о литовских политзаключенных в «Хронику текущих событий» и на Запад, в сотрудничестве с Фондом помощи политзаключенным. Новый приговор — 10 лет лагеря особого режима и 5 лет ссылки.

О накале национальных чувств в Литве и их взрывной силе наилучшее представление дают стихийные демонстрации, иногда сопровождавшиеся насильственными действиями.

Первые такие демонстрации случились в Вильнюсе и Каунасе во время венгерских событий — 2 ноября 1956 г., в День поминовения умерших. Основную массу участников составила учащаяся молодежь. Были аресты, несколько человек исключили из учебных заведений. Но это было еще отголоском национально-освободительного движения 40-х — начала 50-х годов.

Демонстрация в Каунасе 18-19 мая 1972 г. относится уже к нынешнему этапу национального литовского движения. Она была вызвана трагическими событиями — самосожжением каунасского 18-летнего школьника Ромаса Каланты в сквере городского театра.

На похороны собралась огромная толпа. Власти помешали собравшимся принять участие в похоронах. Толпа направилась к месту самосожжения, в центр города. К ней присоединялись новые люди. Шествие скандировало: «Свобода!», «Литва!», пели народные песни.

Распространился слух (неверный), что арестованы родители Каланты. Толпа двинулась к горисполкому с требованием освободить их. Попытки милиции разогнать демонстрантов привели к стычкам. Один милиционер был ранен камнем (по другой версии — убит).

На следующий день, 19 мая, демонстрация возобновилась. В город были вызваны войска. Власти и родители Каланты обратились к собравшимся с увещеваниями, и они разошлись. Около 400 человек были арестованы, но большинство отпустили после допроса. Некоторых продержали несколько дней, иные получили по 15 суток ареста. Восьмерых судили по статье, соответствующей ст. 190-3 УК РСФСР («уличные беспорядки»). Все подсудимые — молодежь от 18 до 25 лет, рабочие и учащиеся профессионально-технических училищ. Видимо, это и был возрастной и социальный состав большинства участников каунасских событий. [14]

Сам Ромас Каланта — юноша из интеллигентной советизированной семьи, индиферентный к религии, но одушевленный идеей национальной свободы. Он стал национальным героем Литвы. В годовщины его самосожжения власти, боясь активных проявлений национальных чувств, усиливают охрану в литовских городах. В 1976 г. в Клайпеде в годовщину самосожжения Каланты на тротуарах и на стенах домов появились надписи с требованием свободы Литве. Под ними стояла подпись: «Каланта».

Стало традицией возлагать цветы на место самосожжения Каланты в годовщины его гибели, хотя за это задерживали и исключали из школы. [15]

Все остальные демонстрации, имевшие место в Литве, происходили во время спортивных состязаний, т.е. при большом скоплении «неорганизованной» публики, национальные страсти которой подогревались спортивным азартом. Такие события имели место в Каунасе в 1960 г. во время чемпионата по боксу, приуроченному к 20-й годовщине установления советской власти в Литве. Произошло побоище между зрителями и милицией, по сообщению «Колокола», стоившее жизни 10 юношам. [16] В Вильнюсе в июне 1972 г., через несколько дней после самосожжения Ромаса Каланты, на международном чемпионате по волейболу многие зрители не встали при исполнении советского гимна. В ноябре 1975 г. в Вильнюсе после победы литовской команды «Жальгирис» около 2 тысяч зрителей футбольного матча прошли по городу, выкрикивая политические лозунги, и были разогнаны милицией и войсками. [17]

Наиболее многочисленной из такого рода демонстраций была демонстрация 10 октября 1977 г. в Вильнюсе. [18]

Футбольные демонстрации особенно интересны для анализа прежде всего вследствие их повторяемости. Демонстрация в Каунасе в 1972 г. была вызвана событием, трагизм которого мог стимулировать массовый взрыв чувств, в обычных условиях не таких уж бурных. Возрастной состав демонстрантов и их лозунги («Литва!», «Свобода!») могли в значительной степени определиться предсмертным призывом Каланты. Демонстрации же во время спортивных состязаний вызваны настолько ничтожным «бытовым» событием, что, безусловно, отражают повседневные, ничем особо не стимулированные в данный момент настроения. Демонстрации 7 и 10 октября 1977 г. последовали за победой «Жальгириса» над второстепенными командами — белорусской «Двины» из Витебска и русской «Искры» из Смоленска, так что накал страстей не оправдан даже с чисто спортивной точки зрения, тем более, что победы эти не влияли на продвижение «Жальгириса» к кубку.

Легко определяется численность и социальный состав участников этих демонстраций — в них участвовало примерно 50% публики, собравшейся на матч. Вместимость Вильнюсского стадиона — 25 тысяч мест, и он был полон в те дни. Это позволяет считать демонстрантов идентичным составу футбольных болельщиков. Как известно, это в основном молодые и среднего возраста мужчины — рабочие, служащие и техническая интеллигенция (разумеется, с некоторой примесью женщин и остальных слоев и возрастных групп городского населения). Этот вывод подтверждается данными об арестах в связи с демонстрацией, сообщенных вильнюсской газетой «Вечерние новости» (12.10.77): рабочий Кизнис, служащий завода радиодеталей Сафронов, студент Вильнюсского инженерно-строительного института Аугустинавичюс и учащийся политехникума Карчинскас.

Интересно проанализировать лозунги и поведение этой стихийно состоявшейся выборки.

«Беспорядки» начались 7 октября 1977 г. после футбольного матча. Несколько сот зрителей, в основном молодежь, двинулись по улицам, выкрикивая «Долой конституцию оккупантов!», «Свободу Литве!» и «Русские, убирайтесь вон!». Демонстранты срывали плакаты к 60-летию Октября, били витрины с такими плакатами.

На следующем матче — 10 октября — антирусские выкрики начались еще во время матча. Власти, настороженные событиями 7 октября, обеспечили охрану стадиона сверх обычной (стянули войска, большинство солдат были из среднеазиатских республик). Публика выходила со стадиона между шеренгами солдат. Выйдя за эти шеренги, толпа двинулась в центр города. У моста Жалясис к «болельщикам» присоединились еще человек 500, не со стадиона. После этого к прежним антирусским выкрикам прибавились призывы: «Свободу политзаключенным!», «Идем в КГБ!», часто кричали «Свободу Пяткусу!» (о нем см. стр. 55). В ответ на очередной выкрик против русских раздалось из толпы: «Здесь с вами и русские!», «За вашу и нашу свободу!». Демонстранты прорвали заслон из плотно взявшихся за руки милиционеров и солдат войск КГБ и вышли на проспект Ленина. Лишь второй заслон остановил их. Несколько милиционеров попали в больницы. Были выбиты стекла в здании ЦК КПЛ, разбиты витрины с плакатами к 60-летию Октябрьской революции.

Сведения о задержанных таковы: 17 человек 7 октября и 44 - 10-го. В вузах имели место исключения, некоторых исключили только из комсомола. Особенно много исключенных было в Инженерно-строительном институте. Были приняты репрессивные меры и на некоторых промышленных предприятиях. Эти сведения совпадают с предположениями о составе демонстрантов на основании анализа состава обычных «болельщиков».

На мой взгляд, особенно интересны два момента. Если на стадионе источник отмечает только антирусские выкрики (бытовая, наиболее распространенная форма проявления национальных чувств), то после присоединения к демонстрантам 500 человек «со стороны» они приобрели политическое звучание («Долой конституцию!», «Свободу политзаключенным!» и даже «Свободу Пяткусу!») — и призыв «Идем в КГБ!». Это позволяет разделить участников демонстрации на «авангард» — людей, чьи национальные чувства воспитаны и развиты литовским самиздатом, и «толпу». Думаю, что русские, оказавшиеся среди демонстрантов, принадлежали к «авангарду» (лозунг «За вашу и нашу свободу!» предполагает знание истории русского и польского освободительных движений).

В американской советологии сведения об участии в этих демонстрациях русских были восприняты скептически. [19] Я не разделяю этого скепсиса, тем более, что среди арестованных демонстрантов были люди с русскими фамилиями.

Слово «свобода», которое выкрикивали на этих демонстрациях, и в русском и в литовском языке вмещает как понятие национальной независимости, так и понятие демократических свобод. Если большинство литовцев одушевлено прежде всего мечтой о национальной независимости, я думаю, для какой-то части их важны и демократические свободы, даже безотносительно к национальной независимости. Что касается русских, живущих в Литве, то их, вероятно, привлекли к демонстрантам именно симпатии к демократическим свободам — в составе ли СССР или как следствие независимости Литвы. Возможность горячего сочувствия со стороны русских стремлению к национальной свободе народов, входящих в состав СССР, продемонстрировали московские правозащитники — я имею в виду позицию, выраженную «Хроникой текущих событий» и Московской Хельсинкской группой (см. главу «Правозащитное движение»). Кроме того, известно, что из пяти осужденных в 1975 г. за участие в подпольной организации «Эстонское демократическое движение» трое были эстонцы, но двое, и при том ведущие

фигуры — Сергей Солдатов (русский) и Артем Юскевич (украинец). Поэтому нет ничего невозможного в участии русских и в литовском движении.

Интересна в вильнюсской демонстрации реакция литовцев на участие в ней русских. К сожалению, нет сообщений, прекратились ли антирусские лозунги после обнаружения русских среди демонстрантов. Но, во всяком случае, это не было воспринято литовцами как нечто немыслимое и они не обратились против «затесавшихся» к ним русских. Думаю, что в этом проявилось влияние на литовское общество отношения к русским, насаждаемого литовским самиздатом либерального толка и католическим движением: они различают русских с мышлением колонизаторов и русских правозащитников.

Высказанное очевидцами этой демонстрации супругами Кублановас соображение, что она направлялась какой-то законспирированной организованной силой, [20] кажется мне несостоятельным, так как других проявлений этой силы ни до, ни после демонстрации в литовской жизни не заметно.

В 1976 г. были арестованы Генрикас Яшкунас и его товарищ Дауетас за распространение Манифеста Союза организаций свободных народов; [21] в 1978 г. в «Аушре» (№ 12) была помещена декларация о создании Лиги свободы Литвы; в 1979 г. в журнале «Перспективы» (№№ 5-7) было объявлено о трех организациях — Союза литовских коммунистов за выход Литвы из СССР, Инициативной группы по защите литовского языка и Движения за выход Литвы из СССР. Однако все эти сообщения выглядят скорее как неосуществленные попытки создания организаций, чем как проявление их активности, и свидетельствуют лишь о том, что потребность организоваться ощущается активистами национального движения. Видимо, решение задачи упирается в неоднородность состава этого движения, что делает практически возможной сейчас формой объединения только небольшие группы, сил которых хватает лишь на издание «своего» журнала. Журналы эти пропагандируют идею освобождения Литвы каждый на свой лад.

Кроме этих анонимных редакций самиздатских журналов, в Литве возникли открытые общественные ассоциации — Католический комитет защиты прав верующих и Литовская Хельсинкская группа, однако обе они являются не национальными, а правозащитными объединениями.

Католический комитет защиты прав веруюших — рупор наиболее организованной и наиболее массовой независимой общественной силы в Литве — католического движения. Базой этого движения являются сельские местности и маленькие города, хотя в последнее время при общем усилении влияния католицизма оно стало заметным и в крупных центрах. Ведущую роль в этом движении играет литовская церковь — священники и активные верующие.

Католическая церковь стала подвергаться преследованиям с момента вступления советской армии в Литву. Уже 2 июля 1942 г. были порваны дипломатические отношения с Ватиканом и аннулирован конкордрат. Немедленно после этого были запрещены все католические организации, национализированы католические школы, запрещена католическая пресса и издание книг. Монастыри были разграблены. Из четырех католических семинарий сохранилась лишь одна — Каунасская, но и у нее отняли помещение. Численность воспитанников в ней уменьшилось с 300 до 150 к 1946 г., а позднее — до 25. К 1979 г. в семинарии было 75 слушателей. В 1946-1947 гг. были арестованы все епископы, кроме одного. Вильнюсский епископ М. Рейнис погиб во Владимирской тюрьме в 1953 г. В 1947 г. был расстрелян тельшяйский епископ Борисявичюс. В 40-е — 50-е годы

около 600 литовских католических священников (более трети общего их числа) прошли через тюрьмы. Многие церкви были закрыты. По свидетельству католических священников, «долгие годы католическая церковь в Советском Союзе была как бы полумертвой». [22]

Силы служителей церкви уходили на то, чтобы уберечь ее от полного разрушения.

Не имея возможности открыто выполнять все свои функции, католическая церковь в Литве разделила свою деятельность на открытую и тайную («катакомбную»). Это позволило, хоть и в служебных масштабах, продолжить существование монастырей, подготавливать юношей к священству, обеспечивать принятие святых таинств теми верующими, кому по занимаемой должности опасно было посещать церковь (преподаватели, ответственные государственные служащие, члены партии), и — самое главное — подготавливать детей к причастию и миропомазанию.

Этот последний пункт — наиболее чувствительный в конфликте властей и церкви. Церковь уделяет обучению детей катехизису очень большое внимание, видя в этом основу своего сохранения как выразительницы духовной жизни нации. Власти, понимая обоснованность такой точки зрения на религиозное воспитание детей, тоже сосредоточили свое внимание на помехах именно этой стороне деятельности церкви.

С ослаблением репрессий катакомбная деятельность католической церкви в Литве и обучение детей принимали все более широкие масштабы. В 1970 г. власти попытались пресечь эту деятельность привычным способом — возобновив репрессии против священников, «уличенных» в обучении детей катехизису. В 1970 г. это вызвало небывалую прежде ответную реакцию.

В сентябре 1970 г. священник Антанас Шешкявичюс был приговорен судом к 1 году лагеря строгого режима за преподавание катехизиса школьникам младшего и среднего возраста по просьбе их родителей (хотя последнее обстоятельство делало его деятельность абсолютно законной). Приговор вызвал петицию протеста в ЦК КП Литвы и в ЦК КПСС более 100 священников разных епархий. [23]

Летом 1971 г. по аналогичному поводу заявили протест уже не священники, а прихожане. 18 июля верующие Пренайского прихода обратились с жалобой в Контрольную комиссию ЦК КПСС в связи с тем, что их священнику Ю. Здебскису местные власти помешали проверять знания детей, готовящихся к первому причастию. Через несколько дней Здебскис был арестован. Протест против его ареста, направленный в прокуратуру, подписали 450 верующих. Другой протест — в ЦК КП Лит. ССР и генеральному прокурору Литвы — подписали еще 350 человек. В ноябре 1971 г. состоялся суд. Около здания суда собралось около 600 сочувствующих обвиняемому. Милиция разогнала толпу, избив собравшихся. Здебскис был приговорен к 1 году лагеря общего режима.

Одновременно с Ю. Здебскисом был осужден сельский викарий П. Бубнис, тоже за обучение детей катехизису. Он также получил 1 год лагерей общего режима. В декабре 1971 г. 1344 католика Расейнянского прихода, в котором находился костел, где служил Бубнис, обратились в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой об его освобождении. [24]

В январе 1972 г. 17054 католика Литвы послали меморандум Брежневу. В меморандуме перечислялись факты ущемления прав верующих и выдвигалось требование обеспечить верующим свободу совести, гарантированную советской кон-

ституцией. Авторы меморандума указывали на препятствия, чинимые сбору подписей под ним и заявляли, что если жалоба не встретит понимания, они обратятся в международные инстанции — к папе Римскому и в ООН. Это было сделано в феврале 1972 г. [25]

Меморандум Брежневу долгое время был рекордным по числу подписей под ним. Предшествующие петиции были подписаны почти исключительно крестьянами, заступавшимися за «своего» священника. Меморандум был вселитовским — под ним стоят подписи, собранные по всей республике, — и крестьян, и горожан, но первые и в данном случае превалируют.

Ответы не поступили ни от папы, ни от Брежнева, ни из ООН. Возможно, поэтому долгое время не предпринимались новые попытки такого рода. Но в начале 1979 г. тому же Брежневу была направлена новая петиция с требованием вернуть верующим собор в Клайпеде, построенный на средства верующих и отобранный у них в 1961 г. Эта петиция тоже была вселитовской. Под ней собрано 148149 подписей — в 8 раз больше, чем под меморандумом 1972 г. [26]

Нельзя, ссылаясь на эти цифры, настаивать, что именно в такой пропорции выросли силы католического движения в Литве. Но все-таки «прирост» этот весьма знаменателен, тем более, что он подтверждается активизацией основной массы литовских священников в борьбе за права церкви. Так, под петицией о возвращении из ссылки епископа Ю. Степонавичюса в 1970 г. решились поставить свои подписи 61 из 100 священников Вильнюсской епархии. В 1975 г. такую же петицию подписали 65 священников этой епархии. [27] В 1978 г. 552 из 708 литовских священников (т.е. 78%) поддержали куда более «криминальный», чем петиции в защиту опальных братьев, документ № 5 Католического комитета, — с требованием отменить Положение о религиозных объединениях, принятое Президиумом Верховного Совета Лит. ССР в июле 1976 г., как неприемлемое для католической церкви. Священники заявили, что они не могут и не будут его соблюдать, так как оно противоречит канонам римской католической церкви (речь идет о несколько смягченном варианте «Положения», по которому практически без сопротивления живет русская православная церковь с 1968 г. [28]).

С марта 1972 г. стала выходить «Хроника Литовской католической церкви» — информационное издание, которое регистрирует нарушения прав верующих и сообщает о протестах против этих нарушений. Значительная часть материалов Хроники ЛКЦ — о верующих школьниках, от которых добиваются отречения от веры и которых преследуют вплоть до исключения из школы в случае неотречения. Эти материалы выделены в специальный раздел Хроники ЛКЦ «В советской школе».

«Хроника ЛКЦ» помещает обращения и речи священников в защиту прав верующих, а также петиции и протесты верующих по поводу стеснений свободы совести в Литве.

«Хроника ЛКЦ» распространена довольно широко. Начиная с 1973 г. власти периодически проводят обыски, чтобы обнаружить издателей «Хроники» (ее редакция анонимна) и конфисковать ее тиражи. При этом изымались не только пишущие машинки, но и множительные аппараты «Эра», ротаторы, сотни килограммов печатного шрифта, самодельные печатные станки, запасы бумаги и готовая продукция — религиозная литература в сотнях и даже тысячах экземпляров.

«Хроника ЛКЦ» стала заметным фактором общественной жизни Литвы, оказывает влияние на общественное мнение. Работник ЦК КПЛ Синкявичюс на совещании учителей в городе Шауляй в августе 1975 г. предупреждал их:

«Всякая бестактность учителя, совершенная в разговоре с верующим учеником или его родителями, подробно, без всяких преувеличений, с указанием фамилии, школы и времени, попадает в этот журнал и распространяется не только у нас, но и передается за границу». [29]

Властям ни разу не удалось обнаружить редакцию Хроники ЛКЦ, но было несколько судов за ее размножение и распространение. В 1974 г. за это была осуждена на 3 года лагеря и 3 года ссылки 32-летняя Нийоле Садунайте, которая стала народной героиней после смелой и яркой речи на суде. Она сказала:

«Этот день — самый счастливый в моей жизни: меня судят за «Хронику ЛКЦ», которая борется против духовной и физической тирании. Значит, меня судят за правду и любовь к людям!.. С радостью пойду на рабство за свободу других, и согласна умереть, чтобы другие могли жить...». [30]

В ноябре 1978 г. был организован специальный правозащитный орган католического движения — Католический комитет защиты прав верующих. В отличие от «Хроники ЛКЦ», Комитет объявил имена своих членов. Его основали 5 священников. В ноябре 1980 г. в Комитет были приняты еще трое священников, а 22 декабря 1980 г. — преподаватель Вильнюсского университета геолог Витаутас Скуодис, осужденный в этот день за авторство книги «Духовный геноцид в Литве» и сотрудничество в самиздатских журналах «Перспективы» и «Alma Mater».

Католический комитет выпускает документы и обращения, в которых сообщается о конкретных случаях нарушения прав верующих и разъясняется незаконность преследований с точки зрения советской конституции и международных пактов, одобренных Советским Союзом. Комитет выступил инициатором отказа священников от исполнения навязываемого властями нового Положения о религиозных объединениях — ввиду его неканоничности и неконституционности. Большинство католических священников открыто поддержало это заявление Католического комитета, и благодаря этому новое Положение практически не действует в Литве. В ноябре 1980 г. Католический комитет обратился к Мадридской конференции стран, подписавших Хельсинкские соглашения, с описанием положения католиков в Литве и указал на ущемления свободы вероисповедания и прав верующих.

Католическое движение в Литве, в отличие от национального, хорошо организовано. Его естественными лидерами являются высшие иерархи литовской католической церкви епископы Ю. Степонавичюс и В. Сладкявичюс.

Они оба были высланы без суда из своих епархий на север Литвы в маленькие городки (Степонавичюс — в 1961 г., Сладкявичус — в 1959 г.), и находились на положении ссыльных — за то, что смели не всегда соглашаться с председателем Совета по делам религий и культов Лит. ССР. Однако многие литовские священники продолжали считать опальных епископов своими духовными руководителями и постоянно ездили к ним за советами и благословениями, а по праздникам в места их ссылки происходили массовые паломничества верующих. Ватикан не снял с высланных епископов их званий и не назначил на их должности других священников. Более того — папа Иоанн-Павел II произвел одного из литовских священнослужителей в кардиналы, не обнародовав его имени. Есть основания полагать, что речь идет о Ю. Степонавичюсе. В 1982 г. В. Сладкявичюсу разре-

шили покинуть ссылку, а в 1983 г. он был включен в делегацию католических священников из СССР, посетивших Ватикан.

Священники являются костяком католического движения, а центрами его стали приходские церкви (к 1980 г. в Литве было 628 действующих церквей, их обслуживали 708 священников). [31] Поскольку в Литве сохранилось компактное в национальном отношении население и большинство литовцев — верующие, то литовское католическое движение имеет массовую, прочную и мобильную базу.

Это способствует успехам католического движения.

По свидетельству епископа Степонавичюса в личной беседе (октябрь 1976 г.), литовская католическая церковь видит свою основную задачу в привлечении молодежи. Можно констатировать, что церковь достигла в этом несомненных успехов.

По свидетельству Хроники ЛКЦ, около 70% детей соответствующего возраста проходят курс катехизиса. [32] По официальным данным, только 30% выпускников литовских школ являются верующими. Однако Хроника ЛКЦ считает эти данные преуменьшенными. Хотя «Хроника» не имеет возможности собрать такую информацию в масштабах Литвы, официальный показатель опровергается, например, таким сообщением. В январе 1974 г. в райцентре Лаздияй выпускникам школы раздали анкеты с вопросом об отношении к вере. 16 из 20 опрошенных комсомольцев ответили, что они верующие. [33]

Влияние католической церкви, всегда сильное в сельских местностях, в советское время было резко ослаблено в городах, особенно в среде интеллигенции. Сейчас католическая церковь вновь завоевывает эти позиции. Согласно Хронике ЛКЦ,

«...сотни тысяч молодежи, студентов и интеллигенции с тоскою ожидают Евангелия, разочаровавшись в атеизме». [34]

Нередки случаи приверженности к вере среди литовских чиновников, даже высокопоставленных, членов партии. Эти люди стремятся сохранить свое отношение к церкви в тайне, но, умирая, завещают хоронить себя по церковному обряду. В последнее время появились и такие, как Витаутас Скуодис, открыто приходящие в лоно церкви.

Даже по официальным данным (скорее всего преуменьшенным) — из доклада уполномоченного по делам религий в Литве Туменаса в Каунасском политехническом институте осенью 1974 г., в Литве крестят 45% новорожденных, венчаются 25% вступающих в брак, хоронят по религиозному обряду 51% умерших. [35]

Массовая поддержка церкви вынуждает власти пойти на некоторые уступки. В январе 1977 г. представитель Совета по делам религий Макарцев предупредил партийных работников Литвы, что со священниками нужно обращаться «повежливее». Он сказал, что государственная политика по отношению к церкви смягчается. [35] В некоторых церквях было разрешено по праздникам звонить в колокола. Реже стали преследования за организацию религиозный шествий. Увеличился ежегодный прием в духовную семинарию и т.д.

В последующие годы политика по отношению к литовской католической церкви колебалась от «послаблений» к большей жестокости и обратно, но положение католической церкви в Литве гораздо лучше, чем других церквей в Советском Союзе.

Показателем этого было, в частности, возвращение верующим собора в Клайпеде, причем расходы по перестройке (после конфискации у верующих собор был превращен в филармонию) государство взяло на себя.

Литовское католическое движение имеет четко выраженную национальную окраску, однако взгляд на русских диссидентов как на друзей и союзников литовских католиков был свойственен католическому движению с самого начала и благодаря влиянию этого движения получил довольно широкое распространение в Литве, что ощущается в значительной части самиздата.

С момента возникновения «Хроники Литовской католической церкви» ее издатели имели контакты с московскими правозащитниками, помогавшими в распространении Хроники ЛКЦ и передаче ее выпусков на Запад.

В 1975 г. в Вильнюсе состоялся суд над одним из ведущих правозащитников — Сергеем Ковалевым. Среди предъявленных ему обвинений было хранение нескольких выпусков Хроники ЛКЦ и использование их содержания при составлении издававшейся в Москве самиздатом «Хроники текущих событий». Власти использовали это обстоятельство, чтобы перенести суд из Москвы в Вильнюс, подальше от западных корреспондентов. Думаю, это было просчетом. Суд в Вильнюсе над русским, обвиняемым в помощи литовским католикам, привлек внимание и вовсе не интересующихся «политикой» литовцев, произвел в Литве огромное впечатление и весьма расширил симпатии к московским правозащитникам. В Вильнюс приехали в надежде попасть на суд своего друга А.Д. Сахаров и его единомышленники. На суд их не пустили, и они стояли у здания суда. Туда же устремились литовцы, оповещенные о суде зарубежными радиостанциями, вещающими на Литву. Власти всячески препятствовали появлению у суда сочувствующих обвиняемому, но все-таки около 50 литовцев, в основном активные участники католического движения, провели эти дни вместе с приехавшими из Москвы. Они пригласили москвичей на ночлег в свои дома. Русские и литовцы своеобразно отметили вручение А.Д. Сахарову Нобелевской премии мира — и в этот день они вместе с лауреатом мерзли у здания суда. [36] Там завязались личные связи, очень укрепившие деловые контакты между обоими движениями и способствовавшие совместным выступлениям в дальнейшем (общие документы Московской и Литовской хельсинкских групп, Христианского и Католического комитетов защиты прав верующих, обмен приветствиями между «Хроникой текущих событий» и «Хроникой ЛКЦ» в годовщины этих изданий, постоянный обмен материалами — см. соответствующие разделы главы «Правозащитное движение»).

Католическое движение, вышедшее на поверхность в начале 70-х годов, ни в коем случае не является воспреемником освободительного движения 40-х — 50-х годов. Эти движения различаются и по форме и по сути. В 40-х — 50-х годах целью движения была независимость Литвы, и этой цели добивались с оружием в руках. Католическое движение добивается свободы вероисповедания, настаивая на соблюдении советской конституции и международных договоров Советского Союза о правах человека. Оно не посягает на государственное устройство Литвы и ведет борьбу только мирными, допускаемыми советскими законами средствами:

«Церковь не собирается готовить восстание или силою бороться против советского строя. Она не запрещает католикам служить в советской армии, принимать участие в общественной деятельности, трудиться в государственных уч-

реждениях и на фабриках. Многие из католиков являются примерными и достойными доверия работниками» (из анонимного доклада «Проблемы религиозной жизни в Литве и в Советском Союзе», в Хронике ЛКЦ). [37]

Методы католического движения в Литве полностью совпадают с методами правозащитного движения. Литовское католическое движение тоже является по сути своей правозащитным, отличаясь от называемого так упором на право свободного исповедания религии, но не оставляя без внимания остальные гражданские права.

Католическое движение в Литве проходит те же этапы, что и правозащитное движение в СССР, и в той же последовательности. При этом временной разрыв между новой фазой правозащитного движения и вступлением в эту фазу литовского католического движения сокращается.

Пик петиционной кампании в правозащитном движении приходился на начало 1968 г., в Литве — на начало 1972 г. «Хроника текущих событий» возникла в апреле 1968 г., «Хроника ЛКЦ» — в марте 1972 г. Католический комитет защиты прав верующих возник менее чем через два года после Христианского комитета защиты прав верующих в СССР (декабрь 1976 г. и ноябрь 1978 г. соответственно). Литовский священник, которому молва приписывает участие в «Хронике ЛКЦ», член Католического комитета, сказал мне, что «Хроника ЛКЦ» возникла по примеру Московской «Хроники», и что совпадение названий не случайное, а принято сознательно, чтобы подчеркнуть преемственность. Думаю, что совпадение названий обеих правозащитных ассоциаций — Литовской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений и Католического комитета защиты прав верующих с соответствующими ассоциациями в Москве (Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и Христианский комитет защиты прав верующих в СССР) имеет то же объяснение. Однако это не означает, разумеется, что литовское католическое движение порождено правозащитным или подражает ему. Одинаковость форм деятельности вытекает из схожести целей и стратегий независимо друг от друга возникших и самостоятельно развивающихся движений. Ввиду единства целей и стратегий естественно, что католическое движение в Литве, возникшее позднее правозащитного, заимствовало его опыт, в частности, его организационные формы. «Хроника ЛКЦ», а затем и Католический комитет не раз подчеркивали свою благодарность защитникам прав человека и особенно академику Сахарову и доктору Ковалеву за защиту свободы веры. Каждый выпуск «Хроники ЛКЦ» кончается призывом к читателям молиться за тех, кто

«...несет оковы неволи, чтобы ты мог свободно верить и жить».

Вместе с литовцами-католиками, находящимися в заключении, «Хроника» называет Сергея Ковалева. Католический комитет защиты прав верующих выступил в защиту русских правозащитников — не только Сахарова, но и Т. Великановой, и православного священника Г. Якунина, арестованных одновременно с литовским самиздатчиком А. Терляцкасом. [38]

Возможно, из-за влиятельности, массовости и других перечисленных выше сильных сторон католического правозащитного движения, в Литве менее развито правозащитное движение, так сказать, в «чистом виде». Его выразителем стала

Литовская Хельсинкская группа. Она возникла в тесном взаимодействии с Московской Хельсинкской группой: ЛХГ была создана всего на полгода позже, объявлена в Москве на пресс-конференции МХГ (26 ноября 1976 г.) и первый документ Литовской Хельсинкской группы был совместным с Московской. [39]

Среди основателей ЛХГ был католический священник Каролис Гаруцкас и носители настроений либеральной интеллигенции — Томас Венцлова, Она Лукаускайте-Пошкене и физик Эйтан Финкельштейн, еврей-отказник. Центральной фигурой в ЛХГ стал Викторас Пяткус, давний и активный участник католического движения, одушевленный идеей освобождения Литвы, знаток литовской истории и культуры, собравший лучшую в Литве библиотеку литовских поэтов. К моменту основания Литовской Хельсинкской группы Пяткус дважды был политзаключенным и провел в лагерях в общей сложности 16 лет.

Литовская Хельсинкская группа начала свою деятельность с поддержки католического движения. Ее первый документ был посвящен ссылке литовских епископов Ю. Степонавичюса и В. Сладкявичюса, второй — Положению о религиозных объединениях, утвержденному Президиумом Верховного Совета Лит. ССР в июле 1976 г. Группа заявила о несоответствии этого Положения Заключительному Акту Хельсинкских соглашений. Но, кроме того, ЛХГ занялась проблемами, выходящими за пределы интересов и католического, и национального движений. В ее документах отразились: дискриминация немцев, живущих в Литве; нарушения права на эмиграцию — в том числе для нелитовцев; положение бывших политзаключенных не только в Литве, но и в Эстонии, и в Латвии. [40]

Зимой 1977 г. эмигрировал и был лишен гражданства Томас Венцлова. В августе 1977 г. был арестован Викторас Пяткус. Весной 1979 г. скончался от рака Каролис Гаруцкас (папа Иоанн-Павел II прислал ему предсмертное благословение). Гаруцкаса заместил в ЛХГ священник из городка Адушкитис Бронис Лауринавичюс. Кроме того, в ЛХГ вошли активисты католического движения Мечисловас Юрявичюс и Витаутас Вайчюнас, а также активисты национального движения Альгирдас Статкявичюс и Витаутас Скуодис.

Литовская Хельсинкская группа не заняла такого ведущего положения во вселитовской оппозиции, как Московская группа в правозащитном движении или Украинская на Украине. Однако чисто правозащитная позиция ЛХГ сделала именно ее точкой притяжения сил национального и гражданского сопротивления соседних с Литвой Прибалтийских республик — Эстонии и Латвии.

По ряду причин диссент в этих республиках слабее, чем в Литве. Общность судьбы (как известно, Прибалтийские страны были оккупированы одновременно по пакту Молотова — Риббентропа) создает почву для совместных усилий, но ярко выраженная католическая и национальная направленность диссента в Литве не способствовала подключению к нему соседей — нелитовцев и некатоликов.

Идея совместного сопротивления оккупации породила в 1962 г. подпольную организацию под названием «Балтийская федерация». Однако название указывало лишь на замысел. На самом деле в эту организацию входили только латыши.

Викторас Пяткус перед арестом начал работу по созданию Главного комитета национального движения Эстонии, Латвии и Литвы. Об этом комитете допрашивали на следствии по делу Пяткуса нескольких бывших политзаключенных. Среди них были литовцы, латыши и эстонцы. [41]

Осенью 1979 г. эта идея воплотилась в так называемом Обращении 45-ти, приуроченном к 40-й годовщине Пакта Молотова — Риббентропа.

Авторы обращения дезавуируют этот пакт и призывают советское правительство отказаться от приобретений, сделанных на его основе. Среди подписавших Обращение преобладают литовцы, но есть 4 эстонских и 4 латышских подписи. [42]

Литовская Хельсинкская группа посвятила Обращению 45-ти документ № 17, в котором обосновывается законность требований, выдвинутых в Обращении. Московские правозащитники тоже поддержали этот документ. [43]

Власти отреагировали на Обращение волной обысков и допросов. Были арестованы трое литовцев, подписавших Обращение, и двое эстонцев. [44]

Близко по духу к Обращению 45-ти открытое письмо по поводу вторжения советских войск в Афганистан, под которым стоят подписи 21 прибалта (трех эстонцев, одного латыша, остальные — литовцев). Авторы письма поддерживают резолюцию Генеральной ассамблеи ООН о немедленном выводе иностранных войск из Афганистана. Они напоминают, что Прибалтийские страны тоже, как и Афганистан, имели договоры о дружбе и взаимопомощи с Советским Союзом. В 1940 г. в эти страны, как сейчас в Афганистан, были введены советские войска, и тоже со ссылкой на эти договоры.

«Поэтому эстонский, латышский и литовский народы знают как цели, так и результаты этих действий», — говорится в письме. [45]

Литовская Хельсинкская группа, как и Украинская, была уничтожена арестами. К весне 1981 г. были арестованы Скуодис, Статкявичюс, Вайчюнас и Юрявичюс. 24 ноября 1981 г. погиб священник Лауринавичюс. Он был вызван из своей епархии в Вильнюс после резкой статьи о нем в республиканской газете «Тиеса» и сбит грузовиком при переходе улицы. [46]

Это — третий случай гибели священника в Литве за 1980-1981 гг. Священник Тельшяйской епархии Леонас Шапока был убит в своем доме в октябре 1980 г. За несколько дней до его гибели против него были нападки в той же «Тиесе». Священник Леонас Мажейка, один из подписавших призыв Католического комитета не выполнять Положения, стесняющего внутрицерковную жизнь, был убит 8 августа 1981 г., тоже в своем доме. Дом ограблен не был. Эти убийства произошли на фоне целого ряда нападений на священников, прежде чрезвычайно редких. 10 марта 1980 г. был ранен ножом настоятель церкви в Шилуве; 28 апреля избили настоятеля в Кармелаве, 12 сентября — канцлера Каунасской епархии; 12 октября была попытка ворваться ночью в дом священника Л. Завальнюка, на следующую ночь — в квартиру его матери; 18 октября были нанесены ножевые раны священнику в Гришкабудисе. Кроме того, в течение 1980-1981 гг. в нескольких местах были подожжены и ограблены церкви, осквернены католические святыни. [47]

Молва приписала эти бандитские акции кагебистам и уголовникам, действовавшим по их наущению.

Подозрения эти, возможно, небезосновательны. В Литве карательные органы не решаются действовать открыто против священников — с 1971 по 1983 гг. не было ни одного случая ареста священников, хотя активность церкви здесь намного больше, чем где бы то ни было в Советском Союзе. Не решаясь на аресты католических священников и видя, что ослабление репрессий развязывает их неприятную властям инициативу, КГБ мог прибегнуть к мафиозным методам, действуя так, чтобы не было прямых указаний на причастность его к расправам,

но чтобы мысль о возможности такой расплаты за активность тревожила каждого священника.

Реакция на эти нападения была немедленной и очень резкой. Совет священников Тельшяйской епархии (12 человек), к которой принадлежал Шапока, послал жалобу генеральному прокурору СССР, а Католический комитет — прокурору Литвы. В обоих документах без обиняков указывалось на причастность властей к преступлениям против церкви и верующих. Католический комитет заявил, что

«... все эти преступления ... связаны какой-то внутренней органической связью»,

что верующие квалифицируют их как

«... сознательную, умышленную акцию против роста авторитета и влияния католической церкви в Литве»

и что попустительство этим преступлениям

«... компрометирует советскую власть»,

которая поддерживает атеистов и борющихся против церкви.

«Просим Вас, прокурор, принять серьезные меры для обуздания советской мафии и привлечь к уголовной ответственности преступников», — потребовали члены Католического комитета. [48]

Из всех виновных в нападениях на священников были найдены лишь убийцы Шапоки — через год после убийства. Суд над ними состоялся через несколько дней после гибели Бронюса Лауринавичюса. Суд был открытым и выяснилось, что мотивом убийства Шапоки было ограбление. Однако личности убийц и их биографии наталкивают на мысль, что решение ограбить именно священника стимулировались надеждой на безнаказанность такого убийства. Эти надежды не были безосновательными. В течение года убийцы оставались невыявленными, хотя сделать это было нетрудно: они были жителями того же маленького городка, где жил Шапока; один из убийц часто бывал в его доме, а двое других находились на примете у милиции из-за своего уголовного прошлого. Никто из убийц не обладал опытом в такого рода преступлениях, и при добросовестном расследовании следы привели бы к ним немедленно. Возможно, первоначальным намерением властей было оставить их безнаказанными, чтобы поощрить другие такие же преступления, но намерения изменились через год — возможно, под давлением общественного мнения.

В статье по поводу суда над убийцами Шапоки, появившейся в вильнюсской газете «Советская Литва» (16 декабря 1981 г.), подчеркиваются корыстные мотивы преступления и указывается, что происшествие было использовано для обвинения властей в попустительстве расправам над священниками. При этом газета цитирует заявление священников Тельшяйской епархии.

(«Есть основания полагать, что и в этот раз работники Министерства внутренних дел не хотели выяснить убийц-садистов или не нашли в уголовном кодексе

для них наказания. Тем более, что следователи спрашивают не о преступлении, а о пороках священника»),

но ссылается не на само заявление, а на радио Ватикан, прочитавшее его.

Если убийство священника Лауринавичюса совершено по замыслу КГБ, как утверждает «Хроника Литовской католической церкви» (№ 50), то время преступления рассчитано так, чтобы приглушить судом над убийцами Шапоки обвинения в адрес властей по поводу безнаказанности убийств священников. Многие укрепились в убеждении о причастности КГБ к убийству Лауринавичюса, когда вскоре после этого (20 декабря) 28-летний священник вильнюсского храма св. Николая Ричардас Черняускас объявил в храме после воскресной проповеди об угрозе сотрудника КГБ, что он, Черняускас, может «неожиданно умереть». Священник Черняускас известен протестами против преследования религии в Литве. [49]

Первый арест священника в Литве после 12-летнего перерыва произошел в январе 1983 г. — был арестован член Католического комитета Альфонсас Сваринскас. Приговор ему был очень суровым: 7 лет лагеря строгого режима и 3 года ссылки. В день суда над Сваринскасом был арестован другой член Католического комитета, священник Сигитас Тамкявичюс. Эти аресты вписываются в контекст повсеместного резкого ужесточения преследований инакомыслящих, начавшегося одновременно с советским вторжением в Афганистан и окончанием «разрядки» — с конца 1979 г. К моменту ареста литовских священников все открытые правозащитные ассоциации в других республиках были задушены арестами, и Католический комитет оказался единственной такой ассоциацией, до которой не дотянулись руки КГБ. На место арестованных членов Католического комитета в него вошел священник Казимерас Жилис, и Католический комитет продолжил правозащитную деятельность.

Не смея арестовывать священников, власти пытаются сдержать развитие католического движения в Литве арестами по обвинениям в организации религиозных шествий не их естественных организаторов — священников, а активных мирян. В 1980 г. за организацию самого массового в Литве ежегодного шествия в Шилуву была осуждена на 3 года лагеря Ядвига Станелите, стоявшая с флажком регулировщика на перекрестке дорог, по которым шли потоки верующих. Машину, увозившую Ядвигу с суда, забросали цветами. [50]

В 1981 г. по такому же обвинению и на такой же срок были осуждены члены Литовской Хельсинкской группы Мечисловас Юрявичюс и Витаутас Вайчунас. Оба они, признавая участие в шествии, отрицали свою организационную роль в нем. Юрявичюс, рабочий-маляр и глубоко верующий человек, на суде сказал, что его судит меньшинство, боящееся большинства, так как даже по официальной статистике в Литве 70% верующих, и что для него большая честь сидеть на той же скамье подсудимых, на которой сидели защитники церкви Станелите, Садунайте, Ковалев и Скуодис. [51]

Кроме этих судов, в 1980-1981 гг. состоялись несколько судов над деятелями литовского самиздата, а именно над авторами и составителями «левых» журналов «Перспективы» и «Alma Mater» и националистического «Витязя», а также — над участниками размножения «Хроники ЛКЦ». [52]

Всего в 1980-1981 гг. по политическим мотивам в Литве было осуждено 20 человек, что в пропорциональном отношении к численности участников движения несравненно меньше, чем, скажем, на Украине, и приговоры в Литве гораздо

мягче. Максимальные приговоры за «антисоветскую пропаганду» получили двое в 1978 г. (В. Пяткус и Б. Гаяускас) и в 1981 г. — В. Скуодис. Остальные, судимые по той же статье, были осуждены на лагерные сроки от полутора до 4 лет. И еще одно отличие от Украины: в Литве не прибегают к фабрикации уголовных обвинений.

Возможно, сравнительная мягкость политических преследований в Литве диктуется ее близостью к Польше, вынуждающей власти к осторожности. Польские события отражаются в Литве двояко: важная роль католической церкви в польском сопротивлении вдохновляет и активизирует литовскую католическую церковь и ее приверженцев. Одновременно стал гораздо более резким самиздат литовских националистов и подчас в нем звучат антипольские ноты — на той почве, что в прошлом Польша не раз пыталась подчинить Литву. Национальные страсти обострились настолько, что стали чувствоваться и в деятельности католиков, прежде сдержанных в их выражении.

В заключение следует сказать, что в этом очерке раздельно описаны три направления литовского диссента — национальное, католическое и правозащитное. Однако в реальных жизненных условиях их не всегда удается разделить. Они тесно сплетены между собой и идеологически, и личностно — не только в том смысле, что участники разных направлений тесно связаны и часто действуют сообща, но и в том смысле, что в литовском диссенте нередки люди, которых с полным основанием можно отнести к двум, а то и ко всем трем направлениям (В. Пяткус, В. Скуодис и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Вестник статистики» № 11, 1980, Москва, изд-во «Статистика», с.с. 71.
2. «Вестник свободы» («Laisves Sauklys»), №№ 1-3, 1976. Цит. по «Хроника текущих событий» (ХТС), Нью-Йорк, издательство «Хроника», вып. 45, с. 106.
3. The Violations of Human Rights in Soviet occuped Lithuania, a Report for 1977, The Lithuanian American Community, 1978, с. 57.
4. Ibid., p. 55.
5. «Хроника текущих событий» (ХТС), вып. 1-15 и вып. 16-27. Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979. Вып. 22, с. 11.
6. The Violations ..., for 1977, p. 57.
7. В. Буковский. «И возвращается ветер...», Нью-Йорк, «Хроника», 1978, с. 357.
8. ХТС-47, с. 52.
9. В. Буковский. «И возвращается...», с. 357.
10. ХТС-27, с.с. 491-492.
11. «Континент», (Париж), № 14, 1977, с.с. 229-250.
12. Eitan Finkelstein. Old Hopes and New Currents in Present-Day Lithuania. (The Violations..., for 1977), p.p. 58-66.
13. ХТС-32, с.с. 35-37.
14. ХТС-26, с.с. 448-450; ХТС-27, с.с. 481-483.
15. ХТС-30, с.с. 90-91; ХТС-41, с.с. 73-74; ХТС-57, с. 64.
16. «Колокол» («Варпас») № 1, 1975; ХТС-26, с. 450.
17. Хроника литовской католической церкви (на литовском языке), вып. 23 (июнь 1976).
18. ХТС-47, с.с. 48-49; ХТС-48, с.с. 112-113.
19. Remeikis, Thomas. Dissident Activity in Lithuania During 1977. (The Violations..., for 1977), p. 24.

20. Ibid.
21. ХТС-51, с. 210.
22. Хроника Литовской католической церкви, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1979, вып. 19, с.с. 139-140; вып. 28, с. 177.
23. Архив самиздата, Радио «Свобода», № 655 (т. XVII).
24. ХТС-22, с.с. 255-256; ХТС-23, с. 328-331, 358.
25. ХТС-23, с.с. 358-359; Архив самиздата, № 1091 (т. XVII).
26. ХТС-55, с. 36; Архив самиздата, № 4367 (вып. 27/81), 17 июля 1981 г.; № 1091 (т. XVII).
27. Архив самиздата № 632 (т. XVII).
28. ХТС-53, с. 131.
29. ХТС-37, с.с. 42-44.
30. ХТС-60, с. 71.
31. ХТС-53, с. 131.
32 .Хроника литовской католической церкви, вып. 28, с. 169.
33. Хроника литовской католической церкви, вып. 9, с. 17.
34. Там же, вып. 28, с. 177.
35. ХТС-46, с.41.
36. ХТС-38, с.с. 14-24.
37. Хроника Литовской католической церкви, вып. 28, с.с. 180-181.
38. См., например, Хроника Литовской католической церкви, вып. 19, с. 146; вып. 28, с. 176; ХТС-56, с. 86.
39. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1977, вып. 3, с.с. 111-114.
40. Там же, вып. 4, с.с. 63-68; вып. 5, с.с. 69-78.
41. ХТС-47, с.с. 43-48.
42. ХТС-54, с.с. 135-136. Полный текст Обращения см. Архив самиздата, Радио «Свобода», № 3755, вып. 39/79 (5 ноября 1979 г.).
43. ХТС-54, с.с. 135-136.
44. ХТС-56, с. 79.
45. Архив самиздата, № 3875, вып. 6/80, 17 января 1980 г.
46. ХТС-63, с.с. 102-103.
47. Документ № 38 Католического комитета защиты прав верующих. Архив самиздата, Радио «Свобода», № 4202, вып. 5/80.
48. Там же, с. 3; ХТС-61, с. 48.
49. «Вести из СССР. Права человека», под ред. К. Любарского, Мюнхен — Брюссель, 31 авг. 1981 г. (16-29) и 30 сент. 1981 г. (18-8), а также 28 февр. 1982 г. (4-22).
50. ХТС-60, с. 68.
51. ХТС-62, с.с. 79-80.
52. ХТС-60, с.с. 64-68.

ЭСТОНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Эстония была оккупирована советскими войсками одновременно с Литвой и Латвией — летом 1940 г. И так же, как в обеих других прибалтийских странах, в Эстонии сразу же после оккупации начались преследования реальных и потенциальных противников новой власти. В начале 1941 г. прошла волна арестов и депортаций, захватившая 10 тысяч эстонцев, а в 1944 г. возвращение в Эстонию советской армии вызвало массовую эмиграцию эстонцев. Размеры этой эмиграции неизвестны, но, согласно эстонскому самиздатскому документу 1982 г., [1] родину покинули «десятки тысяч» эстонцев. В 1944-1953 гг. аресты происходили постоянно, достигнув наибольшего размаха в 1949 г., когда были арестованы или депортированы 40 тыс. эстонцев. В итоге этих испытаний к 1956 г. из 995 тысяч эстонцев, проживавших на родине в 1939 г. (конец периода независимости Эстонии), каждый пятый или погиб или покинул родину. В 1982 г. в Эстонии проживали 948 тыс. эстонцев, т.е. на 4,7% меньше, чем до войны. [2]

В Эстонии так же, как и в большинстве советских нерусских республиках, осуществляется планомерное «разбавление» коренного населения пришлым. В результате такой политики эстонцы, составляющие в независимой Эстонии 88,2% населения, в 1979 г. составляли лишь 64,7% населения советской Эстонии. С 1959 г. по 1979-й численность эстонского населения республики увеличилась на 50 тыс., а численность славянского населения (русские, украинцы, белорусы) — на 201 тыс. человек (с 267 тыс. в 1959 г. до 468 тыс. в 1979 г.), причем пришлое население быстрее всего растет в «ключевых пунктах» — в столице Эстонии Таллинне, в больших городах, новых промышленных центрах, в морских портах. На территории Эстонии расположены большие военные контингенты, тоже неэстонские. Военные вместе с семьями составляют заметную и все увеличивающуюся часть пришлого населения.

Самиздатский документ, составленный 15 эстонскими интеллигентами в 1982 г., описывает развитие взаимоотношений между центральной властью и эстонцами в послесталинские времена:

«В эпоху реформ Хрущева (вторая половина 50-х — начало 60-х годов) у эстонцев возникли некоторые надежды на будущее своего народа и национальной культуры. Эти надежды питались реабилитацией жертв сталинизма, программой благосостояния, принятой КПСС в 1961 г., обещаниями большей автономии национальным республикам, ориентаций на более культурную и современную экономику (вместе с расширением производства товаров широкого потребления), некоторым пробуждением эстонской национальной культуры после сталинского пресса. Многие

надеялись направить развитие в сторону «социализма с человеческим лицом», заменить клику русских бюрократов и обрусевших, родившихся в Советском Союзе эстонцев национальными руководящими кадрами, которые руководили бы экономикой разумнее, с учетом местных интересов.
Было обещано ограничить развитие тяжелой промышленности, увеличивать выпуск продукции лишь за счет повышения производительности труда, не строить в Таллинне новых крупных предприятий. Все это должно было ограничить поток русских эмигрантов в Эстонию. Взрывообразное расширение Таллинна должно было быть приостановлено. И, в завершение всего, появилась надежда, что вместе с успешным решением проблемы разоружения уменьшится степень милитаризации Эстонии, будет выведена часть русских гарнизонов и увеличится возможность более тесного общения с западными странами. Поэтому будущее не казалось слишком мрачным. Иногда казалось, что для существования и развития народа начинает образовываться некоторое жизненное пространство». [4]

Первый секретарь ЦК компартии Эстонии Иван Кэбин добился для Эстонии негласного особого положения «опытного участка» национальной политики центрального правительства с «режимом наибольшего благоприятствования». Так, выпускаемая в Эстонии продукция сначала шла на удовлетворение нужд самой Эстонии и лишь излишки вывозились. Специалисты, получившие образование в Эстонии, оставались работать здесь же. Сохранению национальных кадров способствовало преподавание на эстонском языке не только в школах, но и в вузах, что резко сокращало приток студентов из других частей СССР. [5]

Видимо, именно в связи с этим особым положением Эстонии до середины 60-х годов здесь не прослеживается ни подпольного, ни открытого общественных движений, противостоящих властям — энергия эстонцев с развитым национальным сознанием и демократическими устремлениями была направлена на использование предоставленных им властями возможностей национального развития. Эти возможности имелись не только в экономике, но и в области культуры. Как мне объяснил в 1961 г. мой друг эстонец (директор НИИ, член партии), «московские начальники не знают эстонского языка». Это давало некоторую свободу в системе образования и облегчало «протаскивание» в книги и журналы тем и концепций, немыслимых в русскоязычной печатной продукции. Так, в эстонской энциклопедии, вышедшей в 60-х годах, были статьи о Троцком, Бухарине и т.д. с вполне приличным текстом, что в аналогичных русских изданиях было невозможно. Эстонские интеллигенты ценили возможность пусть урезанного общения, но с широкой читательской средой, и не хотели рисковать этой возможностью ради участия в самиздате, где можно быть полностью откровенным, но путь к читателю куда более сложен и читательская аудитория неизмеримо уже, чем у официальных изданий, не говоря уж об опасности ареста. Возможно, этим объясняется, что до середины 70-х годов самиздат в Эстонии был очень беден — циркулировали лишь отдельные статьи и обращения, как правило, анонимные или под псевдонимами, что снижало их политическое и нравственное влияние.

С переменой власти в Кремле в октябре 1964 г. политика в отношении Эстонии изменилась:

«Уже в конце 60-х годов произошел резкий поворот назад, в сторону строгого и жесткого централизма, основанного на принципе: интересы империи превыше

всего. Начали ограничивать и без того незначительную автономию национальных окраин, все важнейшие экономические отрасли национальных республик подчинили всесоюзным министерствам. Поскольку со стимулированием роста производительности труда ничего не вышло, то упор был снова сделан на экстенсивное развитие производства, т.е. на строительство новых крупных предприятий и на импорт неэстонской рабочей силы... Изменение обстановки политически символизировало устранение многолетнего первого секретаря ЦК КПЭ Ивана Кэбина в 1978 г. Стремление коммунистов Эстонии выдвинуть на пост главы КПЭ эстонца потерпело полную неудачу, когда при прямом вмешательстве Москвы новым главой партии был назначен родившийся в Сибири, плохо владеющий эстонским языком русофил Карл Вайно, который не имел поддержки даже в правящих кругах Эстонии. Приход к власти Вайно был фактической пощечиной местным эстонским коммунистам, которые давно стремились выдвинуть на руководящие посты в партии своих людей. Он продемонстрировал также глубокое недоверие Москвы к лояльности номенклатуры национальных окраин». [6]

Изменения во взаимоотношениях с Москвой изменили общественный климат в Эстонии. Самиздатский документ констатирует:

«...Первая половина 70-х годов парализовала надежды эстонского народа на будущее, ... во второй половине десятилетия в национальных кругах стали господствовать настроения подавленности, бесперспектив-ности и страха». [7]

Во второй половине 70-х годов резко ухудшилось и экономическое положение в Прибалтийских республиках, где уровень жизни был выше, чем в основной части СССР. Общее ухудшение продовольственного снабжения побудило «московских начальников» вывозить из Прибалтики все большую часть производимой здесь сельскохозяйственной продукции. Одновременно ужесточилась и языковая политика: внедрение русского языка в систему образования и во все новые сферы жизни было усилено во всех нерусских республиках, в том числе и в Эстонии. Все это обострило сознание того факта, что Эстония является оккупированной страной и усилило неприязнь к оккупантам. Эти чувства отражает письмо эстонских интеллигентов в финскую газету:

«Иностранным туристам бросается... в глаза перенасыщенность Таллинна военнослужащими и милиционерами, что поневоле создает впечатление оккупированного города. В центре города очень редки случаи, когда в поле зрения нет лиц, носящих мундир. Настроение эстонцев от этой «интернационализации» своего родного города поистине удручающее. Если в центре города можно общаться и вести дела на родном языке, то в новых жилых районах города ... это чаще всего невозможно. Тысячи эстонцев изо дня в день получают множество психотравм, когда в магазине или в учреждении бытового обслуживания встречаются с тем, что русский персонал не понимает эстонского языка или не хочет его понимать, насильно навязывая русскоязычное общение. В таких случаях эстонцы все снова и снова испуганно спрашивают себя: где же все-таки я нахожусь? разве это мой родной город? разве это моя родина». [8]

Именно в 70-е годы, когда нажим центральной власти усилился, стали известны попытки противостояния этой безотрадной ситуации.

В 1970 г. в Эстонии было три политических процесса: суд над Вилли Саарте, суд над четырьмя эстонцами (Лапп, Высу, Паулюс и Кыйв) за попытку создания эстонской национальной партии, а также суд над офицерами Балтийского флота (Г. Гаврилов, Г. Парамонов, Косырев) — за участие в подпольном «Союзе борьбы за политические права». [9] В 1975 г. состоялся суд над пятью участниками подпольной организации «Эстонское демократическое движение». Члены «Союза за демократические права» — все русские, из пяти судимых членов ЭДД двое, и притом ведущие фигуры — неэстонцы (Сергей Солдатов — русский, Артем Юскевич — украинец). Вероятно, хотя организация называлась «Эстонское демократическое движение», упор был не на национальную идею, а на демократическую.

ЭДД принадлежит честь первой попытки создания самиздатской периодики в Эстонии. Наряду с журналами на русском языке («Демократ» и «Луч свободы») члены ЭДД издали несколько выпусков журналов на эстонском языке — «Ээсти демократ» и «Ээсти рахвусликхяэль», т.е. «Эстонский демократ» и «Голос эстонского народа». [10] С разгромом ЭДД эти журналы прекратили существование, и только со второй половины 70-х годов эстонский самиздат стал расти, притом быстрыми темпами. В 1978 г. уже потребовался и был издан (в самиздате же) библиографический указатель «Наиболее важные произведения самиздата». В том же 1978 г. появились периодические издания на эстонском языке: сборник с текущей информацией о событиях, замалчиваемых или искажаемых официальными источниками, под длинным названием «Дополнительные материалы о свободном распространении в Эстонии идей и информации» и «Субботняя газета», выходящая в университетском городе Тарту дважды в месяц. [11] Мне не известно, чтобы где-нибудь в СССР, кроме Тарту, выходило самиздатское издание с такой частотой.

На широкое распространение эстонского самиздата в конце 70-х годов указывает обильное его изъятие во время обысков — не только в городах, но и в рыбацких поселках и на фермах (возможно, на фермах он главным образом и изготовляется, там труднее обнаружить эту деятельность). Власти борются с распространением самиздата привычным методом — арестами. Такие аресты начались с 1980 г. По обвинению в распространении самиздата были арестованы архитектор Виктор Нийтсоо, рабочий Тийт Мадисон и инженер Вильо Калеп. [12] В 1983 г. последовало еще четыре ареста за самиздатскую деятельность (в Таллинне — автор самиздата доктор физико-математических наук Иоханнес Хинт и распространитель самиздата трубочист Хейки Ахонен; в Тарту — женщина-архитектор Лагле Парек и исключенный из университета Арво Пести, работавший пожарником). Эти аресты сопровождались многочисленными обысками в Таллинне, Тарту и других местах Эстонии, и всюду находили — самиздат. [13]

Эстонское движение по его устремлениям можно определить как национально-демократическое. Для этого движения характерен молодежный состав участников. Пожалуй, это единственное из диссидентских движений в СССР, где основную массу участников составляют не только студенты, но и школьники-старшеклассники. Одна из распространившихся форм выражения национальных чувств эстонской молодежи — водружение национального флага, в особенности в День Независимости Эстонии (24 февраля). За это в 1980 г. были арестованы и осуждены по обвинению в «хулиганстве» пятеро юношей-эстонцев. С этого времени водружение национального флага в День Независимости происходит ежегодно. В 1981-1983 гг. 22 человека были осуждены за это, а также за срывание советских флагов и даже

сжигание их. [14] Однако наиболее массовой формой участия эстонской молодежи в национально-демократическом движении стали демонстрации.

Впервые такая демонстрация состоялась 22 сентября 1978 г. в Тарту. Приблизительно 150 школьников собрались перед зданием горкома партии и комсомола. Выкрикивая лозунги «Вон славян!», «Да здравствует Эстонская республика!» и «Больше образования — меньше политики!», они разбили вывески на здании и были разогнаны милицией. С зачинщиками велись «беседы» в отделениях милиции, но никто не был арестован. [15]

В 1979 г. в том же Тарту 24 декабря (в канун Рождества) толпа молодежи отправилась на кладбище поставить свечи на могилы соотечественников, погибших во время войны 1918-1920 гг. С кладбища пошли на городскую площадь. Там произносились речи о свободе и национальной независимости. Милиция задержала несколько человек, но вскоре они были отпущены. 31 декабря, под Новый год, митинг на кладбище повторился. В составе этих демонстраций были не только школьники, но и студенты. [16]

В 1980 г. произошли демонстрации в столице Эстонии Таллинне. Первая демонстрация состоялась 22 сентября из-за отмены выступления молодежного поп-оркестра «Пропеллер», назначенного на стадионе после футбольного матча. Концерт был отменен, потому что устроители обнаружили «националистические мотивы» в текстах песен, подготовленных к исполнению. В демонстрации участвовало не менее 1000 человек, произошли стычки с милицией, разгонявшей демонстрантов. Несколько старшеклассников исключили из школ за участие в этой демонстрации. Исключения вызвали демонстрации протеста. 1 и 3 октября состоялись демонстрации в нескольких местах Таллинна — у горсовета, на Балтийском вокзале, у памятника эстонскому писателю А. Тамсааре, на холме Харью. В общей сложности в них участвовало около 5 тыс. человек. Демонстранты размахивали флажками независимой Эстонии, выкрикивали лозунги: «Свободу Эстонии!», «Русские — вон из Эстонии!», «Правда и справедливость!» и т.п. Они требовали также улучшения условий школьных занятий. Демонстрации были разогнаны милицией, при этом милиционеры избивали демонстрантов. Задержали около 150 человек, но после выяснения личности отпустили. Под арестом остались человек 10. Известны имена лишь двух осужденных за участие в этих демонстрациях — учащийся техникума Алан Сепп и Сердюк. Их осудили по обвинению в «хулиганстве».

Местные газеты на русском и эстонском языках («Советская Эстония» и «Рахваал») и таллиннское радио сообщили о «беспорядках» и о возбуждении уголовных дел против нескольких демонстрантов. Официальные источники определяли их численность в 1000 человек.

После этих демонстраций тоже последовали исключениях из школ. Тогда 7 и 8 октября состоялись демонстрации против этих исключений, но гораздо менее многочисленные, в несколько сот человек. В демонстрациях участвовали и русские школьники. [17] Но были и выступления русских подростков против своих сверстников-эстонцев. После демонстрации 5 октября русские школьники писали на стенах: «Фашисты, вон из Эстонии!». Самиздатский документ пятнадцати эстонских интеллигентов сообщает:

«...Во время ...демонстрации эстонской молодежи в 1980 г. между старшим и младшим поколениями русских возникла солидарность, даже сотрудничество и

взаимная порука. Днем 13-16-летних школьников избивали ударные отряды, укомплектованные русскими милиционерами, а вечером эту же «деятельность» в «общественном порядке» продолжали русские подростки, солидно вооруженные холодным оружием. Были случаи, когда высшие партийные функционеры оправдывали такого рода «деятельность» русских подростков. Так, например, выступая в одном таллиннском учреждении в то время, известная партийная деятельница Зоя Шишкина заявила следующее: «В наших русских школах подростки изготовляют сейчас кастеты и ножи. И это естественно — мы должны себя защищать!». [18]

Интересно отметить, что в те дни, когда происходила демонстрация в Таллинне, в Тарту состоялась забастовка рабочих завода сельскохозяйственного машиностроения «Кацеремондитехас» (1 и 2 октября). В забастовке участвовало около 1000 человек. Они требовали отмены повышенного незадолго перед тем плана выпуска продукции, выплаты задержанных премиальных и улучшения снабжения города продуктами и товарами. Прибыла комиссия из Москвы, и требования бастовавших были частично удовлетворены: прежний план восстановили, премии выплатили. [19] Не думаю, чтобы событие это имело прямую связь с демонстрацией в Таллинне, но оно отражает общее возбужденное состояние в маленькой республике.

Непосредственным откликом на таллиннскую демонстрацию были молодежные демонстрации в Тарту, Пярну и других эстонских городах10 октября. В Тарту, кроме национальных лозунгов, выдвигалось требование отставки первого русского министра образования в Эстонии Эльзы Гречкиной. Она была назначена на этот пост в июле 1980 г.

11 октября выступил по радио министр внутренних дел Эстонии Марко Тибар, предостерегавший от продолжения демонстраций. По школам были проведены родительские собрания. Родителям грозили увольнением с работы за участие детей в демонстрациях. Во второй половине октября Эстонию посетил председатель КГБ Андропов. Около 100 школьников были исключены из школ. Число арестованных за участие в демонстрациях возросло до 20. [20]

17 сентября 1982 г. состоялась студенческая демонстрация в Тарту, в которой участвовало около 5 тысяч человек. Это было во время торжеств по случаю 350-летия Тартуского университета. Демонстранты требовали установить около здания университета бюст шведского короля Густава-Адольфа II — основателя университета. Этот бюст был убран после установления в Эстонии советской власти. Демонстранты пели патриотические эстонские песни, выкрикивали лозунги против русификации. 19 сентября перед зданием для иностранных гостей, прибывших на университетский юбилей, советский красный флаг был заменен на национальный эстонский, и оставался там, пока милиция не заметила этого. [21]

В молодежном движении Эстонии наряду с демократической обнаружилась и экстремистская тенденция. В конце 70-х годов в Таллинне возникла вооруженная группа сопротивления оккупации. Ее возглавил Имре Аракас (1945 г.р.). Чтобы вооружиться, группа Аракаса предприняла ограбление склада добровольного спортивного общества «Динамо». В начале 1979 г. Аракас был арестован по обвинению в бандитизме. Во время суда над ним его вооруженные сторонники ворвались в зал и освободили своего вожака. В середине 1979 г. Аракас обстрелял машину первого секретаря ЦК КПЭ А. Вайно, однако тот остался невредим. В конце 1979 г. Аракас был арестован и приговорен к 12 годам заключения. [22]

Группа Аракаса — единственный случай вооруженной подпольной организации в Прибалтике с 70-х годов. За этим исключением движение имеет мирный характер.

В пробудившееся национально-демократическое движение вовлечена не только «зеленая молодежь», но и зрелые люди.

До начала 80-х годов таких людей была малая горсточка. Публично выступали лишь трое: Март Никлус, Энн Тарто и Эрик Удам. Все трое уже отбыли сроки по политическим обвинениям. В заключении они познакомились с литовскими диссидентами и обрели среди них личных друзей. Все трое время от времени ставили подписи под обращениями литовцев по поводам, касающимся всей Прибалтики. Но кроме этих трех, никто в Эстонии литовских акций не поддерживал. Ни национальный, ни католический потоки литовского диссента не привлекали их соседей — нелитовцев и некатоликов. Никлус, Тарто и Удам, вызывая восхищение своих соотечественников, оставались аутсайдерами.

23 августа 1979 г. исполнилось 40 лет со дня заключения пакта Молотова Риббентропа, по которому советские войска были введены в Прибалтийские страны. В день 40-летия пакта было опубликовано обращение граждан Балтийских республик, требовавших опубликования полного текста этого документа с секретными приложениями, где речь шла о судьбе Прибалтики. Подписавшие обращение требовали от советского правительства и правительств ФРГ и ГДР объявления этого пакта недействительным, а от правительств стран Атлантической хартии — осуждения сговора Сталина и Гитлера и его последствий. Под обращением стоит 48 подписей, как всегда — больше всего литовцев. Из эстонцев его подписали все те же трое — М. Никлус, Э. Удам и Э. Тарто. [23]

Сдвиг в настроениях «лояльных» эстонцев можно датировать очень точно — началом 1980 г. В январе под протестом против советского вторжения в Афганистан вместе с М. Никлусом поставил свою подпись Юри Кукк, принадлежавший к научному истэблишменту Эстонии. Кукк сам передал это письмо иностранным корреспондентам в Москве. [24]

Ю. Кукк — кандидат химических наук, сотрудник Тартуского университета, с 1966 г. был членом партии и даже членом партбюро. В 1979 г. подал заявление о выходе из партии, в августе 1979 г. был уволен из университета, стал добиваться эмиграции. Вскоре после подписания письма об Афганистане Кукк был арестован (13 марта 1980 г.). Под письмом протеста против его ареста в Президиум Верховного Совета ЭССР стоит 36 подписей — и эстонцев, и литовцев, и русских. В октябре 1980 г. письмо с протестом против жестокостей милиции при разгоне демонстраций школьников подписали 40 эстонских интеллигентов, среди них были весьма престижные. [25] В октябре 1981 г. со второго курса Тартуского университета был исключен студент-историк Рюнно Виссак — за проявление националистических настроений. 75 студентов подписали письмо в защиту Виссака, направленное в министерство высшего образования. [26]

Еще одно проявление гражданского сопротивления эстонцев совместно с литовцами и латышами, в октябре 1981 г., где из 38 подписавшихся прибалтов 16 были эстонцами, — требование превратить в безъядерную зону не только Скандинавские страны (чего добивалось советское правительство), но и прибалтийские республики. [27]

Имеются и другие свидетельства, что «благополучные» эстонцы стали решительнее поддерживать своих соотечественников-диссидентов. Так, замысел влас-

тей относительно Кукка был — объявить его душевнобольным, чтобы он не воспринимался как носитель настроений эстонской интеллигенции и чтобы избежать рискованного судебного процесса. Однако трижды экспертные комиссии, проведенные в Эстонии, признали Кукка нормальным. После этого не решились поставить другой диагноз и психиатры в Московском институте им. Сербского. Очень мягкий, по советским стандартам, приговор Кукку — 2 года лагеря общего режима — показал стремление властей не ссориться с эстонским истэблишментом. [28]

Однако очень скоро после суда Кукк погиб в лагере. Причиной смерти было насильственное кормление во время объявленной Кукком голодовки. Кормление было проведено с нарушением элементарных правил, которых не могли не знать сотрудники лагеря, их нарушившие. [29] Возможно, они действовали по неофициальной «рекомендации сверху»: на фоне тогдашних событий в Польше и продолжающейся напряженности в самой Эстонии кто-то мог решить, что полезно припугнуть потенциальных последователей Кукка.

Летом 1981 г. в Таллинне и других городах Эстонии появились листовки, подписанные «Демократическим национальным фронтом Советского Союза». Эта организация, не объявившая имен своих членов, призывала провести 1 декабря 1981 г. с 10 до 10-30 час. утра молчаливую демонстрацию в поддержку следующих требований:

— вывод советских войск из Афганистана;
— невмешательство в дела Польши;
— прекращение вывоза продовольствия из СССР;
— прекращение тайных видов снабжения партийных верхов;
— освобождение политзаключенных;
— сокращение срока военной службы на полгода;
— соблюдение Всеобщей декларации прав человека и Хельсинкских соглашений.

Демонстрантам предлагалось прекратить в указанное время всякую деятельность и передвижения — на работе, дома, на улице. Авторы листовки предостерегали: «Никаких нарушений общественного порядка!», «Никаких проявлений национализма!» и предлагали на время демонстрации проигрывать на магнитофонах революционные песни, например «Интернационал». В дальнейшем предлагалось повторять демонстрации каждый первый рабочий день месяца в то же время.

Листовка задолго до 1 декабря попала на Запад и вызвала большой интерес. К 1 декабря в Таллинн пытались попасть многие корреспонденты западных газет. Удалось это лишь корреспонденту шведской газеты «Дагнес». Он сообщил («Dagnes Nyeter», 3 января 1982 г.), что в городе явно ощущалась повышенная бдительность милиции и «наблюдателей в штатском». В магазинах с утра продавали дефицитные товары, чтобы люди бросились в очереди. Во дворе фабрики корреспондент видел молчаливо стоявших рабочих, но трудно было понять, это демонстрация или обычный для советского предприятия простой. Как безусловное участие в демонстрации он отметил лишь один случай: строительные рабочие прервали работу как раз на назначенные полчаса и не отвечали на вопросы. По истечении получаса на вопрос, почему они бездействовали эти полчаса, ответ был:

— Мы — эстонцы.

Позднее стало известно, что работу прекратили на это время на многих фабриках и во многих учреждениях, главным образом мелких: именно на эти полча-

са люди ушли с рабочих мест «на перекур». По подозрению в демонстрации были задержаны около 150 человек, но вскоре отпущены. Однако четверо остались под арестом, среди них — Сиим Саде (рабочий) и Эндель Розе — врач, уволенный из поликлиники в ноябре 1981 г. за распространение листовок «Демократического национального фронта». Розе был приговорен к 1 году лагеря. [30]

В 80-е годы к прежним формам «бытового» национализма (отказ отвечать по-русски, объявления на дверях ресторанов и кафе на русском языке «нет свободных мест» и т.п.) добавилась и такая как выстрелы из охотничьего ружья по портрету Брежнева. В июне 1982 г. за это были осуждены на лагерные сроки три «номенклатурных» эстонца — руководящие работники мясокомбината в городе Выха. [31]

Отмечу, что церковь в Эстонии не откликнулась сколько-нибудь заметно на оживление национально-демократического движения. Большинство эстонцев принадлежит к лютеранской церкви (250 тысяч прихожан). Эта церковь испытывала суровые гонения после войны как «немецкая». Сейчас она входит во Всемирный совет церквей и поддерживает тесные связи со своими единоверцами в Финляндии. Лютеранская церковь, в отличие от баптистской, пятидесятнической (см. главы «Евангельские христиане-баптисты» и «Пятидесятники») и некоторых других протестантских церквей, не имеет незарегистрированных общин, независимое поведение которых сдерживало бы нажим властей. Поэтому лютеранская церковь находится в очень униженном положении, руководство ее беспомощно перед государственным диктатом, и лютеранские священники, так же, как и православные, вынуждены безропотно покоряться уполномоченным Совета по делам религий и культов.

Единственный известный случай открытого выступления лютеранского священника против вмешательства государства в дела церкви — проповеди Вэлло Саллума и его статья «Церковь и нация» (1981 г.). В. Саллум утверждал, что цели христианства и коммунизма совпадают: это счастье и свобода людей. Однако эстонские коммунисты узурпировали проповедование этих идеалов и борьбу за их осуществление, незаконно лишив церковь возможности делать то же самое свойственными ей методами, и таким образом лишили верующих возможности участвовать во всенародном деле, рассматривают их как граждан «второго сорта». Проповедь Саллума была пресечена помещением его в психиатрическую больницу. Он был освобожден оттуда через несколько месяцев, после того как признал, что идеи его были плодом больного сознания. [32]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Находится ли эстонский народ и его культура под чужеземным игом? Письмо 15-ти эстонских интеллигентов (перевод с эстонского). «Форум», № 3, 1983, Мюнхен, Сучасність, с.с. 128-145.
2. Там же, с. 131.
3. Там же, с. 132; «Вестник статистики», М., Изд-во «Статистика», 1980, № 11, с. 64.
4. Там же, с.с. 133-134.
5. По свидетельству научного сотрудника Института экономики АН СССР Бориса Михалевского.
6. Письмо 15-ти эстонских интеллигентов, с. 134.
7. Там же.

8. Там же, с. 139.

9. «Хроника текущих событий» (ХТС), Нью-Йорк, Издательство «Хроника», вып. 33, с.с. 38, 47-48.

10. ХТС, вып. 36, с.с. 9-11; ХТС, вып. 38, с.с. 25-30; «Судебный процесс по делу эстонского демократического движения», октябрь 1975 г., Нью-Йорк, Издательство «Хроника», 1976.

11. ХТС, вып. 57, с. 63; ХТС-60, с. 64; ХТС-62, с. 78.

12. ХТС-60, с. 64; ХТС-62, с. 78; ХТС-63, с. 250.

13. «Вести из СССР: Права человека», под ред. К. Любарского. Мюнхен-Брюссель, 1983, вып. 5 вып. 7 № 5; вып. 11 № 8.

14. ХТС-57, с. 62; «Вести из СССР», 1983, вып. 1 № 3; вып. 7 № 5, вып. 13/14 № 3.

15. ХТС-52, с. 144.

16. ХТС-55, с. 58.

17. «Вести из СССР», 1980, вып. 19 № 32, вып. 20 № 1.

18. «Письмо 15-ти эстонских интеллигентов», с. 143.

19. «Вести из СССР», 1980, вып. 20 № 1.

20. Там же.

21. «Вести из СССР», 1982, вып. 19 № 4.

22. «Вести из СССР», 1981, вып. 10 № 8.

23. ХТС-54, с.с. 135-136; Полный текст с подписями — Архив Самиздата. Радио «Свобода», № 3755, вып. 39/79.

24. ХТС-56, с. 79; Полный текст: Архив Самиздата. Радио «Свобода», вып. 6/80, 17 января 1980 г.

25. ХТС-56, с.с. 77-79; ХТС-57, с. 62.

26. ХТС-64.

27. Архив Самиздата № 4570, вып. 6/82, 10 октября 1981 г.

28. ХТС-61, с.с. 43-45.

29. ХТС-62, с.с. 7-8.

30. «Вести из СССР», 1981, вып. 27 № 34; 1982, вып. 3 № 1; вып. 8 № 6; вып. 14/15 № 14; Архив самиздата, № 4503, вып. 47/81, 7 декабря 1981 г.

31. «Вести из СССР», 1982, вып. 23/24 № 4.

32. «Вести из СССР», 1981, вып. 12 № 10.

ИНАКОМЫСЛИЕ В ЛАТВИИ

В Латвии, так же как в Эстонии и в Литве, сразу после вступления советских войск в 1940 году была проведена массовая депортация политически активных граждан. Книга о том времени, распространявшаяся в самиздате в 80-е годы, названа «Страшный год». По возвращении советской армии в 1944 году репрессии возобновились, а с 1947 года усилились в связи с коллективизацией. Тогда, согласно официальной формулировке, партия перешла «от политики ограничения кулачества к его ликвидации как класса». [1] Как происходила коллективизация в Латвии, можно судить по сдержанному признанию авторов официальной «Истории Латвийской ССР», изданной в 1958 году. Авторы этого коллективного труда пишут, что «не было попыток использовать уже существовавшие формы сельскохозяйственной кооперации... как исходную базу», что эта кооперация, охватывавшая 75% крестьянских хозяйств Латвии, была ликвидирована, а «коллективизация основной массы крестьянства была проведена весной 1949 года форсированными темпами, доходившими в ряде случаев до нарушения принципа добровольности». [2] «Ряд этих случаев» был настолько массовым, что вызвал вооруженное сопротивление латвийских крестьян и массовые репрессии против них: «советская власть вынуждена была изолировать часть кулаков и другие враждебные элементы». [3] Латыши народ небольшой, но в советских послевоенных лагерях они составили заметную часть заключенных. Однако в начале 50-х годов вооруженная борьба в Латвии затихла — силы были слишком неравны. С тех пор и до 80-х годов там не было открытого национального движения. В 80-е годы оно проявилось, но уже в мирной форме, и не стало столь широким, как в Литве и в Эстонии. Но и латыши сделали свой своеобразный вклад в развитие диссента в СССР.

В начале 60-х годов в Латвии существовали по крайней мере две подпольных организации. Одна была раскрыта в 1961 году, другая — в 1962-ом. Название этой последней — «Балтийская федерация» — указывает на замысел объединения усилий с литовцами и эстонцами ради возвращения государственной самостоятельности этих народов. Однако все арестованные члены «Федерации» — латыши. [4]

В течение 60-х-70-х годов в Латвии время от времени происходили аресты по политическим мотивам и другие события, но сведения о них столь разрознены и кратки, что трудно составить общую картину независимой общественной жизни в Латвии тех лет.

Скудость сообщений свидетельствует о том, что жизнь эта была ограничена эпизодическими выступлениями маленьких групп и одиночек, которые, тем не

менее, выражали довольно широко распространенные среди латышей настроения, не претворявшиеся, однако, в какую-либо практическую деятельность. Так, в 11-м выпуске «Хроники текущих событий» (декабрь 1969 года) сообщалось, что 18 ноября, День поминовения усопших, в Латвии — «почти официальная дата». В 1969 г. (как, видимо, и прежде) в этот день на латышском кладбище в Риге состоялся митинг, произносились речи (точное их содержание «Хронике» не известно). У могилы первого президента Латвии Яниса Чаксте был поднят национальный флаг независимой Латвии — красно-бело-красный. Близлежащие могилы были украшены белыми и красными цветами, ряды которых чередовались как на национальном флаге; были зажжены так же расположенные белые и красные свечи. Милиция задержала на кладбище 10 человек, но через 8 дней их отпустили. [5] Рыбаки колхоза в Энгуре 21 августа 1968 года, в день советского вторжения в Чехословакию, вышли в море, повязав на рукава траурные повязки — так одна маленькая нация выразила свое сочувствие другой. [6] И, конечно же, в Латвии, как повсюду в Прибалтике, нередки надписи на стенах и внутри, и снаружи казенных зданий: «Русские, вон из Латвии!», «Русские, убирайтесь домой!». В середине 70-х годов я бывала в Латвии из года в год и видела такие надписи много раз — их делают по-русски, чтобы они были понятны оккупантам. Еще один способ демонстрации стремления к независимости — вывешивание национального флага, особенно в День поминовения 18 ноября. За это даже школьники расплачиваются лагерным сроком, [7] и все-таки почти каждый год где-нибудь поднимается красно-бело-красное полотнище.

Время от времени становилось известно и о подпольных организациях или о скрыто действовавших неоформленных дружеских группах. Так, трое молодых рабочих — Гунар Берзиньш, Лайманис Маркантс и Валерий Акк — в ночь на 7 ноября 1969 г. разбросали в трех районах около 8 тысяч листовок с критикой внутренней и внешней политики СССР, о советском вторжении в Чехословакию, о советско-китайских отношениях, о национальном вопросе. Следствие разыскало около 3 тысяч листовок и их распространителей. Берзиньш был приговорен к трем годам лагеря, его товарищи получили полуторагодичные сроки. [8] На Запад попало несколько обращений на латышском языке, датированных 1975 годом и подписанных: «Движение за независимость Латвии», [9] «Комитет демократической молодежи Латвии» и «Янис Бриедис (псевдоним?) — глава Комитета», [10] «Латвийская христианско-демократическая ассоциация» [11] и совместные декларации этих трех объединений. [12] Часть антирусских надписей и листовок, видимо, результат деятельности этих организаций. Во всяком случае, в начале 1976 года в Латвии распространялись листовки «Демократического союза латвийской молодежи» (видимо, это то же самое, что «Комитет демократической молодежи Латвии»?). Листовки на латышском языке содержали призыв бороться за демократические права, гарантированные советской конституцией. Текст был составлен буквами, вырезанными из газет и наклеенными на лист бумаги, и скопирован на множительном аппарате «Эра». Весной 1976 года появились так же изготовленные листовки с подписью того же Комитета на русском и латышском языках с призывом к русским уйти из Латвии. Весной и летом 1976 года распространялись листовки без подписи, отпечатанные на машинке — с требованием освободить советских политзаключенных, и еще один тип машинописных листовок: с осуждением Хельсинкских соглашений за то, что они «служат юридическому оформлению территориальных приобретений СССР во второй мировой вой-

не». В мае-июне 1976 года в школах Латвии появились листовки, написанные от руки печатными буквами: «Свободу Латвии» (после этого в школах проводили письменные работы с требованием писать их печатными буквами). Летом 1976 года на длинной стене, закрывавшей вид на Рижскую центральную тюрьму со стороны железной дороги, крупными буквами было написано: «Освободить советских политзаключенных!». [13]

Самой распространенной формой проявления национальных чувств латышей является самиздат. Судя по улову на обысках, самиздат в Латвии был довольно обильным уже в 70-х годах [14] и очень разросся в 80-х. Одним из ранних свидетельств о распространении неподцензурной литературы являются дела Эрика Даннэ и Лидии Дорониной. Даннэ был осужден в начале 1969 года на лагерный срок за провоз книг в Ригу из-за рубежа (он был работником международных авиалиний). [15] Лидия Доронина (русская фамилия — по мужу, она латышка, девичья ее фамилия — Ласмане) работала в Латвийском министерстве культуры. В августе 1970 года у нее при обыске изъяли самиздат на русском языке — открытое письмо Солженицына и произведения Андрея Амальрика. Многочисленные свидетели, вызванные на суд Дорониной, были не русские, а интеллигентные латыши. Именно их следствие сочло потребителями этого самиздата. [16] В Латвии, где процент русского населения очень высок — по данным переписи 1970 г., 29,8%, [17] — интеллигентный круг не является чисто латышским. К тому же читающие латыши все владеют русским достаточно хорошо, чтобы использовать богатства русского самиздата, и он распространен в Латвии наряду с латышским, а на начальной стадии (в 60-е — начало 70-х годов), похоже, самиздат был в основном привозным, русским.

Следующее по времени свидетельство о распространении самиздата в Латвии — тоже о русском самиздате. Житель Риги, кандидат физико-математических наук Лев Ладыженский и инженер Федор Коровин были арестованы в декабре 1973 года за хранение и распространение самиздата, начиная с 1966 года и вплоть до ареста. У них было изъято более 50 названий, примерно тот же набор, который ходил в то время по Москве и Ленинграду, включая «Хронику текущих событий». Однако среди причастных к этому делу не было ни одного латыша. Все обыски по делу Ладыженского в Риге (около 10) были произведены в кругу «оккупантов». Кроме того, по делу Ладыженского-Коровина допросы велись и в Москве и в Ленинграде, откуда они, по их признанию, получали самиздат. [18] Иногда латышский и русский потоки самиздата пересекались — на некоторых обысках находили и тот, и другой, например, в Риге у латыша, бывшего политзаключенного Виктора Калныньша, [19] но в значительной своей части эти потоки были разделены уже потому, что русские, живущие в Латвии, редко владеют латышским языком, и мало кто из них интересуется проблемами латышей настолько, чтобы подвергать себя риску за причастность к их неподцензурной литературе. Судя по делу Ладыженского-Коровина, они, живя в Риге, были теснее связаны с московскими и ленинградскими самиздатчиками, чем с латышами, среди которых они жили.

Не наблюдается прочной связи не только с живущими в Латвии русскими, но и с литовцами и эстонцами. Первое совместное письменное выступление относится к 1975 году, [20] а первая попытка (не считая неосуществленного намерения объединения Балтийской федерации 1962 г.) — к 1977 году. Я имею в виду Главный комитет национального движения Эстонии, Латвии и Литвы, над созда-

нием которого работал летом 1977 года участник Литовской Хельсинкской группы Викторас Пяткус. [21] По этому делу допросили нескольких эстонцев и латышей, бывших политзаключенных. Все они близко знали друг друга по совместному пребыванию в лагере. Эта попытка была пресечена в стадии оформления. Думаю, этот эксперимент, и не будучи прерванным арестом Пяткуса, вряд ли вышел бы за пределы немногочисленного братства бывших политзэков. Однако тенденция к объединению, не разрастаясь широко, все-таки не замирает. Это появилось в августе 1979 года, в 40-ю годовщину подписания пакта Молотова-Риббентропа, по секретным статьям которого фашистская Германия признала Прибалтику советской зоной влияния, что предопределило ее оккупацию Советским Союзом. Сорокалетие этого события, трагического для эстонцев, латышей и литовцев в одинаковой мере, было отмечено их совместным меморандумом за 48 подписями. Среди подписавших меморандум были четыре эстонца и столько же латышей, остальные подписи принадлежали литовцам. [22] В следующем совместном обращении, близком по времени, — о советском вторжении в Афганистан — среди 21 подписавшихся был лишь один латыш. [23] Однако именно латыши стали инициаторами следующего совместного выступления в октябре 1981 года — открытого письма главам правительства СССР и северных стран Европы. [24] Авторы этого обращения, поддерживая одобренную советским руководством инициативу объявить Скандинавские страны безъядерной зоной, предлагали распространить эту инициативу на Прибалтийские республики и убрать с их территории советские ракеты. Если меморандум о пакте Молотова-Риббентропа был порожден общностью исторических судеб Прибалтийских народов, то меморандум 1981 года (как и обращение о вторжении в Афганистан) отразил их нынешнюю общую заботу — не оказаться полигоном для ядерного оружия сверхдержав. 38 подписей под этим обращением распределились поровну между литовцами, эстонцами и латышами. Увеличение доли латышей среди подписавших этот меморандум по сравнению с 1979-1980 годами указывает, что в Латвии появились новые люди, готовые к открытым выступлениям, и свидетельствует об усилении латышского диссента. Это проявилось, в частности, в заявлении Майгониса Равиньша, которое он послал советскому руководству в марте 1982 года. [25] Равиньш (1955 года рождения, отбыл в 1976-1981 гг. лагерный срок за участие в латышском национальном движении) требовал официально признать право на существование латышского движения за отделение Латвии от СССР, обосновывая это стремление неспособностью Советского Союза гарантировать безопасность маленькой Латвии в будущих имперских войнах СССР. В этом заявлении, как и в меморандуме 1981 года, тесно переплетаются национальные и пацифистские мотивы. В 80-е годы это стало очень характерным признаком латышского национального движения. На этой стадии его ведущим деятелем стал Майгонис Равиньш. Прокламируемая им цель отделения Латвии от СССР у самого Равиньша не сочетается с антирусскими настроениями. Ему, бывшему политзаключенному, лагерный опыт помог ощутить разницу между советским руководством и русскими инакомыслящими. У Равиньша были друзья в Москве, с которыми он поддерживал живую связь. Стремление Равиньша спасти Латвию от участия в имперских затеях СССР разделяли и другие участники латышского национального движения в 80-е годы. Об этом свидетельствует, например, распространявшиеся в Латвии в начале 1982 года листовки с протестом против войны в Афганистане. В одной из этих листовок говорилось: «Наши сыновья не должны

убивать афганских сыновей и дочерей. Свободу афганцам и латышам!». [26] Однако среди массы латышей антирусские настроения сохранились и проявлялись в наиболее распространенных надписях: «Русские, убирайтесь домой!». В начале 1982 года на указателях дорог одностороннего движения в сторону Москвы появились надписи: «Для русских в Латвии». [27]

Своеобразие латышского национального движения проявилось не только в его пацифистской окраске. Это своеобразие определилось также наличием за рубежом Латышской социал-демократической рабочей партии (ЛСДРП). Эта партия в независимой Латвии (1918-1940 гг.) была одной из самых сильных и имела значительное число мест в парламенте. Какое-то время ЛСДРП вместе с либералами была у власти. В 1934 году в Латвии произошел переворот Ульманиса, и все партии, кроме правящей, были запрещены, в том числе социал-демократическая. Часть деятелей ЛСДРП эмигрировала, а какая-то часть оказалась в заключении. Вступление в Латвию советских войск в 1940 году и возвращение их в 1944-ом сопровождалось массовыми репрессиями, которые распространились и на социал-демократов (хотя их «левое» крыло сотрудничало с Москвой, исходя из убеждения, что лучше СССР, чем Гитлер). В советской Латвии деятели ЛСДРП были выкорчеваны столь основательно, что деятельность этой партии прекратилась полностью, лишь в единичных случаях члены ЛСДРП, оставшиеся в Латвии, уцелели в заключении. Но эмигрировавшие социал-демократы создали Заграничный Комитет ЛСДРП, и она продолжает свою деятельность. К 1980 году ЛСДРП осталась последним осколком РСДРП. Латышские социал-демократы сумели обеспечить приток в партию новых членов. ЛСДРП выпускает две газеты на латышском языке — партийную и молодежную. Главный заграничный комитет ЛСДРП находится в Стокгольме, но имеет отделения и в других странах. ЛСДРП представлена (с совещательным голосом) в Социалистическом интернационале. Прокламируемой целью ЛСДРП является восстановление независимости Латвии и восстановление там демократии. [28]

В начале 70-х годов деятельность ЛСДРП возобновилась и в Латвии. В этом важную роль сыграли Юрис Бумейстерс (инженер-электроник, один из ведущих специалистов Латвии по применению электронной техники в рыболовном промысле) и Дайнис Лисманис. Оба они немолоды (Бумейстерс — 1918 г.р.), но все-таки принадлежат к новому поколению социал-демократов, включившихся в партийную деятельность уже в советской Латвии. Они оба были арестованы в ноябре 1980 года по обвинению в «измене родине». Суд состоялся в мае-июне 1981 года в Риге и был закрытым, так что подробности дела неизвестны. [29] Видимо, «изменой» были сочтены контакты с латышским социал-демократическим зарубежьем, которые стали довольно оживленными и весьма способствовали распространению социал-демократических идей в Латвии. В то же время именно эти связи с зарубежьем встревожили власти более всего. Возможно, эти связи и навели кагебистов на Бумейстерса и Лисманиса и, во всяком случае, облегчили и ужесточили расправу с ними. За месяц до суда, в апреле 1981 года, в Риге был задержан Мартин Зандберг, руководитель бюро ЛСДРП в Западной Германии. У Зандберга вынудили показания, использованные против Бумейстерса и Лисманиса, хотя Зандберг отказался от этих показаний сразу же по возвращении в ФРГ. [30] Бумейстерс был осужден на 15 лет лагерей строгого режима, Лисманис — на 12. [31]

25 марта 1981 года был арестован 70-летний рижанин Валдис Винкелис. Он имел родственников среди лидеров латышских социал-демократов, находившихся в Швеции, и поддерживал с ними связи. Вскоре после ареста Винкелис скончался в тюрьме. 11 мая был арестован его сын, Юрис Винкелис, [32] осужденный затем по обвинению в распространении латышского тамиздата. [33]

Видимо, Заграничный комитет ЛСДРП сыграл важную роль в развитии публикаций латышского самиздата за рубежом и в налаживании снабжения латышским тамиздатом своих соотечественников на родине.

Аресты трех человек, причастных к социал-демократической деятельности в Латвии, и смерть четвертого вряд ли парализовали эту деятельность, даже если все репрессированные были ее ведущими фигурами. И уж во всяком случае не прекратился приток тамиздата в Латвию, который в 80-е годы составил основную часть неподцензурной литературы, циркулирующей среди латышей. В Латвии распространялась газета ЛСДРП «Бривиба» («Свобода»), издававшаяся в Швеции, и другая партийная литература, но не только партийная. Так, известно, что за рубежом была издана книга Павиласа Бруверса, написанная в советской Латвии, — «Так становятся диссидентами» (о преследованиях автора со стороны КГБ в 1974 году). [35] В Латвии распространялись также книги латышского писателя-эмигранта А. Эглитиса «Пять дней» (о судьбе латышей, депортированных в восточные районы СССР); изданная за рубежом книга А. Балодиса «Прибалтийские республики накануне Великой Отечественной войны», а также переведенный с английского «1984-ый» Джорджа Орвелла. Как попадал тамиздат в Латвию, можно судить, например, по такому сообщению. В апреле 1982 года на пограничной станции были задержаны 18-летние латыши Мартин Симанис (гражданин США) и Харалд Озолс (гражданин Канады), приехавшие в Латвию на каникулы. Их обыскали и отобрали печатные издания и частные письма. [36] Таких поездок из разных стран граждан латышского происхождения было очень много — надо думать, удачных провозов было больше, чем провалов.

Борьба с неподцензурной литературой не ограничивалась обследованием багажа туристов. В феврале 1981 года в Риге были арестованы четверо молодых латышей за распространение «Страшного года». Один из арестованных, получивший шестимесячный лагерный срок, был зарезан в лагере незадолго до окончания срока. [37] Были арестованы латышские поэты (Альфред Зариньш в 1981 г. и Г. Фрейманис — в 1983 г.). Их обвинили в хранении самиздата и в публикации собственных стихов за рубежом. [38] 6 января 1983 года была арестована Лидия Доронина, уже отбывшая срок за распространение самиздата. В 1983 г. у нее снова был изъят разнообразный там- и самиздат, в том числе, как и по первому делу, — документы московской пацифистской группы. Основным обвинением ей, как и Бумейстерсу, была «связь с заграницей». [39] В день ареста Дорониной в Риге были задержаны шведские туристки латышского происхождения, приехавшие в Латвию на Рождество, — Байдба Витолиньш и ее 17-летняя дочь. Их держали в заключении отдельно друг от друга три дня и допрашивали об их причастности к латышской прессе в Швеции и о знакомстве с Дорониной, а затем выслали из СССР. [40]

По делу Дорониной прошло более 50 обысков — среди баптистов (она баптистка) и среди участников латышского национально-пацифистского движения. Во время обыска у Альфреда Левалдса он умер от инфаркта, но обыск продолжался

и после его смерти. Жену (вдову) Левалдса с обыска увезли на допрос, который продолжался несколько часов. [41] По одному делу с Дорониной были арестованы ее друзья, чемпион по гребле Янис Веверис (баптист) и литейщик Гедерт Мелнгайлис (лютеранин). Их обоих тоже обвинили в «связях с заграницей», в частности Мелнгайлиса — в связях с Гунаром Роде, участником «Балтийской федерации», который эмигрировал в Швецию после окончания 15-летнего заключения. И у Вевериса, и у Мелнгайлиса конфисковали там- и самиздат. [42]

В течение 1983 года были арестованы еще несколько человек, среди них — Янис Рожкалнс, обвиненный в принадлежности к подпольной организации «Движение за независимость Латвии», распространении листовок и открытых писем и обращений, а также в связях со шведским обществом перевода Библии, [43] и Гунар Астра, имевший предупреждение за контакты с американскими корреспондентами и дипломатами. [44] Всех арестованных, как и Майгониса Равиньша, насильственно госпитализированного в психбольницу в октябре 1983 года, [45] обвиняли в причастности к самиздату и к национально-пацифистскому движению, а некоторых и в подписании документов правозащитного движения. [46] В маленькой Латвии сторонники разных направлений инакомыслия связаны столь тесно, что трудно, а иной раз и невозможно определить, к какой «категории» инакомыслия относится тот или иной активист. Среди них немало таких, как Доронина, относящаяся к нескольким или даже ко всем «категориям». В 1980 г. несколько участников национально-пацифистского движения были задержаны у монумента Свободы в Риге, где они присутствовали при публичном чтении Библии старшеклассником Рихардом Усансом. Они принадлежали к разным вероисповеданиям, а некоторые были неверующими.

Обыски 1981-1983 годов подтвердили впечатление о заметном расширении циркуляции неподцензурной литературы в Латвии. Аресты тех лет были чувствительными ударами по латышскому диссенту, проявившему себя не только в распространении самиздата и в пацифистских призывах, но и организационно — в налаживании связей с латышским зарубежьем и с московскими активистами правозащитного и пацифистского движений, а также работой в баптистской гуманитарной организация «Акции света» (нечто вроде фонда помощи политзаключенным). Причастность к «Акции света» была одним из обвинений Дорониной и Мелнгайлису. [48] Этот последний факт позволяет предполагать, что «Акция света» не ограничивала свою благотворительность только баптистами (Мелнгайлис — лютеранин), а помогала и другим жертвам репрессий в Латвии.

Аресты 80-х годов «сняли» ведущих деятелей как социал-демократического подполья, так и большинство решившихся на открытые выступления. Но эти небольшие кружки тесно связанных между собой инакомыслящих составляли лишь «верхушку» скрытого под поверхностью айсберга независимой общественной жизни маленького народа, ощущающего свою принадлежность к западному миру и не желающего мириться с насильственной оторванностью от него. Утрата «верхушки», вероятно, замедлила развитие латышского диссента, но не уничтожила его, а тем более его питательной среды. Об этом свидетельствуют продолжающиеся ежегодные паломничества к могиле президента независимой Латвии Яниса Чаксте, манифестации у монумента Свободы в Риге, водружения национального флага, листовки и надписи, а особенно — столь же неистребимый самиздат.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Латвийской ССР. Сокращенный курс, 2-ое переработанное и дополненное издание. Рига, Академия наук Латв. ССР, 1971, с.с. 706-707.
2. История Латвийской ССР. Рига, АН Латв. ССР, Институт истории и материальной культуры, 1958, т. 3, с. 644.
3. Там же.
4. Реестр осужденных или задержанных в борьбе за права человека в СССР с 5 марта 1953 года по февраль 1971 года. (Радио «Свобода», отдел «Архивы самиздата», 1971, с.с. 213-218.
5. Хроника текущих событий (ХТС), № 11, Амстердам, Фонд им. Герцена, 1978, т. 1, с. 329.
6. Свидетельства многих очевидцев — жителей Энгуре, в личных беседах.
7. ХТС, (вып. 1-15), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, т. 1, вып. 15, с. 491.
8. Там же, т. 2, с.с. 70-71, 101.
9. Архив самиздата Радио «Свобода» (АС) № 2432 (не опубл.).
10. Там же, № 2433 (не опубл.).
11. Там же, № 2434 (не опубл.).
12. Там же, № 2435, 2692 (не опубл.).
13. ХТС, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», вып. 42, с.с. 82-83.
14. ХТС, вып. 41, с. 30; вып. 42, с.с. 25-26.
15. ХТС, вып. 11, с. 331.
16. ХТС, вып. 17, с.с. 773, 138-139.
17. Народное хозяйство СССР в 1970 г., Москва, изд-во «Статистка», 1971, с. 20.
18. ХТС, вып. 32, с.с. 10, 78; вып. 34, с.с. 9-11.
19. ХТС, вып. 41, с. 30.
20. Архив самиздата. (Радио «Свобода», Мюнхен, АС), № 2435 (не опубл.).
21. ХТС, вып. 47, с.с. 43-44.
22. ХТС, вып. 54, с.с. 135-136; АС № 3755: вып. 39/79.
23. АС № 3875, вып. 6/80.
24. АС № 4570, вып. 6/82.
25. «Вести из СССР. Права человека». Под ред. Кронида Любарского, Мюнхен, 1982, вып. 10, № 35.
26. Там же, № 36.
27. Там же, вып. 13, № 25.
28. «Форум», общественно-политический журнал, под ред. Владимира Малинковича. Мюнхен, «Сучасність», 1983, № 4 (интервью с председателем Заграничного комитета ЛСДРП Бруно Калныньшем), с.с. 67-74.
29. «Вести из СССР», 1981, вып. 10, № 1.
30. Там же, вып. 8, № 41, вып. 10, № 1.
31. Там же, вып. 11, N 7.
32. Там же, вып. 17, № 4.
33. Там же, 1982, вып. 2, № 2.
34. Там же.
35. Там же, 1981, вып. 22, № 8.
36. Там же, 1982, вып. 8, № 25.
37. Там же, 1981, вып. 22, № 8.
38. Там же, вып. 21, № 3.
39. Там же, 1983, вып. 3, № 3, вып. 15, № 1.
40. Там же, вып. 2, № 29, вып. 3, № 3.
41. Там же, вып. 3, № 3.
42. Там же, вып. 23/24, № 2; вып. 4, № 2; вып. 3, № 3; вып. 13, № 15.
43. Там же, вып. 8, № 1; вып. 10, № 15; 1984;, вып. 5, № 15; 1983, вып. 16, № 3.
44. Там же, 1983, вып. 18, № 1.
45. Там же, 1984, вып. 5, № 15.
46. См. примечание 43.
47. «Вести из СССР», 1982, вып. 23, № 7; 1983, вып. 7, № 40.
48. Там же, 1983, вып. 4, № 5.

АРМЯНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Армяне — народ древней культуры, с трехтысячелетней историей и созданной 16 веков назад письменностью. Однако уже пять веков как Армения утратила государственную независимость. Христианская Армения, расположенная между Россией и Турцией, всегда тяготела к России, в которой армяне видели единственный заслон от иноверцев. После 1915 г., когда турки изгнали армян из Западной Армении, вырезав 1,5 млн. ее жителей, армяне укрепились в сознании невозможности иного пути для Армении, как с Россией. В царской России Армения была на положении «Ереванского округа», но приходилось выбирать между этим злом и угрозой физического уничтожения народа.

Во время революции в России Армения отделилась: 28 мая 1918 г. она была провозглашена независимой республикой. У власти находилась национальная партия дашнаков, социальная программа которых была близка к программе русских эсеров. Советская Российская республика признала независимое армянское государство, но оно сразу же столкнулось с турецкой опасностью: по Брестскому миру между советской Россией и Германией союзная с ней Турция получила армянские города Карс и Ардаган. Первым шагом дашнакского правительства было заключение Батумского договора с Турцией, что дало возможность Армении просуществовать как независимому государству в течение двух лет. В ноябре 1920 г. в Армению вошли регулярные части Красной Армии. 29 ноября она была провозглашена советской республикой. Дашнакское правительство вынуждено было уйти в отставку. Таким образом, с 1920 г. Армения вошла в состав Советского государства. За 60 лет у армян накопился длинный счет обид и претензий к московским правителям. После окончания первой мировой войны центральное советское правительство яростно противилось предложениям тогдашнего президента США Вудро Вильсона: на землях, принадлежавших Турции, создать, кроме Ливии, Сирии и других новых государств, самостоятельное Армянское государство на исторической территории Армении между озером Ван и Араратом, куда могли бы вернуться рассеянные по миру потомки армян, спасшиеся от резни 1915 г. Армения осталась частью Советского Союза. С тех пор СССР, по мнению армянских патриотов, нередко заигрывал с Турцией и поступался интересами и чувствами армян. Их очень печалит, что Советский Союз не делает никаких шагов к решению проблемы Карса и Ардагана, а также Западной Армении, находящихся во власти турок. Кроме того, пограничные с Арменией Нагорный Карабах и Нахичевань, заселенные на 80% армянами, отданные было Армении при ее вступлении в состав Советского государства (30 ноября 1920 г.), впоследствии отошли к Азербайджану. Армянское население этих областей страдает от при-

теснений национально чуждого руководства. Между армянами и азербайджанцами отношения постоянно напряженные. Иногда это напряжение выливается в междоусобицы. Так, в Степанакерте (Карабах) директор школы — азербайджанец — убил школьницу-армянку. Судья-азербайджанец вынес убийце мягкий приговор. Толпа армян, ждавших у суда, возмущенная попустительством убийц, устроила самосуд — была сожжена машина, в которой находились преступник, судья и еще несколько человек.

Патриотически настроенные армяне добиваются передачи Карабаха и Нахичевани Армении. В учебных заведениях этих областей распространяются время от времени листовки с призывом к воссоединению армян, по селам ходят энтузиасты, обращающиеся к крестьянам с такими же призывами. [1]

Проживание более 40% советских армян вне пределов Армении - очень болезненный вопрос для всей нации. Армяне, живущие в СССР за пределами Армении, не могут переселиться на родину, так как в маленькой Армении, где уже сейчас живет более 3 млн. человек, для них нет «жизненного пространства». Около 2 млн. армян живут вне СССР, главным образом на Ближнем Востоке.

Патриотически настроенные армяне болезненно переживают рассеяние нации, расчлененность Армении и ее зависимое положение, которое часто дает о себе знать в унизительной форме. Эти чувства свойственны всем слоям общества, включая партийно-советскую верхушку нынешней Армении. Однако национально-патриотическое движение, выдвигающее требование «справедливого решения армянского вопроса», загнано в подполье и находится в отрыве от своих соотечественников.

Самым ранним свидетельством об организованных формах этого движения является сообщение о подпольной группе «Союз армянской молодежи», возникшей в 1963 г. и просуществовавшей до 1966 г. [2]

В 1965 г. участники этой группы деятельно готовились к 50-летней годовщине гибели 1,5 млн. армян, отмечаемой 24 апреля. В Ереване в этот день прошли очень скромные по масштабам и сдержанные по тону официальные «мероприятия» и — состоялось незапланированное властями 100-тысячное траурное шествие. Большинство участников составляла молодежь.

В этот день студенты, собравшись с утра в институтах, не приступили к занятиям, а вышли на улицы. Они устремились в центр Еревана, к площади Ленина, по дороге заходя в учреждения, библиотеки и т.п. и призывая находящихся там людей присоединиться к ним. Демонстранты несли плакаты: «Справедливо решить армянский вопрос!» и т.п.

С полудня на площади Ленина начались митинги. К вечеру толпа окружила здание оперы, где проходило официальное собрание «представителей общественности» по случаю годовщины. В окна полетели камни. Стоявшие наготове пожарники направили на людей брандспойты. Демонстрация была разогнана. В городе дружинники избивали прохожих с траурными значками на груди. [3]

Как хотели бы армяне разрешить свои национальные проблемы и каковы их доводы, явствует из письма Е.Г. Ованнисяна в ЦК КПСС (начало 1965 г.). Он обратился в ЦК с предложением поставить памятник армянам — жертвам турецкого геноцида 1915 г. — и при этом сформулировал претензии армян к советскому правительству:

«Армянский народ разбросан по всему свету, в то время как армянские земли с разрушенными городами и селами безлюдствуют на территории Турции» (речь идет о Западной Армении).

Рано или поздно народ, изгнанный со своей родной земли, должен вернуться на свою родину. Это не должно случиться путем кровопролития. Все империалисты, хоть и не без сожаления, вынуждены вернуть свободу захваченным ими чужим территориям. Турки не могут составить исключения. Вопрос был бы давно решен, если бы партия и правительство занялись бы им, но неизвестно почему, муки и горе армян не интересуют их... Из 767 тыс. кв. км (территории Турции) Армении полагается 200 тыс. кв. км, которые нужно присоединить к Армянской ССР, т.е. Муш, Ван, Требизунд. В СССР живет более 3,5 млн. армян. Наше правительство должно выступить в защиту этого народа».

Кроме того, Ованнисян требует

«...ликвидировать последствия Батумского договора, заключенного с Турцией дашнакским правительством Армении»,

по которому к Турции отошли Карс и Ардаган.

Надо сказать, что аналогичные требования Турции выдвинул в 1948 г. тогдашний секретарь ЦК КП Армении Арутюнов в выступлении на сессии ООН, обосновывая их так же, как и Ованнисян, невозможностью иным путем покончить с рассеянием армян из Западной Армении: нынешняя Армения слишком мала, чтобы принять всех репатриантов. [4]

Между тем значительную часть репатриантов, прибывших тогда в СССР, прямо из Батумского порта отправляли на Алтай и в Сибирь. Туда же отправляли массами армян, высылаемых из Советской Армении, а на их место привозили жителей опустошенных войной русских районов. Лишь после 1956 г. оставшиеся к этому времени в живых высланные армяне получили возможность перебраться в Армению. [5]

Относительно пограничных с Арменией районов, заселенных армянами, но отданных в 1924 г. Азербайджану, Ованнисян пишет:

«Крым был передан Украинской ССР; Голодная степь, которая в полтора раза обширнее Армении, была отдана Узбекистану, и т.д. Почему армянам нельзя воссоединиться со своим родным народом в пределах Республики? ...Армянские районы — Шалмхорский, Дащкесанский, Ханларский, Шаумянский и Нагорный Карабах следует присоединить к Армянской ССР». [6]

Примерно на платформе, изложенной Ованнисяном, в 1966 г. в Ереване была создана (подпольно) Национально-Объединенная партия (НОП) Армении. Ее основателями были художник Айкануз Хачатрян (1919 г.р.) и студенты Степан Затикян и Шаген Арутюнян.

А. Хачатрян написал программу НОП и текст клятвы, которую полагалось дать при вступлении в партию. Он вместе с Ш. Арутюняном и С. Затикяном выпустил первый номер газеты НОП «Парос» («Маяк»). Присоединившиеся к ним члены НОП писали статьи, призывавшие к созданию независимой Армении, распространяли листовку «Больше молчать нельзя», подготовили издание журнала «Во имя родины» (343 экземпляра). [7]

В 1968 г. основателей НОП и несколько их последователей арестовали, и фактическим руководителем НОП стал 19-летний Паруйр Айрикян, студент ереван-

ского политехнического института, сочинитель армянских патриотических песен. Однако в 1969 г. и он был арестован и предстал перед судом вместе с 5-ю своими сверстниками («процесс двадцатилетних»).

Их, как и прежде и потом всех деятелей НОП, судили за «антисоветскую агитацию и пропаганду» и за участие в «антисоветской организации». Айрикяну было предъявлено обвинение в руководстве подпольной группой и в том, что он читал сам и давал читать другим газету «Парос», программу и устав НОП. Вместе с другими обвиняемыми он организовал 24 апреля 1969 г. радиопередачу у памятника жертвам резни 1915 г. Молодые люди, собираясь тайно, читали статьи о судьбе армянского народа, о советской национальной политике («Не только хлебом насущным», «Вновь на алтарь жертв русско-турецкой дипломатии», «Пути разрешения армянского вопроса» и др.). Юноши распространяли изготовленные ими листовки с протестом против «российского шовинизма», с требованием вернуть Армении Нагорный Карабах и Нахичевань и с призывами к независимости Армении. [8]

Айрикян был приговорен тогда к 4 годам лагеря строгого режима. В апреле 1973 г. он возвратился на родину и был поставлен под административный надзор, но в феврале 1974 г. был снова арестован «за нарушение правил надзора». Уже находясь под арестом, он был вторично обвинен в «антисоветской агитации» и приговорен к 7 годам лагеря строгого режима. В конце этого лагерного срока, в 1980 г., против него было возбуждено новое дело и он получил еще 3 года лагеря. [9] Похоже, Айрикяну уготована судьба «вечного лагерника».

В 1974 г., уже находясь в заключении, П. Айрикян вместе с другим членом НОП А. Аршакяном отредактировал программу и устав партии, и с тех пор они не менялись. [10]

Эта программа НОП отвергает антикоммунизм и антимарксизм, свойственный прежней ее программе, исключает экстремистские методы и применение насилия. В новой программе речь идет тоже об Армении в ее «исторических границах» (без их указания), но — лишь как об отдаленной, а не как о конкретной цели. Основной же упор делается на достижение независимости нынешней Армянской ССР путем выхода ее из состава Советского Союза на основе записанного в советской конституции права. Поскольку в конституции СССР не оговаривается, каким путем должно быть выражено желание населения союзной республики на выход из СССР, НОП в своей программе предлагает добиваться всеармянского референдума на этот счет (в нем предполагается участие всех армян, а не только живущих на территории Армянской ССР) под международным контролем — НОП имеет в виду ООН. Предварительным условием такого референдума должно быть обеспечение свободы выражения мнений каждого и, как одно из проявлений этой свободы, — легализации НОП. В программе особо подчеркивается, что НОП не является антисоветской организацией, поскольку будущая свободная Армения мыслится как дружественное СССР государство, а вопрос о ее социальном устройстве вообще не ставится НОП, она оставляет его на обсуждение народа свободной Армении.

Программа определяет НОП как «национально-демократическую партию», общеармянскую организацию, членом которой может стать каждый армянин независимо от его политических и религиозных убеждений и даже партийной принадлежности, если только он готов поставить «общие интересы нации выше личных выгод и интересов». НОП мыслится скорее как национальный фронт, чем

как партия, так как она стремится не к приходу к власти, а к независимости Армении и имеет в виду свое распадение на разные партии в соответствии с политическими взглядами отдельных своих членов после достижения Арменией независимости.

Во главе НОП стоит партийный Совет, состоящий из руководителей группировок НОП. Руководителя партии выбирают члены Совета. Все решения принимаются голосованием, причем руководитель партии имеет два голоса. Решение Совета обязательно для исполнения членами НОП.

НОП разрешает выступать от ее имени группам и индивидуумам, не нашедшим еще контактов с НОП, если они действуют под ее основным лозунгом: «Да здравствует независимая Армения! Требуем референдума!». Члены НОП распространяют этот лозунг с помощью листовок, надписей на стенах зданий, разъясняют его в самиздатских статьях, для чего организуют издание соответствующей самиздатской периодики, ведут исследовательскую и организационную работу, цель которой — развитие национального самосознания армян.

Обращаясь к зарубежным армянам, НОП призывает их поддерживать ее основной лозунг демонстрациями перед советскими посольствами, петициями, и заявлениями, публикацией и распространением документов НОП. [11]

Паруйр Айрикян, на суде в 1974 г. признавший свою принадлежность к НОП, но отрицавший свою ведущую роль в партии, в лагере открыто объявил, что он — секретарь НОП. Некоторые члены НОП — политзаключенные — последовали его примеру и тоже стали открыто выступать от имени партии с ее требованиями. Так, 5 августа 1974 г. П. Айрикян и пятеро его товарищей по партии провели трехдневную голодовку в поддержку своего обращения в ООН к К. Вальдхайму с просьбой создать международную комиссию для расследования преступлений советской власти против народа Армении.

В 1976 г. в День конституции (5 декабря) провел голодовку член НОП политзаключенный Размик Маркосян, пославший председателям Верховных Советов СССР и Армянской ССР заявления, в которых настаивал на законности НОП,

> *«...ставящей своей задачей добиться независимости Армении в ее исторических границах мирными средствами, в том числе путем проведения референдума в советской части Армении».*

В тот же день политзаключенные П. Айрикян, Р. Маркосян и А. Аршакян выпустили общее заявление, требуя легализации НОП и проведения референдума в Армении. Их требование было поддержано заявлениями в Президиум Верховного Совета Армянской ССР 15-ти политзаключенных разных национальностей (русских, евреев, украинцев и литовцев). [12]

В 1974-1975 гг. голодовки политзаключенных в поддержку требований НОП сопровождались петиционной кампанией: в советские инстанции и в ООН писали армяне, требовавшие легализации НОП и освобождения ее арестованных членов (к этому времени прошли через суды около 80 членов НОП).

1 апреля 1977 г. была объявлена открытая правозащитная ассоциация — Армянская Хельсинкская группа (АХГ). В нее вошли: экономист Эдуард Арутюнян (1926 г.р.), он стал руководителем Группы; студент политехнического института Самвел Осян и Роберт Назарян (1948 г.р.) — физик и дьякон армянской православной церкви. Позднее в АХГ вошли рабочие — Шаген Арутюнян (один из

основателей НОП) и Амбарцум Хлгатян. АХГ обнародовала декларацию, в которой к целям, определяемым Заключительным Актом Хельсинкских соглашений, добавила: стремиться к принятию Армянской ССР в члены ООН

«...с целью решения общенациональных проблем рассеянных по всему миру армян»,

добиваться

«...воссоединения с Армянской республикой включенных ныне в территорию Азербайджанской СССР Нагорного Карабаха и Нахичеванской автономной области»;

«...требовать использования армянского языка во всех сферах жизни в Армении»

(дело в том, что сейчас в Армении примерно половина школ является русскими, и среди молодых армян нередки люди, не знающие толком родного языка).

Армянская Хельсинкская группа сделала несколько сообщений о нарушениях гражданских и человеческих прав на территории Армянской ССР. Сообщение в адрес Белградской конференции является суммарным, в нем отмечаются факты подавления национальной армянской культуры; дискриминации армянского языка; приводятся фамилии людей, лишившихся работы по идеологическим мотивам; указывается на нарушение человеческих прав политзаключенных-армян; перечисляются лица, которым отказано в праве эмигрировать; перечисляются книги, изъятые из библиотек и уничтоженные только потому, что их авторы эмигрировали из СССР. [13]

Роберт Назарян, который поклялся не говорить на армянском языке до тех пор, пока Карабах не вернется в состав Армении, выступил с обращением к советским и зарубежным армянам оказать материальную помощь армянским политзаключенным и их семьям. 22 декабря 1977 г. Назарян был арестован, обвинен в «антисоветской агитации» и осужден на 5 лет лагеря и 2 года ссылки. В один день с ним был арестован другой член АХГ — Шаген Арутюнян, получивший 3 года лагеря по сфабрикованному делу о «злостном хулиганстве» — избиении работников милиции.

После их ареста руководитель АХГ Э. Арутюнян выступил с обращением к армянскому народу за рубежом — он сообщал, что АХГ разгромлена. [14] И действительно, вскоре из нее вышел С. Осян, убедившийся, по его словам, в бессмысленности правозащитной работы в советских условиях. Группа не пополнилась новыми членами. Деятельность ее прекратилась. Однако другая форма правозащитной деятельности — более привычная, чем открытая общественная ассоциация, приобрела в это же время довольно широкие масштабы и дала заметный эффект. Я имею в виду обсуждение проекта новой конституции Армянской ССР, происходившее весной 1978 г.

В Армении, как и в Грузии, основное внимание во время обсуждения сосредоточилось на требовании сохранить родной язык как язык государственный. Здесь не было многотысячной демонстрации по этому поводу, как это имело место в Тбилиси, но были соответствующие письма в газеты и выступления на собраниях, проходивших в учреждениях, на предприятиях и в институтах.

После событий в Грузии рисковать в Армении не решились, формулировка о языке в ст. 72 конституции Армянской ССР осталась неизменной.

Одновременно с обсуждением новой конституции в Армении шли многочисленные допросы по делу Степана Затикяна (1947 г.р.), арестованного 3 ноября 1977 г., и двух молодых рабочих, живущих с ним по соседству, — Акопа Степаняна (1949 г.р.) и Завена Багдасаряна (1954? г.р.). С весны 1978 г. от побывавших на допросах стало известно, что этих троих обвиняют во взрыве в московском метро, случившемся 8 января 1977 г. и повлекшем человеческие жертвы (44 раненых и 7 убитых, по сведениям в «Известиях», 8 февраля 1979 г.). [15]

Степан Затикян был одним из основателей НОП. Отбыв за эту свою деятельность заключение в 1968-1972 гг., после освобождения он не имел возможности продолжать образование (он был арестован на 3-м курсе Ереванского политехнического института) и стал работать сборщиком трансформаторов на Ереванском электромеханическом заводе. Женился (на сестре П. Айрикяна), имел двух маленьких детей. К деятельности НОП не вернулся, полагая ее безнадежной. В 1975 г. отказался от гражданства и подал заявление на выезд из СССР. О Степаняне и Багдасаряне известно только, что они — родственники, свидетельств о какой-либо их причастности к армянскому национальному движению нет.

Из допросов можно было заключить, что следствие стремится связать воедино НОП, Армянскую Хельсинкскую группу и дело о взрывах.

Суд был проведен в Москве, и происходил настолько тайно, что неизвестен день, когда он начался. Никто из родственников о суде извещен не был, никто из них на нем не присутствовал.

Приговор был вынесен 24 января 1979 г.: всем троим — расстрел.

Известно, что подсудимые виновными себя не признали (хотя в «Известиях» утверждалось обратное).

Родственники узнали о приговоре лишь на свидании после суда. «Нас осудили за 10 минут в пустом зале», — сказал А. Степанян. «За все 15 месяцев я не сказал им ни слова», — сказал Затикян. На вопрос брата — «Скажи мне, ты действительно участвовал в этом преступлении?» — он ответил: «Единственная моя вина в том, что я оставил в этом мире двоих детей. Другой вины на мне нет».

Приговор был приведен в исполнение до 31 января 1979 г., до истечения срока обжалования. [16]

А.Д. Сахаров и Московская Хельсинкская группа выступили с протестами против чудовищных нарушений принципов гласности судопроизводства.

> *«Невозможно понять, — писали в своем обращении члены Московской Хельсинкской группы, — почему процесс по такому обвинению понадобилось проводить в полной тайне... Ведь взрыв в метро вызвал всеобщее возмущение, и убедительное доказательство вины обвиняемых, если только обвинение располагает такими доказательствами, содействовало бы всеобщему осуждению преступников. Отсутствие гласности и вся обстановка секретности дают основания сомневаться в обоснованности обвинения, в объективности и беспристрастности суда».* [17]

А.Д. Сахаров сразу после взрыва в метро высказал предположение, что взрыв этот, возможно, затеянная в политических целях провокация КГБ. На такую мысль наводила, в частности, необычайная быстрота, с которой сообщили о нем западным корреспондентам официальные лица, хотя обычно такие происшествия от западной прессы скрываются, а если о них и сообщается, то после долгих «согласований». Здесь же оперативность сообщения наводит на мысль, что оно было

«согласовано» заранее. Если же это не провокация КГБ, то истинные виновники взрыва или не были найдены или, будучи обнаруженными, оказались «невыгодными» в политическом отношении. По Москве ходили слухи, что следствие привело в подмосковный город Александров на радиозавод и что виновники взрыва — русские рабочие, действовавшие на почве недовольства нехваткой продуктов. Если это действительно оказалось так, «наверху» могли принять решение скрыть истинных виновников, чтобы не обнаруживать недовольства русских рабочих экономической ситуацией в стране, и использовать взрыв для дискредитации «врагов внутренних» по выбору КГБ. Изобразить террористами московских правозащитников, как попытались сразу, оказалось невозможным: они сами и их мирная деятельность были достаточно известны на Западе. С точки зрения КГБ, вполне разумно было остановить выбор на армянском национальном движении.

Армения — единственная в СССР республика, где существует партия, ставящая своей целью отделение от СССР, и идея эта вызывает сочувствие народа. В течение 15 лет КГБ имел возможность убедиться в неуничтожаемости НОП — после каждой серии арестов появлялись новые и новые приверженцы. В то же время НОП и вообще настроения в Армении мало известны за ее пределами. Московские правозащитники тоже смутно представляют себе цели и методы НОП (в «Хронике текущих событий» отдельная рубрика «События в Армении» появилась лишь в 56 и 57 выпусках — апрель и август 1980 г., а до тех пор информация из Армении были эпизодической и очень краткой).

Армянская диаспора не оказывает действенной помощи НОП, не осведомлена о настроениях в Армении, но в то же время известны зарубежные террористические организации. Это облегчало дискредитацию армянского национального движения внутри СССР и за его пределами путем представления его как пользующегося методами террора.

Многочисленные допросы по делу Затикяна, проведенные в Армении, вызвали разнотолки среди сочувствующих НОП о том, причастен ли Закитян на самом деле к взрыву. Большинство знавших его категорически отрицают такую возможность. Некоторых следователи убедили в виновности обвиняемых. Но надо сказать, что в этих дебатах речь шла лишь о причастности к взрыву самого Затикяна (отошедшего от НОП) и его подельников, никому из членов НОП не известных. Даже те, кто верил в их вину, не сомневался в полной непричастности к терроризму НОП и никто не предлагал ее жертвенный, но мирный путь сменить на путь террора.

Армянское национальное движение продолжается в мирной форме, как призывает НОП.

В декабре 1978 г. и феврале 1979 г. в Ереване были в массовом порядке распространены листовки с критикой Брежнева и советской власти. Листовки были разбросаны в общественных местах и положены в почтовые ящики частных квартир. 27 декабря в жилом доме писателей сотрудники КГБ изымали эти листовки в присутствии владельцев почтовых ящиков. Было распространено несколько тысяч таких листовок (по слухам, видимо, исходящим от самих распространителей — около 30 тысяч), [18] но это вызывает сомнение.

13 июля 1979 г. был арестован руководитель Армянской Хельсинкской группы Эдуард Арутюнян. [19] Его судили в марте 1980 г. «за клевету». Против обыкновения, на суд этот пустили нескольких друзей обвиняемого и даже (случай, неслыханный в советской практике политических судов) разрешили выступить в

качестве общественного защитника отцу подсудимого. Арутюнян и сам смело защищался. Его адвокат (Ю. Мкртчян) потребовал оправдания подсудимого. В последнем слове Арутюнян сказал, что отказывается просить что-либо у суда, так как считает это ниже своего достоинства, проклял Брежнева и правительство, потребовав освободить всех узников совести, и сказал, что счастлив тем, что он — правозащитник и арестован только за то, что вел борьбу против «грязных дел советских руководителей...» Приговор — 2,5 года лагеря общего режима. [20] Однако вскоре после окончания срока Эдуарду Арутюняну было предъявлено новое обвинение, и он получил новый срок, разделив судьбу всех участников хельсинкских групп, у которых срок заключения заканчивался после 1980 г. [21]

Разгром Армянской Хельсинкской группы, установившей связь с московскими правозащитниками, сократил, но не оборвал эту связь. Сведения из Армении продолжали поступать в Хронику и после прекращения существования АХГ. Настроения, отраженные в ее документах, не умерли, а поднятые ею проблемы ждут решения.

Национальные чувства находят открытое проявление в интересе к национальной истории и культуре — к родному языку, народной музыке, а также к церкви (пожалуй, именно не к религии, а к церкви как институту национальной культуры).

Продолжается и подпольная деятельность по пути, проложенному НОП.

14 мая 1980 г. был арестован по обвинению в участии в подпольной организации Александр Маначурян. В отличие от большинства деятелей НОП, он — не юноша (1929 г.р.). Отец Маначуряна был министром связи Армении; его арестовали в 1937 г. и он погиб в лагере. Александр Маначурян был старшим научным сотрудником Армянской Академии наук, специалистом по средневековой армянской эпитафике, он публиковался в СССР и за рубежом, бывал в заграничных командировках, что является верным признаком успешной карьеры и доверия властей.

Суд (март 1981 г.) инкриминировал Маначуряну, кроме участия в «антисоветской» организации вместе с учителями сельских школ Смбатом Мелконяном и Ашотом Апикяном, еще и авторство «антисоветских» статей: «Все о национальном вопросе» и «Империализм». [22] Неизвестно, были ли подсудимые членами НОП или создали отдельную организацию.

Почти одновременно с этим судом в Ереване состоялся еще один такой же суд — над 5-ю участниками подпольного «Союза молодых армян»: Мрзпетом Арутюняном (1940 г.р.), Вартаном Арутюняном (1960 г.р.), Ишханом Мкртчяном (1957 г.р.), Самвелом Егиазаряном (1959 г.р.) и Оганесом Агабабяном (1958 г.р.). Члены Союза писали и распространяли стихи, в которых «воспевалась идея независимой и свободной Армении».

Идеологом и вдохновителем Союза обвинение представило Мрзпета Арутюняна (брата основателя НОП, а позднее — участника АХГ Шагена Арутюняна), практическим руководителем — Ишхана Мкртчяна.

Мрзпет Арутюнян заявил на суде, что целью Союза молодых армян является пропагандирование выхода Армении из состава СССР. Но в отличие от политически нейтральной НОП, Союз ориентировался на партию Дашнакцутюн. Арутюнян сказал, что в будущей независимой Армении компартия была бы поставлена вне закона. В последний день суда подсудимые требовали отправить приветственную телеграмму президенту США Р. Рейгану.

«Он останется верным своим обещаниям».

Возможно, группа Маначуряна была как-то связана с Союзом молодых армян (во всяком случае, следствие стремилось представить доказательства такой связи).

Аресты и суды по политическим мотивам продолжались в Армении и в 1982-1983 гг. В 1982 г. были осуждены члены НОП Ашот Навасардян и Азат Аршакян. [23] В 1983 г. были осуждены трое: геолог, сотрудник Академии наук Георгий Хомизури (1940 г.р.) — за авторство самиздатской работы «История Политбюро КПСС» и за распространение самиздата — преподаватели Ереванского университета филолог Рафаэль Папаян (1946 г.р.) и лингвист Эдмунд Аветян (1950 г.р.). [24] Этих троих не обвиняли в принадлежности к НОП, но их самиздатская деятельность способствовала распространению тех же идей, которые воодушевляют членов НОП. Заметно, что в 80-е годы социальный статус и возраст активистов армянского национального движения повысились. Основным требованием армянских патриотов остается независимость Армении. Поскольку возможность достижения этой цели в обозримом будущем маловероятна, а репрессии за поддержку этой цели жестоки, то движение обречено на малочисленность, однако подавить его все-таки не удается — арестованных энтузиастов сменяют новые, что указывает на укорененность этой идеи в армянском народе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Самиздата Радио «Свобода», Мюнхен (АС), № 1214, т. 24.
2. АС № 3798, вып. 45/79.
3. АС № 1217, т. 24; сообщение очевидца Александра Малахазяна.
4. АС № 1216, т. 24.
5. Сообщение очевидца Александра Малахазяна.
6. АС № 1216, т. 24.
7. АС № 3119, вып. 4/78.
8. «Хроника текущих событий», №№ 16-17, Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 16, с.с. 11-12.
9. «Хроника текущих событий» (ХТС), Нью-Йорк, изд-во «Хроника», вып. 34, с.с. 13-14; «Дело Айрикяна», изд-во «Хроника», 1977.
10. АС № 3119, вып. 4/78.
11. Там же.
12. АС № 2285, вып. 41/75; ХТС, вып. 43, с. 23; АС № 3075, вып. 32/77.
13. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», вып. 4, с.с. 69-77.
14. ХТС, вып. 48, с.с. 31-36.
15. ХТС, вып. 44, с.с. 39-42; вып. 48, с. 44.
16. ХТС, вып. 52, с.с. 5-14; вып. 56, с.с. 145-152.
17. Сборник документов Общественной группы содействия..., вып. 6, с. 68; ХТС, вып. 52, с.с. 13-14.
18. АС № 3712, вып. 32/79.
19. ХТС, вып. 53, с. 80.
20. ХТС, вып. 56, с.с. 70-72.
21. «Вести из СССР. Права человека», под ред. Кронида Любарского, Мюнхен — Брюссель, 1983, вып. 6 № 1.
22. ХТС, вып. 57, с. 61; вып. 62, с.с. 75-77.
23. ХТС, вып. 64, с.с. 39-40.
24 «Вести из СССР», 1982, вып. 23/24, № 5; 1983, вып. 15, № 2.

ГРУЗИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

С X века Грузия была единственной на Кавказе христианской страной, сохранявшей государственную самостоятельность, а с XIV века, после падения Византии, — единственным самостоятельным христианским государством на всем юго-востоке, завоеванном мусульманами. Естественно, со времен освобождения русских княжеств из-под власти Орды Грузия тяготела к ним как к родственным по вере.

Однако опора на русских против мусульманских соседей несколько раз вызывала разочарование грузин отсутствием обещанной помощи в нужный момент. Так было во времена Петра I в войне с Персией и во времена Екатерины II в войне с Турцией.

В 1783 г. грузинский царь Ираклий, видя невозможность сопротивления мусульманской экспансии, отдал Грузию под покровительство России. Используя безвыходное положение Грузии, русские императоры нарушили договоренность, по которой верховная власть в Грузии оставалась за грузинской династией и сохранялась ее самостоятельность во внутренних делах. Грузия была превращена в «Тифлисскую губернию» и там проводилась русификаторская политика. Большое раздражение в Грузии вызвало переселение в 1828 г. в южные ее области 30 тыс. армян, совершенное по приказу русского управителя Грузии графа Паскевича. Преобладание армянского населения в этих областях породило в дальнейшем притязания армянских националистов на присоединение этих областей к Армении в ее «исторических границах».

После революции 1917 г. Грузия ненадолго обрела самостоятельность. Грузинское государство возглавили меньшевики. Они были в Грузии наиболее влиятельной из оппозиционных сил, в то время как большевики были малочисленны.

В 1921 г. меньшевистское правительство было свергнуто советскими войсками, призванными «на помощь» грузинскими большевиками во главе с Серго Орджоникидзе. Меньшевистское правительство отправилось в эмиграцию.

Грузинские большевики, придя к власти, не приобрели популярности в народе. Особое возмущение вызывал их «интернационализм», проявившийся в передаче северо-восточной части Грузии Азербайджану. Эти области до сих пор входят в Азербайджанскую ССР и живущие там грузины постоянно страдают от национальной дискриминации со стороны азербайджанских властей и азербайджанского населения.

В 1922 г. патриарх грузинской православной церкви Амврозий выступил с письмом, в котором заявил о порабощении Грузии советской Россией. В 1924 г. в Грузии поднялось восстание за отделение. Оно было жестоко подавлено.

С тех пор советская власть прочно укрепилась в Грузии, но национальная ущемленность, окрашенная антирусской и антиармянской неприязнью, сохраняется. В сталинское время сепаратистские мечтания не проявлялись вовне из-за периодических кровопусканий, которым, вопреки распространенному в СССР мнению, Грузия подвергалась ничуть не меньше, чем остальные республики.

Из-за систематических искажений истории Грузии с древнейших времен до наших дней во всей разрешенной в СССР литературе, из-за физического уничтожения носителей сепаратистских требований и антибольшевизма поколения грузин, выросшие в сталинское время, сохранив традицию неприятия советских реалий, утратили его лозунги, его дух. 9 марта 1956 г. в Грузии произошло массовое политическое выступление — многотысячная молодежная демонстрация в Тбилиси. Но лозунги демонстрантов были в основном просталинские: национальная ущемленность проявилась в протесте против разоблачений Сталина на XX съезде КПСС как «антигрузинских». Демонстрация эта, которая была одним из первых открытых политических выступлений в СССР в послесталинское время, закончилась трагически: против демонстрантов были пущены танки, было много жертв. [1]

После этого открытые массовые выступления в Грузии не повторялись более 20 лет, но национальное движение не прекратилось. Аффектированные национальные чувства, антирусская и антиармянская антипатии распространены во всех слоях общества. В низах городского населения они сохраняют просталинскую окраску. Среди интеллигенции, наоборот, Сталин непопулярен.

Основной силой национального движения в Грузии является учащаяся молодежь — студенты. Наиболее ярко эти настроения проявляются в Тбилиси, центр их — Тбилисский университет.

С середины 60-х годов распространенной формой выражения неприятия нынешнего положения в Грузии среди студенчества и интеллигенции стало обращение к церкви. Особенно заметен наплыв такого рода прихожан в пасхальные праздники. В эти дни церкви переполнены. Молодежь стала посещать проповеди патриарха. Нельзя сказать, чтобы это увлечение объяснялось интересом к христианским ценностям — скорее, это была мода, вызванная обостренным национальным чувством. Новообращенным свойственно восторженное почитание всего грузинского. Большинство новообращенных воспринимает церковь главным образом как институт национальной культуры. В 50-е годы грузинская православная церковь была свободнее русской, ее патриархи занимали более независимую позицию и в административных делах, и в проповедях. Патриарх Ефрем II, возглавлявший грузинскую церковь с 1960 по 1972 гг., в своих проповедях нередко обращался к патриотизму верующих. Однако возрастание популярности церкви вызвало ужесточение контроля со стороны властей, и прихожане заметили, что проповеди и высших иерархов, и священников становятся все более осторожными, безликими, и раздражались на патриархию.

В 1972 г. патриарх Ефрем II умер. Его преемником стал Давид V, крайне непопулярный из-за того, что он в своих проповедях постоянно прославляет коммунизм и советскую власть, что большинство воспринимает как угодничество перед Москвой. [2]

Патриотический и антирусский настрой является хорошим тоном во всех слоях, даже у высокопоставленных партийных и правительственных чиновников. Его придерживаются и те, кто на самом деле верно служит Москве. Э. Шеварнадзе,

нынешний секретарь ЦК КП Грузии, получив этот пост, стремился создать впечатление, что его ревностность в исполнении приказов Москвы — лишь маска, под которой он прячет грузинский патриотизм, чтобы вернее послужить Грузии.

Основной патриотической заботой грузинской интеллигенции является сохранение грузинской культуры. Усилия направлены на борьбу против искажения грузинской истории, в официальной версии которой замалчиваются события, свидетельствующие о стремлении грузин к независимости в какой бы то ни было период их истории, а также меньшевистские, антибольшевистские тенденции в ее новейшей истории. Свидетельства о былом могуществе Грузии, о древности ее культуры и независимом характере грузин чрезвычайно популярны, книги и статьи с такими свидетельствами стараются опубликовать, несмотря на цензурные препоны. Но особенно массовую базу имеет сопротивление насаждению русского языка в Грузии. Здесь, как и в других республиках, в 70-е годы русификаторская тенденция усилилась: увеличилось число часов на изучение русского языка в школьных программах за счет соответственного сокращения занятий по родному языку, постепенно преподавание остальных предметов переходит с грузинского на русский. Все шире внедряется русский язык в высших учебных заведениях, в научной и культурной жизни. Наиболее известные открытые выступления в защиту грузинского языка — речь писателя Нодара Цулейкириса на встрече писателей с первым секретарем ЦК КП Грузии Э. Шеварнадзе и письмо Р. Джапаридзе к Э. Шеварнадзе. [3]

Национальные страсти прорвались наружу весной 1978 г. в Тбилиси именно в связи с насильственным насаждением русского языка. Основную массу протестовавших и на этот раз составляли студенты.

Непосредственным поводом для выступления было предложение внести изменение в статью 75 в проекте новой конституции Грузии. Прежняя соответствующая статья гласила, что грузинский язык является государственным языком Грузинской ССР. Новая статья звучала так:

«Грузинская ССР обеспечивает употребление в государственных и общественных органах, культурных и других учреждениях русского языка и осуществляет всемерную заботу о его развитии. В Грузинской ССР на основе равноправия обеспечивается свободное употребление во всех органах и учреждениях русского, а также других языков, которыми пользуется население. Какие-либо привилегии или ограничения в употреблении тех или иных языков не допускаются».

24 марта республиканская газета «Заря Востока» напечатала проект ст. 75 в новой конституции.

Сессия Верховного Совета Грузинской ССР для утверждения новой конституции была назначена на 14 апреля. Перед этим состоялось «всенародное обсуждение» проекта. Газеты были завалены предложениями оставить статью 75 без изменений, сохранить грузинский язык в качестве государственного. Среди выдвинувших это предложение был 80-летний академик-языковед Шанидзе. В Тбилисском университете и во многих других учебных заведениях стали собирать подписи под его предложением. За несколько дней до открытия сессии Верховного Совета в университете и других местах появились листовки, призывающие

выйти 14 апреля на демонстрацию с требованием оставить в новой конституции положение о грузинском языке как государственном языке Грузии.

Вечером 13 апреля первый секретарь КП Грузии Э. Шеварнадзе выступил на собрании деканов университета. Он призывал их отговорить молодежь от демонстрации, напоминая о расстреле демонстрации в Тбилиси в 1956 г.

— Берегите нашу молодежь, наш золотой фонд, — воскликнул он. Стало известно, что 8-й полк внутренних войск приведен в боевую готовность. И тем не менее демонстранты собрались у здания университета и прошли через центр города к Дому правительства.

Они несли лозунги со словами «Родной язык!», читали стихи грузинских классиков, восхваляющие родной язык. Вдоль пути демонстрации с интервалом в 10 метров стояли солдаты и милиционеры. Большинство милиционеров в Тбилиси — осетины, но в этот день они были заменены милиционерами-грузинами из провинции — видимо, во избежание трений между демонстрантами и милицией на национальной почве. Все милиционеры были без оружия. На пути демонстрации к Дому правительства несколько раз ей преграждали путь цепи милиционеров, сцепившихся локтями. В голове колонны шли молодые мужчины, они телами разрывали милицейские цепи. Последний заслон состоял из поставленных поперек улиц грузовых машин для развозки хлеба. Одну из них убрали — вынесли ее на руках. Так удалось пройти к Дому правительства наиболее решительной части демонстрантов — около 10 тыс. человек. Остальные были отсечены милицией и остались около университета, но не расходились.

Прорвавшиеся к Дому правительства демонстранты остановились перед зданием: кто-то предупредил организаторов демонстрации, что за последней цепью безоружных милиционеров скрыты солдаты с пулеметами, которые имеют приказ стрелять, если демонстранты сделают попытку войти в здание, где заседала чрезвычайная сессия Верховного Совета Грузии.

Над толпой на площади появились странного вида плакаты: девушки из мединститута порвали на полотнища свои белые халаты и губной помадой написали на них требование сохранить грузинский язык в качестве государственного. Это же требование скандировали тысячи голосов.

Из Дома правительства были переданы листовки с компромиссным текстом ст. 75: грузинский язык предлагалось назвать республиканским. Демонстранты стали жечь листовки и продолжали скандировать: «Государственный!» Тогда были включены репродукторы, транслировавшие на площадь ход заседания Верховного Совета. Э. Шеварнадзе начал свое выступление с того, что правительство серьезно обсуждало текст ст. 75 и «советовалось с Москвой». Эти слова вызвали обструкцию на площади.

Наконец, через репродукторы передали: чрезвычайная сессия Верховного Совета Грузинской ССР приняла решение оставить ст. 75 без изменений. Это известие было встречено общим ликованием перед Домом правительства и ...15-минутной овацией делегатов Верховного Совета в зале заседаний!

Около 3 часов дня к демонстрантам у здания университета подъехала милицейская машина. Из нее кто-то прокричал в мегафон:

— Ваше предложение принято! Сейчас это объявят по телевидению!

Затем с таким же сообщением выступил министр внутренних дел. Он просил демонстрантов разойтись, но они продолжали ждать.

— Хоть раз в жизни поверьте! — воскликнул министр.

Наконец, выступил Шеварнадзе. Он зачитал текст утвержденной ст. 75, который начинался со слов:

«Государственным языком Грузинской ССР является грузинский язык».

Далее следовал полностью текст, приведенный в «Заре Востока». После этого демонстранты стали расходиться». [4]

Очевидно, что эта демонстрация не была стихийной. Она была подготовлена путем распространения листовок, в которых предлагалось время и место сбора, путь демонстрации, ее лозунги — кто-то заранее продумал все это. Однако инициаторы демонстрации не были оформленной группой. Демонстрацию подготовил дружеский круг студентов университета. Среди них выделяется Тамрико Чхеидзе, студентка 3-го курса исторического факультета, дочь известного кинорежиссера, директора «Грузия-фильм». По заявлению отца в КГБ накануне демонстрации («Спасите дочь — погибает!») — у Тамрико был проведен обыск и изъяты листовки с призывом к демонстрации. Однако ни она, никто другой за эту демонстрацию не поплатились — никто не был даже исключен из университета. Видимо, защитило молодых энтузиастов общее сочувствие (а, возможно, и «номенклатурность» их родителей). Единственный арестованный в связи с демонстрацией 14 апреля — кинооператор Автандил Имнадзе, осуществлявший съемку событий того дня. Между тем в Грузии существовали открытые общественные ассоциации — Инициативная группа защиты прав человека в Грузии (с 1974 г.) и Грузинская Хельсинкская группа (с 1977 г.), но они не имели непосредственного отношения к студенческому движению и не похоже, чтобы эти группы вообще имели широкую поддержку. Они выглядели как вызванные к жизни энергией горсточки единомышленников.

Инициативная группа, видимо, была создана по образцу московской (на это указывает совпадение названий — см. главу «Правозащитное движение», стр. 215-217) после знакомства ее будущих членов с московскими правозащитниками.

Ее составили несколько интеллигентов-гуманитариев: литературовед Звиад Гамсахурдиа, музыковед Мераб Костава, регент церковного хора Валентина Пайлодзе. Видимо, были еще какие-то участники, но полный список членов группы неизвестен.

Ведущую роль в Инициативной группе Грузии играл Звиад Гамсахурдиа, член Союза писателей Грузии, сын «живого классика» грузинской литературы Константина Гамсахурдиа, который в 20-е годы отбыл срок на Соловках, но затем был всячески обласкан властями. Благодаря связям отца, Звиад был вхож к людям, занимавшим высокие посты в грузинском партийном и правительственном аппарате. Звиад Гамсахурдиа был одним из первых новообращенных грузинской православной церкви.

С 1965 г. он принимал деятельное участие в церковной жизни, стал членом церковного совета тбилисского храма Сиони. С 1974 г. он поддерживал регулярные отношения с московскими правозащитниками, благодаря чему информация о Грузии стала постоянно появляться в «Хронике текущих событий» (см. главу «Правозащитное движение», стр. 210-212). Он же был автором большинства самиздатских правозащитных документов из Грузии, ставших известными в Москве и на Западе.

После смерти патриарха Ефрема II, с которым у Гамсахурдиа были личные связи, он тесно вовлекся в жизнь патриархии. В церковных кругах ходили слухи, будто Давид V получил патриаршество незаконно, уничтожив завещание умершего патриарха, по которому его место должен был занять другой епископ; что за патриаршее место Давид дал полумиллионную взятку жене тогдашнего первого секретаря КП Грузии Мжаванадзе и долгое время делил свое жалование с уполномоченным по делам религий при грузинском Совете министров. [5]

Это вполне вписывается в общую обстановку Грузии, где коррупция пронизала все общество сверху донизу. Как раз в 1962 г., вскоре после смерти патриарха Ефрема II и назначения Давида V, Мжаванадзе был снят с поста именно за взяточничество, превзошедшее пределы, в которых это терпели московские власти. Сменивший его на посту первого секретаря ЦК КП Грузии Э. Шеварнадзе объявил войну коррупции, подпольной экономике и другим видам незаконных доходов. Из закрытого письма ЦК, зачитываемого тогда на партийных собраниях, в самиздат попали сведения, что с 1972 по 1974 гг. в ходе этой борьбы в Грузии были арестованы 25 тысяч человек, в том числе 9,5 тысяч членов партии, около 7 тысяч комсомольцев и 70 работников милиции и КГБ. [6]

Как раз перед началом этих массовых арестов произошло ограбление патриархии. Исчезли очень дорогие вещи, в том числе старинные, представляющие художественную и историческую ценность. Сторож и несколько других свидетелей указывали на причастность к ограблению секретаря патриархии Кератишвили (епископ Гайоз). По их заявлению прокуратура начала расследование, которое подтвердило показания верующих. Однако несмотря на усилия следователя Давида Коридзе дело замяли. Докладная записка Коридзе распространилась в Тбилиси, а затем попала в «Хронику текущих событий» [7] и за границу, где появились соответствующие публикации сначала в грузинской газете «Трибуна свободы» в Париже (№ 6 1974 г.), а затем в английской печати (лондонский «Таймс» и журнал «Религия в коммунистических странах», 1975 г.). О событиях в грузинской патриархии передали сообщение радиостанции, работающие на СССР. Регент церковного хора Валентина Пайлодзе, участвовавшая в разоблачениях, была арестована в марте 1974 г., еще до начала «шума» на Западе. Ее обвиняли в рассылке анонимных писем с «клеветой на советский строй и угрозами» в различные официальные инстанции Грузии и деятелям культуры.

Пайлодзе отрицала свою причастность к этим письмам и утверждала, что ее арест — это расправа высшего грузинского духовенства с ней как с опасным свидетелем преступлений в патриархии. 24 июня Пайлодзе была осуждена на 1,5 года лагеря общего режима. [8] Около суда собралась группа грузинских интеллигентов, в том числе очень известные среди своих соотечественников.

Однако дело об ограблении патриархии не вызвало широкой общественной поддержки, эти проблемы интересовали лишь узкий круг близких к патриархии людей. То же самое можно сказать о другой проблеме, поднятой в нескольких самиздатских документах, подписанных Гамсахурдиа, — о разрушении памятников старины в Грузии. [9]

В 1975 г. Гамсахурдиа опубликовал в самиздате отчет о судебных процессах по поводу пыток в следственных тюрьмах Грузии над людьми, попавшими под следствие по экономическим делам.

Еще в 1974 г. «Хронике» стала известна жалоба осужденного за взятку Карло Цулая, который сообщал, что показания его и его подельника вынудил шанта-

жом и истязаниями заключенный Цирекидзе, действовавший по заданию работников тюрьмы. Описанные в жалобе факты были чудовищны до неправдоподобия, и «Хроника» не решилась опубликовать их, усомнившись в их достоверности. Однако в апреле 1975 г. в Тбилиси состоялся суд над заключенными Цирекидзе и Усупяном, которые забили насмерть находившегося в тюрьме под следствием Исмайлова. Судья разрешил Звиаду Гамсахурдиа подробно ознакомиться с материалами дела. Из материалов стало ясно, что пытки в следственных изоляторах Грузии — реальность.

Цирекидзе и Усупяна многократно осуждали за различные уголовные преступления. Их годами держали в следственном изоляторе в Тбилиси, не отправляя в лагеря, чтобы следователи могли использовать их услуги при дознаниях. Им платили за избиения водкой и наркотиками. В Тбилисской тюрьме в корпусе № 2 были специальные 10 камер, куда сажали агентов вместе с их жертвами.

В связи со скандальной оглаской позднее были привлечены к суду начальник и несколько сотрудников Тбилисской тюрьмы. Из репортажа об их процессе явствует, что суд стремился скрыть масштабы злодеяний, сосредоточившись на трех-четырех избиениях, хотя Цирекидзе показывал, что он «раскрыл» с помощью избиений более 200 дел. [10]

Но и эта проблема, поднятая Гамсахурдиа, не имела заметного общественного резонанса в Грузии.

Большой отклик вызвала деятельность Виктора Рцхеладзе, сотрудника Министерства культуры Грузии. Он занялся проблемой месхов. Месхи — грузинская народность на юге Грузии, принявшая в годы господства турок ислам. В 1944 г. месхи оказались среди депортированных Сталиным народов. С середины 1950-х годов они стали активно добиваться возвращения на родину (см. главу «Месхи»).

В июне 1976 г. В. Рцхеладзе побывал в Кабардино-Балкарии, где осела часть депортированного народа, выступал на митинге, устроенном месхами, и от имени грузинской интеллигенции обещал им помочь в их борьбе. Рцхеладзе написал статью «Трагедия месхов», распространявшуюся в самиздате. По его инициативе месхи собрали подписи под обращением с требованием вернуть им родину. Это обращение было передано в Московскую Хельсинкскую группу, в результате чего появился документ № 18 МХГ о месхах. [11]

В январе 1977 г. была создана Грузинская Хельсинкская группа — тоже, как и Инициативная группа, по образцу Московской. Кроме Гамсахурдиа, Коставы и Рцхеладзе, в Грузинскую Хельсинкскую группу вошли еще 4 человека, в том числе — братья Исай и Григорий Гольдштейны, тбилисские евреи-отказники. ГХГ успела издать лишь один документ — протест против увольнения с работы В.Рцхеладзе за его помощь месхам. [12]

7 апреля 1977 г. были арестованы Гамсахурдиа и Костава, несколько позже — Рцхеладзе и Григорий Гольдштейн. Эти аресты сопровождались шумной кампанией в прессе, всячески порочившей арестованных и сочувствовавших им. [13]

В мае 1977 г. в Тбилисском университете и в Политехническом институте были расклеены листовки в защиту арестованных. Но надо отметить, что в листовках упоминались лишь члены Группы — грузины, без Г. Гольдштейна. Во время демонстрации в Тбилиси весной 1978 г. были выкрики «Свободу Гамсахурдиа!», но все это выглядит скорее как проявление национальной симпатии, чем солидарность с платформой Группы, определявшейся ее названием — «Хельсинкская».

Летом 1978 г. состоялись суды над членами ГХГ. И Гамсахурдиа, и Рцхеладзе публично раскаялись в своей деятельности, что весьма снизило их популярность среди соотечественников. Приговоры были довольно мягкими: по 2 года ссылки недалеко от Грузии. Гамсахурдиа вернулся в Тбилиси летом 1979 г. и получил место старшего научного сотрудника в Институте грузинского языка. [14]

Кроме независимых общественных ассоциаций, неофициальные мнения отразил грузинский самиздат. Первым самиздатским документом, распространившимся в Грузии, была докладная записка следователя Коридзе по делу об ограблении грузинской патриархии, датированная 19 марта 1973 г. С 1974 г., прежде чем в Грузии возник собственный самиздат, там появился русскоязычный самиздат и тамиздат: «Хроника», произведения А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына и т.д., в том числе размноженные типографским способом.

В 1975 г. в Тбилиси стал выходить самиздатский литературно-публицистический журнал на грузинском языке «Золотое руно» («Окрос Сацмиси»). Редактором этого журнала был тот же Гамсахурдиа — его имя стояло на обложке. Журнал помещал литературные произведения, отвергнутые цензурой по идеологическим соображениям. В публицистической части главной темой были стеснения грузинской культуры, прежде всего — грузинского языка. В вышедших в свет четырех выпусках «Золотого руна» были опубликованы статьи грузинских историков, филологов и т.д. о богатстве грузинской национальной культуры и ее нынешнем плачевном состоянии в связи с откровенным пренебрежением, а то и препятствованием властей ее сохранению и развитию. [15]

С 1976 г. стал выходить еще один самиздатский журнал на грузинском языке — «Вестник Грузии» («Сакартвелос моамбе»). Его редакторами были З. Гамсахурдиа и М. Костава. Целью «Вестника» была информация

«...как о злободневных национальных и социальных проблемах, так и об общей обстановке в СССР». [16]

Среди материалов о событиях в Грузии, помещенных в «Вестнике» выделяется сообщение о взрывах и пожарах, очень частых в Грузии в 1975-1976 гг. Подавляющее большинство их было инспирировано должностными лицами, стремившимися скрыть хищения. Однако три взрыва — в Сухуми перед зданием обкома партии, в Кутаиси в городском сквере и в Тбилиси на площади перед зданием Дома правительства — имели политическую подоплеку. Они были подготовлены не организацией, а одиночкой — Владимиром Жвания (он был расстрелян вскоре после суда в январе 1977 г.), и, к счастью, не вызвали подражаний. [17]

Но не вызвали подражаний и открытые независимые правозащитные ассоциации. Видимо, «камерность» тематики Инициативной группы и Грузинской группы «Хельсинки», а также слабость, проявленная Гамсахурдиа и Рцхеладзе на суде, снизили привлекательность такого пути. Во всяком случае, в Грузии больше не было попыток создания открытых общественных ассоциаций. В то же время в 1980 г. была раскрыта подпольная грузинская ассоциация — единственный случай за весь рассматриваемый более чем 15-летний период.

29 сентября 1980 г. перед Верховным Судом Грузинской ССР предстали три молодых грузина из г. Рустави: Важа Жгенти (1943 г.р., инструктор общества «Знание» на металлургическом заводе), Зураб Гогия (1946 г.р., зав. отделом писем в городской газете) и Вахтанг Читанава (1944 г.р., зам. директора профтех-

училища по воспитательной работе). Им вменяли в вину листовки с призывом к освобождению Грузии, распространявшиеся в Рустави, Тбилиси, Гори и других грузинских городах. Таким образом, в Грузии, в отличие от других республик, открытые ассоциации предшествовали подпольной. [18] Однако основным руслом грузинского национального движения остаются открытые коллективные выступления в защиту родного языка и культуры, не направляемые никакой оформленной организацией — ни открытой, ни подпольной, и в нем участвует не только студенческая молодежь.

В 1980 г. 364 представителя грузинской интеллигенции, в том числе несколько членов Академии наук, подписали протест против постановления, по которому диссертации на соискание ученой степени должны быть написаны по-русски и защита их должна осуществляться на русском языке. [19] (Таким образом власти если не в конституции, то явочным порядком продолжают пробивать путь русскому языку и в школьных, и в институтских программах, время от времени «обезвреживая» противников русификации).

23 октября 1980 г. был арестован и помещен в психбольницу Николай Самхарадзе (1915 г.р.), известный тем, что еще в 1958 г. выступил против упразднения изучения истории Грузии в грузинских школах и обвинил Москву в шовинистической политике. После этого он провел год в психбольнице и на долгие годы лишился работы. Вскоре после ареста Самхарадзе в Тбилиси появились листовки:

«Свободу борцам за независимость Грузии — Коставе, Имнадзе, Самхарадзе!» [20]

В начале апреля 1981 г. из Тбилисского университета был уволен преподаватель грузинской литературы Акакий Бахрадзе, очень популярный благодаря своей патриотической позиции. 23 марта около тысячи студентов вышли на демонстрацию в его защиту — Бахрадзе был восстановлен на работе. [21]

Через неделю в Тбилиси состоялась демонстрация (несколько сот участников) перед зданием Верховного Совета Грузии, где происходил республиканский съезд писателей. Демонстранты беспрепятственно донесли до цели лозунги с требованиями расширить курс грузинской истории в школах и институтах, охранить грузинский язык от вытеснения русским. К ним вышел присутствовавший на съезде Э. Шеварнадзе. Ему вручили петиции — на его имя и для Брежнева. Затем Шеварнадзе беседовал с несколькими представителями демонстрантов и выразил сочувствие их требованиям. Он обещал встретиться с ними вне Дома правительства 14 апреля — в годовщину знаменитой демонстрации. После этого демонстранты разошлись.

Шеварнадзе сдержал обещание лишь частично: он явился для встречи в университете, но не 14 апреля, а 20-го, и в аудиторию, куда заранее были собраны не участники демонстрации, а комсомольские активисты. Лишь после бурных протестов представители демонстрантов были допущены на эту встречу. [22]

В начале 1981 г. в Тбилиси состоялась еще одна демонстрация — несколько сот грузинских студентов из Абхазии, специально приехавших в грузинскую столицу. Они протестовали против ущемления прав грузин в Абхазии (которая входит в состав Грузинской ССР как автономная республика). В столице Абхазии Сухуми был открыт университет, в котором имелось отделение русского языка и культуры и такое же абхазское отделение, но не было грузинского. [23]

Между тем тбилисские активисты перенесли свои демонстрации из Тбилиси в древний грузинский город Мцхету, отделенный от Тбилиси рекой Курой. Первая демонстрация в Мцхете состоялась в Вербное воскресенье 1981 г. (14 апреля). Чтобы помешать демонстрации, было прервано движение общественного транспорта из Тбилиси в Мцхету. На дорогах были выставлены милицейские патрули. Но около 200 человек все-таки добрались до цели — кто пешком в обход дорог, кто — на плоту через Куру.

Демонстранты собрались в храме Мцхеты и, стоя на коленях, со свечами в руках, молились за Грузию. Они дали клятву не прекращать борьбу до полного удовлетворения их требований. Было решено ежегодно собираться для моления за Грузию 14 апреля — в память о демонстрации 1978 г., когда удалось отстоять государственный статус грузинского языка.

Перед собравшимися выступили два проповедника: один призывал их успокоиться и покориться властям, другой напоминал о славном прошлом и о замечательных традициях грузинского народа. Покинув храм, собравшиеся составили петицию патриарху грузинской православной церкви с требованием отстранить от службы первого проповедника и отправились в Сионский собор Тбилиси, где патриарх проводил в тот день службу, чтобы вручить ему петицию. [24]

12 октября 1981 г. в Мцхете около храма собралось около 2 тыс. человек — все с теми же протестами против сокращения уроков грузинского языка в учебных заведениях Грузии. В связи с этой демонстрацией были задержаны Звиад Гамсахурдиа, Тамрико Чхеидзе и еще несколько человек, но их в тот же день отпустили, однако начали следствие по делу о «хулиганстве». Во второй половине января 1982 г. состоялся суд над Тамрико и ее подругами Маринэ Кошкадзе, Наной Какабадзе, Маринэ Багдавадзе и Ираклием Церетели. До суда все они находились на свободе. Суд признал их виновными и приговорил к 5 годам заключения каждого, но условно, т.е. оставив их на свободе до первого нарушения закона. [25]

В мае 1982 г. Мераб Багдавадзе, отец активистки грузинского студенческого движения Маринэ Багдавадзе, был арестован по грубо сфабрикованному обвинению в «нападении на представителя власти». Следователи открыто говорили, что дело заведено по приказу «сверху» для давления на Маринэ и ее друзей. Суд приговорил Мераба Багдавадзе к 3 годам лишения свободы. Маринэ объявила голодовку — вплоть до освобождения отца. И его освободили по решению кассационного суда, осудив условно. [26] Незадолго до этого был помилован и вернулся в Тбилиси Автандил Имнадзе, осужденный за киносъемку демонстрации 14 апреля 1978 г. [27] Однако Мераб Костава, находившийся в послелагерной ссылке, в ноябре 1981 г. был арестован по такому же обвинению, как М. Багдавадзе — «нападение на представителя власти», тоже сфабрикованному, и осужден на 5 лет лагеря. [28] Против этой расправы заявили письменный протест 200 грузинских интеллигентов. Два сотрудника института истории Академии наук Грузинской ССР, подписавших этот протест, были сразу же арестованы на 15 суток каждый по ложному обвинению. Это вызвало такую бурю возмущения, что их освободили раньше срока. [29] Но Костава так и остался в заключении.

В 1983 г. снова арестовали В. Пайлодзе. На этот раз она была осуждена на 8 лет заключения. [30]

В 1983 г. большой накал страстей вызвала подготовка празднеств по случаю 200-й годовщины грузинско-русского договора 1783 г., по которому Грузия отдалась под покровительство России. Советская печать превозносила этот акт как

проявление величайшей государственной мудрости, обеспечившей счастье грузинского народа. Это оскорбляло грузинских патриотов, считающих этот договор трагическим событием отечественной истории, так как он привел к аннексии Грузии Россией.

В самиздате вышел специальный выпуск журнала «Сакартвело» [31] — о договоре 1783 г. и его последствиях, с выдержками из исторических трудов грузинских историков начала века и самиздатских документов. Кроме того, в Тбилиси и других городах распространялись листовки с призывом к бойкоту празднования этого юбилея. За распространение этих листовок 15 июня в Тбилиси были арестованы Ираклий Церетели (1961 г.р.) и Паата Сагарадзе (1958 г.р.). [32] В начале июля был арестован студент-историк Давид Бердзенишвили (1960 г.р.), по обвинению в редактировании журнала «Колокольня» («Самрекло») — органа «Республиканской партии Грузии» — это первое и единственное упоминание о такой партии. [33] 11 июля состоялась демонстрация (примерно 100 участников) с требованием освободить арестованных. Задержали около 20 демонстрантов, но вскоре большинство отпустили, оставив под арестом пятерых (Т. Чхеидзе, З. Цинцинадзе, Н. Какабидзе, Г. Чантурия и М. Багдавадзе). [34] Таким образом был нанесен первый удар по «новому поколению» активистов грузинского национального движения.

Сравнение событий в Грузии, Литве, Эстонии и на Украине и в других национальных республиках убеждает, что преследования за одну и ту же «провинность» перед властями весьма различаются по республикам. При этом очевидно, что повсюду жестокость репрессий обратно пропорциональна массовости движения в его открытых формах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Самиздата, Радио «Свобода», АС № 1830, вып. 41/74.
2. Там же, № 2581, вып. 28/76, с. 15.
3. Там же № 2583, вып. 23/76; № 4638, вып. 19/82.
4. «Хроника текущих событий» (ХТС), Нью-Йорк, изд-во «Хроника», вып. 49, с.с. 82-84; вып. 57, с. 114.
5. АС № 2581, вып. 28/76; № 1821, вып. 39/74.
6. ХТС, вып. 34, с. 69; АС № 2053, вып. 10/75.
7. ХТС, вып. 34, с.с. 54-57; вып. 35, с. 46; АС № 1821, вып. 39/74.
8. ХТС, вып. 34, с.с. 55-57; АС № 1961, вып. 2/75.
9. ХТС, вып. 38, с. 65; ХТС, вып. 42, с.с. 78-79; АС № 2444, вып. 16/76; АС № 2580, вып. 12/77.
10. ХТС, вып. 36, с.с. 28-32; вып. 38, с. 62; вып. 45, с.с. 104-105.
11. ХТС, вып. 41, с.с. 66-67; Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», вып. 3, с.с. 21-23.
12. ХТС, вып. 45, с. 94; АС № 3116, вып. 4/78.
13. ХТС, вып. 45, с.с. 26-28; вып. 46, с.с. 31-33.
14. ХТС, вып. 50, с.с. 22-28; вып. 53, с. 160.
15. ХТС, вып. 38, с.с. 91-92; вып, 45, с. 105.
16. ХТС, вып. 45, с. 105: АС № 2895 (по-грузински).
17. АС № 2869, вып. 11/77.
18. ХТС, вып. 61, с.с. 41-42.

19 АС № 4167, вып. 1/81.
20 ХТС, вып. 61, с. 42.
21. АС № 4638, вып. 19/82.
22. АС № 4640 и 4639, вып. 19/82; ХТС, вып. 63, с.с. 98-101.
23. АС № 4638, вып. 19/82.
24. АС № 4415, вып. 34/81.
25. «Вести из СССР. Права человека», под ред. Кронида Любарского, Мюнхен — Брюссель, 1982, вып. 2, № 7.
26. Там же, вып. 13, № 11; Там же, вып. 14/15, № 17.
27. Там же, 1983, вып. 15, № 21.
28. ХТС, вып. 63, с.с. 206-207.
29. АС № 4682, вып. 25/82.
30. «Вести из СССР», 1983, вып. 10, № 11.
31. АС № 4871, вып. 11/83.
32. «Вести из СССР», 1983, вып. 12, № 8.
33. Там же, вып. 13/14, № 2.
34. Там же.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРЫМ

Исторической родиной крымских татар является Крым, и они жили там вплоть до 1944 г.

18 мая 1944 г. вскоре после освобождения Крыма от гитлеровских войск, весь народ крымских татар был обвинен в «измене родине» и выселен из Крыма.

Это было кульминацией преследования крымских татар, начавшегося с момента присоединения Крыма к России в 1783 г. Насчитывавший тогда 4 млн. человек крымскотатарский народ к Октябрьской революции 1917 г. составлял лишь 120 тыс. человек — многие погибли, но еще больше переселилось за море, в мусульманскую Турцию и на Балканы, уезжая целыми деревнями. [1]

В советской России Крым получил автономию. В 1921 г. была создана Крымская АССР, что способствовало развитию экономики и культуры крымских татар. К началу второй мировой войны крымскотатарский народ насчитывал 560 тысяч человек. Из них 137 тысяч были мобилизованы в советскую армию, и к 1944 г. 57 тысяч погибли на фронтах. Остальные 80 тысяч находились на фронте. В Крыму в то время проживали 423100 человек, из них около 200 тысяч составляли дети (больше половины из них были сиротами — их отцы погибли на фронте), 178600 — женщины и 44,5 тысячи — мужчины (старики, инвалиды и сражавшиеся с немцами в партизанских отрядах Крыма — крымские татары составляли около 50% партизан в Крыму). Все эти люди без малейшего предупреждения были ночью выгнаны из домов солдатами НКВД, погружены в товарные вагоны, сразу после этого запломбированные, и отправлены в восточные районы СССР (на Урал, в Туркмению, Узбекистан, Казахстан и Киргизию), где их поселили в комендатурах (резервациях) на положении спецпоселенцев. В результате невыносимо тяжелых условий переезда, непривычного климата, голода и скученности в местах ссылки в первые полтора года погибло 195471 человек — 46,2% всех депортированных. После окончания войны сюда же, в ссылку, были отправлены крымские татары, сражавшиеся в рядах советской армии (цифры даны по материалам неофициальных переписей, проведенных активистами крымско-татарского движения на основании массовых опросов в 1966-1974 гг.).

До войны большинство крымскотатарского народа составляли крестьяне, но имелась и крымскотатарская интеллигенция. В местах спецпоселений крымские татары были расселены главным образом в поселках при заводах и фабриках. В режим спецпоселенцев входил запрет покидать пределы поселка, определенного для поселения. Поэтому все крымские татары, независимо от прежней специальности, вынуждены были работать на заводе, имевшемся в их поселке. Зани-

мать руководящие должности не разрешалось даже соответствующим специалистам. Таким образом, крымские татары были превращены в нацию заводских и фабричных рабочих.

Положение их было очень сходно с положением крепостных Уральских заводов начала прошлого века и по правовому положению и по условиям быта. Крымские татары были поселены в бараках, пристройках, хижинах, принадлежавших заводу, с которого они не имели возможности уйти. Как и у крепостных рабочих, расселение крымских татар производилось без учета родственных связей. Часто родители и их взрослые дети оказывались в разных поселках и не имели возможности не только повидаться, но и приехать на похороны — выезд за пределы места поселения грозил длительным лагерным сроком.

Дети крымских татар были лишены школ на родном языке, народ не имел в местах ссылки никаких институтов национальной культуры, не имел прессы на своем языке. И надо всеми тяготело огульное обвинение в «измене родине», его разделяли и семьи крымских татар, погибших на фронте, и дети, родившиеся после войны. В Крыму после депортации его исконных насельников были уничтожены памятники их материальной и духовной культуры. Были сожжены все газеты, журналы и книги на крымскотатарском языке, даже сочинения «классиков марксизма». Мечети были разрушены, мусульманские кладбища сравнены с землей, надгробные камни использовались как строительный материал в новых постройках. Татарские названия городов, деревень, улиц заменили русскими. Переписывались наново старые и писались новые исторические труды, в которых искажалась история крымских татар с древнейших времен и до наших дней — так, чтобы вытравить из сознания людей многовековую историю Крыма, неразрывно связанную с крымскими татарами, и опорочить народ.

Крымские татары жили на режиме спецпоселенцев в течение 12 лет — до 1956 г. И в эти годы среди них находились люди, не примирившиеся с депортацией — они бежали в Крым и гибли потом в лагерях. Так же расправлялись с авторами песен и стихов о крымскотатарской трагедии.

Вскоре после XX съезда КПСС, 28 апреля 1956 г., вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР (с грифом «без опубликования в печати») — о снятии с депортированных народов режима спецпоселения. Но этот указ не снимал с крымских татар обвинения в измене родине и оставлял в силе запрет на возвращение в Крым. Крымским татарам были выданы паспорта, но при выдаче паспорта с каждого потребовали расписку, что он отказывается от претензий на имущество, оставленное в Крыму в момент выселения. Без такой расписки паспорт не выдавался. [3]

XX съезд КПСС, на котором были осуждены «ошибки периода культа личности» и говорилось о восстановлении «ленинских принципов демократии», а также Указ 1956 г., ввиду его недостаточности для исправления беззаконий, которые были допущены по отношению к крымским татарам, дали толчок крымскотатарскому движению за возвращение в Крым.

Участники этого движения делят его на три этапа:

— 1956-1964 гг. — становление движения;

— 1964-1969 гг. — период наибольшей активности;

— с 1970 г. — кризис движения. [4]

Инициаторами движения крымских татар в первый период были их соотечественники — бывшие партийные и советские работники, ветераны войны и тру-

да, т.е. бывшая крымскотатарская элита, которая в спецпоселениях была низведена до общего уровня. Искренне поверив решениям XX съезда о демократизации советской жизни, они «пошли в народ» добровольными пропагандистами решений съезда, в надежде, что общая демократизация страны приведет к исправлению несправедливости по отношению к крымским татарам. Они призывали своих соотечественников не бояться и обращаться к партийным и советским руководителям, чтобы способствовать быстрейшему решению судьбы крымскотатарского народа.

В этот первый период движение развивалось почти исключительно в Узбекистане. Единственной его формой были петиции в высшие органы власти — индивидуальные и коллективные. Все петиции были выдержаны в верноподданическом и просительном тоне. Обычно в длинной преамбуле перечислялись благодеяния, полученные крымскотатарским народом от советской власти до 1944 г., затем следовали уверения в преданности крымских татар советскому строю, родной партии и правительству и высказывалась горячая уверенность, что власти исправят «ошибки периода культа личности», отступления от «ленинской национальной политики», допущенные прежними правителями по отношению к крымскотатарскому народу.

Идея инициаторов петиций состояла в том, что власти, убедившись в преданности крымскотатарского народа и в том, что возвращение в Крым является всенародным желанием, разрешат вернуться. Упор делался на как можно большее число петиций и на как можно большее число подписей под ними для демонстрации всенародности желания вернуться на родину.

Организация всенародной петиционной кампании была облегчена тем, что после 1956 г. довольно долго сохранилась компактность крымскотатарского населения в пределах поселков и городских районов — крымские татары в подавляющем большинстве оставались жить в своих прежних резервациях.

В процессе организации всенародной петиционной кампании стихийно создавалась организационная структура, пригодная для этой цели: сеть инициативных групп без общего руководящего центра, без «лидеров» и не претендующие быть всенациональной политической организацией — власти, разумеется, не потерпели бы этого.

Инициативные группы в пределах улицы — села — района — города — области стали ядрами движения каждая на своем участке. Членом такой группы мог стать любой крымский татарин, желающий в ней участвовать. Уличные группы одного города информировали о своих действиях городскую группу, та, в свою очередь, — областную, а областные — республиканскую, и каждая группа информировала о своей деятельности жителей своего участка. Численность всех участников инициативных групп достигла примерно 5 тыс. человек. [5] Списки участников сдавались местным властям и в ЦК КПСС.

Инициативные группы собирали собрания для зачтения очередной петиции и сбора подписей под ней. Тут же на собрании отбирались представители народа, готовые поехать в Москву для передачи петиции в высшие органы власти. Представители народа получали мандаты — доверенности, которые подписывали члены пославшей их инициативной группы или участники собрания. Представители получали деньги на поездку, собранные на их участке. Они должны были дважды в месяц представить отчеты о проделанной работе, которые сдавались в соот-

ветствующую инициативную группу и в ЦК КПСС. Возвращаясь, они выступали на собрании перед пославшими их людьми.

Петиционные кампании крымских татар были действительно всенародными, под некоторыми петициями стояло более чем по 100 тысяч подписей. Однако это волеизъявление целого народа не получило никакого отклика «сверху». Более того, примерно с 1961 г. начались репрессии против активистов крымскотатарского движения.

Один из первых судебных процессов состоялся в августе 1962 г. в Ташкенте. Это было дело участников крымскотатарской молодежи. Собственно, такой организации не было, были лишь разговоры о ее создании на нескольких встречах молодых крымских татар. Это были главным образом студенты, но были среди них и рабочие, и служащие. Читали стихи, обсуждали различные политические вопросы, в основном — проблемы своего народа. В апреле 1962 г. четырех участников этих вечеринок арестовали, двоих вскоре отпустили, а двоих — заводского мастера Марата Омерова (1937 г.р.) и студента-юриста Сеит-Амзу Умерова (1939 г.р.) — судили закрытым судом «за участие в антисоветской организации». Приговоры были — 3 и 4 года лагеря строгого режима соответственно. Нескольких человек исключили из институтов, нескольких уволили с работы. [6]

В 1961-1962 гг. власти дали понять инициаторам петиций, что активность их нежелательна и может печально для них кончиться. Значительная часть зачинателей движения после этого отошла от него. К 1964 г. петиционная кампания стала спадать — люди изверились в возможности смиренными мольбами склонить высшие органы власти к благоприятному решению крымскотатарского вопроса.

Новый импульс движению дала произошедшая в это время смена политического руководства в стране. Инициаторы движения приободрились и снова «пошли в народ», призывая к доверию новому руководству. Они вновь стали собирать подписи под такими же петициями новым правителям страны. Но после 1964 г. это был лишь один из потоков движения.

В инициативные группы в этому времени влилось молодое поколение крымских татар — в основном студенты и вновь народившаяся интеллигенция. Страдания, перенесенные народом, и фальсификация его истории официальными источниками породили у крымских татар жажду знания собственной истории, культуры и традиций. Нашлось немало людей, углубившихся в изучение истории своего народа, русской и советской истории, чтобы понять причины крымскотатарской трагедии в общем историческом контексте. Они осмыслили эту трагедию не как чью-то досадную «ошибку», а как следствие советской национальной политики, в которой они обнаружили преемственность от колониальной политики времен царизма. Это знание, этот вывод был широко распространен с помощью крымскотатарского самиздата и встретил полное понимание. Новый подход активистов движения к крымскотатарской проблеме не располагал к надеждам на быстрое решение вопроса»сверху», как это было в начальный период движения. Люди настроились на продолжительную и трудную борьбу за восстановление национальных прав своего народа.

Петиционная кампания продолжалась, но изменился ее тон: он перестал быть просительным; в большинстве документов после 1964 г. критикуется национальная политика правительства по отношению к крымскотатарскому народу. В посланиях этого периода беззакония против него стали называть настоящим именем: «геноцид».

Протесты не ограничивались петиционной формой. Крымскотатарская молодежь (и не только молодежь) в городах Узбекистана стала проводить маевки, митинги, демонстрации в поддержку требований, изложенных в петициях. Обычно эти собрания приурочивались к какой-нибудь знаменательной для крымских татар дате. Традиционным днем таких митингов стали дни рождения Ленина, к которому у крымских татар особое отношение, так как он подписал декрет о создании Крымской АССР в 1921 г. В эти дни крымские татары стали возлагать к памятнику Ленина, который есть в любом советском городе, венки с соответствующими надписями. Возложение венков сопровождалось демонстрациями: в национальной или просто праздничной одежде крымские татары шли к памятнику колонной, впереди которой дети в пионерских галстуках несли венок. У памятника пели народные песни, исполняли народные танцы, иногда произносили речи о благой роли Ленина в крымскотатарской истории, и страданиях, выпавших на долю народа из-за отказа от ленинской национальной политики.

Отмечали и годовщину депортации из Крыма — 18 мая. В этот день крымские татары собирались обычно на мусульманских кладбищах, чтобы помянуть соотечественников, погибших при переезде и в первые годы ссылки. Многие повязывали на рукав траурную повязку. По ночам смельчаки водружали траурные флаги на общественных зданиях.

Утвердившийся обычай отмечать знаменательные даты митингами и демонстрациями побудил власти осенью 1966 г. после введения в уголовные кодексы союзных республик статей, аналогичных ст. 190-1, 190-2 и 190-3 УК РСФСР («клевета на советский строй», «оскорбление герба и флага» и «массовые беспорядки»), вызывать в партийные органы по месту работы или в милицию крымских татар, где им зачитывали текст новых статей уголовного кодекса и требовали расписки в том, что они с ними ознакомились, давая понять, как рассматривают власти их петиции, митинги и собрания. У многих крымскотатарских активистов существует уверенность, что статьи эти были введены в советское законодательство в связи с крымскотатарским движением.

Предупредительные акции властей не остановили развития движения крымских татар. Напротив, оно распространилось из Узбекистана практически на все места расселения крымских татар. Протесты стали подписывать и митинги устраивать не только в Узбекистане, но и в Казахстане, Таджикистане, Киргизии, Туркмении и на Северном Кавказе. Выступления происходили и в Москве, где постоянно находились, сменяя друг друга, представители народа, приезжавшие в высшие органы власти с очередными посланиями и с томами документов, подкрепивших информацию, содержащуюся в посланиях. С начала движения крымских татар и до июня 1969 г. в Москве в качестве представителей народа побывали 5 тысяч человек. [7]

В 1966 г. активисты крымскотатарского движения, используя сеть инициативных групп, впервые провели всенародный опрос, чтобы установить численность жертв народа во время депортации и в годы ссылки, а также его общую численность. Полученные данные были сообщены XXIII съезду КПСС (март 1966 г.) в обращении, которое подписали более 130 тысяч крымских татар — почти все взрослые представители этого народа. [8]

В октябре 1966 г. крымские татары отметили массовыми митингами 45-летие образования Крымской АССР. Митинги прошли в Бекабаде, Ангрене, Фергане, Кувасае, Ташкенте, Чирчике, Самарканде и в других городах, где есть крымские

татары. [9] Митинги эти были разогнаны милицией и солдатами, избивавшими собравшихся. Десятки людей были осуждены по ст. 190-3 за «массовые беспорядки», хотя митинги крымских татар, как и все их мероприятия, проходили очень мирно и спокойно. В Москву посылались протесты. Сотни представителей крымскотатарского народа осаждали приемные высших партийный и советских учреждений.

21 июня 1967 г. делегация крымских татар (20 из 415 находившихся в Москве представителей) была принята секретарем Президиума Верховного Совета СССР Георгадзе, министром внутренних дел Щелоковым, председателем КГБ Андроповым и генеральным прокурором СССР Руденко. Андропов пообещал делегатам, что в ближайшее время выйдет указ о реабилитации народа и будут приняты меры к возвращению крымских татар в Крым. Он сказал представителям, что они могут уведомить об этой беседе свой народ. [10] Однако многотысячное собрание — встреча с делегатами, принятыми членами правительства, которое должно было состояться в Ташкенте 27 августа, было разогнано. 2 сентября по этому случаю состоялась многотысячная же демонстрация протеста. Она тоже была разогнала, 160 человек арестовали. [11]

9 сентября 1967 г. в местной прессе наконец появились Указы Президиума Верховного Совета СССР: № 493 — «О гражданах татарской национальности, ранее проживавших в Крыму» (таково было название указа, как бы отрицавшее самое существование крымских татар как народа), и № 494, называвшийся «О порядке применения части 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г.» (Указ 1956 г., снявший с крымских татар режим спецпоселений, в части 2 подтверждал запрет на их въезд в Крым).

Указ № 493 явно неохотно, без осуждения чудовищной несправедливости, допущенной по отношению к крымскотатарскому народу, все-таки заявлял о снятии с него огульного обвинения в «измене родине». То, чего не удалось добиться за 8 лет смиренных просьб, было вырвано у властей за 3 года энергичных всенародных протестов. В постановлении № 494 подтверждалось право «татар, проживавших в Крыму», селиться по всей территории СССР (т.е. в Крыму тоже). Но это заявление сопровождалось добавлением, что делать это можно

> *«в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме»,*

и утверждениями, что насильственно высланные из Крыма «граждане татарской национальности» «укоренились на новых местах» и «пользуются там всеми правами советских граждан». [12] Оба эти утверждения были ложными. Составители указа не могли не знать, что желание вернуться на родину выражает весь народ — об этом достаточно красноречиво свидетельствовали бесконечные петиции с огромным числом подписей, которые поступали в Верховный Совет постоянно более 10 лет подряд. Что касается прав крымских татар на местах их вынужденного поселения, то об этом свидетельствует документ № 10 Московской Хельсинкской группы (см. главу «Правозащитное движение»):

> *«Основная масса крымских татар, насильственно и несправедливо выселенных со своей земли в 1944 г., проживает в Средней Азии. Они фактически вычеркнуты из списка советских наций. У них нет ни одной школы на родном языке, хотя до*

выселения из Крымской Автономной ССР их было несколько сот. Нет ни одного журнала. В 1944 г. был ликвидирован институт, занимавшийся исследованиями в области крымскотатарского языка и литературы. Власти отказываются издавать даже словари. С 1944 по 1973 гг. были изданы два учебника на крымскотатарском языке (против 58, изданных, например, за 9 месяцев 1939 г.). Из семи газет, издававшихся до войны, сохранилась лишь одна (не ежедневная).
Очевидно, власти рассчитывают на ассимиляцию крымских татар населением среднеазиатских республик. Но поскольку политика ассимиляции встречает сопротивление крымских татар, то она является нарушением «прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия...» (пункт VII раздела I-f)...». [13]

Несмотря на явные пороки нового указа, крымские татары, с тревогой вдумываясь, зачем понадобилось его составителям называть их не так, как они сами себя и все их называют — не «крымскими татарами», а «гражданами татарского происхождения, ранее проживавшими в Крыму», тем не менее, опираясь на букву указа, выехали в Крым. Ехали огромные татарские семьи — со стариками-родителями, мечтавшими умереть на родной земле, и с детьми, которые Крыма никогда не видели, но восприняли от родителей мечту о нем. С момента опубликования указа и по декабрь 1967 г. в Крым прибыло около 1200 семей — около 6 тысяч крымских татар. Однако выполнить все формальности, нужные для поселения на «законных основаниях», смогли лишь две семьи и трое холостяков. [14]

Опубликовав указ, провозглашавший право «граждан татарской национальности» наравне с прочими селиться в любом месте СССР, власти хорошо подготовились, чтобы не допустить поселения крымских татар в Крыму. До опубликования указа 1967 г. прописка в Крыму существовала лишь в городах и курортных местечках. Большинство населения степного Крыма, как и в остальных сельских местностях СССР, не имело паспортов, и для поселения здесь прописки не требовалось. Сразу после опубликования указа в течение зимы по всему Крыму были спешно выданы паспорта и введена прописка во всех населенных пунктах.

Отправившиеся на родину крымские татары хорошо знали, что туда вербуют переселенцев из России и с Украины, так как там не хватает рабочих рук — примерно 0,5 миллиона работников, как раз столько, сколько переселилось бы крымских татар, так что первые возвращенцы были уверены, что легко найдут работу на родине. Но руководителям предприятий был разослан тайный указ — крымских татар на работу не брать. Нотариальные конторы получили предписание не оформлять покупку домов, если покупающий — крымский татарин.

Столкнувшись с этими препятствиями, тысячи крымскотатарских семей разбрелись по Крыму в поисках пристанища. Большинство, не преуспев в этом, вынуждены были покинуть Крым. Те, кому удавалось купить дом, селились в нем, но основная трудность заключалась в том, чтобы добиться оформления купчей, без которой проживание в доме рассматривалось как «незаконное». Многие семьи были выдворены из Крыма из уже купленных домов, после того как суд признавал покупку недействительной из-за искусственно созданного отсутствия купчей. Вот описание одного из таких выселений, сделанное О.А. Смаиловой.

«3 июня нас судили за «незаконное» оформление дома, тогда как мы горим желанием законно его оформить. В ночь с 28 на 29 июня 1969 г. ... нас разбудил

страшный стук в дверь. На вопрос «Кто там?» было выломано окно, и в комнату ворвались несколько человек. Это была милиция и дружинники под командованием начальника милиции Белогорского района Новикова... Все они были в нетрезвом состоянии. Завязав мне руки, они вытащили меня через окно. Я стала кричать и звать на помощь соседей, но мне тут же заткнули рот. Затем вытащили сонных детей. Дети перепугались, плакали и кричали... Мы были отправлены в Краснодарский край, станцию Усть-Лабинская. Оставили нас под открытым небом, в незнакомом месте, без копейки денег, без пищи, с четырьмя детьми. Мы голодали в течение трех суток». [15]

Так как выселенные семьи стремились вернуться в свои дома, то их при выселении часто разрушали. Иногда для этого пригоняли бульдозер или трактор. В таких случаях вернувшиеся владельцы дома разбивали палатку рядом с развалинами или ютились у соседей и с помощью соотечественников, а иной раз и других односельчан — русских и украинцев, — отстраивали новый дом, несмотря на риск повторного выселения и повторного разрушения дома. Тем немногим, кому удавалось добиться оформления покупки дома, предстояло еще добиться прописки в нем. Многие семьи годами не могли преодолеть этот заколдованный круг: нет купчей — нет прописки, нет прописки — нет работы. Отсутствие прописки часто вызывало отказ в приеме детей в местную школу, а то и в записи о рождении нового ребенка или в оформлении брака, если хоть один из брачующихся — непрописанный крымский татарин. Более того, вынужденное проживание без прописки рассматривалось как «нарушение паспортного режима», за что в советском законодательстве предусмотрена шкала наказаний вплоть до лагерного срока. Все крымские татары, отправившиеся на родину после указа 1967 г., прошли через эти детально продуманные и кропотливо организованные для них мытарства. Многолетний измор они выдерживают лишь потому, что сохранилась солидарность народа — живущие в местах прежней ссылки соотечественники шлют крымским переселенцам деньги и другую материальную помощь, поддерживая тех, кто из-за отсутствия прописки не может получить работу, или у кого не хватает денег на покупку дома.

Весной 1968 г., чтобы сократить въезд крымских татар в Крым с наступлением весны, было объявлено, что переселение в Крым будет происходить по оргнабору, т.е. по договорам о приеме на работу, заключаемым уполномоченными из Крыма, которые прибудут на места жительства крымских татар. Однако за 1968 г. по оргнабору было переселено лишь 148 семей, в 1969-м —33, в 1970-м — 16; причем с самого начала отбор производился по рекомендациям КГБ, договоры заключались лишь с теми, кто никогда не принимал участия в крымскотатарском движении — не подписывал заявлений, не ходил на собрания, не давал денег на содержание представителей народа в Москве. [16] Поэтому выезд в Крым через голову властей продолжался. Среди выехавших туда самостоятельно в 1968 г. были наиболее активные борцы за возвращение на родину. Так было положено начало новой форме противоборства крымскотатарского народа — возвращению в Крым явочным порядком, на основании закона, но против воли властей. Однако и в 1968 г. результаты были близки к 1967 г.: из 12 тысяч крымских татар, приехавших в Крым самостоятельно, были прописаны лишь 18 семей и 13 холостяков. При этом 17 человек были осуждены на разные сроки лишения свободы за «нарушение паспортного режима». [17]

Кроме этих событий, 1968 г. ознаменовался сближением крымскотатарского движения с правозащитным, что сыграло важную роль в дальнейшем развитии их обоих.

У крымских татар в Москве был давний друг — русский писатель Алексей Евграфович Костерин. Старый член партии, искренний коммунист, он долгое время жил на Кавказе и в Крыму. После депортации некоторых кавказских народов и крымских татар он много сил положил, помогая представителям этих народов, приезжавшим в Москву, в их нелегком общении с правительственными чиновниками. 17 марта 1968 г., в день 72-летия А.Е. Костерина, представители крымскотатарского народа в Москве устроили вечер в его честь. На этом вечере они познакомились с другом Костерина П.Г. Григоренко, — одним из ведущих правозащитников. С этого дня он принял в сердце горе крымских татар и помогал им так, как если бы был одним из них. А.Е. Костерин вскоре умер, перед смертью отослав в ЦК партии свой партбилет в знак протеста против беззаконий, творимых в СССР. Но благодаря дружбе с Григоренко связи крымских татар с москвичами после смерти Костерина не оборвались. Через Григоренко они познакомились с другими правозащитниками. Это помогло крымскотатарскому движению выйти из изоляции, познакомить общественное мнение внутри страны со своими проблемами и таким образом ознакомить с положением крымских татар мировую общественность и вызвать ее отклик на несправедливость по отношению к ним. Интересно, что в Архиве самиздата (и, я думаю, вообще на Западе) нет документов крымскотатарского движения за 1954-1966 гг. Самые ранние документы, попавшие на Запад, относятся к 1967 г., так как стали они попадать сюда только через московских правозащитников: у крымских татар не было возможности самим наладить связи с Западом.

Уже в первом коллективном документе московских правозащитников, адресованном на Запад, в письме Будапештскому совещанию компартий (февраль 1968 г.) среди наиболее непереносимых нарушений гражданских прав в нашей стране говорится о запрете крымским татарам вернуться на родину. [18] С тех пор крымскотатарская проблема всегда находится в поле зрения правозащитного движения как одна из наиболее не терпящих отлагательства. Все ведущие правозащитные ассоциации занимались крымскотатарским вопросом — и Инициативная группа по защите прав человека в СССР, которая была создана в 1969 г., и Комитет прав человека в СССР (1970 г.), и Московская Хельсинкская группа (1976-1982 гг.). Информационный орган правозащитного движения «Хроника текущих событий» с первого выпуска (апрель 1968 г.) постоянно освещает борьбу крымских татар за возвращение в Крым. С помощью московских друзей крымские татары смогли найти адвокатов, мужественно защищавших их активистов на серии судебных процессов 1967-1970 гг. (Дина Каминская, Софья Каллистратова, Владимир Ромм, Леонид Попов, Юрий Поздеев), а представители народа, постоянно преследуемые в Москве, стали находить приют в домах своих новых знакомых.

Но отношения между крымскими татарами и московскими правозащитниками не были лишь односторонней помощью москвичей крымским татарам. К моменту сближения правозащитное движение находилось лишь в стадии становления, почти не имея опыта, в то время как крымскотатарское движение имело более чем 10-летнюю историю, и у него было чему поучиться. Наталья Горбаневская, первый редактор «Хроники текущих событий», писала впоследствии:

«Пожалуй, именно встреча с крымскотатарским движением дала новый толчок возникновению того, что позднее было названо «Хроникой текущих событий».

Информационные бюллетени, регулярно выпускаемые крымскими татарами с 1966-1967 гг. «были некоторой исходной формой для будущей «Хроники». [19] Не случайно также, что первая независимая общественная ассоциация, возникшая в Москве в мае 1969 г., была названа Инициативной группой защиты прав человека и, подобно инициативным группам крымских татар, не имела ни руководителя, ни выраженной организационной структуры.

Среди основателей Московской Инициативной группы был Мустафа Джемилев — один из представителей молодого поколения активистов крымскотатарского движения, впоследствии ставший национальным героем крымских татар.

Попытки массового переселения крымских татар в Крым после указа 1967 г. и их сближение с правозащитниками вызвали усиление репрессий против крымскотатарского движения на местах прежней ссылки и против представителей народа в Москве.

Одним из показателей усиления репрессий был разгон гуляния крымских татар в Чирчике 21 апреля 1968 г., в день рождения Ленина. Татары решили отметить этот день народным гулянием «дервизе» в городском парке. Собрались не только жившие в Чирчике, но и приехавшие из других поселков и городов, целыми семьями, в праздничных костюмах, в мирном и веселом настроении.

Гуляющих окружили наряды милиции и солдат, с пожарными машинами. Их избивали резиновыми дубинками, поливали щелочной водой из пожарных шлангов, запихивали в машины, выкручивая руки. Более 300 человек были арестованы, из них 10 осудили на разные сроки лишения свободы. [20]

Возмущенные несправедливой и грубой расправой, крымские татары послали в Москву с протестом представителей почти ото всех населенных пунктов, где имелось крымскотатарское население. Делегация составила около 800 человек.

15-17 мая 1968 г. в Москве была устроена облава на этих представителей, по грубости приемов не уступавшая чирчикским событиям. 300 крымских татар были задержаны и выдворены из Москвы под конвоем на места жительства. Но многие из них вернулись в Москву и продолжали свою миссию. Они стали посещать видных деятелей культуры и искусства, общественных деятелей, старых большевиков, чтобы ознакомить их с крымскотатарской проблемой. Соответствующее обращение было разослано по 2300 адресам. [21] В итоге, 10 представителей народа были арестованы и судимы «за массовые беспорядки» (ст. 190-3 УК РСФСР).

С этих пор облавы на представителей народа и их выдворение из Москвы стали происходить постоянно.

21-22 апреля 1969 г., в годовщину рождения Ленина, в городах Средней Азии опять состоялось возложение венков у его памятника. В Самарканде по этому случаю собралось около 1,5 тысяч человек, в Маргилане — свыше 1 тысячи, в Фергане — около 600, в Бекабаде — около 200. Всюду собравшихся окружали кольцом милиционеры, и всюду цветы были убраны сразу же после ухода крымских татар.

18 мая 1969 г., в 25-летнюю годовщину депортации, как и в прежние годы, произошли массовые митинги на кладбищах, хотя власти стремились помешать этому, преграждая дорогу на кладбища милицейскими заслонами или закрывая кладбища под предлогом «карантина». [22]

На 1968-1969 гг. пришлись аресты самых известных активистов крымскотатарского движения и их помощников — москвичей.

В сентябре 1968 г. были арестованы 10 ведущих деятелей инициативных групп, составители крымскотатарских информаций, авторы всенародных обращений. Суд над ними ожидался в мае 1969 г. 3 тысячи крымских татар обратились к П.Г. Григоренко с просьбой выступить общественным защитником в этом суде. Но он не смог этого сделать. По приезде в Ташкент он был арестован (7 мая 1969 г.). 17 мая арестовали другого москвича, много помогавшего крымским татарам, — Илью Габая, а 11 сентября — Мустафу Джемилева. [23] Григоренко был признан невменяемым и провел более 5 лет в психиатрической тюрьме. М. Джемилева и И. Габая судили вместе — за «клевету на советский строй». Оба были приговорены к 3 годам лагерей. [24]

Для Джемилева это был не первый срок заключения. Он, попавший в депортацию грудным ребенком (18 мая 1944 г. ему было 7 месяцев) и никогда не живший в Крыму, посвятил жизнь возвращению своего народа на родину. Юношей Мустафа проводил свободное время в библиотеках — восстанавливал — сначала для самого себя — истинную историю своего народа, бессовестно искажаемую в советских изданиях. Впоследствии М. Джемилев написал работу по истории крымских татар, распространявшуюся в самиздате. В 1962 г. он привлекался по делу о Союзе крымскотатарской молодежи, но тогда обошлось увольнением с работы. Попытка получить образование кончилась исключением с III курса института «за неблагонадежность». М. Джемилев стал одним из активистов молодого поколения, входил в инициативную группу, участвовал в неофициальной переписи крымских татар перед XXIII съездом КПСС. Впервые он был арестован 12 мая 1966 г., якобы за уклонение от призыва в армию, и осужден на 1,5 года лагеря. Освободившись в 1968 г., поехал представителем народа в Москву, подружился с И. Габаем, с семьей Григоренко и другими правозащитниками; участвовал в составлении крымскотатарских информаций и обращений в официальные инстанции и стал одним из самых популярных деятелей крымскотатарского народа. В 1969 г. он вошел в созданную в Москве Инициативную группу зашиты прав человека в СССР. На суде 12-16 января 1970 г. Мустафа отказался от адвоката и произнес блестящую речь, защищая не столько себя, сколько крымскотатарский народ, его право жить на родине и пользоваться благами национальной культуры. [25]

По окончании срока М. Джемилев пробыл на свободе недолго. В 1974 г. он получил новый срок — 1 год лагеря «за отказ от участия в военных сборах». В лагере против него было возбуждено уголовное дело — снова «за клевету на советский строй». Джемилев был осужден еще на 2,5 года лагеря, хотя единственный свидетель — его солагерник Владимир Дворянский — на суде отказался от показаний против Джемилева, объяснив, что их вынудил следователь, угрожая продлением срока наказания. В знак протеста против неправого обвинения Мустафа Джемилев выдержал 10-месячную голодовку.

На суд Джемилева, состоявшийся в Омске, ездили А.Д. Сахаров, его жена Елена Боннэр и группа крымских татар - родственников и друзей Мустафы. В зал суда пустили только самых близких родственников. Приговор вызвал массовые протесты крымских татар (более 3 тысяч подписей), правозащитников (А.Д. Сахаров, П.Г. Григоренко, документ № 1 Московской Хельсинкской группы) и мировой общественности.

Новый арест Мустафы Джемилева последовал 8 февраля 1979 г., через 14 месяцев после его освобождения, в день окончания административного надзора, когда Мустафа отправился на аэродром, чтобы лететь в Москву. Приговор —

4 года ссылки за нарушение без его ведома продленного на один день административного надзора. [26]

1970 год — год осуждения наиболее авторитетных и деятельных участников крымскотатарского движения — был критическим годом. С этого времени начался постепенный спад движения.

Не видя проку в дальнейших обращениях к советскому правительству, активисты движения, несмотря на неудачу первых волн возвращенцев в Крым, ориентировали народ на повторение массовых попыток переселения и сами приняли в них участие. Однако до настоящего времени крымскотатарскому народу не удалось преодолеть поставленный ему в Крыму заслон, несмотря на всенародный энтузиазм и массовую готовность к жертвам. Со времени указа 1967 г. и до 1979 г. смогли прописаться в Крыму около 15 тысяч человек. При том, что численность татар составляет сейчас более 800 тысяч, это меньше 2%. [27] Но и эти 15 тысяч крымских татар, переселившихся на родную землю, не обрели полноценной национальной жизни. Они оказались оторванными от своего народа вкраплениями в инонациональной, иноязычной среде, так как нет в Крыму ни одного поселка, где бы они составляли существенную часть жителей. Каждая семья оседает там, где ей удается получить драгоценную прописку, а власти не прописывают их компактно. Они оказались разбросанными по всему Крыму. К тому же крымские татары вынуждены постоянно преодолевать враждебность властей. Они в Крыму — еще более «граждане второго сорта», чем в местах прежней ссылки, а об институтах национальной культуры и речи нет.

Те, кому не удалось обосноваться в Крыму, как правило, не возвращались назад, а селились где-нибудь как можно ближе к Крыму в надежде через некоторое время повторить попытку переселения. Но и за пределами Крыма татарам не дают селиться компактно. Таким образом, уехавшие из Средней Азии около 100 тысяч крымских татар оказались распыленными отдельными семьями или малыми группами не столько по Крыму, сколько по прилегающим к нему местам: в Новороссийске и вокруг него сейчас живет несколько десятков тысяч крымских татар, в Краснодарском крае — около 30 тысяч, есть они и на Тамани и в других местах Северного Кавказа, а также в Южной Украине — в Новоалексеевке и вокруг, в Херсонской и Николаевской областях, Мелитополе и т.д. Тяжелый быт, уготованный им на новом месте, приводит к тому, что заботы о каждодневной жизни семьи поглощают все время, всю энергию даже у самых активных прежде участников движения. Большинство их после переселения отходят от движения или участвуют в нем лишь эпизодически. Поскольку сразу после 1967 г. в Крым отправилась наиболее активная часть участников движения, это сказалось на его развитии и в Средней Азии, где до сих пор живет основная масса крымских татар. Необходимость постоянно материально помогать переселенцам в Крым привела к истощению финансовых ресурсов крымскотатарского народа, у него нет возможности одновременно нести расходы по содержанию представителей в Москве, численность их с нескольких сот сократилась до нескольких человек.

Рассеяние народа и постоянная психологическая обработка со стороны властей тех, кто готов ей поддаться, привели к отходу от движения многих прежних энтузиастов и сочувствующих. Возродились идеи отказа от требования прав в пользу просительного тона посланий правительству, усилились прежде очень малочисленные противники союза с правозащитным движением. Правда, и сейчас они составляют незначительное меньшинство среди крымских татар. Об этом

можно судить хотя бы по тому, что инспирированное властями письмо А.Д. Сахарову от крымских татар — «не вмешивайтесь в наши дела, не вредите нашему народу, дорогу в Крым мы найдем без вас и ваших друзей» (февраль 1977 г.) — было подписано 52 крымскими татарами, но несколько человек написали потом Сахарову, что их подписи были получены обманным путем — им показывали для подписи другой текст. А в июне 1977 г. Сахаров получил другое письмо, подписанное 549 крымскими татарами, которые благодарили Сахарова

«...за поддержку стремлений, чаяний и дум крымскотатарского народа»

и заверяли его, что они осуждают письмо своих соотечественников как

«...недостойное, не отражающее мнений крымскотатарского народа». [28]

В 70-е годы снизился авторитет инициативных групп из-за отсутствия между их членами единого мнения, а еще более — из-за неэффективности всех предлагавшихся на протяжении 25 лет борьбы тактических приемов для достижения главной цели — возвращения народа в Крым. Всенародные письма, прежде собиравшие десятки и даже сотни тысяч подписей, теперь подписывают в лучшем случае по нескольку тысяч человек.

Постепенный спад движения можно проследить по числу подписей под обращениями к очередным съездам КПСС — обычно эти обращения собирали наибольшее число подписей. Пик их приходится на XXIII съезд (1966 г.) — более 130 тысяч подписей. Обращение к XXIV съезду (1971 г.) собрало 60 тысяч подписей, к XXV (1975 г.) — 20 тысяч. В 1979 г. наибольшее число подписей собрал Всенародный протест, под которым стояло 4 тысячи подписей. [29]

Тем не менее инициативные группы, хоть и в маленьких масштабах, продолжали свою деятельность. В 1971 г., после опубликования данных всесоюзной переписи населения, не обнаружив в перечне наций, проживающих в СССР, крымских татар (их, несмотря на протесты, записывали просто татарами), инициативные группы провели собственными силами перепись крымских татар во всех местах их проживания (Средняя Азия, Крым, южная Украина, Северный Кавказ) и установили численность народа — 833 тысячи человек. [30]

В том же 1971 г. инициативные группы Ташкентской области провели выборочный опрос крымских татар об их отношении к возвращению в Крым. Из 18 тысяч опрошенных взрослых только 9 высказались против возвращения и 11 — воздержались от ответа. [31]

Митинги и собрания происходят лишь по особо важным датам и участвует в них гораздо меньше народу. В этом сказывается не только естественная усталость крымскотатарского народа после стольких лет напряженной борьбы, но и изменения в его социальном составе.

Снятие режима спецпоселений в 1956 г. не решило общей проблемы крымских татар, но расширило возможности каждого индивида в социальной сфере. Крымские татары, в массовом порядке насильственно приписанные в 1944 г. к фабрикам и заводам, в массовом же порядке покинули их. Очень многие вернулись к традиционному занятию народа — сельскому хозяйству, значительная часть — в качестве механизаторов, шоферов, строителей, так как за годы работы в промышленности они приобрели нужные для этого технические навыки.

Вновь появилась и искусственно ликвидированная в 1944 г. крымскотатарская интеллигенция — учителя, инженеры, врачи и пр. Вернулись к прежним профессиям люди старшего поколения, смогли получить образование после ликвидации резерваций молодые крымские татары. Изменению социального состава сопутствовало ослабление компактности расселения крымских татар — люди уезжали из заводских поселков в места своей новой работы. При этом очень улучшились жилищные условия большинства крымскотатарских семей, поднялся их жизненный уровень, но осложнилась работа инициативных групп, снизилась их оперативность и затруднилась координация усилий.

Крымскотатарская интеллигенция, прошедшая вместе со своим народом все выпавшие на его долю испытания на равных условиях, ощущает себя как одно целое с ним. Люди интеллигентного труда составляют существенную часть активистов крымскотатарского движения — участвуют в инициативных группах, находятся среди представителей народа в Москве и, конечно, среди авторов документов крымскотатарского движения.

Видимо, для того, чтобы лишить народное движение необходимых ему интеллигентных сил, власти применяют метод социального подкупа. Они охотно предлагают крымским татарам, проявившим активность и организационные способности, посты в административном, партийном и хозяйственном управлении, поощряя преуспевающих быстрым продвижением. Созданный таким образом слой «национальной аристократии» служит идеологическим оплотом власти, которая не настаивает на отказе таких людей от участия в движении, но использует их в качестве своей «пятой колонны»: для дискредитации активных участников движения распространением клеветы о них, для внедрения конформистских настроений в инициативные группы, для борьбы против активной тактики движения, для противодействия союзу крымскотатарского движения с правозащитным, для пропаганды отказа от обращений к международной общественности. Политика поощрения конформистского крыла движения сочетается с систематическим устранением приверженцев решительной тактики, сближения с правозащитниками и апелляций к международной общественности — таких, как Мустафа Джемилев и его единомышленники. За период наибольшей активности крымскотатарского движения состоялось более 50 судебных процессов, на которых осудили более 200 активистов. [32] Из этих 200 человек нам известно социальное положение 74-х. Среди них люди интеллигентных профессий составляют 35 человек. Это непропорционально много по сравнению с долей участников народного движения, занятых интеллигентным трудом, и указывает на особую жесткость властей к образованной части активистов. Естественно, что из 36 осужденных за участие в составлении документов крымскотатарского движения 22 — представители интеллигентных профессий и лишь 9 — рабочие (социальное положение 6 осужденных по этому обвинению неизвестно), так как обычно в качестве авторов документов выступают более образованные активисты. Но статистика осужденных за массовые демонстрации такова же: из 37 человек известно социальное положение 27, 13 из них — люди интеллигентного труда и 14 — рабочие, хотя, очевидно, первая категория никак не составляла половину от многих тысяч крымских татар, собравшихся, скажем, на гуляние 21 апреля 1968 г. в Чирчике. Просто из задержанных на месте гуляния 300 человек для привлечения к суду отбирали не только по принципу проявления активности во время гуляния, но и с более высоким образованием.

Что же касается социального состава осужденных в Крыму (обычные статьи «нарушение паспортного режима», а позже — и «сопротивление милиции»), то все осужденные — сельскохозяйственные рабочие, так как среди крымских татар, выехавших на родину, как и в 1944-1956 гг. после депортации, снова произошло «разинтеллигенчивание». Не известно ни одного случая, когда бы крымский татарин — инженер или учитель — получил бы в Крыму работу в соответствии со своей квалификацией, зато известны инженеры, работающие там трактористами или шоферами, и учителя, находящиеся на должности кладовщиков и т.п. или занятые неквалифицированным трудом в сельском хозяйстве.

До второй половины 70-х годов положение оставалось статичным. Хоть и в меньшем числе, чем в 60-е годы, но ежегодно приезжали в Крым крымскотатарские семьи в надежде на удачу, хотя выпадала она очень немногим. Некоторые повторяли такие попытки ежегодно по нескольку раз. Сложности оформления на жительство то ужесточались, то несколько ослабевали, но никогда не прекращались. Наиболее благоприятным был период с февраля по ноябрь 1977 г. Если в течение 1976 г. за нарушение паспортного режима были осуждены 46 человек, то с сентября 1976 г. выселения прекратились на целый год. С февраля по ноябрь 1977 г. получили прописку около 200 семей. [33] К весне 1978 г. в Крыму находилось около 700 семей, не прописанных в купленных ими домах. С сентября 1977 г. возобновились выселения. Одно из таких выселений привело к трагическому событию: 23 июня 1978 г. 46-летний крымский татарин столяр Муса Мамут совершил самосожжение.

Семья Мамута (он, жена и трое детей) приехали в Крым в апреле 1975 г. Они купили дом в с. Беш-Терек (нынешнее с. Донское Симферопольского района), но не смогли оформить покупку дома, ни получить прописку. В мае 1976 г. Муса Мамут «за нарушение паспортного режима» был приговорен к двум годам лагеря. За хорошую работу и примерное поведение его освободили досрочно, и он вернулся в марте 1978 г.

Семья находилась на грани голода, так как Муса по-прежнему не имел работы из-за отсутствия прописки, в которой ему по-прежнему отказывали. В июне 1978 г. его предупредили, что против него вновь возбуждено дело о «нарушении паспортного режима». Он ответил, что «живым он не дастся» и приготовил канистру с бензином. Когда за ним приехал милиционер, чтобы отвезти его к следователю, Муса, отойдя вглубь двора, облил себя бензином и, подойдя к милиционеру, поджегся. Милиционер бросил пылающего Мамута. Соседи потушили живой факел, но ожоги были слишком велики; 28 июня Муса Мамут скончался в больнице.

На похороны собралось более 100 человек, хотя дороги в Донское блокировали. Похоронная процессия шла под транспарантами: «Родному папочке и мужу, отдавшему свою жизнь за Родину — Крым», «Дорогому Мусе Мамуту — жертве несправедливости от крымскотатарского народа», «Мусе от возмущенных русских собратьев. Спи, справедливость восторжествует».

А. Д. Сахаров направил телеграмму Брежневу и Щелокову:

«Вне зависимости от его конкретных обстоятельств, самосожжение Мусы Мамута имеет своей истинной причиной национальную трагедию крымских татар, ...Трагическая гибель Мусы Мамута ...должна послужить восстановлению справедливости, восстановлению попранных прав его народа...» [34]

19 ноября 1978 г. последовала еще одна драма — повесился крымский татарин Иззет Мемедуллаев (1937 г.р.). Он приехал в Крым с женой и тремя дочерьми в сентябре 1977 г. Как и Муса Мамут, он не мог оформить покупку дома и жил под угрозой судебных преследований. Сотрудник местного КГБ пообещал ему уладить его дела, если он согласится стать осведомителем, и Иззет дал ему расписку, что согласен на это. Через несколько дней он потребовал свою расписку назад и отказался от своего обещания, однако кагебист расписку не возвращал и усилил давление на Иззета через местные органы власти. Иззет совершил самоубийство, оставив письмо:

«Я никогда не был подлецом. Хочу умереть с чистой совестью». [35]

Эти выражения крайнего отчаяния не остановили вступления в силу постановления Совета Министров СССР от 15 октября 1978 г. № 700 «О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области». Постановление упрощало процедуру выселения и выдворения из Крыма. На это больше не требовалось судебного решения, достаточно было решения райисполкома. [36]

В Симферополе был организован батальон войск МВД для осуществления выселений, так как дружинники из местных жителей часто отказывались помогать милиции в этих «операциях», и нередки были случаи противодействия выселению не только со стороны крымских татар, но и русских и украинцев. Но и выселения, проводимые как военная операция, иной раз встречали противодействие населения. В «Хронике текущих событий» (вып. 51, стр. 100) описано, как проходило повторное выселение крымскотатарской семьи Гавджи из села Абрикосовка Кировского района. 50 милиционеров во главе с начальником милиции выселили эту семью, и она была вывезена на станцию Новоалексеевская (южная Украина). Там собралось более 200 местных жителей — крымских татар, выражавших свое возмущение. Они написали на бортах милицейских машин «Требуем равноправия!», «Позор советской милиции!», «Прекратите произвол!». Демонстранты не позволили погрузить вещи семьи Гавджи в вагон для отправки в Среднюю Азию. Прибыл полковник милиции, который пообещал собравшимся, что выселенная семья будет возвращена в Крым. Гавджи вернулись в свой дом, но через некоторое время они были все-таки выселены из Крыма.

С октября 1978 г. выселения участились.

Если с января по октябрь 1978 г. было выселено из Крыма 20 семей, то с ноября 1978 г. по февраль 1979 г. — 60. Выселяли все семьи, прибывшие в Крым после 15 октября 1978 г., но и более долгое проживание не уберегало. Одновременно ужесточились репрессии против непрописанных: у них отключают электроэнергию, а в домах с водопроводом — и водопровод. Непрописанные семьи лишили приусадебных участков — главного источника их пропитания. В с. Курском Белогорского района, где жили 22 крымскотатарских семьи, из них 11 — непрописанных, преследование их вызвало возмущение местного нетатарского населения. Колхозный электрик А. Исаев отказался отрезать свет у крымских татар, за что получил партийный выговор и был переведен в слесари. Тракторист Пузырев отказался засевать овсом отнятые у крымских татар приусадебные участки, и был уволен с работы. Тракторная бригада отказалась сносить тракторами дом выселенного крымского татарина. [37]

К 1980 г. в Крыму остались лишь 60 непрописанных семей крымских татар. Новые семьи не появлялись не только из-за опасений перед усилившимися репрессиями, но и из-за невозможности преодолеть новое препятствие: с 25 апреля 1978 г. вошло в силу Указание Министра внутренних дел Уз. ССР № 221 (неопубликованное), которое запрещало органам милиции выписывать из Узбекистана крымских татар, не имеющих справки с будущего места жительства о наличии там для них работы и жилья. [38] Такого правила нет ни в одной республике, и в Узбекистане оно относится исключительно к крымским татарам.

Весь этот комплекс мер заморозил численность переселившихся в Крым крымских татар на уровне 1979 г. Драконовские постановления продолжают действовать, что вызвало усиление протестов в 1977-1979 гг., прежде всего среди крымских татар в Крыму.

В мае-июне там было собрано 896 подписей под обращением в ООН с просьбой создать комиссию по расследованию положения крымских татар в Крыму. [39]

9 ноября 1978 г. делегация крымских татар приехала в Симферополь к первому секретарю Крымского обкома партии, чтобы вручить ему протест против выселений, подписанный 750 крымскими татарами из разных мест Крыма. Делегация не была принята.

В конце ноября более 2000 крымских татар обратились в советские инстанции и в ООН с Заявлением-протестом — о выселении крымских татар из Крыма. [40]

В начале декабря из Крыма в Москву отправилась делегация из 23 человек с протестом против усиления гонений. В конце января Москву посетила новая делегация, она привезла «Всенародный запрос», подписанный 2 тысячами крымских татар из Крыма. Они требовали ответа: действительно ли существует постановление № 700 об их принудительном выселении. Если оно существует, они требовали отмены его как антиконституционного. В дальнейшем несколько делегаций крымских татар (в общей сложности делегации составили 120 человек) привозили в Москву дополнительные подписи под этим запросом.

Сначала они получили ответ из ЦК КПСС, что постановления о выселении не существует. Но 9 февраля 1979 г. очередная делегация в Симферополь была принята в Крымском обкоме партии. Сотрудники обкома заявили, что постановление № 700 будет выполняться и впредь, а в ЦК КПСС делегатов крымских татар больше не принимали. В ЦК ВЛКСМ, куда отнесли всенародный протест крымские татары — комсомольцы, его взяли лишь после того как они пригрозили в противном случае сдать комсомольские билеты. [41]

Во время пребывания в Москве крымских татар несколько раз задерживали и отправляли в милицию. Оставшиеся на свободе протестовали против задержания, объявив двухдневную голодовку в приемной Президиума Верховного Совета СССР.

В Узбекистане в 1977 г. были собраны более 4 тысяч подписей под кассационным заявлением Брежневу с просьбой отменить все законодательные акты о крымских татарах, вышедшие с 1944 по 1976 гг., которые так и не привели к восстановлению равноправия этого народа. Крымские татары, по утверждению авторов кассационного заявления, — единственная в СССР нация, неравноправие которой опирается на юридические акты.

В сентябре 1977 г. в Узбекистане состоялась встреча представителей инициативных групп, которая вынесла решение впредь строить свою деятельность на базе кассационного заявления. Это решение было подтверждено на собрании представителей инициативных групп в ноябре 1979 г.

В Москву из Узбекистана были посланы представители, добивавшиеся ответа на кассационное заявление. Они возобновили выпуск крымскотатарских информаций (вышло три выпуска — по № 128 включительно). [42]

Решат Джемилев (Ташкент), активный участник крымскотатарского движения, написал о гибели Мусы Мамута и о крымскотатарской проблеме письмо королю Саудовской Аравии, призывая его помочь крымским татарам — его единоверцам. За это письмо Решат Джемилев был осужден на трехлетний лагерный срок. [43]

В апреле 1980 г. был арестован москвич Александр Лавут, который в течение многих лет помогал крымским татарам в их борьбе, а после изгнания П.Г. Григоренко (1977 г.) стал их главной опорой в Москве. [44]

Таким образом, многолетние протесты крымских татар были оставлены без внимания.

Однако не дали результата и по крайней мере дважды предпринимавшиеся попытки «укрепить» крымских татар в Узбекистане, выделив территорию, где бы высшие должности занимали крымские татары. Такая попытка была предпринята в 1974 г., когда первым секретарем обкома Джезказганской области был назначен крымский татарин С. Таиров и несколько руководящих должностей в области были отданы крымским татарам. Однако их соотечественники не проявили желания ехать в эту область и продолжали стремиться в Крым. В феврале 1978 г. Таирова перевели на должность министра лесного хозяйства Узбекистана, видимо, оставив надежду на «укоренение». [45]

По утверждению журнала «Эмель»,

> *«...ни один крымский татарин, даже агент КГБ и провокатор движения, в душе не отказался от своих стремлений вернуться на родину».* [46]

Создалась тупиковая ситуация: крымскотатарский народ не примирился и, очевидно, не примирится с запретом возвращения в Крым и разрушением национальной жизни.

С другой стороны для нынешних руководителей СССР психологически немыслимо согласиться на поселение в пограничной стратегически важной области народа, который, с одной стороны, имеет родственные связи и единую религию с населением пограничной Турции, (что, видимо, и было импульсом для депортации в 1944 г.), а с другой, — на протяжении 25 лет продемонстрировал действительно всенародную волю отстоять свои права и смело предъявляет властям СССР счет за человеческие жертвы, уничтожение национальной культуры и продолжающуюся дискриминацию. Думаю, что решение крымско-татарской проблемы возможно лишь как следствие демократизации советской системы или, если нынешние власти в случае общего ослабления системы уступят давлению мусульманских стран, которые последнее время стали проявлять интерес к судьбе крымских татар — своих единоверцев.

Выступления зарубежного представителя крымскотатарского народа Айше Сеитмуратовой, эмигрировавшей в США, на нескольких конференциях стран ислама привлекли внимание их прессы и некоторых политических деятелей. Возможно, в связи с этим, а также в связи с интересом к проблеме крымских татар среди общественности США, ООН, получавшая многие годы документы крымскотатарского движения, ей адресованные, теперь хоть как-то обратила на них внимание. Осенью 1980 г. был сделан соответствующий запрос советскому представителю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Самиздата, радио «Свобода», Мюнхен (АС), № 630, т. 12; «Эмель» (сб. статей и документов), Нью-Йорк, Фонд «Крым», 1978, вып. 1, с. 43.
2. «Шесть дней» (Белая книга), Нью-Йорк, Фонд «Крым», 1980, с.427.
3. «Эмель», вып. 1, с.с. 6, 43; «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника» (ХТС), вып. 31, с.с. 135-136, 145-146, 148-149.
4. «Эмель», вып. 1, с. 39.
5. АС № 379, т. 12.
6. Письмо Мустафы Джемилева к П.Г. Григоренко, ноябрь 1968 г. — В: А. Григоренко. А когда мы вернемся. Нью-Йорк, Фонд «Крым», 1977, с.с. 11-25.
7. АС № 137, т. 2.
8. ХТС, вып. 31, с.с. 126-131; АС № 1877, т. 12.
9. АС № 137, т. 2; ХТС-31, с. 141.
10. «Хроника текущих событий», вып. 1-15 (Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979), вып. 8, с. 166: АС №137, т. 2 (с.с. 2-3).
11. АС № 137, с.с. 3-4.
12. Цит. по: «Эмель», вып. 1, с. 50; «Шесть дней», с.с. 336-337.
13. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», вып. 2, с.с. 26-27.
14. АС № 137, с. 5.
15. АС № 630, т. 12, с.с. 24-25.
16. Там же; АС № 379, с.с. 38-39; «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 7, с.с. 135-137.
17. АС № 379, с. 5.
18. «Хроника текущих событий» (вып. 1-15), вып. 1, с.с. 14-15.
19. «Хроника защиты прав в СССР», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», вып. 29, с. 46.
20. АС № 45, т. 1.
21. Там же.
22. АС № 638, т. 12.
23. «Хроника текущих событий» (вып. 1-15), вып. 8, с.с. 158-167; вып. 10, с.с. 245-246.
24. Там же, вып. 12, с.с. 344-350.
25. «Шесть дней», с.с. 336-366.
26. ХТС, вып. 40, с.с. 28-42; Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, вып. 1, с.с. 8-10; ХТС вып. 52, с.с. 95-96; вып. 53, с.с. 9-13.
27. ХТС, вып. 38, с. 62; вып. 47, с. 61.
28. ХТС, вып. 47, с.с. 70-71.
29. АС № 137; ХТС, вып. 31, с.с. 132, 137; вып. 38, с. 61; вып. 53, с.с. 109-110.
30. ХТС, вып. 38, с. 62.
31. ХТС, вып. 31, с. 133.
32. ХТС, вып. 31, с. 141.
33. ХТС, вып. 47, с. 61.
34. ХТС, вып. 51, с.с. 112-113.
35. Там же, с. 115.
36. ХТС, вып. 52, с. 81.
37. ХТС, вып. 53, с.с. 117-119.
38. ХТС, вып. 51, с.с. 116-117.
39. Там же, с. 111.
40. Там же.
41. ХТС, вып. 52, с.с. 88-95.
42. Там же, с. 93.
43. ХТС, вып. 51, с.с. 114-115.
44. ХТС, вып. 60, с.с. 7-20.
45. ХТС, вып. 51, с.с. 118-119; ХТС, вып. 56, с. 127.
46. «Эмель», вып. 1, с.с. 57-58.

БОРЬБА МЕСХОВ ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Проблема месхов схожа с проблемой крымских татар.

Месхетия, как и Крым, граничит с Турцией — она находится на юге Грузии. Месхи, родственные грузинам этнически, в XVI-XVII вв., находясь под властью Турции, приняли ислам и отуречились. В настоящее время часть месхов считает себя грузинами, часть — турками, а большинство затрудняется ответить на этот вопрос.

В ноябре 1944 г. 300-тысячный народ месхов был выселен в восточные районы Советского Союза под предлогом эвакуации в связи с приближением немцев. Через несколько месяцев месхи были переведены на режим спецпоселенцев — такой же, как и для крымских татар и других народов, объявленных «изменниками». В места ссылки отправили и вернувшихся с фронта месхов. Труд месхов использовали для создания системы орошения Голодной степи. Благодаря орошению она превратилась в цветущий край Гулистан. Десятки тысяч месхов заплатили за это своими жизнями. [1]

В 1956 г. режим спецпоселенцев с месхов был снят, но запрет на возвращение в родной край, куда хотят вернуться все месхи, независимо от оттенков национального самосознания, остался в силе. В конце 1956 г. месхи отправили в Москву представителей с коллективной просьбой народа разрешить возвращение на родину. В ответ месхов объявили азербайджанцами и разрешили им вернуться на Кавказ, но не в Месхетию и даже не в Грузию, а в Азербайджан (там требовались рабочие руки для освоения Мугабской степи — безводного района с тяжелыми климатическими условиями) и в Кабардино-Балкарию. Значительная часть месхов переехала на новые места, чтобы быть ближе к родине и в конце концов вернуться туда.

В течение нескольких лет представители месхов, объединившиеся во Временный организационный комитет возвращения народа на родину (ВОКО), ездили в Москву и в Тбилиси, добиваясь приема в высших партийных и государственных инстанциях. Однако от них отделывались неопределенными ответами или отказывались заниматься их делом, порой в грубой форме. Месхи обращались к грузинским писателям, журналистам, деятелям культуры, но те могли оказать им лишь моральную поддержку. Месхов, пытавшихся вернуться в Месхетию, немедленно выдворяли оттуда.

15 февраля 1964 г. в колхозе «Ленин юли» Ташкентской области (Узбекистан) собралось первое общенародное собрание месхов. Они пригласили на это собрание представителей местной советской власти и партийных органов, но пришли

лишь неизвестные люди в штатском, которые пытались помешать проведению собрания. Тем не менее 600 делегатов, выбранные на местных собраниях в районах расселения месхов — в Средней Азии, Казахстане и Азербайджане, собрались и прослушали доклады об истории своего народа, о его современном положении и об организации усилий народа по возвращению на родину. Делегаты избрали новый состав ВОКО во главе с Энвером Одабашевым (1917 г.р.) — бывшим фронтовиком, инвалидом войны, школьным учителем истории. Кроме него, избрали 125 представителей, которым поручили поехать в Москву и снова передать обращение месхов о возвращении на родину. С тех пор такие собрания собирались регулярно.

Представители народа совершили серию поездок в Москву. Там им говорили, что лучше всего этот вопрос решать в Тбилиси, в Тбилиси — что решить их проблему может только правительство СССР. А в это время власти в районах нынешнего расселения месхов угрозами и соблазнами добивались прекращения движения.

В апреле 1968 г. в Янгиюле (Узбекистан) собралось очередное 22-е собрание месхов, на котором присутствовали 6 тысяч человек. Место собрания было окружено солдатами и милиционерами с дубинками и с пожарными машинами, но оно прошло мирно и без инцидентов. Однако на обратном пути многие делегаты были задержаны и отвезены в Ташкент. 30 человек продержали от двух недель до полугода в камерах предварительного заключения.

В мае 1968 г. было опубликовано постановление Президиума Верховного Совета СССР, в котором провозглашалось, что «граждане турецкой, курдской и азербайджанской национальностей», выселенные из Ахалцикского, Аспидского, Ахалкалского, Адигенского районов и Аджарской АССР, пользуются теми же правами, что и все граждане СССР, но они укоренились в тех республиках, где сейчас проживают, и там надо создавать им условия с учетом национальных особенностей.

После этого постановления, не добившись приема своих делегатов в Москве, 7 тысяч представителей народа месхов 24 июля 1968 г. съехались в Тбилиси и собрались у Дома правительства, требуя приема. Их окружили милиция и войска, их били, провоцируя на сопротивление, но они не сопротивлялись, однако и не расходились. Через два дня их принял первый секретарь ЦК КП Грузии Мжаванадзе. Он пообещал принимать месхов в Грузию небольшими партиями — по 100 семей в год в разные районы.

Но обещание это оказалось обманным. Приехавших в Грузию месхов сначала приняли и они получили работу, но вскоре их стали с работы увольнять и выдворять на прежние места или в Мугабскую степь. [2]

19 апреля 1969 г. был арестован Энвер Одабашев, и прежде несколько раз подвергавшийся задержаниям. Узнав о его аресте, месхи из разных селений Азербайджана 21 апреля бросили работу и собрались у райкома партии в поселке Саалты, где в отделении милиции содержали до отправки в тюрьму Одабашева. Собравшиеся потребовали освободить его. Получив отказ, они послали срочные телеграммы с таким же требованием Брежневу и первому секретарю ЦК КП Азербайджана В. Ахундову. Толпа месхов простояла перед райкомом до глубокой ночи, когда появился посланный республиканскими властями секретарь райкома, распорядившийся об освобождении Одабашева. Его, уже подготовленного к отправке утренним этапом, выпустили на улицу, где месхи встретили его радостными криками: «Свобода!», «Равенство!», «Родина или смерть!», «Жив наш учитель!» [3]

В августе 1969 г. 33-я делегация месхов в составе 120 делегатов прибыла в Москву, в ЦК партии. На этот раз делегаты были приняты неким Моралевым, но он им отказал в требовании, к тому же в оскорбительной форме. В знак протеста все делегаты бросили в приемной ЦК свои паспорта и заявили об отказе от советского гражданства. На следующий день на делегатов была устроена облава по всей Москве, и они были высланы под конвоем.

В апреле 1970 г. доведенные до отчаяния представители месхов, считающих себя турками, обратились в турецкое посольство с просьбой разрешить месхам въезд в Турцию в качестве граждан Турецкой республики. Собравшееся 2 мая 1970 г. в Саалтинском районе Азербайджана VI народное собрание месхов-турок одобрило это решение. 15 марта 1971 г. в посольство Турции были переданы списки месхов, готовых эмигрировать, поскольку им не разрешают вернуться на родину. Одновременно советским властям был заявлен протест против грубого и беззаконного запрета месхам вернуться на родину. Кроме того, месхи направили документы с изложением своих требований в международные организации, в том числе в ООН. [4]

После этого репрессии против активистов движения месхов как турок, так и грузин усилились. 7 августа 1971 г. был арестован и осужден якобы за «самовольный захват колхозной земли» на 2 года лагеря общего режима Энвер Одабашев. В лагере он был осужден еще на год по ст. 190-1 («клевета»).Его заместители тоже попали в заключение по сфабрикованным обвинениям: М. Ниязов 3 октября 1971 г. — за «хулиганство» (он выступил на собрании передовиков производства по желанию 2,5 тысяч присутствовавших там месхов, не получив разрешения на выступление от ведущего собрание). Он был осужден на 3,5 года лагеря; Ислам Каримов — в январе 1972 г. был осужден за «нарушение паспортного режима» на 8 месяцев лагерного заключения. [5]

Попытки месхов, сознающих себя турками, переселиться в Турцию, усилили до разлада несогласия, и прежде существовавшие между их активистами и активистами месхов, сознающих себя грузинами.

В 1976 г. проблемой месхов активно занялся член Инициативной группы защиты прав человека в Грузии Виктор Рцхеладзе. Он ездил в Кабардино-Балкарию, на одно из мест поселения месхов, выступал перед ними на собранном в честь его приезда митинге, обещал им помощь грузинской интеллигенции.

Весной 1976 г. Л. Абашидзе и В. Абастуманели — делегаты месхов, считающих себя грузинами, приезжали в Тбилиси. Грузинские интеллигенты устроили в честь представителей месхов торжественный обед на квартире В. Рцхеладзе. Месхи добивались приема у первого секретаря ЦК КП Грузии Э. Шеварднадзе. В своем заявлении они просили до разрешения вопроса о возвращении месхов на родину принимать их детей в массовом порядке в грузинские школы-интернаты, обеспечить прием в грузинские вузы по 10-15 абитуриентов-месхов, посылать в места расселения месхов лекторов по истории и культуре Грузии, документальные фильмы о Грузии и т.д. Им удалось добиться лишь посещения помощника Шеварднадзе, но не его самого, и дело не продвинулось. [6]

Одновременно с обращением к Шеварднадзе месхи-грузины, живущие в Средней Азии, Азербайджане и Кабардино-Балкарии, направили письмо в Московскую Хельсинкскую группу, подписанное 1100 главами семейств (около 7,5 тысяч человек), с просьбой содействовать их возвращению в Месхетию или хотя бы в Грузию. Месхи-турки не обращались в МХГ, но предоставили ей в порядке ин-

формации резолюции своих VI и VIII съездов (последний проходил летом 1976 г.). Они требовали переселения в Месхетию или Турцию, а настроенные наиболее экстремистски говорили даже, что если проблема репатриации не будет разрешена, они станут выступать за отторжение Месхетии в пользу Турции и просили Московскую Хельсинкскую группу поддержать их. Руководитель Группы Ю.Ф. Орлов разъяснил им, что такое требование противоречит Заключительному Акту Хельсинкских соглашений и не может быть поддержано МХГ.

МХГ посвятила свой документ № 18 проблеме месхов.

> *«Мы утверждаем, — писали в этом документе члены Группы, — что и по отношению к месхам-грузинам, и по отношению к месхам-туркам советское правительство грубо нарушает свои обязательства в отношении национальных меньшинств, сформулированных в Заключительном Акте: «Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом».* [7]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Хроника текущих событий» (вып. 1-15), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 7, стр. 131.
2. Там же, с.с. 131-134.
3. Там же, вып. 9, с.с. 217-219.
4. «Хроника текущих событий» (вып. 16-27), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 19, с.с. 167-168.
5. «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1974, вып. 34, с.с. 65-66.
6. Там же, 1976, вып. 41, с.с. 65-67.
7. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1977, вып. 3, с.с. 21-23.

ЕВРЕЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ВЫЕЗД В ИЗРАИЛЬ

Бытовой антисемитизм никогда не прекращался в СССР. В послевоенное время он дополнился государственным антисемитизмом, который дошел до грани погрома перед смертью Сталина, несколько утих сразу после его смерти, но затем стал быстро прогрессировать.

На протяжении всего советского периода евреи были почти полностью лишены институтов национальной культуры (школы, пресса, кино, театр синагоги и т.д.). В последние годы стала совершенно очевидно тенденция оттеснить их от культуры вообще: чрезвычайно затруднена для евреев карьера в любой сфере деятельности; ни один народ не имеет таких стеснений в доступе к высшему образованию. Проведенный активистами еврейского движения и Московской Хельсинкской группой анализ состава принятых на механико-математический факультет Московского университета с 1978 г. в течение нескольких лет показал, что существует негласная норма приема для евреев, и что она примерно вдвое ниже нормы, открыто соблюдавшейся в царское время. [1] Стеснение в доступе к образованию — самая чувствительная из дискриминационных мер против евреев, так как стремление дать образование детям — одна из самых сохранившихся в еврейских семьях традиций.

И тем не менее национальная дискриминация не единственная причина явления, которое принято называть «еврейским движением за выезд в Израиль», и эта общепринятая формулировка не вполне соответствует его сути.

Во-первых, в этом движении участвуют не только евреи. Не могу сказать, сколько процентов от общего числа подавших документы на выезд в Израиль составляют неевреи — 5, 10, 15% или более, если учитывать членов смешанных семей. По сведениям 1977 г., лишь треть запросов, поданных в Риме на вызовы в Израиль, приходились на людей с еврейскими фамилиями. Среди самых активных борцов за выезд в Израиль неевреи — тоже не редкость. Известно, что из 11 осужденных на «самолетном процессе» двое — неевреи; среди арестованных в 1979-1980 гг. участников этого движения в Киеве по меньшей мере трое неевреи (Валерий Пильников, Иван Олейник, Виктор Яненко). Выпуск информационного бюллетеня движения за выезд в Израиль «Исход» начал русский — Виктор Федосеев. Среди демонстрантов в защиту узников Сиона были русские — Лидия Воронина и Олег Попов. Я не занималась специально сбором таких сведений, это первые пришедшие на память имена. Думаю, при желании можно собрать очень значительный список.

Во-вторых, действительной целью большинства участников движения является не Израиль, а эмиграция из Советского Союза: из выехавших по израильским визам лишь меньшая часть отправилась в Израиль, и с каждым годом эмиграции эта часть сокращалась.

Единичные разрешения на выезд в Израиль к родным выдавались и в сталинское время. Заметным в количественном отношении явлением это стало в 60-е годы (с 1960 по 1970 гг. выехали 4 тысячи человек). [2] Первыми получили эту возможность рижские евреи — настоящие сионисты, и они действительно выехали в Израиль. Эта первая брешь, пробитая в «железном занавесе», была большим достижением, одержанным благодаря жертвенности и энтузиазму сионистов из Советского Союза и огромным усилиям международных еврейских организаций. Но как только они пробили эту брешь, в нее устремились не только сионисты. Однако все три компонента этого процесса — советская власть, международное еврейство и подающие на выезд советские граждане — каждый по своим соображениям сгущают его национальную окраску.

Корни явления, называемого «еврейским движением за выезд в Израиль» не только национальные, а глубже и шире — социальноэкономические и политические.

Уезжают ученые, люди искусства и квалифицированные специалисты, которые страдают в СССР от отсутствия творческой свободы, свободы вообще и плохой оплаты труда. Уезжают рабочие — тоже из-за плохой оплаты труда и из-за невозможности легально бороться за улучшение своего положения. Уезжают люди, желающие заняться бизнесом, что нормально в свободном мире, а в социалистических странах грозит тюрьмой.

Думаю, что если бы получение разрешения на выезд было обусловлено принадлежностью не к еврейской, а к любой другой нации, даже русской, процент добивающихся выезда по отношению к общей численности этой избранной нации был бы не меньшим, чем сейчас доля подающих на выезд в Израиль по отношению к численности евреев в СССР, и движение это заслуживало бы название «движение русских (казахов, чеченцев и т.п.) за выезд Куда Угодно, лишь бы Вон из СССР», в такой же степени, в какой нынешнее движение за выезд по израильским визам может называться еврейским.

Сделав эти замечания, перейду к описанию того, что называют «еврейским движением за выезд в Израиль». Я тоже буду его так называть, поскольку евреи, в силу сложившихся обстоятельств, составляют все-таки большинство в этом движении, и его провозглашаемой целью является возвращение евреев на историческую родину.

С момента получения первых выездных виз быстро увеличивалось число заявлений на выезд и накапливалось число оказавшихся в «отказе». Отказничество наступает на неопределенный срок, и может длиться годами. Обычно оно сопряжено с понижением в социальном статусе (скажем, из инженеров в слесари, из научных работников — в сторожа или грузчики) или полной утратой работы и множеством других стеснений.

Отказников объединяет общее стремление вырваться из СССР и общее изгойство. И хотя цель каждого — уехать самому, они нуждаются друг в друге, хотя бы для того, чтобы посоветоваться о возможных шагах к достижению заветной цели, и естественно, — начинают совместно действовать ради этого.

Самой ранней формой совместных действий стали петиции к властям и открытые письма — индивидуальные и коллективные, не только с изложением

проблем своей семьи и просьбой о разрешении на выезд для своей семьи, но и с протестами против нарушения права на эмиграцию, против национальной дискриминации евреев, против антисемитских кампаний в советской прессе. Петиционная форма движения до сих пор является наиболее распространенной. Заметный импульс еврейскому движению дала Шестидневная война (лето 1967 г.). Советские евреи пережили радость военной победы Израиля особенно остро. Она подняла их самоуважение, постоянно попираемое, так как свидетельствовала о воинской доблести их народа, прежде не признававшейся окружающими (очень распространенный в СССР предрассудок, что евреи «отсиживались» во время войны с фашистами в тылу, что они — плохие вояки; такие замечания были постоянными в арсенале антисемитов до Шестидневной войны и почти прекратились после нее). Усилившаяся в связи с этой войной антисемитская кампания в советской прессе вызвала, в отличие от прежних лет, резкий отпор в виде открытых писем в газеты с протестами против официального антисемитизма, соответствующие выступления на собраниях, собранных для осуждения «израильской агрессии» и т.д. Подъем национального духа евреев способствовал их сплочению, увеличилось число желающих уехать. Протесты против отказов стали направлять не только в советские инстанции, но и в газеты, и еврейской международной общественности, и в ООН.

Усилился интерес к еврейской истории и культуре среди евреев, не только среди уезжающих. Ввиду почти полного отсутствия соответствующей литературы этот интерес дал толчок еврейскому самиздату.

Еще в 50-е годы несколько еврейских интеллигентов (Э. Моргулис, С. Дольник и др.) стали перепечатывать и передавать из рук в руки статьи и даже книги об евреях, издававшиеся в дореволюционной России, составляли обзоры передач израильского радио, переводили на русский язык книги на еврейские темы с европейских языков. Появились и оригинальные работы, написанные на основе дореволюционной и западной литературы, а также на собственном жизненном опыте. Очень расширилось распространение еврейского самиздата и тамиздата. В Ленинграде была создана подпольная организация («комитет») для печатания еврейского самиздата в широком масштабе (Гилель Бутман и др.). В Кишиневе для этих целей раздобыли множительную машину (Д. Рабинович, А. Гальперин и др.).

Заметной вехой в развитии еврейского движения за выезд в Израиль стал так называемый самолетный процесс.

Летом 1970 г. были арестованы 12 человек, замысливших угон самолета, курсировавшего из Ленинграда в Приозерск. Большинство «самолетчиков» безуспешно добивались разрешения на выезд в Израиль. Советские власти решили использовать это событие для разгрома активизировавшегося еврейского движения. Вскоре после ареста «самолетчиков» были арестованы еще 22 участника еврейского движения — в Ленинграде, Кишиневе и в Риге, которые в попытке угона самолета не участвовали. Прокатилась волна обысков по многим городам. В Ленинграде произвели более 40 обысков — искали еврейский самиздат, тамиздат, учебники иврита.

Суд над «самолетчиками» происходил в декабре 1970 г. Все они утверждали, что не собирались причинять вред летчику, хотели связать его и оставить в Приозерске. Единственный пистолет, которым располагали заговорщики, был неисправным, они знали об этом, и хотели использовать его только для устрашения. Среди пытавшихся захватить самолет был летчик (Марк Дымшиц). Он должен

был пилотировать самолет за рубеж. Отрицали «самолетчики» и антисоветский умысел, утверждая, что единственным их желанием было вырваться в Израиль.

Приговор был очень жестоким: Марку Дымшицу и Эдуарду Кузнецову — расстрел, остальным — от 8 до 15 лет заключения. Жестокость расправы, особенно смертные приговоры, потрясли мир. Как раз в это время во франкистской Испании были вынесены смертные приговоры баскским террористам — Советский Союз оказался в хорошей компании. 30 декабря 1970 г. Франко отменил смертные приговоры баскам. В обстановке всеобщего осуждения советскому правительству ничего не оставалось как тоже отменить смертные приговоры, что и сделал кассационный суд, заменив смертные приговоры на 15-летние заключения и снизив срок заключения нескольким другим осужденным. [3]

Летом 1971 г. состоялись суды в Риге, Ленинграде и Кишиневе, так называемые «околосамолетные» процессы. Фактические обвинения сводились к распространению еврейского самиздата, еврейскому самообразованию. Приговоры были от 1 года до 5 лет лагеря. Двое подсудимых на ленинградском «околосамолетном» процессе получили по статье «измена родине» один 10, другой 7 лет лагеря за «связь» с организаторами угона самолета. [4]

Тогда же, в 1970-1971 гг., когда проходили эти судебные процессы, судили Рейзу Палатник в Одессе, Валерия Кукуя в Свердловске, Игоря Гольца в Луцке. Никакого материала для возбуждения этих дел не было, даже по советским меркам. Создается впечатление, что эти процессы были вызваны стремлением местных властей принять участие в антиеврейской кампании, «не отстать» от Ленинграда, Кишинева, Риги. Таковы же суды по обвинению в «клевете на советский строй» над Эмилией Трахтенберг в Самарканде (1971 г.) и над Яковом Ханцисом в Кишиневе (1972 г.). [5]

Однако на этом открытые осуждения «за сионизм» прекратились, хотя антиеврейские суды продолжались. В 1973 г. в Виннице состоялся суд над слесарем Исааком Школьником — его обвиняли не в сионизме, а в шпионаже. [6] Затем последовала серия судов над участниками еврейского движения в различных городах по разным сфабрикованным уголовным обвинениям. Первый такой суд известен в декабре 1970 г., т.е. одновременно с «самолетчиками». В пос. Токсово Ленинградской обл. был осужден на 3 года лагеря по обвинению в «злостном хулиганстве» Игорь Борисов, открыто заявлявший, что считает своей родиной Израиль и стремится туда уехать. Позже такие обвинения были приняты как обычный метод расправы с еврейскими активистами. В 1973 г. в Киеве судили «за хулиганство» А. Фельдмана, в 1974 г. М. Штерна в Виннице — за взятки, в 1975 г. в Ленинграде Гилютина — за незаконный провоз через таможню серебра, в 1975 г. в Одессе Ройтбурта — за сопротивление властям, в 1976 г. в Душанбе А. Завурова — за хулиганство и нарушение паспортного режима. [7]

Кроме того, было несколько судов над желающими уехать за отказы от службы в армии. Положение таких людей было безвыходным, так как служба в армии потом служила причиной отказа на выезд в течение многих лет. О таких судебных процессах известно с 1972 г. В 1975 г. состоялось три таких суда: над Сильницким в Краснодаре, над Винаровым в Киеве, Слининым в Харькове и над Малкиным в Москве. [8]

Надо сказать, что, если при организации всех этих процессов имелось в виду устрашить участников еврейского движения и ослабить его, то достигнутый эффект был как раз обратным. Именно после «самолетного процесса» еврейское движение, как и помощь ему с Запада, активизировались.

Прежде всего активизация выразилась в качественном и количественном росте самиздата. Появились периодические самиздатские журналы. В 1970 г. в Риге стал выходить еврейский самиздатский журнал «Итон» (вышло два выпуска — третий был конфискован на обыске, и издание прекратилось).

С 1970 г. в Москве стал выходить информационный бюллетень еврейского движения за выезд в Израиль «Исход» (Виктор Федосеев). «Исход» составлялся из открытых писем, обращений и официальных документов, относящихся к еврейскому движению. Материалы, собранные в «Исходе», впервые дали общую картину этого движения и позволили определить приблизительно численность его участников. С лета 1971 г. «Исход» сменился «Вестником исхода» (Вадим Меникер, Юрий Брейтбарт, Борис Орлов), а в 1972 г. вышли два выпуска «Белой книги исхода». Редактор этого последнего издания Роман Рутман указывает на преемственность всех этих изданий от правозащитного самиздата — «Хроники текущих событий» и «Белой книги» о суде над А. Синявским и Ю. Даниэлем (см. главу «Правозащитное движение»). [9]

С октября 1972 г. начал выходить литературно-публицистический журнал «Евреи в СССР». В отличие от информационных изданий, этот журнал объявил имена своих составителей. В первую редакцию входили Александр Воронель и Виктор Яхот. В мае 1975 г. были проведены первые обыски по делу, возбужденному против этого журнала. [10]

Евреи-отказники выработали специфические формы борьбы за выезд. 22 июня 1971 г. состоялась первая голодовка на Центральном телеграфе в Москве 30 отказников из Прибалтийских республик. Они послали телеграмму советским руководителям, что не покинут телеграф, пока не получат разрешения на выезд, и оставались там в течение трех суток.

Через месяц там же провели голодовку 44 отказника из Тбилиси, а затем и московские евреи.

В августе 1971 г. в Тбилиси 300 евреев-отказников пришли в ЦК партии. Около ста прорвались внутрь, добились приема у министра внутренних дел Грузии и получили заверение, что еженедельно будут давать разрешения на выезд. В течение нескольких месяцев это обещание выполнялось. [11]

Участники еврейского движения создали целую сеть различных семинаров по еврейской истории и культуре и по разным отраслям науки для оставшихся без работы ученых-отказников, кружки по изучению иврита и основ иудаизма.

В Москве в 1972 г. был организован семинар по физике. Он собирался на квартире Александра Воронеля. Для многих ученых, лишенных работы по специальности в связи с желанием выехать из СССР или за диссидентскую деятельность, эти семинары были единственной возможностью продолжения научного общения с коллегами-учеными. Семинар Воронеля впервые за советский период истории выступил с предложением провести неофициально международную научную сессию. Темой для нее было выбрано приложение физики и математики к иным отраслям науки. Сессия была запланирована на 1-5 июля 1974 г.

Участники семинара создали подготовительный комитет, который обратился к международной научной общественности с предложением принять участие в сессии. В адрес семинара поступило более 30 докладов от ученых, живущих в Советском Союзе, в том числе доклады академика Сахарова и члена-корреспондента Юрия Орлова. Более 120 докладов было прислано из-за рубежа — из Соединенных Штатов, Англии, Франции, Израиля и других стран. Среди выразив-

ших желание принять участие в международной сессии семинара были ученые с мировой известностью, нобелевские лауреаты. С начала мая власти стали принимать меры против подготовки семинара. У его участников отключили телефоны, была блокирована их почтовая связь с заграницей, прерывались телефонные разговоры с заграничными коллегами, заказанные с телефонных станций. В середине мая члены подготовительного комитета были арестованы. Их развезли по московским и подмосковным тюрьмам и продержали до конца срока, намеченного для проведения семинара, до 5 июля, не предъявляя обвинений. Жен участников семинара в дни, когда он должен был проходить, подвергли домашнему аресту: возле дверей квартир и в подъездах стояли милицейские посты, ни в дом, ни из дому никого не пропускали. Зарубежным ученым отказали во въездных визах. Таким образом семинар был сорван. [12]

Следующая попытка проведения международной сессии была предпринята на тему «Еврейская культура в СССР — состояние, перспективы». Сессия была назначена на 21-23 декабря 1976 г. В организационный комитет вошли 30 еврейских активистов из 10 городов. На сессию были предъявлены доклады из Советского Союза, Англии, Швеции, Израиля и США. Власти приняли такие же меры, как против международного семинара по физике, и не пустили иностранных ученых в СССР. Тем не менее семинар состоялся, хоть продолжался не 3 дня, как планировалось, а всего один день из-за отсутствия многих докладчиков, не допущенных на семинар. Присутствовало 50 человек, в том числе академик Сахаров и иностранные корреспонденты. [13]

Еще до возникновения движения за выезд в Израиль в некоторых городах, где во время войны были совершены массовые расстрелы евреев, сложилась традиция поминовения погибших заупокойной молитвой и возложением венков в годовщины их гибели. Самым известным из таких мест является Бабий Яр в Киеве. 29 сентября там много лет подряд собирались родственники и близкие расстрелянных. С началом еврейского движения за выезд в Израиль в этот день туда стали приходить киевские отказники и даже приезжали отказники из других городов.

По мере роста еврейского движения митинги в Бабьем Яру становились все многолюднее: в 1968 г. там собрались 50-70 человек, в 1969 г. — 300-400 человек, в 1970 г. — 700-800. Власти, пытаясь помешать, начали устраивать в этот день официальный митинг, на котором произносили речи заранее подготовленные ораторы. Они говорили об «израильской агрессии», но не упоминали, что похороненные здесь люди — евреи, убитые за то, что они евреи. В 1971 г. в Бабьем Яру собралось около тысячи человек, в том числе отказники из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Тбилиси. Они возложили венки с соответствующими надписями. [14]

В Риге такие же поминания проводились ежегодно 29 ноября на Румбольском кладбище. У монумента расстрелянным читали заупокойную молитву — кадеш. В 1970 г. незадолго до суда над «самолетчиками» там собралось 2 тысячи человек. Они требовали освобождения арестованных. В последующие годы в этот день власти стали закрывать доступ на кладбище. [15]

В Минске утвердился обычай собираться 9 мая в День победы на месте бывшего еврейского гетто, где были расстреляны 5 тысяч евреев. Здесь же в это время стали устраивать и официальные митинги. В 1975 г. на таком митинге выступил Ефим Давидович — отказник, полковник в отставке, кавалер 18 орденов и медалей, родственники которого погибли здесь. Он выступил, оттеснив

официального руководителя митинга, и призвал бороться с антисемитизмом в любых его проявлениях, в любом государстве. В 1976 г. таким же образом выступил товарищ Давидовича Лев Овсищер — тоже полковник в отставке и тоже отказник. [16] В 1977 г. в митинге участвовали 200 человек. Эта традиция упрочилась, митинги в минском гетто проводятся ежегодно.

С начала 70-х годов в Москве и других городах, где есть синагоги, участники еврейского движения собираются каждую субботу около нее. Здесь узнают новости: кто получил разрешение, кому отказали, кто и каким подвергся преследованиям. Здесь активисты собирают подписи под протестами против стеснения права на выезд, в защиту преследуемых; здесь обращаются с просьбами о материальной помощи, предоставляемой из-за рубежа, договариваются о совместных акциях протеста. Здесь же встречаются с зарубежными туристами, интересующимися проблемами советских евреев.

После 1970 г. стали очень многолюдными собрания около московской синагоги в дни еврейских праздников. Приходят не только отказники, бывает много молодежи. Вся улица перед синагогой оказывается запруженной народом. Собравшиеся пляшут, поют еврейские песни. Нередко такие праздники милиция стремится разогнать, иногда очень грубо.

5 сентября 1975 г., в день еврейского Нового года, милиция направила к синагоге поток машин, перекрыв соседние улицы и вынуждая ехать на толпу. Но люди не разбежались, а стали садиться и ложиться на мостовую перед машинами, и милиция была вынуждена закрыть проезд мимо синагоги. [17]

В 1971 г. произошла первая демонстрация евреев-отказников у пресс-центра международного кинофестиваля, затем — у приемной Президиума Верховного Совета, около здания ТАСС, около ливанского посольства. Старая женщина Геся Пэнсон, мать «самолетчика» Бориса Пэнсона, провела одиночные демонстрации. Она выходила к зданию ЦК КПСС с плакатом: «Освободите моего сына!» Однажды Гесю арестовали на 10 суток. Но когда она после этого снова появилась у ЦК с плакатом, сына не выпустили, а ее отпустили в Израиль.

В 1975 г. состоялась первая демонстрация в защиту узников Сиона — 24 декабря, в пятилетие вынесения смертных приговоров «самолетчикам». В последующие годы эта демонстрация повторялась ежегодно на том же месте на ступенях библиотеки им. Ленина, напротив здания Президиума Верховного Совета СССР под лозунгом «Свободу узникам Сиона!». После первой такой демонстрации были осуждены на ссылку двое из девяти ее участников, но следующая демонстрация собрала уже 37 человек. [18]

19 сентября 1976 г. 12 московских отказников подали в ОВИР коллективное заявление с требованием сообщить им отказы в письменной форме с указанием причин и сроков отказа. Через месяц, не получив ответа на заявление, его авторы пришли в Приемную Президиума Верховного Совета с требованием ответа на заявление, поданное месяц назад. Они отказались покинуть приемную, пока их законное требование не будет удовлетворено. Вечером дружинники силой выдворили их из приемной, загнали в автобус и, увезя за город, высадили. На следующий день все повторилось, но евреи отказались выходить из автобуса в пустынном месте недалеко от Москвы. Их вышвырнули силой, избив при этом. После этого происшествия в Приемную явились уже не 12, а 44 человека. Они повторили требование 12-ти, а также требовали наказания виновных в избиении. Делегацию отказников принял министр внутренних дел Щелоков, но он не дал ответа

ни на один вопрос. Тогда 44 человека, надев желтые звезды, прошли по центру Москвы к ЦК партии. На следующий день все повторилось.

Это противоборство продолжалось, пока власти не прибегли к задержаниям упорных на квартирах и по дороге в приемные, штрафам и 15-суточным арестам.

Двое из избитых в автобусе отказников — Иосиф Асс и Борис Чернобыльский были арестованы по обвинению в хулиганстве — им вменялось в вину избиение дружинников. 30 октября стало известно, что следствие по их делу закончено, но при этом не был допрошен ни один из свидетелей происшествия в автобусе — отказников. Стало ясно, что арестованных осудят по показаниям дружинников, как не раз бывало на такого рода судах над диссидентами.

1 ноября 1976 г. была создана Группа содействия гласному общественному разбирательству причин и обстоятельств ареста Асса и Чернобыльского. В нее вошли активисты еврейского движения, наблюдатель от Московской Хельсинкской группы (см. главу «Правозащитное движение») и консультант по правовым вопросам — адвокат С.В. Каллистратова. Группа стала активно расследовать дело и направила в советские и международные организации ряд заявлений, в которых освещались обстоятельства дела Асса и Чернобыльского с указанием, что никто из многочисленных свидетелей происшествия, известных Группе, не был допрошен и что не приняты меры к наказанию виновных в избиении отказников. 15 ноября оба арестованных неожиданно были освобождены. Документ об освобождении гласил, что «совершенное ими деяние утратило общественноопасный характер». Эта формулировка прикрывала отступление властей. [19]

В этом случае, как и во многих других, в диссидентском и особенно в еврейском движении, трудно сказать, что именно обеспечило успех — международное вмешательство или активность участников движения. В еврейском движении сказать это в каждом конкретном случае почти невозможно, потому что чаще всего внешний нажим происходит негласно, и даже если он не имел места в данном случае или был не очень силен, именно он мог иметь решающее значение, так как власти знают о постоянном и сильном давлении со стороны еврейского лобби и всегда в отношениях с еврейским движением учитывают это.

Наиболее сильный всплеск еврейских демонстраций пришелся на 1978 г.

С октября 1977 г. 12 отказниц-долгосрочниц безуспешно требовали приема у Брежнева для рассмотрения их дел. Одной из них — Дине Бейлиной — дали разрешение на выезд. Остальные решили подкрепить свои требования демонстрацией. 8 марта (Международный женский день) отказницы решили собраться на традиционном месте еврейских демонстраций в Москве — у Библиотеки Ленина напротив Президиума Верховного Совета СССР. Однако большинство намеревавшихся принять участие в демонстрации были задержаны по дороге. Только две женщины добрались до назначенного места и развернули плакаты на иврите. Их задержали и до вечера они пробыли в милиции.

12 марта состоялась еврейская демонстрация у Дома Дружбы. Демонстранты (человек 25-30, среди них — А.Д. Сахаров) протестовали против нападения арабских террористов на мирных жителей, во время которого погибли дети. Демонстранты развернули плакаты «Позор убийцам детей!». Окружающая публика вырвала эти плакаты и порвала их.

23 мая произошла повторная демонстрация отказниц — на этот раз у Кремлевской стены. 6 женщин стояли с плакатом «Визы в Израиль!». Демонстрация длилась 7 минут, пока ее участниц не увезла милиция.

25 мая 24 отказницы направили в Президиум Верховного Совета СССР сообщение, что они намерены 1 июня, в День ребенка, выйти на демонстрацию вместе с детьми, и поэтому настаивают на обеспечении безопасности. Накануне 1 июня они вместе с детьми собрались на двух квартирах — у Розенштейнов и у Цирлиных. В тот же вечер у дверей этих квартир были поставлены милицейские посты. На следующий день движение перед домами перекрыли, на улицу никого не выпускали, у всех проверяли документы. Женщины, не имея возможности выйти, провели демонстрацию в квартирах. Они выставили в открытые окна плакаты со своими требованиями и скандировали около окна — «Визы в Израиль!». Демонстрация продолжалась 20 минут. Все это время милиция ломилась в двери. Утром 3 июня на тротуаре перед квартирой Розенштейнов появилась несмывающаяся надпись крупными буквами: «Евреев — в гробы!». Супруги Розенштейн, встав по обе стороны от надписи, стали читать псалмы и тору. К ним присоединились несколько отказников, живущих по соседству. Сразу же появилась милиция. Молитву не прерывали, но когда, окончив ее, отказники удалились, надпись была закрашена.

Демонстрации в квартирах были проведены тогда же, 1 июня, и в других квартирах отказников, в частности, у Иды Нудель и у Слепаков. Нудель и Владимир Слепак были осуждены за эти демонстрации на ссылку по обвинению в хулиганстве. [20]

Таким образом, наиболее распространенными формами еврейского движения являются петиции и открытые письма, демонстрации, голодовки. Но в истории еврейского движения за выезд в Израиль не проявилась тенденция к созданию правозащитных организаций.

Создание Группы содействия освобождению Асса и Чернобыльского интересно тем, что это — единственный в еврейском движении случай открытой правозащитной ассоциации. Кроме этого, известны только упоминавшиеся уже комитеты по организации международных сессий научных семинаров. Эти комитеты, как и группа по делу Асса и Чернобыльского, были задуманы не как постоянно действующие, а для обеспечения конкретной кратковременной цели. Однако деятели еврейского движения, как активисты, так и «рядовые» отказники, охотно обращаются в независимые ассоциации правозащитников. Много обращений было в Комитет прав человека в СССР и затем в Московскую Хельсинкскую группу.

Хельсинкские группы были первыми правозащитными ассоциациями, куда наряду с правозащитниками вошли и еврейские активисты.

В этой связи интересно проследить эволюцию отношения участников еврейского движения к правозащитной деятельности.

Добиваясь разрешения на выезд, отказники действуют правозащитными методами, какими являются все описанные выше действия. Эта коллективная правозащитная борьба, собственно, и сформировала из разобщенных отказников общественную силу — еврейское движение за выезд в Израиль. Довольно скоро было замечено, что быстрее отпускают не тех, кто смиренно сидит в отказе, а тех, кто «шумит» и настаивает на своем праве уехать.

В июне 1969 г. три человека, получившие отказы (У. Клейзмер, Б. Борухович и Б. Шлаен) выступили с публичным обращением. Они требовали разрешения на выезд, ссылаясь не на стремление воссоединиться с родственниками (единственная причина выезда, признаваемая властями), но на свою принадлежность к еврейскому народу и желании дать детям еврейское воспитание, что в Советском

Союзе невозможно из-за полного отсутствия условий для развития еврейской культуры. В 1970 г. все трое получили разрешение на выезд. [21] Видимо, власти предпочли избавиться от беспокойных граждан. Конечно, в каждом отдельном случае публичные требования рискованны, так как невозможно рассчитать, сразу ли попадешь за границу или сначала в лагерь (попавших в лагерь за активность в еврейском движении после отбытия срока, как правило, выпускают). Несмотря на риск, немало отказников решились на открытую борьбу.

Но и ввязявшись в борьбу за эмиграцию, подавляющее большинство отказников глухой стеной отгораживалось от правозащитников, хотя те горячо им сочувствовали, как людям, терпящим нарушение одного из непреложных человеческих прав и выступали в защиту насильственно задерживаемых в СССР. Большинство отказников мыслило по следующей схеме:

> *«Я не хочу иметь ничего общего с этой страной. Я хочу уехать, а для этого мне не нужно ссориться с властями. Ведь разрешение зависит от них, а не от диссидентов, и поэтому лучше быть от этих диссидентов подальше».*

В 1969 г. Юлиус Телесин первым из активных правозащитников подал заявление на выезд в Израиль. К нему тотчас явилась группа молодых отказников, которые пригрозили избиением, если он и после подачи заявления будет продолжать правозащитную деятельность. Они боялись, что это скомпрометирует еврейское движение в глазах властей и навлечет на него их гнев. Какого же было потрясение в отказнической среде, когда именно Телесин очень быстро получил разрешение на выезд. Его проводы были первым совместным мероприятием участников двух движений — еврейского и правозащитного. С тех пор медленно, но все-таки началось сближение между ними.

Случай Телесина оказался первым в целом ряду выездов правозащитников (евреев и неевреев) по израильским визам. Стало ясно, что власти склонны использовать этот канал для избавления от активистов правозащитного движения, арест которых по каким-либо причинам неудобен. Еврейские активисты помогали таким людям в получении вызова из Израиля. С этих пор участники еврейского движения стали меньше осторожничать относительно общения с правозащитниками и позволяли себе время от времени оказывать им поддержку. Стали появляться подписи евреев-отказников под протестами против преследований правозащитников, и даже стало случаться, что именно стремление к выезду толкало некоторых отказников в правозащитное движение. Хоть и редко, но бывало, что правозащитная активность стала предшествовать подаче заявления на выезд в расчете на желание властей избавиться от такого человека.

Заметный толчок к сотрудничеству между еврейским и правозащитным движением дало подписание Хельсинкских соглашений.

В советском законодательстве нет запрета на выезд из страны, но и не декларировано это право — там просто нет речи об этом. Но в Заключительном Акте вопросу о воссоединении семей посвящен специальный пункт, один из наиболее четко сформулированных в гуманитарных статьях Заключительного Акта. Советское правительство обязалось рассматривать такие просьбы благожелательно. Разумеется, отказники тут же стали ссылаться на этот документ. Когда создалась Московская Хельсинкская группа, целью которой было содействие выполнению гуманитарных статей Хельсинкских соглашений, активисты еврейского движе-

ния естественно включились в нее. Среди основателей группы были отказники Виталий Рубин и Анатолий Щаранский, затем в нее вошли Владимир Слепак и Наум Мейман. Отказники-евреи приняли участие в работе Литовской и Грузинской Хельсинкских групп (Эйтан Финкельштейн в Литве, братья Григорий и Исай Гольдштейны в Грузии). Как и остальные члены групп, евреи-отказники занимались не только проблемами, связанными с выездом в Израиль, но всем диапазоном общественных проблем. Особенно это верно по отношению к Щаранскому, который стал одним из ведущих деятелей Московской Хельсинкской группы. Эта деятельность способствовала сближению еврейского движения с другими диссидентскими движениями — религиозными и национальными, в том числе с другими движениями за эмиграцию — немцев и пятидесятников. Именно через Московскую Хельсинкскую группу познакомились с проблемами пятидесятников и стали активно помогать им участники еврейского движения Лидия Воронина и Аркадий Полищук. Эмигрировав, они продолжали усилия в помощь пятидесятникам. Полищук стал официальным представителем пятидесятников за рубежом. В СССР пятидесятникам стал помогать отказник В. Елистратов. Анатолий Щаранский много занимался немецкой эмиграцией. Он помог английским кинематографистам, приехавшим в Москву, незаметно для властей снять фильм о советской эмиграционной политике. Значительная часть этого фильма посвящена немцам. Щаранский же представил немцев-отказников западным корреспондентам на специально для этого организованной пресс-конференции. Владимир Слепак ездил по поручению Московской Хельсинкской группы в Ленинград, где объявила голодовку Эмилия Ильина — русская, добивавшаяся права на выезд из СССР. [23]

Власти стремятся не допустить объединения различных диссидентских движений между собой и с правозащитным движением. Думаю, А. Щаранский был обвинен в «шпионаже» и осужден на 13-летний срок именно потому, что он стал олицетворением этой усилившейся тенденции к объединению еврейского эмиграционного движения с правозащитным, с одной стороны, и с еврейскими организациями на Западе — с другой.

Стремление властей разрушить наметившееся объединение еврейского движения с правозащитным подтверждается анализом списка евреев-отказников, репрессированных в апогей этого сближения — в 1977-1978 гг.: Щаранский, Слепак, Ида Нудель и Иосиф Бегун. Все они активно участвовали как в еврейском, так и в правозащитном движении.

После этих движений произошел спад правозащитной активности еврейского движения в Москве, которая до тех пор была его центром.

Здесь создалось ядро отказников-долгосрочников, среди которых были люди с научной известностью (А. Лернер, В. Рубин и др.), со знанием английского языка, что способствовало общению с многочисленными в Москве посланцами еврейских организаций и туристами, интересующимися положением евреев в СССР. Это ядро московских активистов составили люди, полные решимости не только добиться выезда для себя, но и участвовать в решении еврейской проблемы в СССР. Вокруг этого ядра группировались смены волн московских отказников, к ним приезжали за советом и помощью из других городов. Они стали центральными фигурами еврейского движения и служили связующим звеном между этим движением и Западом. Именно они вступили в 1976 г. в тесные отношения с ведущими московскими правозащитниками. Отход еврейских активистов от

правозащитного движения объясняется не только несомненной личной опасностью этого альянса для еврейских активистов. Резко против такого объединения настроены еврейские организации на Западе, от которых в значительной степени зависит интенсивность усилий в пользу каждого отказника и даже материальная помощь им.

Но дело не только в усилиях советских карательных органов и еврейских организаций, которые в данном случае действуют в одном и том же направлении. Имманентным разъединяющим моментом служит то обстоятельство, что еврейское эмиграционное движение, будучи по методам правозащитным, состоит из людей, которые имеют целью не оздоровление жизни в СССР, а выезд из него. Цель участников еврейского движения — эмиграция, и это определяет их качественно иной психологический тип. Большинство подающих на выезд озабочено не гражданскими проблемами, а устройством своей жизни и жизни своей семьи. Их искреннее желание — избежать конфликтов с властью. Оказавшись в отказе, они вынужденно оказываются перед дилеммой: решаться ли на такой конфликт — и большинство не решается. Те же, кто по велению натуры или в силу обстоятельств идут на конфликт, опять же делают это только ради собственного выезда, и только немногие логикой борьбы оказываются втянутыми в гражданскую проблематику. Таким образом, в массе своей участники еврейского движения, даже активные и смелые люди, чужды гражданским интересам или, во всяком случае, захвачены ими не настолько, чтобы они вытеснили личные цели. Но в советских условиях гражданское противостояние требует отрешенности от личных стремлений, жертвенности, и это определяет психологический тип участников диссидентских движений больше, чем их политические взгляды. В этом смысле участники эмиграционных движений не являются диссидентами в том специфическом значении, какое получил этот термин в советских условиях. В этом принятом значении термин «диссидент» применим лишь к небольшой части активистов еврейского движения.

Низкий уровень общественного и даже национального сознания основной массы подающих на выезд и, следовательно, отказников тоже, из которых и выходят участники еврейского движения, не остался не замеченным «идейными» активистами, и вызвал их тревогу. В поисках решения этой проблемы наметились два направления — «культурники» и «эмиграционщики».

Идея «культурников» состояла в возрождении национального самосознания евреев через приобщение их к еврейской культуре. «Культурники» видели главную задачу в распространении среди евреев знания истории и религии своего народа, в возрождении национальных традиций, национальной общественной жизни.

> *«Наше дело — в возрождении у евреев в СССР сознания национальной принадлежности к еврейскому народу, а там пусть каждый решает, добиваться ли выезда или оставаться в СССР, но и в Израиле и в СССР еврей должен быть евреем»,*

— таков примерно ход рассуждений «культурников».

«Культурники» сгруппировались вокруг журнала «Евреи в СССР» и создали в 1975 г. журнал «Тарбут» («Культура»). Из известных отказников к этой «партии» принадлежали В. Браиловский, В. Файн, В. Престин, Ф. Дектор, М. Азбель и др. Благодаря энергии «культурников», широко распространились семинары по изу-

чению еврейской культуры и иудаизма, кружки иврита — не только в Москве и Ленинграде, но и в других городах. «Культурники» ввели обычай собираться в национальные еврейские праздники за городом. Там разучивали и пели еврейские песни, там царил дух национального объединения. «Культурники» же организовали группы для еврейских детей, как бы неофициальные детские сады, с уклоном к еврейскому воспитанию — языковые занятия, рассказы из еврейской истории и т.п. Плодами этих усилий пользовались не только отказники, но и евреи, по разным причинам не подавшие на выезд, но сознающие свою принадлежность к еврейскому народу.

«Культурники» полагали, что возрождение национального самосознания благотворно скажется и на остающихся (прекратит, а то и повернет вспять процесс ассимиляции), и на выезжающих (еврей, осознавший себя евреем, поедет именно в Израиль, а не в США или еще куда-нибудь). Они возлагали вину за увеличение выезда в США на бездействие активистов, не прилагающих достаточно усилий в деле национального просвещения.

«Эмиграционщики», не возражая в принципе против усилий по возрождению национальной культуры, скептически относились к их успешности в советских условиях. Они утверждали, что ни один народ в СССР не имеет полноценной национальной жизни, и евреи тем более не смогут этого добиться. Единственная возможность для советских евреев — исход. «Эмиграционщики» видели свою миссию в обеспечении как можно более широкого выезда. «Эмиграционщики» (А. Лунц, А. Щаранский, В. Слепак, А. Лернер, В. Рубин, М. Агурский и др.) составляли более многочисленную и влиятельную «партию», чем «культурники». Они направили усилия на укрепление связей еврейского движения с международными еврейскими организациями и поддерживающими их политическими силами. Они организовали широкий сбор сведений об отказниках по всему Советскому Союзу — их численности, статуса, их семейного и материального положения, причинах отказа (официальных и фактических), длительности ожидания в каждом случае и т.д. Упор делался не только на всеохватность, но и на оперативность информации: все ставшие известными факты стремились как можно скорее передать за рубеж.

«Эмиграционщики» стали постоянно составлять подробные отчеты за короткие периоды — помесячные, поквартальные и т.д., в которых давалась общая картина еврейского движения и анализировались его тенденции. Усилия «эмиграционщиков» вызвали живой отклик зарубежных евреев, главным образом американских. Активизировались в помощь еврейскому движению в СССР существовавшие еврейские организации и создавались новые — специально для этой цели. В СССР постоянно ездили их посланцы — и как туристы, и в составе официальных делегаций. Потоком шла материальная помощь, которую оказывали и раньше, но в середине 70-х годов она резко увеличилась. За рубежом проводились многотысячные демонстрации в защиту советских евреев и в защиту отдельных отказников. Усилилась лоббистская поддержка исхода евреев из СССР. Стали заметны усилия правительства США в пользу этого движения: досрочное освобождение участницы «самолетного процесса» Сильвы Залмансон в 1974 г. и остальных евреев-самолетчиков в 1979-1981 гг., но особенно — «поправка Джексона-Ванека», постановление Конгресса США, что статус наибольшего благоприятствования в торговле с Соединенными Штатами будет предоставляться лишь странам, не чинящим препятствий эмиграции.

Между «культурниками» и «эмиграционщиками» не было резкого деления — в журнале «Евреи в СССР» нередки были статьи «эмиграционщиков», они принимали участие (даже в качестве докладчиков) в некоторых семинарах, поддерживали кружки иврита, совместно отмечали за городом день независимости Израиля и т.п., участвовали в подготовке международного семинара по еврейской культуре в декабре 1976 г. Но когда в 1975 г. в Москву приехала делегация американских конгрессменов и сенаторов, беседовать с «эмиграционщиками» и «культурниками» им пришлось отдельно, так как несовместимы были их позиции по очень важному политическому вопросу — об отношении к выезду евреев в США. «Эмиграционщики» настаивали на свободе выбора страны проживания (полагая, что еврею всюду будет легче обрести национальное сознание и приобщиться к еврейской культуре, чем в СССР), «культурники» же настаивали на обязательности выезда именно в Израиль, не останавливаясь перед требованием прекращения помощи тем, кто, выехав за рубеж, не добирался до Израиля, и административных мерах против них. Как известно, израильское правительство поддерживало в этом «культурников», но «эмиграционщики» были теснее, чем «культурники», связаны с международными еврейскими организациями.

Наступление на еврейское движение, усилившееся в 1977 г., началось с арестов наиболее активных «эмиграционщиков» — для властей неприемлемы были их тесные контакты как с международными еврейскими организациями, так и с правозащитниками внутри страны.

15 марта 1977 г. был арестован Щаранский. Его арест сопровождался разнузданной антисемитской кампанией в прессе. Затем последовали аресты четы Слепаков, Иды Нудель, Иосифа Бегуна (лето 1978 г.). [23]

После устранения активных «эмиграционщиков» власти принялись за «культурников», арестовав редактора журнала «Евреи в СССР» Игоря Губермана (в августе 1979 г.) и Виктора Браиловского (в ноябре 1980 г.), хотя журнал перестал выходить в 1978 г. Аресты ведущих деятелей обоих направлений еврейского движения очень снизили его активность. На этом сниженном уровне различия между «эмиграционщиками» и «культурниками» стерлись. Активисты еврейского движения продолжают собирать и передавать на Запад информацию о состоянии исхода, но связи их сократились, и информация эта не столь широка и оперативна, как в годы наибольшей активизации движения, хотя и сейчас информация о еврейском движении на Западе полнее, чем о других (но это, пожалуй, определяется не столько состоянием движения, сколько сохранившимся активным интересом еврейских организаций на Западе).

Реже стали демонстрации отказников. Единственная известная в 1979 г. демонстрация была проведена в Москве 9 отказниками 19 апреля перед зданием МИД после того как 50 женщин получили в ЦК КПСС отказ в приеме. Демонстрантки держали плакаты «Визы в Израиль!». Их несколько часов продержали в милиции, нескольких оштрафовали, а Б. Елистратову арестовали на 15 суток. [24]

Однако ежегодно продолжались попытки проведения демонстраций, ставших традиционными. В Бабьем Яре, где с 1977 г. перестали устраивать официальные митинги в годовщину расстрела евреев, собралось в тот год 44 человека — москвичи не смогли добраться до Киева, так как были задержаны.

В 1981 г., в 40-летнюю годовщину расстрела, в Бабий Яр устремились евреи из разных городов. Однако до места добрались лишь четверо одесситов, они и прочитали заупокойную молитву.

Но и в Минске в 1981 г. на День поминовения собралось невиданно много людей — несколько десятков тысяч человек. Отказник Горелик получил слово, однако, когда его речь показалась неугодной распорядителям митинга, были включены громкоговорители, заглушившие его голос. [25]

Демонстрацию солидарности с узниками Сиона, проводившуюся с 1975 г., в 1980 г. провести не удалось — лишь два-три человека добрались до ступеней библиотеки Ленина. В 1980 г. было задержано 14 человек, намеревавшихся провести демонстрацию. В 1981 г. 60 еврейских активистов из разных городов заменили участие в демонстрации объявленной голодовкой в этот день. Таким же образом отметили евреи-отказники открытие Мадридской конференции хельсинкских стран в ноябре 1980 г. В этой голодовке участвовало более 200 человек. [26]

С 1979 г. участилось использование индивидуальных и семейных голодовок как средства протеста против отказа в выезде (москвички М. Флейшгаккер и Н. Храковская, семья Очеретянских из Киева, Фрида Бреслав из Риги, голодавшая 45 дней, и др.).

В 1981 г. московские отказники отметили загородным гулянием день независимости Израиля, хотя удалось это не сразу. 3 мая, приехав в назначенное место в подмосковном лесу, они встретили там милиционеров, которые сообщили им, что в лесу проводится «санитарный день». Было решено собраться через неделю в другом месте. Там их обнаружили только через 2,5 часа — прибыла милиция и пришлось разойтись. При этом Борис Чернобыльский был обвинен в нападении на милиционера, и осужден на годичный лагерный срок, хотя многочисленные свидетели единодушно утверждали, что Чернобыльский даже близко к милиционеру не подходил. Так через 5 лет было осуществлено осуждение Чернобыльского «за сопротивление милиции», сорвавшееся в 1976 г. [27]

Отказники продолжают обращения с петициями. В 1980 г. наибольшее число подписей (143) было собрано под обращением к Мадридской конференции — подписавшие петицию сами принесли ее в Приемную Верховного Совета. В 1981 г. наиболее представительной была петиция к XXVI съезду КПСС, содержавшая подробное описание дискриминации евреев в СССР во всех областях жизни и культуры, в связи с чем единственным выходом для советских евреев стал выезд из страны, резко сокращенный властями в 1980 г. [28]

Основной формой активности евреев-отказников с середины 1978 г. стали семинары и различные кружки.

С 1977 г. занятия московского семинара по физике происходили в квартире Браиловских. 12 апреля 1980 г. этот семинар провел международную сессию — наиболее успешную по сравнению с тремя предыдущими попытками такого рода.

10 апреля в квартиру Браиловского, где должен был происходить семинар, взломав дверь, ворвались с обыском. Браиловского доставили в отделение милиции, где ему сообщили, что он арестован, и препроводили в камеру предварительного заключения. Но через 5 часов мера пресечения была изменена на подписку о невыезде и его отпустили, «посоветовав» отказаться от проведения семинара. Одновременно были проведены обыски у других участников подготовки международной сессии семинара по коллективным явлениям в физике — на обыске отбирали научные материалы.

Семинар тем не менее состоялся. В нем приняли участие 20 советских ученых и 26 их зарубежных коллег. Некоторые из них указывали в просьбах о въездных визах, что едут для участия в семинаре — и визы были выданы. На сессии были

зачитаны, среди прочих, и сообщение Юрия Орлова, присланное из Пермского лагеря, и сообщение Андрея Дмитриевича Сахарова, присланное из Горьковского заточения. [29]

После международной сессии еженедельные собрания семинара продолжались вплоть до ареста Браиловского. Однако вскоре после этого ареста, 23 ноября 1980 г., работа семинара была блокирована: милиционеры и лица в штатском не пропустили его участников в квартиру Браиловских.

23 ноября, когда участников семинара не пустили на обычное место занятий, они собрались на квартире профессора Александра Иоффе и все-таки провели семинар. На следующий день Иоффе был вызван в КГБ и его предупредили о «серьезных последствиях», если и впредь он будет предоставлять свою квартиру для занятий научного семинара. Он пренебрег предупреждением. В ночь с 9 на 10 декабря дверь в его квартиру была полита бензином и подожжена. 10 декабря Иоффе получил очередной отказ в выезде.

Такие же препятствия переживал научный семинар, руководимый Александром Лернером. В конце 1980 г. 95 отказников подписали протест против преследований научных семинаров.

Кроме этих семинаров, в Москве было несколько семинаров по еврейской культуре и семинар по юридическим проблемам, связанным с эмиграцией. В 1979 г. этот семинар стал издавать бюллетень «Выезд в Израиль — право и практика» (издатель — М. Беренштейн). Гораздо многочисленнее семинаров были кружки по изучению иврита. Их посещали не только отказники. С конца 1980 г. преподаватели иврита оказались под постоянным давлением КГБ. Один из них — Леонид Вольвовский — был выслан из Москвы в Горький, по месту своего прежнего жительства. В ноябре 1981 г. около 80 московских преподавателей иврита были предупреждены, что их ждет такая же судьба, если они не прекратят занятия. [30]

Из-за преследований кружков стало меньше, но все-таки изучение иврита, еврейской истории и иудаизма не прекратилось. Такие кружки распространились не только в Москве, но во всех городах со значительным еврейским населением. По крайней мере два семинара по еврейской культуре работали в Ленинграде в 80-е годы. Кинорежиссер Леонид Кельберт организовал там также неофициальную театральную труппу — ее участники ставили спектакли на еврейские темы. Такие же труппы возникли в Москве [31] и Киеве, где в течение нескольких лет шла борьба за постоянное помещение для любительского еврейского театра. [32] С 1977 г. работали семинары по еврейской культуре в Кишиневе, несколько позже появились такие семинары в Харькове, Риге и Киеве. [33]

После арестов 1977-1978 гг. ведущая и объединяющая роль московских отказников снизилась, но при этом выросла самостоятельная активность отказников Ленинграда, Харькова, Кишинева и особенно Киева. Москва перестала быть безусловным центром еврейского движения, зарубежные связи появились у отказников перечисленных городов и в Прибалтике — через туристов и с помощью телефонных разговоров. Хотя среди голодавших перед началом Мадридской конференции в 1980 г. москвичи все-таки преобладали, по другим формам активности провинциальные города стали обгонять Москву.

В Харькове, где в 1977 г. было всего 20 семей отказников, работал семинар по еврейской культуре. С конца 1979 г. численность отказников выросла там до 400 человек. Инженер Александр Парицкий организовал неофициальный университет для детей отказников, лишенных возможности учиться в государственных

учебных заведениях. В университете читали лекции и вели занятия отказники же, лишенные работы по специальности. Проводились занятия и по гуманитарным и точным наукам. [34]

В Новосибирске в 1979 г. трое активистов создали Общество дружбы с Израилем на основании регламента обществ с другими странами, существующих в СССР. Несмотря на увольнение основателей Общества с работы, оно продолжало функционировать. [35]

В том же Новосибирске четверо отказников вызвали панику среди городского начальства, обратившись в горисполком с просьбой зарегистрировать демонстрацию, которую они намеревались провести 25 апреля 1981 г. в центре города (маршрут был точно указан) с плакатами «Вся власть Советам!», «Да здравствует демократия!» и с цитатой из речи Брежнева на XXVI партсъезде о необходимости выполнения всех советских законов. Автор письма писали, что цель их демонстрации — обратить внимание общественности на игнорирование советских законов в Новосибирске, в частности, в отношении жителей города, добивающихся выезда из СССР. Письмо было разослано в 55 инстанций Новосибирска и в центральные органы власти. В день демонстрации милиция оцепила не только квартиры авторов письма, но районы, где они жили, и улицы по указанному маршруту демонстрации. По городу ходили слухи о намечающейся многотысячной демонстрации. Двое из четырех подписавших письмо вскоре получили разрешение на выезд. [36]

В начале 80-х годов наиболее решительными в публичных выступлениях стали отказники Киева. К концу 1979 г. в Киеве насчитывалось около 2 тысяч отказников. К апрелю 1980 г. их численность возросла из-за очень жестких правил на получение разрешения — его стали выдавать только по вызовам от родителей и детей. В марте 1980 г. киевские отказники сообщили, что за предыдущие 6 месяцев было получено 70 разрешений и 3 тысячи отказов. [37]

На массовые отказы киевляне ответили коллективными протестами. Постоянным местом их встречи по субботам стал Киевский ОВИР. По четвергам вошло в обычай встречаться у здания МВД — там проводились молчаливые демонстрации.

Первая коллективная жалоба была датирована 7 февраля 1980 г. Ее подписали 97 человек. 18 февраля делегация из 102 отказников повезла эту жалобу в Москву. 18 марта в Москву ездила делегация из 40 человек со следующим обращением (117 подписей).

С конца апреля около 100 наиболее активных деятелей еврейского движения подвергались вызовам в КГБ, милицию и т.д. Их предупредили, что если они не утихомирятся, то их ждут серьезные репрессии. 23 апреля четыре киевских отказника обратились к мировой еврейской общественности с призывом о помощи евреям Киева в ожидании массовых репрессий.

В мае и в последующие месяцы из Киева в Москву ездили делегации, хотя их участников снимали с поездов, подвергали домашним арестам и арестам на 10-15 суток «за хулиганство», избиениям на улицах «неизвестными людьми» и т.п. [38]

Общее усиление репрессий с 1979 г. сказалось и на еврейском движении. Чрезвычайно увеличилось число кратких арестов — по 10-15 суток. Аресты с осуждением на лагерные сроки, как и активность, распределились между Киевом, Москвой, Ташкентом, Кишиневом и Харьковом. Киев получил «первенство» по числу осужденных: в 1979-1983 гг. здесь были осуждены 10 отказников.

Для расправ с отказниками чаще всего использовались сфабрикованные уголовные обвинения главным образом в «тунеядстве» и «хулиганстве», но киевлянин Станислав Зубко получил лагерный срок за «хранение оружия и наркотиков», подброшенных в его квартиру. [39] С 1980 г. возобновились осуждения активистов еврейского движения по политическим статьям, но не за «сионизм», как это делали в начале движения, а по обвинению в «клевете на советский строй». Так в 1981-1982 гг. были осуждены В. Цукерман и Я. Локшин в Кишиневе. А. Магидович в Туле, А. Парицкий в Харькове, В. Браиловский в Москве. [40]

В ноябре 1982 г. москвич Иосиф Бегун был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». [41]

Общее состояние еврейского движения и его развитие характеризуется следующими цифрами. За десятилетие (1970-1980 гг.) были осуждены на лагерь или ссылку более 70 участников еврейского движения. За это время выехали по израильским визам 250 тысяч человек. В 70-х годах число разрешений постепенно росло (1975 г. — 13 тысяч, в 1976 г. — 14 тысяч, в 1977 г. — 17 тысяч, в 1978 г. — 36 тысяч, в 1979 г. — 51300. Затем эмиграция стала идти на убыль: в 1980 г. — 9640 человек, в 1982 г. — 2692 человека. При колебаниях численности выехавших по израильским визам росло число «прямиков», т.е. едущих не в Израиль. В 1979 г. в Израиль прибыло 17550 человек (34,2% выехавших по израильским визам), в 1980 г. — 7220 (33,6%), в 1981 г. — 1790 (18,9%), в 1982 г. — 733 (27,2%). [42]

Таким образом, большинство евреев, покидающих Советский Союз, предпочли решить свою будущую судьбу так, как решали ее евреи из России испокон веков — отправившись в Соединенные Штаты.

Ужесточение правил выдачи разрешений на выезд в 1980 г. шло по пути сокращения круга родственников, к которым разрешался выезд, и увеличения числа немотивированных отказов по «секретности». Общее число отказников к началу 1981 г. приблизилось к 40 тысячам. [43] Среди них в особо тяжелом положении оказались специалисты высокой квалификации по естественным наукам — около 500 кандидатов наук и около 40 докторов. Таким людям ранее других прекратили выдачу разрешений на выезд, сопротивляясь «утечке мозгов». Между тем примерно половина из них были уволены при подаче заявления об эмиграции и оказались лишенными работы по специальности; кроме того, их в массовом порядке стали лишать научных степеней и званий. [44]

К 1982 г. стало очевидно, что власти, чудесным стечением обстоятельств подвигнутые на расширение эмиграции в 70-е годы, вернулись к своей обычной политике «границы на замке». Однако в стране остались десятки тысяч людей, уже подавших заявления на выезд. Они оказались в трагическом положении. Факт подачи заявления не только лишал их прежнего социального статуса, но перевел в разряд «нелояльных» с точки зрения властей. С прекращением эмиграции они оказались обреченными на изгойство на неопределенно долгое время, возможно — пожизненно. В городах со значительным еврейским населением эти безнадежные отказники составляют компактные общества. Их совместная активность ради выезда постепенно затихла. Кто мог, вернулся к прежней обычной жизни, но не всем это удалось и в бытовом смысле и в психологическом. Не только отказники, но и не подававшие на выезд евреи восприняли конец эмиграции как мрачное знамение. Сплоченность евреев (отказников и не отказников) усилилась из-за все более открытого антисемитизма в обоих его видах — и бытового и официального. Невозможность исхода обратила разбуженную национальную

энергию евреев на создание какого-то подобия жизни здесь, на месте. Так «культурники» победили «эмиграционщиков».

Однако оказались среди отказников и такие, у которым утрата надежды на эмиграцию вылилась не в культивирование своего еврейства, а обратила их к общим внутрисоветским и мировым проблемам. Они теснее сблизились с правозащитниками, хотя правозащитное движение в начале 80-х годов сильно было ослаблено арестами и находилось в кризисном состоянии (см. главу «Правозащитное движение»). Сближение активистов еврейского движения с правозащитниками прослеживается с 1980 г. по составу участников ежегодных традиционных демонстраций — правозащитников (10 декабря) и в защиту узников Сиона (24 декабря). В 1980-1983 гг. значительная часть участников еврейской демонстрации участвовала и в демонстрации правозащитников. [45]

Но особенно ярко поворот еврейских отказников к общественной активности вне еврейского движения обнаружился в создании новой общественной группы — «За доверие между СССР и США». Эта группы была объявлена 4 июня 1982 г. в Москве. Из 11 ее основателей шестеро были отказниками (об этой группе см. главу «Правозащитное движение», стр. 286-287).

Вслед за московской группой доверия возникли такие же группы в Ленинграде, Одессе и Новосибирске. В эти группы тоже вошли отказники. Новое общественное движение за сохранение мира родилось в той же среде, что и правозащитное движение, — в среде московской интеллигенции. Но эту общедемократическую инициативу в период спада правозащитного движения проявили люди, загнанные в безвыходное положение прекращением эмиграции из СССР. Конечно, провозглашение новой общественной группы отчасти было затеяно как последний шанс вырваться на свободу. Но нельзя сводить эту необычную инициативу только к личному побуждению. Отказники по определению — люди, психологически порвавшие с советским обществом, критически к нему относящиеся. В такой среде при отсутствии возможности физического отделения себя от советской системы неизбежно должны появиться ее бесстрашные оппоненты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», (ХТС) вып. 51, с.с. 199-201; вып. 53, с.с. 177-178; вып. 54, с. 138.

2. D. Jacoby, L. Pettiti, R. Rappoport. L'affaire Shcharansky: proces sans defence, Paris, Bernard Grasset, 1978, p. 16 C.

3. «Хроника текущих событий» (вып. 1-15), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 14, с.с. 441-442; вып. 15, с.с. 486-487; «Хроника текущих событий» (вып. 16-27), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 17, с.с. 44-60.

4. Там же, вып. 20, с.с. 194-208.

5. Там же, с.с. 208-211 (Кукуй, Палатник); вып. 22, с.с. 276-277 (Трахтенберг); ХТС, вып. 28, с. 30 (Ханцис).

6. ХТС, вып. 33, с.с. 39-40.

7. «Хроника текущих событий» (вып. 1-27), вып. 17, с. 64 (Борисов); ХТС, вып. 30, с.с. 76-77 (Фельдман); вып. 34, с.с. 15-19 (Штерн); вып. 37, с.с. 22-23 (Гилютин); с.с. 11-13 (Ройтбурт); вып. 44, с.с. 31-32 (Завуров).

8. ХТС, вып. 37, с.с. 13-20; вып. 38, с. 74.

9. Частная информация Романа Рутмана.

10. ХТС, вып. 36, с. 59.

11. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 21, с.с. 250-252.
12. ХТС, вып. 32, с.с. 60-61.
13. ХТС, вып. 43, с.с. 80-81.
14. «Хроника текущих событий» (вып. 16-27), вып. 16, с. 28; вып. 22, с. 289.
15. Там же, вып. 17, с. 76; вып. 21, с. 205.
16. ХТС, вып. 39, с.с. 43-44.
17. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 16, с. 24; ХТС, вып. 37, с. 61.
18. «Хроника...», (вып. 16-27), вып. 21, с.с. 251-252; вып. 38, с.с. 81-82.
19. ХТС, вып. 35, с.с. 11-13; вып. 38, с. 81.
20. ХТС, вып. 43, с.с. 79-81.
21. ХТС, вып. 48, с.с. 157-158; вып. 50, с.с. 19-82.
22. «Хроника...», (вып. 1-15), вып. 10, с. 265.
23. ХТС, вып. 44, с.с. 25-27; вып. 50, с.с. 92-105.
24. ХТС, вып. 53, с. 143.
25. «Вести из СССР», под ред. Кронида Любарского, Мюнхен, 1981, вып. 18 № 29; вып. 20 № 28 (Бабий Яр); вып. 10, № 34 (Минск).
26. ХТС, вып. 60, с. 74.
27. ХТС, вып. 62, с.с. 96-98; «Вести из СССР», 1981, вып. 23/24, № 2.
28 ХТС, вып. 60, с. 76; вып. 61, с.с. 54-57.
29 ХТС, вып. 56, с.с. 62-63; вып. 61, с.с. 28-29.
30 ХТС, вып. 60, с.с. 96-97; ХТС-55, с.с. 63-64; «Вести из СССР», 1981, вып. 9, № 34; вып. 19, № 36.
31. ХТС, вып. 60, с. 94; «Вести из СССР», 1982, вып. 4, № 26.
32. ХТС, вып. 64.
33. ХТС, вып. 43, с.с. 79-80.
34. ХТС, вып. 47, с. 93.
35. «Вести из СССР», 1981, вып. 5, № 39; вып. 7, № 31.
36. ХТС, вып. 64, с.с. 139-141.
37. ХТС, вып. 56, с. 98.
38. ХТС, вып. 57, с.с. 72-78; вып. 60, с.с. 78-79.
39. ХТС, вып. 62, с.с. 112-113; «Вести из СССР», 1981, вып. 13, с. 5.
40. ХТС, вып. 62, с. 118; «Вести из СССР», 1981, вып. 19, № 1 (Цукерман и Локшин); ХТС, вып. 61, с. 22 (Магидович); «Вести из СССР», 1981, вып. 21, N 1 (Парицкий); ХТС, вып. 62, с.с. 93-96 (Браиловский).
41. «Вести из СССР», 1982, вып. 20, № 3.
42. D.Jacoby, L. Pettiti, R. Rappoport, L'affaire Shcharansky..., p.p. 160-161 (до 1978 г.); ХТС, вып. 61,<R> с. 57 (1978-1979 гг.); «Вести из СССР», 1982, вып. 1, № 39 (1980-1981 гг.); 1983, вып. 4, № 6.
43. Архив Самиздата радио «Свобода», Мюнхен, №№ 4660-4664, вып. 23/82.
44. ХТС, вып. 64, с. 65.
45. «Вести из СССР», 1982, вып. 4, № 7.

ДВИЖЕНИЕ СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ ЗА ВЫЕЗД В ФРГ

Предки советских немцев, которых по переписи 1979 г. насчитывается в СССР 1 млн. 937 тысяч, переселились в Россию из Германии, Австрии и Швейцарии при Екатерине II (с 1764 г.) и во время наполеоновских войн (конец XVIII и начало XIX вв.). Первая волна осела в основном в Поволжье, вторая — на южной Украине и на Кавказе. В этих районах переселенцы получили целинные земли и в трудных условиях освоили их. Немецкие колонисты имели свои самоуправление, школы на родном языке, свое книгоиздательство. Однако их положение было неустойчивым, так как в значительной степени зависело от взаимоотношений между Россией и Германией. Немцы, родившиеся в России, считали ее своей родиной, но власти не доверяли им. Царским указом от 13 декабря 1915 г. была намечена на апрель 1917 г. ликвидация немецких колоний и принудительное переселение колонистов в Сибирь. Февральская революция помешала осуществлению этого проекта.

После революции в Поволжье была образована немецкая автономная республика, а на Украине, на Кавказе и на Алтае — немецкие национальные районы. Перед второй мировой войной в Республике Немцев Поволжья насчитывалось 170 немецких школ, 11 техникумов, 5 вузов, выходила 21 газета на немецком языке, работали немецкие театры, клубы, дома культуры. Эта республика первой в СССР стала республикой сплошной грамотности, имела кадры национальной интеллигенции. [1]

Немецкое население СССР за годы советской власти вошло вместе со своими семьями в «первое в мире государство рабочих и крестьян», чтобы участвовать в строительстве социализма. Все эти переселенцы, за очень редкими исключениями, и десятки тысяч коренных немцев Поволжья были арестованы в 30-е годы и большинство погибло в заключении. Вот, например, мартиролог немецкой семьи Руппелей, изложенный в самиздатском журнале немцев «Ре патриа» одним из его составителей Фридрихом Руппелем. В 1938 г. были арестованы его отец и 25-летний старший брат, брат матери с двумя сыновьями и еще четверо его двоюродных братьев. Шестеро из них погибли в заключении, отец вернулся слепым. В сентябре 1941 г. были арестованы: сам Фридрих Руппель (ему тогда было 18 лет) и его мать, которую приговорили к расстрелу, как и его двоюродного брата Андрея Руппеля. Два других двоюродных брата и двоюродная сестра получили, как и сам Фридрих, 10-летние лагерные сроки. Сестра погибла в заключении. Все оставшиеся в живых — как «набора» 1938 г., так и «набора» 1941 г. были впоследствии реабилитированы. [2]

Так было в очень многих немецких семьях. Но эти ужасные события, как пишет Ф. Руппель, были общей бедой и горем всего советского народа. Однако для советских немцев террор 30-х годов оказался лишь прелюдией к трагедии их народа, разыгравшейся в самом начале войны с Германией.

28 августа 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Он гласил:

«Согласно точным сведениям, полученным военными организациями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и тысячи диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья. О наличии количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья ни один из немцев, проживающих в районах Поволжья, не сообщил советским органам. Следовательно, немецкое населения районов Поволжья скрывает наличие среди них врагов советского народа и советской власти «С целью предотвращения этих нежелательных явлений и чтобы не допустить серьезного кровопролития,...»

все советские немцы — не только из Поволжья (где проживала треть немецкого населения СССР), но где бы они ни жили, были выселены принудительно в Сибирь и в Среднюю Азию, а Республика Немцев Поволжья была ликвидирована. [3]

В 1942 г. немцы — и мужчины и женщины, начиная с 14-летнего возраста, были мобилизованы в трудовую армию — на стройки, находившиеся в ведении НКВД. Но на самом деле они находились не на положении трудармейцев, а на положении заключенных. Их поселили в лагерных бараках за колючей проволокой, под охраной, на работу выводили под конвоем. При этом мужчин отделили от женщин, т.е. разделили семьи, а детей от самых маленьких до 14 лет отобрали у матерей и раздали в чужие семьи или отправили в детские дома. Вот свидетельство о пережитом в те времена немца Константина Вуккерта:

«В трудармию были мобилизованы все трудовые члены нашей семьи: отец, 15-летний братишка, мачеха. Остался дома, т.е. в Сибири, на месте принудительного поселения, один член нашей семьи — семилетняя сестренка. Она была отдана чужим людям. В 1944 г. отцу удалось забрать ее к себе в трудармию. Она была истощена от голода и издевательств чужих людей». [4]

Таким образом, советские немцы оказались, может быть, единственной в истории человечества нацией заключенных.

После окончания войны трудовая армия была распущена, но немцев расселили по спецпоселениям такого же типа, в каких жили крымские татары, месхи и другие высланные народы. Указ от 26 ноября 1948 г. Президиума Верховного Совета СССР, по которому немцы были переведены из трудармии в спецпоселения, гласил, что они высланы «навечно».

Спецпоселения для немцев были отменены 13 декабря 1955 г.,

«... учитывая, — как говорилось в Указе ПВС СССР, — что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев ... в дальнейшем не вызываются необходимостью».

Однако пункт 2 этого Указа гласил, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться на места, откуда они были выселены. [5]

Таким образом, немцы не должны были более ежемесячно отмечаться в комендатуре, им разрешили выезд за пределы места жительства, однако обвинение в «измене» тяготело над ними до 29 августа 1964 г., когда оно было формально снято очередным Указом Президиума Верховного Совета СССР, признавшим, что «огульные обвинения» «в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам», которые были предъявлены советским немцам в Указе от 28 августа 1941 г., «были неосновательными», Указ 1964 г. свидетельствовал, что

«...в действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве». [6]

Но признание несправедливости, совершенной по отношению к немцам, не означало разрешения вернуться на родину. Как и относительно крымских татар, и месхов, относительно немцев было решено, что они «укоренились» на новых местах и должны там остаться.

2 января 1965 г. в Москву прибыла первая делегация высланных немцев — 13 членов Инициативной группы «коммунистов, комсомольцев и беспартийных». Они привезли письма на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Микояна, подписанные в общей сложности 660 немцами. Авторы этих писем выражали благодарность партии и правительству за снятие с «советско-немецкого» народа необоснованных обвинений и заявляли, что они — не часть немецкого, швейцарского или австрийского народа, а отдельный народ, имеющий родину в России. [7] Они настаивали не только на разрешении вернуться в родные места, но и на восстановлении автономной немецкой республики.

Вопрос о восстановлении автономии для немцев имел особое значение — не только как свидетельство полной реабилитации и даже не только как необходимое условие сохранения и развития национальной культуры, но как единственная возможность создания как бы острова спокойного существования в стране, где ненависть ко всему немецкому, возникшая в годы войны с Германией, не угасла.

Страшные военные утраты и жестокость фашистов к пленным и к мирным жителям на захваченных землях давала очень благоприятную почву для пропаганды, в военные годы нацеленной на возбуждение ненависти к немцам, а учебные программы в школах до сих пор преподносят исторические факты так, что Германия выглядит извечным врагом России, история немцев Поволжья замалчивается, и их особенность, их роль в революции, гражданской войне и мирном строительстве, а тем более совершенная над ними жестокая несправедливость во время войны просто не известны почти никому. Это создавало вокруг немцев атмосферу ненависти во время войны. К. Вуккерт вспоминает, что в своем трагическом положении немцы были лишены сочувствия окружающих:

«Не раз я слышал ... окрик: «А что вы хотели? Наши люди в осажденном Ленинграде умирали не меньше!» Иными словами, нас ставили на одну доску с теми,

кто окружал Ленинград и душил его голодом, и мы должны были умирать за тех погибших в Ленинграде. Так сказать, око за око, зуб за зуб». [8]

Конечно, с годами отношения с окружающим населением стали спокойнее, но все-таки нередко немцы и сейчас оказываются объектом ненависти только в силу своей национальности. Тот же Вуккерт рассказывает, как в 1967 г., он, зайдя к своему русскому соседу в селе, где они оба живут (Новотроицкое, Казахстан), застал у него гостей — брата с семьей. Брат — инвалид, потерял на фронте обе ноги. Узнав, что Вуккерт — немец, безногий бросился на него с криком:

— Я тебя, гада, сейчас съем!

С большим трудом его семье и брату удалось оттащить его. [9] Такая реакция — не редкость.

Особенно страдают от неприязненного отчуждения окружающих дети немцев. Они не хотят говорить на родном языке, стесняются, что они — немцы. Вот почему для немцев было особенно важно восстановить свою автономию.

Очередная делегация немцев, отправившаяся в Москву 7 июня 1965 г., была принята А. Микояном. Выслушав пожелания и претензии членов делегации, Микоян с большой похвалой отозвался о вкладе немцев в освоение целинных земель, похвалил немецкое трудолюбие и законопослушность, но отказал в просьбе.

— Не все, что натворила история, поддается исправлению, — сказал он, и объяснил причины, по которым правительство отказывается от восстановления автономной немецкой республики:

— «Сейчас в целинном крае вести хозяйство без немцев невозможно» и «Восстановление республики вызовет огромные экономические затраты». [10]

Особо активным членам делегации, встретившимся с Микояном, было предложено переселиться в Москву, они получили хорошие должности и прекратили свои усилия. После столь неудачной попытки добиться пересмотра этого решения советского правительства надежда на улучшение нынешнего положения советских немцев угасла.

Сейчас немцы рассеяны по всей стране. Районы компактного немецкого населения имеются в местах их бывшей ссылки: в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. Большинство немцев живет здесь в селах и поселках, так как долгое время им не давали селиться в больших городах. Более половины немецкого населения занимается сельским хозяйством. Значительные группы немцев появились за последнее десятилетие в Волгоградской области, в Молдавии, на Кавказе и в Прибалтийских республиках. Но по-прежнему нигде они не имеют условий для нормальной национальной жизни. Практически отсутствуют школы на родном языке, лишь кое-где есть немецкие классы. Немецкая пресса представлена всего двумя газетами — одной в Москве и одной в Целинограде (Казахстан) с небольшим тиражом и тематикой, отнюдь не специфически немецкой. Нет немецких культурных учреждений — издательств, театров и т.п. Значительная часть молодых немцев в этих неблагоприятных условиях утратила немецкий язык или лишь говорит на нем, но с трудом читает и пишет.

Быстрым темпом идет ассимиляция. Если в 1959 г. 75% немцев считали родным языком немецкий, то в 1970 г. такие немцы составили только 66,8% , а в 1979 г. — 57%. [11]

До сих пор существует скрытая дискриминация немцев при продвижении по службе и при поступлении в высшие учебные заведения, так что немецкий народ

почти лишен национальной интеллигенции. Но самое тяжелое для немцев — то, что они по-прежнему обречены жить в инонациональной среде, враждебной к ним в память о страданиях, пережитых в войне с Германией. К тому же стихийная ненависть населения подогревается сверху и стараниями местной прессы. Так, 1 и 2 апреля 1980 г. в газете «Челябинский рабочий» была помещена статья, где о жителе Челябинска немце Александре Боусе было написано:

«Лобастый, с чуть рыжеватыми негустыми волосами, с яркими голубыми глазами... И вдруг вспомнились мои военные дни... До сих пор помню я другие каски. Темного, ядовитого зеленого цвета... Со свастикой... И глаза из-под этих касок. ...Особенно подходили для этих касок голубые глаза с ледком... Нордические глаза — принадлежность к «высшей расе»...».

Многие немецкие семьи стали добиваться разрешения на выезд в ФРГ к родственникам еще в 50-е годы, а есть и такие, которые начали делать подобные попытки в 20-е годы. Однако массовым движение за эмиграцию среди немцев стало со второй половины 60-х годов, после того как пропала надежда на восстановление республики немцев Поволжья. Конечно, немецкая эмиграция имеет, как и еврейская, не только национальные, но и социальные корни: ведь есть возможность добиваться выезда в ГДР, тоже немецкую страну, но с аналогичным советскому социалистическим строем. Однако немцев, которые просят отпустить их в ФРГ или в ГДР, очень мало — подавляющее большинство стремится решить одновременно и национальную и социальные проблемы.

Лишь с 1974 г., после многолетних усилий советских немцев, пошло им навстречу и правительство ФРГ, которое тоже стало добиваться разрешения на выезд для советских граждан, имеющих родственников в ФРГ. К этому времени, как сообщает ХТС, подали заявления на выезд около 40 тысяч немцев. [12] В Эстонии, Латвии, Казахстане и других местах они создали эмиграционные комитеты для коллективных усилий по получению разрешений на выезд. В январе 1974 г. активисты немецкого движения за выезд выпустили самиздатский сборник «Ре патриа», освещавший проблемы эмиграционного движения немцев. На его обложке стояло — «Выпуск 1», т.е. издание было задумано как периодическое. Но его составителей (В. Григас, Л. Бауэр и Ф. Руппель) вскоре выпустили в ФРГ, и «Ре патриа» прекратилась после первого выпуска.

11 февраля 1974 г. в Москве у здания ЦК КПСС состоялась демонстрация немцев, добивающихся разрешения на выезд. Во время этой демонстрации Людмила Ольденбург со своими несовершеннолетними сыновьями приковала себя к светофорному столбу около здания ЦК. 17 февраля состоялась аналогичная демонстрация немцев в Таллинне. [13]

С тех пор демонстрации стали распространенной формой борьбы немцев за выезд. Чаще всего такие демонстрации проводятся в Москве, в последнее время — главным образом на Красной площади; но случаются и вне Москвы, например, в Душанбе, перед зданием ЦК КП Таджикистана. Обычно эти демонстрации немногочисленны, самые большие — по нескольку десятков человек, но как правило — менее 10-ти, довольно часто — семьями. Вот описание типичной немецкой демонстрации, состоявшейся 31 марта 1980 г. на Красной площади в Москве:

«В демонстрации должны были участвовать около 30 человек, но незадолго перед ее началом немцы, прибывшие из г. Нарткала Кабардино-Балкарской АССР, были

задержаны сотрудниками милиции. На Красную площадь смогли выйти только 5 человек из г. Котово Волгоградской области. Они несли транспаранты: «Мы хотим жить на своей родине в ФРГ». Все пятеро были тут же схвачены милицией и отвезены в пункт по охране порядка при Красной площади. Их имена: Виктор (1952 г.р.) и Лидия (1957 г.р.) Эбели, Виктор (1953 г.р.) и Альвина (1955 г.р.) Фрицлеры и Готфрид Облиндер (1953 г.р.). Семьям Эбелей и Фрицлеров ОВИР отказал в выезде уже 5 раз». [14]

Своеобразный способ протеста, применяемый немцами, добивающимися выезда в ФРГ, — отказ от гражданства СССР со сдачей советского паспорта. Впервые этот способ применили около 300 немцев Казахстана и Киргизии в конце 1976 г. Одновременно они обратились с письмом о тяжелом положении немцев в СССР в международные правозащитные организации и в Московскую Хельсинкскую группу (см. главу «Правозащитное движение»). Несколько активистов немецкого движения были в связи с этим арестованы за нарушение «паспортного режима» и осуждены на лагерные сроки от нескольких месяцев до полутора лет. Некоторые из них по отбытии срока получили разрешение на выезд, но многие до сих пор получают отказы. [15] С 1976 г. начались обращения немцев в Московскую и Литовскую Хельсинкские группы. Продолжаются и обращения в советские инстанции, к правительству ФРГ и в различные международные общественные организации. [16]

Организаторы коллективных жалоб подвергаются преследованиям вплоть до осуждения на лагерные сроки — по сфабрикованным уголовным статьям или «за клевету на советский строй» (так обычно квалифицируется указание в коллективных письмах на дискриминацию немцев в СССР). «Клеветнический» характер таких заявлений опровергается на суде выступлениями немцев с благополучными биографиями.

С 1980 г. давление на немцев, добивающихся разрешения на выезд в ФРГ, усилилось, о чем свидетельствует Московская Хельсинкская группа, посвятившая немцам-отказникам четыре своих документа, из них три — в 1980-1981 гг. [17]

В заявлении 246 немцев-отказников из Кабардино-Балкарии, направленном в 1980 г. в Президиум Верховного Совета СССР, в немецкий Бундестаг и на Мадридскую конференцию Хельсинкских стран, отказники жалуются на произвол и грубость властей, к которым они обращаются за разрешением на выезд:

«Зам. начальника РОВД г. Майский Д.М. Тимофеев объяснил нам, что в нас нуждаются здесь как в рабсиле, и, по его словам, перед тем как выпустить, из нас сначала выжмут все соки. Начальник городского управления КГБ г. Прохладный выразил желание сослать нас всех на БАМ (Байкало-Амурская Магистраль — очередная «великая стройка» — Л.А.). Зам. начальника РОВД г. Майский Д.М. Тимофеев в беседе с нами возложил на нас вину за гибель 20 млн. советских граждан во время Великой Отечественной войны. Начальник паспортного стола МВД КБ АССР Хуранов сказал однажды, что, будь его воля, он бы всех нас расстрелял». [18]

Вынужденные обращаться с жалобами на местное начальство в высшие инстанции, немцы-отказники и там наталкиваются на беззакония. В этом же письме 246 немцев сообщается, что 10 ноября 1980 г. за посещение ОВИРа в Москве были задержаны и вывезены на место жительства под конвоем 15 немцев-жалоб-

щиков. Двое из них были сброшены с железнодорожного перрона на рельсы сотрудниками КГБ. Г. Миллер, адрес которого был проставлен в этом письме для ответа, был арестован.

Движение за выезд в ФРГ, особенно после того как западногерманское правительство стало поддерживать это движение, способствовало преодолению национальных комплексов у советских немцев. Среди них нашлись люди, не ограничивавшиеся жалобами на национальную неприязнь окружающих, но требующие признания заслуг российских немцев. В этом смысле показательно дело Александра Тилля и Владимира Райзера. Тилль был арестован в декабре 1981 г., а Райзер — в начале 1982 г. Их судили за «клевету на советский строй». Конкретно обвинение состояло в том, что они собирали подписи под требованием поставить памятник немцам, погибшим в трудармии в годы войны. Видимо, Тилль и Райзер не были одиноки в своих планах. По их делу прошли массовые обыски в Новосибирске и во Фрунзе, а уже после их осуждения 11 июня 1982 г. группа немцев из разных мест Киргизии подала заявку в горисполком Фрунзе на мирную демонстрацию в поддержку Тилля и Райзера. Ответа не было, и демонстрация не состоялась. Но эта заявка указывает на идею демонстрации, отличной от традиционных демонстраций немцев-отказников с единственным требованием разрешить выезд в ФРГ демонстранту и его семье. [19]

Немецкая эмиграция из СССР выразилась в следующих цифрах: 1971 г. — 1145 человек, 1972 г. — 3423 человека, 1973 г. — 4494 человека, 1975 г. — 5985 человек, 1976 г. — 9704 человека, 1977 г. — 9274 человека, 1978 г. — 8445 человек, 1979 г. — 7226 человек, 1980 г. — 6650 человек, 1981 г. — 3723 человека, 1982 г. — 1958 человек. [20]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В: «Ре Патриа», серия «Вольное слово», вып. 16, Посев, 1975, с. 9.
2. Там же, с.с. 54-57.
3. Там же, с.с. 84-86.
4. Архив Самиздата, Радио «Свобода», Мюнхен (АС), № 2811, вып. 16/78, с. 8.
5. Цит. по: «Ре Патриа», с. 86.
6. Там же, с. 87.
7. Цит. по: «Ре Патриа», с.с. 50-51.
8. АС № 2811, с. 8.
9. Там же, с. 22.
10. «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника» (ХТС), вып. 41, с.с. 64-65; Политический дневник, т. 1, Амстердам, Фонд Герцена, 1972, с.с. 94-95.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения, 1970 г., Москва, изд-во «Статистика», 1973, т. IV, с. 9; «Вестник статистики», Москва, 1980, № 8.
12. ХТС, вып. 32, с. 25.
13. Там же, с.с. 25-26.
14. ХТС, вып. 56, с. 100.
15. ХТС, вып. 41, с.с. 63-64.
16. Там же, с.с. 64-65.
17. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР, Нью-Йорк, изд-во «Хроника»; документ № 22 (вып. 6); документ № 122 (вып. 7), документ № 171 (АС, № 4403, вып. 31/81); 192 (АС № 4641, вып. 19/82).
18. АС № 4487, вып. 44/81.
19. «Вести из СССР» под ред. Кронида Любарского, Мюнхен — Брюссель, 1982, вып. 4, № 1; вып. 5 № 4; вып. 6, № 6.
20. Там же, 1983, вып. 2, № 33.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ-БАПТИСТЫ

Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ) — самая многочисленная из протестантских церквей в СССР. По данным Всемирного Совета ЕХБ, в 1975 г. в СССР было 535 тыс. баптистов, [1] и численность их растет.

Баптистская церковь существует в России с 1867 г. С самого возникновения она подвергалась гонениям как «сектантская». Послереволюционную историю своей церкви баптисты делят на следующие периоды:

1918-1929 гг., когда, согласно декрету советского правительства от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства» и конституции, была провозглашена и по отношению к протестантам действительно соблюдалась свобода совести. Молитвенные собрания проводились беспрепятственно, религиозная литература издавалась без ограничений или свободно выписывалась из-за рубежа.

1929-1941 гг. После правительственного постановления от 8 апреля 1929 г. «О религиозных культах» был взят курс на полное искоренение религии в СССР. За эти годы дважды переформулировалась статья конституции о свободе совести (в мае 1929 г. и в 1936 г.) так, что эта свобода была сведена на нет. Было арестовано подавляющее большинство церковнослужителей баптистов и многие активные верующие. Закрытые суды-«тройки» приговаривали их к лагерным срокам до 25 лет за «антисоветскую агитацию». По данным баптистов, в эти годы были отправлены в лагеря около 25 тысяч их единоверцев и около 22 тысяч там погибли. Молельные дома ЕХБ по всей стране были закрыты, остался лишь один в Москве и, кажется, еще один в Новосибирске. [2]

1942-1960 гг. Во время второй мировой войны политика властей по отношению к религии изменилась. В 1942-1943 гг. при Совете Министров СССР был сформулирован Совет по делам религий и культов (СДРК). Его чиновники занялись «приручением» церкви и разрушением ее изнутри.

Из лагерей и ссылки стали срочно освобождать служителей, склонных к сотрудничеству с властями. Из таких людей был сформирован Всесоюзный Совет ЕХБ (ВСЕХБ).

После войны возродилось примерно 5 тысяч баптистских общин. Треть их (1696) в 1945-1948 гг. власти зарегистрировали. [3] Регистрация предоставлялась при согласии на большие ограничения религиозной жизни. Согласие это вынуждалось альтернативой: или подчинитесь, или молельный дом будет закрыт. Од-

ним из условий регистрации было признание главенства ВСЕХБ и подобранных властями старших пресвитеров. Эти пресвитеры контролировали общины, распределенные между ними по территориальному признаку.

Искусственно сокращенное втрое до размеров зарегистрированных общин баптистское братство, отданное под наблюдение ВСЕХБ, служило «государственной витриной свободы совести» в СССР перед внешним миром. Начиная с 1947 г. члены ВСЕХБ и послушные им люди из общин постоянно ездят за границу для встреч с единоверцами и принимают их в Советском Союзе. У них имеется уже большой опыт, как создать у иностранцев впечатление о благополучии верующих и, конечно, они никогда не признают, что в СССР есть узники — христиане и отсутствует свобода религиозной жизни.

Но главная задача ВСЕХБ — подбор на все церковные должности «своих людей», наблюдающих изнутри церкви за исполнением ограничений, налагаемых властями.

1960 г. — до наших дней — возрождение баптистской церкви.

В 1960 г. ВСЕХБ издал два документа, регулирующих церковную жизнь: «Новое положение ВСЕХБ» и секретное «Инструктивное письмо старшим пресвитерам». [4] Эти документы основывались на установках властей по отношению к религии и расходились с основными принципами баптистского вероисповедания.

Баптисты всего мира видят главную задачу и основное призвание церкви в проповеди Евангелия, а в Инструктивном письме было записано:

> *«Главной задачей богослужения в настоящее время является не привлечение новых членов, а удовлетворение необходимых потребностей верующих».*

В обязанности старшим пресвитерам «Письмо» вменяло «сдерживание нездоровых миссионерских проявлений»; им предписывалось «изжить нездоровую практику погони за новыми членами». Запрещалось крестить людей до 18 лет, а старше этого возраста — лишь после сурового двух-трехлетнего испытательного срока. «Новое положение» запрещало проповедовать за пределами своей общины, а своим общинникам — только в молельном доме; запрещалось присутствовать на богослужениях в других общинах, т.е. нарушалось отличающее баптистов широкое общение с единоверцами, нарушались традиционные формы этого общения — совместные загородные гуляния, проведение домашних обрядов с участием большого числа единоверцев, частое гостевание и т.д. Содержавшийся в новом Положении запрет на взаимопомощь между членами общины оставлял на произвол судьбы семьи арестованных единоверцев и оштрафованных за проведение религиозных обрядов. «Новое положение» даже регламентировало порядок проведения богослужений, так как ставило под запрет многие виды музыкальных инструментов (например, гитары), приглашение хора из соседней общины, вынесение богослужения из молельного дома и т.д.

Подчинение ВСЕХБ предписаниям советских властей повело к сокращению численности крещаемых и даже к распаду некоторых общин. С 1944 по 1965 гг. только на Украине закрылись более 800 общин и численность баптистов сократилась с 180 000 до 120 000 человек. В Эстонии и Латвии в 1957-1959 гг. баптисты окрестили 1246 человек, а в 1960-1962 гг. — только 195. За эти три года там

закрылись 14 общин. [5] Примерно такое же положение было по всей стране. Церковь ЕХБ переживала глубокий духовный кризис.

Однако насаждение «Нового положения» и «Инструктивного письма» как руководящих документов оказалось переоценкой возможностей ВСЕХБ.

«Инструктивное письмо» было секретным, оно предназначалось лишь для старших пресвитеров, но его не удалось утаить от рядовых членов общин. Оно вызвало общее возмущение и стало толчком к сопротивлению массы верующих баптистов церковному руководству, покорному властям. Началось возрождение церкви ЕХБ.

Смысл этого возрождения был в очищении религиозного служения от искажений, привнесенных давлением властей, ВСЕХБ и его сторонников. Эта борьба внутри баптистской церкви по сути была не догматической, а гражданской; расхождение было только по вопросу о взаимоотношениях между церковью и светской властью.

Сторонники самостоятельности церкви ЕХБ вели борьбу с церковными и светскими властями за свободу, ссылаясь и на Евангелие и на зафиксированное в конституции право на свободу вероисповедания. Изложу кратко основные события этой борьбы.

Несколько влиятельных баптистов — А.Ф. Прокофьев, Г.К. Крючков, Г.П. Винс и др. получили доступ к «Инструктивному письму». Они восприняли его как свидетельство вероотступничества ВСЕХБ и сочли для себя невозможным бездействовать. В мае 1960 г. они объединились в Инициативную группу, и в качестве таковой обратились к ВСЕХБ с посланием, в котором обвиняли его в нарушении важнейшего евангельского принципа, запрещающего отдавать «кесарю» — «Богово». Инициативная группа призвала членов ВСЕХБ к покаянию перед единоверцами. ВСЕХБ не ответил на послание. [6] Тогда члены Инициативной группы размножили текст «Инструктивного письма» и разослали его по общинам (и зарегистрированным и нерегистрированным), сопроводив его своим обращением, в котором разъясняли смысл «Нового положения» и «Инструктивного письма». Поскольку члены ВСЕХБ отказались покаяться и отменить эти документы, Инициативная группа призвала верующих ЕХБ обратиться к властям с просьбой о разрешении провести съезд (которого не было с 1926 г.) для отмены «Положения» и «Инструктивного письма» и для решения о руководстве церковью в будущем: Инициативная группа считала необходимым переизбрать ВСЕХБ. Инициативная группа предлагала добиваться, чтобы съезд представил все баптистские общины в СССР — как зарегистрированные, так и незарегистрированные. [7] Позже основатели Инициативной группы признавались, что создание этой группы было скорее эмоциональным, чем рассчитанным на успех шагом. Они полагали, что не позднее чем через месяц после объявления о создании Группы они будут арестованы, ничего не добившись. [8] Однако их призыв к очищению пробудил многие общины от долголетней апатии. Мощная поддержка верующих удержала власти от немедленного ареста членов Инициативной группы (был арестован лишь А.Ф. Прокофьев — в 1962 г.). Не только Инициативная группа, но и рядовые баптисты — и по отдельности, и целыми общинами стали писать в Совет по ДРК, требуя разрешить им проведение съезда. ВСЕХБ, противясь съезду, стал отлучать от церкви активных поборников этой идеи и даже способствовать их арестам. Члены ВСЕХБ утверждали, что идти против «Нового положения» и»Инструктивного письма» значит идти против власти. В течение 1960-1963 гг., в период наиболее напря-

женной борьбы за съезд, были арестованы около 200 активных «инициативников», однако это не ослабило, а укрепило их движение.

Опора на силу светской власти во внутрицерковном споре ускорила падение авторитета ВСЕХБ. Одна за другой общины отказывались признавать его руководство, отлучали членов ВСЕХБ от церкви, не хотели участвовать совместно с ними в обряде хлебопреломления и все настойчивее требовали съезда. 25 февраля 1962 г. Инициативная группа была преобразована в Оргкомитет по созыву всесоюзного съезда ЕХБ. [9]

Члены Оргкомитета вели переговоры с ВСЕХБ и Советом по ДРК, неустанно обращались к правительству с открытыми письмами. Копии этих писем они распространяли по общинам. Оргкомитет стал выпускать «Братский листок», в котором постоянно разъяснялись требования Оргкомитета, их законность с юридической точки зрения и справедливость — с догматической.

Власти поняли, что противиться созыву съезда далее — значит сделать отход верующих от ВСЕХБ необратимым. Было решено ради спасения верного им состава ВСЕХБ пожертвовать «Новым положением» и «Инструктивным письмом». Чтобы ВСЕХБ не утратил инициативу, был предпринят следующий трюк. Совет по ДРК дал разрешение не на съезд, а на проведение совещания ВСЕХБ. Совещание это, собравшись (15 октября 1963 г.), переименовало себя в съезд. Съезд отменил «Новое положение» и «Инструктивное письмо», заменив их менее откровенным в своей антиевангельской сущности Уставом ВСЕХБ.

Председатель Совета ДРК Пузин на закрытом совещании в августе 1965 г. объяснил причины этих уступок:

> *«Местные органы, как вы знаете, пробовали уже сажать в тюрьмы баптистов-раскольников, но это не дало хороших результатов... Гонения возвысили и укрепили авторитет вожаков Оргкомитета и помогли им... привлечь на свою сторону многих верующих... Нужно прямо сказать, что некоторое время тому назад создалась реальная угроза того, что Оргкомитет сумеет овладеть руководством всей церкви. Эта опасность и сейчас полностью не устранена»*. [10]

Оргкомитет и его сторонники в общинах не признали самозванный съезд, так как на нем были представлены не все общины, а лишь те, которые поддерживали ВСЕХБ. Трюк со съездом убедил их окончательно, что Совет по ДРК всецело на стороне ВСЕХБ. Оргкомитет стал добиваться приема у главы правительства, чтобы пожаловаться на незаконные действия Совета по ДРК.

22 сентября 1965 г. делегация баптистов из 5 человек была принята А. Микояном, который исполнял тогда должность председателя Президиума Верховного Совета СССР, но ничего это не дало. [11]

После двух лет бесплодных усилий добиться отмены решений «лжесъезда», как его называли противники ВСЕХБ, стало очевидно, что съезда добиться не удастся.

Утратив надежду на созыв съезда общины, не признающие ВСЕХБ, создали отдельную церковь. В сентябре 1965 г. они избрали постоянный руководящий орган — Совет Церквей Евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ). В Совет вошли 11 человек, в большинстве — члены бывшего Оргкомитета. Председателем этой независимой баптистской церкви стал Г. Крючков, секретарем — Г. Винс.

Независимая баптистская церковь, в отличие от ВСЕХБ не стесненная запретом на проповедничество, ведет активную миссионерскую работу. Успешность этой проповеди в привлечении новых верующих отмечают как пример, заслуживающий подражания, и католические и православные религиозные деятели. [12] Особенно широка по масштабам проповедническая активность баптистов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке — на Колыме, Камчатке, Чукотке и Сахалине. Большинство населения здесь — русские, для которых традиционной религией является православие. Но Русская православная церковь находится в полном подчинении у государства, ее иерархия безропотно подчинилась положению, отвергнутому независимой баптистской церковью. Православная иерархия, в частности, не смеет отстаивать закрываемые церкви, и поэтому во многих местах страны на сотни, а то и на тысячи километров не осталось действующих православных церквей, нет православных священников. В эти места, брошенные без духовного окормления православной иерархией, устремились протестантские проповедники. Деятельность их здесь, по оценке православного священника Глеба Якунина, является высокоэффективной. [13]

Баптисты-инициативники проповедуют не только в отдаленных малонаселенных местностях, но и в центре России. Пренебрегая запретами власти, они организуют в крупных городах (Ростов, Одесса и т.п.) праздничные молитвенные собрания, на которые съезжаются тысячи верующих со всей страны. На этих собраниях принимают крещение вновь обращенные, пополняющие общины баптистов несравненно быстрее, чем их опустошают аресты.

Успешность проповедничества баптистов и других протестантов Якунин объясняет именно тем, что наряду с зарегистрированными общинами, объединенными под главенством ВСЕХБ, имеется независимая баптистская церковь. Якунин называет ее полулегальной в том смысле, что ее общины, не скрываясь от государства, тем не менее отказываются от регистрации и других форм государственного контроля. При такой структуре официальная и неофициальная церкви связаны как бы по принципу сообщающихся сосудов: при усилении давления на официальную церковь верующие из зарегистрированных общин отказываются от регистрации и переходят в неофициальную часть церкви. Из-за этого власти не решаются слишком давить на зарегистрированные общины. Этим объясняется, что баптистские общины, подчиненные ВСЕХБ, живут свободнее, чем православные приходы: власти мирятся с выборностью руководителей общин, разрешают более или менее регулярно проводить съезды, на которых ВСЕХБ отчитывается в своей деятельности. Гораздо менее жестки ограничения у баптистов на участие детей в богослужениях, на проповеди и т.д.

Такую структуру «сообщающихся сосудов» Г. Якунин считает «идеальной формой бытия церкви» в советских условиях, позволяющей ей выдержать самое тяжелое давление со стороны воинственно атеистического государства. [14]

Однако эта относительная свобода стала возможной из-за постоянного жертвенного сопротивления незарегистрированных общин, возглавляемых Советом Церквей ЕХБ. Преследования против них длятся с 1961 г. и особенно ужесточились с начала 80-х годов.

Руководители независимого Совета Церквей ЕХБ М. Хорев, Г. Крючков и Г. Винс были арестованы в мае 1966 г. [15] Тогда они получили 3-летние лагерные сроки. С тех пор и по сей день все члены Совета Церквей живут под угрозой ареста. Большинство их отбыло по нескольку лагерных сроков, а в промежутках

они вынуждены почти постоянно жить на нелегальном положении. Председатель СЦ ЕХБ Г. Крючков с 1971 г. скрывается от ареста. На него объявлен всесоюзный розыск. В мае 1974 г. в доме, где живет его жена, в электросчетчике было обнаружено подслушивающее устройство — видимо, кагебисты надеялись из разговоров в доме узнать, где скрывается Г. Крючков. [16]

В 1981 г. были арестованы все члены СЦ ЕХБ, кроме Крючкова — Николай Батурин, отбывший уже 5 сроков, в общей сложности 16 лет; заместитель председателя СЦ Петр Румачик, прежде отбывший в лагерях 12 лет; Николай Храпов, отдавший заключению 26 лет жизни, и др. Членов СЦ ЕХБ осуждают по ст.ст. 142 и 227 УК РСФСР («нарушение закона об отделении церкви от государства» и «исполнение обрядов, наносящих вред верующим»). Иногда добавляется ст. 190-1 УК РСФСР («клевета на советский строй»). Приговоры — до 5 лет лагеря строгого режима, у некоторых — с последующей ссылкой. [17]

По-прежнему общины баптистов, отказывающиеся от регистрации, не имеют молельных домов. Молитвенные собрания в частных домах советскими законами не запрещены, их запрещает лишь устав ВСЕХБ. Однако такие собрания разгоняются милицией и дружинниками, обычно очень грубо, зачастую с оскорблениями и избиениями верующих. Пресвитеры и руководители общин подвергаются арестам за проведение религиозных собраний не в молельном доме. Их судят по тем же статьям 142 и 227, а иногда — за «тунеядство» (если пресвитер не работает на производстве, а находится на содержании общины). Обычные приговоры им — до 3 лет лагеря, но многие пресвитеры отбыли по нескольку таких сроков.

Нередко арестовывают хозяина дома, в котором происходит богослужение. Стандартные обвинения в таких случаях — «хулиганство» или «сопротивление милиции» по лжесвидетельствам милиционеров или дружинников, так как для таких арестов невозможно найти статью в советском уголовном кодексе. Приговоры по этим делам — 1-2 года лагеря общего режима.

Кроме того, осуждают баптистов, осуществляющих религиозное воспитание детей своих единоверцев — их судят за нарушение закона об отделении церкви от государства. Павел Рытиков, его сын Владимир и Галина Вильчинская в 1980 г. были осуждены за организацию летнего лагеря для детей арестованных или скрывающихся от арестов баптистов. [18]

Постоянные гонения испытывают и рядовые члены незарегистрированных общин. За участие в религиозных собраниях вне молельного дома их систематически подвергают штрафам, часто превышающим месячный доход штрафуемого.

Очень большие стеснения терпят баптисты из-за отправления запрещаемых властью обрядов, без которых они не мыслят своей церковной жизни. Так, по традиции свадьбы баптистов очень многолюдны, так как полагается приглашать на это торжество всю свою общину и даже соседние. В крупных общинах приглашенных оказывается по нескольку сот человек. Дом не вмещает гостей, и торжество выносится во двор, в сад. Но по инструкции Совета по делам религий и культов, запрещены «обрядовые сборища» под открытым небом. Поэтому свадьбы баптистов нередко разгоняются. Вот одно из описаний такого разгона свадьбы, помещенное в «Хронике текущих событий»:

«15 мая 1977 г. в доме баптиста-инициативника М.А. Боева (ст. Латная Семилукского района Воронежской области) праздновалась свадьба его дочери. В день свадьбы на подступах к дому местные власти вывесили объявление: «Карантин.

Проход и проезд закрыт». Затем отключили в доме электроэнергию, из-за чего не смог играть приглашенный на свадьбу оркестр. Возле дома собрались работники КГБ, райисполкома и милиции — в общей сложности несколько десятков человек. Когда под обрядовое пение в сад вышли жених и невеста, председатель поселкового совета Иваненко стал составлять акт о нарушении общественного порядка и распорядился, чтобы переписали присутствующих... Затем к дому подъехал бульдозер и остановился с включенным мотором, заглушая проповедь. Гостей начали фотографировать...». [19]

Иногда разгоняются и похороны, если собирается много сопровождающих покойного на кладбище. [20]

Для баптистов характерно стремление к возможно более тесному и широкому общению со своими единоверцами — братьями и сестрами во Христе. Но власти и этому чинят препятствия. Так, под запретом загородные молодежные гуляния, исстари принятые у баптистов, праздник Жатвы, который обычно отмечают вместе несколько общин.

Вот как описывает разгон молодежного гуляния «Хроника текущих событий»:

«Баптистская молодежь из Омской, Кокчетавской и Целиноградской областей (Казахстан) решила провести совместное воскресное богослужение 4 июня (1978 г.) в лесу в Исилькульском районе. Еще накануне работники автоинспекции перекрыли все подъезды к месту богослужения, останавливали и заворачивали машины, проверяли у всех едущих документы, отнимая номера с машин и штрафуя. Те, кому удалось добраться до места, около двух часов относительно спокойно проводили богослужение, а затем поляна в лесу была окружена, подогнали тракторы, которые начали пахать землю, наезжая на людей и заглушая мощными моторами молитвы. В конце концов милиция и дружинники стали провоцировать драку. Несмотря на то, что верующие не отвечали физическим сопротивлением, арестованными набили воронок, их увезли в отделение милиции, где продержали до вечера. Остальных разгоняли, оскорбляя и применяя грубую силу: применяли приемы самбо, тащили за волосы, били палками, угрожали оружием. Отобрали и увезли еду, посуду и другие вещи, приготовленные для обеда. Тракторы, гоняясь по лесу за баптистами, поломали кустарник и молодняк. Многие дружинники были навеселе...» [21]

Необходимость постоянно отстаивать свободу совести и религиозной жизни способствовала развитию правосознания в среде баптистов. В связи с тем, что верующим в СССР закрыт доступ к образованию, а этика верующих не одобряет сокрытия принадлежности к церкви, подавляющее большинство баптистов — люди с не более чем средним школьным образованием и зарабатывают на жизнь физическим трудом. По свидетельству Георгия Винса, большинство старшего и среднего поколения баптистов — рабочие, и лишь среди молодежи появилась некоторая прослойка со средним техническим образованием. Но уровень юридической грамотности среди баптистов выше даже, чем среди образованной части советского общества. Логика борьбы за свободу вероисповедания сделала сторонников Совета Церквей ЕХБ борцами за гражданские права. Многолетнее коллективное сопротивление власти ради духовной независимости выработало твердую гражданскую позицию и развило у баптистов чувство собственного достоинства и

солидарность. По гражданским понятиям и нравственным представлениям они гораздо ближе к людям Запада, чем основная масса советского населения.

Еще в феврале 1964 г. баптисты-«инициативники» создали правозащитную ассоциацию — Совет родственников узников евангельских христиан-баптистов. Этот выборный орган возник как временный в период репрессий, усилившихся в связи с происходившей тогда внутрицерковной борьбой, но стал постоянным из-за постоянства гонений за независимые баптистские общины. Совет родственников принял на себя следующие обязанности: собирать и распространять информацию об арестах и осуждениях среди единоверцев; собирать информацию об отобрании детей у родителей за воспитание их в религиозном духе; о разгонах молитвенных собраний, штрафах, конфискациях домов, в которых проводились богослужения; об увольнениях с работы; притеснениях детей в школах за то, что они верующие и т.д.; обращаться в правительство с ходатайствами об освобождении узников, возвращении детей и прекращении других репрессий против баптистов; помогать материально и другими способами узникам и их семьям.

Первым председателем Совета стала Лидия Винс — жена баптистского проповедника Петра Винса, погибшего в сталинских лагерях, и мать Георгия Винса. Она бессменно возглавляла Совет в течение 15 лет (исключая 1970-1973 гг., когда сама оказалась в лагере).

Юридическому и нравственному просвещению баптистов весьма способствует созданный ими самиздат — самостоятельное распространение идей и информации с помощью пишущей машинки или гектографа.

Начало баптистского самиздата относится к 1960 г., когда Инициативная группа стала распространять по общинам свои обращения этим единственным способом, возможным в советских условиях для людей, не поддерживаемых властями. Инициативная группа стала время от времени выпускать «Братский листок» с информацией о своей деятельности и с обращениями к единоверцам на религиозные и общественные темы. С 1964 г. он стал выходить регулярно — раз в месяц. Совет Церквей ЕХБ сохранил это издание как свой информационный орган.

С 1963 г. стал выходить духовно-назидательный журнал баптистов-инициативников «Вестник спасения». В 1976 г. он изменил название на «Вестник истины», и под этим названием издается до сих пор.

Совет родственников узников ЕХБ с 1964 г. выпускал «Чрезвычайные сообщения» по поводу очередных репрессий. С 1971 г. стал издаваться раз в два месяца «Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ» (позднее он стал ежемесячным).

Все баптистские общины испытывают нужду в религиозной литературе — Евангелиях, сборниках духовных гимнов и т.п. ВСЕХБ время от времени печатает такую литературу по разрешению властей, но в очень мизерных количествах и только для «своих» общин. Долгие годы вся неофициально выпускаемая баптистская литература печаталась на гектографе. Этим способом невозможно было обеспечить баптистские общины религиозной литературой в достаточном количестве.

В 1966 г. Совет Церквей ЕХБ обратился с официальной просьбой разрешить отпечатать 10 тысяч Евангелий и 5 тысяч сборников духовных гимнов. Но власти даже не ответили на этот запрос. Нужда в религиозной литературе подтолкнула баптистов на создание собственной типографии и собственного издательства. Оно получило название «Христианин».

Печатный станок был изготовлен по чертежам верующих и ими собран. Печатниками тоже стали верующие, специально этому обучившиеся. Издательство

«Христианин» вынуждено скрывать имена своих работников и местонахождение типографии.

В июне 1971 г. только возникшее издательство «Христианин» обратилось к председателю Совета Министров СССР Косыгину с уведомлением о начале деятельности издательства. В заявлении говорилось:

> *«Издательство «Христианин» — это добровольное общество верующих ЕХБ, объединившихся для издания и распространения религиозной литературы. Содержится издательство на добровольные пожертвования верующих, и поэтому распространяет литературу безвозмездно».* [22]

К 1983 г. издательство «Христианин» отпечатало около 0,5 млн. Евангелий и духовных сборников на русском, украинском, молдавском, грузинском, осетинском, немецком и других языках. [23] Стали изготовлять типографским способом «Братский листок», «Вестник истины» и Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ.

За десятилетие со времени учреждения издательства «Христианин» несколько раз были раскрыты его типографии. Впервые это удалось лишь спустя три года после начала его деятельности: в октябре 1974 г. типография на латышском хуторе Лигукалис была выслежена с вертолета. Семеро работников типографии были арестованы, печатный станок конфискован, как и 9 тонн бумаги и уже отпечатанные 15 тысяч Евангелий. [24]

Затем такие же типографии были раскрыты: в 1977 г. в Ивангороде Ленинградской области, [25] в январе 1980 г. — в селе Старые Кодаки на Украине, [26] и в июне 1980 г. — в селе Гливенки Новороссийской области, [27] в 1982 г. — в городе Токмаке (Киргизия). [28]

Работников подпольных типографий судят, как правило, по ст. 190-1 УК РСФСР (»клевета на советский строй») и одновременно — за «занятие запрещенным промыслом». Стандартный приговор — 3 года лагеря общего режима.

В борьбе за самостоятельность церкви и за свободу совести Совет Церквей ЕХБ и Совет родственников узников ЕХБ апеллировали к своим единоверцам не только в СССР, но и за рубежом, так что ВСЕХБ перестал быть единственным источником информации о положении баптистов в СССР.

В мае 1970 г. приезжал в СССР президент Всемирного Совета ЕХБ У. Толберт. Он был принят ВСЕХБ, по его собственным словам, «по-королевски». Во время посещения Толбертом ленинградской общины, признающей ВСЕХБ, в незарегистрированной ленинградской общине было разогнано молитвенное собрание. Верующих не пускали в молельный дом, но держали в милицейском оцеплении, чтобы никто из них не смог попасться на глаза высокому гостю. Информация, которую Толберт привез из СССР, была весьма благоприятной для СССР и для ВСЕХБ. [29] Однако многократные обращения к международной общественности независимых от ВСЕХБ Совета Церквей ЕХБ и Совета родственников узников ЕХБ пробили брешь в стене дезинформации. Вскоре после Толберта — в августе 1970 г. — в СССР в качестве туриста приехал миссионер-баптист из Дании Ульф Ольденбург. Он посетил гонимые общины баптистов в Средней Азии. Ольденбурга выслали из СССР, но он смог рассказать многое, чего не увидел Толберт. [30]

Руководство Всемирного Совета ЕХБ и сейчас продолжает официальные отношения с ВСЕХБ. Продолжаются официальные визиты баптистских религиозных деятелей из-за рубежа, но происходят и туристские визиты к сторонникам Совета Церквей (примерно по 800 баптистов в год посещают СССР). [31] Значительная часть баптистской общественности Запада встала на сторону гонимых. В баптистских общинах на Западе собирают средства, которые передаются Совету родственников узников ЕХБ, и тот распределяет их между семьями узников. Десятки тысяч подписей баптистов США с требованием освободить Георгия Винса — секретаря СЦ ЕХБ, вновь арестованного в 1974 г., несомненно, способствовали тому, что Винс оказался среди советских политзаключенных, которые были освобождены в обмен на советских шпионов весной 1979 г. Президент Картер (баптист по вероисповеданию) принял делегацию председателя ВСЕХБ, [32] но затем встретился с Георгием Винсом.

Г. Винс организовал заграничное представительство Совета Церквей ЕХБ в США, в штате Индиана. Лидия Михайловна Винс стала зарубежным представителем Совета родственников узников ЕХБ. Задача их совместного представительства — оперативно информировать западную общественность и правительства Хельсинкских стран о положении баптистов в СССР, организовывать помощь с Запада гонимым верующим и общинам.

Многолетняя правозащитная деятельность баптистов способствовала выходу их из изоляции и внутри страны, их контактам с правозащитниками, что в силу специфики советских условий было, может быть, не менее трудно, чем преодолеть международную дезинформацию.

Первое упоминание о баптистах в информационном бюллетене правозащитников «Хронике текущих событий» содержится в пятом выпуске (декабрь 1968 г.): в поле зрения «Хроники» попало письмо Киевской общины ЕХБ в защиту Г. Винса. Следующее сообщение о баптистах в «Хронике» относится к 1970 г. — это были сведения об арестах баптистов в 1969-1970 гг. на юге СССР. Насколько неполна тогда была информация «Хроники» о баптистах, можно видеть по тому, что с 1968 г. по 1975 г. ХТС сообщила о 21 аресте среди них, а Совет родственников узников ЕХБ знал о 110 своих единоверцах, находящихся в заключении на 1 июня 1975 г.

Лишь с 1974 г. информация о баптистах стала постоянной — была налажена передача в «Хронику» очередных выпусков Бюллетеня Совета родственников узников ЕХБ.

Первое выступление московских правозащитников в защиту гонимых баптистов тоже относится к 1974 г. Инициативная группа защиты прав человека в СССР и академик А.Д. Сахаров обратились к международной общественности в связи с делом Г. Винса. [33]

В 1976 г., сразу после создания Московской Хельсинкской группы, баптисты обратились в группу с жалобой на отобрание детей у верующих родителей. МХГ выпустила по этому поводу документ «О преследованиях религиозных семей». [34]

5 декабря 1976 г. сын Г. Винса Петр Винс с группой молодых баптистов принял участие в традиционной демонстрации правозащитников на площади Пушкина в Москве. Они бросили А.Д. Сахарову, зажатому в кольцо кагебистов и дружинников, букет красных гвоздик. [35] В 1977 г. Петр Винс стал членом Украинской Хельсинкской группы. [36]

Динамика арестов евангельских христиан-баптистов такова: за 10-летие с 1961 по 1970 гг. были арестованы 524 человека (около 200 из них — в период наиболее

активной борьбы за съезд, с 1961 по 1963 гг.). Среди этих 524-х были 44 женщины, 8 человек за эти 10 лет умерли в заключении. В 1971 г. было 48 арестов, в 1972 — 53, в 1973-1975 гг. — 70. На 1 января 1980 г. в заключении находилось 49 баптистов, [37] к маю 1982 г. их стало 158, что составило половину всех находившихся тогда в заключении «за веру».

Усиление репрессий не только в учащении арестов, но и в увеличении численности женщин среди арестованных, и в ужесточении приговоров. [38]

Постоянные преследования сократили численность приверженцев независимой баптистской церкви. Если во второй половине 60-х годов, сразу после ее отделения, к Совету церквей отошло не менее 50% всех баптистов, в 80-е годы остались ему верны около 2000 общин, примерно 70 тысяч взрослых членов. [39] Остальные скрепя сердце согласились на регистрацию: подвижничество — всегда удел меньшинства. Однако только благодаря подвижничеству независимых общин баптистская церковь сохраняет относительную независимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника» (ХТС), вып. 45, с. 107.
2. ХТС, вып. 35, с. 15; Архив Самиздата Радио «Свобода», Мюнхен, (АС), № 871, к, с. 32 (т. 15).
3. АС № 770, с. 123; № 771, с. 18 (т. 14).
4. АС № 773, т. 14.
5. АС № 772, с. 15; № 770, с. 129 (т. 14).
6. АС № 770, с.с. 4-9.
7. АС № 770, с.с. 9-18.
8. АС № 880, с. 6 (т. 15).
9. АС № 772, с. 5; № 770, с.с. 142-143.
10. АС № 662, с.с. 4-5 (т. 14).
11. АС № 771, с.с. 57-58; № 770, с.с. 142-143.
12. АС № 771, с.с. 58-62; № 770, с.с. 207-215.
13. Г. Якунин. О современном положении РПЦ и перспективах религиозного возрождения России. — «СССР: Внутренние противоречия», под ред. В. Чалидзе. Нью-Йорк, Chalidze Publications, вып. 3, с. 189.
14. Там же, с. 191.
15. АС № 770, с.с. 234-236; № 771, с.с. 68-70.
16. ХТС, вып. 34, с.с. 70-71; АС № 881 (т. 15).
17. Списки политзаключенных СССР, под ред. Кронида Любарского, Мюнхен, вып. 4, 1982; вып. 5, 1983.
18. ХТС, вып. 54, с.с. 104-105; вып. 60, с.с. 72-73.
19. ХТС, вып. 48, с. 122.
20. ХТС, вып. 49, с. 63.
21. ХТС, вып. 51, с.с. 131-132.
22. АС № 878 (т. 15).
23. Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ, изд-во «Христианин», февраль 1983, № 111; «Вести из СССР», 1982, вып. 5, № 1.
24. ХТС, вып. 34, с. 51.
25. ХТС, вып. 46, с. 43.
26. ХТС, вып. 56, с.с. 89-90.
27. «Вести из СССР», 1980, вып. 15, № 1; вып. 7, № 3.

28. Там ж, 1982, вып. 5, № 1.
29. АС № 871, с.с. 11-18 (т. 15).
30. АС № 865 (т. 15).
31. АС № 770, с. 124.
32. ХТС, вып. 48, с. 136.
33. ХТС, вып. 34, с. 51.
34. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Нью-Йорк, изд-во «Хроника», вып. 1, с.с. 52-64.
35. ХТС, вып. 43, с.с. 21-22.
36. ХТС, вып. 44, с. 28.
37. Мои подсчеты по данным Совета родственников узников ЕХБ, (Keston College, London).
38. Список политзаключенных СССР, вып. 4, 1982; вып. 5, 1983.
39. Л. Алексеева.

ПЯТИДЕСЯТНИКИ

Это религиозное течение в его нынешнем виде существует в России с начала XX века. Большую роль в распространении пятидесятничества сыграл выдающийся проповедник Иван Воронаев, американец русского происхождения, прибывший в 1921 г. из США в Одессу, где он и начал свою проповедь. Вероучение пятидесятников в послереволюционные годы, когда их не преследовали как «сектантов», быстро распространилось. К 1928 г. в СССР было 200 тысяч пятидесятников. [1] Они исповедуют спасение не только верой, но и делами, видя главную добродетель христианина в честной трудовой и семейной жизни. Название «пятидесятники» объясняется их особым вниманием к событию, произошедшему, согласно библейской истории, на пятидесятый день после воскресенья Христа: на апостолов снизошел в этот день Святой Дух, и они заговорили на неведомых им языках. Это было понято как знак, что они должны проповедовать христианство другим народам.

Упор доктрины пятидесятников на проповедничество стал причиной постоянных гонений на них. В 1929 г. изменилась политика советских властей в отношении религии. До 1941 г. пятидесятников в массовом порядке осуждали на 20-25 лет лагерей. Нередки были и расстрелы. Часть долгосрочников выпустили из лагеря после смерти Сталина, но некоторые досидели свои сроки. Многие не вернулись из лагерей — погибли там, в их числе — Иван Воронаев. Он отстал от колонны заключенных по дороге с работы в лагерь из-за сильной усталости. Конвоиры спустили на него сторожевых собак. Он был искусан так, что через несколько часов умер. Лишь спустя годы после его гибели жена Воронаева с двумя детьми смогла вернуться в США. [2]

Спасаясь от преследований, общины пятидесятников часто переселялись с места на место. Сейчас они есть и на крайнем западе СССР — в Прибалтийских республиках, и на Дальнем Востоке — в Находке и во Владивостоке, а также во многих местах по пути продвижения пятидесятников на восток и на запад: в Ровенской, Житомирской, Калужской областях, на Украине, в Ставропольском и в Краснодарском краях, в Азербайджане, в Грузии, в Сибири и в Средней Азии.

После нового поворота государственной политики по отношению к религии, в 1945 г. пятидесятникам было предложено зарегистрироваться в Совете по делам религий и культов. Зарегистрировавшиеся общины пятидесятников были формально отнесены к Всесоюзному Совету Евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), своего религиозного центра им не дали создать. В отличие от баптистских общин, которые власти регистрировали выборочно, всем пятидесятниче-

ским общинам предлагали регистрацию и даже понуждали к ней. Однако условия ее таковы, что под запретом оказываются важные стороны религиозной жизни: воспитание детей, молодежные и женские собрания, проповедническая, миссионерская и благотворительная деятельность, некоторые религиозные обряды. Поэтому примерно половина пятидесятников отказались от регистрации. [3] По словам пятидесятника Василия Патрушева,

> *«... здесь нет выбора: или мы становимся преступниками перед государством, отказываясь подчиниться требованиям Положения о регистрации и соблюдая все заповеди Христа, или мы становимся преступниками перед Богом, подчиняясь требованиям государства».* [4]

Несовместимость религиозных установок пятидесятников с официальными советскими определяет их жизнь буквально с детства. Дети уже в школе на собственном опыте убеждаются в несправедливой враждебности окружающих по отношению к ним — «сектантам». Получая религиозное воспитание, дети отказываются быть октябрятами, пионерами, а затем и комсомольцами. Это навлекает на них травлю: снижение отметок, проработки на школьных собраниях, избиения другими детьми, иногда — спровоцированные учителями. Учителя пристрастно расспрашивают детей о домашней обстановке; добиваются, чтобы дети обвинили родителей в принуждении к исполнению религиозных обрядов, посещению молитвенных собраний и т.д. Если дети делают такие признания, возможно возбуждение уголовного дела против родителей. Их могут лишить родительских прав и забрать детей в интернат, где их усиленно «перевоспитывают».

Известны такие судебные процессы против пятидесятников (как и против баптистов, адвентистов и др.).

Усвоенный в детстве урок несправедливости по отношению к ним — «сектантам» — запоминается на всю жизнь, тем более, что и далее она преподает такие же уроки.

Тяжелым испытанием для юношей-пятидесятников является обязательная военная служба. Пятидесятническая доктрина запрещает приносить присягу, носить оружие и убивать людей. Отказ от присяги грозит лагерным сроком до 5 лет. Однако такие отказы нередки не только по религиозным соображениям, но и опять-таки из-за невыносимо тяжелой атмосферы в армии, вдали от своих единоверцев. Нередки жестокие избиения молодых солдат-пятидесятников, иной раз до искалечивания. [5] «Хроника» сообщает, что в Ровенской области в мае 1977 г. отказались идти в другие воинские части, кроме строительных или санитарных, 160 пятидесятников-призывников. [6]

Получение образования — почти неразрешимая проблема для молодых пятидесятников. Большинство их из-за тяжелой обстановки в школе ограничивается обязательным в СССР 8-летним школьным обучением. Если же кто-то из них все-таки заканчивает 10-летний курс, они получают характеристику, с которой путь в вуз закрыт. «Придерживается активных антисоветских взглядов», — обычный оборот в школьных характеристиках для таких детей. Так что люди с высшим образованием среди пятидесятников довольно редки, но и они, как правило, не получают должностей, соответствующих квалификации, а заняты физическим трудом. Пятидесятников не продвигают по работе, как бы хорошо они ни работали.

«Мастер или инженер — прежде всего воспитатель, — объяснил пятидесятнику Евгению Брисендену начальник ИТК-27 Приморского края Богданович. — Воспитатели, имеющие религиозные убеждения, воспитатели-пятидесятники нам не нужны». [7]

Пятидесятники обычно занимают самые низкооплачиваемые и незавидные должности, на которые большой спрос, — строительных рабочих, сторожей, уборщиц, санитарок и т.д., и все-таки часто подвергаются увольнениям по требованию партийного начальства, блюдущего «идеологическую монолитность» коллектива.

Незарегистрированные общины постоянно подвергаются преследованиям, чаще всего штрафам, за молитвенные собрания. Жилые дома, в которых собираются пятидесятники для общей молитвы, могут быть конфискованы или даже разрушены. Зимой 1971 г. в Черногорске Красноярского края власти разогнали молящихся брандспойтом, а дом снесли бульдозером. В «Хронике» № 37 помещено сообщение о разгоне свадьбы пятидесятников, в «Хронике» № 49 — о разгоне похорон. [8]

Сейчас арест не грозит каждому пятидесятнику, просто за принадлежность к этой церкви, как это было в 1929-1945 гг., но все-таки заключение — нередкая мера по отношению к руководителям общин и пресвитерам пятидесятников. На судебных процессах им чаще всего предъявляют статью о религиозной пропаганде, иногда — статьи 190 или 70, т.е. о «клевете на советский строй» и об «антисоветской пропаганде». Случается, что священнослужителей пятидесятников обвиняют в расстройстве психики верующих изуверскими обрядами и даже в убийстве с целью жертвоприношения. В 1960 г. пресвитер пятидесятников Иван Федотов был осужден на 10 лет заключения за то, что он якобы склонял женщину из своей общины убить дочь. Такие судебные процессы сопровождаются разнузданной клеветой в прессе. Из-за невежественности советских людей относительно религии и застарелого предубеждения против «сектантов» даже среди верующих, в массе — православных, имеется почва для успеха самых невероятных поклепов. Антирелигиозная пропаганда такого сорта создает вокруг «сектантов» атмосферу общей настороженности, а то и ненависти. Жена епископа пятидесятников Николая Горетого рассказывает, что в детской больнице, где она работала уборщицей, врач сказала ей:

— Нам очень нужен работник на кухне, но я не могу перевести туда вас, так как о вас известно, что вы сектантка, и люди будут бояться, что вы отравите пищу детей.

Это говорилось женщине, которая родила 14 детей и растила их в невероятно трудных условиях. [9]

В ноябре 1980 г. в Ярославле погибла от взрыва газовой плиты молодая женщина Золотова и ее годовалый сын. Представители власти, зная, что Золотовы — пятидесятники, разработали две версии: Золотова из религиозного фанатизма убила сына, а затем себя; их обоих убил Золотов — опять же из фанатизма. В ночь после этой трагедии милиционеры ворвались в дом родителей погибшей и силой отобрали двух оставшихся в живых детей. До утра продержали в милиции из опасения, что и они будут убиты. [10]

Еще более распространена версия, что «сектанты» лишь прикрывают религиозностью корыстные соображения и «служат Западу» за доллары, что среди них

скрываются «американские шпионы» и т.п. «Долларовая» версия легко усваивается окружающими, так как разъясняет в понятных терминах чуждый жизненный уклад: пятидесятники с их протестантской этикой, возводящей трудолюбие и добросовестность в ранг важнейших добродетелей, к тому же совершенные трезвенники, держатся общиной, основанной на братской взаимопомощи, и несмотря на огромные семьи (нередко по 10 и более детей) живут лучше своих соседей. А в кино показывают их молящимися на пустынном берегу (куда они удаляются в надежде избежать вмешательства властей) и объясняют: они ждут ковчега с американскими долларами.

В городе Малоярославце епископ пятидесятников И. Федотов несколько раз получал из-за границы посылки с одеждой — подарки его общине от единоверцев. Об этом была статья в местной газете под заголовком «Федотовым за все платят»:

> *«Посылки — не что иное как гонорар за отправленный за рубеж пасквиль на свою родину, а частично и аванс, который надо отработать новой клеветой на нашу действительность».* [11]

В газетах часто обвиняют «сектантов» в том, что они отгораживают свою молодежь от жизни, запрещают ходить в кино, на танцы и т.д. На самом деле пятидесятническая молодежь обречена на замкнутость не религиозным запретом, а предрассудками окружающих: появление молодых пятидесятников в общественных местах нередко выливается в их травлю вплоть до избиений. Натравливание на пятидесятников имеет целью нейтрализовать их проповедническую активность.

Несмотря на тяжелые испытания, ожидающие каждого, становящегося «сектантом», пятидесятнические общины (как и баптистские и других протестантов) постоянно растут — не только за счет детей из пятидесятнических семей, которые за редким исключением все остаются приверженцами этого вероучения, но и за счет новообращенных. Католические деятели Литвы в обзорном докладе о религиозной жизни в СССР указывают как на наиболее успешных проповедников на иеговистов, адвентистов и пятидесятников, которые

> *«... нашли подходящие для Советского Союза методы», «создали стойкую организацию» и воспитали в себе «апостольский дух, не удержимый ни муками, ни смертью».* [12]

Среди враждебной массы населения пятидесятники в своем проповедническом рвении постоянно находят людей, истосковавшихся по одухотворенной, праведной жизни, по человеческому участию, и привлекают их в свои общины, нравственная атмосфера в которых разительно отличается от советского быта с его повальным пьянством, разобщенностью и отчуждением людей.

Отличие нравственных установок от общепринятых, предубежденность окружающих и постоянные гонения развили среди пятидесятников поразительную сплоченность. Они зовут друг друга братьями и сестрами не только по традиции, они чувствуют себя одной большой семьей во враждебном мире, действительно по-братски помогают друг другу. Вся жизнь их построена на взаимопомощи — как внутри общины, так и между общинами. Эти узы заменяют пятидесятникам все остальные, в том числе национальные. Не случайно, например, между много-

численными на Украине протестантскими общинами и участниками национального движения нет контактов: протестантам чужды национальные эмоции, они глухи к национальным проблемам. Для них братом становится человек любой национальности, принявший их вероучение.

Официальная статистика косвенно подтверждает распространение пятидесятничества, указывая ныне ту же их численность, что и в 1928 г.

Этим признается, что уже «покрыта» убыль от тотальных гонений, начавшихся в 1929 г. и стоивших жизни значительной части «сектантов». Однако официальная статистика всегда преуменьшает данные, рост которых нежелателен для властей. К тому же официально считаются пятидесятниками только в качестве таковых зарегистрированные. Сами пятидесятники считают, что регистрированные общины составляют половину их общей численности. Представитель незарегистрированных советских пятидесятников на Западе Аркадий Полищук оценивает общую численность приверженцев этого вероучения в СССР в 1 млн. человек. [13]

Возможно, постоянная дискриминация в гражданской и частной жизни способствовала тому, что вскоре после войны, в конце 40-х годов, вероучение пятидесятников дополнилось идеей выхода из СССР. Идея эта основывается на вере, что вот-вот на эту безбожную страну должна излиться чаша гнева Господня. Перед этим Господь выведет из грешной земли евреев, как избранный народ (их эмиграция уже началась!) и праведников. Однако воля Его не исполнится сама собой, долг истинных христиан-праведников активно стремиться к исходу.

В 1965 г. пятидесятник Василий Патрушев составил список единоверцев, желавших эмигрировать, а пятидесятник Федор Сиденко, водопроводчик гостиницы «Восток» во Владивостоке, передал этот список остановившемуся в гостинице японскому торговому представителю для пересылки в ООН. Патрушев и Сиденко отбыли за это лагерные сроки, а отклика из ООН не было.

С весны 1973 г. началось последовательное движение пятидесятников за выезд из СССР. Члены двух общин — из Находки на Дальнем Востоке и Черногорска в Красноярском крае — обратились к властям за разрешением на выезд. Но от них потребовали вызовы от родственников или от правительств тех стран, куда они стремятся выехать, и отказались без таких вызовов принять документы.

Пятидесятник Евгений Брисенден отправился в Москву и разыскал правозащитника Павла Литвинова, имя которого он знал из передач зарубежного радио (многие пятидесятники регулярно слушают передачи зарубежного радио). В феврале 1974 г. московские правозащитники передали иностранным корреспондентам письмо Брисендена и пресвитера Георгия Ващенко, в котором они от имени 20 своих единоверцев обратились в ООН с просьбой помочь им выехать в Израиль или в Австралию. Они обратились также к президенту США и к христианам мира, прося о содействии в получении разрешения на выезд советским пятидесятникам. В мае 1974 г. правозащитники познакомили Брисендена и Ващенко с иностранными корреспондентами, и они сами рассказали о преследованиях пятидесятников и о их борьбе за выезд. После этого был разрешен выезд семье Брисендена и позже — еще нескольким семьям. Остальные получили отказы или вовсе не имели ответа. [14]

С визита Брисендена началась связь пятидесятников с московскими правозащитниками. Десятилетиями жившие в полной изоляции пятидесятники были рады рассказать сочувствующим им людям о своих горестях. Именно с этого

времени пятидесятники стали выпускать, сначала непериодически, сообщения о преследованиях их общин и о борьбе за эмиграцию. Эти сообщения назывались «Информационная служба христиан веры евангельской — пятидесятников», а затем — «Факты и только факты». С 1976 г. эти выпуски стали выходить примерно раз в два месяца, благодаря чему информация о пятидесятниках в «Хронике текущих событий» тоже стала постоянной. Впервые сообщение о положении пятидесятников появилось в «Хронике» в 32-м выпуске, т.е. в 1974 г., в связи с выступлениями Ващенко и Брисендена. Начиная с 1976 г. эти сообщения имеются в каждом выпуске «Хроники» в двух разделах: «Преследования верующих» и «Право на выезд».

В 1975 г. к общинам, заявившим о намерении эмигрировать, присоединилась еще одна — из станицы Старотитаровская Краснодарского края. Пресвитер этой общины Николай Горетой стал ведущей фигурой эмиграционного движения пятидесятников.

Николай Горетой (1921 г.р.) — бывший фронтовик, перенесший тяжелые ранения, школьный учитель черчения и рисования, пока его в 1947 г. не избрали пресвитером незарегистрированной общины пятидесятников. В связи с этим он был вынужден оставить школу и зарабатывать на жизнь физическим трудом (маляр, штукатур и т.п.). Спасая себя и членов своей общины от арестов и отобрания детей, Горетой со своей паствой сменил несколько городов, двигаясь все далее на восток — до Находки на Тихом океане. Здесь в 1961 г. Горетой был арестован и провел 3,5 года в лагере и 5 лет в ссылке. После освобождения, в начале 70-х годов, он обосновался в Старотитаровской в Краснодарском крае. [15]

Старотитаровская община насчитывает около 100 взрослых членов (с детьми намного больше; у Горетого 11 детей и 22 внука). В Старотитаровской, в Находке, Черногорске и нескольких других общинах, добивающихся эмиграции, в 1975 г. были созданы Советы по эмиграции для координации усилий этих общин в борьбе за выезд. Летом 1976 г. члены эмиграционных советов Находки и Старотитаровской обратились с просьбой о помощи в Московскую Хельсинкскую группу. С помощью москвичей пятидесятники составили сборник «Выходи из нее, народ мой» — более 500 машинописных страниц. Это история пятидесятнических семей, добивающихся эмиграции — безыскусные рассказы о преследованиях пятидесятников в СССР в четырех поколениях. [16]

1 декабря 1976 г. МХГ представила членов эмиграционных советов пятидесятников западным корреспондентам, передав им сборник и собственное ходатайство правительствам стран — партнеров Советского Союза по Хельсинкским соглашениям способствовать эмиграции пятидесятников принять их в свои страны, исходя из обязательств СССР по Заключительному Акту.

МХГ напомнила, что

«... религиозные диссиденты, бежавшие от государственных преследований, внесли немалый вклад в развитие таких государств — участников совещания в Хельсинки, как США и Канада». [17]

По поручению МХГ москвичка Лидия Воронина побывала в пятидесятнических общинах Находки и Старотитаровской, чтобы на месте выяснить положение пятидесятников. Она провела в обеих общинах по нескольку дней, разговаривала с представителями почти каждой семьи в Старотитаровской и более чем с

40 пятидесятниками в Находке, посетила их собрания, слушала выступавших и выступала сама, отвечая на многочисленные вопросы. Поддержка МХГ произвела очень сильное впечатление на пятидесятников. После десятилетней изоляции они встретили сочувственное внимание — и где? — в самой Москве, которая в замкнутом советском обществе — единственное окно в мир. Это было воспринято в пятидесятнических общинах как долгожданный поворот к лучшему. В отличие от среднего советского человека, подозрительно настроенного по отношению к неизвестному ему Западу, для пятидесятников (и вообще для протестантов) Запад — это христианский мир, мир их единоверцев.

Они полагали, что только из-за неосведомленности об их положении их свободные и могущественные единоверцы не помогают им так же самозабвенно, как пятидесятнические общины в СССР помогают друг другу, а после прорыва изоляции все чудесно изменится. Эти представления подкрепила реакция властей на контакты пятидесятников с Московской Хельсинкской группой.

Во время путешествия Ворониной по пятидесятническим общинам за ней следовал постоянный «хвост» из нескольких кагебистов. Во время ее пребывания в Старотитаровской пятидесятников вызывали в сельсовет — выясняли цель ее приезда. Когда Воронина уезжала из Находки, в машину был брошен камень — он разбил стекло, но, к счастью, никого не задел. Сразу по возвращении в Москву к Ворониной пришли с обыском и отобрали все записи, сделанные в поездке. В Находку прибыли официальные служители пятидесятников. Они убеждали не общаться с Московской группой Хельсинки:

— Мы должны ждать помощи от Бога, а не от каких-то левых сил, — говорили они на собрании. [18] Московскому пятидесятнику Анатолию Власову, тоже имевшему контакты с МХГ, «посоветовали» заниматься только религиозными делами и не поддерживать правозащитников. [19] Все это указывало на встревоженность властей по поводу прорыва пятидесятников из изоляции.

В Приморском крае органы власти создали Комитет по защите прав верующих, имитирующий независимые общественные организации. В этот комитет вошел уполномоченный по делам религий, учителя и какие-то люди, не объяснившие, кто они такие. Члены комитета обходили дома пятидесятников, уговаривая их забрать заявления. Одним они сулили за это квартиры, доступ к образованию, хорошую работу; другим — угрожали, читали письма от эмигрировавших пятидесятников с описанием тяжелой жизни их единоверцев за рубежом. Такая обработка велась повсеместно. Пятидесятнице Ольге Красун из Ровно обещали, если она откажется от эмиграции, перевести на работу ближе к дому, повысив зарплату и не препятствовать поступлению в институт; пастору Николаю Кунице из Дубно — начальническую должность во ВСЕХБ и заграничные командировки. [20]

Одновременно всевозможными способами препятствовали оформлению документов на эмиграцию. Чаще всего отказывались принимать заявления, ссылаясь на отсутствие вызова. А вызовы перехватывали на почте. В Находке 47 семей пятидесятников, которым были высланы вызовы из США, получили их лишь после 10-дневной коллективной голодовки в дни Белградского совещания стран — партнеров по Хельсинкским соглашениям. В то же время епископу Николаю Горетому пообещали разрешить выезд его семьи, если он подаст документы отдельно, без остальных членов общины — он отказался. [21]

Решимость пятидесятников добиваться выезда целыми группами и даже общинами имеет глубокие духовные, исторические и психологические корни и яв-

ляется особенностью этого эмиграционного движения, как и то обстоятельство, что пятидесятники в большинстве принадлежат к «коренным нациям» (русские и украинцы) и, в отличие от евреев и немцев, не могут мотивировать просьбу о выезде стремлением на «историческую родину». Пятидесятники указывают истинную причину эмиграции — желание избавиться от религиозных преследований. Власти же заявляют, что эмиграцию по религиозным причинам они не признают и никогда не признают.

Видимо, чтобы предотвратить разрастание пятидесятнического движения за эмиграцию, были прекращены крайние формы давления: в 1976 г. не было арестов и прекратилось отнятие детей за религиозное воспитание. Резко снизилось и давление на незарегистрированные общины за проведение молитвенных собраний. Впервые за 45 лет пятидесятников перестали терзать за эти собрания штрафами и вызовами на «беседы» в милицию и КГБ. [22] В дополнение, власти развернули кампанию за регистрацию под лозунгом создания «союза автономных пятидесятников» (до сих пор зарегистрированные общины пятидесятников находились в ведении ВСЕХБ). Речь шла о том, чтобы в октябре 1978 г. провести учредительный съезд «автономников».

После регистрации власти обещали снять значительную часть ограничений, тяготевших над пятидесятниками. [23] В подкрепление этих обещаний зарегистрировавшейся подмосковной общине предоставили молельный дом в новом строении и даже не стали брать налогов за него. [24] Однако эти посулы мало кого соблазнили, поскольку

> *«...к эмиграции пятидесятников толкнуло не какое-то отдельное событие последних лет, а вся их жизнь на протяжении всего существования советской власти»*

и временные ослабления репрессий по конъюнктурным соображениям не могли заставить их забыть о несовместимости их вероучения с советской идеологией.

> *«Если в программе партии записано, что коммунизм и религия несовместимы и цель этой страны — построение коммунизма, — говорил Борис Перчаткин, член эмиграционного совета в Находке, — то, естественно, нам не на что надеяться. В никакое улучшение нашего положения, даже если нам теперь пообещают его, мы не верим, принимая во внимание весь многолетний опыт наших дедов, отцов и наш собственный. Единственный выход для нас — эмиграция».* [25]

Надежды пятидесятников на эмиграцию очень укрепились с избранием президентом США баптиста Картера. Это убеждало во влиятельности их единоверцев в самой могучей стране свободного мира. Они надеялись, что при президенте-баптисте они получат от Соединенных Штатов такую же поддержку, какую эта страна в течение многих лет оказывала еврейской нации. Видимо, эти надежды способствовали разрастанию эмиграционного движения пятидесятников. В феврале 1977 г. около 1 тысячи пятидесятников заявили о желании покинуть СССР. К маю стали добиваться эмиграции 1700 верующих (к пятидесятникам присоединились баптисты, но пятидесятники сильно преобладают в списках подавших на эмиграцию по религиозным мотивам). Еще через месяц численность подавших заявления увеличилась до 3,5 тысяч, к сентябрю — до 10 тысяч. К декабрю 1977 г. подали заявления 20 тыс. человек. В 1979 г. численность их возросла до 30 тыс. человек. [26]

Пятидесятники Ровенской и Брестской областей, с Кавказа и из Ростовской области, с Украины и из Эстонии, из-под Ленинграда и из Черногорска писали «своему президенту» Картеру — они просили его официально заявить советскому правительству, что им разрешен въезд в США и ходатайствовать перед Брежневым, чтобы он отпустил их. [27]

В июне 1977 г. 3500 пятидесятников и баптистов, добивающихся эмиграции, обратились к Брежневу с заявлением, в котором перечислили свои требования: упростить процедуру оформления выездных документов; разрешить эмигрировать группами и общинами, а не в семейно-индивидуальном порядке; не призывать в армию и досрочно демобилизовать намеревающихся эмигрировать; снизить малообеспеченным семьям оплату за выезд или разрешить воспользоваться финансовой помощью зарубежных верующих. [28]

Борьба за религиозную свободу и за право эмиграции логически привела пятидесятников к участию в общем движении за права человека. Подписи активистов пятидесятников стоят под совместными обращениями Христианского комитета защиты прав верующих в СССР и Московской Хельсинкской группы о необходимости создания международной Хельсинкской комиссии, [29] а также под коллективным письмом в защиту арестованных (февраль — март 1977 г.) членов Московской Хельсинкской группы Юрия Орлова, Александра Гинзбурга и Анатолия Щаранского. В отдельном письме, которое подписали 500 пятидесятников, их епископ Николай Горетой призывал христиан всего мира молиться за арестованных членов Группы Хельсинки:

«Нет большей любви, как положить душу за брата своего. Этот завет Христа Александр Гинзбург, Юрий Орлов и Анатолий Щаранский выполнили до конца.
... В 60-е годы в Советском Союзе прошли сотни судебных процессов над нашими братьями христианами-пятидесятниками. Нас отправляли в лагеря, в психиатрические больницы и в ссылку, у нас отнимали детей. ... Когда же мы в 75 году отказались официально регистрировать наши общины, ... несмотря на нажим властей и прямую угрозу отправить нас в лагеря, то эти угрозы, наверное, осуществились бы, если бы мы не обратились за помощью в Московскую группу по соблюдению Хельсинкских соглашений. И когда эта Группа, в частности Юрий Орлов, Александр Гинзбург, Анатолий Щаранский, возвысила свой благородный голос в нашу защиту, местные власти отступились от нас. Если мы теперь не возвысим свой голос в их защиту, то этим мы совершим преступление перед Богом и перед совестью... 27 марта 77 года тысячи наших братьев и сестер в СССР... будут пребывать в посте и склонят головы в молитве за Юрия Орлова, Александра Гинзбурга и Анатолия Щаранского». [30]

Пятидесятники стали контактировать с мировой общественностью не только через Хельсинкскую группу, но и непосредственно.

Поскольку по советской конституции церковь отделена от государства, они считают себя вправе иметь международные контакты независимо от государства — они предложили христианским объединениям и правительственным учреждениям других стран, а также институтам и организациям по правам человека сотрудничество по религиозным и юридическим вопросам. Общины пятидесятников пригласили к себе в гости близких по вере государственных деятелей: английскую королеву Елизавету, Курта Вальдхайма и президента Картера. [31]

48-я «Хроника» сообщает об обращениях пятидесятников в Комитет прав человека ООН и к Белградской конференции стран, подписавших Хельсинкские соглашения. Старший пресвитер пятидесятников Николай Горетой, выступая на пресс-конференции иностранных корреспондентов в Москве в марте 1977 г., заявил:

«... Мы свободные люди, а не пленники и не рабы. Мы обращаемся к президенту Картеру как братья во Христе — помочь верующим воспользоваться правом выезда на основании подписанных советскими властями пактов о правах и Всеобщей Декларации прав человека». [32]

Пятидесятники, добивающиеся эмиграции, поручили быть их представителями на Западе Евгению Брисендену — их единоверцу, эмигрировавшему в США, и Аркадию Полищуку, представляющему пятидесятников в Москве после эмиграции Л. Ворониной и тоже вынужденному в связи с этим к эмиграции. Полищук выехал из СССР осенью 1977 г. и поселился в США.

В январе 1978 г. президент США Картер принял заместителя старшего пресвитера пятидесятников члена ВСЕХБ П. Шатрова. На вопрос об эмиграции пятидесятников тот ответил, что уехать хотят лишь незарегистрированные, т.е. не признающие никакой власти, да таких очень мало.

Весной 1978 г. члены пятидесятнических семей из Черногорска Ващенко и Чмыхаловых прорвались в американское посольство в Москве, надеясь, что их непосредственное свидетельство американским дипломатам дойдет до «их» президента, и он поможет и этим семьям и их единоверцам получить разрешение на эмиграцию. Однако близость по вере к президенту США помогла лишь тем, что когда уговоры уйти из посольства не подействовали, пятидесятников не выставили на улицу, в руки кагебистов, как это бывает с такими «посетителями» посольств свободных стран в Москве, а отвели им комнату в подвале, где они провели в добровольном заточении 5 лет. [33]

В 1979 г. в Канаде состоялась XII всемирная конференция пятидесятников. На эту конференцию были приглашены церковные чины, отобранные Советом по делам религий и культов, и Николай Горетой. Но он, разумеется, не смог прибыть на конференцию, и съезд имел информацию о положении пятидесятников в СССР только от официальных советских представителей, и это была соответственно искаженная информация. Руководство международной пятидесятнической общины не приняло во внимание и письмо Горетого к конференции с описанием бедственного положения 30 тысяч пятидесятников, добивающихся эмиграции. Чтобы привлечь внимание участников съезда к этой проблеме, А. Полищук неделю простоял перед зданием, где происходила конференция, объявив голодовку в поддержку пятидесятников из незарегистрированных общин в СССР, и раздавал письма пятидесятников с описанием преследований, которым они подвергаются. В 1980 г. Полищук ездил на Мадридскую конференцию Хельсинкских стран, чтобы возбудить у ее делегатов сочувствие к проблемам эмиграции из СССР.

Таким образом, правительства и общественность Запада, прежде располагавшие информацией из СССР лишь от официального руководства ВСЕХБ, стали получать ее и от незарегистрированных общин.

Лидеры международного пятидесятнического объединения по-прежнему признают лишь официальное руководство пятидесятников в СССР, но среди пяти-

десятников на Западе нашлись люди и даже общины, готовые помочь гонимым единоверцам. Они завязали переписку с пятидесятническими семьями из советских незарегистрированных общин, стали посылать им посылки (главным образом одежду, что для многодетных семей — большое подспорье), стали приезжать по туристским путевкам, чтобы познакомиться со своими адресатами и их общинами. Иной раз таким туристам удавалось даже провезти религиозную литературу. Получить Библии, переложение Евангелия для детей и т.п. было большой радостью для советских верующих; этих книг так не хватает, что иной раз их переписывают от руки. С помощью единоверцев с Запада пятидесятники наладили печатание религиозной литературы в СССР — на множительных машинах и фотоспособом. Туристы провезли не только это оборудование, но и фильмы на религиозные темы и приспособления для их просмотра в домашних условиях.

Летом 1977 г. шведские пятидесятники Б. Сарелд и Э. Энгстрем по поручению Славянской миссии поехали в СССР в качестве туристов на своей машине и провезли большое число Библий, а возвращаясь обратно везли несколько сот писем с просьбами о вызовах и документы об эмиграционном движении пятидесятников, в частности сборник «Выходи из нее, народ мой». На границе шведы были арестованы, и очень скоро признали Славянскую миссию «антисоветской организацией», а свою деятельность в СССР — «преступной». Они дали обширные показания о верующих, с которыми встречались во время своего путешествия по Советскому Союзу. В ноябре 1977 г. шведов отпустили домой, но по их показаниям были проведены многочисленные обыски и допросы, продолжавшиеся до 1980 г. [34]

Контакты с Западом дали возможность нескольким сотням пятидесятнических семей получить вызовы из-за рубежа. Однако в вызовах нуждались не сотни, а тысячи семей. На правительственном уроне ни одна западноевропейская страна не занялась судьбой советских пятидесятников сколько-нибудь настойчиво. Массовый энтузиазм пятидесятников не нашел достаточно твердой поддержки на Западе, а это было их единственным шансом на успех.

Советские власти переместили центр тяжести с посул на преследования. Примерно с середины 1977 г. опять начались штрафы и вызовы на «беседы», разгоны свадеб и других собраний пятидесятников. [35] Резко усилилось натравливание окружающего населения на общины, заявившие о желании эмигрировать. В станицах Старотитаровская и Ленинградская в июле-сентябре 1977 г. были устроены сходы о пятидесятниках. Привезли комсомольцев и дружинников из других станиц и городов, прибыло начальство из Краснодара. Подавших просьбы о выезде просили придти на сход, обещая дать возможность выступить по этому поводу. Однако на сходах получили слово только заранее подготовленные ораторы, которые называли желающих эмигрировать изменниками и отщепенцами, обвиняли их в том, что они действуют заодно с Сахаровым, Орловым и Гинзбургом — «врагами социалистического строя». Из толпы кричали, что подающих на эмиграцию надо посадить в тюрьму, а то и расстрелять или повесить, всячески оскорбляли их. Сход в Старотитаровской снимали на кинопленку и записывали на магнитофон, но когда верующие включили свой магнитофон, его отобрали. [36] После этих сходов Горетой оказался фактически под домашним арестом. Ведущей силой эмиграционного движения стал эмиграционный совет Находки.

Обстановку в Находке и Владивостоке пятидесятники описали в письме на Белградское совещание Хельсинкских стран:

«По нескольку раз в неделю с трибун клубов, домов культуры, лекториев училищ, общежитий читаются лекции, информирующие население, что верующие — это враги, фанатики, предатели, агенты ЦРУ, шпионы. В местных газетах печатаются заметки, представляющие нас как злодеев и предателей... Эта официально проводимая кампания подстрекает население к расправе над верующими... Атмосфера в городе накалена, наши женщины не могут выйти на улицу: им угрожают, избивают. Васильева Л.И. была избита на улице. Бандиты кричали: «Баптистка (общее название протестантов в СССР — Л.А.), на ЦРУ работаешь, получай!» Среди белого дня беременную Нину Мироненко ударили и потащили в болото, крича: «В Америку собралась ехать? Мы вам покажем Америку!» Хулиганы пользуются молчаливым одобрением властей, бросают камни и стекла во дворы, засыпают огороды битым стеклом. 19 мая было совершено бандитское нападение на дом вдовы Чуприной, в котором происходят наши молитвенные собрания. Дом был разграблен, перепуганы дети, выбиты стекла в окнах и на веранде ударами топора... Власти в милиции пытались заставить Чуприну подписать заявление, что она не имеет претензий к нападавшим». [37]

Кроме усилий по информированию международной общественности о своем положении, пятидесятники предприняли усилия по самоорганизации для более эффективной защиты своих гражданских прав и по координации действий общин, разбросанных по всей стране.

16 июня 1979 г. в Москве собрался съезд представителей незарегистрированных пятидесятнических общин, избравший их руководящий орган — Братский Совет христиан веры евангельской пятидесятников по типу Совета церквей ЕХБ (см. главу «Евангельские христиане-баптисты»).

Съезд состоялся несмотря на то, что власти сделали все от них зависящее, чтобы сорвать его. Едущих на съезд пятидесятников снимали с поездов, вылавливали на аэродромах и на вокзалах; задержанных под конвоем отправляли домой. [38]

Летом 1979 г. представители Братского совета пятидесятников Борис Перчаткин и Тимофей Прокопчик встретились в Москве с делегацией американских конгрессменов (Р. Дорнен и др.). Они просили их ходатайствовать перед советскими властями о разрешении проблемы пятидесятников. [39]

С зимы 1979 г. начались аресты активистов эмиграционного движения пятидесятников. Первыми были арестованы Федор Сиденко и Николай Горетой в станице Старотитаровской, затем — Николай Бобарыкин (тоже из Старотитаровской), Борис Перчаткин и Виталий Истомин из Находки. [40] Но борьба за эмиграцию — продолжалась. 17 мая 1980 г. была создана правозащитная группа пятидесятников. Однако ввиду усилившихся репрессий сообщили лишь число ее членов (семь человек), но не их имена. В июле 1980 г. Группа выпустила альманах «Красное и черное» — документы о положении пятидесятников, добивающихся эмиграции, и о преследованиях этой церкви. [41] Впоследствии Группа систематически передавала московским правозащитникам такую информацию, в частности о продолжающихся арестах среди пятидесятников.

18 августа 1980 г. был арестован Борис Перчаткин. Оставшиеся на свободе члены Братского совета обратились к Брежневу с просьбой о приеме до Мадридской встречи. Письмо состояло из 13 вопросов, среди них были следующие:

— Будет ли разрешено пятидесятникам иметь свой Совет церквей?

— Будет ли отменено нынешнее законодательство о религиозных культах?

— Будут ли разрешены общественные типографии?
— Будет ли отменено изучение атеизма в школах?
— Будут ли освобождены и реабилитированы верующие и другие узники совести?
— Будет ли осуществлена свобода эмиграции?[42]

Не надеясь на ответ, пятидесятники одновременного отправили коллективное (1310 подписей) письмо Дж. Картеру. Они снова просили его обратиться с личным посланием к Брежневу, так как «наш президент нас не принимает». Кроме того, пятидесятники просили как можно шире оповестить западных единоверцев об их положении, так как поддержки с Запада они почти не ощущают:

«... мы не слышим их голосов, или они поверили клевете и наговорам на нас?». [43]

Слабость поддержки эмиграционного движения пятидесятников с Запада облегчила террор против них. На допросах по делу Перчаткина следователь КГБ подполковник Кузьмин говорил пятидесятникам Находки:

— Вы не равняйте себя с евреями, они дорого стоят, а за вас нам мало дают. [44]

На Мадридскую конференцию стран, подписавших Хельсинкские соглашения, было отправлено большое число писем пятидесятников — и индивидуальных, и коллективных. С 11 ноября 1980 г. (день открытия конференции) 1300 пятидесятников держали пятидневную голодовку, все еще надеясь привлечь внимание к своим проблемам. Однако 4 года бесплодных усилий ослабили напор. В Находке, где община состоит примерно из 500 взрослых членов, заявили о своем намерении уехать из СССР около 300 семей, но к 1980 г. лишь 100 продолжали энергичную борьбу за выезд. [45] Примерно таким же было положение в остальных общинах. В письме к президенту Р. Рейгану, написанном в начале 1981 г. от имени Братского Совета пятидесятников, звучит отчаяние:

«На все законные наши просьбы правительство СССР отвечает молчанием или кратким словесным ответом: «Никуда вы не поедете, и никому вы не нужны». Наши обращения к международной общественности вызвали гнев наших властей к нам... После Мадридской встречи обещают с нами вообще расправиться. Из людей нам не на кого положиться, нет! Да возбудит Господь Ваше участие, господин президент, к нам!... Примите нас в Вашу страну... А пока мы находимся в СССР, просим Вас, господин президент, дайте указания представителям Вашей страны в СССР, корреспондентам, дипломатам не избегать контактов с нами. Ведь мы не имеем ни связи, ни средств, ни достаточной свободы для устного или письменного общения с иностранцами... Мы страдаем и не можем сообщить об этом всему миру. Просим Вас, господин президент, вступитесь, пожалуйста, публично по нашему вопросу, поддержите нас и обратитесь в Л. Брежневу, чтобы он отпустил нас... Ответьте нам, господин президент, пожалуйста!..» [46]

Но и на этот раз ответа не последовало.

Даже находившиеся в американском посольстве Ващенко и Чмыхаловы не получали разрешения на выезд. В переговорах об их судьбе советские представители требовали, чтобы пятидесятники покинули посольство, вернулись в Черногорск и подавали документы в общем порядке. Но посольские сидельцы отказывались это сделать, не веря в успех такой тактики. Зимой 1981-1982 гг. Августина и Лидия Ващенко начали бессрочную голодовку, требуя дать их семье разреше-

ние на выезд. В их заявлениях прессе было высказано то, что, видимо, уже стало общим горьким открытием советских пятидесятников: Запад равнодушен к судьбе гонимых в СССР протестантов. Между тем в США было довольно активное общественное движение в поддержку Ващенко и Чмыхаловых. Однако лишь в июне 1983 г. американским дипломатам удалось добиться твердого обещания, что, подав документы в Черногорске, эти семьи получат возможность выехать на Запад — это было одним из негласных условий подписания заключительного документа Мадридской конференции. Но этот успех был частным достижением — он касался судьбы лишь двух пятидесятнических семей. Остальные так и остались пленниками в СССР.

За первой волной арестов 1979-1981 гг. последовала вторая волна — были арестованы собравшиеся на совещание в Ровно активисты эмиграционного движения и еще несколько человек. Возобновились утихшие было осуждения за отказ от присяги в армии, а также аресты проповедников (И. Федотов, В. Мурашкин и др.). [48]

Однако и в этих условиях, утратив надежду на исход, пятидесятники продолжают отказываться от регистрации, сохраняют независимую гражданскую позицию, не допускают вмешательства властей во внутрицерковную жизнь и продолжают евангельскую проповедь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Самиздата, Радио «Свобода», Мюнхен (АС), № 2684, вып. 33/80, с.с. 1-2.

2. АС № 4277 (вып. 15/81), с.с. 3-4.

3. АС № 770, с. 123 (т. 14).

4. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1977, вып. 3, с. 56.

5. См., например, «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника» (ХТС), вып. 46, с.с. 43-44.

6 Там же, с. 44.

7. ХТС, вып. 32, с. 25.

8. ХТС, вып. 47, с.с. 60-61; вып. 49, с. 63.

9. Сборник документов Общественной группы содействия..., вып. 3, с. 55.

10. АС № 4423, вып. 35/81.

11. Там же, с. 7 (газета «Маяк», от 11 апреля 1981 г. — районная газета, выходящая в Малоярославце Калужской области).

12. «Хроника Литовской католической церкви», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1979, вып. 28, с. 177.

13. Сборник документов Общественной группы содействия..., 1978, вып. 4, с. 8.

14. ХТС, вып. 32, с.с. 23-25.

15. АС № 2684, вып. 33/80.

16. ХТС, вып. 44, с. 92.

17. Сборник документов Общественной группы содействия..., вып. 2, с. 33.

18. Там же, вып. 3, с. 58; ХТС, вып. 44, с. 28.

19. ХТС, вып. 51, с. 126.

20. ХТС, вып. 46, с. 49; вып. 47, с. 84.

21. Сборник документов Общественной группы содействия..., вып. 3, с. 58.

22. Там же, с.с. 57-58.

23. Там же, вып. 4, с. 8.

24. ХТС, вып. 57, с. 66.

25. Сборник документов Общественной группы содействия..., вып. 3, с. 57.
26. ХТС, вып. 46, с. 51; вып. 47, с. 87; вып. 48, с. 135.
27. ХТС, вып. 48, с. 140; вып. 49, с. 76.
28. ХТС, вып. 46, с.с. 51-52.
29. Архив Издательства «Хроника».
30. ХТС, вып. 45, с.с. 85-86.
31. ХТС, вып. 48, с. 136.
32. ХТС, вып. 45, с. 68.
33. ХТС, вып. 48, с. 136; вып. 51, с. 141.
34. ХТС, вып. 46, с. 37; вып. 47, с.с. 35-37; вып. 48, с. 119.
35. ХТС, вып. 49, с. 63.
36. ХТС, вып. 47, с.с. 82-84.
37. ХТС, вып. 47, с. 78.
38. Сборник документов Общественной группы содействия..., вып. 7, с.с. 30-31.
39. АС № 4196, с.с. 3, 5, вып. 4/81.
40. ХТС, вып. 54, с. 124: вып. 55, с. 52; вып. 57, с. 78; вып. 63, с. 174; Список политзаключенных под ред. Кронида Любарского, Мюнхен, 1982, вып. 4.
41. АС № 4196, с.с. 7-8.
42. Там же, с. с. 9-10.
43. Там же, с. 9.
44. Там же, с.с. 6-8.
45. Там же.
46. Архив издательства «Хроника», Нью-Йорк.
47. «Вести из СССР. Права человека», 1982, вып. 1, № 4; вып. 2, № 4; вып. 3, № 7; вып. 6, № 8; вып. 12, № 33; вып. 13, № 20; 1983, вып. 12-34.
48. Список политзаключенных в СССР, вып. 4, 1982; вып. 5, 1983.

ВЕРНЫЕ И СВОБОДНЫЕ АДВЕНТИСТЫ СЕДЬМОГО ДНЯ

Церковь адвентистов седьмого дня возникла в 1844 г. в Соединенных Штатах. В России ее приверженцы появились уже в прошлом веке. Само название этого вероучения указывает на его основную идею: ожидание скорого Второго пришествия и Страшного Суда. План спасения адвентистов заключается в неукоснительном соблюдении Великого нравственного Закона, содержащегося в десяти заповедях (декалоге). Адвентисты не разделяют эти заповеди на более важные и менее важные и считают недопустимым отступление хотя бы от одной из них.

Внутрицерковные расхождения среди российских адвентистов начались в 1914 г. по поводу шестой заповеди («Не убий»), которую они соблюдают вплоть до неприятия животной пищи. Вступление России в первую мировую войну и всеобщая мобилизация поставили адвентистов перед проблемой: соглашаться на нарушение этой заповеди в связи с призывом в армию или отказываться от призыва. После Октябрьской революции эти споры на несколько лет были сняты, так как 4 января 1919 г. по декрету, подписанному Лениным, освобождались от воинской повинности люди, которым религиозные убеждения не позволяли брать в руки оружие. Однако позже этот декрет перестал действовать. В 1924 г. на V съезде адвентистов эта проблема была решена так, что каждому члену церкви предлагалось самому решать — отказываться от службы в армии или соглашаться на нее: церковь снимала категорический запрет на ношение оружия. Так же поступил V съезд с четвертой заповедью — «Помни день субботний», осложнявшей жизнь адвентистов необходимостью отказываться от прихода на работу в субботу, которая в Советском Союзе была рабочим днем.

В 1928 г. на VI съезде адвентистов церковное руководство под давлением властей провело резолюцию, фактически обязывающую членов церкви отказаться от выполнения четвертой и шестой заповедей; резолюция требовала под угрозой отлучения нести

«...государственную и военную службу во всех ее видах на общих для всех граждан основаниях».

Ортодоксально настроенная часть верующих отказалась признать эту резолюцию — произошел внутрицерковный раскол. Адвентисты, оставшиеся при убеждении, что Великий нравственный Закон обязывает соблюдать все 10 заповедей без исключения и в советских условиях, где это неизбежно приведет к конфликту с государственной властью и гонениям, назвали себя верными и свободными адвентистами седьмого дня (ВСАСД) и создали отдельную церковь. Всесоюзная

церковь ВСАСД с момента возникновения и до наших дней не признается властями и подвергается гонениям.

Первый руководитель этой церкви Г.А. Оствальд погиб в тюрьме в 1937 г. Такая же судьба постигла сменившего его на посту председателя П.И. Манжуру — он погиб в лагере в 1949 г. Его преемником стал Владимир Андреевич Шелков. Его арестовывали несколько раз. В 1945 г. Шелков был приговорен к расстрелу и провел 55 дней в камере смертников, после чего расстрел был заменен 10 годами лагеря. В общей сложности Шелков провел в заключении и в ссылке 26 лет, а между арестами находился на нелегальном положении, под всесоюзным розыском. [1] Он, как и его предшественники, умер в лагере (в январе 1980 г., в 84-летнем возрасте). [2]

Верные и свободные адвентисты, как и другие церкви в СССР, выработали и сформулировали свою позицию по отношению к атеистическому государству, навязывающему им свой диктат. У независимых баптистов и пятидесятников эта позиция вытекает из их религиозной доктрины. Они считают священным долгом церкви и каждого верующего не уступать напору властей и отстаивать самостоятельность церковной жизни и свободу совести верующего. У нынешних верных и свободных адвентистов их гражданская позиция даже не следствие их вероучения, а его органическая часть. Это, по формулировке Шелкова,

> *«...бескровная борьба за основные права и свободы человека и гражданина».* [3]

ВСАСД исходят из убеждения, что человек создан Богом по Его образу и подобию, но сохраняет Божье подобие до тех пор, пока он сохраняет свободу совести и убеждений и соблюдает 10 заповедей, что делает его гармоничной личностью. Обязанность человека перед Богом — ни при каких обстоятельствах, ценой любых жертв не поступаться своей свободой и нравственными принципами, иначе он нарушает Божий замысел, перестает быть человеком в полном смысле этого слова. Наиболее важными из прав человека ВСАСД считают именно гражданские свободы, а не экономические, так как для верующего душа важнее тела.

Думаю, усвоению этой нравственной позиции нынешними верными адвентистами способствовало влияние Владимира Андреевича Шелкова. Он — талантливый и плодовитый религиозный писатель. Его труды составляют целую библиотеку и все они пронизаны гражданскими молитвами. Это проповеди, беседы на библейские темы, по истории адвентистской церкви и многочисленные статьи по религиозно-правовым проблемам: «Взаимоотношения религии и государственности», «Законодательство о культах», «Основы истинно свободной совести и равных прав»; серия брошюр «Борьба за свободу совести», «Правовая борьба с диктатурой госатеизма за свободу совести». [4] Как видно из названий его работ, основной интерес Шелкова — взаимоотношения между церковью и государством, отношение верующих к государственной власти вообще и в таком атеистическом государстве, как Советский Союз, в особенности. Эта коллизия присутствует во всех сочинениях Шелкова, составляет гражданский пафос его творчества.

По Шелкову, верующие должны признавать государственную власть и подчиняться ей как Божьему установлению, предусмотренному для сохранения порядка в обществе. В этом смысл «чистой государственности». Но «чистая государственность» должна быть нейтральна ко всем религиям и идеологиям:

> *«Чистая государственность должна быть объективной. Государство не должно вмешиваться в сферу религии... Верить или не верить — это дело совести лично*

каждого. ...Материализм атеизма тоже есть своего рода вера, религия, и поэтому не должен быть государственной верой и насильно, через школу, навязывать госсредствами свое материалистическое мировоззрение. Оно должно быть частным, как всякая религиозная идеология. Принцип отделения церкви (религии) от государства и от школы относится также и к отделению госатеизма от государства и школы».

Шелков резко порицает не только советское государство, сделавшее атеизм государственной идеологией, но и «казенные», «несвободные» церкви, согласившиеся признать Положение о религиозных культах, навязанное им атеистическим государством — «госатеизмом».:

«В госрегистрировании религиозных организаций произошел процесс соединения с государством со всяким вмешательством государства во внутренние дела религии», [5]

использование государством церквей в своих целях.

Но и «честная» поддержка государством какой-либо церкви, с точки зрения Шелкова, ничуть не лучше, чем «госатеизм» — в любом случае неизбежны гонения, административно-уголовное преследование, а то и уничтожение инаковерующих и инакомыслящих, как показал прошлый опыт православной, католической и протестантских «казенных» церквей.

«Свободные, верные Божьему идеалу, а не казенные» верующие должны противостоять любому давлению государства и отказываться от любой государственной поддержки, бороться (конечно, мирными средствами) «за равные человеческие права, за независимый дух свободной личности, за свободу совести и веры».

Шелков настаивает на нейтральности государства не только по отношению к религии, но и по отношению к нациям как разделяющему людей признаку. Он писал по этому поводу:

«Ныне господство диктатуры госатеизма создало идейный разброд и моральное разложение в стране. Раздаются голоса о необходимости восстановления национального самосознания русского народа и родной, русской православной церкви, по образцу истории прошлого России, и что только якобы это национальное возрождение и национальная церковь спасут страну от этого духовного краха. Но ведь русско-православная религия в прошлом уже была господствующей, государственной и запятнала себя человеческой кровью, подавляя свободу совести и веры инакомыслящих и инаковерующих граждан. Это была русская инквизиция, уничтожившая 12 миллионов старообрядцев и сотни тысяч евангельских христиан (сектантов)... и чем это историческое насилие над свободой совести отличается от инквизиции католической церкви, уничтожившей 52 миллиона христиан за двенадцать с половиной веков?..»

Учитывая этот исторический опыт:

«...надо добиваться и достигать в правовой борьбе такой свободы совести и веры, чтобы они не были утесняемы не только теперь господствующей, казенной религией атеизма-материализма-эволюционизма и его государственным произволом,

но и не страдали от произвола любой религии, намеревающейся объединиться с госвластью завтра на национальной основе». [6]

Исходя из всего этого,

«...равные права человека, Богом данные от рождения и государствами конституционно провозглашенные, а затем как сироты пренебрегаемые и фактически не обеспечиваемые, должны быть защищаемы каждым гражданином страны на основе Божьего закона и закона чистой государственности — как законов всей страны, так и общечеловеческих, международных». [7]

Я не знаю, повлияли ли на Шелкова идеи правозащитников, или он разработал правозащитную идеологию на религиозной основе самостоятельно. Во всяком случае, на суде над Шелковым и его сподвижниками (1979 г.) отмечалось, что правозащитная деятельность Церкви ВСАСД активизировалась с конца 60-х годов (время распространения правозащитного движения) и особенно — с середины 70-х годов (когда верные адвентисты установили личные контакты с московскими правозащитниками). [8]

Первое упоминание об адвентистах в «Хронике текущих событий» появилось в июне 1970 г. и не было основано на контактах с ними: в выпуске № 14 сообщалось о суде над проповедником адвентистов Михаилом Сычом, о котором писала областная газета, выходящая в Витебске. [9] Следующая информация об адвентистах появилась в «Хронике» лишь спустя 5 лет — в 1975 г., в 38-м выпуске. Это было сообщение об обысках у адвентистов в Самарканде, где была изъята религиозная литература, Библии, а также Декларация прав человека ООН и пакты о гражданских правах. «Хроника» сообщала, что верующие потребовали возвратить изъятое на обысках и добились возвращения Библий. [10] В том же выпуске «Хроники» в разделе «Выступления священнослужителей и верующих» аннотировалась статья Шелкова «Единый идеал». [11] Это указывает на установление контактов между адвентистами и московскими правозащитниками. Однако после 38-го выпуска информация об адвентистах исчезает со страниц «Хроники» еще на два года, до марта 1977 г. Но с этого времени, с 44-го выпуска, сообщения о преследованиях адвентистов и их правовой борьбе стали регулярными. Это означает, что контакты с ними стали постоянными. Мне известно, что они наладились с конца 1976 г., когда в документе № 5 Московской Хельсинкской группы «Репрессии против религиозных семей» среди случаев отобрания детей у верующих родителей был подробно описан с приложением документов случай адвентистки Марии Власюк из села Илятка на Украине. [12]

В 1977 г. Шелков выступил с открытым письмом президенту США Картеру в защиту арестованных членов Московской Хельсинкской группы — Юрия Орлова, Александра Гинзбурга и Анатолия Щаранского, а также с письмом к Белградскому совещанию стран — партнеров по Хельсинкским соглашениям. В этом письме Шелков рассказал о преследованиях адвентистов в СССР: об обысках и разгонах молитвенных собраний, преследованиях родителей за религиозное воспитание детей, о лагерных сроках за отказ от ношения оружия в армии. [13]

Владимир Шелков и его сподвижник, священнослужитель церкви ВСАСД Ростислав Галецкий (тоже, как и Шелков, находившийся на нелегальном положении) поставили свои подписи как представители ВЦ ВСАСД под документом № 26 Московской Хельсинкской группы, обращенном к Белградскому совещанию. [14]

В этом документе содержался призыв рассмотреть в Белграде нарушения свободы религии в СССР, но, кроме того, указывались нарушения права свободного выбора страны проживания и нарушения национальных прав, сообщалось об использовании принудительного труда заключенных и о существовании в СССР политзаключенных — узников совести, о тяжелых условиях их содержания.

В феврале 1978 г. Галецкий принял участие в пресс-конференциях МХГ в годовщины арестов Ю. Орлова и А. Гинзбурга. [15] Кроме того, Галецкий выступил со статьями, популяризируя религиозно-правовые взгляды верных и свободных адвентистов («Сообщение о положении религии и верующего в СССР» и «О нашем отношении к государству». Основывая вслед за Шелковым активную правозащитную позицию верных адвентистов, Галецкий писал:

> *«Вся священная библейская история полна примеров, когда верный народ Божий законно протестовал и вел решительную (конечно, только идейную) справедливую борьбу, отстаивая принципы свободы мысли, совести и религии, дарованные Господом Богом каждому человеку от его рождения как цельной человеческой личности».* [16]

Тем более необходима эта позиция сейчас:

> *«Наше время и наша эпоха являются временем особой решительной борьбы за права человека... 1977 год объявлен годом религиозной свободы, а свобода не есть плод бездеятельности и радужных ожиданий только, и сама никогда к нам не придет».* [17]

Галецкий обращался за поддержкой в этой борьбе к людям Запада — не только к адвентистам, но ко всем христианам и религиозным организациям, и вообще «ко всем людям доброй воли, ... кому дороги права и свободы». Он просил их не верить лживой советской информации и использовать имеющийся у них доступ к газетам, радио и т.п. для раскрытия подлинного положения инакомыслящих в Советском Союзе. Он просил поддержать не только верующих, но и действующие в СССР независимые правозащитные ассоциации и вообще поборников прав человека. Он просил

> *«...плодотворно использовать предстоящее Белградское совещание, ...чтобы по-настоящему осудить бесчеловечные, противоправные акты насилия, угнетения и всякого искусственного праволишения» в СССР.* [18]

Во время обсуждения проекта нынешней советской конституции многие верные адвентисты послали в конституционную комиссию письма, в которых критиковали предлагаемые формулировки, особенно касающиеся религии и свободы совести. Ростислав Галецкий поставил подпись под «Письмом двенадцати» в Политбюро ЦК КПСС с критикой проекта конституции. Вместе с ним это письмо подписали православный священник Глеб Якунин, Татьяна Великанова и другие московские правозащитники. В письме утверждается, что новая конституция ведет к сужению демократии в Советском Союзе, в то время как страна нуждается во всемерной демократизации. [19]

С середины 70-х годов активизировалась деятельность подпольного издательства верных и свободных адвентистов, названого ими «Верный свидетель», — оно стало располагать типографией. Издательство «Верный свидетель» выпускает религиозную и правозащитную литературу. В его типографии были отпечатаны сочинения Владимира Андреевича Шелкова.

Как только КГБ стало известно об этом издательстве, началась работа по его ликвидации. Известно о неоднократных попытках вербовки среди ВСАСД осведомителей для получения нужных данных. При этом стали жертвами КГБ несколько человек, осужденных по сфабрикованным делам за отказ «помочь» КГБ в раскрытии издательства «Верный свидетель». Арестованные таким образом Нина Ружечко (1927 г.р.) и Семен Бахолдин (1929 г.р.), совершенно здоровые до ареста люди, умерли в заключении, она — через месяц, а он — через 2,5 года после ареста, оба — от невыясненных болезней. [20] Что приходилось пережить верующим, через которых кагебисты рассчитывали выйти на издательство «Верный свидетель», показывает сообщение 19-летнего адвентиста Якова Долготера. Его задержали на рынке в Пятигорске в феврале 1978 г. и нашли у него брошюры, отпечатанные в типографии «Верного свидетеля». После этого его держали месяц в заключении якобы для выяснения личности и требовали, чтобы он сказал, откуда у него литература. Юношей занимались два сотрудника КГБ:

«Избивали меня попеременно — то один, то другой. Били по голове, по лицу, по челюстям. Били по шее, каждый раз поднимая воротник, чтобы не оставить следов... Били под дых, били в области почек, каждый раз приговаривая с бранью: «Говори, где взял, кто дал, а то мы покажем тебе, что такое советская власть!»... Подвешивали меня шарфом за шею и одновременно ударяли под дых. Становились друг против друга, а я оказывался посреди них, и избивали меня один с одной стороны, второй с другой, так что я был в их бандитских руках как мяч. Ставили около стены и ударяли по лицу так, что я каждый раз ударялся головой об стенку... неоднократно меня отхаживали и приводили в чувство, обливая холодной водой, заставляли приседать по 500 раз. Использовали какой-то химический препарат, который сначала дали понюхать, а затем насыпали на левую руку, которая моментально покраснела и начала опухать».

После таких трехдневных «допросов» бросили на ночь в холодную камеру, кишащую клопами, а утром повезли в психбольницу, где врач задал юноше те же вопросы: где взял? кто дал? и т.д., а его следователи пугали потом, что врач признал его сумасшедшим, и теперь его отправят в психбольницу, грозили электрическим стулом, кастрацией, арестом отца, длительным сроком заключения самому Якову «за распространение антисоветской литературы». Через месяц, ничего не добившись, юношу отпустили. 20 марта 1978 г. он сделал сообщение о происшедшем с ним иностранным корреспондентам в Москве, [21] после чего его арестовали и судили вместе с Рихардом Спалинем и Анатолием Рыскалем за организацию подпольной типографии (приговоры: Рыскалю и Долготеру — по 4 года лагеря общего режима, Спалиню — 7 лет). [22]

В марте 1978 г. были арестованы Владимир Шелков и его ближайшие помощники Илья Лепшин, Арнольд Спалинь, Софья Фурлет и Сергей Маслов. На обысках, сопровождавших эти аресты, взламывали полы, рушили стены: искали типографское оборудование. [23]

В мае 1978 г. Галецкий на очередной пресс-конференции в Москве сообщил о правозащитной группе адвентистов из семи членов (имена их были объявлены корреспондентам), которая действовала под его руководством уже два года. Галецкий представил корреспондентам пять документов Группы — все они были посвящены разным случаям противозаконных преследований адвентистов, а также ходу следственного дела их руководителей. [24] Кроме этой группы, в защиту Шелкова и его товарищей выступила Московская Хельсинкская группа и академик А.Д. Сахаров. [25]

Суд над адвентистскими руководителями состоялся в Ташкенте в марте 1979 г. и был, как всегда в таких случаях, практически закрытым. В зал пустили только ближайших родственников подсудимых. Подсудимые обвинялись в авторстве работ, выпускаемых издательством «Верный свидетель». Приговоры были: Шелкову и Лепшину по 5 лет лагеря строгого режима с конфискацией дома, Спалиню и Фурлет — 5 и 3 года лагеря общего режима соответственно, Маслову — 2 года условно и конфискация дома. [26]

Несмотря на многочисленные протесты против жестокого приговора 84-летнему Шелкову, он был отправлен в лагерь в Якутию, одно из самых суровых по климату мест СССР, и умер там от простуды через несколько месяцев после прибытия.

Дети Шелкова несколько дней добивались, чтобы им отдали его тело, чтобы похоронить в месте, где он завещал. Однако им отказали на том основании, что срок осуждения истекает лишь через три года, и эти три года Шелков и мертвым должен находиться в лагере — по истечении этого срока можно будет ходатайствовать о переносе его праха в родные места. На похороны Шелкова в якутский поселок Табага съехались приверженцы руководимой им церкви со всех концов страны. Видимо, эта невольная демонстрация произвела впечатление, так как, против обыкновения, были разрешены похороны по религиозному обряду и установление на могиле креста с именем усопшего, в то время как на остальных могилах на лагерном кладбище — лишь дощечки с номером, под которым заключенный числился в лагере. [27]

После смерти В.А. Шелкова церковь ВСАСД возглавил Леонид Муркин, заместитель Шелкова. Сразу же после избрания на должность председателя он перешел на нелегальное положение, и на него был объявлен всесоюзный розыск. [28]

Утрата Шелкова и заточение его ближайших помощников по издательской деятельности не прервали работы «Верного свидетеля». Сразу после ареста Шелкова издательство наряду с религиозной литературой стало выпускать открытые письма Совета церквей ВСАСД. Каждое письмо посвящалось какому-либо конкретному случаю гонений на верных адвентистов. В письмах разъяснялась противоправность этих гонений и продолжалось разоблачение системы госатеизма. Каждое письмо заканчивается одним и тем же перечнем требований верных и свободных адвентистов к властям. Лишь начало первого требования

> *«— освободить незаконно осужденного религиозного деятеля и борца за правовое равенство верующих и атеистов, председателя Всесоюзной церкви ВСАСД Владимира Андреевича Шелкова»,*

было изменено на «реабилитировать посмертно».

И далее:

— освободить всех арестованных и осужденных служителей и членов церкви ВСАСД с последующим возмещением причиненного им морального, физического и материального ущерба;

— возвратить все отнятое при арестах и обысках;

— восстановить перед лицом мировой общественности престиж Председателя Всесоюзной церкви ВСАСД Владимира Андреевича Шелкова и других верующих, очерненных и оклеветанных госатеистами за их чистую религиозную жизнь и деятельность и бескровную правовую борьбу за свободу совести и равенство прав всех граждан;

— осудить репрессии против верующих и все правонарушения госатеистов, как незаконно исшедшие от госрелигии атеизма-материализма-эволюционизма, а также осудить всех правонарушителей;

— прекратить в стране все формы угнетения верующих: слежки, подслушивание, перлюстрацию, дискриминацию в области труда и образования;

— отменить антирелигиозное законодательство о культах от 1929-1975 гг. как коллизионное, противоречащее учению и декрету В.И. Ленина от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», ст. 13 ленинской конституции 1918 г., ст.ст. 34, 39, 50, 52 ныне действующей конституции СССР, Всеобщей декларации прав человека, Декларации прав ребенка, Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования, международным пактам о правах человека, Заключительному Акту Хельсинкского совещания;

— отделить атеизм как частное мировоззрение от государства и от школы; сделать Общество атеистов частным, существующим не на государственные, общенародные средства, а на добровольные, частно-атеистические, наравне со всяким религиозным обществом нашей страны;

— провозгласить и обеспечить Основным законом полное равенство между верующими и атеистами;

— обеспечить полную свободу религиозного слова, религиозной печати, религиозных собраний и других религиозных прав и свобод, наравне с такими же атеистическими правами и свободами;

— гарантировать и обеспечить полную свободу воспитания детей в угодном родителям духе, согласно их личной совести, религии и убеждениям».

С 1978 г. КГБ не прекращает поисков типографии и издательства «Верный свидетель». За три года в связи с этим было проведено более 350 обысков, на которых изымалась литература издательства «Верный свидетель», и более 70 человек были арестованы. [29]

Большинство их составляют выступившие открыто в защиту В.А. Шелкова и его помощников. Все арестованные адвентисты обвинялись по ст. 190-1 УК РСФСР, т.е. в «клевете на советский строй». Конкретным обвинением являлось распространение очередного письма Совета церквей ВСАСД и другой правозащитной литературы адвентистов. Стандартный приговор — 3 года лагеря общего режима.

Среди арестованных — Ростислав Галецкий. Он был арестован 1 июля 1980 г. во время очередного приезда в Москву и осужден на 5 лет лагеря и 5 лет ссылки (к ст. 190-1 ему добавили «религиозные» статьи). [30]

Издательство несмотря на обыски и аресты продолжало работать, и правозащитная борьба верных адвентистов продолжалась. Совет церквей ВСАСД опубликовал объемистый доклад Мадридской конференции стран — партнеров по Хельсинкским соглашениям, в котором обстоятельно описано положение ВСАСД между Белградской и Мадридской конференциями. [31] Кроме того, до 1982 г. издательство «Верный свидетель» выпустило по крайней мере 14 открытых писем

Совета церквей ВСАСД. Все эти материалы были отпечатаны типографским способом.

В марте 1981 г. в г. Калинине произошел суд над 3 адвентистами, обвинявшимися в оборудовании подпольной типографии. Об этом суде «Калининская правда» 19 апреля опубликовала большую статью «Тайное стало явным». Из статьи следует, что в июне 1979 г. адвентистка Вера Кадук купила в Калинине дом за 18 тыс. рублей (на средства «секты», как пишет газета), и при помощи 25-летнего москвича Владимира Фоканова и 23-летнего жителя Днепропетровска Василия Ковальчука стала переоборудовать дом под типографию. Вот как описана в «Калининской правде» эта типография (которая хоть и не вступила в действие, видимо, была сделана по образцу действующих):

«Замаскированный люк вел с веранды дома в шахту размерами полтора на два метра и значительно выше человеческого роста. Из шахты был проделан лаз в тамбур из бетона, а уже из него вел ход в комнату. Здесь была смонтирована система водяного отопления с двумя батареями и баком подогрева воды от электрообогревателя. К общей системе электроснабжения «бункер» подключался в обход счетчика... В доме был найден мощный электромотор. Кадук имела четыре пишущих машинки, гектограф и ротатор, большие запасы ротационной краски, писчей и копировальной бумаги, 35 упаковок ротационной пленки, другие средства для печатания. Кроме того, в трех тайниках оказалось 16.433 рубля денег. Здесь же хранилось значительное количество нелегально изданной литературы секты адвентистов-реформистов — более 20 разных наименований».

В статье утверждается, что в обязанности В. Фоканова входило доставать стройматериалы, множительную технику, бумагу и пр. для нужд типографии, а В. Ковальчук был занят сбором денег с верующих на нужды типографии. Этот фонд, как пишет газета, составляется из взносов верующих, каждый ежегодно отчислял для церкви десятую часть своих доходов (а Шелков якобы поднял этот взнос до пятой части доходов).

Вера Кадук получила двухлетний лагерный срок, Фоканов и Ковальчук — по 3 года лагеря. [32]

Просветительская правовая деятельность Совета церквей верных и свободных адвентистов седьмого дня и издательства «Верный свидетель» дала несомненные результаты. Члены этой церкви приняли гражданскую позицию Шелкова и Галецкого и умело ее отстаивают. 15 октября 1979 г. 25-летняя адвентистка Нина Овчаренко, полотер из Пятигорска, произнесла свою защитительную речь на суде по обвинению в распространении открытых писем Совета церкви. Эта речь сделала бы честь любому адвокату по убедительности доводов и по умению ориентироваться в вопросах права, а по политической смелости намного превосходит возможное для советских адвокатов:

«Во все века истории нашей земли люди жили с различными взглядами на жизнь, а также с различными вероисповеданиями. И каждый человек как цельная человеческая личность, наделенная от рождения всеми правами и свободами, имеет право на свои убеждения. Это право закреплено в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека и в Международных пактах о правах человека, ратифицированных нашим государством в 1957 и 1973 гг. как обязательные для исполнения...

Во всех законах, как международных, так и во внутригосударственных, за каждым человеком закреплено право на свободу совести. Это право — самое главное и самое основное, делающее гражданина и человека цельной и свободной личностью, а отнятие этого права у человека лишает его человеческого достоинства и делает его животным, имеющим только право на труд и на отдых... Даже в том случае, если бы в нашем государстве было большинство атеистов, а верующих — меньшинство, то и тогда... государство должно и обязано считаться с интересами верующих граждан, потому что истина и правота не всегда бывают на стороне большинства, особенно в такой тонкой области, как свобода совести... Я лично считаю себя счастливым человеком, потому что участвую в борьбе за правду... Правда требует жертвенности, и за правду надо стоять твердо или же висеть на кресте. За это справедливое дело стоит отдать всю свою жизнь». [33]

Защитительная речь Нины Овчаренко была распространена в очередном открытом письме Совета церквей верных и свободных адвентистов седьмого дня.

Способность на протяжении многих лет скрывать своих руководителей, находящихся на нелегальном положении, уберечь от раскрытия типографию «Верного свидетеля» и обеспечить продолжение работы издательства в обстановке постоянных преследований указывает на существование у ВСАСД четко работающей и гибко организованной структуры. Об этом же свидетельствует доклад о религиозной жизни в СССР, опубликованный в «Хронике литовской католической церкви». Католические священники признают особую успешность иеговистов, пятидесятников и адвентистов в распространении своих вероучений и объясняют их успех не только проповедническим рвением, но и тем, что

«...они создали стойкую организацию с начальством всяких ступеней — общества, кружка, деревни, города, области, республики и т.д.» [34]

По понятным причинам ВСАСД не делают сообщений о численности приверженцев своей церкви, хотя иногда называют себя «многотысячным народом Божьим». Можно сделать предположение о численности ВСАСД на основании сравнения данных об арестах баптистов из незарегистрированных общин (см. главу «Евангельские христиане-баптисты») и приверженцев церкви ВСАСД.

В 1978-1981 гг. арестованы 152 сторонника Совета церквей ЕХБ, которых, согласно сообщению заграничного представителя СЦ ЕХБ, 70 тысяч, и 87 сторонников церкви ВСАСД. Если уровень репрессий этих церквей одинаков, то численность ВСАСД можно предположительно принять в 40 тысяч. [35]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника» (ХТС), вып. 48, с. 116.
2. ХТС, вып. 56, с.с. 22-23.
3. Шелков «Единый идеал» — Архив Самиздата, Радио «Свобода», Мюнхен (АС), № 2439, вып. 17/76, с. 1.
4. Архив Издательства «Хроника», Нью-Йорк.
5. АС, № 2439, с. 17.
6. Там же, с.с. 16 и 18.
7. Там же, с. 1.

8. Открытое письмо № 8, с.с. 13 и 16 (Архив изд-ва «Хроника»).
9. «Хроника текущих событий», вып. 1-15, Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, с.с. 433-434.
10. ХТС, вып. 38, с. 68.
11. Там же, с. 73.
12. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1977, вып. 1, с.с. 52-64.
13. ХТС, вып. 45, с. 85; вып. 46, с. 90.
14. Сборник документов Общественной группы содействия..., 1978, вып. 4, с.с. 46-51. Аннотация: ХТС, вып. 47, с. 148.
15. ХТС, вып. 48, с. 11; АС № 3216, вып. 17/78.
16. Ростислав Галецкий. «Сообщение о положении религии и верующего в СССР», с. 1 (Архив Изд-ва «Хроника», Нью-Йорк).
17. Там же, с. 19.
18. Там же, с. 21.
19. ХТС, вып. 46, с. 93.
20. АС № 4411, вып. 33/81.
21. ХТС, вып. 48, с. 117; АС № 3217, вып. 17/78. Полный текст — изд-во «Хроника», архив (сообщение для «Хроники»).
22. ХТС, вып. 48, с. 117; Список политзаключенных в СССР, под ред. Кронида Любарского, Мюнхен, вып. 4, 1982.
23. ХТС, вып. 49, с.с. 56-61.
24. ХТС, вып. 49, с.с. 61-62.
25. ХТС, вып. 49, с. 61.
26. ХТС, вып. 53, с.с. 15-26; АС № 4301, вып. 19/81.
27. ХТС, вып. 56, с.с. 22-23. Полный текст открытого письма № 12 — архив изд-ва «Хроника».
28. ХТС, вып. 62, с.с. 83-84; АС № 4411, с. 12.
29. «Вести из СССР. Права человека», под ред. Кронида Любарского, Мюнхен — Брюссель, 1983, вып. 17, № 31.
30. ХТС, вып. 57, с. 70; вып. 62, с. 83.
31. АС № 4301, 4302, вып. 19/81; ХТС, вып. 62, с. 84.
32. ХТС, вып. 62, с. 82.
33. Архив изд-ва «Хроника».
34. «Хроника литовской католической церкви», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1979, вып. 28, с. 177.
35. Мои подсчеты по данным документов Совета родственников узников ЕХБ и ВЦ ВСАСД.

ПРАВОСЛАВНЫЕ

По официальным данным, примерно 25% взрослого населения СССР являются верующими. В пересчете на русских это составляет около 30 млн. человек. По данным церковного православного писателя А.Э. Левитина-Краснова, Русская православная церковь (РПЦ) имеет сейчас около 40 млн. приверженцев. [1] Это самая крупная из христианских церквей в СССР, и в то же время — наиболее подчиненная государственному диктату.

Католическая церковь Литвы оказывает довольно сильное сопротивление претензиям властей вмешиваться в ее внутреннюю жизнь, и ведущей силой этого сопротивления являются священники. Протестантские церкви пошли на раскол именно из-за разногласий о допустимой степени подчинения жизни церкви государственному диктату. Отказавшаяся от государственного контроля часть у адвентистов и пятидесятников сравнима по численности с согласившимися на этот контроль, а у баптистов составляет заметную их часть. Властям приходится учитывать, что усиленное давление на официальную протестантскую церковь, может привести к оттоку верующих в неофициальную часть церкви. Вследствие этого при постоянных гонениях на отказывающиеся от государственного контроля общины власти заигрывают с их единоверцами, входящими в официальную церковь и не лишают их самостоятельности настолько, как это имеет место по отношению к РПЦ, где сопротивление напору властей едва заметно. Я полагаю, что причины слабого отпора РПЦ государственному диктату и как следствие этого — особо униженного ее положения — прежде всего исторические.

Православная церковь, возникшая 16 веков назад в Византии, с самого начала находилась под покровительством государственной власти и в подчиненном по отношению к ней положении. На Русь православие пришло по воле еекнязей, и тоже как государственная религия, каковой оно и оставалось до 1917 г. Со времен Петра церковь была официально подчинена Священному синоду, во главе которого стоял царский чиновник — обер-прокурор.

В начале нынешнего века православие вместе со всем русским обществом переживало период исканий. Среди образованной части клира и мирян возникла тяга к обновлению церкви, возможность которого видели прежде всего в высвобождении ее из-под компрометирующей и развращающей власти государства. В 1905 г., в период первой русской революции, православная иерархия большинством высказалась за упразднение Синода и восстановление патриаршества, причем глава церкви мыслился как избираемый на Всероссийском соборе. Этим была бы соблюдена соборность РПЦ, очень привлекательная и для массы верующих, и

для священников. Восстановление патриаршества и регулярно собираемых соборов как высшей церковной власти было верным путем к духовному возрождению церкви и к возрождению ее авторитета среди разочаровавшейся в ней части русского общества. Трагизм истории проявился в том, что собор, восстановивший патриаршество, утраченное более двух веков назад, провозгласивший долгожданную соборность РПЦ и определивший основы церковного управления исходя из самостоятельности церкви по отношению к церковной власти, состоялся в 1917 г., т.е. совпал с приходом к власти в России непримиримых атеистов — большевиков. Таким образом, первые самостоятельные шаги в многовековой истории РПЦ ей пришлось делать в высшей степени неблагоприятных условиях. Ни иерархия, ни клир так и не получили возможности приобрести опыт самостоятельной от государства церковной жизни, перестроить соответственно свое мышление. Древняя традиция опоры на власть и полное отсутствие опыта сопротивления ей сделали РПЦ беззащитной перед новой властью, которая отнюдь не предлагала церкви привычного ей союза и покровительства, а поставила свой целью ее уничтожение и вообще искоренение религии.

Нажим на РПЦ со стороны советской власти начался раньше, чем на «сектантов», которые не испытывали гонений вплоть до 1929 г. Аресты православных священников имели место с самого начала большевистского правления. И новая власть, и православное духовенство не всегда могли отделить чисто церковную позицию от политической поддержки свергнутого строя. Многие священники действительно выступали как политические враги большевиков, и те расправлялись с ними с жестокостью, неадекватной оказанному сопротивлению, обычно лишь словесному. Но нередки были случаи, когда арестовывали, а то и убивали только за принадлежность к духовному сословию: в глазах апологетов нового строя всякий православный священник олицетворял «проклятое прошлое» и был «за царя».

В атмосфере революционных лет произошло отдаление массы верующих от РПЦ. Те, кто исповедовал православие лишь по традиции или из конформизма к государственной религии, не только забыли путь в церковь, но и равнодушно отнеслись к ее разгрому новой властью. Аресты священников, закрытие, а то и разрушение храмов, происходившее по всей стране, лишь в единичных случаях вызывало сопротивление. Из 8 тысяч человек, зачисленных в мартиролог РПЦ за советский период за мученичество лишь незначительную часть составляют оказавшие активное сопротивление разрушению церкви и ее поруганию; большинство приняли мученичество безропотно.

Во второй половине 20-х годов на фоне натиска властей на традиционную православную церковь произошел заметный всплеск обновленчества.

В основе этого движения лежала идея модернизации обветшавших традиций РПЦ, связанных с ее подчинением самодержавной власти и с богословской отсталостью русского духовенства. Но, к несчастью для обновленческого движения, на него сделала ставку новая власть в своем стремлении приручить и разрушить православие. Лидеры обновленческой церкви оказались или запуганы или развращены государственной поддержкой; бескомпромиссных устранили арестами. Но власти перестарались: «красные попы» были скомпрометированы причастностью к расправам над деятелями традиционной церкви, и обновленческие храмы стояли пустыми. Традиционная же церковь укрепила свой авторитет благодаря твердости, а то и мученичеству своих служителей: подавляющее большинство верующих остались верны традиционной церкви.

Видя провал обновленчества, власти перестали его поддерживать и направили усилия на приручение староправославной церкви, к этому времени уже очень ослабленной пережитыми гонениями. Несколько лет поисков среди высшего духовенства людей, готовых на компромисс с властью, и физическое устранение противников такого компромисса дали результат к 1927 г., когда митрополит выступил с программой примирения РПЦ с новой властью, надеясь спасти этим церковь от гонений. Он заявил о полной лояльности церкви по отношению к атеистическому правительству и его идеологии:

«Мы хотим быть православными, и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи».

Сергий от имени церкви соглашался на главное требование властей, которое до тех пор церковь отвергала, — на регистрацию всех ее служителей органами власти. Значительная часть духовенства пошла за Сергием, хотя не сразу и не без сильного давления властей, безжалостно загонявших непокорных иерархов и священников в лагеря, где многие из них погибли.

Лишь небольшая часть духовенства публично отказалась от «приспособленчества», как называли тогда сергиевское направление. Отколовшиеся образовали несколько групп, так и не объединившихся между собой. Их общим названием стало название одной из групп — «истинно-православная церковь» (ИПЦ); иногда их называли «тихоновцами» (по имени патриарха, умершего в 1925 г.) или «непоминающими», так как все эти группы роднил отказ поминать в молитве власти страны и отказ вступать с ними в какие-либо отношения, в том числе отказ от регистрации. Среди отколовшихся преобладали тяготевшие к крайне правому крылу православного духовенства, но были среди них и люди, не имевшие какой-либо политической позиции, а лишь непримиримые в вопросах чистоты веры, готовые на мученичество. Трудно сказать, какова была численность отколовшихся в 1928 г. и какова она сейчас. После войны большинство «непоминающих» вернулось в сергианскую церковь; ИПЦ, которая с момента возникновения и до сих пор находится под запретом, сейчас представляет собой секту без иерархии, и ее деятельность почти не проявляется вовне. Зачастую идеология нынешних приверженцев катакомбной церкви носит апокалиптический характер.

Приспособленчество не спасло РПЦ от притеснений и массовых арестов священнослужителей в 30-е годы. К 1938 г. трое из 8 членов патриаршего Синода были расстреляны, из архиереев на свободе были лишь четверо. Число патриарших приходов по всей стране не превышало сотни. [2]

В годы войны произошел поворот в политике советского государства по отношению к религии. Для РПЦ этот поворот ознаменовался тем, что 4 сентября 1944 г. Сталин принял трех митрополитов-примиренцев — Сергия, Алексия и Николая. 8 сентября 18 архиереев, наспех собранных по лагерям, избрали патриархом митрополита Сергия.

С тех пор назначение на эту должность и на все высшие должности в РПЦ находится в полной зависимости от государства, и, естественно, кандидатуры подбираются такие, на полную покорность которых власти могут твердо положиться.

После смерти Сергия Собор, собравшийся в 1945 г., избрал патриархом Алексия, стоявшего во главе РПЦ до 1971 г.

Возобновление патриаршества означало как бы заключение своеобразного «конкордата» между атеистическим государством и РПЦ, и этот негласный «конкордат» соблюдался до конца жизни Сталина. Московская патриархия исполняла свою сторону соглашения молчанием по поводу унизительного подчиненного положения церкви и прямым сотрудничеством с внешней политикой СССР вплоть до публичной лжи об отсутствии притеснений церкви в советском государстве и заверений, что у нас нет узников-христиан; государство — открытием 22 тысяч православных храмов, прежде им закрытых, двух духовных академий и 8 семинарий, какого-то числа монастырей, хотя многие православные священники продолжали оставаться в лагерях и вышли оттуда лишь по амнистии после смерти Сталина. Хрущев нарушил этот «конкордат». В 1960-1964 гг. более половины недавно открытых храмов вновь были закрыты, как и большинство семинарий и монастырей. Из 30 тысяч православных священников, имевших приходы в 1959 г., к 1962 г. сохранили их только 14,5 тысяч. [3]

К 1975 г. в СССР действовали лишь 7500 православных церквей. [4]

Но наиболее разрушительные для РПЦ последствия были достигнуты не прямым насилием государства, а проведены по указке государственных чиновников руками высшего церковного руководства.

В июле 1961 г. на Архиерейском соборе было принято изменение приходского устава. [5] Новый устав поставил священника в полную зависимость от приходского совета из 20 мирян, в подборе которых решающую роль играют местные власти и уполномоченный Совета по делам религий и культов. В результате православных священников лишили возможности руководить жизнью прихода, они оказались на положении наемных работников. С тех пор священник не может без разрешения местной власти или уполномоченного навещать своих прихожан, даже умирающих, ни у них дома, ни в больнице, не может совершить отпевание на дому. Ему запрещено пускать в храм детей, причащать и исповедовать их; священник должен требовать документы у родителей, принесших крестить ребенка, и у молодой пары, желающей обвенчаться, а потом он обязан по первому требованию уполномоченного отдать ему списки совершивших крещение, венчание, отпевание, и тем стать в положение доносчика по отношению к своим прихожанам, так как часто эти сведения используются для преследований обращавшихся в церковь людей на работе, по месту учебы и т.д.

Священников, в чем-либо нарушивших эти жесткие требования, уполномоченный немедленно лишает регистрационной справки, что ведет к утрате прихода, а патриархия не склонна ни заступаться за оказавшихся таким образом безработными священников, ни назначать их в новый приход. Распоряжение регистрационной справкой фактически дает возможность уполномоченным цензуровать проповеди каждого священника, и опять-таки патриархия не отстаивает право священника хотя бы в храме свободно говорить со своей паствой. В результате проповеди в РПЦ стали редким явлением. Как правило, для них выбирают не связанные с интересами верующих темы. К тому же очень низкий уровень преподавания в духовных учебных заведениях не способствует подготовке хороших проповедников, не развивает у священников вкус к проповедничеству, и деятельность большинства священников свелась к требоисполнительству.

Архиерейское собрание 1961 г. приняло новый устав как временный, до следующего Собора. Ссылкой на временность Совет ДРК, навязавший этот документ архиереям, и архиереи, принявшие его, оставили себе возможность легкого

отказа от него в случае, если его введение вызвало бы слишком бурное сопротивление: созвав собор, можно было легко смягчить это постановление или даже отменить его (как это было на съезде Всесоюзного Совета Евангельских христиан-баптистов в 1963 г. с «Новым положением ВСЕХБ» и «Инструктивным письмом старшим пресвиретам», введенным было в 1960 г. — См. главу «Евангельские христиане-баптисты», стр. 142-146).

Изменение приходского устава вызвало общее недовольство в русской православной церкви — как клира (против которого непосредственно оно было направлено), так и мирян (которые по новому уставу полностью отстранялись от жизни прихода, вернее, приход как таковой просто переставал существовать, осталась от него одна «двадцатка»). Тем не менее в открытых действиях это недовольство проявилось весьма слабо, особенно если сравнить реакцию на аналогичные постановления баптистских общин и католической церкви в Литве, где большинство священнослужителей и верующих просто отказались его исполнять как противоречащее канонам церкви (см. главу «Литовцы», стр. 46-47).

Через 4 года после введения нового устава РПЦ в Патриархию обратились с письмом 8 архиепископов во главе с Гермогеном, архиепископом Калужским. Это письмо не было открытым, но стало известно в церковных кругах. Архиепископы просили патриарха пересмотреть постановление 1961 г., поскольку за 4 года стало ясно, что оно разрушительно влияет на церковную жизнь. Патриархия не ответила, если не считать ответом удаление архиепископа Гермогена из его епархии в монастырь. После этого большинство архиепископов, подписавших письмо вместе с Гермогеном, отказались от своих подписей. [6]

В декабре 1965 г. по этому же поводу выступили два молодых священника — Николай Эшлиман и Глеб Якунин. Они направили открытые письма патриарху, всем епископам и председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному. [7] В письме Подгорному они требовали прекращения вмешательства Совета по делам религий и его уполномоченных во внутрицерковную жизнь, апеллируя к закону об отделении церкви от государства и конституционным гарантиям свободы вероисповедания. В письмах патриарху и епископам они просили отменить постановление 1961 г. как неканоническое и губительное для церкви. Они убеждали высокую церковную иерархию добиваться созыва Поместного собора для отмены постановления и для решения вопроса о составе руководства РПЦ. Таким образом, Николай Эшлиман и Глеб Якунин взяли на себя те же функции, что и Инициативная группа ЕХБ в 1961 г., однако их не поддержал никто из приходских священников. Эшлиман и Якунин были отстранены от священнической службы, [8] и на этом закончились усилия добиться отмены постановления 1961 г. изнутри церкви. Извне Эшлимана и Якунина поддержали несколькими письмами.

Наиболее известно письмо 12 верующих Кировской области, составленное одним из подписавших его — Борисом Владимировичем Талантовым. [9]

Б.В. Талантов — 65-летний в то время преподаватель математики, сын священника, погибшего в сталинских лагерях, автор нескольких статей о нарушении прав РПЦ и ее бедственном положении, а также статей на общеполитические темы. [10] Письмо 12 верующих попало за рубеж и было передано по Би-Би-Си на Советский Союз. Митрополиту Никодиму, ведающему внешними сношениями и Патриархии, газета «Юманите» задала по этому поводу вопрос. Никодим заявил, что письмо это — анонимное, и факты о давлении властей на церковь, в

нем изложенные, не соответствуют действительности. Местные органы КГБ стали добиваться от подписавших письмо подтверждения заверений митрополита Никодима. Давление было такое, что трое из авторов письма скончались, семинарист Н. Каменских был исключен из семинарии, но ни один из подписавших от подписи не отказался. Более того, Талантов в публичном заявлении подтвердил верность фактов, изложенных в письме 12-ти. [11] В 1969 г. он был арестован, приговорен к трем годам заключения «за клевету» и умер в тюремной больнице. [12]

Однако ни отстранение от служения архиепископа Гермогена, ни лишение приходов священников Н. Эшлимана и Г. Якунина, ни трагические судьбы авторов письма из Перми, сделавшие явным прямое сотрудничество высшей иерархии РПЦ с властями в ущерб интересам церкви, не вызвали даже слабых попыток противостоять властям и покорной им патриархии ни со стороны клира, ни со стороны мирян. Все ограничилось несколькими письмами в самиздате (в основном анонимными) и пересудами в церковной и околоцерковной среде.

Очередной собор состоялся в 1971 г., когда умер патриарх Алексий и надлежало поставить на патриаршество его преемника. Решились обратиться к собору с просьбой об отмене постановления 1961 г. лишь те же Эшлиман и Якунин, пребывавшие за штатом, [13] и еще священник Н. Гайнов с тремя мирянами просили об отставке митрополита Никодима, скомпрометировавшего себя многократной ложью перед зарубежными единоверцами об истинном положении РПЦ. [14] Гайнов, как и два его непокорных коллеги, был лишен прихода. Собор утвердил ненавистное постановление, и оно определило всю жизнь РПЦ по сю пору. Единственным публичным протестом на все это было письмо А.И. Солженицына новому патриарху:

«Мы теряем последние черточки и признаки христианского народа — и неужели это может не быть главной заботой русского патриарха?... Какими доводами можно убедить себя, что планомерное разрушение духа и тела Церкви под руководством атеистов есть наилучшее сохранение ее?».. [15]

Это письмо вызвало несколько откликов в самиздате. Одни поддерживали Солженицына, другие упрекали его в том, что он призывает патриарха к жертве, что недопустимо с христианской точки зрения. [16] Но скоро обсуждение иссякло, и снова все замолкло. Нестерпимая, казалось бы, ситуация привилась, с ней смирились. Священники, стремящиеся и в этих условиях исполнять свой пастырский долг, рискуя потерять приход, время от времени тайком нарушают постановление, связывающее их по рукам и ногам, но в целом церковь покорилась диктату атеистической власти. Е. Барабанов в статье «Раскол церкви и мира» объясняет поразительную «послушность» многотысячной массы священников и многомиллионной массы прихожан РПЦ «невеселым парадоксом»:

«...внешние ограничения церковной жизни отвечают тайным желаниям многих церковнослужителей. Эти желания исходят из предпосылки, что богослужение это и есть христианство и кроме него христианину ничего не нужно. Все остальное только отвлекает и рассеивает... И многие их тех, кто приходит сегодня к христианству, стремятся перенять эту идеологию как подлинно-церковную позицию, а переняв — делают ее фетишем и общеобязательным каноном». [17]

Внутри церкви попыткой нарушения неписаных, но от этого не менее жестких запретов явочным порядком была проповедническая деятельность священника Дмитрия Дудко в 1973-1979 гг.

Начал он ее в Никольской церкви в Москве, где много лет был священником и пользовался любовью своей очень многочисленной паствы именно за склонность к проповедничеству, нравственному наставлению.

8 декабря 1973 г., на очередной субботней службе, о. Дмитрий обратился к находившимся в храме с предложением написать ему записочки (не подписанные) с указанием желательной темы беседы в следующую субботнюю службу или с вопросами, на которые они хотели бы услышать ответ священника. О. Дудко удалось провести 11 таких бесед. Записи их изданы в сборнике «О нашем уповании». [18] Темы их главным образом нравственно-религиозные. Дудко призывал отказаться от пьянства и сквернословия, от роскоши, наставлял хранить и укреплять семью. Богословский уровень бесед очень невысок, даже примитивен, рассуждения Дудко изобилуют погрешностями против канонов, лексикон пестрит вульгаризмами, в нем часты советские словесные штампы. Но несмотря на это успех бесед, затеянных священником, оказался ошеломляющим. Уже на второй беседе, о которой он сделал предупреждение за неделю, храм был переполнен, и с каждым разом слушателей все прибывало. Чтобы иметь возможность присутствовать на беседе, надо было прийти заранее и отстоять все время на ногах, в духоте. Но это не останавливало людей, истомившихся по духовной пище.

После 10-й беседы о. Дудко был отстранен от служения в Никольском храме, 11-ю беседу он провел на дому. Не помогли сотни подписей прихожан, умолявших патриархию оставить им любимого батюшку; его перевели в подмосковный храм (большой прогресс по сравнению с судьбой Эшлимана и Якунина. Возможно, «мягкость» патриарха по отношению к Дудко объяснялась чрезвычайной его популярностью в православном зарубежье: эмигрантская русская пресса превозносила Дудко до небес, записи его бесед вышли в нескольких изданиях).

Далекий путь за город не остановил многочисленных поклонников о. Дудко — и там церковь была полна. В 1978 г. о. Дудко стал издавать еженедельно церковную самиздатскую газету «В свете преображения». Он заявлял свое мнение не только по вопросам религиозной жизни, но осудил расстрел царской семьи большевиками и несколько раз открыто солидаризировался с борцами за гражданские права в случаях, выходивших за рамки чисто религиозных проблем.

10 декабря 1975 г. в День прав человека о. Дмитрий подписал коллективное заявление правозащитников, адресованное мировой общественности, в котором обрисовывалось положение с правами человека в СССР. [19] В январе 1976 г. он поставил свою подпись под письмом в защиту Сергея Ковалева, осужденного за причастность к «Хронике текущих событий» и «Хронике Литовской католической церкви». [20]

В течение 6 лет проповедническая и общественная деятельность Дудко продолжалась почти беспрепятственно, он лишь еще раз был переведен в другой храм, тоже в Подмосковье. [21] Тем не менее среди священников он остался одиноким в своем начинании, ему никто не последовал, что, возможно, предопределило и уж во всяком случае облегчило арест о. Дмитрия Дудко 15 января 1980 г. [22]

Проповеднический эксперимент о. Дудко наглядно показал, что в советском обществе действительно возродился интерес к религии. Сам Дудко и многие приверженцы православия склонны отождествлять это явление с возрождением РПЦ.

Я думаю, точнее назвать происходящее возможностью такого возрождения, но не действительным возрождением.

Тяга к церкви создалась не ее усилиями, она порождена процессом разложения, распада официальной идеологии. Этот процесс распространился по всей стране, охватил все социальные слои. Огромные массы людей заполняют образовавшийся умственный и духовный вакуум пьянством. Ищущие натуры устремились в самые разные сферы человеческой деятельности — от садоводства до философии. Наибольший приток произошел, естественно, к вытесненным в свое время официальной идеологией традиционным формам сознания — национальным и религиозным. Однако пробуждение интереса к религии, который у русских обращен в большинстве случаев к традиционному для них православию, не привел к возрождению РПЦ — она по-прежнему пребывает в глубоком упадке. Новые прихожане, появившиеся в храмах (главным образом этот процесс заметен в Москве и Ленинграде, гораздо менее — в провинции), не изменили застывшей атмосферы церковной жизни, содержание которой и сейчас почти полностью исчерпывается требоисполнительством. Значительная часть новых прихожан приняла православие в этой господствующей в РПЦ консервативно-стилизованной («старушечьей», по выражению Е. Барабанова) форме. [23]

Осмысление нынешнего положения церкви, духовный и философский поиск у православных вынужденно происходит вне церкви, иерархия никак не поддерживает его (даже о. Дудко не советовал своим духовным детям искать что-то вне церкви).

В самиздате имеется несколько авторов, олицетворяющих направления этих поисков. Наиболее активным и вызывающим наибольший отклик является направление, которое выступает не как религиозное в «чистом виде», а как национально-религиозное. У представителей этого направления превалирующий мотив — их русскость, обязательным и важным элементом которой является православие (А. Солженицын, И. Шафаревич, В. Борисов, а также участники подпольной организации Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа, издатели неподцензурного журнала «Вече» — см. об этом направлении в главе «Русское национальное движение»).

Публицисты, у которых христианское сознание в «чистом виде», не подмененное национальной идеологией, немногочисленны, но они сделали ту необходимую работу, без которой невозможно осмысление нынешнего положения РПЦ и ее проблем.

Самый литературно плодовитый из этих публицистов — церковный писатель Анатолий Левитин-Краснов (1915 г.р., эмигрировал в 1974 г.). В нескольких книгах и многих статьях он воссоздал в деталях историю РПЦ после революции — ее разгрома до войны и удушения в послевоенные годы. [24] Лев Регельсон (1939 г.р.) опубликовал «Трагедию русской церкви» — сборник документов и обзор споров в РПЦ в 1920-х — 1930-х гг.

Анализ советского законодательства в области религии и всестороннее описание нынешнего положения РПЦ, живущей по этим предписаниям, дали в своих знаменитых письмах 1965 г. Н. Эшлиман и Г. Якунин. В 1979 г. Г. Якунин выступил с докладом «О современном положении РПЦ и перспективах религиозного возрождения России». [26] Этот доклад является как бы продолжением анализа положения РПЦ, сделанного в письмах Якунина и Эшлимана. Тезисы Якунина о религиозном законодательстве, по которому живет РПЦ, совпадают с мнением

И. Шафаревича, сделавшего доклад о советском законодательстве в области религии для Комитета прав человека в 1972 г. [27]

Защита прав РПЦ и православных верующих тоже осуществляется вне церкви. Ни патриарх, ни епископы такой деятельностью не занимаются ни открыто, ни в форме «тайной дипломатии».

После уже упоминавшегося письма епископа Гермогена, известно лишь одно выступление в защиту РПЦ, исходившее от представителя высшей православной иерархии, — письмо Брежневу от Феодосия, епископа Полтавского и Кременчугского (1977 г.), где описаны притеснения, которые он и его паства терпят от местного уполномоченного по делам религии. [28]

Под письмами православных верующих в органы власти с протестами против очередного закрытия храма, с просьбой открыть закрытый храм или с жалобами на притеснения церкви местной властью ни разу не подписался никто из епископов или священников. Об узниках совести — православных, осужденных за защиту церкви, становится известно не благодаря публичным заявлениям из церковных кругов, как это имеет место у католиков и протестантов, а благодаря «Хронике текущих событий» или независимым правозащитным ассоциациям: в начале 70-х годов — Комитета прав человека в СССР, с середины 70-х годов — Московской Хельсинкской группы.

30 декабря 1976 г. в Москве был создан Христианский комитет защиты прав верующих в СССР. Его основателем был отец Глеб Якунин. Кроме него, в Комитет вошли иеродиакон Варсонофий Хайбулин, находившийся «за штатом» и мирянин Виктор Капитанчук, а несколько позже мирянин Вадим Щеглов. Основатели Комитета заявили, [29] что в Советском Союзе реализация провозглашенного Конституцией принципа свободы совести наталкивается на значительные трудности в связи с отношением к религии государства, строящего безрелигиозное общество. Это выражается не только в характере действующего законодательства, но и в нарушениях со стороны государственной администрации даже тех прав, которые законом верующим предоставляются. Между тем верующие составляют значительную часть населения, и нормализация их положения является жизненно необходимой для всего общества. Поскольку епископат Русской православной церкви и руководители других религиозных организаций в силу различных причин не занимаются защитой прав верующих, эта защита верующих должна стать делом христианской общественности, в связи с чем и организован Комитет защиты прав верующих в СССР.

Комитет поставил своей задачей собирать, изучать и распространять информацию о положении верующих в СССР, оказывать консультативную помощь верующим в случае нарушений их гражданских прав, обращаться в государственные инстанции по вопросам защиты прав верующих, содействовать совершенствованию советского законодательства о религии. Члены Комитета заявили, что хотя он образован православными, они намерены проявить инициативу в деле защиты религиозной свободы всех верующих Советского Союза, независимо от вероисповедания.

Создание такого Комитета было практическим шагом к объединению усилий всех христианских церквей, имеющихся в Советском Союзе, для совместного отстаивания свободы вероисповедания и церковной жизни, против дискриминации верующих. Эта тенденция впервые проявилась в совместном обращении членов христианских церквей СССР в июне 1975 г. о положении религии в советском государстве, которое подписали евангельские христиане-пятидесятники, председа-

тель Всесоюзной церкви верных и свободных адвентистов, члены церкви Христа, члены католической церкви Литвы и члены Русской православной церкви. [30]

В Комитет защиты прав верующих обращались с самыми разнообразными жалобами: в Новом Афоне, где находится одна из наиболее чтимых православных святынь — пещера Святого Апостола Симона Канонита, доступ в нее в день этого Святого более 10 лет закрывает милиция; монахи Почаево-Успенской Лавры поставлены местным начальством в весьма тяжелые условия — отняты сад и огород, доставлявшие Лавре пропитание, отнята гостиница, в которой останавливались приезжающие богомольцы; в бывших помещениях Лавры открыты клуб и психиатрическая больница; в Грузии рядом со старинным монастырским комплексом Давид-Гаредж устроен полигон, и стрельба из артиллерийских орудий разрушает эту христианскую святыню; в городе Горьком с полуторамиллионным населением православные в течение десяти лет не могут добиться открытия хотя бы одного храма в дополнение к трем маленьким, действующим сейчас, хотя просьбу об открытии храма подписали более 2 тысяч человек, а по закону достаточно просьбы 20 верующих; в Тернопольской области в 1961 г. власти закрыли церковь, построенную на деньги, собранные верующими, и 15-летняя просьба за отмену незаконного закрытия церкви не дает результатов; в Чкаловском районе Горьковской области верующие ходатайствуют об открытии церкви с 1952 г., прошение подписали более 3 тыс. человек — в течение 25 лет они не добились положительного ответа. [31]

Несколько документов Комитета защиты прав верующих посвящено проблемам пятидесятников: обыскам в Московской общине пятидесятников, аресту пятидесятника из Закарпатья Юркива, препятствиям эмиграции пятидесятников. Комитет защиты прав верующих откликался и на суды евангельских христиан-баптистов, у которых отбирают детей за воспитание их в религиозном духе; и на разрушение молитвенных домов баптистов; и на задержание их, собравшихся для совместной молитвы. Комитет обратился к римскому Папе по поводу положения 15 тысяч католиков, проживающих в Молдавии и лишенных возможности принять участие в мессе и исповедаться, так как единственному ксендзу, имеющемуся в Молдавии, власти постоянно чинят препятствия при его посещениях верующих. [32]

В мае 1977 г. члены Комитета защиты прав верующих обратились к собравшейся в Москве Всемирной конференции «Религиозные движения за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами». Рассказав о гонениях, которым в течение 60 лет подвергаются все религии в Советском Союзе, и о дискриминационном по отношению к верующим советском законодательстве, члены Комитета защиты прав верующих призвали участников конференции выступить в защиту религии в СССР, в защиту томящихся в заключении узников религиозной совести — баптистского пресвитера Георгия Винса и православного священника Василия Романюка, а также в защиту верующего иудея Иосифа Бегуна, суд над которым происходил в дни конференции. [33]

Члены Комитета защиты прав верующих в СССР неоднократно выступали с протестами против арестов участников правозащитного движения. В годовщину ареста руководителя Московской Хельсинкской группы Юрия Орлова члены Христианского комитета писали:

«Возникновение международного общественного движения в защиту прав человека является выдающимся событием XX века, показателем углубления понимания

человеческим обществом высшей ценности каждой человеческой личности, созданной по образу и подобию Божию. Со временем становится все более ясным, насколько важным и ценным оказывается и создание общественных групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Все, кому дороги свобода и достоинство человеческой личности, не могут не испытывать чувства благодарности к инициатору создания таких групп Юрию Федоровичу Орлову... Мы, члены Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, выражаем свою глубочайшую признательность Юрию Федоровичу Орлову за его самоотверженную деятельность в защиту человеческой личности. Мы призываем всех верующих молиться о его судьбе и принять участие в движении за его освобождение». [34]

В ноябре 1977 г. Христианский комитет защиты прав верующих совместно с Рабочей комиссией по расследованию использования психиатрии в политических целях, Московской Хельсинкской группой и представителями церкви свободных адвентистов обратились к Белградской конференции. Они призывали ее участников дать принципиальную оценку положения с правами человека в Советском Союзе, использовать весь массив информации о нарушениях прав человека, поступивший из СССР, и высказаться в защиту узников совести, томящихся в советских лагерях и тюрьмах, прежде всего тяжело больных, а также членов Хельсинкских групп, арестованных за информацию о нарушениях прав человека. [35]

Члены Христианского комитета защиты прав верующих приняли деятельное участие в обсуждении проекта новой советской конституции. Особую их тревогу вызвало положение Проекта Конституции, где впервые в советской истории основной целью государства провозглашается цель коммунистической партии, заданная марксистско-ленинской теорией, — построение коммунизма и воспитание человека коммунистического, т.е. атеистического общества. Таким образом каждый верующий в Советском Союзе в силу своего гражданства в законодательном порядке обязывается делать то, что прежде было обязанностью лишь членов партии и что противоречит религиозной совести. Члены Христианского комитета указывали на недопустимость такого положения в конституции страны, где значительную часть населения составляют верующие. [36]

1 ноября 1979 г. о. Глеб Якунин был арестован. [37] За этим последовали аресты — о. Дмитрия Дудко, В. Капитанчука, Л. Регельсона, многократно выступавшего вместе с Якуниным с протестами против нарушений прав РПЦ и стеснений свободы совести. [38]

Дмитрий Дудко сдался до суда: он выступил по московскому телевидению, осудил свою прежнюю деятельность как «антисоветскую» и «вредную» и был прощен. Его освободили и дали ему один из лучших приходов в Москве. [39]

В. Капитанчук и Л. Регельсон после таких же покаяний вышли на свободу из зала суда — они получили условные наказания. [40]

О. Глеб Якунин, твердо отстаивавший свою правоту и на следствии и на суде, был осужден по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская пропаганда») на 5 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки. [41]

Основанный Якуниным Христианский комитет защиты прав верующих в СССР вскоре после его ареста пополнился новыми членами: в него вошли находившийся за штатом священник Гайнов и преподаватель духовной академии священник Фонченков. Гайнов сделал заявление, что Христианский комитет кооптировал новых членов, но не считает возможным в условиях гонений объявлять их имена.

[42] С тех пор Христианский комитет никак не проявлял себя вовне — видимо, деятельность его замерла.

Потребность религиозного самообразования, интерес к богословию и религиозной философии породили соответствующие неофициальные семинары и кружки.

Христианский семинар, возникший в 1976 г., широко известен из-за многочисленных обращений к Западу одного из основателей семинара Александра Огородникова (1950 г.р., бывший студент Института кинематографии в Москве, затем работал сторожем). Другим основателем этого семинара был сверстник Огородникова, сотрудник библиотеки Академии наук в Ленинграде, Владимир Пореш.

Семинар насчитывал около 30 участников, преимущественно молодежи, из разных городов (Москва, Ленинград, Уфа, Смоленск, Минск, Гродно, Львов). Члены семинара подчеркивали его преемственность от религиозных обществ Москвы и Ленинграда, разгромленных в 20-е годы. Семинар не занимался политическими проблемами, только религиозно-философскими. Тем не менее его участники подвергались постоянным преследованиям. Сотрудники КГБ устраивали облавы на них при каждой попытке собраться. Два выпуска журнала «Община», который задумали издать несколько участников Христианского семинара, были конфискованы до выхода в самиздат. [43]

В 1978 г. А. Огородников был арестован и осужден якобы за «тунеядство» на год лагеря. Уже в лагере его арестовали снова. Затем последовали аресты Пореша, Татьяны Щипковой и еще нескольких участников семинара. Основатели семинара Огородников и Пореш были осуждены по ст. 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») на сроки, близкие к максимальным по этой статье: 6 лет лагеря строгого режима плюс 5 лет ссылки и 5 лет лагеря строгого режима плюс 3 года ссылки соответственно. Остальные были осуждены по сфабрикованным уголовным обвинениям на меньшие сроки. [44]

Религиозное самообразование и изучение богословия и христианской философии происходит довольно широко в Москве и в Ленинграде. Думаю, такие кружки есть и в других городах, но вряд ли там они распространены широко — для них нет нужной литературы и трудно найти собеседников. Группы эти обычно составляются из давно знакомых между собой людей.

В Ленинграде, где гуманитарии очень часто не имеют работы по специальности, создался целый слой таких людей, зарабатывающих на жизнь неквалифицированным трудом. Большинство их предпочитает пусть низкооплачиваемые, но оставляющие досуг должности — лифтеров, сторожей, истопников. Многие компенсируют отсутствие профессионального статуса именно занятиями в запретных областях знания. Иногда несколько таких групп проводят совместные заседания, где зачитываются доклады их участников. [45] Эти материалы публикуют довольно многочисленные в Ленинграде самиздатские журналы.

В Москве тоже существует широкий слой неустроенных гуманитариев, и значительная их часть тоже вовлечена в такие группы, но в Москве нет соответствующих самиздатских изданий. Наряду с этими «кустарными» кружками в Москве (а возможно, и в Ленинграде) есть кружки, состоящие из высокообразованных профессионалов и непрофессионалов — философов, историков и т.д. Их работы публикуются в самиздате и в тамиздате. Обычное их прибежище — издаваемый в Париже «Вестник русского христианского движения» — довольно широко распространяется в православных кругах, особенно в больших городах. В Москве с

середины 70-х годов стал выходить периодический самиздатский журнал «Надежда. Христианские чтения». Этот журнал с благословения иерархов РПЦ выпускала Зоя Крахмальникова — талантливый филолог, профессиональный литератор. Она делала это открыто, ее имя стояло на обложке журнала.

«Надежда» продолжила традиции дореволюционного церковного журнала «Христианское чтение». Журнал Крахмальниковой — единственная по сути библиотека современных православных читателей. «Надежда» стала для них средством христианского общения, сегодняшней проповедью Евангелия с помощью духовного опыта, накопленного РПЦ, и ее преданий, она воскрешала церковную память. Журнал этот универсален, он рассчитан на людей самого разного образовательного уровня и уровня духовной жизни, и на тех, кто недавно пришел в церковь, и на тех, кто давно укоренен в православии. Стиль «Надежды» — сдержанный, традиционный, принципиально вне политики.

Составительница собирала для «Надежды» уникальные в СССР тексты Святых Отцов, пастырские послания и поучения православных подвижников, свидетельства мучеников РПЦ — письма из ссылки священников и епископов, современные работы по православному богословию. Были в «Надежде» и статьи самой Крахмальниковой — о православной культуре.

«Надежда» сразу завоевала очень широкий круг читателей, расходясь далеко за пределы Москвы, — ее не только перепечатывали, но переписывали от руки. Со временем журнал стал выходить и в тамиздате и возвращаться на родину в типографской перепечатке.

В августе 1983 г. Зоя Крахмальникова была арестована и осуждена по обвинению в «антисоветской пропаганде». В защиту Крахмальниковой было несколько открытых писем, среди подписавших эти письма — иерей РПЦ Владимир Шибаев. [46] «Надежда» не прекратилась после ареста Крахмальниковой, ее друзья позаботились о продолжении журнала.

Спрос на религиозную литературу и невозможность ее официального приобретения породил ее усиленное распространение не только энтузиастами, но и ради заработка. Это стало специальной отраслью «черного рынка». В апреле 1982 г. в Москве и Подмосковье были арестованы шесть человек за участие в размножении и продаже религиозной литературы. [47] Перед их арестом на частной квартире в Москве были конфискованы 600 Евангелий, отпечатанных на множительной машине. При обысках у православных самиздатчиков нашли множительный аппарат, приспособления и материалы для переплетения книг, а также религиозную литературу — главным образом скопированные с дореволюционных изданий жития русских святых, но попадались и тамиздатские религиозно-философские книги, однако не размноженные — видимо, хранившиеся для собственного чтения. Набор размноженных произведений указывает, что эта группа самиздатчиков ориентировалась на удовлетворение спроса не столько православной интеллигенции, сколько основной массы прихожан РПЦ. Это подтверждается обнаруженными на обысках списками верующих из нескольких областей (Владимирской, Горьковской и др.) — видимо, заказчиков религиозной литературы. [48] Православных самиздатчиков судили за «занятие запрещенным промыслом». Один из подсудимых заявил, что он занимался размножением религиозной литературы ради заработка, но другие с негодованием отвергли приписываемые им судом корыстные мотивы. [49]

В феврале 1982 г. в Томске были арестованы четыре человека, занимавшихся распространением самиздата, который изготовлялся в основном фотоспособом. Среди размноженных книг некоторую часть составляли религиозно-философские, [50] как и в Калуге, где тоже был раскрыт круг самиздатчиков. [51]

Религиозная активность православных проявляется не только в интеллектуальном поиске, но и в стремлении жить по-христиански. Под Москвой и в некоторых других местах возникли небольшие колонии, где православные, поселившись совместно, воплощают в жизнь христианские нормы на манер протестантских общин — взаимопомощь, отказ от пьянства и курения, соблюдение постов и церковных праздников, религиозное воспитание детей и, разумеется, — самоотстранение от «идеологических» должностей. От протестантских общин эти православные объединения отличаются почти полным отсутствием связи между такими объединениями, их замкнутостью, — опять же из-за того, что РПЦ не играет по отношению к ним роли объединительного центра, ее функции ограничиваются лишь окормлением каждого такого объединения в отдельности.

Пробуждение интереса к религии при глубоком кризисе и конформизме РПЦ придало особую остроту извечной проблеме о взаимоотношениях церкви и мира. От определения своего отношения к этой проблеме не может уйти ни один из мыслящих прихожан РПЦ. Этой теме посвящены книги о. Сергия Желудкова (псковский священник «на покое»), несколько статей А. Левитина-Краснова, М. Меерсона-Аксенова, Е. Барабанова.

Общее в их позиции может быть выражено словами Е. Барабанова:

> *«Христианская активность должна вести... к трансформации христианского сознания и жизни, а через нее — к преображению мира»*. [52]

Выразители современной православной мысли, стоящие на этой позиции, с той или иной степенью активности участвуют в правозащитном движении. А. Левитин-Краснов был среди выступивших в защиту Ю. Галанскова и А. Гинзбурга в 1968 г. и среди подписавших одно из первых публичных обращений с требованием гражданских свобод в Советском Союзе — обращение к Будапештскому совещанию компартий (1968 г.). В 1969 г. Левитин-Краснов вошел в Инициативную группу по защите прав человека в СССР — первую ассоциацию правозащитников (см. главу «Правозащитное движение», стр. 215-217). В 1971 г. он был осужден за публицистическую и правозащитную деятельность на три года лагеря. В последнем слове на суде Левитин-Краснов сказал:

> *«Я верующий христианин, а задача христианина не только в том, чтобы ходить в церковь. Она заключается в воплощении заветов Христа в жизнь. Христос призывал защищать угнетенных. Поэтому я защищал права людей, будь то почаевские монахи, баптисты или крымские татары...»*. [53]

Отец Сергий Желудков многократно выступал в защиту прав верующих и неверующих. Первым его выступлением такого рода было открытое письмо председателю Христианской мирной конференции о положении советских политзаключенных (1968 г.). С 1974 г. о. Сергий является членом советского отделения «Международной Амнистии». [54] В 1980 г. он подписал письмо в защиту А.Д. Сахарова.

Евгений Барабанов в 1973 г. лишился работы и был под угрозой ареста за передачу за рубеж самиздатских материалов, в том числе выпусков «Хроники текущих событий» (подробнее см. главу «Правозащитное движение», стр. 239).

Создательница религиозно-философского семинара Татьяна Горичева участвовала в демонстрациях ленинградцев: в 1975 г. в память декабристов и в 1976 г. — в традиционной демонстрации правозащитников (см. главу «Правозащитное движение», стр. 202-203, 255, 269).

Среди участников правозащитного движения с самой ранней его стадии и до сих пор заметную часть составляют верующие православные (Ю. Галинская, А. Гинзбург, Н. Горбаневская, Т. Ходорович, А. Твердохлебов и др.). Некоторые из них пришли в движение верующими, некоторые крестились уже будучи его участниками. Однако в массе православные прихожане и даже православная интеллигенция не принимают участия в гражданском сопротивлении государственному нажиму на свободу совести и даже осуждают такое сопротивление как «нехристианское». Письмо Н. Эшлимана и Г. Якунина вызвало во многих близких к православной церкви кругах отрицательную реакцию — священников упрекали в том, что они вместо упования на силу молитвы в «духовной гордыне» вмешались не в свое дело.

Среди новообращенных распространена позиция «комфортабельного христианства», которое полностью укладывается в заботу о личном спасении и отгораживается от «погрязшего во зле и грехах» мира, абстрагируясь от христианской идеи ответственности за мир. Это стало вошедшей в моду формой конформизма к советской действительности. Крещение, посещение церкви, занятия в религиозном кружке создают иллюзию свободы от государственного диктата «во внерабочее время», а в служебное время такие люди со»смирением», «бесстрастно» отдают дань «Кесарю», никак не выделяясь среди советских служащих, даже если эта «дань» состоит в преподавании марксизма или написании официозных философских трудов.

Священник Сергий Желудков первым из православных писателей проанализировал религиозное значение жизни и опыта правозащитников (в его терминологии — «людей доброй воли»). О. Сергий полагает, что вопреки отделенности большинства их от церкви истоки их нравственного пафоса — христианские. Он называет их «анонимными христианами», воздвигнувшими «церковь доброй воли», открытую людям всех уровней духовного и интеллектуального сознания, всех религий и без религии. [55]

Но среди православной интеллигенции всегда было распространено и усилилось в 80-е годы ироническое, брезгливо-подозрительное отношение к правозащитной деятельности как к «светскому героизму», «житейской ярмарке» и даже как к «сатанинскому добру». Таким образом действенное осуществление добра в гражданском обществе почти не совмещается с нынешним существованием РПЦ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», (ХТС), вып. 41, с. 8; Информация А.Э. Левитина-Краснова.
2. Н. Юдинцев. Правда о петербургских святынях. Л-д, 1962, с. 8.
3. Там же.

4. ХТС-41, с. 7.
5. Архив самиздата, Радио «Свобода», Мюнхен (АС), № 701, (т.11).
6. АС № 724, с.с. 4-6 (т. 11).
7. АС № 722-724 (т. 11).
8. АС № 731 (т. 11).
9. АС № 734 (т. 11).
10. АС № 58 (т. 1); № 703, 739, 752 (т. 11).
11. АС № 748 (т. 11).
12. «Хроника текущих событий» (вып. 1-15), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 8, с. 193; вып. 10, с.с. 238-239; «Хроника текущих событий» (вып. 16-27) вып. 18, с.с. 145-147.
13. «Вольное слово», Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1973, вып. 9-10, с.с. 65-70.
14. АС № 1021 (т. 26).
15. А. Солженицын. Публицистика. Париж, ИМКА-Пресс, 1981, с.с. 122-123.
16. «Хроника текущих событий» (вып. 16-27), вып. 27, с. 512; «Вольное слово», вып. 9-10, с.с. 48-55; 201-217.
17. «Из-под глыб», Париж, ИМКА-Пресс, 1974, с. 184.
18. Священник Дм. Дудко. О нашем уповании, 1974 (без выходных данных); аннотация: ХТС, вып. 37, с. 81.
19. ХТС, вып. 38, с. 78.
20. ХТС, вып. 39, с.с. 66-68.
21. ХТС, вып. 32, с. 79; вып. 38, с. 68.
22. ХТС, вып. 56. с.с. 47-49.
23. «Из-под глыб», с. 196.
24. А. Краснов. Строматы: Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1972; А. Левитин-Краснов. Лихие годы. ИМКА-Пресс, Париж, 1977; «Рук твоих жар». Тель-Авив, 1979; В поисках Нового града. Тель-Авив, 1980. Аннотации: «Хроника текущих событий» (вып. 1-15), вып. 5, с.с. 84-85; вып. 8, с. 191; «Хроника текущих событий» (вып. 16-27), вып. 19, с. 190.
25. Л. Регельсон. Трагедия русской церкви. Париж, ИМКА-Пресс, 1977.
26. «СССР: Внутренние противоречия» под ред. В. Чалидзе. Нью-Йорк, Издательство Chalidze Publications, 1982, вып. 3, с.с. 149-197.
27. И. Шафаревич. Законодательство о религии в СССР. Париж, ИМКА-Пресс, 1973.
28. Г. Якунин. О современном положении РПЦ и перспективах религиозного возрождения России. «СССР: Внутренние противоречия», вып. 3, с.с. 112-148.
29. «Вольное слово», вып. 28, 1977, с.с. 3-5.
30. Там же, с.с. 58-78.
31. Там же, с.с. 6-9.
32. Документы Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, том 1-4. Русские тексты с конспектами на английском языке. San-Francisco, Washington Research Center.
33. Там же, т. 1, с.с. 17-19.
34. «Дело Орлова», сост. Л. Алексеева, Нью-Йорк, Изд-во «Хроника», 1980, с.с. 72-73.
35. ХТС, вып. 47, с. 152; Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1978, вып. 4, с.с. 46-54.
36. «Вольное слово», № 28, с.с. 33-37; ХТС, вып. 46, с. 91.
37. ХТС, вып. 54, с.с. 8-9.
38. ХТС, вып. 56, с.с. 47-50.
39. ХТС, вып. 57, с.с. 40-42.
40. ХТС, вып. 58, с.с. 25-32.
41. ХТС, вып. 58, с.с. 21-25.
42. ХТС, вып. 54, с.с. 14-15; вып. 56, с.с. 50-51.
43. ХТС, вып. 51, с.с. 204-205; вып. 54, с.с. 28-30.

44. Список политзаключенных СССР, под ред. Кронида Любарского, Мюнхен — Брюссель, 1983; ХТС, вып. 54, с.с. 46-49; вып. 56, с.с. 51-58; вып. 57, с.с. 5-8; вып. 58, с.с. 33-34.

45. АС № 3329, вып. 33/78.

46. АС № 4725-4726, вып. 32/82.

47. ХТС, вып. 64, с. 19; «Вести из СССР. Права человека» . Под редакцией Кронида Любарского, Мюнхен — Брюссель, 1982, вып. 10, № 2; вып. 12, № 4; вып. 17, № 5; вып. 23/24, № 12.

48. Архив изд-ва «Хроника» (бюллетень «В»).

49. «Вести из СССР», вып. 23/24, № 12.

50. ХТС, вып. 64, с. 11; Архив изд-ва «Хроника» (бюллетень «В»).

51. ХТС, вып. 64, с.с. 15-16; Архив изд-ва «Хроника» (бюллетень «В»).

52. «Из-под глыб», с. 197.

53. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 1, с.с. 7-8, 14-15; (вып. 16-27), вып. 20, с.с. 213-215.

54. «Хроника текущих событий» (вып. 1-15), вып. 5, с. 85; ХТС, вып. 56, с. 20.

55. Священник С. Желудков. Почему я христианин. Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1973. Аннотация: ХТС, вып. 56, с. 142.

ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Это движение называли по-разному: «демократическое», «либеральное», «гражданского сопротивления», пока, наконец, не утвердилось за ним название «движение за права человека» или короче — «правозащитное движение». Это название наиболее близко к сути: защита прав личности и требования соблюдения законов — основа этого движения и его отличительный признак.

У нас есть давняя традиция сострадания «маленькому человеку» — ее создала великая русская литература. Однако «законнический» контекст правозащитного движения оригинален. Не потому, что прежде этого вовсе не было в русской истории — была партия конституционных демократов (кадеты), и она тоже родилась не на пустом месте. Но традицию эту в советский период выкорчевали так основательно, что можно смело утверждать: зачинатели правозащитного движения мало что знали о ней и не ею вдохновлялись.

Как не было у правозащитников прямой преемственности с либерально-демократической традицией в русской истории, так не было и заимствований идей международного движения за права человека — опять-таки по причине плохой о нем осведомленности при зарождении правозащитного движения в СССР. Правозащитное движение родилось главным образом из опыта людей, проживших жизнь в условиях беззаконий, жестокости и попрания личности в «интересах коллектива», или ради «светлого будущего всего человечества». Отказ от такого «коллективного» подхода означал отрицание основ официальной идеологии, защищаемой всей мощью советского государства. Требование соблюдения законности в советских условиях является революционным, так как это, по существу, требование к советскому государству перестать быть тоталитарным, стать демократическим. Соблюдение этого требования означало бы изменение характера власти, изменение всего жизненного строя. Между тем правозащитники принципиально отвергают насилие для осуществления какой бы то ни было цели, осуждают его и никогда к нему не прибегают. Каким же способом они действуют? — По словам одного из них, Андрея Амальрика, они

«... сделали гениально простую вещь — в несвободной стране стали вести себя как свободные люди и тем самым менять моральную атмосферу и управляющую страной традицию».

Он добавляет, что

«... неизбежно эта революция в умах не могла быть быстрой». [1]

По самосознанию и по характеру деятельности правозащитное движение является не политическим, а нравственным.

Правозащитники настаивают на «определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судеб человечества». Эта точка зрения существенно отличается от марксистской, а также от технократической, основанных на примате материальных интересов, экономических и социальных прав. Правозащитники же исходят из убеждения, что только в стране, где имеются политические свободы, граждане могут эффективно защищать и свои материальные интересы. [2]

Правозащитники явочным порядком осуществляют гарантированные советской конституцией гражданские права (свободу слова, печати, демонстраций, ассоциаций и др.), они наладили сбор и распространение информации о положении с правами человека в СССР, оказывают моральную поддержку и материальную помощь жертвам преследований за убеждения.

Жестокие преследования затрудняют и без того сложную работу правозащитников. Видимая со стороны история правозащитного движения состоит из непрерывной цепи судов, помещений в психбольницы, насильственных выталкиваний в эмиграцию, увольнений с работы и т.п. В условиях тоталитарного режима открытость независимой общественной позиции при полной беззащитности от преследований грозит, казалось бы, немедленным крахом. Однако правозащитное движение именно вследствие открытости показало себя неожиданно эффективным — его призыв был услышан и внутри страны и за ее пределами, мир не только получил богатую информацию, но и поверил в свидетельство правозащитников. Правозащитное движение, начавшееся в Москве в узкой интеллигентской среде, вышло за ее пределы, распространилось по стране, проникло в другие социальные слои; его лозунги восприняли многие национальные и религиозные движения, гораздо более массовые, чем правозащитное; оно определило характер и методы зарождающегося движения за социально-экономические права.

Московское ядро правозащитного движения стало связующим звеном между этими движениями, прежде едва знавшими о существовании других; именно правозащитная платформа стала общей для этих движений и создала почву для их объединения. Это оказалось возможным лишь для правозащитного движения благодаря плюралистичности его идеологии, в то же время ее всеобщности, объемлющей сложность переплетения национальных, религиозных, социальных, культурных, а иной раз и личных проблем в советском обществе.

Другое колоссальное достижение правозащитного движения — его выход из изоляции внутри страны на международную арену. Правозащитное движение влилось в международное движение за права человека. Распространение информации о положении с правами человека в СССР способствовало разрушению на Западе мифа о «советской демократии», довольно успешно внедрявшегося советской пропагандой на протяжении десятилетий. Открытые протесты правозащитников против нарушений прав человека в СССР привели к включению в арсенал западной общественности и дипломатии свободных стран в их отношениях с СССР требований соблюдения прав человека.

За 15 лет существования движения правозащитники не добились своей прямой цели — улучшения положения с правами человека в СССР. Власти отвергли предлагаемый им диалог на эту тему. На обращения граждан в высшие советские инстанции (1966-1968 гг.) ответом были репрессии. Обращения через западную

общественность (1969-1975 гг.) тоже не имели успеха. Поставленные перед альтернативой: утрата симпатий западной общественности или удовлетворение требований правозащитного движения, власти попытались спасти свою репутацию на Западе отдельными уступками (смягчение преследований писателей за публикации на Западе, осторожность в репрессиях против наиболее известных общественных деятелей и т.п.). Но по мере роста информированности Запада о положении с правами человека в СССР претензии к советским руководителям становились все чаще и резче, и они пожертвовали своим престижем на Западе ради сохранения самоуправства в своей стране. Таким же был итог попытки правозащитников принудить власти к диалогу с обществом через посредничество правительств стран свободного мира (1976-1982 гг.) — на основе гуманитарных статей Заключительного Акта Хельсинкских соглашений.

К началу 80-х годов стало очевидным, что требования правозащитников «преждевременны» в том смысле, что власти бесконечно далеки от осознания жизненных потребностей общества, породивших правозащитное движение. Поскольку мирным путем, единственно признаваемым правозащитниками, эти проблемы можно решить только в сотрудничестве с властями, их отказ от диалога вызвал в начале 80-х годов кризис правозащитного движения, усугубившийся из-за резкого усиления репрессий — активность его снизилась, число деятельных участников, возможно, уменьшилось. Однако это не кризис цели, которая не обесценена в глазах участников движения и далеко за его пределами, и не кризис методов. Преподанный правозащитниками пример «непротивозаконного свободомыслия» (выражение В. Чалидзе), их жертвенная верность своему идеалу оздоровили нравственный климат советского общества, помогли выбиться из безвестности национальным и религиозным движениям, проложили дорогу независимой политической мысли, ныне ищущей альтернативы существующему строю на разных путях — от «социализма с человеческим лицом» до возвращения к национальным устоям.

Я постараюсь обозначить основные этапы правозащитного движения, показать, как оно функционирует, и каковы его масштабы и перспективы.

I. НАЧАЛО (1953-1964 гг.)

Днем рождения правозащитного движения можно считать 5 декабря 1965 г., когда в Москве на Пушкинской площади состоялась первая демонстрация под правозащитными лозунгами. Разумеется, событие это имело предысторию. В советских условиях период утробного вызревания открытого общественного движения растянулся на целое десятилетие. Не могло быть иначе в обществе, которое четверть века подвергалось невиданному в истории давлению со стороны государства.

Тотальный террор прекратился после смерти Сталина. Стали массами возвращаться из лагерей осужденные по политическим статьям. Но общество оставалось в полуобморочном, шоковом состоянии. Осмысление пережитого происходило подспудно, лишь изредка прорываясь слабым всплеском на поверхность официальной литературы или прессы. Медленность оживания объясняется прежде всего вынужденной скрытостью этого процесса, а скрытость — не только страхом и даже не в первую очередь страхом. Главным тормозом самопознания общества оказалась его лишенность знания о самом себе, поскольку средства обмена идеями и информацией были полностью монополизированы государством.

В деталях отработанная система контроля охватывала и прессу, и литературу (художественную и научную, не только современную, но и переиздания, и переводы), и кинематограф, и театр, и живопись (от станковой до этикеток на спичечных коробках), и радио (не только политические передачи, но все, вплоть до музыкальных), и систему обучения (от яслей до докторантуры).

Тотальность идеологического контроля создала невиданные возможности для дезинформации и манипулирования общественным мнением. В результате общество огромной страны утратило реальное представление о своем прошлом и настоящем, его заменили мифы, разработанные официальными идеологами.

История была переписана заново. Перестали существовать целые пласты фактов и идей, имена, направления мысли, исчезли из памяти политические программы, кроме официальной.

Были забыты даже самые проблемы, прежде волновавшие умы наших соотечественников. Оставались неизвестными духовные искания современного мира за советскими границами, потому что «железный занавес» отгораживал Советский Союз от остального мира и его культуры на протяжении жизни по крайней мере двух поколений.

Сведения каждого человека о реальной жизни ограничивались собственными наблюдениями: его знания о процессах, происходивших в обществе, были замкнуты в кружке людей, непосредственно ему знакомых. Общество атомизировалось. В некоторых его атомах делались попытки осмысления новой социально-экономической системы, новой морали, нового типа человека. Но и эти ограничительные результаты умственной и духовной работы одиночек и группо-

чек оставались достоянием лишь той крохотной ячейки общности человеческого общества, внутри которой они были выработаны:

«Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны».

(Осип Мандельштам)

Именно монополия правящей партии на распространение идей и информации обусловила огромную взрывную силу XX съезда КПСС (февраль 1956 г.), который санкционировал изменение картины мира, десятилетиями преподносимой советским гражданам. Сталин, которого десятилетиями обожествляли, предстал перед всеми коварным и кровавым преступником. Саморазоблачения партийной верхушки стали первотолчком для духовного раскрепощения общества. Однако я согласна с В. Буковским в том, что Хрущев не был демиургом этого процесса, а скорее сам оказался захваченным массовым, хоть и подспудным стремлением вырваться из призрачного неисторического мира в мир реальный. [3]

XX съезд лишь слегка приоткрыл завесу в область запретного знания. Партия полностью сохранила контроль над распространением идей и информации. Официальная установка предусматривала критику «культа личности» Сталина (как на официальном языке назывались все ужасы сталинской эпохи), но исключала критику партии, в течение десятилетий проводившей этот «культ», и социально-экономической системы, сделавшей его возможным. Критика была строго ограничена сталинским периодом, и не допускалось ее распространение на послесталинское время, т.е. на текущий момент. Поэтому осмысление общего опыта сосредоточилось на художественной литературе и публицистике, обращенной в прошлое.

На авансцену выдвинулись в те годы писатели и литературные критики. Событиями огромной политической важности стали роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», повесть И. Эренбурга «Оттепель», очерки В. Овечкина о сельской жизни, альманахи «Литературная Москва» и «Тарусские страницы», но более всего — ежемесячный литературно-публицистический журнал «Новый мир». Главный редактор «Нового мира» Александр Твардовский собрал вокруг журнала все талантливое и честное, что было в русской литературе. «Новый мир» способствовал не только распространению идей либерализма, но и сплочению его приверженцев: опознавательным знаком единомышленников стал «торчащий из кармана» очередной выпуск «Нового мира». Высшим достижением А. Твардовского было добытое им с огромным трудом разрешение на публикацию повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1962 г.). Однако уже в феврале 1970 г. Твардовский был отстранен от руководства «Новым миром», и журнал зачах. Расправа с «Новым миром» произошла в общем русле ужесточения цензуры и вообще контроля над обществом. Но общество не погрузилось в прежнюю духовную и умственную прострацию. Краткосрочного ослабления давления и расширения пределов дозволенного знания оказалось достаточным для необратимых изменений в умах людей и общественной жизни. За эти годы произошло частичное сгруппирование атомов, на которые прежде распадалось общество. Эта консолидация породила демократические устремления на правовой основе в Москве, на Украине, среди депортированных народов (крымских татар, месхов, немцев и др.), привело в движение протестантские общины по всей стране (см.

соответствующие главы). Эти общности были разрознены, но цементирование каждой из них сделалось возможным с помощью счастливо найденного способа неподконтрольного распространения идей и информации, теперь известного под названием «Самиздат»: «сам сочиняю, сам цензуирую, сам издаю, сам распространяю, сам и отсиживаю за это». [4]

Рождение самиздата

В России почти всегда существовала более или менее жесткая цензура, и поэтому со времен Радищева запрещенные к публикации произведения ходили по рукам в списках. Но они лишь дополняли литературу и публицистику. Как массовое явление, как основное средство самопознания и самовыражения общества самиздат — явление уникальное. Оно характерно для послесталинской эпохи в СССР и странах со сходной социально-экономической системой.

Механизм самиздата таков: автор отпечатывает свое произведение наиболее доступным частному лицу в советских условиях способом — на пишущей машинке — в нескольких экземплярах и раздает копии своим знакомым. Если кому-то из них прочитанное покажется интересным, он делает копии с доставшегося ему экземпляра и раздает их своим знакомым и т.д. Чем больший успех имеет произведение, тем быстрее и шире происходит его распространение. Конечно, самиздат чрезвычайно нерентабелен в смысле затрат труда и времени, но он нашел талантливых авторов, энергичных и бесстрашных распространителей, у него не переводятся читатели и техническая база его совершенствуется, потому что он оказался единственно возможной формой преодоления государственной монополии на распространение идей и информации. Люди, изголодавшиеся по правдивой картине мира и несфальсифицированному знанию, готовы ради этих благ жертвовать своим временем, трудом и даже терпеть преследования.

Начался самиздат со стихов — возможно, из-за легкости перепечатывания их благодаря небольшому объему, легкости запоминания, а может быть, были тому и глубинные причины: духовное раскрепощение началось с области простых человеческих чувств.

В конце 50-х — начале 60-х годов в самиздате циркулировали и эссе, и рассказы, и статьи, но господствовали там стихи. [5] Москва и Ленинград были буквально захлестнуты списками стихов запрещенных, забытых, репрессированных поэтов предреволюционного и советского времени — Ахматовой, Мандельштама, Волошина, Гумилева, Цветаевой и еще многих, сохраненных памятью людей старшего поколения. Жадно читали и поэтов-современников. Огромной популярностью пользовались и некоторые официально дозволенные (Евтушенко, Мартынов), но благодаря самиздату знали и не печатаемых государственными издательствами — Иосифа Бродского, Наума Коржавина и многих-многих других.

Увлечение поэзией стало знамением времени. Стихами болели тогда люди, ни прежде, ни позже поэзией и вообще литературой особенно не интересовавшиеся. Более того, повышенная жажда самовыражения, пробудившаяся в сбросившем оцепенение обществе, многих заставила взяться за перо. По оценке Юрия Мальцева, в тогдашнем самиздате ходили произведения более 300 авторов. [6] Среди них преобладали молодые. [7]

Владимир Буковский пишет о том времени, что по всей Москве в учреждениях и конторах машинки были загружены до предела: все кто мог перепечатывал

для себя и для друзей — стихи, стихи, стихи... Создалась молодежная среда, паролем которой было знание стихов Пастернака, Мандельштама, Гумилева. [8]

Страсть к стихам, вспыхнувшая в конце 50-х годов, породила впервые в советской столице не запланированные официально сходки под открытым небом.

Получилось это спонтанно.

29 июня 1958 г. в Москве открыли памятник поэту Владимиру Маяковскому на площади его имени. На официальной церемонии официальные поэты читали стихи. А когда официальная часть закончилась, стали читать стихи желающие из публики. Незапланированный вечер поэзии многим понравился, и договорились встретиться здесь же, у памятника, снова. Чтения стали происходить чуть ли не каждый вечер. Большинство участников составляли студенты. Наряду с разрешенными читали стихи забытых и репрессированных поэтов, а также свои собственные. Иногда возникали литературные дискуссии.

Власти сначала не препятствовали этим сходкам. В «Московском комсомольце» от 13 августа 1958 г. даже появилась одобрительная статья с указанием места и времени встреч, но вскоре эти собрания были прикрыты. Однако в сентябре 1960-го их возобновила группа студентов. Прослышав об этом, стали приходить участники прежних встреч у памятника. На этот раз чтения происходили по субботним и воскресным вечерам. Собиралось по нескольку сот человек. Люди были самые разные. Некоторых действительно интересовало лишь искусство, они горячо настаивали на праве искусства оставаться «чистым от политики», что парадоксально приводило их в самую гущу общественной борьбы того времени. Но для многих участников сходок они были привлекательны именно своим общественным звучанием.

Власти стали мешать встречам. Дружинники задерживали чтецов, записывали их фамилии и сообщали в институты. Обычной мерой наказания было исключение с «волчьим билетом». Периодически проводились обыски у активистов чтений, у них выгребали машинописные листки со стихами и прочий самиздат. На площади Маяковского провоцировались драки, иногда памятник оцепляли и не подпускали к нему в обычное для встреч время.

Эти собрания продолжались до осени 1961 г., когда перед XXII съездом партии, обеспечивая «порядок» в Москве, их окончательно разогнали. Летом 1961 г. были арестованы несколько завсегдатаев сходок. Владимир Осипов, Эдуард Кузнецов и Илья Бокштейн были осуждены по статье 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») за то, в чем повинны они не были — якобы за попытку создания подпольной организации. Осипов и Кузнецов получили по 7 лет лагеря, Бокштейн — 5. [9]

Об участниках встреч на площади Маяковского появилось несколько статей в московских газетах. Их всячески поносили за «безыдейность», за то, что они бездельники, нигде не работают. Это последнее соответствовало действительности: студентов, выгнанных из институтов за посещение этих сходок, никуда не брали на работу. Вынужденно незанятая жизнь исключенных студентов и выгнанных с работы располагала к бессмысленной трате времени; грешила эта среда и пьянством, и сквернословием, и вообще свободой нравов. В этой молодежной среде в середине 60-х годов зародилось первое неофициальное литературное объединение, отражавшее все ее достоинства и недостатки. Эта литературная группа назвала себя «СМОГ», что расшифровывалось двояко: «Смелость, Мысль, Образ, Глубина» или (чаще) «Самое Молодое Общество Гениев». Наиболее близкими

смогистам в русском искусстве были авангардисты начала нашего века, искания которых насильственно оборвали в конце 20-х годов.

В феврале 1966 г. смогисты выступили с манифестом, в котором писали:

«Мы, поэты и художники, писатели и скульпторы, возрождаем и продолжаем традиции нашего бессмертного искусства... Сейчас мы отчаянно боремся против всех: от комсомола до обывателей, от чекистов до мещан, от бездарности до невежества — все против нас». [10]

Отвращение к формам советского соцреалистического искусства сочеталось у этой молодежи с отвращением к устоявшемуся быту, к партийной пропаганде, к стилю и духу официальной общественной жизни. Смысл их литературных и духовных поисков был в бегстве от всего навязываемого, скорее не из-за осознанного политического протеста против данной системы, а из-за отвращения к банальности и заданности. Однако, при жгучей потребности сказать что-то свое, смогисты были неопытны, и лишь немногие обладали талантом. СМОГу была свойственна претенциозность, что видно уже из названия группы. Его участники проявляли склонность к эпатажу. В апреле 1965 г. они устроили демонстрацию у Центрального Дома литераторов, — пожалуй, первую неофициальную демонстрацию в советской Москве. Демонстранты несли лозунги с требованием творческих свобод и среди них — «Лишим соцреализм девственности». [11]

Сколько было смогистов, трудно сказать, потому что четкого членства не было. Каждый должен был сам решить, принадлежит ли он к СМОГу, и не обязан был никого оповещать об этом. В демонстрации участвовало человек 200, но трудно сказать, кто из участников считал себя смогистом, а кто лишь случайно присоединился к шествию.

Смогисты издавали самиздатский журнал «Сфинксы», распространявшийся преимущественно среди студентов; выпустили тем же способом несколько сборников рассказов и стихов. Однако в самиздате их писания не имели широкого распространения: вкладывать труд в перепечатку, да к тому же с риском быть за это уволенным или даже получить лагерный срок находились охотники лишь ради произведений, которые уж очень понравились. Вообще самиздатские тиражи в большинстве случаев невелики. Самиздатские журналы, которых задумывалось тогда немало, умирали во втором-третьем выпуске и редко выходили из круга знакомых автора. Наиболее известными из таких журналов стал «Синтаксис», три выпуска которого издал в 1960 г. Александр Гинзбург, студент-заочник Московского университета. Известность «Синтаксиса» объясняется тем, что в связи с арестом Гинзбурга о нем упомянула советская пресса (конечно, в ругательном тоне), но прочесть сборники смогли лишь знакомые Гинзбурга в Москве и в Ленинграде. О «Синтаксисе» часто пишут как о первом самиздатском журнале. [12] Но Буковский рассказывает в своих воспоминаниях, что он участвовал в издании рукописного журнала еще школьником, в 1959 г. [13] Скорее всего, и этот журнал не был первым.

Из воспоминаний А. Левитина-Краснова, А. Амальрика, В. Буковского, П. Григоренко [14] и других видно, что при общей неосведомленности о происходившем за пределами дружеского кружка каждый мемуарист убежден, что самиздат зародился в том круге, к которому он сам принадлежал, и каждый прав:

истоки эти обнаружились не в какой-то одной дружеской компании, а во многих сразу. У каждого круга были свои авторы и свой самиздат.

В самиздатскую деятельность вовлеклись люди всех возрастов, всех поколений. Характерное для самиздата явление — не только юный смогист, но и старушка-пенсионерка, стучащая на машинке у себя в комнате. Среди людей зрелого возраста наряду со стихами стали ходить мемуары, которые особенно часто писали бывшие лагерники. По словам Хрущева, редакции официальных журналов получили более 10 тысяч воспоминаний на лагерные темы. [15]

«Взрослый» самиздат довольно быстро политизировался. Рой Медведев с 1964 г. по 1970 г. ежемесячно издавал материалы, позже вышедшие на Западе под названием «Политический дневник». [16]

В первые выпуски «Политического дневника» вошли материалы о смещении Хрущева и о попытках нового руководства реабилитировать Сталина. Постепенно выкристаллизовались такие постоянные разделы: «Обзор главных событий за месяц»; «Письма, статьи и рукописи»; «Из литературной жизни»; «Из прошлого»; «Заметки на экономические темы» и «Национальные проблемы».

Р. Медведев сообщил позднее, [17] что поставщиками материалов для «Политического дневника» были несколько его друзей, среди них Евгений Фролов, ответственный работник журнала «Коммунист» — органа ЦК КПСС. Фролов имел доступ к непубликуемым партийным документам и делал копии для «Дневника» (не на ксероксе, которого у него не было, а печатая на пишущей машинке вечером, когда уходили из редакции сотрудники. Чтобы иметь текст выступления Хрущева на XX съезде партии, Фролов просидел за машинкой 12 часов).

Регулярными читателями этих выпусков были человек 40 знакомых Медведева — партийные работники, а также писатели и ученые, тоже в большинстве члены партии. Выпуски «Политического дневника» Медведев печатал сам в пяти экземплярах, однако наиболее интересные документы и выступления распространялись гораздо шире — видимо, из других источников. Я помню, например, самиздатские записи выступлений на закрытом совещании в Институте марксизма-ленинизма по поводу макета нового издания истории КПСС и ту же речь Хрущева, хотя доступа к «Политическому дневнику» не имела и даже не слыхала о нем.

Самые выдающиеся произведения самиздата расходились довольно широко, их копии множились с поразительной для столь несовершенного способа распространения быстротой. Даже при большом объеме произведения, затруднявшем перепечатку, через несколько месяцев после первой закладки оно оказывалось в кругах, никак не связанных с личными знакомыми автора, часто — в других городах.

Сначала самиздат был беден собственными произведениями и использовался преимущественно для переводов (тоже сделанных тайными добровольцами): в машинописных копиях ходили переведенные на русский «По ком звонит колокол» Хемингуэя, «Мрак в полдень» Кестлера, «1984-й» Орвелла, несколько позже — «Новый класс» Джиласа. Перепечатывали и произведения, изданные в СССР, но малодоступные из-за давности издания или маленького тиража. Я сама перепечатала сборник стихов Киплинга, вышедший в русском переводе в 1927 г. и к концу 50-х ставший библиографической редкостью. Михайло Михайлов, побывавший в СССР в 1964 г., видел роман Дудинцева «Не хлебом единым» из «Нового мира» за 1956 г., перепечатанный на машинке. Это сделали в провинции, где «Новый мир», к тому же восьмилетней давности, был недосягаем. [18]

Из оригинальных литературных произведений первым широко распространился в самиздате роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1958 г.).

«Доктор Живаго» был издан за границей, и в виде книги вернулся на родину (тайными путями, конечно, — такие книги позже стали называть «тамиздатом»). Тамиздатские книги циркулировали наряду с машинописью, и с них тоже делались копии с помощью машинки или фотоаппарата.

У самиздатских копий, как правило, высокий коэффициент читаемости. Они переходят от знакомого к знакомому. Хорошую самиздатскую книгу большинству удается получить на короткий срок, иной раз — на одну ночь, потому что ее ждет очередь желающих прочесть ее. В такую ночь не ложится спать все семейство, а то и друзья приглашаются принять участие в коллективном чтении. Люди сидят вместе, передавая друг другу прочитанные листки. Иногда устраиваются коллективные чтения — вслух с книги или при помощи проектора — с фотопленки.

Распространению самиздата, во всяком случае среди москвичей, способствовало изменение жизни во второй половине 50-х годов.

При Сталине, когда доносительство было нормой, неделовое общение между людьми сократилось до минимума. В Москве почти не было домов, куда были бы вхожи многие. Как правило, тесно общались между собой по две-три семьи. Когда же ужас беспричинных арестов миновал, люди кинулись друг к другу, испытывая наслаждение от самого факта пребывания вместе. Обычная московская компания того времени насчитывала человек 40-50 «близких друзей». Конечно, она делилась на более тесные ячейки, но все причастные к компании виделись регулярно на вечеринках, которые происходили по малейшему поводу и без повода, все все знали друг о друге. Каждая компания соприкасалась с несколькими такими же, и связи тянулись в Ленинград, Киев, Новосибирск и другие города.

Разумеется, собирались за столом, и пили не только квас. В этих компаниях завязывались романы, возникали и рушились семьи. Пели, танцевали, слушали музыку и песни. Именно в эти годы появились в продаже магнитофоны, и стоили они не так уж дорого. Это способствовало вихревому распространению по стране песен Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, а несколько позже — Александра Галича. Во многих компаниях был «свой» певец, певший под гитару их песни, и свои собственные, а также — лагерные, которые после массового возвращения из лагерей запела вся страна. Эти песни — современный фольклор, как и анекдоты. Любое событие порождает лавину анекдотов. Обмен ими — любимое времяпрепровождение советских людей всех слоев общества. Это не просто способ пошутить, это основная возможность сформулировать и передать другим свои политические оценки и жизненные наблюдения.

Но больше всего в этих компаниях — «трепались». Московские компании и стиль общения в них очень точно изобразил Юлий Даниэль (Николай Аржак) в своих повестях «Говорит Москва» и «Искупление». [19] Размышления и рассуждения, типичные для московских интеллигентов того времени, ему инкриминировали как антисоветские. На самом деле эти люди были вполне лояльными гражданами. Конечно, они немало говорили о недостатках советской системы, кое-кто называл их даже пороками, но никто не намеревался ее «подрывать» или «ниспровергать». Однако неблагополучие было для всех очевидным, и все говорили, говорили об этом — то серьезно, то смеясь над нелепостями и уродствами советской жизни и над общей (и собственной) покорностью властям. Эти разговоры помогали понять, нащупать, что же представляет собой советское общество

и как в нем жить, что в нем можно принять, а что — нужно отвергнуть, и как противостоять назойливому официальному вмешательству в жизнь и в работу. В таком осмыслении окружающего одинаково нуждались тогда и молодые, и зрелые, и даже старые люди — все они делали на этом пути первые шаги.

Большие компании, где установилось доверие друг к другу, создали прекрасную среду для распространения самиздата. Самиздат циркулировал во многих таких интеллигентских компаниях и переходил в смежные. Все знали, что надо при этом быть осторожными, но редко кто действительно был осторожен. Обычно все ограничивалось неуклюжим камуфляжем — и люди сами смеялись над своими конспиративными потугами. Ходил тогда в Москве анекдот о телефонном разговоре приятелей, обменивающихся самиздатом:

— Ты уже съел пирог, который тебе вчера дала моя жена?

— Съел.

— И жена твоя съела?

— Да.

— Ну, тогда передай его Мише — он тоже хочет его попробовать.

Но тогда же появились люди, вовсе не таившиеся.

Официальная позиция, провозглашенная на XX съезде, была явно нелогична: сказав «а» (осудив сталинщину), нельзя было не сказать «б» (изменить систему так, чтобы исключить возможность повторения сталинщины). Между тем официальная позиция была такова, будто словесным осуждением «культа личности» все проблемы решены, и сейчас все обстоит прекрасно. Но у людей открылись глаза на уродства и несообразности советского бытия. Вызывало тревогу явное стремление властей всех уровней ограничиться минимумом перемен, постоянное скатывание верхов к сталинской традиции. Подавление венгерской революции произошло в том же 1956 г., вскоре после XX съезда.

Во внутренней жизни доказательства тому тоже встречались на каждом шагу. И все-таки большинство верило, что поскольку на нынешней зыбкой позиции долго удержаться нельзя, а прошлое слишком ужасно, советское государство, даже против воли его руководителей, пойдет по пути либерализации. Михайло Михайлов, побывавший в Москве летом 1964 г., отметил, что

> *«... недовольство половинчатой ликвидацией сталинщины — всеобщее, но все глубоко уверены, что борьба со сталинщиной только началась, и настроены в отношении исхода этой борьбы оптимистически».* [20]

Наблюдения Михайлова основывались главным образом на общении с московскими студентами и с известными писателями. Однако эти настроения были тогда сильны и на заводах, и в научных учреждениях, в том числе среди членов партии, включая руководящих работников довольно высоких уровней.

Нередки были в те годы открытые выступления с критикой половинчатости решений XX съезда и требованиями реформ системы, которые сделали бы невозможным новый «культ личности». Чаще всего такие требования исходили от членов партии. Естественной трибуной их выступлений были партийные собрания. В марте 1956 г. на открытом собрании в Институте физики Академии наук выступил молодой ученый Юрий Орлов, будущий создатель Московской Хельсинкской группы. Он говорил об общем упадке чести и морали и о необходимости демократических преобразований в стране. Его поддержали еще трое.

Эти выступления были встречены аплодисментами, но потом выступавшие были исключены из партии и уволены с работы. Коллеги ничем не могли им помочь, лишь собирали деньги для безработных. Орлов был вынужден на 15 лет покинуть Москву, он нашел работу только в Армении. [21] Известны такие же выступления генерала Петра Григоренко — начальника кафедры в Академии Генштаба (в Москве, на районной партконференции в сентябре 1961 г.) [22] и писателя Валентина Овечкина (в Курске, в то же самое время). [23] Оба поплатились партбилетами и карьерой. Были в эти годы и политические аресты: в 1956 г. группа молодых ленинградцев (Револьт Пименов и его товарищи), в 1957 — группа москвичей (Лев Краснопевцев и др.) за участие в подпольных кружках, распространявших листовки с критикой режима; в 1958 г. — группа С. Пирогова (Москва), [24] в 1960 г. был арестован составитель журнала «Синтаксис» Александр Гинзбург, [25] в 1961 г. — трое активистов сходов на площади Маяковского (В. Осипов, Э. Кузнецов, И. Бокштейн), [26] в 1962 г. — участники подпольных московских групп Юрия Машкова и Виктора Балашова, [27] в 1964 г. был помещен в психбольницу П. Григоренко. [28] Однако информационных самиздатских изданий еще не было, и об этих увольнениях и арестах узнали лишь знакомые репрессированных, а за пределами их круга ходили лишь неопределенные слухи. Большинство верило Хрущеву, не раз утверждавшему публично, что в СССР нет политзаключенных.

II. ПЕРВЫЕ ПРАВОЗАЩИТНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ (1965-1968 гг.)

Осенью 1965 г. были арестованы московские писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Они повторили попытку Пастернака — опубликовали свои произведения за рубежом. Однако, наученные опытом Пастернака, подвергнутого дикой травле, они сделали это тайно, под псевдонимами (Абрам Терц и Николай Аржак).

Арест произошел менее чем через год после «дворцового переворота», устранившего Хрущева. Это был первый арест, о котором сообщили зарубежные радиостанции, работавшие на Советский Союз (Даниэля при этом назвали Даниэло). Время от времени эти же радиостанции сообщали о возмущении на Западе: произведения Абрама Терца и Николая Аржака были переведены на европейские языки [29] и имели успех.

Сообщение по зарубежному радио сделало арест писателей довольно широко известным, и он встревожил всех как-то причастных к самиздату.

Арест писателей был воспринят как пролог к зловещим переменам.

Видимо, этим арестом новое советское руководство объявляло войну самиздату — его авторам, распространителям и читателям. Не только друзья и знакомые арестованных, но и вовсе незнакомые люди горячо обсуждали, во что это выльется. Расправятся ли с арестованными втихую, или устроят «показательный» процесс по образцу сталинских? Тогда от подсудимых какими-то неясными путями

добивались, чтобы они возводили на себя чудовищные поклепы и даже просили судить их «без снисхождения». Остановятся ли власти на этом аресте или за ним последуют другие? Каков будет приговор? — Никто не знал этого, и суждения высказывались самые разные, вплоть до предсказаний расстрела.

В этой обстановке тревоги и неопределенности 5 декабря 1965 г. на Пушкинской площади в Москве произошла первая за время существования советской власти демонстрация под правозащитными лозунгами.

За несколько дней до 5 декабря, который отмечался как день советской конституции, в Московском университете и нескольких гуманитарных институтах были разбросаны листовки с «Гражданским обращением», отпечатанные обычным самиздатским способом — на пишущей машинке:

> *«Несколько месяцев тому назад органами КГБ арестованы два гражданина: писатели А. Синявский и Ю. Даниэль. В данном случае есть основания опасаться нарушения закона о гласности судопроизводства. Общеизвестно, что при закрытых дверях возможны любые беззакония, и что нарушение закона о гласности (ст. 3 Конституции и ст. 18 УПК РСФСР) уже само по себе является беззаконием. Невероятно, чтобы творчество писателей могло составить государственное преступление.*
> *В прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем. Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия вовремя не остановленного произвола.*
> *У граждан есть средства борьбы с судебным произволом, это — «митинги гласности», во время которых собравшиеся скандируют один-единственный лозунг: «Тре-бу-ем глас-нос-ти су-да над...» (следуют фамилии обвиняемых), или показывают соответствующий плакат. Какие-либо выкрики или лозунги, выходящие за пределы требования строгого соблюдения законности, безусловно, являются при этом вредными, а, возможно, и провокационными и должны пресекаться самими участниками митинга.*
> *Во время митинга необходимо строго соблюдать порядок. По первому требованию властей разойтись — следует расходиться, сообщив властям о цели митинга.*
> *Ты приглашаешься на «митинг гласности», состоящийся 5 декабря с.г. в 6 часов вечера в сквере на площади Пушкина у памятника поэту.*
> *Пригласи еще двух граждан посредством текста этого обращения».* [30]

Автором обращения и инициатором демонстрации был Александр Есенин-Вольпин, человек во многих отношениях замечательный. Сын Сергея Есенина, математик и поэт, он дважды подвергался заключению в психиатрические больницы: в 1949 г., в 25-летнем возрасте за «антисоветские стихи», и уже после смерти Сталина, в 1959 г., за то, что передал за границу сборник своих стихов и свой «Свободный философский трактат». [31]

Александр Вольпин задолго до описываемых событий стал пионером правового просвещения. Он разъяснял всем желавшим его слушать простую, но непривычную для советских людей мысль: что законы следует понимать так, как они написаны, а не так, как их трактует начальство, и требовать их буквального выполнения. Любимой идеей Вольпина была необходимость гласности процессуальных действий, что и отразилось в Гражданском обращении.

Люди того круга, к которому по возрасту и общественному положению принадлежал Вольпин, не поддержали идеи демонстрации из-за ее необычности да и небезопасности. Многие отговаривали его от этой затеи. Помогали распространять обращение смогисты. Трое распространителей были задержаны: 16-летняя школьница Юлия Вишневская, 24-летний Владимир Буковский и 19-летний Леонид Губанов. Всех их упрятали в психбольницы. Вишневскую и Губанова отпустили через месяц, а Буковского продержали около 8 месяцев.

По оценке Буковского (со слов его приятеля, побывавшего на демонстрации), к памятнику Пушкину в назначенное время пришло около 200 человек. [32] Но я была на площади и думаю, что демонстрантов было гораздо меньше, однако туда нагнали кагебистов в штатском и дружинников, и трудно было понять, кто есть кто. К тому же большинство находившихся на площади «своих» участия в демонстрации, как и я, не принимали, а лишь наблюдали за ней со стороны.

Вольпин и несколько человек рядом с ним развернули небольшие плакаты, но их быстро выхватили натренированные руки, и даже стоявшие рядом не успели прочесть, что было на плакатах. Потом стало известно, что надписи гласили: «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!» и «Уважайте советскую конституцию!».

Задержали человек 20. Их заталкивали в легковые машины. Сцену хорошо было видно из-за вспышек фотоаппаратов западных корреспондентов, они узнали о демонстрации и пришли посмотреть на столь необычное в советской столице зрелище.

Задержанных отпустили через несколько часов. В большинстве это были студенты. Все они и замеченные на площади в тот вечер были исключены из институтов — примерно человек 40.

Суд над Синявским и Даниэлем был объявлен открытым — возможно, из-за огласки за рубежом и этой демонстрации пришлось его сделать таким. Правда, открытость суда была своеобразной: вход в здание суда охранялся милиционерами, пропускали внутрь лишь отобранных кагебистами людей, по специальным пропускам. С тех пор «открытые» суды по политическим мотивам за редким исключением проходят так же. Из близких подсудимым людей только жены получили доступ в зал.

Все четыре дня, пока длился суд, стояли сильные морозы. Друзья подсудимых, корреспонденты западных газет и кагебисты — все толпились в довольно тесном дворе, стучали ногой об ногу и прыгали, чтобы согреться. Все эти группы держались особняком, не смешиваясь.

Совместное стояние у суда пробило первую брешь в отчужденном отношении будущих правозащитников к «корам», как стали называть в Москве корреспондентов свободной прессы. До тех пор не более двух-трех москвичей, если не считать должностных лиц, поддерживали с «корами» хотя бы эпизодическое общение. Первым деловую связь с «корами» установил Андрей Амальрик, но случилось это почти год спустя после суда над Синявским и Даниэлем. Тогда же, у суда, все настороженно замолкали, если кто-то из «коров» приближался. Корреспонденты тоже сторонились собравшихся — возможно, не умея отличить сочувствующих подсудимым от стукачей, а, возможно, чувствуя такое же опасливое отчуждение от «этих советских». Однако, когда из зала суда выходила публика — на обеденный перерыв или по окончании заседания, все бросались к женам подсудимых. Они тут же, во дворе, рассказывали друзьям, что происходит внутри, и

слушали их не только близкие, но и корреспонденты, и кагебисты. И каждый вечер по зарубежному радио шли сообщения о суде и комментарии «морозоустойчивой прессы», самоотверженно дежурившей у суда. Благодаря этому узнали о суде и связанных с ним событиях не только на Западе, но и в СССР — даже там, куда самиздат не проникал и слова такого до тех пор не слыхали. Так будущие правозащитники открыли доступный им очень мощный источник распространения своих идей и информации.

Суд завершился суровыми приговорами: 7 лет лагеря строгого режима Синявскому и 5 — Даниэлю. Но подсудимые и их доброжелатели чувствовали себя победителями. Осужденные не каялись и не осуждали свою «преступную» деятельность, а отстаивали право поступать так, как они поступили. Не зная наперед, какая расправа их ждет, они оспаривали правомочность суда, выступая с позиций, прежде неведомых советскому обществу, а именно: требуя соблюдения конституционных прав, свободы творчества и уважения к личности.

Суд над Синявским и Даниэлем помог сделать важное открытие: что власти отказались от бессудных расправ, от пыток и избиений во время следствия, от приписывания прямых террористических намерений тем, кого они обвиняли в «антисоветской агитации», и, следовательно, от смертных приговоров за словесный «антисоветизм». Это было существенным снижением давления на общество по сравнению со сталинским временем. Однако прочтение законов властями попрежнему определялось принципом «кто не с нами — тот против нас». Реальное осуществление гарантированной конституцией свободы слова по-прежнему считалось «антисоветской агитацией и пропагандой с целью подрыва советского общества и государства», как гласит статья 70 Уголовного кодекса РСФСР, по которой осудили Синявского и Даниэля. При своеобразных отношениях между властью и гражданами в СССР, этот суд как бы объявил «таксу» за инакомыслие — максимальный срок по статье 70 (7 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки). Последующие годы показали, что нашлось немало людей, которых эта цена не остановила в их стремлении говорить правду вслух. Приговоры Синявскому и Даниэлю не прекратили распространения самиздата и практики публикаций за границей.

И еще одно важное следствие этого суда: в самиздате появилась Белая книга, включавшая запись судебного заседания, газетные статьи о «деле» писателей и — письма в их защиту.

Кампанию писем начали жены арестованных. В декабре 1965 г. жена Даниэля Лариса Богораз написала письмо генеральному прокурору — протест против ареста за художественное творчество и незаконных приемов следствия.

«Старший следователь подполковник Г.П. Кантов утверждает в беседах со мной и во время допросов, что мой муж виновен и понесет наказание... Такая предрешенность дела в процессе следствия заставляет меня сомневаться в объективности ведения дела...

Следователь позволил себе косвенные угрозы: если я буду плохо себя вести («вы понимаете, о чем я говорю», — хотя я абсолютно не понимаю, о чем идет речь), у меня могут быть неприятности по службе, «когда там узнают». Что узнают? Что мой муж под следствием? Но он ведь еще не признан виновным. А если и был бы признан, какие у меня могут быть неприятности и почему? Неужели мы возвращаемся к временам репрессий против семей осужденных, обвиняемых, подозреваемых людей?.. Я... требую соблюдения норм человечности и законности». [33]

За прошедшие с тех пор годы таких писем написано несчетное число, но в 1965 г. такой тон и аргументы были новаторскими.

Лариса Богораз оказала огромное влияние на развитие событий в тот начальный период. Она стала притягательным центром для людей, сочувствовавших арестованным. Ее органичное правосознание и спокойное бесстрашие заражали, ее позиция служила примером. От Богораз и ее друзей эти новые идеи как круги по воде расходились по Москве, сказались на содержании и тоне других писем в защиту Синявского и Даниэля.

Известно 22 таких письма. [34] 20 из них написаны москвичами. Подписали эти письма 80 человек, в том числе более 60 членов Союза писателей.

Конечно, озабоченность именно писателей по поводу этого суда, как и по поводу суда над Бродским (см. стр. 220-221), в большой степени объясняется тем, что речь шла о свободе художественного творчества и судили их коллег, но и это не случайно: для русской литературы традиционен антагонизм с властями, лучшие русские писатели всегда отстаивали уважение к личности, были ее защитниками.

Письма о Синявском и Даниэле написали в основном их сверстники (т.е. люди среднего возраста), а то и пожилые. Все они были с высшим образованием, некоторые — с учеными степенями; все имели работу в соответствии со своим образованием. Это был советский образованный «средний класс», что отличало авторов писем от заводил с площади Маяковского и смогистов, начавших конфронтировать с властями смолоду и так и не вписавшихся в официальное общество.

Новый общественный круг, заявивший свои претензии власти, избрал для этого не демонстрации, а эпистолярную форму, дававшую больше возможностей для индивидуального самовыражения (интересно отметить, что никто из авторов писем в защиту Синявского и Даниэля, кроме Есенина-Вольпина, не был участником демонстрации 5 декабря 1965 г., хотя некоторые присутствовали на Пушкинской площади в качестве зрителей).

Письма в защиту несправедливо репрессированных писали и прежде, даже в годы сталинского террора. В те времена написать такое письмо были величайшей наивностью или актом величайшего мужества, так как это могло привести к аресту самого автора. Но эти письма не были правозащитными документами: их аргументация исчерпывалась уверениями, что репрессированный человек предан советской власти и арестован «по ошибке».

В 1958 г., во время травли Бориса Пастернака за опубликование за границей «Доктора Живаго», в самиздате ходила стенограмма собрания в Союзе писателей, где его коллеги «осудили» его. [35] Тогда многие сочувствовали писателю и выражали свое сочувствие вслух. Очень может быть, кто-то и писал о своем возмущении травлей, но эти письма прочли лишь чиновники, которым они были адресованы.

Так что усилия в защиту Пастернака остались неизвестными. Это можно сказать и о письмах по «делу» поэта Бродского, осужденного в Ленинграде в 1964 г. на 5 лет ссылки якобы за тунеядство: эти письма тоже не распространялись через самиздат.

Писавшие письма в защиту Синявского и Даниэля не рассчитывали, что власти прислушаются к их аргументам и откажутся от суда. Целью этих писем было заявить о неприятии официальной точки зрения на этот судебный процесс и на проблему взаимоотношений личности и государства. Эти письма были рассчитаны скорее не на чиновников, которым они были адресованы, а на читателей самиздата. Эти письма, как и вся Белая книга, сыграли огромную роль в форми-

ровании нарождавшегося независимого общественного мнения, в распространении правосознания.

Суд над писателями был не единственным признаком курса нового советского руководства на ресталинизацию.

В печати все чаще стали появляться произведения, оправдывавшие и возвеличивавшие Сталина, а антисталинские высказывания не пропускались. Усилилось давление цензуры, ослабленное после XX съезда. Эти тревожные симптомы вызывали многочисленные протесты, индивидуальные и коллективные. В них приняли участие и рядовые граждане и известные писатели, ученые и пр. Каждый такой протест становился событием общественной жизни: письма Лидии Чуковской (апрель 1966 и февраль 1968 гг.), обращение А. Солженицына к IV съезду писателей (май 1967 г.) и отклики на это письмо более 80 писателей; письма Льва Копелева (декабрь 1967 г.) и Г. Свирского (январь 1968 г.); письмо в ЦК 43 детей коммунистов, репрессированных в сталинские времена (сентябрь 1967 г.); письма Роя Медведева и Петра Якира в журнал «Коммунист» с перечнем преступлений Сталина; письмо советским руководителям Андрея Сахарова, Валентина Турчина и Роя Медведева о необходимости демократизации советской системы и др. [36]

Наиболее представительными по составу подписавшихся были:

1. Обращение к депутатам Верховного Совета по поводу введения в уголовный кодекс статьи 190 (наказание лагерем до 3 лет за «клевету на советский общественный и государственный строй» и за «организацию групповых действий, нарушающих работу общественного транспорта») и

2. Письмо Брежневу о тенденциях реабилитации Сталина. [37]

Среди подписавших эти письма — композитор Шостакович, 13 академиков (в том числе А.Д. Сахаров), знаменитые режиссеры, артисты, художники, писатели, старые большевики — члены партии с дореволюционным стажем.

Доводы против ресталинизации были самые лояльные (ресталинизация внесет разлад в советское общество, в сознание людей, ухудшит отношения с коммунистическими партиями Запада и т.п.), но протест против возрождения сталинизма был выражен энергично.

В начале 1968 г. письма с протестами против ресталинизации дополнились письмами против судебной расправы с молодыми самиздатчиками (Юрий Галансков, Александр Гинзбург, Алексей Добровольский, Вера Лашкова). Все четверо были студентами-вечерниками, и зарабатывали на жизнь неквалифицированным трудом; кроме Лашковой, остальные пережили исключения из институтов, а Гинзбург и Добровольский даже отбыли лагерные сроки по политическим причинам.

«Процесс четырех» был непосредственно связан с делом Синявского и Даниэля: Александр Гинзбург и Юрий Галансков обвинялись в составлении и передаче на Запад Белой книги. Юрий Галансков, кроме того, обвинялся в составлении самиздатского литературно-публицистического сборника «Феникс-66», а Лашкова и Добровольский — в содействии Галанскову и Гинзбургу. [38]

По форме протесты 1968 г. повторили события двухлетней давности, но в «расширенном» масштабе: демонстрация «недоучек», в которой участвовало около 30 человек; за эту демонстрацию были осуждены по новой статье 190 на трехлетние сроки Владимир Буковский и его друг Виктор Хаустов; [39] стояние у

суда — но собралась не кучка друзей обвиняемых, как 2 года назад, а люди разного возраста и разного общественного положения. В день приговора у суда толпилось около 200 человек. [40] Петиционная кампания тоже была гораздо шире, чем в 1966 г. «Подписантов», как стали называть участников письменных протестов против политических преследований, оказалось более 700. [41] Андрей Амальрик в своей работе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» проанализировал их социальный состав. Среди них преобладали люди интеллигентных профессий: ученые составили 45%, деятели искусств — 22%, издательские работники, учителя, врачи, юристы — 9%. Заметную часть «подписантов» на этот раз дала техническая интеллигенция (13%); рабочих оказалось даже больше, чем студентов (6% и 5% соответственно). Правда, рабочие были «нетипичные» — главным образом из молодых «недоучек». [42]

Таким образом, преобладающей формой протеста в 1968 г. стали письма в советские инстанции. Участие в петиционной кампании приняли представители всех слоев интеллигенции, вплоть до самых привилегированных.

Амальрик заметил по этому поводу, что обращение с петициями характерно для авторитарных обществ. Он напоминает, что с петиций к королю начиналась французская революция 1830 г. и движение, свергшее эфиопскую монархию в 1975 г. [43] Можно добавить, что и в России в последние десятилетия царской власти были распространены петиции. Так что возникновение кампании петиций в СССР как бы свидетельствовало, что советское государство после смерти Сталина из тоталитарного стало превращаться в авторитарное. Эти петиции и выступления против ресталинизации затормозили ее наступление. Не будь их, этот процесс был бы куда более быстрым и крутым. Но непосредственного успеха подписантская кампания 1968 г. не имела: Гинзбург был осужден на 5 лет лагеря, Галансков — на 7 (в 1972 г. он умер в заключении после неудачной операции язвы желудка), а над «подписантами» была устроена массовая расправа.

За редким исключением, члены партии были изгнаны из партии, что автоматически вело к увольнению с работы. Многих беспартийных тоже уволили или перевели на более низкие должности; студентов исключали из институтов; художников и писателей — из творческих союзов, их перестали публиковать (выставлять); ученые, ожидавшие защиты диссертации, не смогли их защитить и т.д. Эти люди, до тех пор благополучные, оказались изгоями. [44]

При зарождении «петиционной кампании» исключительно важным было обращение протеста именно к властям. Это было революционным шагом по сравнению с десятилетиями, когда критика властей была лишь для разговоров с друзьями, а в официальных выступлениях те же люди не решались ее высказать, повторяли казенные штампы. Одновременная передача в самиздат критических писем, адресованных в официальные инстанции, служила примером, помогала формированию нарождавшегося общественного мнения.

Среди писем по поводу «процесса четырех» выделялось обращение Ларисы Богораз и Павла Литвинова — оно было адресовано не в советские официальные инстанции, а «мировой общественности» — не только к советским гражданам, но и к Западу. Это было преодолением общего комплекса против «вынесения сора из избы». Авторы письма призывали требовать освобождения подсудимых из-под стражи и назначения повторного судебного разбирательства в присутствии международных наблюдателей. [45]

Письмо Богораз и Литвинова дало резонанс на Западе: его поместили многие газеты; лондонская «Таймс» опубликовала о нем передовую; [46] зарубежные радиостанции, работающие на СССР, многократно передавали его полный текст, что сделало известным это обращение в СССР и вызвало поток писем к авторам — и сочувственных и ругательных. [47]

В перипетиях 1966-1968 гг. сформировался круг правозащитников. «Отбор» происходил не по признаку сочувствия либеральным идеям (сочувствие это, в Москве во всяком случае, было весьма широким), а по признаку готовности к открытому отстаиванию этой позиции от попыток реставрации «сверху».

Первым туром «отбора» было участие в петиционной кампании. В советских условиях это серьезная проверка на гражданственность. Однако нельзя ставить знак равенства между участниками эпистолярной кампании 1968 г. в поддержку «курса XX съезда» и правозащитниками. Значительная часть «подписантов» 1968 г. действовала с той или иной степенью надежды, что советские руководители примут в расчет открыто высказанное общественное мнение, и если не прекратят, то уменьшат напор на общество. Власти ответили репрессиями.

К чести «подписантов», всего несколько человек согласились на «признание ошибок» и самоосуждение, хотя оно выжималось под угрозой утраты жизненных позиций.

Однако репрессии, начавшиеся весной 1968 г., и особенно советское вторжение в Чехословакию несколько месяцев спустя, ясно показали не только опасность, но и бесперспективность открытых обращений с гражданскими требованиями. Стало очевидно, что советский строй не превратился в авторитарный, он остался тоталитарным, и противостояние ему не принесет быстрого успеха.

Убедившись в этом, большинство «подписантов» отказались от открытой борьбы, вернулись в прежнюю жизненную колею, ограничившись пассивным осуждением поворота властей к сталинизму. Среди прочих прекратили попытки повлиять на власть почти все наиболее видные и поэтому наименее уязвимые участники петиционной кампании 1968 г., имена которых придали ей особую значимость.

Лишь небольшая часть «подписантов» не пожелала расстаться с внутренней свободой, обретенной в открытых гражданских выступлениях. Пережитое духовное очищение сделало для них невозможным возвращение к двоемыслию, неизбежному при участии в советской официальной жизни. Эти немногие остались на позициях открытого противостояния, хотя они не питали надежды на успех в близком будущем. Обязательная плата за такую гражданскую позицию — изгойство, а возможно, и лагерный срок. События 1966-1968 гг. помогли людям, готовым к таким испытаниям, найти друг друга. Свойственная всем им гражданственность, общность нравственных понятий и общее изгойство сплотили их. Это содружество на первых порах и составило правозащитное движение, а впоследствии, при его расширении, оказалось его ядром.

Вступление в правозащитное движение не обставлено никакими формальностями — это акт самосознания. Однако очищение от двоемыслия и испытание готовности к неизбежным для правозащитника жизненным осложнениям чаще всего начинается с открытого протеста против беззакония. Поэтому я полагаю правозащитником каждого, хотя бы однажды заявившего такой протест. Самым распространенным способом его до сих пор остается подпись под правозащитным документом.

III. СТАНОВЛЕНИЕ (1968-1972 гг.)

Между правозащитниками нет формальных связей — ни внутри ядра движения, ни между ядром и «периферией». У них нет ни лидеров, ни подчиненных, никто никому не «поручает» никаких дел, а может лишь сам делать задуманное, если не будет добровольных помощников. Никто не имеет каких-либо обязанностей, кроме налагаемых собственной совестью. Но именно из-за добровольности присоединения к этому братскому ордену люди действуют с самозабвенной активностью, какой не вызвать приказами и понуканием.

Эта неформальная структура оказалась наиболее пригодной для советских условий (во всяком случае, на первых порах), показала свою эффективность. Для всякого дела находятся исполнители, вернее — они сами находят себе дело.

Координируется работа на основании дружеских связей, что обеспечивает глубокое взаимное доверие, без которого невозможна работа в обстановке постоянных преследований. Это же помогает заполнить лакуны, возникающие из-за арестов: близкий человек, находившийся рядом с выбывшим, берет на себя его обязанности, поэтому замены происходят оперативно, и сохраняется преемственность опыта. Тесные дружеские связи затрудняют проникновение в этот круг провокаторов. За почти 20-летнюю историю движения известно много попыток внедрить в эту среду провокаторов, но неизвестно ни об одной удаче этих попыток.

Отсутствие формальных связей между участниками движения не означает отсутствия у него структуры. Каркасом правозащитного движения стала сеть распространения самиздата. Самиздатские каналы послужили связующими звеньями для организационной работы. Они ветвятся невидимо и неслышно, как грибница, и так же, как грибница, прорываются то тут, то там на поверхность открытыми выступлениями. Существует искаженное представление сторонних людей, что этими открытыми выступлениями и исчерпывается все движение. Однако не выступления, а самиздатская и организационная поденщина поглощают основную массу энергии участников правозащитного движения.

Размножение самиздата чудовищно трудоемко из-за несовершенства технических средств и из-за необходимости таиться.

Правозащитникам удалось резко увеличить распространение самиздата, принципиально изменив этот процесс. Единичные случаи передачи рукописей на Запад они превратили в систему, отладили механизм «самиздат — тамиздат — самиздат» (тамиздатом стали называть книги и брошюры, отпечатанные за рубежом и возвращающиеся в таком виде в СССР).

Первым постоянным «связным» с Западом был Андрей Амальрик. В 1966-1969 гг. он оставался практически единственным таким «специалистом» среди правозащитников. Через него уходили и возвращались документы правозащитного движения — такие, как записи судебных процессов, а также художественный самиздат и публицистика. [48] Вершиной своей деятельности «офицера связи» Амальрик считает передачу на Запад статьи А.Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968 г.). [49] Сам Амальрик обогатил самиздат книгой «Нежеланное путешествие в Сибирь», футурологическим эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» и др. До 1972 г. через механизм «самиздат — тамиздат» прошли, кроме названных выше произведений Сахарова и Амальрика, книга Анатолия Марченко «Мои показа-

ния», роман В. Гроссмана «Все течет...», повести Л. Чуковской, «Москва — Петушки» В. Ерофеева, романы Солженицына «Раковый корпус» и «В круге первом», В. Максимова «Семь дней творения», стихи И. Бродского, Н. Горбаневской, Н. Коржавина — все это вместе взятое — лучшее, что было создано литературой и публицистикой в те годы. [50]

Возвращаясь с Запада домой очень сложными путями, эти книги не могли удовлетворить колоссального спроса на них. Поэтому тамиздат не только читали, но и воспроизводили — чаще всего с помощью фотоаппарата. Этот способ менее трудоемок, чем машинопись, но пригоден лишь для типографских изданий, так как отпечатанное на машинке, как правило, фотоспособом невоспроизводимо из-за плохого качества бумаги, копирки и лент для пишущих машинок.

С начала 70-х годов для размножения стамиздата стали использовать и множительные машины, но редко: в учреждениях они под очень строгим контролем. Находились люди, умеющие сконструировать и собрать их, но конструктору множительной машины и его помощникам недостаточно было обладать техническими навыками, нужны были умение и решимость организовать кражу некоторых деталей, не продающихся в магазинах (а потом их судили не только по политическим статьям, но и за кражу, и за «занятия запрещенным ремеслом»).

Произошли изменения в перепечатке самиздата на пишущих машинках. Наряду с прежними «кустарями» к этому были подключены машинистки, труд которых оплачивался: была налажена продажа самиздатских произведений, на которые имелся спрос. Нашлись люди, посвятившие себя размножению и распространению самиздата — например, Юлиус Телесин, заслуживший прозвище «принц самиздатский» (по аналогии с Гамлетом, принцем Датским), Эрнст Руденко (я могу назвать этих двух, так как Телесин сейчас в Израиле, а Э. Руденко умер). Цена отпечатанного за деньги самиздата определяется, как правило, из расчета стоимости перепечатки одной страницы, деленной на число страниц в закладке, плюс стоимость бумаги, копирки и т.д. Время, труд и риск распространителя не включается в оплату, он занимается этим «на общественных началах». Обычно машинистки, которым самиздатчик дает печатать самиздат за деньги, его хорошие знакомые, но иной раз стремление расширить круг платных машинисток приводил к провалам: ознакомившись с содержанием заказанной работы, они относили рукопись в КГБ. [51] Многолетним кропотливым и опасным трудом многих людей каналы самиздата (а значит, и связи правозащитников) упрочились, разветвились и очень увеличили свою протяженность. Одно из свидетельств этого — история информационного бюллетеня правозащитного движения «Хроники текущих событий», которую А. Сахаров спустя 10 лет назвал самым большим достижением правозащитников. [52]

«Хроника текущих событий» появилась в том же насыщенном важными для правозащитного движения начинаниями 1968 г. Ее первый выпуск вышел 30 апреля, в разгар репрессий против «подписантов».

Прообразом «Хроники» были информационные бюллетени крымских татар (см. стр. 101), ставшие известными московским правозащитникам. С тех пор «Хроника» выходит более или менее регулярно. К концу 1983 г. на Западе были опубликованы 64 выпуска. [53]

ХТС — источник добросовестной информации о положении с правами человека в СССР. Название отвечает назначению издания: оно констатирует нарушения прав человека в СССР, правозащитные выступления и факты осуществления

гражданских прав «явочным порядком». Фактологичность определила принцип подачи материала: «Хроника» принципиально воздерживается от оценок.

Но ХТС — не только регистратор нарушений прав человека в СССР, не только летопись правозащитного движения, но и его самоценная часть, поскольку «Хроника» создала постоянную связь между разделенными расстояниями островками нарождавшегося правозащитного движения, а также между правозащитниками и участниками других диссидентских направлений, помогла распространению идей и влияния правозащитного движения.

Редакция «Хроники» анонимна, в выпусках нет ее адреса. Это объясняется, как писала ХТС,

> *«...своеобразными понятиями о легальности и свободе информации, выработавшимися за долгие годы в некоторых советских органах».* [54]

Первым редактором «Хроники» была Наталья Горбаневская. [55] После ее ареста в декабре 1969 г. и до 1972 г. — Анатолий Якобсон. [56] В дальнейшем редакция через каждые два-три года менялась, главным образом из-за арестов. Однако замена редакторов «Хроники» незаметна для ее читателей, так как личности издателей совершенно не отражаются в ней: не только внешнее оформление и стиль изложения, но и подход к отбору материала и принципы его подачи не изменились за 15 лет существования «Хроники».

Механизм поступления информации в редакцию и распространения «Хроники» был предложен в ее пятом выпуске:

> *«... Каждый ... легко может передать известную ему информацию в распоряжение «Хроники». Расскажите ее тому, у кого вы взяли «Хронику», а он расскажет ее тому, у кого он взял «Хронику» и т.д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача».* [57]

Уже первый выпуск дает представление о том, какие стороны жизни советского общества освещает «Хроника»: как почти все последующие выпуски, он начинается с отчета о политическом процессе.

Большое место в «Хронике» занимают события, происходящие в Москве, — не только потому, что ХТС издается московскими правозащитниками, но и потому, что Москва — центр правозащитного движения. Здесь оно зародилось, здесь шире всего круг активистов и сочувствующих движению. Преимущественно через Москву осуществляется связь с Западом, что оказалось самым эффективным путем распространения неподконтрольной властям информации — через радиостанции, вещающие на СССР, и через тамиздат.

Из первых выпусков ХТС очевидно, что осведомленность ее ограничилась тогда в основном Москвой: пять из семи разделов первого выпуска посвящены событиям в Москве, два — в Ленинграде.

Из выпуска в выпуск можно проследить расширение географических рамок информации, сообщаемой «Хроникой». Специфика условий работы редакции «Хроники» объясняет происходящее время от времени сужение сети ее корреспондентов, но тем не менее географический охват возрос в первый же год: в ХТС № 7 (апрель 1969 г.) сообщается о событиях в 34 местах, в № 11 (декабрь 1969 г.) —

в 32; в № 12 (февраль 1970 г.) — в 18, (вероятно, часть корреспондентов была утрачена в связи с арестом Натальи Горбаневской); в № 27 (октябрь 1972 г.) — в 35.

В первых выпусках почти нет информации из национальных республик. Лишь с Украины есть по нескольку сообщений в каждом выпуске «Хроники», начиная с первого. Кроме того, редакция ХТС с самого начала была осведомлена о движении крымских татар. Но о движении месхов, начавшемся, как и крымскотатарское, в середине 50-х годов, информация в «Хронике» появилась впервые только в 1969 г. [58] О Литве эпизодические известия стали появляться с августа 1970 г., а постоянные — с сентября 1971 г. (с 21-го выпуска). [59]

Сведения о религиозных движениях в первые годы существования ХТС появлялись лишь эпизодически — в основном о православных, реже — о баптистах. [60]

Контакты «Хроники» с инакомыслящими разных толков начинались с обоюдного желания поместить в ХТС полную и достоверную информацию об этих движениях: активисты религиозных и национальных движений узнали о ХТС благодаря передачам зарубежного радио и искали пути к ней. Их личные контакты с правозащитниками помогли взаимоузнаванию — взаимопониманию — взаимопомощи.

Постоянная тема «Хроники» — положение политзаключенных. Вести из мест заключения есть в каждом выпуске, начиная с первого. «Хроника» постоянно публикует сообщения о перемещениях в местах заключения, о вновь прибывших, об освободившихся; периодически помещает списки политзаключенных с кратким описанием их дел, а для более пространного описания судебных дел, выходящих за хронологические рамки «Хроники», с 16-го выпуска введен раздел «Процессы прежних лет».

«Хроника» сообщила более 500 фамилий осужденных по политическим статьям до 1968 г. и примерно о 50 помещенных в спецпсихбольницы до этого времени. Публикуются сведения о болезнях политзаключенных, о назначении наказаний, о стеснениях в переписке и в свиданиях, о нормах питания, о жилищных условиях и условиях работы, а также о протестах против притеснений со стороны лагерной администрации и открытые письма политзаключенных на волю. Благодаря «Хронике» советские политзаключенные обрели впервые возможность апелляции к внешнему миру. Прорыв немоты, на которую они долго были обречены, оказался необратимым. Вопреки всем стараниям прекратить утечку информации из мест заключения и несмотря на наказания за передачу вестей на волю, поток самиздата пошел из мест заключения.

Материальная помощь политзаключенным была организована правозащитниками по тому же принципу, что и распространение самиздата, — тот же механизм в этом случае действовал в обратную сторону, от дарителей к сборщикам.

Первые посылки и письма в лагеря пошли весной 1966 г., как только стало известно, что в СССР есть политзаключенные. Первые сведения о них были получены от Синявского и Даниэля, прибывших в мордовские лагеря, где они обнаружили тысячи политузников. Однако сведения эти были очень скупыми из-за цензуры, проверяющей переписку политзаключенных.

Представления о составе политзаключенных и их положении расширились и конкретизировались благодаря Анатолию Марченко. Рабочий из Сибири, он оказался в политическом лагере после неудачного побега за границу. Марченко освободился из Мордовии в ноябре 1966 г., а в 1967 г. отдал в самиздат книгу «Мои

показания» — обстоятельное описание своего шестилетнего пребывания в политлагерях. [61]

Их обитатели делились на следующие группы: участники национальных движений (в основном украинцы и прибалты); осужденные «за веру» (в основном протестанты); пытавшиеся бежать за границу; члены подпольных кружков и осужденные за критику советских порядков в листовках, анонимных письмах в газеты и различные советские учреждения.

Сначала желающие помочь политзаключенным отдавали деньги женам политзаключенных — для мужей и их солагерников, нуждающихся в помощи. При этом не делалось различия из-за убеждений, что отличало помощь москвичей от ранее существовавшей (участники украинского движения помогали своим соотечественникам, баптисты — своим единоверцам и т.д.).

Помощь политзаключенным стала постоянной заботой правозащитников. К 1968 г. она была упорядочена и расширена.

Фонд составлялся из небольших ежемесячных взносов (от 1 до 5 рублей с человека). Деньги собирали по группам знакомых или сослуживцев и отдавали эти взносы — непосредственно или по установившейся цепочке — нескольким постепенно определившимся сборщикам. Такие сборщики были в писательской среде, в научно-исследовательских институтах, в вузах и т.д. Таким образом собирались довольно значительные суммы, дополняемые нерегулярными, но более крупными пожертвованиями сочувствующих писателей, ученых, артистов и т.п. Были случаи передачи денег в помощь политзаключенным из наследства — не в официальном завещании, а через доверенных лиц.

Ежемесячно собираемые деньги давали возможность посылать в лагеря продуктовые посылки и бандероли, теплые вещи, письменные принадлежности, книги и даже деньги (конечно, тайными путями), на которые политзаключенные могли улучшить свое питание, платя втридорога вольным сотрудникам лагерного производства за проносимое в лагерь продовольствие. Покупка продуктов и вещей для посылок, доставание нужных книг были простейшим и безопаснейшим видом проявления сочувствия инакомыслящим. Делали это не только активные правозащитники, но и далекие от движения люди. Круг участвующих время от времени в помощи политзаключенным таким способом был довольно широким. Более вовлеченные постоянно занимались отправкой посылок и бандеролей — из-за трудностей доставания продуктов и несовершенства сферы обслуживания это очень трудоемкая, отнимающая много времени работа. Несколько уже был круг людей, совмещавших отправку посылок с писанием писем в лагеря. Обычно каждый такой человек имел своего подопечного (или подопечных). Были случаи, когда переписка с политзаключенным после его освобождения завершалась браком.

Кроме оплаты посылок и бандеролей, на собранные деньги выписывались газеты и журналы для каждого лагеря, оплачивались услуги адвокатов, а также поездки родственников на свидания и покупались продукты для этих свиданий.

В 1970 г. были резко ужесточены правила почтовых отправлений в лагеря, и политзаключенные почти полностью лишились продуктов питания с воли (с тех пор можно получать лишь 4-килограммовую посылку в год после половины установленного приговором срока наказания, да и то каждый раз требуется разрешение лагерного начальства, которое часто в этом отказывает). Осталась единственная возможность подкармливать политзэков — передавать им деньги, но контроль стал намного жестче, и этот канал помощи тоже очень сократился. Тогда же, в

1970 г., был наложен запрет на книжные посылки от родственников и друзей. С тех пор заключенные могут заказывать книги только в книжных магазинах, а там почти нет хороших книг.

Правозащитникам не удалось добиться улучшения условий содержания политзаключенных. Более того, режим ужесточился именно в связи с потугами прекратить помощь политзаключенным от людей, озабоченных их судьбой. Но благодаря поддержке с воли политзэки перестали чувствовать себя забытыми, упрятанными в безвестность, а для многих из них это горше физических страданий.

Кроме помощи политзаключенным, с 1968 г. были случаи покупки домов для ссыльных на время ссылки. Позднее, с 1969 г., отдельно был создан фонд помощи детям политзаключенных. Этот фонд существовал на средства от домашних благотворительных концертов и т.п. пожертвований. Оба эти фонда — для самих политзэков и для их семей — то расширяясь, то сокращаясь, просуществовали до 1976 г., когда стал действовать основанный А. Солженицыным Русский фонд помощи политзаключенным, и средства стали поступать в основном из-за рубежа.

Открытые выступления. В 1968 г., кроме протестов против ресталинизации и в связи с «процессом четырех» (стр. 206), многочисленные протесты вызвало советское вторжение в Чехословакию.

Наиболее распространенным способом таких протестов был отказ проголосовать в поддержку этой акции на собраниях и митингах, проводившихся по всей стране. Таких случаев было много. Как правило, за этот скромный протест увольняли с работы.

Наиболее известным выступлением в защиту Чехословакии была демонстрация 25 августа 1968 г. на Красной площади в Москве. Лариса Богораз, Павел Литвинов, Константин Бабицкий, Наталья Горбаневская, Виктор Файнберг, Вадим Делоне и Владимир Дремлюга сели на парапет у Лобного места и развернули лозунги: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!» — на чешском языке и остальные — на русском: «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!». Почти немедленно к ним бросились сотрудники КГБ в штатском: они дежурили на Красной площади, ожидая выезда из Кремля чехословацкой делегации. У демонстрантов вырвали лозунги. Хотя они не сопротивлялись, их избили и затолкали в машины. [62] Суд состоялся в октябре. Двоих отправили в лагерь, троих — в ссылку, одного — в психбольницу. Наталью Горбаневскую, у которой был грудной ребенок, отпустили. Об этой демонстрации узнали в СССР и во всем мире, узнал народ Чехословакии. [63]

Многие считают демонстрацию 25 августа единственным выступлением против оккупации Чехословакии в СССР. На самом деле протесты были и в Москве, и в Ленинграде, и в русской провинции, и в нерусских республиках.

Еще до оккупации, 26 июля 1968 г. Анатолий Марченко послал в «Правду» и в пражскую газету «Руде Право» открытое письмо с осуждением кампании клеветы на Чехословакию и угроз ей. [64] 29 июля Марченко был арестован и вскоре осужден по сфабрикованному обвинению в «нарушении паспортного режима» на год лагерей. [65]

29 июля пятеро коммунистов — П. Григоренко, А. Костерин, В. Павлинчук, С. Писарев и И. Яхимович посетили посольство Чехословакии и передали послу письмо с одобрением нового курса КПЧ и с осуждением советского давления на Чехословакию. [66]

В ночь с 21 на 22 августа в Москве были разбросаны листовки с протестом против оккупации Чехословакии. [67]

В один из первых дней после вторжения выпускник физического факультета МГУ Владимир Карасев повесил в вестибюле университета плакат с осуждением оккупации и стал собирать подписи под соответствующим заявлением. Успели подписаться лишь четверо, когда примчались работники охраны университета. Они избили Карасева и потащили его в милицию. Оттуда его отправили в психбольницу. Карасев освободился через три месяца. За это время он был исключен из университета и лишен права на жительство в Москве. Ему пришлось устроиться кочегаром на подмосковной фабрике. [68]

24 августа в Москве на Октябрьской площади какой-то человек выкрикнул лозунг против вторжения и был избит неизвестными в штатском; его втолкнули в дежурившую тут же машину и увезли. [69]

В день самосожжения Яна Палаха (25 января 1969 г.) две студентки вышли на площадь Маяковского с лозунгами: «Вечная память Яну Палаху» и «Свободу Чехословакии!». Они простояли 12 минут. Около них собрались люди. Подошла группа молодежи. Они назвали себя дружинниками, хотя повязок на них не было. Отобрав и разорвав плакаты, дружинники посоветовались между собой, что делать с девушками, — и отпустили их. [70]

Весной 1969 г. 23-летний Валерий Луканин из подмосковного города Рошаль выставил в окне своей квартиры плакат с протестом против пребывания советских войск в Чехословакии. Его отправили в психиатрическую больницу. Он освободился оттуда через 10 лет — в 1978 г. [71] *

После демонстраций против советского вторжения в Чехословакию в Москве проводились демонстрации участников различных национальных движений (еврейского и немецкого, крымскотатарского и др.) В 1971 г. Надежда Емелькина (Москва) вышла на одиночную демонстрацию с требованием освободить политзаключенных. [72] Демонстрация правозащитников происходила ежегодно, начиная с 1965 г., в День конституции 5 декабря на площади Пушкина, но изменилась ее первоначальная форма. С 1966 г. демонстранты не использовали лозунги и не скандировали требования — они снимали шапки и минутой молчания выражали свою солидарность с жертвами беззаконий. Изменился и состав демонстрантов.

С 1966 г. в этой демонстрации принимал участие А.Д. Сахаров и близкие к нему активные правозащитники; обычно собиралось от 20 до 50 человек. Каждый раз кагебисты в штатском наблюдали за демонстрацией, но до 1977 г. ее не разгоняли.

Правозащитные ассоциации. В начальной стадии правозащитного движения не заходило и речи о создании какой-либо организации. Большинство правозащитников было против организационных затей. Возможно, сказывалась общая усталость от загоняния во всяческие организации, которое все пережили в той или иной мере как члены советского общества, отталкивание от «демократического централизма» правящей партии и вообще советского культа «коллектива». Всем вошедшим в братское содружество правозащитников оно было дорого именно

---

* О протестах против советского вторжения в Чехословакию в других городах см. в соответствующих разделах главы, стр. 221, 224, 229

добровольностью, самостоятельностью каждого в определении своих функций в общем деле, свободой выбора непосредственных партнеров. Соображения о чреватости эксперимента с организацией арестом какое-то время останавливали и ее сторонников. Однако в 1969 г. все-таки появилась на свет первая правозащитная ассоциация. Она выросла непосредственно из самой распространенной формы совместных выступлений правозащитников — коллективных писем.

28 мая 15 активных «подписантов» отправили письмо с жалобой на нарушения гражданских прав в Советском Союзе. Это письмо отличалось от прежних адресатом — в Организацию Объединенных Наций. Авторы письма так объясняли это:

«Мы обращаемся в ООН потому, что на наши протесты и жалобы, направленные в течение ряда лет в высшие государственные и судебные инстанции в Советском Союзе, мы не получили никакого ответа. Надежда на то, что наш голос может быть услышан, что власти прекратят беззакония, на которые мы постоянно указывали, надежда эта истощилась».

Они просили ООН

«защитить попираемые в Советском Союзе человеческие права». [73]

Важным отличием этого свидетельства об отсутствии гражданских прав в СССР от предшествующих была не только его отсылка на Запад, но и в том, что подписавшие это письмо называли себя «Инициативной группой защиты прав человека в СССР». Большинство среди них составили москвичи*, но несколько человек было из других городов**.

Инициативная группа писала о

«... нарушении одного из самых основных прав человека — права иметь независимые убеждения и распространять их любыми законными способами».

В письме перечислялись известные правозащитникам политические процессы начиная с суда над Синявским и Даниэлем, указывалось на

«... особо бесчеловечную форму преследований — помещение в психбольницу нормальных людей за политические убеждения». [74]

С появлением названия «Инициативная группа» еще не решился вопрос о том, является ли группа разовым объединением, связанным лишь с данным сообщением в ООН, или она продолжит свою деятельность. Но менее чем через месяц возникла нужда в дополнении к первому письму из-за новых преследований за убеждения: речь шла об осуждении на второй срок находившегося в лагере Анатолия Марченко, автора книги «Мои показания». Это письмо имело подпись:

---

* Татьяна Великанова, Наталья Горбаневская, Сергей Ковалев, Виктор Красин, Александр Лавут, Анатолий Левитин-Краснов, Юрий Мальцев, Григорий Подъяпольский, Татьяна Ходорович, Петр Якир, Анатолий Якобсон.

** Владимир Борисов (Ленинград), Мустафа Джемилев (Ташкент), Генрих Алтунян (Харьков), Леонид Плющ (Киев).

«Инициативная группа» без указания фамилий ее членов. Таким образом Группа стала постоянно действующей.

Оба заявления остались без какого-либо ответа из ООН, и третье, адресованное тогдашнему генеральному секретарю ООН У Тану, сообщало о начавшихся преследованиях членов Инициативной группы. Владимир Борисов был помещен в психбольницу, Мустафа Джемилев и Левитин-Краснов арестованы.

«Молчание международных правовых организаций развязывает руки вдохновителям дальнейших репрессий», —

писали в следующих письмах в ООН члены Инициативной группы. [76] Это заявление тоже осталось без ответа, как и последующие, в том числе заявление со списком 63 узников совести, отправленных в течение 1969 г. в лагеря и психиатрические больницы. [77]

В годовщину создания Инициативной группы ее члены в открытом письме объяснили, что она собой представляет. У нее не было ни программы, ни устава, ни какой-либо организационной структуры, однако

«... всех нас, верующих и неверующих, оптимистов и скептиков, людей коммунистических и некоммунистических взглядов — объединяет чувство личной ответственности за все происходящее в нашей стране, убеждение в том, что в основе нормальной жизни общества лежит признание безусловной ценности человеческой личности, —

писали члены ИГ.

Отсюда вытекает наше стремление защищать права человека. Социальный прогресс мы понимаем прежде всего как прогресс свободы. Нас объединяет также стремление действовать открыто, в духе законности, каково бы ни было наше внутреннее отношение к отдельным законам... Мы вовсе не уверены, что наши обращения в ООН — самый правильный образ действия, ни, тем более, что он единственно возможный. Мы пытаемся что-то сделать в условиях, когда, с нашей точки зрения, ничего не делать — нельзя». [78]

Поскольку пятикратное обращение в ООН осталось безответным, Инициативная группа делала попытки найти другие адресаты. Обращение в январе 1972 г. — все о том же, об узниках совести и о психиатрических репрессиях — были адресованы: V Международному съезду психиатров в Мехико, Международной лиге прав человека и — еще одна попытка обращения в ООН — новому генеральному секретарю Курту Вальдхайму, сменившему У. Тана. [79] Все эти письма тоже остались безответными, и поредевшая Инициативная группа (к этому времени лишились свободы 8 ее членов) прекратила обращения в международные инстанции.

Опыт Инициативной группы подтвердил, что личная безопасность вошедших в нее еще более зыбка, чем положение авторов и соавторов открытых писем. Однако выяснилось, что аресты членов происходят не немедленно (защищает именно гласность!) и что заявления людей, провозгласивших себя объединением с декларированными целями несравненно более впечатляющи, чем пачка заявле-

ний на ту же тему каждого из них в отдельности, или послания, написанные ими же, но просто в качестве соавторов.

И еще одно важное преимущество обнаружилось благодаря объявлению Группы: имена ее участников узнали слушатели зарубежных радиостанций, и в Группу стали обращаться люди, воспринявшие ее членов как полномочных представителей правозащитного движения. Члены Группы, не объявляя себя таковыми и не претендуя на это, стали как бы олицетворять движение в целом, оказались его рупором.

Опыт Инициативной группы убедил в ценности включения в структуру правозащитного движения открытых ассоциаций. Начался поиск наиболее конструктивных и безопасных их вариантов.

В нобре 1970 г. в Москве был создан Комитет прав человека в СССР. Инициатором этой ассоциации был Валерий Чалидзе. Кроме него, членами-основателями Комитета были Андрей Твердохлебов и академик Андрей Сахаров, все трое — физики. Позже к ним присоединился Игорь Шафаревич, математик, член-корреспондент Академии наук. Экспертами Комитета стали Александр Вольпин и Борис Цукерман, корреспондентами — Александр Солженицын и Александр Галич. [80]

Предполагалось, что научная или литературная известность части членов Комитета, а также искушенность в вопросах права другой их части послужат заслоном от репрессий.

В учредительном заявлении указывались цели Комитета: консультативное содействие органам государственной власти в создании и применении гарантий прав человека; разработка теоретических аспектов этой проблемы и изучение ее специфики в социалистическом обществе; правовое просвещение, в частности пропаганда международных и советских документов по правам человека.

Органы власти, увы, не консультировались с членами Комитета, так что его деятельность свелась к изучению состояния этих прав в советской практике и к теоретической разработке проблем прав человека в советском законодательстве. И то и другое было первым шагом на этом пути, так как ни советские правовики, ни правозащитники этими проблемами в теоретическом аспекте не занимались. Просветительская деятельность Комитета тоже была очень необходима, прежде всего участникам правозащитного движения, которые при всем своем одушевлении идеями права в подавляющем большинстве не обладали ни опытом, ни достаточными знаниями в этой области, ни даже достаточно развитым правосознанием. Комитет прав человека был первым прецедентом независимой общественной ассоциации с разработанным регламентом и правилами членства (эти правила, в частности, гласили, что членами Комитета могут стать лишь лица, не входящие в какую-либо политическую партию или другую общественную организацию, претендующую на участие в государственном управлении. Эта установка подчеркивала неполитический характер Комитета, с одной стороны, а с другой — закрывала доступ в него членам правящей в СССР партии). [81]

Этот эксперимент явочным порядком утверждал право на независимые ассоциации, подавая пример такого объединения на строго законном основании. Комитет прав человека был основан как ассоциация авторов, что, согласно советским законам, не требует не только разрешения властей, но даже регистрации. [82]

Комитет прав человека был первой независимой общественной ассоциацией в Советском Союзе, получившей международное членство: в июне 1971 г. он стал

филиалом Международной Лиги прав человека — неправительственной организации, имеющей консультативный статус при ООН, ЮНЕСКО и МОТ. Комитет вошел также как коллективный член в Международный институт права, возглавляемый Рене Кассеном (Страсбург). Члены Комитета поддерживали регулярные отношения с международными организациями по телефону, получали их документы и отправляли им свои.

Среди конкретных проблем, которыми занимался Комитет:

1. Сравнительный анализ обязательств СССР по международным пактам о правах человека и советского законодательства.

2. Право на защиту в советском суде.

3. Права лиц, признанных психически больными.

4. Определение понятия «политзаключенный».

5. Определение понятия «тунеядец». Преследование за «тунеядство» в СССР.

6. Проблема так называемых «переселенных» народов (крымские татары и др.) [83] и т.п.

Хотя Комитет был задуман как исследовательская и консультативная организация, к его членам обращалась масса людей не только за юридическим советом, но и за помощью. Особенно много времени уделял таким посетителям В. Чалидзе. Он нередко выступал ходатаем по их юридическим казусам не в качестве члена Комитета, а в качестве частного лица. Среди этих дел были ходатайства о разрешении на выезд из СССР, обращения в Верховный суд о пересмотре неправых судебных приговоров (однажды В. Чалидзе удалось добиться пересмотра дела и положительного его решения — о выезде Доры Колядицкой к мужу в Израиль), тяжба о регистрации религиозного общества в Нарофоминске и многие другие. [84]

* * *

Деятельность открытых правозащитных ассоциаций, помощь политзаключенным и их семьям, распространение информации о положении с правами человека в СССР определили связующую роль московского ядра правозащитного движения по отношению к его участникам из других городов и нерусских республик. Новые связи московских правозащитников расширил их знания о независимой общественной жизни за пределами Москвы — это прослеживается по «Хронике текущих событий».

Ленинград от Москвы совсем недалеко — поезд-экспресс «Красная стрела» покрывает это расстояние за ночь. Между жителями этих городов — тесные связи, у многих москвичей есть близкие друзья, а то и родственники в Ленинграде, и у ленинградцев — в Москве. Не только в праздники, но и на субботу-воскресенье обычное дело съездить из города в город просто так, для общения. И все-таки атмосфера в этих городах — разная.

До революции Петербург (Петроград) был для России «окном в Европу», это был самый «заграничный» из русских городов. Москва же олицетворяла патриархальность, жила по старым традициям. В наше время, наоборот, столичная Москва стала если не «окном», то «щелкой» в Европу. Отсюда идут не только официальные, но и почти все неофициальные связи с Западом. А в Ленинграде, с его огромными культурными силами обстановка все-таки более провинциальная, он

где-то посередине между Москвой и остальной Россией. Во всяком случае это определенно так в сфере независимой общественной жизни.

Началась она в Ленинграде тогда же, что и в Москве. Общая точка отсчета — смерть Сталина и XX съезд партии. С тех пор идет это развитие в одном направлении, проходит те же стадии, но каждая из них в Ленинграде оказывается продолжительней, чем в Москве, и «отставание по фазе» с течением времени не исчезает, а, возможно, усугубляется.

Во второй половине 50-х годов и там и здесь происходили будоражащие открытые выступления в официальных аудиториях, в официальных изданиях, шли горячие толки в многочисленных дружеских компаниях, возникали подпольные кружки. Однако в Москве эра подпольных кружков была недолгой. Возникнув во второй половине 50-х годов, они быстро распались, а новые не появились. После ареста Тельникова-Хайбулина, групп Краснопевцева и Машкова в 50-е годы и группы П. Григоренко в 1964 г. (см. стр. 201) до 1982 г. в Москве неизвестны подпольные организации. Независимая общественная жизнь смогла принять здесь открытые формы.

Иначе было в Ленинграде. В 1957 г. после арестов участников подпольных кружков Пименова-Вайля, В. Трофимова, [85] М. Молоствова, [86] и др., традиция подполья не прекратилась. Летом 1965 г. были арестованы члены группы, выпускавшей самиздатский журнал «Колокол»; [87] в 1967-1968 гг. судили членов подпольного Всероссийского социал-Христианского союза освобождения народа (ВСХСОН). [88] Последняя подпольная группа (Ушаков и Саркисян) была раскрыта в Ленинграде в 1976 г. [89] А между ними были группы Сергея Мальчевского и Николая Брауна (обе раскрыты в 1969 г.), [90] группа Вячеслава Дзибалова и братьев Пуртовых (суд — в начале 1972 г.), [91] были и другие, о которых известны лишь имена некоторых участников, но неизвестно ни точное время раскрытия этих групп, ни суть «дела».

Группа Мальчевского была скорее уголовной (на ее счету — проведение «обыска» по подложным документам у богатой старой женщины с «изъятием» ценностей), но с политическим (фашистско-антисемитским) душком, свойственным и группе Николая Брауна. В обеих этих группах дальше разговоров не шло. [92] Остальные ленинградские подпольщики при большей или меньшей оформленности занимались делами, которыми в Москве занимались куда шире без всяких формальных затей, а именно: писали, размножали и распространяли самиздат. Единственным исключением является группа «Колокол» — наименее оформленная и наиболее деятельная из всех ленинградских подпольных групп. К моменту ареста «колокольчики», спаянные дружбой еще со студенческих времен (все они — выпускники ленинградского технологического института) только вели разговоры об организационном оформлении группы — уставе, программе и т.д. Но на их счету — довольно широкое распространение книги, написанной членами группы Валерием Ронкиным и Сергеем Хахаевым «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», [93] трехкратное распространение листовок, отпечатанных на гектографе, и выпуск информационно-политического журнала «Колокол» (вышло два выпуска, третий был подготовлен, но не вышел из-за арестов).

Самой структурированной и законспирированной из ленинградских организаций был ВСХСОН, но он был не более продуктивным, чем остальные подпольные группы — на протяжении почти трехлетнего существования его члены успе-

ли только написать программу и обменяться несколькими книгами для прочтения (Бердяев и др.).

Таким образом, подпольная деятельность в Ленинграде оказалась продолжительней, чем в Москве, и захватывала более широкий круг людей. По делу «Колокола» было допрошено около 200 человек, по ВСХСОНу — около сотни. Связи ленинградских подпольщиков с другими городами, вообще довольно слабые, тянулись в провинцию (Курск, Петрозаводск, Саратов), но не в Москву, где, видимо, они не находили деятельной поддержки. Единственная известная связь с Москвой — между группами Трофимова и Пустынцева и московской группой Тельникова-Хайбулина.

В отличие от подпольной, общественная деятельность ленинградцев, как правило, велась совместно с москвичами. По форме открытые выступления в Ленинграде почти полностью совпадали с московскими, но были слабее. Поэтический бум второй половины 50-х годов — начала 60-х захватил в равной степени и Москву и Ленинград. Ленинградка Наталья Рубинштейн пишет о том времени:

> *«Куда ни глянь, все вокруг писали стихи и все стихи читали... От стихов в воздухе стоял даже некий чад».* [94]

Листки со стихами ходили по рукам и здесь, но поэтические сборники тогда в Ленинграде не появились — неофициальные ленинградские поэты были собраны в одном из трех выпусков «Синтаксиса», изданных москвичом А. Гинзбургом, и все три выпуска циркулировали и в Москве, и в Ленинграде. Сходки на площади Маяковского в Москве, начавшиеся в 1958 г., имели аналогию в дискуссии о современной живописи на Площади Искусств и в Доме Художника в Ленинграде, в 1957 г. [95] Таких сходок было всего две, продолжить их не удалось из-за очень уж энергичного и немедленного разгона. То же случилось и со следующей попыткой такого рода — на Марсовом Поле в 1961 г. [96]

Политические процессы послехрущевского времени начались в Ленинграде раньше, чем в Москве. Уже через месяц после смещения Хрущева, 23 ноября в газете «Вечерний Ленинград» появилась статья Я. Лернера «Окололитературный трутень» — о талантливом молодом поэте Иосифе Бродском. Анна Ахматова говорила о нем «наш премьер» и посвятила ему одно из своих стихотворений. Стихи Бродского широко ходили в самиздате, их пели под гитару. В фельетоне Бродский (отличающийся огромным трудолюбием, обеспечившем ему редкую эрудицию) обвинялся в «паразитическом образе жизни» на том основании, что не имел постоянного места работы в советском учреждении. Вскоре он был арестован.

На защиту Бродского поднялся цвет советской литературы. Писали или просили высокие инстанции вмешаться в это дело Ахматова, Чуковский, Паустовский, Маршак, композитор Шостакович и др. На суд из Москвы приехали более 20 писателей и публицистов, среди них Чуковская, Копелев и даже Сурков, отнюдь не склонный к «либерализму». Среди свидетелей защиты были ленинградские профессора-литературоведы Е. Эткинд и В. Адмони, поэтесса Н. Грудинина. [97] Больше всех сделала для защиты Бродского московская журналистка Фрида Вигдорова. Она же оставила запись судебного заседания [98] — первый такой документ в самиздате (если не считать анонимной записи «проработки» Б. Пастернака в Союзе писателей).

Суд над Бродским поражал отсутствием хоть каких-нибудь данных для обвинения, а также грубостью и тупостью судьи. В качестве публики на грузовиках привезли строительных рабочих, соответственно обработанных. Они улюлюкали и хамили обвиняемому и сочувствовавшим ему. Кроме родителей Бродского, в зал пустили лишь Вигдорову и еще двух-трех его знакомых. Остальные толпились у закрытых дверей. Приговор был максимальным по статье о «тунеядстве»: 5 лет ссылки. Сразу после суда свидетелей защиты вызвали на заседание секретариата Союза писателей, где на них орал и топал ногами председатель Ленинградского отделения СП А. Прокофьев. Всем троим было вынесено порицание.

Однако случилось все это в начале 1965 г., «оттепель» еще не кончилась. На ближайшем перевыборном собрании ленинградские писатели тайным голосованием «свалили» Прокофьева, а всех трех свидетелей защиты избрали членами правления ленинградского отделения СП. Председателем правления стал Д. Гранин, единственный в прежнем секретариате взявший сторону защитников Бродского. На заседании нового секретариата порицание с них было снято. Но самое главное: меньше чем через полгода после суда Иосиф Бродский был реабилитирован и возвратился в Ленинград! [99]

В ноябре 1965 г. судили группу «Колокола». Подсудимые вели себя по-рыцарски, оспаривали друг у друга авторство инкриминируемых статей. Для подтверждения преступности содеянного ими прокурор сказала, что «за это сажают даже на Западе». Стайка друзей во все время суда стояла у здания. «На адвокатов» собрали значительную сумму денег. Приговор был: В. Ронкину и С. Хахаеву по 7 лет лагеря и 3 года ссылки, остальным — от 2 до 4 лет лагеря. После суда разразились «проработки» с увольнениями с работы, захватившие довольно широкий круг выпускников Технологического института, — друзей и знакомых осужденных. [100]

Суд над руководителями ВСХСОН был полностью закрытым, а над остальными — со «спецпубликой», по пропускам, как и суд над группой «Колокола», как и последующие суды по политическим мотивам.

Из-за подпольности группы «Колокола» и ВСХСОНа они не собрали вокруг себя своих единомышленников, — узнали об этих кружках только после арестов. В Ленинграде не сформировался круг людей, объединенных общностью активной гражданской позиции, как содружество московских правозащитников. Близкие им по духу ленинградцы тянулись в Москву, а в своем городе были одиноки или составляли маленькие группы, по нескольку человек.

В кампании писем, захвативших Москву в 1968 г., ленинградцы приняли участие «письмом 10-ти» и еще несколькими индивидуальными письмами, где упоминалось о беззакониях не только на московском «процессе четырех», но и в Ленинграде на судах над «колокольчиками» и ВСХСОНовцами. [101] Ленинградский режиссер Г. Товстоногов и актер И. Смоктуновский приняли участие в письме 25 деятелей культуры, предостерегавших от ресталинизации. [102]

В апреле 1968 г. студент пятого курса электротехнического института (ЛЭТИ) Борис Шилькрот распространил среди своих сокурсников свое обращение — в защиту демократии, против ресталинизации, против суда над Галансковым и Гинзбургом. При обыске у Шилькрота изъяли большое количество самиздата (романы Солженицына, рассказы Даниэля и др.). Он был осужден на три года лагеря строгого режима. [103] Ленинградец Виктор Файнберг был среди демонстрантов на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г., протестовавших против

советского вторжения в Чехословакию. В 1969 г. ленинградец Владимир Борисов вошел в Инициативную группу защиты прав человека в СССР.

Вторжение советских войск в Чехословакию вызвало, кажется, первую в Ленинграде отдельную от Москвы попытку коллективного открытого протеста: 12 ленинградцев собрались обсудить письмо по этому поводу, и были задержаны, еще не дописав его. Вскоре состоялся суд над пятью активистами (Л. Квачевский, Ю. Гендлер, Н. Студенков, Н. Данилов, Е. Шашенков). Их обвиняли в самиздатских связях с московскими правозащитниками. Данилов и Шашенков были упрятаны в психбольницы, их друзья получили лагерные сроки. [104]

Ученый-зоолог, бывший фронтовик Александр Гусев высказал в письме к Брежневу несогласие с «решением ЦК по чехословацкому вопросу», полагая, что вторжение в Чехословакию подорвет международный престиж СССР. Гусев не распространял письмо в самиздате, оно стало известно, когда из канцелярии Брежнева было переслано в парторганизацию Института Академии наук, где работал Гусев. Он был исключен из партии(за исключение голосовали 40 членов партии, против — 11, 1 воздержался) и терпел преследования на работе. [105]

Остальные протесты против вторжения в ЧССР (в Ленинграде было зарегистрировано 16 таких случаев) планировались как безымянные. В ночь вторжения появились надписи на фигурах коней на Аничковом мосту: «Вон Брежнева из Чехословакии!». Исполнитель — 20-летний ленинградец Богуславский — был задержан на месте, избит и получил трехлетний лагерный срок. [106] Имена остальных участников протестов остались неизвестными. Так, из машины, проезжавшей по Дворцовой площади, был брошен сверток с листовками. На следующий день по ленинградскому радио передавалась просьба сообщить, не запомнил ли кто номер машины, из которой «выпал» сверток. [107]

В 1970 г. вновь были арестованы Револьт Пименов и Борис Вайль — на этот раз за распространение самиздата. Судили их не в Ленинграде, а в Калуге. На суде присутствовал академик Сахаров. Остальных москвичей и ленинградцев, приехавших в Калугу, чтобы попасть на суд, в зал не пустили. И вокруг суда над Квачевским и его товарищами, и после суда Пименова — Вайля, как водится, были увольнения, исключения из институтов и пр., коснувшиеся родных и друзей подсудимых, отказавшихся дать порочащие их показания или высказать им порицание. [108]

Отсутствие открытой общественной деятельности в Ленинграде объясняется, конечно, не особенностями ментальности ленинградцев, а тем, что такие события здесь было труднее сделать достоянием гласности, чем в Москве, где находились иностранные корреспонденты, что обеспечивало передачи по зарубежному радио. Ленинградское начальство пресекало любую попытку проявления неортодоксальности гораздо быстрее и суровее, чем в столице. В этом смысле показательно дело В. Чернышова, узника Ленинградской спецпсихбольницы. В 1970 г. Чернышов окончил механико-математический факультет Ленинградского университета и преподавал математику в технологическом институте. Он увлекался собиранием книг и пластинок, писал для себя стихи, рассказы, философские эссе, среди которых были антикоммунистические. Он перепечатал свои произведения на машинке, переплел в три тетради и за 5 лет показал двум знакомым. И он и они были арестованы. Один вымолил себе прощение раскаянием, а Чернышов и художник Попов оказались в СПБ с диагнозом «хроническая шизофрения», где пробыли несколько лет, подвергаясь «лечению» сильными нейролептиками. [109]

Не редкость в Ленинграде суд над «листовочниками» и над авторами анонимных писем с критикой советских порядков. Эти письма, отправленные в газеты и в разные советские учреждения — трагические свидетельства о людях, задыхавшихся от духовного одиночества и вынужденного молчания. [110]

Русская провинция. Атмосфера в больших провинциальных городах русской части СССР похожа на ленинградскую, только численность жителей и культурная прослойка там меньше, и соответственно меньше людей с гражданскими устремлениями. Но им легче найти друг друга — именно вследствие узкости культурной прослойки. Во многих русских городах с развитой промышленностью, с вузами и научными институтами, начиная с 50-х годов существуют дружеские кружки инакомыслящих. Между этими кружками идет обмен самиздатом. Обычно его привозят из Москвы, где у кого-то оказался знакомый или даже несколько знакомых, причастных к самиздату. Достаточно заполучить один экземпляр статьи или книги — размножение происходит на месте. Молодежь кое-где создавала необъявленные организации, иногда разбрасывали листовки, писали лозунги на стенах зданий, и исполнителей далеко не всегда находили. Люди постарше обычно ограничиваются размножением самиздата, обмениваются им, иногда становятся его авторами (как правило, — под псевдонимом), но не пытаются ни организоваться тайно, ни выступить открыто. Инакомыслие неистребимо существует и ищет выхода повсеместно, потому что невозможно заставить думать одинаково или вовсе не думать население огромной страны, более четверти миллиарда человек. Однако из-за опасности выхода на поверхность мы знаем в провинции лишь тех, кто был арестован или на кого указали арестованные (или стукачи). Во всяком случае «Хроника текущих событий» упоминает только о таких людях, не позволяя себе поставить под удар известных ей, но не известных КГБ инакомыслящих.

Я попытаюсь дать сводку сведений о независимой общественной жизни в русских городах с середины 60-х до начала 70-х годов, используя «Хронику» как основной источник.

В ХТС упоминается в такой связи примерно полсотни городов. Из каждого есть по одному или по два сообщения: у кого-то нашли самиздат, кого-то арестовали или уволили с работы за неугодные властям высказывания. По нескольку сообщений за пятилетие с 1968 по 1973 гг. было из Владимира, Горького, Рязани, Саратова, Свердловска, Кирова, Ростова, Новосибирска, Обнинска. Начну с уникального случая.

Владимир. В декабре 1968 г. здесь вышли два номера машинописного информационного бюллетеня «Молодость», которые оповещали, что в городе создан Союз независимой молодежи — легальная организация. Ее руководителем был Владимир Борисов — рабочий, по образованию филолог. Борисов подал в горисполком заявление о регистрации Союза.

Согласно Уставу, Союз независимой молодежи — организация, в которой молодежь сама направляет свою деятельность и руководит ею в рамках советской законности.

«Основная цель Союза — всемерно способствовать развитию социалистической демократии и общественного прогресса в нашей стране».

Союз требовал

> *«ввести подлинно демократические выборы», «настоящей свободы слова, печати, собраний, митингов, демонстраций и союзов», «не преследовать за убеждения», «ликвидировать незаконную, антиконституционную цензуру», «усилить борьбу с уголовной преступностью».*

Кроме объявления об организации Союза, в информационных листках содержались сообщения из жизни страны и города Владимира с задорной критикой самого высокого начальства города и области. [111]

31 мая 1969 г. Владимира Борисова обманом увезли в психиатрическую больницу. Ему сказали, что он помещен на экспертизу для военкомата, но стали вводить сильно действующие лекарства и довели до шокового состояния. В ответ на это его друзья по Союзу распространили в городе листовки об этой организации и о судьбе его председателя. Гласность оказала действие: Борисов был признан здоровым и вскоре его выписали из больницы. [112] Но через месяц последовал его арест и повторная психиатрическая экспертиза, которая признала его невменяемым. Союз молодежи был разогнан, [113] а через год, в мае 1970 г., Владимир Борисов повесился в больничном отделении Бутырской тюрьмы. [114] Таков трагический конец единственной известной «Хронике» легальной молодежной организации, созданной в русской провинции.

Горький. В отличие от необычного владимирского эксперимента, события в Горьком дают картину «нормальной» жизни инакомыслящих в русской провинции.

Горький — центр автомобильной промышленности, в городе имеется университет, вузы и техникумы.

С начала 60-х годов в нескольких дружеских компаниях наладился обмен самиздатом. Имелись «взрослые» кружки (преподаватели вузов и техникумов, инженеры и члены их семей), имелись и студенческие. Наиболее «политизированным» был кружок на историко-филологическом факультете университета. Его составили будущие историки, мыслившие в неомарксистском духе. Среди участников этого кружка был Михаил Капранов (дважды исключавшийся из университета за независимые высказывания), и еще двое, ранее исключенные за «вольномыслие». Однако самиздатом интересовались и благополучные студенты — такие, как Владимир Жильцов, один из лучших на истфаке, и даже дети горьковских «номенклатурщиков». В середине 60-х гг. самиздат в университете читали почти открыто. Случалось, что студенты брали новые поступления на лекцию, и за учебный день, передавая друг другу листочки, вся группа успевала прочесть не только статью, но и книгу. Шел обмен самиздатом даже между студентами и преподавателями, разделявшими этот интерес. Студенты-историки интересовались более всего политическим самиздатом, среди филологов большим успехом пользовались художественные произведения, но и там постоянной темой разговоров была «свобода творчества». Но чаще — читали стихи, чужие и свои, пели под гитару и, конечно же, пили водку.

В 1968 г., когда началось наступление на «подписантов» в Москве, видимо, по всей стране кагебисты получили указание «подкрутить гайки». В Горьком это совпало с попыткой, хоть и робкой, присоединиться к московским протестам.

Горьковчане написали по поводу «процесса четырех» два письма — оба анонимные, написанные печатными буквами (говорят, так труднее идентифицировать почерк). [115]

Тогда же произошло еще одно событие, всполошившее горьковских кагебистов. В городе появились листовки. Они были разбросаны в университете, политехническом, педагогическом и медицинском институтах, а также расклеены вблизи здания КГБ и вокруг университета. Листовки содержали требование демократических свобод, реабилитации осужденных по процессам 30-х годов, улучшения жизни нынешних политзаключенных. Авторы листовок призывали «следовать чешскому примеру».

Причастных к распространению листовок не нашли, но нескольких студентов исключили из институтов за распространение или даже за чтение самиздата, некоторых — за отказ от дачи показаний. Несколько преподавателей были уволены. [116]

Вскоре после этих событий пятеро студентов университета из «исторического» кружка устроили обсуждение коллективно написанной ими работы «Социализм и государство». Она базировалась на доступных советских источниках, была выдержана в марксистском духе, но выводы расходились с официальными.

Все участники обсуждения были комсомольцами, и их «дело» решалось на комсомольском собрании. Осуждение вовсе не было единодушным. Многие сочувствовали «еретикам». Когда их все-таки исключили, студентка Клара Гельдман из солидарности заявила о выходе из комсомола. Она была исключена из университета перед самой защитой диплома. Авторы «Государства и социализма» тоже были изгнаны из университета и тут же призваны в армию (Виталий Помазов уже после того, как он отслужил армейский срок, был осужден на 1,5 года лагеря все за ту же марксистскую работу [117]).

В связи с «делом пяти» прошла новая волна обысков и допросов. Летом 1969 г. были арестованы Михаил Капранов, Сергей Пономарев и Владимир Жильцов. Они признались, что это они прошлой весной распространили листовки. Вместе с ними был арестован их знакомый — преподаватель политэкономии в техникуме Владлен Павленков, у которого нашли самиздат. Следствие уготовило ему роль совратителя юных душ.

Суд был закрытым и длился целый месяц.

От подсудимых добивались признания, что они составляли организацию и главой ее был Павленков, но они отрицали и его причастность к листовкам и наличие какой бы то ни было организации. Они отстаивали свое право на высказывание убеждений. Приговор был: Павленкову и Капранову — по 7 лет лагеря строго режима, Пономареву — 5 и Жильцову — 4 года. [118]

Еще до окончания суда разразился шквал преследований родственников и друзей подсудимых. Жен выгнали с работы без права работать по специальности. Жена Павленкова, преподававшая немецкий язык в университете, вынуждена была устроиться истопницей. Примерно так же сложилась судьба родственников других арестованных. Подругу Жильцова исключили из университета за две недели до его окончания. Всем им вменили в вину недонесение о чтении самиздата их близкими. За показания в пользу обвиняемых и даже только за знакомство с ними были уволены с работы десятки людей и несколько десятков студентов исключили из университета и из других горьковских вузов. [119]

После этих испытаний студенческие кружки распались, но через некоторое время другие поколения студентов создали примерно такие же, однако распрос-

транять самиздат стали поосторожней. «Взрослые» кружки утратили некоторых своих участников, отошедших в сторону, чтобы избежать неприятностей, но остальных гонения еще более сплотили. Аресты не прервали ни поступления самиздата из Москвы, ни размножения и циркулирования его в Горьком. [120]

События, аналогичные горьковским, происходили и в других российских городах. Активной силой часто выступала молодежь, настроенная демократически и стремившаяся самостоятельно разобраться в современной ситуации, осмыслить ее.

Саратов. В том же, 1968 г., когда горьковские студенты писали свою книгу, а во Владимире обсуждалось создание открытой молодежной организации, в Саратове сложилась подпольная студенческая группа, назвавшая себя Партией истинных коммунистов. Она имела программу либерально-демократического толка и ставила целью творческое изучение марксизма по первоисточникам, а также соответствующей литературы — официально опубликованной и самиздатской.

Аресты произошли в августе 1969 г. На суде обвиняемые подчеркивали, что они вели не агитацию («немногое для многих»), а пропаганду («многое для немногих»), что новичков в организацию привлекали только после ознакомления с пропагандистской литературой и лишь в случае возникшего после этого совпадения взглядов.

По делу прошло около 50 свидетелей — студентов и недавних выпускников саратовских вузов. В зал суда пустили лишь родственников и специально подобранную публику; у входа стояла толпа молодежи, человек сто-полтораста. Все подсудимые признали вину и покаялись, и все-таки глава организации студент юридического института Олег Сенин получил 7 лет лагеря, остальные — от 3 до 6 лет. После процесса более 60 близких к обвиняемым подверглись внесудебным репрессиям — увольнению с работы и исключению из вузов. [121] После сообщения об этом суде в ХТС надолго пропадают известия из Саратова; но отрывочные сведения убеждают, что отсутствие информации было вызвано обрывом контактов с «Хроникой», а не прекращением независимой общественной деятельности.

4 февраля 1971 г. саратовская газета «Коммунист» поместила статью «У позорного столба», где были названы 20 посетителей книжного «черного рынка». Шестерых автор статьи называет самиздатчиками (начальник отдела фабрики детской игрушки Виктор Стрельников, художник кинотеатра Б. Ямпольский, работник областной детской библиотеки Ю. Болдырев, музыканты А. Катце и М. Белокрыса, преподаватель В. Нульман). Они постоянно слушали передачи зарубежных радиостанций и некоторые записывали на магнитофон, покупали произведения А. Солженицына, А. Кузнецова и т.п. не только на саратовском «черном рынке», но и ездили в другие города за тамиздатом и за самиздатом. По ночам перепечатывали раздобытое на машинке: «Один экземпляр себе в тайник, остальные — для распространения». В статье сообщается, что из тайников были изъяты десятки самиздатских произведений. Поскольку о продаже рукописей в газете не говорится, очевидно, что речь идет о типичном случае бескорыстной самиздатской деятельности. [122]

И еще одно короткое известие, тоже из Саратова и тоже о самиздате. 17 марта 1971 г. врач-рентгенолог Нина Кахцадзова была увезена с работы на допрос в КГБ после обыска, на котором нашли самиздат и листовки, распространявшиеся в московском ГУМе иностранцами. Во время допроса у нее было два обморока.

В этот же день вызывали на допросы нескольких друзей Кахцадзовой. На следующее утро она повесилась. [123]

Рязань. Во второй половине 1968 г. студенты радиотехнического института в Рязани создали нелегальную организацию под названием Марксистская партия нового типа. Студент-заочник, токарь завода «Рязсельмаш» Юрий Вудка написал брошюру «Закат капитала», которая стала программным документом рязанской группы. Видимо, эта группа имела связи в других городах, так как саратовская группа тоже считала своим программным документом работу Вудки «Закат капитала».

Рязанская организация была раскрыта вследствие явки в КГБ с повинной ее членов Мартимонова и Заславского. На суд в Рязань вызвали свидетелей не только из Саратова, но и из Подмосковья, Ленинграда, Киева и других городов. Приговоры — от 7 до 3 лет лагеря. Доносчики были осуждены условно. [124]

Свердловск. В 1969 г. здесь возникла молодежная организация — «Свободная Россия». В нее вошли братья Валерий и Виктор Пестовы (сыновья военного врача, после армии работали на заводе слесарями), техник с кондитерской фабрики Николай Шабуров, железнодорожный диспетчер Владислав Узлов и слесарь Владимир Берсенев. При обсуждении возможной деятельности сначала предполагалось стрелять в «отцов города» во время праздничной демонстрации. Но потом члены организации оставили мысль о терроре, обзавелись пишущей машинкой и написали листовку «восходящее солнце». Около 100 экземпляров было распространено в ноябре 1969 г. Листовку разбрасывали на заводе Уралмаш и распространяли среди студентов железнодорожного института. К весне провели организационное собрание, изменили название организации на «Российская рабочая партия», приняли устав и программу (свобода слова, отмена цензуры, повышение заработной платы рабочим и стипендий студентам, улучшение жилищных условий, независимость профсоюзов), ввели членские взносы. Мечтали установить связи с Москвой, где, по предположению членов «Рабочей партии», существовал «центр». Свердловскую организацию лишь условно можно назвать подпольной, так как ее участники не скрывали от своих знакомых принадлежность к ней. К маю 1970 г. написали новую листовку: «Меч тяжел, необходимо объединение сил». Разбросали листовку в Серове, в Тагиле и Свердловске. Шабуров поехал распространять эту листовку в Москве, Ленинграде и Прибалтике и искать «центр». Родственник в Лиепае убедил его пойти в КГБ с повинной. О своем признании Шабуров оповестил друзей телеграммой. 19 и 20 мая 1969 г. пятеро были арестованы. К этому времени в Рабочую партию вошли около полусотни человек. Суд прошел в ноябре 1970 г. Приговоры — от 5 до 3 лет лагерей. [125]

Ровно через год — в ноябре 1971 г. — в Свердловске состоялся суд над семью молодыми рабочими — членами другой организации, назвавшей себя Революционная партия интеллектуалистов Советского Союза. Главой этой организации был 27-летний слесарь из Нижнего Тагила, бывший член КПСС Георгий Давиденко, называвший себя социал-демократом. Организация существовала с 1970 г. Члены ее регулярно проводили совещания, создали печатную базу и распространяли литературу — в основном статьи своего идеолога 25-летнего выпускника философского отделения Донецкого университета Василия Спиненко.

По его идее, справедливое общество способна создать лишь инженерно-техническая интеллигенция, она и должна получить доступ к управлению. Одна из статей Спиненко называется «Рождение новых классов и борьба при социализме». Член группы Семилетов после службы в армии пошел в школу МВД — учиться конспирации.

Следствие по этому делу велось не только в Свердловске, но и в Красноярске, Хабаровске, Горьком и, возможно, в других городах. Давиденко и его товарищи получили по 4 года лагерей. Спиненко был отправлен в спецпсихбольницу, и в 1983 г. он все еще находился там. [126]

Харьков находится на Украине, но это русифицированный город. Пробудившаяся здесь в 60-е годы независимая общественная жизнь шла не в русле украинского национального движения, а общедемократического: небольшой кружок харьковчан был духовно ближе к москвичам, чем к киевлянам. В кружок этот входили люди разных национальностей, почти все они были инженерами. Они дружили семьями — семей, я думаю, 10-15. В кружке царила атмосфера порядочности и взаимопомощи, горячая взаимная привязанность, обостренная ощущением своей инородности в городе. Харьковские инакомыслящие, как большинство в период «Пражской весны» и надежд на очеловечивание советской системы, были марксистами, в их домах висели портреты Ленина.

Самым активным из харьковчан был военный инженер Генрих Алтунян. Он и его друзья бывали в Москве, познакомились с московскими правозащитниками, тяготевшими к марксизму, — Петром Якиром, Петром Григоренко и др. Алтунян вошел в Инициативную группу по защите прав человека в СССР, а семеро его друзей поддержали подписями обращение Инициативной группы в ООН. Алтуняна арестовали одним из первых в Инициативной группе — в июле 1969 г. [127] К тому времени он уже был исключен из партии, демобилизован и потерял работу. Вслед за ним арестовали одного за другим его друзей — В. Недобору, В. Пономарева и А. Левина. [128] Идеализм и вера в лучшее в людях, сделавшие этот круг неотразимо привлекательным в общении, обернулись против них на следствии, — они не верили, что нельзя убедить следователей в чистоте своих помыслов и в безупречности своей гражданской позиции, и были очень откровенны с ними. Жестокость и несправедливость особенно больно ранила этих доверчивых людей. Но все четверо арестованных держались очень мужественно, как и их жены и друзья во время «проработок» по месту работы.

Никому из них не дали выступить с объяснениями своего поступка; письмо, под которым они подписались, не зачитывалось. Сослуживцы яростно нападали на них за самый факт обращения в ООН, т.е. за границу, называя их предателями родины, пособниками империалистов, а ООН — шпионской американской организацией. Все собрания приняли решение об увольнении своих инакомыслящих коллег. Все они лишились работы по специальности и годами зарабатывали неквалифицированным трудом. [129]

Научные городки. (Новосибирский академгородок, Обнинск, Пущино-на-Оке, Дубна, Черноголовка и др.). Создавая эти городки, власти, кроме прочего, имели в виду изолировать ученых с их привычкой к независимому мышлению, от остального населения. Но в самих городках создалась среда с особым обществен-

ным микроклиматом, где самостоятельность мышления проявлялась не только при решении научных вопросов.

Философ Борис Шрагин, выступавший с лекциями в подмосковных научных городках, утверждает, что такую открытую реакцию слушателей он встречал лишь в свободном мире: слушатели с безбоязненной естественностью задавали вопросы и высказывали свое мнение по самым острым политическим проблемам. [130]

Научные городки — идеальная среда для самиздатской деятельности, самиздат и тамиздат циркулируют в них практически открыто.

Известно, что в 1968 г. большинство среди протестовавших против ресталинизации и выступивших в защиту обвиняемых на «процессе четырех» составили ученые — им принадлежит 45% подписей под письмами по поводу этого суда. [131] Среди этих писем было отдельное письмо с 46 подписями из Новосибирского академгородка. [132] Подмосковные научные центры не выступили с отдельными письмами, так как при близости к Москве и тесных связях с ней жители этих городков участвовали в письмах москвичей.

«Проработки» «подписантов» были проведены и в научных городках. И там нашлись люди, выступавшие с «гневным осуждением». Так, в Новосибирском академгородке член-корреспондент Сибирского отделения Академии наук Р. Сагдеев предложил «выгнать всех из Академгородка, пусть идут грузить свинцовые чушки». [133] Однако Б. Шрагин, проанализировавший данные «Хроники» о «проработках» в научных городках, показал, что там «подписанты» пользовались поддержкой большинства, и партийные власти, чтобы выполнить приказ об «осуждении», вынуждены были устраивать торг — в обмен на словесное осуждение соглашаться на существенное смягчение наказания «подписантам». Из пяти членов партии — «подписантов» из Академгородка трое не были исключены из партии (чего в Москве и Киеве удавалось избежать только раскаянием). В Академгородке они получили строгие выговоры. Это очень заметная разница, так как исключение из партии автоматически вело к увольнению с работы, а получивший выговор работу сохранял, к тому же через год-два выговор снимали. Шрагин прав в своем заключении, что

> *«... строгие выговоры... оказались своего рода компромиссом между партийными коллегами подвергшихся преследованию лиц и официальными представителями районного или городского комитета партии, которые должны были настаивать на их примерном наказании».* [134]

Были компромиссами и понижение в должности (вместо увольнения) и даже уход с работы «по собственному желанию» нескольких «подписантов» из Академгородка, так как такая формулировка облегчала поступление на другую работу. Двум предложили работу и квартиры в Новосибирске, лишь бы они согласились уйти «по собственному желанию» — видимо, «организовать» увольнение было трудно. [135]

Так же вели себя сотрудники Института биофизики в Пущино-на-Оке, когда получили донос на двух научных сотрудников этого института об «антисоветских» разговорах во время отпуска. Разговоры были обычные в этой среде, но потрясли случайных слушателей; начальство потребовало «принять меры». Участники актива, где в отсутствие провинившихся обсуждалось, как с ними быть, «дружно их осуждали», но не предлагали каких-либо мер взыскания. Понадобил-

ся сильный нажим представителя райкома, чтобы было принято решение об увольнении. [136]

Такая же атмосфера была свойственна, видимо, и студенческой среде Новосибирского университета. Студенты не участвовали в подписании писем в защиту обвиняемых на «процессе четырех», но выразили свое отношение надписями на стенах зданий в Академгородке, сделанными ночью несмываемой краской: «Их преступление — честность»; «Прекратите закрытые процессы — мы хотим знать правду» и т.п. Авторы аналогичных надписей нередки среди заключенных политических лагерей. Однако в Академгородке карательные органы, выявив исполнителей надписей среди студентов, добивались лишь их исключения из комсомола и ходатайства комсомольской организации перед ректоратом об исключении их из университета.

Очевидно, сочувствие большинства студентов было заранее ясно начальству, поэтому и велся торг. Студенты соглашались исключить исполнителей подписей из комсомола при условии, что они останутся в университете. Наконец, был достигнут компромисс с некоторым перевесом в сторону позиции начальства: исключение из комсомола и удаление из университета на два года; но и за это голосовало менее $^2/_3$ собрания, полагающихся по уставу комсомола для исключения. [137]

25 августа 1968 г. в Новосибирском Академгородке снова появились надписи на стенах, на этот раз — о чешских событиях: «Варвары, вон из Чехословакии!». Виновников не нашли. [138]

В коллективах научных институтов чаще чем где бы то ни было случались отказы проголосовать за одобрение советской «братской помощи» Чехословакии. По сообщению физика Юрия Мнюха, в Пущино-на-Оке больше половины сотрудников конструкторского бюро при голосовании воздержались. [139] Однако так было лишь до конца 60-х годов.

Открытые выступления ученых в защиту демократии и соблюдения закона впоследствии стали редкостью. Будучи наиболее приверженным этим ценностям слоем советского общества, ученые при этом очень уязвимы, так как простейший вид репрессий — увольнение с работы (или, для студентов, — невозможность получить избранную специальность) — для них более ощутимая утрата, чем потеря рабочего места для людей нетворческого труда, которым легче найти адекватную замену. Однако и среди правозащитников, и среди эпизодически поддерживающих их ученые и в последующие годы составляли заметную часть, притом наиболее влиятельную, а скрытые формы независимой общественной жизни, в частности, самиздатская деятельность и помощь политзаключенным и другим жертвам политических репрессий, до сих пор наиболее укоренены именно в этой среде.

Балтийский флот. В 1969 г. был раскрыт подпольный «Союз борьбы за демократические права», созданный офицерами Балтфлота. В Таллинне, Ленинграде и Калининграде были арестованы около 30 человек и в Польше — два советских офицера. [140] Как выяснилось во время следствия, руководителем организации был морской офицер Геннадий Гаврилов, писавший в самиздате под псевдонимом Алексеев (известна его статья по поводу чешских событий). [141] Гаврилов ездил в Москву, познакомился с Петром Якиром. Тот дал ему телефон таллиннского инженера Сергея Солдатова, который был ведущей фигурой в подпольной

организации «Эстонское демократическое движение» в Таллинне (см. об этом в главе «Эстонское национально-демократическое движение», стр. 58-59). Офицерский «Союз борьбы за демократические права» издавал самиздатский журнал «Демократ» на русском и эстонском языках. Члены организации нуждались в типографском шрифте, и Солдатов помог обеспечить печатные средства. Членов Союза — военнослужащих — судили закрытым судом. Г. Парамонов был признан невменяемым, Г. Гаврилов получил 6-летний лагерный срок, А. Косырев, раскаявшийся на следствии и давший обширные показания, — 2 года лагеря. Судьба остальных неизвестна. [142]

* * *

В 1968-1971 гг. наиболее распространенной формой правозащитных выступлений в Москве были письма в советские инстанции, одновременно распространяемые в самиздате. Письменные протесты против конкретных проявлений беззакония стали постоянным явлением общественной жизни столицы. Вне Москвы эта жизнь протекала скрытно (подпольные кружки, самиздат). Благодаря самиздату и передачам зарубежных радиостанций идеи движения за права человека распространились по стране, способствовали росту гражданского сознания.

Репрессии против правозащитников

Каждый выпуск «Хроники текущих событий» начинается с сообщений о политических процессах. В первых выпусках это, главным образом, суды над москвичами. До конца 1972 г. в «Хронике» сообщается о 34 таких процессах, на которых были осуждены 51 человек.

В 1967 г. за демонстрацию против политических арестов получили по 3 года лагеря В. Буковский и В. Хаустов; [143] в 1968 г. — «процесс четырех»; осуждение А. Марченко и участников демонстрации на Красной площади. [144] В 1969-1970 гг. были арестованы Петр Григоренко, Илья Габай, Наталья Горбаневская, Владимир Гершуни, Андрей Амальрик. [145]

В 1969-1970 гг. усилились психиатрические репрессии. Начиная с суда над Синявским и Даниэлем, власти неоднократно убеждались, что политические расправы подрывают репутацию Советского Союза как демократической страны. Они попытались найти выход в объявлении душевнобольными тех правозащитников, суды над которыми были особенно чреваты политическим скандалом. В 1970 г. из известных «Хронике» 106 осужденных «политических» в психбольницы были отправлены 20 человек, при этом из 11 москвичей, судимых в конце 1969-1970 гг. 8 были признаны невменяемыми, среди них — Наталья Горбаневская и Петр Григоренко. В 1971 г. из 85 политических осужденных признали невменяемыми 24 человека, т.е. почти каждого третьего.

Начал борьбу с психиатрическими репрессиями Сергей Писарев, убежденный коммунист, старый член партии, который оказался в Ленинградской спецпсихбольнице в 1953 г. за докладную записку Сталину, где Писарев утверждал, что дело незадолго перед тем арестованных врачей Кремлевской больницы, якобы подрывавших здоровье своих пациентов, сфабриковано.

После смерти Сталина освободили и врачей и Писарева, а диагноз о его невменяемости был признан неверным.

После трех лет усилий, в 1956 г., Писарев добился назначения специальной комиссии ЦК партии, которая обследовала Институт судебной медицины им. Сербского, где, по утверждению Писарева, неоднократно ставились диагнозы, обрекавшие психически здоровых людей на бессрочную изоляцию в спецпсихбольницах-тюрьмах. Комиссия ЦК подтвердила обвинения Писарева, и сотни здоровых людей были выпущены из психиатрических больниц, а виновники их диагнозов отстранены от дел. В частности, не у дел оказался Д. Лунц — ведущий психиатр Института им. Сербского. Этот Институт, как и спецпсихбольницы, находился не в ведении органов здравоохранения, а в ведении следственных органов, что способствовало злоупотреблениям. Комиссия рекомендовала изменить систему подчинения Института им. Сербского и спецпсихбольниц. Однако материалы комиссии ни в одной инстанции рассмотрены не были, через два года их сдали в архив. Участники комиссии под разными предлогами были удалены из аппарата ЦК, отстраненные комиссией врачи и администраторы вернулись на свои места, а к прежним психиатрическим тюрьмам прибавились новые. [146]

О психиатрических преследованиях постоянно писала ХТС, [147] этой проблемой занимались и Инициативная группа, [148] и Комитет прав человека. [149] Существенный вклад был сделан Владимиром Буковским. Он сам дважды испытал ужасы психиатрического заключения (в 1963 и в 1965 гг.), пробыв в психбольницах в общей сложности около 3 лет. [150] Буковский сумел раздобыть медицинскую документацию на шестерых узников психбольниц: свою собственную «историю болезни», П. Григоренко, Н. Горбаневской и других инакомыслящих. В 1971 г. он передал эти документы международному съезду психиатров, который должен был собраться в Мехико. Буковский просил участников съезда изучить эти документы и сделать заключение, обосновано ли помещение в психбольницы на изложенных там основаниях. Но руководство съезда не сочло возможным заняться этим — ученые свободного мира не захотели «вмешиваться в политику». Буковский был арестован [151] и получил 7 лет лагеря и 5 лет ссылки за «антисоветскую агитацию». Этот суд пришелся на январь 1972 г. и стал провозвестником генерального наступления на правозащитное движение. [152]

Основной удар пришелся по «Хронике текущих событий». Арест ее создательницы — Натальи Горбаневской (24 декабря 1969 г.) [153] не остановил издания — 11-й выпуск вышел через неделю после ее ареста. На последней странице редакция поместила объявление:

> «Год прав человека в Советском Союзе продолжается».
> «Хроника» будет выходить и в 1970 г.» [154]

Последующие выпуски выходили регулярно, как и прежде — раз в два месяца и не отличались от предшествующих ни стилем, ни содержанием, ни объемом, только на некоторое время прервалась связь с частью информаторов. Было очевидно, что редакция «Хроники» и круг сборщиков информации неизвестны КГБ, они продолжали работу. Редактором «Хроники» стал Анатолий Якобсон. Выходом в свет 23-го выпуска в январе 1972 г. был начат пятый год ее издания.

До правозащитников дошли слухи, что в декабре 1971 г. ЦК КПСС принял специальное постановление прекратить «Хронику» и вообще самиздат — его распространение внутри страны и утечку на Запад.

14 января в Москве было проведено 8 обысков, в том числе у Петра Якира и его дочери Ирины Якир. Обыски проводились по разным делам, но превалировало среди них дело № 24. Одновременно по этому же делу были обыски в Вильнюсе, в Ленинграде, в Новосибирске, в Умани, в Киеве. [155] Киевлянин Леонид Плющ был арестован по делу № 24. [156] По этому же делу были арестованы Вацлав Севрук в Вильнюсе и Юрий Мельник в Ленинграде. До конца января и весь февраль в городах, затронутых обысками и арестами, шли массовые допросы. Допрашивали не только тех, у кого были обыски, но и их родственников, знакомых и сослуживцев. Только в Вильнюсе допросили более ста человек. [157]

Из допросов стало ясно, что все аресты и обыски — по поводу самиздата. Вызванных по делу № 24 расспрашивали в основном о том, что им известно об изготовлении и распространении «Хроники текущих событий». Последующие события подтвердили, что дело № 24 — это дело о «Хронике». 6 мая в Москве было еще 15 обысков по этому делу, один из них повторный — у Петра Якира.

12 июня 1972 г. он был арестован. В 26-м выпуске «Хроники», вышедшем 5 июля, сообщение об аресте Якира стоит первым. [158]

Сын расстрелянного командарма Ионы Якира, он пробыл в сталинских лагерях и тюрьмах 17 лет — с 14-летнего возраста. [159] Петр Якир вел активную борьбу против ресталинизации и был широко известен не только внутри страны, но и на Западе. В день его ареста иностранным корреспондентам в Москве было официально сообщено, что Якир обвиняется по ст. 70 УК РСФСР.

До сентября по самиздатским делам, связанным с Москвой, были арестованы Александр Рыбаков в Новосибирске (у него нашли стеклограф), [160] Георгий Давыдов и Валентин Петров в Ленинграде (у них нашли мимеограф), [161] В. Шаклеин, А. Болонкин и В. Балакирев в Москве (у них тоже нашли самодельное множительное устройство), [162] а также П. Старчик, которого арестовали за листовки, но на обыске изъяли 41 экземпляр «Хроники текущих событий». [163] В. Попов был арестован по делу находившегося с 1971 г. в тюрьме Кронида Любарского, астронома из подмосковного научного городка Черноголовки, которому инкриминировали распространение самиздата, в том числе «Хроники». [164] Был арестован москвич Юрий Шиханович, тоже связанный с «Хроникой», [165] Роальд Мухамедьяров — за самиздат, [166] и активный участник Инициативной группы по защите прав человека в СССР Виктор Красин — по делу № 24. [167]

Несмотря на все это 15 октября 1972 г. вышел (правда, с полуторамесячным опозданием) 27-й выпуск «Хроники текущих событий». В нем содержалась информация об арестах, обысках и допросах по делу № 24 и другим самиздатским делам, а также о событиях в Литве, о преследованиях крымских татар, публиковались вести из политических тюрем, лагерей и из психбольниц, дополнительные данные о «самолетном процессе» 1970 г. в Ленинграде, новости самиздата и другие сообщения.

IV. КРИЗИС (1973—1974 гг.)

4 ноября дочери Петра Якира разрешили свидание с отцом в Лефортовской тюрьме. Свидание происходило в присутствии двух следователей. Якир сказал, что он изменил свое отношение к демократическому движению и к своей дея-

тельности в нем. По его словам, предъявленные ему на следствии материалы убедили его в тенденциозном характере и объективной вредности «Хроники текущих событий». Он пояснил, что каждый следующий выпуск «Хроники» будет удлинять ему и Красину сроки заключения и просил прекратить выпуск «Хроники». В подкрепление этой просьбы он добавил, что с выходом каждого выпуска будут производиться новые аресты, причем арестовывать будут не обязательно тех, кто непосредственно принимал участие в работе над новым выпуском. Стало очевидно активное сотрудничество Якира со следствием. [168]

Через девять дней после этого свидания произошел еще один обыск на квартире Якиров, и был изъят только вышедший 27-й выпуск «Хроники». 3 января 1973 г. арестовали Ирину Белогородскую. Следователь, ведущий дело, заявил ее мужу, что арест этот вызван выходом 27-го выпуска «Хроники», хотя КГБ известно, что Белогородская, прежде связанная с «Хроникой», не принимала участия в издании этого выпуска. Таким образом, сотрудники госбезопасности выполнили свое обещание, данное устами Петра Якира. [169]

Редакторы «Хроники» были поставлены тем самым перед необходимостью решать не только за себя, и в этой тяжелой нравственной ситуации медлили с публикацией следующего выпуска.

Между тем продолжались допросы — теперь уже не только по делу Якира, но и по делу Красина, который тоже стал давать показания. Допросы дополнялись многочисленными очными ставками с ними — их устраивали тем, кто отказывался подтверждать свидетельства Якира и Красина. [170]

Ни Якир, ни Красин не входили в редакцию «Хроники», но они были активными поставщиками информации для нее. Оба они были известны правозащитными выступлениями в самиздате. Вследствие впечатляющей биографии Якира его деятельности уделялось особенно большое внимание в передачах зарубежных радиостанций на Советский Союз, и люди, к «Хронике» отношения не имевшие, но стремившиеся получить ее выпуски для чтения и распространения, а также хотевшие сообщить редакции известную им информацию, искали способов познакомиться с Якиром, полагая, что он знает путь к «Хронике», — и доверялись ему. Это особенно относится к людям не из Москвы, а из других городов и из нерусских республик. Поэтому Якир и Красин знали главным образом, так сказать, второй эшелон корреспондентов «Хроники», которые непосредственных контактов с ее редакцией не имели. О тех, кто имел самостоятельные связи с редакцией, Якир и Красин могли лишь догадываться или располагали отрывочными, случайными сведениями. Поэтому, несмотря на обилие сведений о «Хронике», полученных следствием от Якира и Красина, (они дали показания более чем на 200 человек), [171] многие участники издания «Хроники» остались следствию неизвестными или стала известна лишь не подтвержденная фактами их причастность к «Хронике». Следствие добивалось показаний от людей, названных Якиром и Красиным. Это было важно по психологическим соображениям: показания на следствии подрывают самоуважение, лишают доверия окружающих. Следователи стремились поставить в такое положение как можно больше людей.

Случаи сотрудничества со следствием очень редки среди диссидентов, но все же бывали. Людей, склоненных к такому сотрудничеству, или освобождали от наказания или они получали весьма смягченное наказание.

Как правило, это исключает возвращение к прежней деятельности: они или сами отстранялись от нее или вынуждены были от нее отказаться из-за невоз-

можности ни старых, ни новых деловых контактов: ведь, согласно пословице, дурная слава бежит...

Следователи еще и потому добиваются от диссидентов показаний на себя и на других и осуждения прежней деятельности, что каждый такой факт снижает нравственную привлекательность диссидентского движения, особенно для тех людей, которые знают о нем понаслышке, скажем, из передач зарубежных радиостанций. В этом смысле дело Якира и Красина было беспрецедентным, так как среди ведущих правозащитников ни до ни после не было случаев столь нестойкого поведения.

От всех названных Якиром и Красиным людей добивались показаний не только запугиванием и уверениями, что про них и так все известно, и признание облегчит их положение, но и апеллируя к нравственному чувству: «вот вы на воле (пока, пока), а отказываетесь подтвердить показания арестованного и тем утяжеляете его участь». Это обычный следовательский прием, но Якир и Красин были подключены к усилиям следователей, и на очных ставках повторяли этот довод, упрекали упорствующих в эгоизме, утверждая, что сокрытием своего участия в «Хронике» они перекладывают всю тяжесть ответственности за ее издание на них двоих. Под таким моральным прессом дочь Якира Ирина стала давать показания — лишь на саму себя, больше ни на кого, и взяла на себя ответственность за «Хронику». Она заявила на допросах, что это она редактировала все выпуски «Хроники» начиная с 12-го, т.е. с момента ареста Горбаневской, и до последнего 27-го. [172]

Чтобы вынудить показания у других, применили экстраординарный прием: из Лефортовской тюрьмы были доставлены от Якира и Красина письма. Письмо Якира А.Д. Сахарову принес на дом офицер КГБ. Засвидетельствовав Сахарову свое глубокое уважение, Якир призывал его прекратить всякие выступления, поскольку, как считал теперь Якир, они вредны людям и используются антисоветской пропагандой. Красин передал письмо «друзьям на воле» через следователя. Он писал, что в последнее время «демократическое движение» приобрело опасное для государственной власти направление, и государство вынуждено и вправе защищаться. Наступление властей на движение привело к его разгрому, и нужно думать о спасении людей. Но прекращение оппозиционной деятельности недостаточно для спасения от репрессий. Властям необходимы гарантии, что такая деятельность не будет возобновлена, и эти гарантии могут быть обеспечены лишь содействием следствию. Красин призывал оставшихся на воле преодолеть психологический барьер и давать откровенные показания не только о своих действиях, но и о действиях других лиц. [173]

Эти письма тоже не принесли ощутимого результата. На сотнях допросов по делу Якира и Красина лишь несколько человек подтвердили их показания, касавшиеся «Хроники текущих событий», но малодушие этих людей тоже усугубляло тяжелое настроение от арестов друзей и сознание личной опасности, которое испытывали оставшиеся на свободе сотрудники ХТС.

В июле 1973 г. состоялись новые аресты по делу № 24; Габриэля Суперфина в Москве, Виктора Некипелова во Владимирской области и Сергея Пирогова в Архангельске. [174]

В августе судили Якира и Красина. Оба подсудимых признали свою вину и выразили раскаяние по поводу содеянного. Оба признали свой умысел в подрыве советского строя и «клеветнический характер» своих прежних правозащитных выступлений, в том числе в составе Инициативной группы, и «клеветнический,

подрывной» характер «Хроники». Особое внимание было уделено проблеме психиатрических репрессий: среди свидетелей находился ведущий советский психиатр академик Снежневский, который заявил, что в советских психбольницах никогда не было и нет здоровых людей. Якир назвал заявления правозащитников об использовании психиатрии в политических целях клеветническими.

1 сентября суд вынес решение: по 3 года лагеря и 3 года ссылки. 5 сентября в Доме журналиста в присутствии иностранных корреспондентов состоялась пресс-конференция с участием Якира и Красина, которая в тот же день в отрывках транслировалась по телевидению. Они подтвердили заявления, сделанные на суде. [175]

28 сентября Верховный суд снизил обоим сроки заключения до отбытых, и оставил фактически лишь ссылку. Местом ссылки были определены большие города недалеко от Москвы (для Красина — Калинин, для Якира — Рязань). [176]

Четыре оставшихся к этому времени на свободе члена Инициативной группы (Татьяна Великанова, Григорий Подъяпольский, Сергей Ковалев и Татьяна Ходорович) выступили с заявлением, что Группа не разделяет позиции Якира и Красина, не признает свои документы клеветническими и отрицает их не только подрывной, но и вообще политический характер. Члены Группы повторили утверждение, что в Советском Союзе имеют место психиатрические расправы с неугодными власти людьми. Относительно суда над Якиром и Красиным и их пресс-конференции Группа писала:

«Мы протестуем против таких методов воздействия, которые ломают человеческую личность, вынуждают оговаривать свои деяния, деяния своих товарищей, самих себя».

Это заявление было единственным заявлением Группы с января 1972 г. и до января 1974 г. [177]

Чувство морального поражения, вызванное беспрецедентным «показательным» судом усугублялось разнузданной кампанией советской прессы против Сахарова и тем, что в этой кампании приняли участие коллеги Сахарова по науке (письмо 40 академиков), среди которых были и его личные друзья. [178]

Крайним проявлением общего тяжелого настроения московских правозащитников в то время стало самоубийство Ильи Габая (20 октября 1973 г.).

Габай, близкий друг Якира, отец двух детей, школьный учитель и поэт, был одним из наиболее активных и уважаемых участников правозащитного движения. Как писала о нем впоследствии «Хроника, он был наделен высокой чувствительностью к чужой боли и беспощадным сознанием собственной ответственности. С представлением о нем никак не вязались такие объяснения его отчаянного поступка как пришедшиеся на его долю тюрьма, допросы, вынужденная бездеятельность талантливого человека... [179]

С конца 1972 г., примерно тогда же, когда приостановился выход «Хроники текущих событий», замолк и Комитет прав человека. В сентябре 1972 г. вышел из Комитета Валерий Чалидзе. В ноябре он получил разрешение на выезд в США для чтения лекций и почти сразу же был лишен гражданства (это был первый прецедент избавления от неугодного гражданина таким способом). [180] В декабре вышел из Комитета Андрей Твердохлебов. [181] В Комитет был кооптирован Григорий Подъяпольский. [182] В этом составе Комитет заслушал в январе 1973 г. доклад И. Шафаревича о религиозном законодательстве в СССР. К октябрю 1973 г.

Комитет выпустил еще три документа, и на этом практически прекратил свою деятельность. [183]

Единственной формой открытых выступлений, как и в самом начале движения, опять стали индивидуальные и коллективные письма (но они были редки и с очень небольшим числом подписей).

В 1973-1974 гг. о правозащитном движении говорили в прошедшем времени не только его враги, но и доброжелатели — оно почти не проявлялось вовне. Но есть такая примета: кого ошибочно похоронили, тому предстоит долгая жизнь.

V. ПРЕОДОЛЕНИЕ (1974-1975 гг.)

Наступление, предпринятое на правозащитное движение в 1972-1973 гг., имело целью разрушение механизма неподконтрольного распространения идей и информации. Видимую часть этого механизма удалось разрушить почти полностью: было устранено большинство ведущих деятелей правозащитного движения*, была прервана работа правозащитных ассоциаций, прекратилась «Хроника текущих событий».

Перемещение большей части правозащитников в места заключения сказалось на атмосфере в политических лагерях. Правозащитники и там требовали соблюдения законности, протестовали против самодурства начальства и жестокости. Наравне с ними стали выступать и участники национальных движений, и другие политзаключенные. Создалось парадоксальное положение: в годы. когда на воле правозащитное движение переживало кризис, в политлагерях оно, напротив, бурно усилилось. Оттуда в разные инстанции шел поток жалоб на жилищные условия, на медицинское обслуживание, на грубость и самоуправство начальства и т.д. Эти жалобы попадали не только в инстанции, куда были адресованы, но и в самиздат, а оттуда — на Запад. Зарубежное радио, по свидетельству Буковского, отбывавшего тогда срок, слушали и надзиратели и их начальники. Они знали — стало известно на Западе о безобразиям в их лагере — жди обследования «сверху», будут неприятности. Иной раз заключенные именно от надзирателей или от обслуги тюрьмы узнавали об очередной радиопередаче об их собственном положении. [184] Это придавало им силы. Обычными стали прежде чрезвычайно редкие выступления политзаключенных не только на лагерные, но и на общеполитические темы. Отмечу посвященные национальным проблемам в Советском Союзе — такие заявления подчеркнуто совместно делали активисты разных национальных движений и русские. [185] В 1975 г. в мордовских лагерях был разработан Статус политзаключенного. Он включал следующие требования:

— отделение политзаключенных от военных преступников и от уголовников;

— отмена принудительного труда, обязательной нормы выработки;

— отмена ограничений в переписке, в том числе с заграницей;

— улучшение медицинского обслуживания;

— обеспечение возможности творческой работы политзэкам — литераторам, художникам, ученым;

* Из 12 человек, подписавших в начале 1969 г. Обращение к совещанию коммунистических партий в Будапеште, к 1975 г. остались лишь двое, из 15 членов Инициативной группы — четверо и т. д.

— разрешение говорить на родном языке в лагере и на свиданиях с родными и т.д. [186]

С 1969 г. в политлагерях ежегодными стали голодовки 10 декабря — в День прав человека. С каждым годом в них принимало участие все больше политзаключенных разных убеждений. [187] Затем стали отмечать и 5 сентября — как День памяти жертв красного террора: 5 сентября 1918 г. был подписан декрет о красном терроре, по которому, в частности, были устроены лагеря, где впоследствии погибли миллионы людей. [188] В лагерях в этот день зажигают свечи в их память.

В 1974 г. по инициативе политзаключенных мордовских и пермских лагерей 30 октября был объявлен Днем советского политзаключенного. [189] Его с тех пор отмечают голодовками.

Оставшиеся на воле правозащитники напрягали все возможности для помощи политзаключенным, среди которых теперь оказались многие их друзья. В кризисные 1972-1973 гг. система помощи политзаключенным продолжала функционировать и совершенствоваться, в нее вовлекались все новые люди. По инициативе Андрея Твердохлебова состоялось объявление Группы-73 [190] — благотворительной организации для помощи детям политзаключенных, но это был скорее символический жест, подчеркивающий полную законность такого рода деятельности. Практически помощь шла не через Группу. Люди, осуществлявшие эту помощь, не были связаны формальными узами, они не объявляли себя организацией и не публиковали своих имен.

Избегали огласки и жертвователи средств на политзаключенных. Редким исключением было открытое жертвование на помощь детям политзаключенных, сделанные женой Сахарова Еленой Боннэр: она основала соответствующий фонд, отдав в него полученную Сахаровым премию Чино дель Дука. [191]

Продолжалась напряженная работа и в другой «невидимой» сфере — в самиздате. Многочисленные изъятия на обысках 1972-1974 гг. не отразились существенно на объеме бесконтрольно циркулирующей литературы. Прекратить самиздат оказалось невыполнимой задачей. Изъятое, за исключением устаревших и малоценных материалов, было восполнено по сохранившимся копиям и продолжались новые поступления.

Книга, вызвавшая самый сильный резонанс за всю историю самиздата, — «Архипелаг ГУЛаг» Солженицына — появилась в разгар наступления КГБ против самиздата, и выход ее в свет оказался в непосредственной связи с этим наступлением.

КГБ проведал о существовании «Архипелага» и поставил цель захватить рукопись. В августе 1973 г. ленинградские кагебисты 5 дней допрашивали на этот предмет 70-летнюю Елизавету Воронянскую. Несчастная женщина не выдержала напора — выдала, где хранился «Архипелаг ГУЛаг» и, вернувшись домой, покончила с собой. [192] Но экземпляр, выданный Воронянской, был не единственным. Его копия уже была переправлена на Запад, где хранилась в ожидании распоряжений автора. Поскольку существование этой рукописи перестало быть тайной от КГБ, Солженицын решил не откладывать более ее публикацию. В декабре 1973 г. «Архипелаг ГУЛаг» вышел в Париже в издательстве ИМКА-Пресс. Главы «Архипелага» передавали зарубежные радиостанции, работающие на Советский Союз. Эти передачи глушили, но все-таки миллионы людей в короткий срок ознакомились с этой книгой — не только диссиденты, но и «работя-

ги» стайками собирались вокруг приемников и слушали страшную правду о недавнем прошлом своей страны, раскрывавшем глаза и на ее настоящее.

Оценивая воздействие «Архипелага», советский историк Рой Медведев написал:

«Думаю, мало кто встанет из-за стола, прочитав эту книгу, таким же, каким он раскрыл ее первую страницу. В этом отношении мне просто не с чем сравнить книгу Солженицына ни в русской, ни в мировой литературе». [193]

«Архипелаг ГУЛаг» сыграл огромную роль в привлечении внимания международной общественности к одной из кардинальных проблем, поднятых правозащитниками, — к политическим преследованиям в СССР и условиям содержания политзаключенных.

К газетной травле Сахарова прибавилась столь же яростная травля Солженицына. На этот раз травлей не ограничились. Солженицын был арестован, лишен советского гражданства и 13 февраля 1974 г. выслан на Запад.

За 15 лет до этих событий Борис Пастернак первым пришел к Нобелевской премии по литературе через неподвластные партийно-государственному контролю каналы: самиздат — тамиздат. Советская пресса, называвшая автора «Доктора Живаго» предателем родины и народа, через 15 лет не менее злобно набросилась на другого Нобелевского лауреата от самиздата — автора «Архипелага ГУЛага» (Солженицын получил Нобелевскую премию по литературе в 1972 г.). Однако ни тот, ни другой не попали в лагерь за опубликование своих произведений, как это случилось с Синявским и Даниэлем. Объяснение этому кроется не только в охранительной силе Нобелевской премии.

Травля Солженицына за «Архипелаг ГУЛаг» сопровождалась преследованиями целого ряда писателей, выступавших в самиздате и тамиздате, и они тоже сохранили свободу, большинство их было наказано лишь исключением из Союза советских писателей. В 1973-1974 гг. это произошло с Владимиром Максимовым, Львом Копелевым, Александром Галичем, Лидией Чуковской и Владимиром Войновичем. [194]

Конечно, в 70-е годы публикующиеся явочным порядком не были полностью застрахованы от лагерного срока. Андрей Амальрик был арестован в мае 1969 г. и осужден в 1970-м за открытые письма и за «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», а в конце лагерного срока он получил еще три года ссылки «просто так», — видимо, трехлетний лагерный срок казался недостаточной карой за такую публицистику. [195] Ленинградский писатель Михаил Хейфец в апреле 1974 г. был арестован за предисловие к самиздатскому сборнику стихов Бродского, даже неопубликованное (на обыске изъяли черновик) и получил 4-летний лагерный срок. [196] Однако в 70-е годы такие расправы стали исключением. Политический скандал, вызванный судом над Синявским и Даниэлем, вынудил искать другие пути борьбы с авторами самиздата и тамиздата. Исключения из Союза писателей оказались такими же неэффективными, как и аресты. Исключение означало утрату возможности публиковаться на родине. Но в 70-е годы это уже не грозило безнадежной немотой, не означало конец писательства, а лишь окончательно переводило автора в лоно самиздата.

«Чем будут заниматься исключенные? —

писала в секретариат ССП Лидия Чуковская. —

— Писать книги. Ведь даже заключенные писали и пишут книги... Несмотря на все чинимые вами помехи... русская литература жива и будет жить». [197]

Идея помешать превращению самиздата в тамиздат присоединением СССР к Всемирной конвенции по авторскому праву тоже оказалась несостоятельной. Для ее осуществления внесли изменения в законодательство об авторских правах (в 1973 г.) и было организовано Всесоюзное агентство по авторским правам, которое выступало якобы от имени советских авторов и для защиты их интересов. [198] Имелось в виду, что все публикации за границей должны происходить отныне только через это агентство. В советском контексте это означало установление партийно-государственного контроля за такими публикациями. Имелось в виду дополнить создание Агентства постановлением, по которому государственная монополия на внешнюю торговлю распространялась бы на рукописи литературных произведений. Но и эти бюрократические рогатки не помогли. Публикации за рубежом составляют все более значительную часть современной русской литературы, и притом — лучшую ее часть.

Еще один путь избавления от авторов самиздата — выталкивание их в эмиграцию. В 1972 г. подвели к этому решению Иосифа Бродского и Андрея Синявского, в 1973 г. выехал из СССР Владимир Максимов, а в 1974 г. выслали Солженицына.

КГБ прибавилась задача не пропускать из-за рубежа в СССР произведения выставленных за границу писателей и публицистов. Борются не только с проникновением в СССР их произведений в виде книг и статей, но и в виде радиопередач.

Когда в августе 1973 г., еще до выхода в свет «Архипелага ГУЛаг», радиостанция «Немецкая волна» объявила, что будет передавать главы из этой книги, началось глушение. Но в сентябре оно было прекращено — видимо, по соглашению с соответствующими правительствами, так как сопровождалось самоограничением радиостанций в тематике, неприятной для советских властей. Это самоограничение сохранилось в течение нескольких лет «разрядки» — до нового глушения.

Тогда же, в 1973-1974 гг., активизировались усилия КГБ по пресечению каналов передачи рукописей за рубеж. Убедившись в сложности преследований за это авторов, попытались пресечь превращение самиздата в тамиздат преследованиями людей, выполнявших передаточные функции.

Летом 1973 г. эти усилия сконцентрировались на деле о передаче на Запад дневников Эдуарда Кузнецова — узника лагеря строгого режима («ведь даже заключенные писали и пишут книги»). [199]

По этому делу были арестованы Габриэль Суперфин и Виктор Хаустов. [200] По этому же делу был проведен обыск у московского искусствоведа Евгения Барабанова, не обнаруживавшего себя каким-либо открытым проявлением инакомыслия. У него в квартире оказалось много книг богословского характера, изданных за рубежом. Было это в ночь с 24 на 25 августа 1973 г., тогда же, когда шли допросы Воронянской в Ленинграде об «Архипелаге ГУЛаг». С 27 августа начались допросы Барабанова, длившиеся около 3 недель. На протяжении нескольких месяцев квартира Барабанова прослушивалась, и следствие располагало доказательствами, что он систематически передавал рукописи за границу парижскому журналу «Вестник РХД» — неопубликованные произведения А. Ахматовой, М. Цветаевой, О. Мандельштама, Б. Пастернака, Н. Бердяева, П. Флоренского, Л. Красавина, а также «Хронику», стихи политзаключенных Д. Андреева, А. Радыгина и — дневники Кузнецова, и получал изданные за рубежом книги.

Следователь не постеснялся показать Барабанову свою осведомленность, повторив разговоры в квартире с глазу на глаз с разными людьми. Он сказал жене Барабанова:

— Вина Вашего мужа доказана. Чистосердечное признание облегчило бы его участь.

Вместо этого Барабанов передал иностранным корреспондентам открытое письмо:

«Советское законодательство... не запрещает те действия, которые мне пытаются вменить в вину... Я считаю и продолжаю считать переданные мною материалы серьезным вкладом в сокровищницу русской культуры, русской мысли и самосознания... Свой арест я буду считать актом грубого произвола. Но вопрос не обо мне только, но и о том, должна ли существовать русская культура вне зависимости от того, одобрена ли она официальной идеологией и цензурой... Мир не знал бы всю правду о нашей стране, всей сложности ее жизни, проблем ее духа, трагизма ее исторического опыта. Наше столетие лишилось бы какого-то своего смысла и глубины, если бы оно не вобрало в себя этот опыт». [201]

После опубликования этого письма и передачи его на Запад допросы Барабанова прекратились. Он не был арестован.

В передаче дневников Кузнецова на Запад уличали также московского экономиста Владимира Долгого. Он тоже ответил открытым письмом «Друзьям»:

«Я верую: долг человека — мерзости насаждаемого страха и предательства противопоставить человеческое достоинство» [202],

— и от него тоже отступились.

Тогда же, в сентябре 1973 г., выступила с открытым заявлением жена Сахарова Елена Боннэр. Она утверждала, что дневники Кузнецова передала именно она. [203] Похоже, люди, едва знакомые или вовсе не знакомые друг с другом, оспаривали это деяние у других, и каждый брал его на себя вместе с грозившим за это многолетним заключением. Среди возможных жертв КГБ решил ограничиться уже находившимся под арестом Суперфином и Хаустовым, чтобы политический скандал с дневниками Кузнецова не разросся до размеров дела Синявского и Даниэля и не привлек бы к «Дневникам», уже все равно опубликованным на Западе, внимания всей массы читателей «Архипелага».

Размежевание. Самиздат послужил не только сохранению русской литературы для русской и мировой культуры, но и самопознанию советского общества и формированию его представлений о своем настоящем и будущем. Многолетний обмен мнениями в самиздате помог его авторам и читателям (а через них — и более широким слоям советского общества) определить свой подход к проблемам современности, представление о возможном и желательном направлении изменений в СССР.

В 50-е — начале 60-х годов поиск альтернативы велся почти исключительно по марксистской схеме, так как в течение полувека это была единственная для всех школа мышления. Поскольку официальный марксизм выхолостил и исказил Маркса и Ленина, то критики советской идеологии увидели свою задачу в

восстановлении «истинного марксизма», «истинного ленинизма» и занялись изучением замалчиваемых работ основоположников марксизма.

Особенно популярны стали высказывания Маркса и Ленина, свидетельствовавшие, что построенное на развалинах капитализма общество они мыслили как «царство свободы». На этом основании советское общество определяли как не совсем социалистическое или даже вовсе отказывались считать его таким. Большинство тогдашних критиков советской системы были приверженцами «настоящего социализма», отличавшегося в их представлениях от советского казенного как социализм демократический (степень демократизации, необходимую для признания социализма «настоящим», разные критики определяли по-разному), от этого зависели и предлагаемые реформы. Все это были варианты «социализма с человеческим лицом» на чешский манер. «Пражская весна» была встречена с горячим сочувствием, на успех чехословацкого эксперимента возлагались надежды по оздоровлению советской системы. Выразителем этого реформистского направления был Рой Медведев. И Сахаров, и Солженицын в 60-е годы испытали на себе его идейное влияние, имея с ним личные контакты.

Лишь в 70-е годы инакомыслящие, единые в осуждении пороков советской системы, стали расходиться в объяснении ее природы и особенно — в способах исцеления страны.

Тяжелый удар нравственной привлекательности социализма нанесло советское вторжение в Чехословакию. Оно разрушило надежды на возможность сдвига советского руководства в сторону демократизации. Одновременно с вторжением в Чехословакию резче обозначилась тенденция советских руководителей на ресталинизацию, была окончательно отброшена затеянная было экономическая реформа, натолкнувшаяся на нежелание советской бюрократии поступиться хотя бы частично своим всевластием для блага страны. Крах надежд на демократизацию у многих породил неверие в самую возможность «очеловечивания» социализма. Помыслы обратились к другим социальным системам, прежде всего к западному свободному миру. Однако вначале это был лишь отказ от предубеждения против «капитализма» как пройденного для нашей страны этапа. Два поколения советских людей просидели за железным занавесом. После смерти Сталина изоляция от внешнего мира перестала быть непроницаемой, но все-таки мало кто имел доступ к западной литературе и прессе, а еще меньшее число людей могло увидеть этот чужой мир своими глазами — трудно было создать о нем адекватное представление.

Первым «западником» в самиздате стал А.Д. Сахаров.

В июне 1968 г. появились его «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

А.Д. Сахаров — выдающийся физик, участвовавший в создании советской водородной бомбы, академик, лауреат государственных премий, трижды награжденный самым почетным в СССР званием героя социалистического труда. Он принадлежал к самой верхушке советской научной элиты, был тесно связан с правительственными и высшими военными кругами. Гуманитарная деятельность Сахарова началась с борьбы против испытаний ядерного оружия, отравляющих окружающую среду и опасных для здоровья людей. Обращения Сахарова к руководителям советского государства и высшим военным чинам принесли ощутимый результат: в 1962 г. между СССР и США было заключено соглашение о

переносе всех испытаний ядерного оружия под землю — при этом не возникает опасной для всего живого радиации.

Первые публичные выступления Сахарова относятся к 1966 г., когда он подписал коллективный протест против возрождения сталинизма и присоединился к молчаливой демонстрации солидарности с жертвами беззаконий (5 декабря на Пушкинской площади). Однако большинство читателей узнали о Сахарове в связи с его «Размышлениями...».

Автор выходил из обычного круга тем, обсуждаемых инакомыслящими; он мыслил не в масштабах страны, как они, а в масштабах всего мира. Вынесенные в заглавие «прогресс» и «мирное сосуществование» были глобальными проблемами, «интеллектуальную свободу» он тоже рассматривал не только применительно к СССР, но как «гражданин мира».

«Размышления...» были пронизаны убеждением, что в нынешний век ни одна страна не может решить своих проблем в отрыве от общечеловеческих; с другой стороны, общие проблемы — сохранение мира и процветание человечества на нашей планете могут быть решены лишь общими усилиями всех стран; обязательным условием благополучного развития является интеллектуальная свобода — тоже необходимая в масштабах всего мира.

Сахаров закончил «Размышления...» к июню 1968 г. Он писал их в атмосфере «Пражской весны», разделяя надежды своих сограждан на возможность демократических преобразований в СССР в ближайши годы, и охарактеризовал свои взгляды как «глубоко социалистические». Однако желаемым направлением мирового развития Сахаров считал не «победу коммунизма во всем мире», как полагалось по официальной схеме. Он заявил себя сторонником конвергенции, т.е. мирного сближения социализма и капитализма, слияния их в единое открытое плюралистическое общество со смешанной экономикой.

Теория конвергенции родилась на Западе в послевоенные годы и была широко распространена в либеральных кругах. Советская научная элита, к которой принадлежал Сахаров, имела доступ к западной литературе и прессе, была знакома с теорией конвергенции и сочувствовала ей. Однако основная масса демократически настроенных соотечественников Сахарова ознакомилась с этой теорией лишь благодаря сахаровским «Размышлениям...». Массовое разубеждение в способности социализма к демократизации создавало благоприятную почву для массового усвоения теории конвергенции. Однако произошло это не сразу. Сказывалось отсутствие знаний о западном мире, непривычность мышления в «мировом масштабе» и новизна подхода. Признавая желательным направление мирового развития по пути прогресса к мирному сосуществованию и интеллектуальной свободе, большинство читателей сахаровских «Размышлений...» восприняли его глобальный подход как слишком общий, отвлеченный, не имеющий практического применения, так как не видели ни малейшей возможности для себя как-то включиться в этот мировой процесс, способствовать ему. Обсуждение сосредоточилось на проблемах интеллектуальной свободы, и не в «мировом масштабе», а опять же — в собственной стране.

Впоследствии взгляды Сахарова претерпели некоторые изменения, главным образом, в оценке советской системы. В 1973 г. в интервью шведскому корреспонденту Стенхольму Сахаров назвал советскую систему «государственным капитализмом», а в последующие годы характеризовал ее как «тоталитарный социализм», «партийно-государственный тоталитаризм». [205] Однако основные черты

сахаровского мировоззрения, изложенные в «Размышлениях...», не менялись: он уточнял и развивал их в работах последующих лет. Свою Нобелевскую лекцию (1975 г.) Сахаров назвал очень близко к первой самиздатской работе: «Мир, прогресс, права человека». Он писал в этой работе:

«Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими... международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немыслимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания... свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым — основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав». [206]

К этому времени — к 1975 г. — сознание единства прав отдельного человека, прав народов и права человечества на мир и свободу укоренилось среди защитников, стало основой идеологии правозащитного движения.

В начале 70-х годов определилось еще одно направление общественной мысли — «неославянофильское», или «почвенническое».

В сентябре 1973 г. А. Солженицын написал свое «Письмо вождям Советского Союза» и тогда же отправил его адресатам. Но не дождался ответа.

В самиздате это письмо появилось, согласно воле автора, в марте 1974 г., сразу после высылки его из СССР. Оказалось, что и идеи «Письма вождям» имеют сторонников. Оно сразу же стало программным для складывавшегося в то время русского национально-религиозного направления (об этом направлении и его идеологии см. отдельную главу). В дискуссии, вызванной «Письмом вождям» (которое содержит скрытую полемику с сахаровскими «Размышлениями...»), произошло размежевание между последователями этого направления и сторонниками превращения советского общества в демократическое и правовое. Большинство активистов правозащитного движения оказалось среди этих последних. Основные расхождения с Солженицыным и его последователями сформулировал опять-таки Сахаров в ответе на «Письмо вождям Советского Союза»:

«Солженицын пишет, что, может быть, наша страна не дозрела до демократического строя и что авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох, раз Россия сохранила при этом строе национальное здоровье вплоть до XX века. Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственно благоприятным для любой страны демократический путь развития...»

На призыв Солженицына к изоляционизму Сахаров отвечает призывом к укреплению международного сотрудничества:

«Я... возражаю против стремления отгородить нашу страну от якобы тлетворного влияния Запада... Я глубоко убежден, ... что нет ни одной важной ключевой проблемы, которая имеет решение в национальном масштабе... ... только в глобальном масштабе возможны разработка и осуществление стратегии развития человеческого общества на Земле, совместимое с продолжением существования

человечества. Наша страна не может жить в экономической и научно-технической изоляции».

Сахаров утверждал, что

«...националистическая и изоляционистская направленность мыслей Солженицына, свойственный ему религиозно-патриархальный романтизм приводят его к очень существенным ошибкам. ... В значительной части русского народа и части руководителей страны существуют настроения великорусского национализма, сочетающиеся с боязнью попасть в зависимость от Запада и с боязнью демократических преобразований. Попав на подобную благоприятную почву, ошибки Солженицына могут стать опасными». [207]

Однако теоретическое размежевание по вопросу о желательном будущем для СССР не привело к отходу сторонников национально-«почвенного» направления от правозащитной работы, поскольку сам по себе приоритет национального или религиозного факторов не нарушает правозащитной концепции — она к этим проблемам нейтральна.

Отказ Солженицына и его сторонников от сотрудничества с правозащитниками произошел позднее, после 1978 г., по чисто политическим соображениям, когда для них было решено, что русское государство в будущем должно быть не правовым, а авторитарным (см. об этом подробнее главу «Русское национальное движение»).

* * *

К началу 70-х годов самыми популярными в самиздате, кроме уже упоминавшихся книг Пастернака, Амальрика, Марченко и Солженицына, были произведения В. Войновича и Г. Владимова, а также публицистика: историческое исследование Роя Медведева «Перед судом истории» — о массовых репрессиях сталинского времени; Жореса Медведева «О положении в биологической науке», «Тайна переписки охраняется законом» и др.; «Инерция страха» В. Турчина, воспоминания Е. Гинзбург, Е. Олицкой, Н. Мандельштам, философское эссе Г. Померанца, статьи Б. Шрагина (под псевдонимом Венцов, Ясный и др.), Алексеева, Комарова (последние два — псевдонимы), выпуски «Общественных проблем», издававшиеся В. Чалидзе с 1969 по 1972 гг. После записи суда над Бродским, сделанной Фридой Вигдоровой, и «Белой книги» о суде над Синявским и Даниэлем, вошло в обычай издавать записи политических процессов и относящиеся к ним документы. О наиболее крупных процессах были выпущены документальные сборники: о суде над демонстрантами 1967 г. «Правосудие или расправа» и о «процессе четырех», «Полдень» Н. Горбаневской о демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. и др. Юлиус Телесин выпустил в самиздате сборник «14 последних слов», где собраны наиболее яркие выступления подсудимых на политических процессах. [208] Но самое главное — стала снова регулярно выходить «Хроника текущих событий».

Как показали последующие события, редакция «Хроники» не прекратила работу после 27-го выпуска (ноябрь 1972 г.). Она продолжала — в обновленном составе — собирать материалы для очередных выпусков, но не публиковала их.

В начале мая 1974 г. после полуторалетнего перерыва вышли сразу 28-й, 29-й и 30-й выпуски, а через несколько дней — 17 мая — 31-й выпуск «Хроники текущих событий».

В связи с возобновлением «Хроники» члены Инициативной группы защиты прав человека в СССР Татьяна Великанова, Татьяна Ходорович и Сергей Ковалев, передав новые выпуски западным корреспондентам, заявили им, что будут и в дальнейшем способствовать распространению «Хроники». Они отметили, что редакция «Хроники» работает в условиях, весьма затрудняющих сбор и проверку информации, и тем не менее за прошедшие 6 лет «Хроника» приобрела репутацию очень аккуратного источника информации о нарушениях прав человека в СССР и о правозащитном движении. [209]

К этому можно добавить, что КГБ невольно подтвердил безупречность «Хроники» как источника информации во время следствия по делу № 24: в 27 ее выпусках удалось найти лишь одно неверное сообщение — о гибели Баранова.

Баранов — заключенный одного из бытовых лагерей Мордовии, был помещен в психиатрическое отделение больницы, граничащей с рабочей зоной для политзаключенных. Он выбежал в больничной одежде в запретную зону и бросился на колючую проволоку. В него стреляли, очевидцы видели, как он упал, и сочли его убитым. Но полученные раны оказались несмертельными — Баранов выжил. Эту невольную ошибку ХТС следователи КГБ на допросах по делу Якира — Красина использовали для обвинения сотрудников «Хроники» в «клевете».

В мае 1973 г. редакция «Хроники» опубликовала поправку к этому сообщению. Поправка была опубликована в «Хронике защиты прав в СССР». [210] Этот информационный журнал стал выходить по-русски и по-английски с марта 1973 г. в Нью-Йорке в издательстве «Хроника Пресс».

Титульный лист ХЗП был оформлен подчеркнуто похоже на машинописные выпуски «Хроники текущих событий»: с тем же колонтитулом: «Движение в защиту прав человека в СССР продолжается» и с тем же эпиграфом — статьей 19 Всеобщей декларации прав человека.

Главным редактором ХЗП стал В. Чалидзе, после лишения гражданства поселившийся в Нью-Йорке, редакторами — известные деятели «Международной амнистии» англичанин Питер Реддавей и американец Эдвард Клайн. В 1974 г. в редакцию вошел эмигрировавший к тому времени Павел Литвинов. «Хроника Пресс» превратилась в издательство правозащитного движения на Западе. После возобновления «Хроники текущих событий» «Хроника Пресс» стала печатать ее выпуски и пересылать их обратно в Советский Союз.

28-й выпуск ХТС, вышедший после полуторалетнего перерыва, начинался обращением редакции:

«Причиной приостановления издания «Хроники» явились неоднократные и недвусмысленные угрозы органов КГБ отвечать на каждый новый выпуск «Хроники» новыми арестами — арестами людей, подозреваемых КГБ в издании или распространении новых или прошлых выпусков. Природа нравственной ситуации, в которой оказались люди, поставленные перед тяжелой необходимостью принимать решения не только за себя, не нуждается в пояснениях. Но и дальнейшее молчание означало бы поддержку — пусть косвенную и пассивную — тактики заложников, несовместимой с правом, моралью и достоинством человека. Поэтому «Хроника»

возобновляет публикацию материалов, стремясь сохранить направление и стиль прежних выпусков».

Возобновление ХТС означало, что заработали информационные каналы правозащитников, ожила связь между отдельными их группами, между правозащитниками и другими инакомыслящими. Это означало, что масса читателей самиздата и миллионы советских слушателей зарубежных радиостанций убедились в том, что без «Хроники» знали только сами правозащитники, а именно: что борьба за права человека в СССР — продолжается. Это означало, что правозащитное движение вновь вышло на видимые позиции. Это было, наконец, психологически важно — ободряло, обнадеживало. Так что возобновление ХТС можно считать показателем преодоления кризиса правозащитного движения, наступившего в 1972 г.

Были и другие подтверждения выхода из кризиса.

Еще до заявления о возобновлении «Хроники», в феврале 1974 г., на следующий день после ареста Солженицына в его защиту выступили ведущие правозащитники (так называемое «Московское обращение»). [211] Они требовали освобождения писателя и расследования по материалам «Архипелага ГУЛаг». Это выступление было одним из первых проявлений начавшегося возрождения правозащитной активности.

Инициативная группа защиты прав человека в СССР тоже ожила после двух лет почти полного молчания. С января 1974 г. появилось несколько ее заявлений. [212]

30 октября 1974 г. члены ИГ провели пресс-конференцию под председательством А.Д. Сахарова. [213] Это была новая форма деятельности Инициативной группы и вообще первая в СССР пресс-конференция независимой общественной группы; до тех пор их давали лишь в личном качестве, да и то очень редко (первая такая пресс-конференция состоялась в 1969 г., в ней участвовали Амальрик, В. Буковский и П. Якир; несколько раз устраивали пресс-конференции Сахаров и Солженицын). Так что новостью была сама по себе пресс-конференция Инициативной группы. К этому дню «Хроника» приурочила свой специальный выпуск (№ 33) — целиком посвященный политзаключенным. На этой пресс-конференции 30 октября был объявлен Днем советских политзаключенных. Это было сделано по инициативе из мордовских и пермских политлагерей. Сахаров и члены ИГ заявили, что пресс-конференция — выражение их солидарности с политзаключенными. Они сообщили, что в лагерях в этот день проводятся голодовки (однодневные и двухдневные) с требованием признания статуса политзаключенного и передали корреспондентам его текст.

Были переданы также обращения и открытые письма политзаключенных, написанные специально ко Дню политзаключенного. Среди них — коллективное обращение в Международную демократическую федерацию женщин о положении женщин-политзаключенных, во Всемирный почтовый союз — о систематических нарушениях его правил в местах заключения и др. Кроме писем, корреспонденты получили запись интервью с 11 политзаключенными 35-го пермского лагеря, касавшееся их правового положения, лагерного режима, отношений с администрацией и выступлений политзаключенных в защиту своих прав.

В заявлении Инициативной группы подчеркивалось, что политзаключенные

«... осуждены за действия, убеждения и намерения, которые в демократической стране не могут служить предметом преследования»

и разъяснялось, что политзаключенные сознательно идут на риск, обращаясь к людям на свободе:

> *«Публикации заявлений и писем — их воля, попытка оградить их от жестокой кары — долг тех, кто на свободе — наша и ваша обязанность».* [214]

В 1974 г. в дополнение к Инициативной группе появилась еще одна независимая ассоциация — советское отделение Международной Амнистии. Ее председателем стал доктор физико-математических наук Валентин Турчин, а секретарем — Андрей Твердохлебов. [215] В группу вошли в основном москвичи, но были и жители других городов. По уставу Международной Амнистии, ее члены должны заниматься политзаключенными не из своей страны, и советская группа получила от центрального бюро Международной Амнистии своих подопечных — из Югославии, Уругвая и Шри Ланка. Так что к правозащитному движению в СССР деятельность группы Амнистии прямого отношения не имела. Однако эта группа была частью международного движения за права человека. Появление отделения Международной Амнистии в СССР укрепляло международные связи советских правозащитников, служило их ознакомлением с правами человека в других странах. К тому же был сам по себе ценен опыт еще одной независимой общественной ассоциации, полностью укладывающейся в жесткие рамки советских законов. И инициаторы этой группы, и большинство ее членов были активными участниками правозащитного движения. Твердохлебов находился среди основателей Комитета прав человека в СССР и был инициатором создания Группы-73 (см. стр. 236). Валентин Турчин в 1970 г. был соавтором Сахарова и Медведева в открытом письме к руководителям советского государства — о необходимости демократизации советской системы. Он был автором самиздатской «Инерции страха» и нескольких правозащитных обращений. [216] 30 октября 1974 г. Турчин присутствовал на пресс-конференции по поводу Дня советских политзаключенных в качестве наблюдателя Международной Амнистии. Андрей Твердохлебов стал выпускать самиздатский журнал «Международная Амнистия». Этот журнал знакомил советскую общественность с документами и нормами международного права, определяющими статус политзаключенных и условия их содержания. [217]

Возобновление деятельности, казалось, уже подавленных общественных ассоциаций и «Хроники» вызвало обычную реакцию властей — аресты.

В декабре 1974 г. был арестован член Инициативной группы Сергей Ковалев, а в апреле 1975 г. — Андрей Твердохлебов. [218]

Ковалеву инкриминировалось участие в Инициативной группе, подписание нескольких ее документов, передача западным корреспондентам материалов о политзаключенных на пресс-конференции 30 октября, заявление о возобновлении «Хроники» и участие в издании семи ее выпусков, начиная с 28-го, а также хранение трех выпусков «Хроники Литовской католической церкви» (см. главу «Литовцы») и использование их материалов для ХТС. На основании последнего пункта обвинения суд устроили в Вильнюсе (9-12 декабря 1975 г.), видимо, чтобы было меньше свидетелей процесса.

Нескольких друзей Ковалева, намеревавшихся поехать на суд, милиция задержала до ухода поезда, а затем за ними установили постоянную слежку и не допустили их приезда. Но все-таки в Вильнюс прибыли не только москвичи (среди них был А.Д. Сахаров), но и ленинградцы, пришли литовцы, узнавшие о суде

по зарубежному радио и потрясенные сообщением, что обвиняемый — русский — распространял материалы о преследованиях католической церкви в Литве (см. главу «Литовцы», стр. 48-49).

Основным обвинением против Ковалева была «Хроника текущих событий». В инкриминируемых Ковалеву выпусках содержалось 694 эпизода. Обвинение исследовало 172 из них. 89 следствие признало точными, в 83 усмотрело «клевету». Ковалев настаивал на точности 72 эпизодов из этих 83 и не исключал возможности ошибок в остальных. На суде фигурировало 7 эпизодов из этих 11, которые обвинение сочло наиболее доказательными в смысле «клеветы», но лишь в двух малозначительных деталях достоверность «Хроники» можно было поставить под сомнение. Таким образом, проверка «Хроники», проведенная следствием по делу Ковалева, еще раз подтвердила высокую доброкачественность ее информации.

Это не помогло Ковалеву, приговор ему был — 7 лет лагеря строгого режима и 3 года ссылки. [219]

Суд над Ковалевым совпал с церемонией вручения Нобелевской премии мира Сахарову. А.Д. Сахаров не смог поехать в Осло — ему не дали разрешения на поездку. Как только стало известно о присуждении ему этой премии, советская пресса открыла погромную кампанию против нового лауреата, продолжавшуюся более двух месяцев. Пиком этой кампании было письмо 72 академиков и членов-корреспондентов Академии наук. [220] В самиздате появились многочисленные поздравления Сахарову из разных мест СССР и из политлагерей. [221] Газетная кампания сделала факт присуждения ему Нобелевской премии известным всем читателям советских газет. Реакция на это событие в СССР может быть оценена по следующему сообщению ХТС:

> *«Шведский корреспондент прошел по московской улице Красной Пресне и у первых 12 прохожих спросил, как они относятся к присуждению А.Д. Сахарову Нобелевской премии мира. 10 человек выразили свое удовлетворение, двое — возмущение».* [222]

Сам Сахаров отреагировал на это событие по-сахаровски:

> *«Надеюсь, это будет хорошо для политзаключенных в нашей стране. Надеюсь, это поддержит борьбу за права человека, в которой я принимаю участие. Я считаю присуждение премии не столько признанием моих личных заслуг, сколько заслуг всех тех, кто борется за права человека...».* [223]

Сахаров никогда не был лидером правозащитного движения, как иногда называют его на Западе (правозащитники не имеют лидеров), но стал признанным выразителем его духа, что объясняется не только и не столько его известностью ученого и не столько его активностью правозащитника, сколько тем, что по своим человеческим качествам он как бы олицетворяет правозащитное движение. Жертвенность, готовность придти на помощь беззаконно гонимым, пусть даже не близким по убеждениям людям; идеологическая терпимость и в то же время твердость в отстаивании прав личности и ее достоинства; отвращение ко лжи и к любым видам насилия — одинаково свойственны и самому Сахарову, и правозащитному движению в целом.

Многочисленные высказывания Сахарова о правозащитном движении свидетельствуют, что в нравственном противостоянии беззаконию и жестокости он увидел реальный путь оздоровления, «соответствующий потребностям и возможностям» больного советского общества, заражающего своими недугами все человечество и ставшее именно в силу несвободы своих граждан и отсутствия общественного контроля за руководителями государства основной угрозой миру на Земле. Это умозаключение привело Сахарова от общемировых проблем к защите конкретных людей, своих сограждан, борющихся против беззаконий.

Борьба Сахарова за отдельных политзаключенных — огромный повседневный труд, длившийся более 15 лет. Известно не менее 200 политзэков, в защиту которых выступал Сахаров, о многих — неоднократно. Не только эти письма, но и стояния у судов, и поездки в другие города — на суды или ради свидания со ссыльным, ради передачи политзэку и особенно выслушивание нескончаемых посетителей, обращавшихся к Сахарову за защитой от притеснений и беззаконий, и еще более многочисленные письма с такими же просьбами поставили ученого в положение, от которого страдала его научная работа, но Сахаров сам сделал этот выбор. Нобелевская премия мира Сахарову свидетельствовала о международном признании правозащитного движения, которому он посвятил жизнь; эта премия расширила и укрепила влияние правозащитного движения внутри страны.

Отношение к правозащитному движению участников национальных и религиозных движений проявилось при сборе подписей под письмом в защиту Сергея Ковалева после его осуждения:

> *«... Мы требуем прекратить расправы за обмен идеями и информацией. Мы требуем прекратить преследования тех, кто защищает людей, ставших жертвами политических репрессий», —*

значилось в письме. Его подписали 179 человек, что само по себе знаменательно — такого числа подписей под правозащитным документом не было с 1968 г. Но особенно интересно, что среди подписавших почти половина была немосквичи, было много «новеньких» и значительную часть составляли не правозащитники, а активисты других движений: крымских татар, литовского, грузинского, украинского, армянского и еврейского. [224] Это был первый случай такого совместного выступления. Знаменательно, что это было выступление в защиту члена Инициативной группы и сотрудника «Хроники», т.е. ассоциаций, олицетворяющих правозащитное движение.

Быстрое расширение связей правозащитного движения с другими прослеживается в это время и по «Хронике текущих событий». В первом после перерыва выпуске — 28-м, вышедшем в мае 1974 г., но посвященном событиям конца 1972 г., собраны сообщения из 28 географических пунктов, а в 34-м выпуске, вышедшем в декабре 1974 г., — из 71.

Суд над Твердохлебовым показал, что и в Москве расширился круг открыто сочувствующих правозащитникам: у здания суда собралась большая толпа, много было новых людей. Новым было и появление у этого суда вместе с иностранными корреспондентами представителя посольства США в Москве. Возможно, именно интерес Запада к судьбе инициатора советского отделения «Международной

Амнистии» определил мягкий по советским меркам приговор Твердохлебову (5 лет ссылки). [225] Во всяком случае, «мягкость» эту нельзя объяснить лишь вступлением в силу Заключительного Акта Хельсинкских соглашений (с 1 августа 1975 г.), потому что суд над Ковалевым тоже был после этого события.

На это же время, 1974-1975 гг., пришлись первые организационные успехи художников-нонконформистов.

И в самые мрачные времена существовали художники-одиночки, творившие не в духе «социалистического реализма», но их творчество было известно лишь близким. Найти друг друга, создать некое подобие творческого сообщества помог Международный фестиваль молодежи и студентов, состоявшийся в Москве летом 1957 г. Во время фестиваля была устроена гигантская экспозиция работ и советских художников, и зарубежных — там экспонировались абстрактные полотна, и работы в других невиданных у нас доселе стилях. Это был не только первый контакт советских художников со своими зарубежными товарищами по искусству — здесь же они познакомились друг с другом. С этого времени центром творческой жизни неофициальных художников стало подмосковное Лианозово. Там родилась Лианозовская школа — ее ядро составило семейство художников: Е.Л. Кроповницкий, его жена О.А. Потапова, их сын Л.Е. Кроповницкий, дочь В.Е. Кроповницкая и ее муж О. Рабин.

В 1962 г. на официальной художественной выставке в манеже были представлены несколько картин и скульптур не в духе соцреализма. Выставку посетил Хрущев и отозвался об этих произведениях, употребив крепкие слова. Это определило отношение властей к художественному поиску за пределами соцреализма до конца хрущевской эры. Ничего не изменилось и после «дворцового переворота» в Кремле, тем более что руководство Союза художников охотно поддерживало официальное неприятие нонконформистов, нарушивших художественную монополию соцреалистов. Однако в начале 60-х годов состоялось несколько зарубежных выставок неофициальных художников, живущих в СССР, — Анатолия Зверева, Оскара Рабина, скульптора Эрнста Неизвестного. 22 января 1967 г. состоялась первая публичная выставка официально непризнанных художников в Москве. Ее организовал в районном клубе «Дружба» на шоссе Энтузиастов инженер Александр Глезер, общественный директор этого клуба. В выставке приняли участие 11 художников. Посетителей собралось много, но через два часа выставку прикрыли, а участников ее О. Рабина и Александра Глезера выгнали с работы. [226] После этого начальство от искусства усилило бдительность — выставки разрешалось организовывать только с разрешения райкома партии и местного управления культуры. Независимые художники продолжали устраивать выставки, но лишь на частных квартирах. К этому времени неофициальные художники «вошли в моду» у иностранных любителей искусства — дипломатов, корреспондентов, просто туристов. Мастерские этих художников стало принято посещать наряду с Третьяковской галереей. Иностранцы охотно покупали понравившиеся им картины. Так создалось сообщество художников, независимое от властей не только духовно, но и материально. В отличие от современных западных художников, отталкивающихся от традиций в поисках чего-то совершенно нового, эти художники видели свою миссию в сохранении тех частиц культуры, которые еще уцелели вопреки усилиям властей стереть их с лица земли, затоптать.

Попытки проведения публичных выставок художники-нонконформисты повторяли несколько раз, но безуспешно — им отказывали в помещении. В сентябре 1974 г. решили провести выставку на открытом воздухе. Для этого выбрали пустырь на юго-западе Москвы, на пересечении Профсоюзной улицы и улицы Островитянова. Обратились в Моссовет с соответствующим заявлением, но не получили разрешения. Однако и запрета не последовало — власти промолчали. Организаторы выставки разослали массу пригласительных билетов на «первый осенний показ картин» — в культурные учреждения, в газеты и иностранным корреспондентам.

15 сентября 1974 г. 24 художника начали показ картин на пустыре, но очень скоро выставка была разогнана под тем предлогом, что на этот день здесь назначены работы по озеленению. Появились бульдозеры и поливальные машины, милиционеры и какие-то типы в штатском — «представители общественности». Они кинулись на художников и на посетителей, били их, выворачивали руки. Картины отняли и затоптали в грязь, давили бульдозерами, которые направили на толпу. Среди избитых оказались иностранные корреспонденты — одному выбили зуб, другую ударили по голове ее же фотоаппаратом. Пятерых избитых художников милиционеры арестовали «за хулиганство». [227] В международной прессе по поводу случившегося поднялась целая буря. «Искусство в кольце головорезов» — так озаглавила корреспонденцию об этом газета «Лос-Анжелес Таймс» (17 сентября 1974 г.); «Искусство под бульдозером» («Крисчен сайенс Монитор», 17 сентября); «Русские громят бульдозерами выставку современного искусства» («Нью-Йорк Таймс», 16 сентября).

Видимо, этим объясняется, что решение художников через две недели организовать «второй показ» картин на открытом воздухе было принято — выставка состоялась в Измайлове, на поле за парком. В ней участвовали 65 художников не только из Москвы, но из Ленинграда, Владимира, Свердловска и других городах, в том числе и члены Союза художников, но большинство составляли нонконформисты. Около 15 тысяч зрителей посетили выставку. На этот раз власти лишь молча наблюдали все это со стороны.

После такого успеха неофициальные художники стали добиваться помещения для выставки — и добились. Они получили разрешение на выставку в Центральном Доме работников искусств. Осенью 1975 г. состоялись десятидневные выставки в Ленинграде и в Москве на ВДНХ. Были такие же выставки и в последующие годы, хотя каждый раз приходилось выдерживать бой за многие картины, особенно неприятные чиновникам из управления культуры, и не всегда все картины удавалось отстоять. Кроме того, была создана живописная секция при горкоме графиков, куда приняли всех нонконформистских художников. Это давало им официальный статус и избавляло от необходимости объяснять милиции, что они — не «тунеядцы». Выставки время от времени разрешались и в конце 70-х годов, и в начале 80-х. Но когда москвичи и ленинградцы надумали провести международный фестиваль «Париж — Москва», организовав одновременно выставки в обоих этих городов, участников фестиваля до его открытия упрятали в милицию административным арестом, и в комнате коллекционера Людмилы Кузнецовой, где были собраны картины для выставки, «организовали» пожар, а саму ее вскоре под угрозой ареста вытолкнули в эмиграцию. Фестиваль не состоялся. [228] (См. также на стр. 267-268 о неофициальных художниках в Ленинграде).

VI. ХЕЛЬСИНКСКИЙ ПЕРИОД (1976—1981 ГГ.)

12 мая 1976 г. на пресс-конференции, созванной Сахаровым, профессор Юрий Орлов объявил о создании Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (или, как ее стали называть, — Московской Хельсинкской Группы [229]). Появление МХГ и волна поддержки ее в СССР и на Западе несли правозащитное движение в новый период, который можно назвать «хельсинкским». Этот взлет был достигнут 10-летней жертвенной работой правозащитников, не прекращавшейся и в самое тяжелое время. Но для сторонней публики он был сюрпризом. Из-за репрессий открытые выступления правозащитников в предшествовавшие годы были редки и они привлекали меньше внимания. Описанные выше события 1974-1976 гг. задним числом можно уверенно охарактеризовать как признаки подъема правозащитного движения, тогда же он был заметен лишь причастным к нему.

Видимо, и руководство КГБ полагало, что с правозащитным движением покончено, что оно более не сможет проявиться. Во всяком случае, так скорее всего было доложено вершителям советской внешней политики; иначе нельзя объяснить, почему в августе 1975 г. они предприняли столь необычный шаг — опубликовали в газетах полный текст Заключительного Акта Хельсинкских соглашений, включая гуманитарные статьи — видимо, полагали, что некому уже выступить с критикой несоблюдения этих статей. До тех пор обязательства СССР по правам человека внутри страны тщательно замалчивались. Соответствующие документы публиковались лишь в специальных изданиях, очень ограниченного пользования. Возможно, в данном случае сказалось желание советских лидеров похвастать перед народом своим политическим успехом в Хельсинки. Они много лет добивались такого совещания и были в восторге от его результатов. СССР получил по Заключительному Акту существенные выгоды — прежде всего, признание послевоенных границ в Европе — всего-навсего под посулы соблюдать права человека. Западные партнеры Советского Союза не рассчитывали ни на какие существенные перемены во внутренней советской политике. Тем более не думали об этом советские руководители. Их расчет был: представить Западу существующее положение как благополучное при некотором «выпускании пара» в наиболее чувствительных для Запада пунктах (еврейская и немецкая эмиграция, расширение туризма и т.п.). На Западе общим мнением о гуманитарных статьях Заключительного Акта было, что это ничего не значащий совместный реверанс подписавших его правительств перед общественным мнением демократических стран.

Но советские граждане, прочтя текст Заключительного Акта в газетах, испытали потрясение именно от гуманитарных статей — потому, что впервые узнали о такого рода международных обязательствах своего правительства. Они стали ссылаться на Хельсинкские соглашения при обращениях к официальным лицам, если те отказывали в удовлетворении какого-либо права просителя, подтвержденного в Заключительном Акте.

Большинство правозащитников в оценке Заключительного Акта стояли ближе к западным комментаторам, чем к своим неискушенным в вопросах прав человека соотечественникам. Правозащитники видели в Заключительном Акте шаг назад по сравнению с Всеобщей декларацией прав человека, международными пактами о правах и другими конвенциями. Но нашлись среди них люди,

усмотревшие в этом документе новаторский смысл. Прежде всего это относится к профессору Юрию Орлову.

Его многолетние раздумья были посвящены поиску путей диалога о кардинальных проблемах страны между властями и обществом. В таком диалоге он видел единственный путь к либерализации режима, без которой не выйти из экономического, политического и морального кризиса советской системы. Попытки прямого обращения к властям Орлов испробовал дважды — в 1956 г. (см. стр. 201) и в 1973 г., когда он, вернувшись в Москву после 15-летней работы в Армении (где он стал членом-корреспондентом Академии наук), отправил письмо Брежневу. [230] Письмо осталось без ответа, а Орлов снова стал безработным. Этот личный опыт, как и известные Орлову безуспешные обращения Сахарова, Турчина и Медведева, Солженицына и др. в 1970-е годы заставляли искать посредников, которые могли бы склонить советских правителей прислушаться к голосам своих граждан.

Естественным союзником правозащитного движения является общественность стран свободного мира, так как его нравственные ценности совпадают с традиционными ценностями западных демократий, а органический плюрализм и политическая нейтральность движения за права человека в СССР ставит его вне борьбы политических сил на Западе, делая возможной его поддержку и «левыми» и «правыми».

Попытка прямой апелляции к общественному мнению Запада была сделана в 1968 г. — я имею в виду обращение Л. Богораз и П. Литвинова в связи с «процессом четырех» (см. стр. 207-208). Первая общественная ассоциация, созданная правозащитниками — Инициативная группа по защите прав человека в СССР — уже с первым своим документом обратилась на Запад — в ООН. Члены ИГ объясняли этот свой шаг безответностью прямых обращений в советские инстанции и очевидным намерением властей карать за такие обращения (см. стр. 215-217). После опыта ИГ индивидуальные и коллективные письма в различные общественные организации и к общественным деятелям Запада стали постоянными. Все эти обращения содержали информацию о преследованиях советских граждан за независимую общественную позицию и призыв о помощи преследуемым. Запад не был безучастен к судьбам инакомыслящих в СССР. Начиная с суда над Синявским и Даниэлем, а может быть, и ранее («дела» Пастернака и Бродского) советские руководители испытывали давление западной общественности и иной раз шли на уступки, так как стремились сохранить на Западе впечатление об СССР как государстве демократическом. Иногда случались очевидные отступления властей — например, досрочные освобождения Бродского и Синявского, отмена смертной казни «самолетчикам» (см. стр. 117). Менее заметным, но еще более существенным результатом этого давления была определенная сдержанность в преследованиях инакомыслящих — думаю, без оглядки на общественное мнение Запада преследования и правозащитников, и участников других движений были бы «оперативней», захватили бы более широкий круг и, возможно, оказались бы жестче.

Помощь с Запада с самого начала строилась главным образом по корпоративному признаку: писатели помогали писателям, ученые — ученым, зарубежные национальные организации — людям своей национальности, религиозные организации — своим единоверцам, только Международная Амнистия заботилась обо всех узниках совести. Но и эта поддержка ограничивалась хлопотами об участи

людей, пострадавших от преследований. Никто не обращался с Запада к советским руководителям с требованием соблюдения прав граждан и законности. Между тем Запад кровно в этом заинтересован — ради собственной безопасности. Прочной гарантии такой безопасности можно ждать лишь от открытого общества, где власти находятся под постоянным и действенным контролем общественности. Это возможно лишь при действительном соблюдении прав граждан со стороны властей. Но правительства демократических стран не проявляли интереса к положению с правами человека в СССР. Советский Союз ратифицировал Всеобщую декларацию прав человека ООН, международные пакты о политических и экономических правах. Однако ни разу соответствующие международные организации не попытались проверить, выполняет ли Советский Союз свои обязательства, и призвать к их выполнению. В частности, Инициативная группа по защите прав человека в СССР, неоднократно обращавшаяся в ООН, ни разу не получила никакого ответа.

В Заключительном Акте, за его громоздкими формулировками и нарочито усложненным языком, Орлов разглядел возможность подтолкнуть Запад на такое сотрудничество. Заключительный Акт указывал партнерам на правомочность посреднических функций в сфере прав человека, поскольку прямо исходил из нерасторжимой связи с главной целью Хельсинкских соглашений — сохранением мира. При такой постановке вопроса степень свободы граждан, информационная открытость каждого государства приобретали международную значимость и из внутреннего дела законно превращалась в общую заботу. При нарушении гуманитарных статей Заключительного Акта, как и при нарушениях любой другой статьи, естественным было соответствующее давление партнеров. По мысли Орлова, права граждан, перечисленные в гуманитарных статьях Заключительного Акта, следовало рассматривать как минимальный международный стандарт, минимальный норматив обращения с гражданами для правительств, подписавших Хельсинкские соглашения.

Стихийный отклик своих сограждан на эти Соглашения Орлов воспринял как руководство к действию, тем более, что в Заключительном Акте содержится призыв к гражданам государств-партнеров по совещанию в Хельсинки содействовать своим правительствам в его выполнении, исходя из того, что только правительственные усилия для сохранения мира могут оказаться недостаточными.

В учредительном заявлении МХГ значилось, что она ограничивает свою деятельность гуманитарными статьями Заключительного Акта. Группа заявила, что она будет принимать от граждан информацию о нарушениях этих статей, составлять на этой основе документы и знакомить с ними общественность и правительства стран, подписавших Заключительный Акт. [231]

Под учредительным документом МХГ подписались 11 человек (Людмила Алексеева, Михаил Бернштам, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Виталий Рубин и Анатолий Щаранский). Большинство основателей группы были давними участниками правозащитного движения. Рубин и Щаранский — активистами еврейского движения за выезд в Израиль. (МХГ — первая правозащитная группа, в которую вошли евреи-отказники — о взаимоотношениях между правозащитным и еврейским движением см. в главе «Еврейское движение за выезд в Израиль», стр. 122-125).

МХГ призывала общественность других стран создать такие же группы. Но первый отклик пришел не из-за рубежа, а от сограждан из нерусских республик. 9 ноября 1976 г. была объявлена Украинская хельсинкская группа, 25 ноября — Литовская, 14 января 1977 г. — Грузинская и 1 апреля — Армянская. Все эти группы составились в основном из участников соответствующих национальных движений. На Украине, в Литве и в Армении хельсинкские группы были первыми открытыми общественными ассоциациями (см. соответствующие главы).

Такие же группы возникли за пределами Советского Союза. В сентябре 1976 г. в Польше появился Комитет защиты рабочих (преобразовавшийся летом 1977 г. в Комитет общественной защиты), а 1 января — «Хартия-77» в Чехословакии. Эти ассоциации не назвали себя «хельсинкскими», но они, как и хельсинкские группы в СССР, стояли на правозащитных позициях, опирались на конституции своих стран и международные пакты о правах человека, принятые их правительствами. В Венгрии, Румынии, ГДР прозвучали те же требования. В США была создана комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе («Хельсинкская комиссия»): 6 конгрессменов, 6 сенаторов и по одному представителю (с правом совещательного голоса) от Госдепартамента, Департамента обороны и Департамента торговли. [232] *

Московская хельсинкская группа оказалась зернышком, из которого выросло международное хельсинкское движение. Его смысл — «в подтягивании» положения с правами человека до стандарта, определенного Заключительным Актом, в странах, где оно ниже этого стандарта. Среди партнеров по Хельсинки это более всего относится к СССР и государствам с аналогичной социально-экономической системой.

МХГ не только открыла эру создания аналогичных ей ассоциаций, но дала толчок к появлению нескольких, так сказать, специализированных правозащитных ассоциаций в Советском Союзе.

5 января 1977 г. при МХГ была объявлена Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. [234]

27 декабря 1976 г. выпустил первый документ Христианский комитет защиты прав верующих в СССР (о нем см. в главе «Православные», стр. 183-185). В свою очередь, Христианский комитет стал прототипом Католического комитета защиты прав верующих (о нем см. в главе «Литовцы», стр. 47).

Совпадало по времени с появлением этих правозащитных групп начало работы Русского фонда помощи политзаключенным, основанного А. Солженицыным в Швейцарии в 1974 г. *

---

* После совещания в Хельсинки, где был подписан Заключительный Акт, делегация американских конгрессменов посетила Москву. Член Конгресса г-жа Милисент Фенвик встретилась с Юрием Орловым, Валентином Турчиным и отказником Вениамином Левичем. Она интересовалась мнением правозащитников и еврейских активистов о Заключительном Акте. «Доктрина Орлова» произвела впечатление на г-жу Фенвик. Она внесла в Конгресс проект о создании «Хельсинской комиссии», прямо ссылаясь на мнение москвичей. По проекту, Комиссия должна была содействовать выполнению обязательств по Заключительному Акту всеми подписавшими его государствами. [233] Впоследствии были созданы и общественные хельсинкские группы в США и западноевропейских странах.

* В связи с этим изменились организационные формы помощи политзаключенным. Источник средств оказался за рубежом. В СССР поступающие из Фонда средства распределялись его распорядителем (им стал А. Гинзбург). Помощниками распорядителя были прежние сборщики средств (их имена по-прежнему не объявлялись), но изменились их функции — они получали деньги от распорядителя и отчитывались перед ним в их распределении. Часть прежних источников средств перестала функционировать, часть обратилась на другие нужды, в частности на помощь оказавшимся без работы.

Таким образом, правозащитное движение в короткий срок обросло сетью открытых ассоциаций. Конечно, и в это время их было немного и входило в них всего несколько десятков людей, но благодаря им правозащитное движение стало видно со стороны, в него устремились новые люди, толчком расширился круг вовлеченных в правозащитную работу и многократно усилился ее резонанс. Правозащитное движение стало видней и с Запада. Западная пресса стала намного чаще писать о положении с правами человека в СССР, зарубежные радиостанции, работающие на Советский Союз, тоже стали много говорить об этом и расширяли знания о правозащитном движении среди советских граждан, что опять-таки привлекало к нему новых людей. Связи московских правозащитников заметно разрослись. Давние отношения с украинцами и крымскими татарами (сведения об этих движениях имеются в «Хронике» с первых выпусков) и с Литвой (регулярная информация оттуда стала приходить с 1971 г.) к 1974 г. дополнились контактами с Грузией, Арменией и немецким движением за выезд в ФРГ (сообщения об этих движениях стали постоянными в «Хронике» именно с 1974 г.). С того же времени стал постоянным раздел ХТС «Преследования верующих» — с сообщениями о православных, католиках, баптистах, пятидесятниках и адвентистах — значит, и с религиозными движениями установились надежные связи. Все эти связи перешли к Московской хельсинкской группе и укрепились благодаря ей.

Хельсинкские группы в нерусских республиках ни в коем случае не были филиалами МХГ, они были совершенно самостоятельными, но выступали они под общим лозунгом — соблюдение гуманитарных статей Заключительного Акта, что сблизило идейно и организационно эти национальные движения с правозащитным.

Баптисты, которые давно имели свою правозащитную организацию — Совет родственников узников ЕХБ, — регулярно передавали его информационное издание «Бюллетень Совета родственников» в Москву — в МХГ и в «Хронику».

МХГ использовала эти материалы в одном из первых своих документов (№ 5), предав международной огласке случаи отнятия детей у баптистов и адвентистов за религиозное воспитание в семье. По радио об этом узнали миллионы советских граждан и в МХГ потянулись со своими проблемами верующие всех исповеданий. [235]

МХГ регулярно проводила пресс-конференции с иностранными корреспондентами. Участники национальных и религиозных движений стали участвовать в этих пресс-конференциях и таким образом наладили собственные связи с Западом (об этом см. в соответствующих главах).

Представители пятидесятников регулярно приезжали в Москву, в МХГ и посланцы МХГ несколько раз ездили в пятидесятнические общины познакомиться с ними поближе. [236] Контакты московских правозащитников с адвентистами, прежде редкие и поверхностные, переросли в дружеские связи с их активистами. Со временем и пятидесятники, и адвентисты наладили постоянный сбор информации о нарушениях прав верующих в своих общинах и создали свои правозащитные группы (в 1978 и 1980 гг. соответственно). Первый информационный сборник пятидесятников «Выходи из нее, народ мой!» помогли выпустить члены МХГ. Эта информация о нарушениях прав верующих пошла на Запад. (Об информационных изданиях пятидесятников и адвентистов см. в соответствующих главах, стр. 156, 171-173). Через МХГ правозащитные ассоциации баптистов, пятидесятников и адвентистов связались с Христианским комитетом защиты прав

верующих (прежде между протестантами и православными не было никаких связей), начались совместные выступления на правозащитной основе православных и католиков.

В МХГ потянулись многочисленные «ходоки», приезжавшие порой очень издалека, из глухих мест, куда раньше не доходили сведения о независимой общественной деятельности и уж во всяком случае не было никакой возможности к ней присоединиться. «Ходоки» узнавали о правозащитниках и о МХГ чаще всего из передач зарубежных радиостанций. Они просили предать гласности беззакония, совершенные по отношению к ним или к их близким людям (так обратился в МХГ колхозник Иван Карейша из села Высокое Витебской области — его исключили из колхоза за жалобы на местное начальство, и он добивался восстановления).

Взяв на себя сбор и оформление информации о нарушениях прав человека, поступавшей из этих разнообразных источников — прежних и только открывшихся, — МХГ оказалась рупором гражданских требований всех слоев советского общества, граждан разных наций и вероисповеданий, стала связующим звеном между разными движениями инакомыслящих, прежде никак не связанных друг с другом. Они приняли тактику МХГ — стимулировать посредничество Запада между советскими властями и гражданами. Участники национальных и религиозных движений тоже стали адресовать свои обращения Западу — чаще всего Белградской конференции, Конгрессу США, президенту США, «мировой общественности» и «людям доброй воли».

Расширение сочувственного интереса к правозащитному движению показала демонстрация на Пушкинской площади в Москве, ежегодно проводимая с 1965 г. в День конституции 5 декабря. Эта демонстрация ни разу не была столь многолюдной, как в 1976 г. Прежде участников было не более нескольких десятков, обычно одни и те же люди из года в год. Демонстрации проходили, как правило, спокойно: дружинники (тоже несколько десятков) смыкали кольцо вокруг демонстрантов и молча наблюдали молчаливый обряд: в 6 часов вечера участники демонстрации на несколько минут обнажали головы в знак траура по конституционным свободам и солидарности с жертвами беззаконий. [237]

В 1976 г. толпа заполнила весь сквер на Пушкинской площади. Дружинники пытались помешать пробраться к памятнику Пушкину Сахарову и его друзьям. Их окружили кольцом и оттеснили далеко в сторону. Но человек 15 постоянных демонстрантов все-таки оказались у памятника (я была среди них). В 6 часов вечера, когда они сняли шапки, вместе с ними сделали это и столпившиеся вокруг, присоединившись таким образом к демонстрации. Их было много — несравненно больше, чем оставшихся с покрытыми головами. Впервые за все годы демонстрация не прошла молчаливо. П. Григоренко произнес короткую речь, несколько фраз. Он напомнил об участии в подготовке первой демонстрации на Пушкинской площади Владимира Буковского, который сейчас томится во Владимирской тюрьме, и закончил:

«Спасибо всем, кто пришел сюда почтить память миллионов загубленных людей! Спасибо за сочувствие узникам совести!»

В ответ из толпы раздались возгласы:

— Вам спасибо!

(Буковский был через две недели освобожден — его обменяли на секретаря компартии Чили Луиса Корвалана, отправив прямо из тюрьмы за рубеж). [238]

В 1976 г. такие же демонстрации в то же самое время состоялись в Ленинграде и в Одессе — тоже у памятника Пушкину (см. стр. 269, 273).

Эти события, несмотря на скромность их масштабов, в советском контексте выглядели очень ободряюще. Они свидетельствовали, что в обществе накопились силы, способные к согласованным выступлениям на общей основе.

Власти отреагировали на создание МХГ немедленно. Через три дня после объявления Группы ее руководитель Юрий Орлов был предупрежден, что если МХГ начнет действовать, он и «связанные с ним лица» ответят по всей строгости закона. [239] Но арестов не было до февраля 1977 г. Похоже, не сразу решили, что делать с МХГ. Несомненно, советские руководители понимали, что преследование такой группы — грубое нарушение Заключительного Акта Хельсинкских соглашений, на который они возлагали большие надежды, и не решались сразу ставить отношения с Западом под удар.

Возможно, опасения ухудшения отношений с Западом в случае откровенной расправы с хельсинкскими группами и в то же время паника по поводу разрастания правозащитного движения под хельсинкским флагом побудило КГБ к ужасной затее.

8 января 1977 г. в московском метро произошел взрыв, были человеческие жертвы. Это небывалое в СССР событие вызвало необычную реакцию властей. Даже стихийные бедствия и крушения самолетов советские источники информации, как правило, замалчивали, но о взрыве в московском метро немедленно сообщили иностранным корреспондентам. Террористов стали искать тоже немедленно — среди московских правозащитников. На собраниях, проводимых по учреждениям и на предприятиях, а также на Запад через подставных лиц сообщали, что это — дело рук «диссидентов».

МХГ созвала пресс-конференцию и передала корреспондентам заявление «По поводу взрыва в московском метро»:

> *«Название «диссиденты» в Советском Союзе прочно закрепилось за участниками движения за права человека. Диссиденты имеют различные политические, религиозные, философские взгляды, а объединяет их то, что, добиваясь осуществления основных прав человека, они полностью отвергают насилие или призывы к насилию как средство осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением...».* [240]

Это заявление подписали Московская и Украинская хельсинкские группы, Рабочая комиссия по психиатрии, Христианский комитет, Инициативная группа защиты прав человека в СССР, Грузинская инициативная группа и активисты еврейского движения (это совместное выступление — тоже свидетельство укрепления сотрудничества разных общественных сил).

Сахаров сделал письменное заявление, где он перечислял известные ему мафиозные действия КГБ:

> *«...Я не могу избавиться от ощущения, — писал он, — что взрыв в московском метро и трагическая гибель людей — это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов, возможно, совершивших это преступле-*

ние, чтобы иметь повод для массового преследования диссидентов и изменения внутреннего климата в стране». [241] *25 января зам. генерального прокурора СССР Гусев официально предупредил Сахарова, что его заявление о взрыве расценивается как клеветническое и повторение таких заявлений приведет к аресту за»клевету». 27 января Госдепартамент США отреагировал на это выражением восхищения Сахаровым и полного доверия ему.* [242]

Это заявление вызвало радостное потрясение в хельсинкских группах: не первый ли это шаг вожделенного посредничества?..

Правда, президент Картер почти немедленно выступил с разъяснением, что Госдепартамент сделал это заявление без согласования с ним. Но все-таки, видимо, этот шаг произвел впечатление и на советских руководителей — они оставили попытки использовать взрыв в метро для преследований правозащитников.

Однако открытая поддержка Запада не предотвратила репрессий против Хельсинкских групп. В течение февраля 1977 г. были арестованы руководители Московской и Украинской групп Ю. Орлов и М. Руденко, и члены этих групп А. Гинзбург и О. Тихий. [243] В Москве многие объясняли эти аресты недостаточной твердостью Картера, а на Западе даже стали говорить, что открытое сочувствие правозащитникам для них опасно. Но все-таки превалировали другие настроения. В это время как никогда прежде была сильна поддержка правозащитного движения с Запада. Оно, можно сказать, вошло в моду. Пресса резко усилила внимание к проблемам прав человека в СССР.

Президент Картер компенсировал непоследовательность, проявленную в январе, личным письмом Сахарову. Оно было вручено 14 февраля — вскоре после арестов Орлова и др. [244] В апреле Картер сделал не менее сенсационный жест — принял героя правозащитного движения Владимира Буковского.

Поддержка Запада вынудила отложить до более удобного времени уже подготовленную расправу с Сахаровым и сузить масштабы намечавшихся репрессий против его единомышленников. Каковы были замыслы, можно судить по сообщениям в 44-м выпуске «Хроники» (март 1977 г.).

«Хроника» сообщала, что в издательстве АПН специальная группа работает над брошюрой «К высылке Сахарова». Большую часть тиража планировалось издать на иностранных языках. К марту 1977 г. была проведена первая корректура.

«Хроника» сообщила также, что в феврале-марте 1977 г. на совещании редакторов газет и журналов в отделе агитации и пропаганды ЦК не названный по имени докладчик (не из ЦК) заявил, что «решено показать силу и не обращать внимания на Запад», и поэтому планируется арест 50-ти наиболее активных диссидентов и строгие меры к «примазавшимся». [245] Однако этот план ждал своего часа до 1980 года, когда действительно был выслан Сахаров и прежде выборочные аресты активных диссидентов сменились повальными. В 1977 г. на это не решились. Тогда сконцентрировали репрессии на Хельсинкских группах.

4 октября 1977 г. открылась Белградская конференция по проверке выполнения Хельсинкских соглашений, к которой более всего адресовались Хельсинкские группы. Позиция демократических стран не была твердой. Европейские страны не решились поддержать американскую делегацию, обвинявшую СССР в нарушении гуманитарных статей, и ослабили ее усилия. Но все-таки это была первая международная встреча на правительственном уровне, где Советскому Союзу предъявили обвинения в области прав человека. Беспрецедентной была и

постановка вопроса: на Белградской конференции использовались материалы независимых общественных ассоциаций — Хельсинкских групп, т.е. претензии советских граждан к своему правительству.

Это была большая победа правозащитников. Это был первый шаг правительств демократических стран Запада навстречу силам либерализации в СССР. Но в Советском Союзе Белградская конференция не могла не вызвать разочарования.

Казалось бы, цель, которую поставили себе Хельсинкские группы, была достигнута: свободный мир узнал о требованиях советских граждан к их правителям и открыто поддержал эти требования. Но не было ожидаемого результата — снижения репрессий в СССР. Наглядным подтверждением этого горького опыта были аресты членов Хельсинкских групп. Эти аресты шли во время заседаний в Белграде и продолжались после окончания конференции. [246]

Оставив безнадежные уловки придумать что-то, чтобы «сохранить лицо», хельсинкцев осудили за их общественную деятельность, и приговоры были демонстративно жестокими.

Уже к Белградской конференции выяснилось со всей очевидностью, что, оказавшись перед дилеммой: потеря престижа на Западе или ослабление контроля за собственными гражданами, советские правители предпочитают пожертвовать престижем. Можно было бы отнести продолжение репрессий за счет слабости сил противостояния в СССР и недостаточности поддержки им с Запада, но, как известно, польский опыт 1980-1981 гг., при всенародности движения и намного более решительной позиции Запада имел тот же исход.

Создание Хельсинкских групп не дало (во всяком случае, до сих пор) результата, ради которого они были созданы — умерить репрессивность власти с помощью посредничества Запада. Профессор Орлов получил за свой «просчет» 7 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки. [247] Его судьбу разделило большинство его товарищей по хельсинкским группам.

Но при этом как бы сам собой был достигнут результат, о котором специально не помышляли. Почти одновременное создание хельсинкских групп в четырех нерусских республиках и их сотрудничество с московскими правозащитниками обнаружило перспективность правовой позиции для решения очень болезненной проблемы — взаимоотношений между русскими и остальными нациями. Альянс с Христианским и Католическим комитетами, с протестантскими религиозными движениями убеждал в близости верующим правозащитной позиции с ее обращенностью к страданиям людей и стремлением их облегчить, убеждал в полной доступности идеологии правозащитного движения пониманию низших социальных слоев советского общества (баптисты, пятидесятники, адвентисты — «синие воротнички» с небольшими вкраплениями «белых»). Объединение правозащитного движения с национальными и религиозными произошло под лозунгом, выдвинутым Московской Хельсинкской группой: гражданские свободы, перечисленные в гуманитарных статьях Заключительного Акта. Вырисовывалось нечто вроде народного фронта под хельсинкским флагом. Правозащитная идеология продемонстрировала способность стать основой организованного движения, включающего все социальные слои советского общества.

Аресты в Московской Хельсинкской группе, начавшиеся в 1977 г. и продолжавшиеся в 1978-м, вызвали протесты, сравнимые по масштабам с петиционной кампанией 1968 г. [248] Различия в этих кампаниях защиты отражают изменения, происшедшие за 10 лет в советском обществе и в правозащитном движении.

В 1968 г. основную массу «подписантов» (70%) составили москвичи. В подавляющем большинстве это были либерально настроенные интеллигенты, для которых подпись под письмом была первым в их жизни независимым проявлением гражданственности. Неудивительно, что недвусмысленно высказанная властями угроза утраты жизненного статуса была достаточной для прекращения их усилий. Лишь небольшая часть «подписантов» 1968 г. не отступилась — они стали зачинателями правозащитного движения.

В 1977-1978 гг. только 27% подписей против арестов в МХГ пришлось на долю москвичей. Но это были по большей части подписи правозащитников «со стажем», закаленных в невзгодах открытого отстаивания своей гражданской позиции. Были среди «подписантов» этих лет и новые люди, впервые проявившие себя открыто, таких было даже немало. Но, за редким исключением, почти все новички «набора» 1977-1978 гг. сознавали, на что идут. Москвичи, присоединившиеся к правозащитникам в 1977-1978 гг., сами стали правозащитниками — их подписи под правозащитными документами с тех пор появлялись неоднократно. Однако самое важное отличие состава подписавших в 1977-1978 гг. протесты против преследований хельсинкских групп в том, что большинство подписей (73%) были не из Москвы. [249]

Вне Москвы открытые выступления намного опасней. Вряд ли среди отважившихся на это было много случайных людей. Большинство составили давние правозащитники и участники национальных и религиозных движений. Такой состав «подписантов» 1977-1978 гг. объясняет, почему продолжение репрессий против Хельсинкских групп не вызвало отлива от них помощников. Разумеется, круг сочувствующих и даже помощников МХГ не исчерпывался открыто выступившими в защиту арестованных членов Группы. Подписали эти письма вне Москвы в основном люди, через которых непосредственно осуществлялась связь их единомышленников с московскими правозащитниками. Остальные действовали анонимно.

В 1976-1978 гг. дооформилась структура сил противостояния, стихийно сложившаяся в предшествовавшие годы. Открытые общественные ассоциации стали общим каркасом правозащитного движения и сотрудничавших с ними национальных и религиозных движений. Эта схема работала до тех пор, пока в 1980-1982 гг. не были арестованы практически все участники открытых общественных ассоциаций.

В течение 1977-1978 гг. раскладка арестов по Хельсинкским группам была такова: в МХГ — трое (в марте к Орлову и Гинзбургу добавился Щаранский); на Украине — шестеро; в Литве — один; в Грузии — трое; в Армении — двое. К тому же в МХГ двоих вытолкнули в эмиграцию и в ЛХГ уехал один. При малых размерах групп потери были очень чувствительными, но не парализовали их. Только Грузинская группа после арестов ее ведущих участников практически самоликвидировалась. Остальные группы кооптировали новых членов и продолжали работу.*

К Белградской конференции МХГ подготовила 26 документов, к Мадридской (ноябрь 1980 г.) — 138. [250]

---

* МХГ вступили в 1976г. — Владимир Слепак (на место получившего разрешение на выезд В.Рубина), в 1977г. — Наум Мейман, Юрий Мнюх, Софья Каллистратова, Татьяна Осипова, Виктор Некипелов, в 1978г. — Леонард Терновский, Феликс Серебров, Юрий Ярым-Агаев, в 1979г. — Иван Ковалев.

Документы МХГ можно разделить тематически на несколько разделов, соответствующих обязательствам по гуманитарным статьям Заключительного Акта:

1) о равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой;

2) свобода выбора места проживания;

3) свобода выезда из страны и право возвращения в нее;

4) свобода совести;

5) право знать свои права и действовать в соответствии с ними;

6) политзаключенные;

7) контакты между людьми;

8) право на справедливый суд;

9) социально-экономические права, подтвержденные Всеобщей декларацией прав человека и международными пактами о гражданских и политических правах, одобренных Советским Союзом;

10) предложения МХГ Белградской и Мадридской конференциям по улучшению контроля за выполнением гуманитарных статей Заключительного Акта.

В 1977-1978 гг. в Москве действовали, кроме МХГ, Христианский комитет защиты прав верующих (см. главу «Православные») и Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Ее основатели: Александр Подрабинек, Вячеслав Бахмин, Ирина Каплун, Феликс Серебров и Джема Квачевская. От МХГ в Комиссию вошел Петр Григоренко, консультантом по юридическим вопросам стала адвокат Софья Каллистратова, по вопросам психиатрии — врач Московской областной психбольницы Александр Волошанович (его имя некоторое время держалось в тайне). Рабочая комиссия действовала до февраля 1981 г., когда был арестован ее последний участник, т.е. 4 года. За это время крохотная группа подготовила 24 объемистых информационных бюллетеня (они выходили не реже чем раз в два месяца). [251] Просматривая эти бюллетени, трудно понять, как могли несколько человек, к тому же работающих, свернуть такую глыбу. При полном отсутствии доступа к официальным источникам информации они составили картотеку политзаключенных, содержащихся в психиатрических больницах, собрали информацию о десятках прежде никому не известных жертв психиатрических репрессий и уточнили данные о прежде известных. Всех известных им узников психбольниц держали под постоянным контролем: кто чем болеет, какие у кого нужды, кто куда переведен и т.д., сообщая об этом в своем бюллетене. Рабочая комиссия наладила материальную помощь своим подопечным и нуждающимся семьям. Члены комиссии составили списки врачей-психиатров и руководителей спецпсихбольниц и обычных, в которых есть политзаключенные. Они написали сотни писем этим врачам и администраторам, добиваясь отмены губительных методов лечения и жестокого обращения. Члены Рабочей комиссии десятки раз обращались в соответствующие советские учреждения с требованием освобождения здоровых людей, а также к западной общественности, стимулируя ее добиваться того же. Используя отпуски на работе, члены Рабочей комиссии ездили навещать особо нуждающихся в помощи узников психбольниц в самые отдаленные уголки.

Участникам рабочей комиссии по психиатрии не однажды выпало редкое для правозащитников счастье — обнять тех, кого удалось вырвать из неволи. Создание Рабочей комиссии было непосредственным откликом на усиление психиатрических репрессий в конце 1976 г. Тогда были почти одновременно госпитализированы несколько бывших узников психбольниц, продолжавших после

освобождения прежнюю деятельность, — Владимир Борисов из Ленинграда, Петр Старчик в Москве, Эдуард Федотов и Александр Аргентов в Подмосковье. Только что созданная Рабочая комиссия занялась этими случаями — и все эти люди были через короткие сроки освобождены. [252] Рабочая комиссия вызволила из психбольницы журналиста Михаила Копысова, жителя маленького городка Бобров Воронежской области. Злоупотребления психиатрией в такой глубинке до создания Рабочей комиссии проходили обычно незамеченными. Рабочая комиссия узнала о судьбе Копысова, предала огласке полученную информацию — и Копысов обрел свободу. [253] За Юрия Белова, который провел в психбольницах 7 лет, Рабочая комиссия сражалась 2 года — и добилась его освобождения. [254]

Необычайная для советских условий эффективность Рабочей комиссии по психиатрии объясняется прежде всего тем, что деятельность ее была продолжением двадцатилетних усилий многих людей — сначала одиночек, вроде С.П. Писарева, а затем всего правозащитного движения. Подвиг Буковского, передавшего на Запад истории болезни шести заточенных в психбольницы инакомыслящих (см. стр. 230-231), оказался не напрасным. Хотя международный съезд психиатров в Мехико отказался рассматривать эти документы, на Западе нашлись люди, изучившие их. Они убедились, что в СССР действительно используют психиатрию в политических целях. Дополнительные подтверждения появились, когда эмигрировали несколько диссидентов — бывших узников психбольниц. Они были обследованы специалистами и признаны здоровыми. Таким образом, в 1977 г., к началу работы Рабочей комиссии по психиатрии, на Западе уже действовали несколько общественных организаций, целью которых было прекращение психиатрических репрессий в СССР. [255] Международный съезд психиатров, собравшийся в 1977 г. в Гонолулу, с полным доверием рассмотрел свидетельства, присланные Рабочей комиссией, вынес резолюцию, осуждавшую Советский Союз. [256] Постоянная и активная поддержка западной общественности очень способствовала успехам Рабочей комиссии по психиатрии.

Но, конечно, успехи комиссии по психиатрии объясняются не только этим, но и чрезвычайной добросовестностью работы ее участников — документы Рабочей комиссии, как и МХГ и более ранних правозащитных ассоциаций правозащитников, безупречны в юридическом, а также в медицинском отношении.

Основной тезис Рабочей комиссии: мы не утверждаем, что все принудительно помещенные в психбольницы по политическим мотивам здоровы, среди них есть и больные люди, но и по отношению к ним тоже следует соблюдать законы и не допускать жестокостей.

Репрессии против Рабочей комиссии начались в 1978 г. В мае был арестован А. Подрабинек. Его осудили за его книгу «Карательная медицина» — о злоупотреблениях в советской психиатрии. [257] После ареста Подрабинека в Комиссию вошли Леонард Терновский и Ирина Гривнина. [258]

В августе 1978 г., на пресс-конференции иностранных корреспондентов было раскрыто имя психиатра-консультанта Рабочей комиссии. Александр Волошанович сообщил, что он провел 27 экспертиз людей, подвергавшихся ранее помещению в психиатрические больницы по политическим мотивам, и ни в одном случае не нашел медицинских оснований для госпитализации и лечения. [259]

Видимо, опасаясь международного скандала, пленум правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров в октябре 1978 г. образовал комиссию для расследования случаев, указанных Волошановичем на пресс-конференции. Не-

сколько человек были освобождены, но против Волошановича начались преследования, и он вынужден был эмигрировать. [260]

С момента эмиграции Волошановича (февраль 1980 г.) консультантом Рабочей комиссии стал харьковский психиатр Анатолий Корягин.

В феврале 1980 г. был арестован Бахмин, в апреле — Терновский, в сентябре — Гривнина, в январе 1981 г. — Серебров. [261] Всех их судили за «клевету», лишь Сереброва — по статье об антисоветской агитации и пропаганде. [262]

В феврале 1981 г. был арестован А. Корягин после того, как провел экспертизу борца за права рабочих Алексея Никитина (см. главу «Движение за социально-экономические права»), нашел его здоровым и передал свое заключение иностранным корреспондентам. А. Корягина приговорили к 7 годам лагеря строгого режима и 5 годам ссылки. [263] Он был последним находившимся на свободе членом Рабочей комиссии.

Независимые общественные ассоциации, возникшие в 1978-1979 гг.

В течение 1978-1979 гг. в Москве появилось несколько новых независимых ассоциаций. В отличие от МХГ, занимавшейся всем комплексом прав человека, их можно назвать специализированными в том же смысле, что и Христианский комитет защиты прав верующих, и Рабочую комиссию: их целью была защита определенной группы граждан или какого-то одного (или нескольких) конкретных гражданских прав. Это Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР (была объявлена в марте 1978 г.), Свободный профсоюз (февраль 1978 г.) и после его почти немедленного разгрома — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся — СМОТ.*

В середине 1979 г. была создана группа *«Право на эмиграцию»*. После нескольких перетасовок состава этой группы в ней стали работать: Людмила Агапова, Иван Лупачев, Марк Новиков, Вячеслав Репников и Владимир Шепелев; позже к ним присоединился Василий Барац, ставший руководителем. [264] Группа поставила себе следующие цели: упорядочение эмиграционной политики, проведение ее к общедемократическим нормам, принятие закона об эмиграции; сбор и предание гласности нарушений прав граждан на выезд из СССР; поддержка желающих реализовать свое право на выезд по социальным, религиозным, экономическим и др. мотивам.

В июне 1979 г. Группа направила в Президиум Верховного Совета СССР проект «Положения о порядке выезда граждан из СССР». В сопроводительном письме указывалось, что во вступающем в силу с 1 июля 1979 г. Законе о гражданстве отсутствует раздел о порядке выезда — проект группы мог бы содействовать восполнению этого пробела.

Добиваясь введения законодательства об эмиграции, Группа оказывала практическую помощь в получении разрешений на выезд. В 1979 г. Группа занималась двумя случаями: пятидесятниками из Находки (см. главу «Пятидесятники», стр. 162) и иранской общиной (200 чел.), перешедшей из Ирана в СССР в 1949 г. и лишенной возможности вернуться обратно. От этой общины в Группу вошел Бебут Саман (Душанбе). [265] Группа выпускала информационный бюллетень. [266]

* Об этих ассоциациях см. в главе «Движение за социально-экономические права», стр. 314-319.

Группа «Выборы-79», возникшая в феврале 1979 г., строго говоря, была не правозащитной. Ее члены намеревались явочным порядком осуществить предоставляемое конституцией, но узурпированное у советских граждан властями право выдвижения кандидатов на выборах в Верховный Совет СССР. Формально кандидаты выдвигаются на собраниях трудящихся по предприятиям, находящимся на территории данного избирательного округа, но фактически кандидаты намечаются и «разверстываются» по округам «сверху», а на собраниях лишь называется установленная «наверху» кандидатура.

Ближайшие выборы должны были состояться 4 марта 1979 г. 40 человек (среди них известны: В. Сычев, В. Баранов, Л. Агапова, В. Соловов), объединившиеся в группу «Выборы-79», обратились к Сахарову с предложением быть их кандидатом в Верховный Совет — он отказался. Были выдвинуты кандидатуры историка Роя Медведева в Совет Союза от Свердловского избирательного округа Москвы и в Совет Национальностей — инженера Людмилы Агаповой, жены невозвращенца Агапова, добивавшейся выезда к мужу, по одному из подмосковных округов. Группа подала документы на регистрацию своих кандидатов, но не получила ответа к сроку, крайнему для выдвижения кандидатов по Положению о выборах. На этом основании соответствующие избирательные комиссии отказали в регистрации кандидатов. [267]

Инициативная группа защиты прав инвалидов была объявлена «традиционным» путем — на пресс-конференции МХГ. Остальные независимые общественные ассоциации, возникшие в 1978-1979 гг., родились и действовали вне сложившегося круга московских правозащитников и — за редким исключением — без его поддержки.

Эти начинания осуществили новички. Их появление на общественной арене было результатом открытой работы правозащитников в предшествовавшие годы, возбудившей новый слой прежде непричастных к независимой общественной активности людей. Огромную роль сыграли в этом зарубежные радиостанции, резко усилившие с 1976 г. передачи о правах человека и о правозащитниках. Героическое противостояние правозащитников стало будоражащим примером не только родственных им по духу сограждан, но и для весьма поверхностно усвоивших их идеи и совершенно чуждых по складу ума правозащитному движению с его принципиальным отказом от любого вида насилия, терпимостью и интеллигентностью. К ведущим правозащитникам, имена которых повторялись в передачах зарубежного радио, потянулись люди с самыми разными побуждениями — от полных единомышленников до требующих отдать средства Фонда помощи политзаключенным (или долю от мифического «золотого дождя» с Запада, о котором постоянно писала советская пресса, очень усилившая внимание к правозащитникам) на устройство подпольной рации, а то и на оружие для ниспровержения режима (я оставляю в стороне просто разного сорта вымогателей в свою пользу). Среди прожектеров были и предлагавшие себя в возглавители этих замыслов и предлагавшие Сахарову или кому-либо из его единомышленников возглавить их. Такие посетители уходили разочарованными: даже при минимальном знакомстве было очевидно, что ведущие правозащитники совершенно не годны на роль Робин Гудов и не склонны ее играть. Были и обиженные тем, что им отказано во встрече, а отказывать иногда приходилось из-за крайней занятости большинства

активных участников движения за права человека. Занятость эту, перешедшую всякие пределы, породило перерастание правозащитным движением своих прежних рамок при недостаточном расширении круга его активных участников и сохранении ими прежних методов работы.

Правозащитное движение распространилось в новые слои и вышло на международную арену, а его ядром, активом, по-прежнему остался дружеский круг его зачинателей, и работали они, по-прежнему опираясь главным образом на дружеские связи — они не умели и не хотели иначе. Находили признание, вписывались в этот круг и включались в его работу лишь духовно близкие люди. Остальные не приживались, как инородные тела, потому что они не могли делать то, что делали правозащитники, и так, как они это делали. Это отталкивание, с одной стороны, создавало обиды и обвинения членов этого замкнутого ордена в зазнайстве, в спеси, а с другой, — их чудовищную загруженность. Если прежде всякое дело находило своего исполнителя, то теперь многие дела ждали своего часа и не все дожидались его.

Не получив помощи, деятельные новички самостоятельно затевали какое-то подобие акций, о которых они были наслышаны по радио. Среди этих деятелей попадались честолюбцы, стремившиеся к «радиославе», но немало было людей со здравыми и даже новаторскими в советских условиях идеями, полностью в русле правозащитной идеологии, как, например, Свободный профсоюз, «Право на эмиграцию» или «Выборы-79». Но поступки и высказывания этих новеньких зачастую были за пределами идеологии и этических норм, сложившихся среди правозащитников, что тоже создавало несовместимость (например, настойчивые попытки Клебанова «договориться» с КГБ о безопасности своего профсоюза — см. об этом в главе «Движение за социально-экономические права», стр. 315-316), или перетасовки в группе «Право на эмиграцию» (из-за взаимных обвинений в пособничестве КГБ). Чтобы этот новый слой активных людей, потянувшихся к правозащитникам, превратился в действительных правозащитников, к новеньким нужно было долгое время быть снисходительными и терпеливо работать с ними, как польские интеллигенты со своими рабочими.

Большинство московских правозащитников оказались не приспособленными к этой роли. Их плюрализм и представления о свободе воли не позволяли им стать пропагандистами своих идей, насаждать их, они были лишь их распространителями. К тому же и в 1977-78 гг. ядро московских правозащитников составляли зачинатели этого движения, по преимуществу рассматривавшие его как чисто нравственное противостояние, не имеющее каких-либо политических целей, в том числе целей вербовки сторонников. Они не ставили перед собой и цели расширения движения, распространения его в другие социальные слои, как это имело место в Польше, а когда это произошло само собой, без их усилий, не оценили этого и отшатнулись от чужаков. История взаимоотношений ветеранов правозащитного движения, его ядра в 1977-1979 гг., с пополнением, разбуженным их же энергией и потянувшихся к ним, показала, что обе стороны не были готовы к встрече и тем более сотрудничеству, не нашли общего языка.

Самиздат правозащитного движения пополнился в эти годы более чем сотней документов Московской Хельсинкской группы, весьма разнообразных по темам и содержащих обширный информационный материал, уступающий по объему лишь «Хронике текущих событий», но, в отличие от «Хроники», содержащий

анализ и оценки сообщаемых фактов. Среди документов МХГ — аналитические обзоры, такие, как «Оценка влияния Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в части, касающейся прав человека в СССР (1 августа 1975 г. — 1 августа 1976 г.)», [268] формулирующие позицию МХГ по принципиальным вопросам в стране и в мире — такие, как «Итоговый документ к совещанию в Белграде» [269] и другие. Документы МХГ вкупе с документами других Хельсинкских групп — солидный вклад в освещение и разработку проблемы прав человека в СССР.

МХГ не собирала свои документы в сборники, эти документы передавались на Запад по мере их написания. Они изданы в сборниках издательством «Хроника» (Нью-Йорк) по-русски, а по-английски — Комиссией по безопасности и сотрудничеству в Европе (Вашингтон). [270] После арестов членов МХГ в 1977 г. появились четыре сборника самиздатских документов в их защиту. [271] В конце 1979 г., после ареста Татьяны Великановой, были составлены два сборника «В защиту Татьяны Великановой». [272]

В течение 1977-1979 гг. стали периодически выходить следующие информационные бюллетени: Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, [273] Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР, [274] СМОТа, [275] группы «Право на эмиграцию». [276] Все эти бюллетени выходили регулярно, по нескольку выпусков в год, и чрезвычайно расширили массив информации в области прав человека. Эти бюллетени, за исключением бюллетеня СМОТа, указывали на обложке имена и адреса своих составителей.

В эти годы участились интервью Сахарова иностранным корреспондентам. Эти интервью аннотировались «Хроникой», ходили в самиздате и были изданы (до августа 1977 г.) в сборнике «Тревога и надежда» издательством «Хроника». [277] В эти же годы годы вышли три самиздатских сборника материалов с критикой проекта новой конституции СССР. [278]

В самиздатской политической публицистике тоже проявилась четкая тенденция к созданию сборников, при том периодических. Первым из таких изданий стал продолжающийся исторический сборник «Память» с анонимной редакцией. Каждый сборник — приблизительно по 600 печатных страниц. «Память» выходит начиная с 1976 г. примерно раз в год (к 1982 г. вышло 5 сборников). [279]

В редакционном предисловии объяснятся:

«Первоочередной своей целью редакция считает сбор исторических свидетельств и публикацию их, ... введение в оборот — научный и общественный». [280]

Важность и огромность этой задачи в советском обществе редакция определяет тем, что знание о прошлом сознательно и постоянно разрушается в угоду идеологии, фальсифицируется от самых отдаленных времен до ближайших дней и особенно — относительно советского периода, где реальность полностью заменена мифом. Поэтому особое внимание редколлегия «Памяти» уделяет именно советской истории — сохранить, спасти что можно. Ведь каждый человек, доживший до 70 лет, обязательно знает о нашем прошлом что-то, о чем вслух не говорят. Эти свидетельства — личные и документальные — призвана собирать «Память». Это — насущная нужда нашего общества:

«Там, где нарушена общественная память — там место всем другим бедам и невзгодам... Нет прошлого — закрыто будущее». [281]

В соответствии с замыслом редакции «Память» — не политическое и не идеологическое издание, она — полностью внепартийна. Так, уже в первом сборнике в разделе «Воспоминания» были опубликованы мемуары эмигрантки-монархистки; петербургской учительницы, арестованной «за религию»; коммуниста и социалистки. Эта «всеобщность» «Памяти» сохранилась полностью и в последующих сборниках. «Память» выделяется среди самиздатских изданий обширным и высокопрофессиональным справочным аппаратом к каждому публикуемому документу.

В 1979 г. появился литературно-публицистический толстый (200-300 страниц в выпуске) самиздатский журнал «Поиски» с подзаголовком «Свободный московский журнал» и с именами членов редколлегии на титульном листе: Валерий Абрамкин, Петр Абовин-Егидес, Раиса Лерт, Павел Прыжов (псевдоним, позднее раскрытый — Глеб Павловский). В следующих выпусках «Поисков» дополнительно были объявлены члены редколлегии Владимир Гершуни, Юрий Гримм, Виктор Сокирко и Виктор Сорокин. [282]

Первый выпуск «Поисков» открывается «Приглашением», в котором члены редколлегии поясняли:

«Нашему замыслу соответствовало бы название слишком длинное для журнала — «Поиски взаимопонимания»... К участию в наших «Поисках» мы приглашаем всех, кто за взаимопонимание... Мы пережили с 1953 г. целую полосу надежд и крушений, избывания старых и новых иллюзий... Это время, ... переломившись в 1968-м, пришло к концу... Глядя на собственные наши тупики, вложив персты в наши раны, — кто рискнет сказать с полной уверенностью: я знаю лечение, я вижу выход?! Ожесточенность, вражда между ищущими выхода в разных направлениях делает общие тупики все глубже и раздражимей. Редколлегия «Поисков» призывает к взаимной уступчивости и терпимости ради совместных поисков выхода из общей беды». [283]

Таким образом, и этот толстый журнал по самому замыслу — внепартийный, дающий трибуну всем точкам зрения, всем концепциям. Редколлегия намеревалась издавать по 6 выпусков «Поисков» в год.

И еще одно продолжающееся издание, начатое в 1978 г., — сборники «В защиту экономических свобод» (около 200 страниц в каждом), издававшиеся К. Буржуадемовым (псевдоним В. Сокирко). [284]

С 1979 г. стал выходить периодический журнал «Сумма», помещавший рефераты и аннотации на самиздатские произведения, журналы, информационные сборники и на соответствующие издания. [285]

Сенсационным было появление в самиздате в конце 1978 г. литературного альманаха «Метрополь», указавшего имена составителей: Василий Аксенов, Андрей Битов, Виктор Ерофеев, Фазиль Искандер, Евгений Попов. «Метрополь» составлял 600 страниц печатного текста и включал произведения более 3 десятков авторов, среди которых были и молодые малоизвестные литераторы и очень известные, такие, как Белла Ахмадуллина, Владимир Высоцкий, Семен Липкин, Андрей Вознесенский. [286] Это было, пожалуй, первым случаем столь массового явочного осуществления писателями-профессионалами свободы творчества в обход цензуры. Составители и авторы «Метрополя» сразу же подверглись «проработкам» в Союзе писателей и материальному нажиму (отмена уже заключенных

договоров на издания, отказ от новых и т.п.) — от них требовали раскаяния и отречения, но все держались очень твердо. [287]

Если перечень самиздата до первой половины 70-х годов можно было ограничить Москвой, то со второй половины 70-х годов он был бы неполон без ленинградских изданий.

В 1976 г. в Ленинграде появились сразу три периодических журнала. Первым по времени был литературный альманах «Часы» (примерно по 500 страниц в выпуске, выходит дважды в год); редакция: Юлия Вознесенская, Вячеслав Долинин и др. В «Часах» публикуются романы, воспоминания, пьесы, стихи, переводы, статьи по искусству — ленинградских авторов. [288] Литературно-религиозный и философский журнал «37» был назван по номеру квартиры его редактора Виктора Кривулина. Кроме него, в редколлегию входили: Лев Рудкевич, Наталья Кононова, Татьяна Горичева. Объем — примерно 250 машинописных страниц, выходит раз в два месяца. [289] Сборник-коллаж «Художественный архив» выпускали Вадим Нечаев и Марина Недробова (проза, поэзия, эссе, статьи по искусству, хроника культурной жизни). [290]

В самом конце 1979 г. появился в Ленинграде еще один журнал, задуманный как периодический, — «Женщина и Россия». Это была заявка на появление в СССР независимого женского движения. [291]

Ленинград

С середины 70-х годов независимая общественная жизнь в Ленинграде вышла на поверхность в виде «второй (неофициальной) культуры».

«Вторую культуру» породил характерный для Ленинграда широкий слой гуманитариев-профессионалов, не имевших ни работы по специальности, ни надежды когда-либо такую работу получить. Здесь не менее десятка гуманитарных учебных заведений, среди них такие первоклассные, как филологический и исторический факультеты ЛГУ, Академия художеств, Институт имени Герцена, кинематографический и театральный институты. Между тем учреждений, где нужны гуманитарии, в Ленинграде гораздо меньше, чем в столичной Москве. В 50-е годы в опустошенном блокадой городе перепроизводство гуманитариев не было особенно заметным, но с середины 60-х годов выпускникам гуманитарных вузов стало почти невозможно найти пусть самое скромное место в соответствии со своими интересами. Постепенно образовался целый слой гуманитариев с дипломами, зарабатывающих на жизнь неквалифицированным трудом. Специалисты в точных науках тоже испытывали трудности с работой, хоть и меньше, чем гуманитарии. Наличие этого слоя «лишних людей» объясняет беспробудный конформизм даже порядочных людей из ленинградской «служилой» интеллигенции. Малейшее недовольство начальства, а тем более КГБ, грозит полной утратой жизненного статуса. Эта жесткая зависимость породила у либеральной интеллигенции стремление как можно меньше соприкасаться с «грубой жизнью», как можно меньше вникать в ее проблемы, с головой уходя в свою профессию.

Выработался культ профессии, она — не только источник существования, но и смысл жизни, и ее оправдание: «Я храню и развиваю русскую культуру — это оправдывает любые жертвы».

Между «служилой интеллигенцией» и их «лишними» коллегами мало связей — это отдельные миры. «Лишние» предпочитают пусть низкооплачиваемые, но оставляющие досуг должности — лифтеров, сторожей, истопников. Среди «лиш-

них», как и среди «служилых», долгие годы царило то же отрешение от жизни ради «высоких» интересов. Этот стиль укоренялся в студенческие годы лучшими преподавателями («служилыми»), его сохранению способствовало отсутствие независимой общественной жизни и узость связей (в основном тянувшихся со студенческих времен). Оставался единственный источник духовной и интеллектуальной жизни — эманация собственного духа над книгами и в маленьком дружеском кругу. Это вынужденное духовное отшельничество в соединении с гордостью культурными традициями родного города утвердило в среде «лишней» ленинградской интеллигенции культ «чистой духовности», «чистого искусства», отстранение от жизненных проблем — и своих, и общественных. Эти настроения и традиционное соперничество с Москвой создали неприязнь к независимым активистам-москвичам, суетящимся «на поверхности жизни», и сделали в Ленинграде почти всеобщим лозунг «долой политику!». «Лишняя» ленинградская интеллигенция употребляла свою свободу, обретенную в отрешенности, на формотворчество в искусстве и поиск новых сфер духовной жизни, новых сюжетов, обычно в запретных областях, в частности в религиозной философии и искусстве, когда в Москве это еще почти не просматривалось.

Отсутствие связей с правозащитниками можно объяснить не только отсутствием интереса к занимавшим их проблемам, но и тактически: такие связи привлекли бы к потаенной жизни «лишних» опасное внимание КГБ еще более, чем их собственная неординарность.

По мере возрастания слоя «лишних» началась его консолидация. В 60-е годы у них появилось полуофициальное место сбора — «Кафе поэтов» на Полтавской улице. КГБ терпел это ради облегчения присмотра, но со временем все-таки это кафе было превращено в «кафе комсомольских поэтов», а потом его вообще прикрыли. Иногда устраивались читки на специальных вечерах в Доме писателей, но и их запретили, как и попытки перенести такие чтения в университет и в Политехнический институт. Одно время придумали устраивать «турниры поэтов» в Царском Селе, но и их разогнали. [292]

Однако эти встречи все-таки помогли близким по духу и интересам людям найти друг друга. Создались большие дружеские компании, подобные московским 50-х годов. Выход на новых людей со сходными интересами веселил, придавал сил.

К началу 70-х годов уже выработалось духовное единство, не сразу заметное со стороны, но очевидное для вовлеченных в него. Его самоназвание — «вторая культура». Основные художественные и нравственные принципы деятелей «второй культуры» — свобода творчества и, следовательно, свободный выбор направления поисков и стилей. Но все они считают себя наследниками и продолжателями русской культуры начала века, как бы перешагивая через годы извращавшего ее вмешательства властей и последовавшую за этим декретированную «отмену» всех направлений в искусстве ради единообразия соцреализма и всех направлений духовной жизни, кроме диалектического материализма.

В середине 70-х годов «вторая культура» вырвалась из многолетнего полудобровольного подполья на поверхность жизни. Первыми совершили этот прорыв художники. По их собственному признанию, их активность была разбужена «бульдозерной» (15 сентября 1974 г.) и Измайловской выставками в Москве (см. стр. 249-250). [293] В этих выставках и в выставках на ВДНХ участвовали ленинградские художники (Юрий Жарких, Евгений Рухин, Владимир Овчинников и др.).

Этот опыт помог коллективному преодолению инерции и страха перед публичной заявкой о себе.

Первая такая выставка в Ленинграде состоялась в декабре 1974 г. в Доме культуры им. Газа. Затем последовали несколько выставок в других домах культуры. Стали проводиться выставки в квартирах ленинградских коллекционеров — Натальи Казариновой, Георгия Михайлова и др., а в 1977 г. супруги Марина Недробова (физик) и Вадим Нечаев (писатель) создали в своей квартире Музей современной живописи, открытый для всех. Там проводились выставки, обсуждения, конференции. [294]

В том же 1974 г., когда завоевали право на зрителей ленинградские художники-нонконформисты, группа литераторов («служилых») надумала издать (в самиздате, конечно) пятитомное собрание сочинений Иосифа Бродского (к тому времени его самого уже вытолкнули в эмиграцию). В подготовке издания участвовали многие — приносили сохранившиеся перепечатки стихов, записывали прежде хранимое в памяти. Предисловие взялся написать Михаил Хейфец — школьный учитель литературы и автор нескольких работ по истории русского революционного движения. Прочел предисловие и сделал замечания известный литературовед, преподаватель Института Герцена Ефим Эткинд. Вскоре по делу о самовольном издании были арестованы Хейфец и его друг писатель Марамзин, принявший участие в сборе материалов. Марамзин освободился после раскаяния на суде и эмигрировал; пришлось эмигрировать и Эткинду. Хейфец получил 4 года лагеря и 2 года ссылки, после чего тоже покинул СССР. [295]

Эта крутая расправа над «служилыми» коллегами не остановила первой попытки литераторов «второй культуры» выйти из ставшей невыносимой творческой изоляции. Они вслед за художниками попытались добиться официального признания.

Летом 1975 г. 32 непубликуемых ленинградских поэта собрали в сборник «Лепта» лучшее из созданного ими за по крайней мере десятилетний период подполья. Они отнесли свою «Лепту» в Лениздат с предложением опубликовать. Однако там забраковали сборник, да еще с оскорбительным объяснением — за низкое художественное качество. Однако «Лептой» заинтересовался ленинградский КГБ. Его сотрудники выразили желание познакомиться с авторами и составителями сборника. Их приглашали на беседу, заманивая обещанием помочь в публикации. Неискушенные в таких делах литераторы согласились попытать счастья. Несколько раз ходила на беседы с кагебистами «мать поэтов» — молодой искусствовед Юлия Вознесенская, которую редколлегия «Лепты» выделила своим представителем. Она горячо убеждала оперативников, что авторы сборника — не заговорщики, не революционеры, а поэты, мечтающие лишь о выходе к читателю. [296] Но время шло, а дело не двигалось. И активисты «второй культуры» встали на путь явочного осуществления своего права на аудиторию.

Группа поэтов и художников направила в управление садово-паркового хозяйства Ленинграда уведомление, что они намерены 14 декабря 1975 г. в 11 часов утра почтить память декабристов чтением стихов на Сенатской площади, где 150 лет назад произошло восстание декабристов.

В тот день Сенатская площадь была оцеплена и запружена милиционерами и дружинниками. Улицы, ведущие на площадь, были перегорожены машинами. Шестерых, подписавших заявку на митинг, задержали по дороге. Художники Синявин и Филимонов прорвались туда, но тут же были схвачены. Филимонов успел бросить в Неву плакат, который поплыл вверх текстом: «Декабристы — первые русские диссиденты». [297]

После этих демаршей усилились разговоры в КГБ о возможных публикациях поэтов «Лепты». Но она так и не увидела света. А в 1976 г. появились в самиздате три толстых периодических журнала — «Часы», «37» и «Художественный архив» (см. стр. 266). В них нашли пристанище непубликуемые ленинградские гуманитарии разных специальностей, работающие в разных стилях. «Художественный архив» приютил художников и специалистов по живописи. «37» возник на базе литературно-художественного и философско-теологического семинара (о нем см. главу «Православные», стр. 186-187).

Начав борьбу за свои права, деятели «второй культуры» использовали методы правозащитников. Это не могло не отразиться на отношении к ним. Выражением сочувствия и солидарности были лозунги на боках трамваев, написанные ночью и обнаруженные ленинградцами утром 6 апреля, в день, когда должен был начаться в Москве суд над Андреем Твердохлебовым: «Свободу политзаключенных!», «Свободу Твердохлебову!» [298]

Тогда же, весной 1976 г., Юлия Вознесенская, поэт Геннадий Трифонов, художники Игорь Синявин и Вадим Филимонов стали готовить иллюстрированный поэтический сборник «Мера времени». Все они участвовали и в подготовке очередной затеи независимых художников — устроить 1 июня выставку на открытом воздухе, как в Москве. Местом выставки избрали набережную Невы около Петропавловской крепости. Выставка была разогнана милицией и кагебистами. 12 июня ее попытались повторить — но тоже безуспешно. Художники выразили свое возмущение анонимно, но не чураясь «политики». В ночь с 3 на 4 августа 1976 г. на стене Петропавловской крепости появилась надпись огромными буквами: «Вы душите свободу, но душа человека не знает оков». И в других местах города: «Долой партийную буржуазию!», «Партия — враг народа», «СССР — тюрьма народов», «Свободу политзаключенным!» и «Слушайте Голос Америки!». [299]

13 сентября были арестованы художники Юлий Рыбаков и Олег Волков, а с ними — Наталья Лестниченко и Юлия Вознесенская. Мужчин шантажировали судьбой подельниц. Ради того, чтобы женщин отпустили, Рыбаков и Волков признались, что и апрельские надписи в трамваях, и августовские — их рук дело. [300]

Конец 1976 — начало 1977 гг. были чрезвычайно насыщены событиями.

5 декабря 1976 г. в Ленинграде впервые состоялась демонстрация в защиту прав человека. Она была проведена в то же самое время, что и традиционная демонстрация правозащитников в Москве, тоже у памятника Пушкину. 13 ленинградских демонстрантов, как и в Москве, обнажили головы в знак траура по конституционным свободам и в знак солидарности с жертвами беззаконий. Демонстрация прошла спокойно. Ничего не подозревавшие милиционеры не увидели чего-либо криминального в совершенном на их глазах молчаливом обряде. Зато к повторению митинга в честь декабристов 13 декабря 1976 г. власти подготовились. Только семеро из 50 намеревавшихся участвовать в митинге добрались до площади, но и они были немедленно задержаны. [301]

21 декабря была арестована, а 29-го уже осуждена на 5 лет ссылки Юлия Вознесенская за так и не увидевшую свет «Меру времени» (было признано клеветой утверждение в манифесте редколлегии, что в СССР нет свободы печати, нет свободы слова). [302] Остальные члены редколлегии тоже были «обезврежены»: Трифонова и Филимонова осудили по уголовным обвинениям, Синявина отпустили за рубеж. [303]

В марте 1977 г. состоялся суд над Рыбаковым и Волковым. Они согласились на предложенный им сценарий суда — считать надписи «хулиганством» и «порчей государственного имущества» без упоминания об их содержании. В суд пустили друзей и даже иностранных корреспондентов, так как подсудимые послушно повторяли что было велено. (Приговоры: Рыбакову — 6 лет лагеря усиленного режима, Волкову — 7 лет строгого). [304]

Суды не прервали сближения «второй культуры» с правозащитным движением. Среди ленинградской независимой интеллигенции многие стали сознавать, что прежняя отстраненность от общественных проблем чревата духовным кризисом, выхолащиванием, спадом «второй культуры». Правозащитные демонстрации в Ленинграде, как и в Москве, стали ежегодными (с 1977 г. их и здесь проводили в день прав человека 10 декабря). Решив провести выставку в честь венецианского Бьеналле-77, ленинградские художники-нонконформисты приурочили ее открытие к началу Сахаровских слушаний в Риме. В выставке участвовали 17 ленинградских и 7 московских художников. [305]

«Вторая культура» — самое многочисленное и активное из независимых общественных движений в Ленинграде. Несмотря на благоприятное изменение отношения к московским правозащитникам, движение за права человека в его московском варианте в Ленинграде не привилось. Единственный последовательный и многие годы самостоятельно выступающий правозащитник в Ленинграде — Эрнст Орловский. [306]

Обычно ленинградцы, тяготеющие к правозащитной деятельности, по-прежнему кооперируются с москвичами. В 1978 г. среди основателей созданного в Москве Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ) были ленинградцы Лев Волохонский, Николай Никитин, Владимир Борисов, Александр Иванченко и др. (о СМОТе см. главу «Движение за социально-экономические права», стр. 316-318).

КГБ подозревал ленинградцев и в сотрудничестве со сборником «Память», и с журналом «Поиски», и с «Хроникой текущих событий». Во всяком случае, весной 1979 г. здесь прошло несколько обысков одновременно в Москве и в Ленинграде — у Арсения Рогинского, Сергея Дедюлина, Валерия Сажина по делу о «Поисках», а об остальных расспрашивали усиленно на допросах по этим обыскам. В августе 1981 г. Рогинский был арестован и осужден по сфабрикованному уголовному обвинению на 4 года лагеря общего режима. На суде упоминалось о его публикациях в «Памяти». [307]

Гораздо слабее, чем «вторая культура, но не прерывающееся с середины 50-х годов — социалистическое направление, так сказать, наследники группы «Колокол» (см. стр. 219-221). Это неискоренимые в Ленинграде распространители листовок, чаще с критикой советского строя, за отклонения от «истинного социализма». Не всегда ясно, действует ли в данном случае одиночка или небольшая группа. Не всегда их находят.

24 февраля 1976 г., в день открытия XXV съезда КПСС, с галереи Гостиного Двора на Невском проспекте четверо юношей сбросили около 100 листовок, написанных от руки печатными буквами:

> «Да здравствует новая революция!
> Да здравствует коммунизм!»

Были задержаны студенты-первокурсники Андрей Резников, Александр Скобов, Аркадий Цурков и десятиклассник Александр Фоменко. Их исключили из комсомола и из учебных заведений. [308] В апреле 1976 г. группа, назвавшая себя Ленинградской школой, куда вошли эти юноши, утвердила платформу-тезисы, в которой заявлялось о начале ее деятельности, «направленной на преобразование существующего общества» на основе марксизма и ради достижения коммунизма. Советский строй группа называла государственно-монополистическим капитализмом. Конкретно намеченные преобразования должны были заключаться в «отстранении от власти класса государственной бюрократии» в результате классовой борьбы трудящихся во главе с интеллигенцией. [309]

Тогда же, в 1976 г., члены группы организовали молодежную коммуну, сняв половину дома на окраине Ленинграда. Здесь проходили дискуссии, обменивались самиздатом, здесь останавливались приезжающие из других городов приятели.

Весной 1978 г. группа, теперь называвшая себя «девой оппозиций», стала выпускать журнал «Перспективы» (вышло два выпуска). В октябре 1978 г. намечалась конференция, на которую пригласили единомышленников из Москвы, Горького и из других городов. [310] Но начались обыски и допросы, задевшие 40 человек. В течение октября были арестованы Александр Скобов (студент исторического факультета ЛГУ) и Аркадий Цурков (студент физического факультета), а несколько позже — Алексей Хавин (студент-медик). [311] Цурков, получивший по приговору пять лет лагеря строгого режима и два года ссылки, заявил в последнем слове, что после освобождения будет продолжать борьбу. Друзьям, собравшимся у здания суда, он крикнул:

— Да здравствует демократическое движение! [312]

В декабре 1979 г. состоялся суд над членами молодежной группы, назвавшейся Союз революционных коммунаров (рабочий Владимир Михайлов, художник Алексей Стасевич и студентка Алевтина Кочнева); они тоже жили коммуной на снятой квартире. Коммунары писали на стенах зданий лозунги типа «Демократия — не демагогия!» и «Долой госкапитализм!», а также распространяли листовки с разъяснением, что все зло в мире — в наличии государства, частной собственности и семьи, и с призывом объединиться в мировую организацию для искоренения антигуманности. Судили их за «хулиганство». Подсудимые заявили о своей солидарности с французскими студентами, выступившими в 1968 г. [313]

И еще два ленинградских судебных дела: в мае 1978 г. фотограф Александр Ляпин из-под Ленинграда совершил попытку самосожжения на Красной площади в Москве, протестуя против осуждения руководителя Московской Хельсинкской группы Юрия Орлова. У Ляпина обгорело 25% кожи. Его судили за «хулиганство». [314] 6 января 1979 г. братья Вадим и Алексей Аренберги, жена Вадима Людмила Крылова и ее подруга Листвина пытались захватить самолет, чтобы потребовать освобождения арестованных членов МХГ. [315]

Эти случаи наглядно свидетельствуют о претворении восхищения правозащитниками в действия, отнюдь ими не рекомендуемые.

Одесса

В петиционной кампании 1968 г., почти сплошь (на 70%) московской, были еще подписи участников украинского национального движения (139 чел.) и из Новосибирского Академгородка (46 чел.). Из 14 подписавшихся, приходившихся на всю остальную страну, двое были из Одессы — Л. Тымчук и В. Крюков. [316]

Они выделялись из остальных подписантов и социальным положением — матрос и токарь (рабочих среди подписантов 1968 г. было 6%). [317]

Но это не обычные матрос и токарь: Тымчук в своих открытых письмах цитирует сочинение Марка Туллия Цицерона: «О государстве» и книгу Дж. Пирса «Символы, сигналы, шумы», а Крюков — Грэма Грина и Джона Донна. Из писем их явствует, что они обсуждали проблемы демократии и права друг с другом, а может быть, еще с кем-то, прежде чем пришли к решению совершить столь необычный поступок — открыто выступить в защиту этих ценностей. В Одессе у них был дружеский круг, разделявший их взгляды.

Одесса находится на Украине, но, как и Харьков, это русифицированный город. Одесские инакомыслящие, как и харьковчане, больше тяготели к Москве, чем к Киеву, хотя с Ниной Строкатой, активисткой украинского национального движения, жившей в Одессе, тоже была тесная дружба (когда ее в 1971 г. арестовали, она назвала Тымчука своим ответственным лицом). [318]

До 1974 г. в «Хронике» было всего несколько кратких сообщений из Одессы, все — относительно самиздата: в 1967 г. был арестован студент-заочник Давид Найдис — автор необнаруженной на обыске работы о вероятности возрождения сталинизма в СССР (но судили его за листовки по еврейскому вопросу); [319] в 1969 г. Елену Крупко выгнали с работы из Одесского университета, где она проработала 18 лет, — за то, что давала читать самиздат (Синявского, Даниэля, Солженицына); [320] в серии еврейских судов 1970-1971 гг. был суд в Одессе над библиотекаршей Рейзой Палатник (см. главу «Еврейское движение за выезд в Израиль», стр. 117-118, 132). Ее осудили на 3 года за то, что на обыске у нее нашли одно еврейское обращение в самиздат: перепечатки стихов Ахматовой, Мандельштама, Галича, Окуджавы, открытые письма Чуковской. Чуковская, Сахаров, Чалидзе выступили в защиту Р. Палатник. В 1974 г. на обыске у Тымчука было обнаружено Московское обращение — в защиту Солженицына. Тут же, при обыскивающих, Тымчук поставил под ним и свою подпись. [321] С этого времени появляются в «Хронике» упоминания о других одесситах — друзьях и единомышленниках Тымчука. Учительница Анна Голумбиевская была исключена из партии и уволена с работы за благожелательное упоминание о Солженицыне на уроке литературы. [322]

Летом 1974 г. у доцента Одесского университета Алексеева-Попова изъяли фотокопию «Архипелага ГУЛаг». Он сказал, что получил книгу от своего коллеги Глеба Павловского, а тот указал на молодого электротехника Вячеслава Игрунова, известного КГБ интересом к самиздату с 1968 г. На обыске в его доме обнаружили самиздат — так началось «дело Игрунова». [323] Очень скоро был задержан приехавший к нему из Калинина его друг физик Олег Курс. Он привез полный портфель с фотокопиями тамиздатских книг (тот же «Архипелаг...», «Все течет...» Гроссмана, двухтомник Мандельштама и фотопленку книги Авторханова «Технология власти»). По показаниям Павловского были допрошены несколько общих знакомых его и Игрунова — но никто ничего не сказал о самиздате. На политсеминарах в одесских учреждениях докладчики объяснили, что после ареста Палатник и Строкатой руководителем одесской «группы» стал Игрунов.

1 марта 1975 г. он был арестован после того, как в Крыму на уединенном метеорологическом пункте у Валерия Резака изъяли фотопленки с произведениями Авторханова, Солженицына и др., а также фотооборудование. Резак показал, что пленки давал ему Игрунов, который привозил их из Москвы. Резак признал-

ся, что он уже несколько лет регулярно делал для Игрунова (ради заработка) фотокопии с пленок тамиздатских книг. Игрунов отказался каким-либо образом участвовать в следствии, заявив, что не считает свою деятельность ни антисоветской, ни незаконной. [324] Он был признан невменяемым и до конца 1976 г. пробыл в психбольнице.

По делу Игрунова было допрошено около 30 человек разной степени причастности — в Одессе, Калинине, Москве, Ленинграде и других городах. Из допросов выяснилось, что следователи ищут «библиотеку самиздата», находящуюся, вроде бы, в Одессе, и особенно интересуются московскими связями Игрунова. Для обнаружения «библиотеки» и ее московских «поставщиков» в квартире у Тымчука было установлено подслушивающее устройство. Тымчук обнаружил его, отключил и спрятал у себя в комнате. К нему немедленно пришли с обыском кагебисты и изъяли свое имущество. [325] Тымчуку же устроили провокацию с помощью милиции. Милиционер задержал его на улице, посадил в милицейскую машину, где уже сидели несколько человек, в том числе две женщины. По прибытии в милицию женщины дали показания, что он оскорблял их, дрался и т.д., а остальные пассажиры милицейского автобуса оказались «свидетелями происшествия» — они подтвердили показания женщин. Тымчук был арестован на 15 суток «за хулиганство». [326]

Пытались получить сведения о «библиотеке» у знакомого Игрунова Алексея Тихомолова. Его схватили на улице, привезли в номер гостиницы, где два сотрудника КГБ расспрашивали его об Игрунове, Тымчуке и других его знакомых, и предложили стать осведомителем. Тихомолов согласился сообщать лишь о деятельности «сионистов», после чего состоялся совместный обед. Однако на следующий день Тихомолов рассказал о случившемся своим друзьям — сделка не состоялась. [327]

Активность одесских правозащитников не прекратилась с арестов Игрунова и сопутствовавшими этому преследованиями остальных. 5 декабря 1976 г. в Одессе впервые состоялась правозащитная демонстрация. В ней участвовали 13 человек — они собрались в то же время, что и их единомышленники в Москве и в Ленинграде — в 6 часов — и тоже у памятника Пушкину. Они тоже стояли молча с непокрытыми головами. Как и в Ленинграде, неподготовленные милиционеры не поняли, что это акция, которую следует пресекать, и все прошло мирно. [328]

Не оборвались и связи с Москвой. Наоборот, они укрепились. После арестов в МХГ в феврале 1977 г. одесситы вместе с харьковчанами написали письмо в защиту арестованных (10 подписей). [329] Это указывает на знакомство между одесскими и харьковскими правозащитниками.

И самиздат в Одессе не прервался. Об этом свидетельствует дело Виктора Гончарова, арестованного летом 1976 г. [330] и дело Василия Барладяну, арестованного в марте 1977 г. [331] Гончаров распространял московский самиздат, Барладяну — московский и киевский (документы Украинской Хельсинкской группы). Их друзей продолжали преследовать — за письма в их защиту и по-прежнему за распространение литературы — правозащитной, публицистической и религиозной, а также за стремление расширить свои познания на неофициальных семинарах — религиозных, искусствоведческих и др. [332] В мае 1978 г. на обыске у Игрунова конфисковали материалы к литературно-публицистическому альманаху, который намеревались выпустить он и его друзья. [333] В 1980 г. была арестована библиотекарша Анна Михайленко — тоже за распространение самизадата и

участие в семинарах по украинской культуре. [334] В 1982 г. арестовали физика Петра Бутова. Этому аресту предшествовали обыски, начиная с лета 1981 г. — у самого Бутова и его знакомых. Изъяли «Хроники текущих событий», «Хроники Литовской католической церкви», фотокопии многих произведений самиздата и тамиздата. На допросах выяснилось, что следователи хорошо знают содержание разговоров в комнате, где работал Бутов. Видимо, там был установлен подслушивающий аппарат. После ареста Бутова жене его объяснили, что причина ареста — отказ выдать «библиотеку и архив — пленки с антисоветской литературой», и назвать человека, делавшего фотокопии. Бутов был осужден на 5 лет лагеря строгого режима и 2 года ссылки. [335] Библиотека, видимо, продолжает действовать.

Куйбышев

В Куйбышеве в 1973 г. в поле зрения КГБ попала компания «негативной молодежи» (из характеристики Куйбышевского УКГБ). [336] Вряд ли там широко циркулировал самиздат. Похоже, основным источником идей и информации были зарубежные радиостанции. Интересные передачи записывали на магнитофон, затем переписывали их от руки и, собравшись вместе, читали вслух, обсуждали. Во всяком случае, в обвинительном заключении по делу Владислава Бебко, арестованного в 1978 г., фигурировали только магнитофонные ленты радиопередач и их рукописные записи, а также его устные высказывания вне компании (что в СССР нет свободы слова и т.п.). [337]

Владислав Бебко — из рабочей семьи и сам рабочий. К моменту ареста ему было 25 лет. Его товарищи — тоже молодые рабочие или студенты технических институтов. В 1976 г. они решили впервые «выйти на улицу», на первый раз — «без политики». 1 апреля человек 30-40 двинулись от Самарской площади, скандируя шутливые лозунги. Через полчаса путь им преградила милиция. 12 человек были задержаны и троим дали «за нарушение порядка» по 10-15 суток.

1 апреля следующего года Бебко и его друзья В. Соломко и А. Сарбаев (тоже рабочие) вышли на демонстрацию с плакатом о свободе печати. В тот раз обошлось без арестов — у них отняли плакат, а самих отпустили.

В 1977 г. Бебко поступил в политехнический институт. Зимой 1978 г. его и Сарбаева предупредили, чтобы они прекратили «антисоветские разговоры, распространение антисоветских материалов и Хартии-77 и деятельность по созданию антисоветской группы». [338] В годовщину Октябрьской революции в 1978 г. Бебко сорвал праздничный плакат в честь Октября и был арестован за хулиганство и за «клевету» (приговор — 3 года лагеря). Суд был по-настоящему открытым — пустили друзей Бебко. Он обещал впредь не высказывать запретные мысли вслух. После оглашения приговора со всех сторон зала к Бебко полетели цветы — их незаметно пронесли его друзья. [339]

В конце 1979 г. был арестован товарищ Бебко Виктор Давыдов, а в июне 1980 г. — Анатолий Сарбаев. [340] Оба они обвинялись в авторстве самиздатских работ (это — уже следующий этап внутреннего развития деятельности куйбышевской группы). Название статей Сарбаева — «Советское общество по конституции 1977 г.», «Конституция общества за железным занавесом» и др. Кроме того, ему вменяли в вину участие в подготовке в Куйбышеве Средневолжской группы в защиту прав человека (у Сарбаева нашли информационный листок этой так и не увидевшей свет группы).

Давыдов (он — юрист по образованию) был обвинен в авторстве и размножении самиздатских работ «Феномен тоталитаризма» и «Второго пришествия не будет» (о возможности возрождения сталинизма в СССР). Давыдова упрятали в психбольницу до 1983 г. [341]

Кроме кружка Бебко и Давыдова, есть и другие кружки в Куйбышеве, где ведется обмен мнениями на запретные темы. По крайней мере один из таких кружков — марксистский (видимо, на манер горьковского и саратовского кружков 70-х годов), промелькнуло сообщение об аресте двух «марксистов» в Куйбышеве. Продолжается и самиздатская работа. Летом 1982 г. был арестован инженер-математик Трахтенберг по обвинению в размножении самиздата. В конце 1982 — начале 1983 гг. был арестован инженер-нефтяник Разгладник — он собирал высказывания сторонников польского профсоюза «Солидарность». Аресты эти были единичными, не повлекли за собой других — значит, «корни» сохранились. [342]

Другие города

Известно о создании группы по защите прав человека из 9 участников в г. Советске Калининградской области в начале 1978 г., но о деятельности этой группы никаких сообщений не было — видимо, все ограничилось фактом ее создания. В августе 1978 г. там был арестован местный фотограф и художник-оформитель парка культуры Ромэн Костерин — его (в недоброжелательном контексте) называли основателем этой группы. [343]

В Саратове такая же попытка, и тоже безуспешная, была совершена в конце 1979 г. — физик Александр Комаров пытался создать там филиал Хельсинкской группы, но был насильственно госпитализирован в психбольницу. [344]

В Пятигорске, Железноводске и Кисловодске перед 10 декабря 1978 г. были расклеены листовки:

«Если вы осознали свое и общее бесправие в СССР, приходите в цветник г. Пятигорска, рядом с магазином «Кристалл» к 18 часам 10 декабря1978 г. на встречу «митинг молчания». В этой встрече нет ничего незаконного. 10 декабря 1948 г. Советским Союзом была подписана Всеобщая Декларация прав человека».

9 февраля сотрудники КГБ явились к тому, кто расклеивал эти листовки, — к Олегу Соловьеву. Олег Соловьев — житель Пятигорска, химик, окончил Томский университет, но работал кочегаром после того, как отбыл принудительное лечение в психбольнице с 1969 по 1972 гг. — тоже за листовки. Демонстрация не состоялась. [345]

В Киеве на главной его улице Крещатике 30 декабря 1978 г. провел одиночную демонстрацию с плакатом «Свободу узникам совести!» кинооператор Виктор Монбланов. Он был осужден за «хулиганство» на 4 года лагеря. Сразу после освобождения, в феврале 1982 г., Монбланов снова провел одиночную демонстрацию, на этот раз требуя освобождения руководителя Московской Хельсинкской группы Юрия Орлова, и был осужден на 5 лет лагеря строгого режима — тоже по обвинению в «хулиганстве». [346]

Во второй половине 70-х годов шире стало участие жителей русской провинции в самиздате в качестве авторов. Кроме уже упоминавшихся Давыдова и Сарбаева, известна очень ценная работа геофизика Иосифа Дядькина (из Калинина) «Статисты» — об убыли населения в СССР в связи с экспериментом социалис-

тического строительства (коллективизация, террор на идеологической основе и т.д.). [347]

В Пятигорске в сентябре 1975 г. состоялся суд над 50-летним инженером Михаилом Зверевым — он написал около 20 статей с критикой советского строя и распространял их, рассылая по почте или опуская в почтовые ящики. Зверев был объявлен невменяемым. Такова же была участь Попова из г. Октябрьского в Башкирии — его поместили в психбольницу за стихи, признанные «антисоветскими». [348] Физик Вазиф Мейланов (Махачкала) передал в самиздат работу «Заметки на полях советских газет». [349] Житель Сочи инженер Михаил Жихарев в 1974 г. был помещен в психбольницу за авторство «антисоветского» романа «Большая афера», и в 1983 г. он еще находился на «излечении». За попытку передать этот роман иностранному туристу был в октябре 1982 г. арестован знакомый Жихарева Александр Ткалич-Петров — переводчик с испанского и английского, работавший сторожем в одном из сочинских санаториев. [350]

В Тольятти изъяли самиздат и собственный литературный архив, в том числе роман «Диссиденты», у художника-самоучки Михаила Зотова. За записки о событиях в Новочеркасске, за прослушивание и обсуждение зарубежных радиопередач в Гомеле судили рабочего Евгения Бузинникова; за коллективное прослушивание этих передач и распространение их записи в Таганроге был суд над рабочим Эдуардом Кулешовым. [351] В Бобруйске Михаил Кукобака, бывший политзаключенный, был приговорен в июле 1979 г. к трем годам лагеря — ему инкриминировали передачу на Запад его статей «Международная разрядка и права человека — неделимы» и «Украденная родина», а также записи на магнитофон передач зарубежных радиостанций и ознакомление с этими записями друзей. [352] Видимо, в эти годы увеличилась численность слушателей зарубежных радиопередач и их воздействие на умы, особенно в провинции. Шире распространился в провинции и самиздат. Выпуски «Хроники» за вторую половину 70-х годов пестрят сообщениями об изъятиях самиздата, об увольнениях и других преследованиях за его чтение и обсуждение, об арестах и осуждениях за его авторство и распространение.

VII. ПОСЛЕ РАЗРЯДКИ (1980—1983 гг.)

1975—1979 гг. никак нельзя назвать вольготным временем для независимой общественной деятельности — и аресты и внесудебные репрессии не прекратились. Однако расчет на материальную и технологическую помощь с Запада для широкой программы вооружения против того же Запада и осуществление этой программы втихомолку все эти годы вынуждало советских правителей к некоторой сдержанности в особо чувствительных для Запада точках не только внешней, но и внутренней политики (еврейская эмиграция, судьба известных на Западе инакомыслящих, особенно Сахарова, и хельсинкских групп). Этим объясняется, что 9 месяцев власти не решались на аресты в этих группах, дерзко нарушивших вековую традицию «не выносить сор из избы», непосредственно обращавшихся к правительствам свободных стран Запада с жалобами на беззакония в СССР.

Советские представители сознавали, что аресты в хельсинкских группах будут не менее разоблачительны, чем сами документы этих групп. И все-таки аресты в хельсинкских группах начались и несмотря на энергичные протесты Запада продолжались, потому что для властей стало очевидно, что исчисляемого в месяцах периода без арестов оказалось достаточным для открытых общественных групп, чтобы возник целый ряд новых общественных ассоциаций, резко расширилось влияние правозащитного движения, его объединение с национальными и религиозными движениями под общими правозащитными лозунгами. Наступление на хельсинкские группы еще раз подтвердило основной принцип советской внутренней политики: если приходится выбирать между «потерей лица» на Западе и ослаблением — пусть самым незначительным — своих позиций внутри страны, жертвуют престижем. В течение 1977-1979 гг. были арестованы 23 члена хельсинкских групп и семеро отправлены за рубеж. Но 34 (вместе с вновь вступившими) продолжали работать.

Началом «генерального наступления» на инакомыслие можно считать 1 ноября 1979 г. Похоже, к этому дню КГБ получил «добро» на осуществление плана последовательного разгрома независимого общественного движения в стране, разработанного еще в 1977 г.

В этот день были арестованы двое в Москве: Татьяна Великанова и Глеб Якунин, а за два дня до этого, 30 октября в Вильнюсе — Антанас Терляцкас. [353] Все трое были широко известны как общественные деятели, но не входили в Хельсинкские группы, на которых до тех пор концентрировались аресты. Это значило, что аресты вышли за хрупкие пределы, ненадолго поставленные своеобразием внешнеполитического момента. Эти аресты указывали также, кто в первую очередь подвергнется репрессиям вслед за хельсинкскими группами: другие открытые ассоциации (Глеб Якунин был ключевой фигурой в Христианском комитете защиты прав верующих в СССР, Татьяна Великанова — в Инициативной группе защиты прав человека, Терляцкас активно сотрудничал в самиздатской периодике). Вслед за ними, еще до конца 1979 г., были арестованы члены редколлегии московского журнала «Поиски» В. Абрамкин и В. Сорокин. Начиная с января 1979 г., редколлегию «Поисков» терроризировали обысками, допросами, грозили арестами, но осуществили угрозу в декабре. [354] Был арестован также ведущий деятель эмиграционного движения пятидесятников Николай Горетой, [355] постоянный помощник Якунина в его правозащитной деятельности Лев Регельсон, [356] член группы «Выборы-79» и СМОТа Михаил Соловов. [357] Продолжались аресты и в группах «Хельсинки»: Виктор Некипелов в Москве, [358] Ярослав Лесив и Виталий Калиниченко на Украине. [359] Не сразу эти аресты были осознаны как решительный поворот от сравнительной сдержанности к тотальному, последовательному искоренению любого проявления гражданской независимости. Поначалу они были восприняты как всплеск репрессий, неизбежный в связи с приближением Московской олимпиады. Однако вторжение советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и высылка А. Сахарова в Горький в январе 1980 г. [360] не оставили сомнений, что это — не очередной зигзаг политики разрядки, а крутой поворот внешней и внутренней политики СССР в сторону от нее.

По отношению к Сахарову была применена та самая мера пресечения его общественной активности, которая планировалась в 1977 г., — высылка (см. стр. 257) — незаконная сама по себе, так как была она осуществлена без суда и

даже без какого-либо официального предписания, по устному сообщению чиновника из прокуратуры.

«Мягкость» меры с самого начала была обманчивой. Высылка на самом деле превратилась в строгий арест (даже не домашний, поскольку осуществлен он в Горьком, а не в квартире Сахарова в Москве), без права переписки и свиданий. Условия этого ареста становились год от года все более жесткими, а поведение стражей — все более наглым. [361]

Расправа с Сахаровым была как бы сигналом, что отпали ограничения в репрессивной политике, налагавшиеся необходимостью считаться с Западом. Советские правители рассудили, что санкции Запада за вторжение в Афганистан вряд ли существенно усилятся, если одновременно расправиться с теми, кого до сих пор трогать не решались. Если прежде известность на Западе была некоторым, хоть и ненадежным заслоном, то после краха разрядки это стало признаком, по которому выписывались ордера на арест.

Отличие репрессий, начавшихся в 1979 г., от всех прежних — в одновременном наступлении сразу на все направления инакомыслия, причем всюду репрессии распространялись в первую очередь на открытые общественные ассоциации и всюду метили прежде всего по ключевым фигурам, а также по «связным» в неподконтрольном властям механизме распространения идей и информации, хорошо налаженном к этому времени: информация шла со всех сторон в Москву, из Москвы — на Запад и оттуда — обратно в СССР через радиостанции и тамиздат. Такая стратегия репрессий обусловила их направленность на ведущих правозащитников, на ядро движения в Москве и его «ответвления» по стране.

Московские правозащитники подходили под намеченные для арестов категории сразу по нескольким признакам: в Москве сосредоточились почти все открытые ассоциации, ведущие правозащитники или входили в эти ассоциации или тесно сотрудничали с ними. В этот круг сходилась самая разнородная нежелательная для властей информация — со всех сторон, ото всех движений, именно отсюда уходила она на Запад. Московские диссиденты были также основными получателями и распространителями тамиздата.

В 1980 г. попали в заключение 23 москвича, к концу 1981 г. — еще 11 — самые уважаемые, самые опытные, самые активные участники правозащитного движения.

После арестов Татьяны Великановой и Александра Лавута [362] не осталось на свободе членов старейшей правозащитной ассоциации — Инициативной группы защиты прав человека в СССР. После ареста Глеба Якунина прекратил работу Христианский комитет — центр правозащитной борьбы православных, ставший связующим звеном между верующими разных исповеданий в их общей борьбе за свои права. Перестал выходить журнал «Поиски» после ареста четырех членов его редакции. [363] В начале 1981 г. был арестован последний находившийся на свободе член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях (см. стр. 260-261).

6 сентября 1982 г. под угрозой ареста старейшей участницы Московской Хельсинкской группы Софьи Каллистратовой двое последних оставшихся на свободе членов Группы (Елена Боннэр и Наум Мейман) зявили о прекращении своей деятельности. [364]

В течение 1980 г. были арестованы ведущие деятели всех национальных движений, а также всех незарегистрированных церквей (см. об этом в соответствующих главах) Исключение составляла лишь Литовская католическая церковь. Хотя

и среди ее активистов были аресты, однако до конца 1982 г. не решились тронуть ни одного из священников, входивших в Католический комитет по защите прав верующих, а сосредоточили огонь на национальном литовском движении — главным образом на его самиздатской периодике, и на Литовской Хельсинкской группе.

Ужесточение репрессивной политики проявилось в увеличении женских арестов. Раньше они были редкостью, особенно в Москве, которая более всего на виду. Здесь с 1968 г. по 1978-й было 9 женских арестов. Лишь один из них окончился лагерным сроком (в 1 год); остальных женщин или осудили на ссылку, или признавали невменяемыми или даже освобождали до суда. [365] Новый этап репрессий начался с ареста Татьяны Великановой — женщины, имевшей внуков. Она была осуждена на 4 года лагеря строгого режима и 5 лет ссылки. За ней последовала 60-летняя Мальва Ланда (член МХГ) — 5 лет ссылки. [366]

В 1982 г. в лагерях находилось более сотни женщин, осужденных по идеологическим мотивам. [367]

Особенно зловещим признаком репрессий начала 1980-х годов стали повторные аресты политзаключенных перед самым окончанием срока или сразу после освобождения. Практика повторных арестов широко использовалась в сталинские времена и не исчезала никогда, но до 1980 г. такие случаи были единичными, в 1980 г. они участились, а затем, как при Сталине, вошли в систему почти без «сбоев», особенно на Украине. После 1980 г. ни один участник Украинской Хельсинкской группы не вышел на свободу по окончании назначенного приговором срока — все получили снова равные по продолжительности или более продолжительные лагерные сроки. Те же, кто освободился до 1981 г., в 1981-1982 гг. перекочевали обратно в лагеря (см. главу об Украине, стр. 31). Повторные осуждения постепенно распространились с Украины по всей стране. Новые аресты назначались не за новые деяния, а были как бы продолжением наказания сверх назначенного судом приговора, и грозили каждому, кто оставался верен своим убеждениям. Формально предъявлялись обвинения по незамаскированно сфабрикованным делам — от «антисоветской агитации» в лагере до «попытки изнасилования» и «сопротивления представителю власти» на свободе. [368]

Увеличение числа арестов сочеталось с резким ужесточением приговоров. Особенно потрясают сроки повторникам — многие получили максимум при вторичном осуждении по статье 70 — 10 лет лагеря особого режима плюс 5 лет ссылки, что налагалось на прежний срок, тоже обычно многолетний. Так, у Анатолия Марченко, арестованного в марте 1980 г., новый 15-летний срок наложился на прежние 15 лет неволи. [369]

Судьи стали просто щеголять нарушением элементарных правил судопроизводства. Стало частым явлением лишение обвиняемого последнего слова. [370] Из-за этого распространился в самиздате новый документальный жанр — заявления на случай ареста. Такие заявления оставили Анатолий Корягин, Виктор Некипелов, Феликс Серебров, Иван Ковалев. [371] Эти заявления, как и последние слова на суде, — поразительные человеческие документы, свидетельствующие, что жертвы политических преследований — лучшие граждане советского государства, бескорыстные, благородные и смелые люди.

И еще одна особенность судов в 80-е годы: невозможность найти адвоката, согласного защищать обвиняемого по политическим мотивам, так как это стало опасно для самого адвоката. Обычной на политических процессах стала самозащита [372] или ведение дела назначенным адвокатом. [373] Неожиданно оказа-

лось, что среди них есть готовые честно исполнить свой профессиональный долг — с их стороны нередки требования оправдания подзащитного. [374]

Наступление карательных органов сказалось и в местах заключения — там очень посуровел режим. 62-я «Хроника» (апрель — июль 1981 г.) первая за 14 лет, где сообщается о четырех попытках самоубийства в разных лагерях и по разным причинам. [375] Это — следствие введения системы наказаний за малейшие отступления от чрезвычайно суровых «правил внутреннего распорядка», — отступления, без которых немыслима человеческая жизнь, а еще более — следствие участившихся случаев унижения человеческого достоинства политзэков. Стал невыносимым по граду вздорных придирок контроль за перепиской заключенных с родными. Из писем по подозрению в «подтексте» стали вымарывать любую информацию о текущей жизни в лагере, о настроениях адресата, даже жалобы на здоровье. В стремлении пресечь утечку из лагерей нежелательной информации о тяжести быта политзаключенных были резко сокращены свидания с родными, они из регулярно осуществляемого права превратились в редкую удачу.

Положение в стране, создавшееся в результате новой карательной политики, Анатолий Марченко в последнем слове на суде охарактеризовал как гражданскую войну правителей против народа. [376]

* * *

Похоже, план «усмирения», начавшегося в конце 1979 г., был рассчитан на 2 года. На это указывает необычная статья зам. председателя КГБ Семена Цвигуна в журнале «Коммунист» за сентябрь 1981 г. Цвигун как бы отчитывается, что

> *«...маскировавшиеся под «правозащитников» и «поборников демократии» антиобщественные элементы ныне разоблачены и обезврежены».* [377]

Разумеется, «разоблачать» эти «элементы» не было нужды — они выступали открыто. Что касается «обезвредили», то на языке Цвигуна это означает «арестовали». В этом смысле план, спущенный КГБ, видимо, был выполнен, а то и перевыполнен.

По замыслу 1977 г. (см. стр. 257) предполагалось, что для прекращения независимой общественной деятельности в СССР достаточно выслать из Москвы Сахарова и арестовать 50 наиболее активных диссидентов. К 1982 г. в заключении оказались почти столько членов Хельсинкских групп (47 человек), а с принужденными к эмиграции — более 50. Общий же итог арестов за 1979-1981 гг. был в 10 раз больше, чем намечалось в 1977 г. для полного избавления от инакомыслия. Эти 500, как и было задумано, — самые уважаемые, самые активные: члены правозащитных ассоциаций; издатели информационных и публицистических периодических самиздатских журналов; авторы смелых самиздатских произведений; кто передавал информацию о беззакониях из разных мест московским правозащитникам, и те, кто передавал эту информацию на Запад.

Цвигун утверждает в своей статье, что эти репрессии принесли результат, на который рассчитывали их организаторы: правозащитное движение более не существует. Это утверждение можно принять лишь с очень существенной корректировкой: вследствие обрушившихся на него репрессий правозащитное движение перестало существовать в том виде, каким оно было в 1976-1979 гг.

Тогда его опорными пунктами были открытые ассоциации, затем разрушенные репрессиями. Более того, к 1982 г. перестал существовать в прежнем виде тот московский круг, который был зародышем правозащитного движения и стал его ядром в 1970-е годы — его тоже разрушили аресты и выталкивания в эмиграцию.

До начала 80-х годов этот круг ведущих деятелей правозащитного движения, спаянных многолетней совместной работой, представлял правозащитное движение перед своими соотечественниками и перед всем миром, хранил его дух и традиции, обеспечивал преемственность его опыта. Разрушение этого круга — болезненно чувствительная потеря не только для движения за права человека, но для всех течений инакомыслия в Советском Союзе, так как именно этот круг способствовал их консолидации, его влияние помогло им сплотиться под хельсинкским флагом и приобрести международную известность. К 1982 г. этот круг перестал существовать как целое, сохранились лишь его осколки.

Говоря о состоянии правозащитного движения в начале 80-х годов в военных терминах, — армия осталась без генералов и даже без офицеров. Разгром такой армии неминуем. Но военная терминология не применима к правозащитникам. Они не солдаты, а Сахаров и его друзья — не генералитет. Никто из них никому ничего не приказывал, никогда никем не руководил. Что и как делать, каждый решал сам за себя — что он может, а что выше его сил (не только в смысле способностей, но и в смысле готовности к самопожертвованию). Так было на протяжении всей истории правозащитного движения, и именно поэтому удаление из Москвы его ведущих деятелей не прервало правозащитной работы.

Критики правозащитного движения часто указывали как на его основной недостаток на отсутствие организационных рамок и структуры подчинения. В годы активизации движения это действительно отрицательно сказывалось на его возможностях. Но при разгроме ядра именно это сделало движение неистребимым и при снижении активности работы все-таки обеспечило выполнение его функций.

Продолжала выходить «Хроника текущих событий». В феврале 1981 г. при подготовке 59-го выпуска на обыске у Леонида Вуля (32 года, окончил филологический факультет МГУ, работал точильщиком ножей в столовой) был изъят макет выпуска, что давало возможность легкой идентификации по почеркам состава тогдашней редакции «Хроники». Редакция заявила о своем самоотстранении от дальнейшей работы над «Хроникой». 59-й выпуск в свет не вышел. Но «Хроника» не прекратилась — ее издание продолжила новая редакция. [378]

К концу 1983 г. вышли 64 выпуска «Хроники текущих событий». Однако оперативность этого издания снизилась еще до арестов 1980 г., из-за все увеличивающегося объема информации, поступавшей в редакцию и неподъемного для нее в тех условиях, в которых приходится работать. Это породило в добавление к «Хронике» еще два информационных звена. Появился Бюллетень «В» — видимо, первая буква от слова «Вести». Этот бюллетень формировался два-три раза в месяц из поступавших «сырых» новостей. Он печатался всего в нескольких экземплярах — не для широкого распространения, а для тех, кто сам занимается сбором и обработкой информации о положении с правами человека в СССР. Это было как бы подсобное издание. Ответственность за Бюллетень «В» взял на себя на суде Иван Ковалев — он заявил, что он является его создателем. Лишь начиная с января 1983 г., с № 94/95, Бюллетень «В» был открыт для распространения.

В феврале был арестован бывший политзаключенный Сергей Григорьянц, его подозревали в выпуске Бюллетеня «В». Григорьянц был осужден на 10 лет лагеря.

В мае, в выпуске № 105, редакция заявила о прекращении Бюллетеня «В». Этого добились тем же способом, что и в 1972 г. по отношению к «Хронике»: под угрозой ареста подозреваемых в близости к редакции, если выпуск бюллетеня не будет прекращен. [379] Однако, начиная с конца 1978 г., параллельно «Хронике» и Бюллетеню «В» стали выходить «Вести из СССР». [380] Это информационный листок на 6-8 машинописных страницах, выходящий два раза в месяц. Информация в «Вести» поступает из тех же источников, что и в «Хронику», но составляются «Вести» не в СССР , а за рубежом. Осуществляет это издание Кронид Любарский, эмигрировавший участник правозащитного движения, бывший политзаключенный. Этот способ придуман не правозащитниками. Как известно, первая неподцензурная русская газета выходила в Лондоне (я имею в виду «Колокол» А. Герцена, издававшийся в 1857-1867 гг.).

Благодаря введению в информационную сеть «Вестей из СССР» сообщения правозащитников стали поступать в оборот гораздо оперативнее, чем когда бы то ни было ранее. Начальные звенья этой цепи — сбор информации на местах и передача ее в Москву, а затем на Запад, несмотря на аресты не были утрачены — вернее, они многократно восстанавливаются, затягивая созданные арестами лакуны. В 60-м выпуске «Хроники» содержится информация более чем из 90 пунктов, в 62-м — из 142, там названы 756 фамилий. В 63-м выпуске — информация из 141 пункта, названа 1141 фамилия. Чтобы вся эта информация была собрана, обработана и издана, трудилось немало людей, и каждый вверял свою судьбу тем, с кем сотрудничал над созданием «Хроники», каждый рисковал своим благополучием и свободой.

Продолжалась работа Фонда помощи политзаключенным, хотя его сотрудники тоже находились под постоянным давлением. С момента создания Фонда (см. стр. 314) сменилось несколько его распорядителей. Александр Гинзбург в феврале 1977 г. перед арестом назвал своих преемников: Мальва Ланда, Татьяна Ходорович и Кронид Любарский. К концу 1977 г. Любарский и Ходорович оказались в эмиграции, их сменила жена Гинзбурга Ирина Жолковская. После ее эмиграции в феврале 1980 г. (в связи с освобождением Гинзбурга в числе пяти политзэков, обмененных правительством США на двух советских шпионов) единственным распорядителем Фонда стал Сергей Ходорович. Он был арестован в апреле 1983 г., и его заменил Андрей Кистяковский, вскоре смененный на этом посту Борисом Михайловым. [381]

В декабре 1981 г. был арестован необъявленный сотрудник Фонда ленинградец Валерий Репин. Он выдал архив Фонда и таким образом стало известно, кто из родственников политзаключенных получал помощь. На допросах в Москве, в Ленинграде, в Прибалтике и на Украине был проведен массовый шантаж жен и матерей политзэков: кагебисты представляли дело так, что полученные от Фонда деньги — это якобы плата за информацию из лагерей, поставляемую за рубеж Крониду Любарскому в издаваемые им «Вести из СССР» и, конечно же, для иностранных разведывательных служб. [382] Однако и в этих условиях Фонд продолжал свою работу.

Таким образом правозащитное движение и после разрушения его ядра оказалось способным выполнять свои основные функции, хотя активность его снизилась до уровня дохельсинкского периода. Работа эта легла на плечи немногих участников движения, избежавших ареста. В основном это был «второй эшелон» — люди, выполнявшие прежде подсобную работу, а теперь заместившие

своих друзей, которым они прежде помогали, и нашедшие новых людей на свои прежние роли. Имена этих новых замелькали наряду с привычными под правозащитными документами, которые в эти годы появлялись после каждого ареста. С начала 80 гг. таких документов стало больше, так как аресты лавинообразно увеличивались, но число подписей под ними сократилось, тоже примерно до «дохельсинкского» уровня. Среди этих открытых обращений — протест против советского вторжения в Афганистан (документ № 119 Московской Хельсинкской группы) — его, кроме членов Группы, подписали 9 человек, среди них — А. Д. Сахаров — это было последнее коллективное заявление, подписанное им до высылки в Горький; [383] протесты против высылки Сахарова (такие протесты поступили от Московской и Литовской хельсинкских групп, от Инициативной группы по защите прав инвалидов и Католического комитета; кроме того, было несколько индивидуальных писем и два коллективных: общее с 50 подписями и письмо литераторов с 15 подписями. [384] Среди подписей под этими письмами заметную часть составляют новые. Это, конечно, уже сложившиеся, твердые приверженцы правозащитного движения — в период гонений и спада активности присоединяются лишь такие люди).

Невозможно хотя бы приблизительно определить численность нового притока и его динамику, но, похоже, к 1981 г. поредевшее московское сообщество заметно пополнилось. На демонстрациях 10 декабря обычное число участников — от 20 до 50, а в 1981 г. — 100 человек по осторожной оценке МХГ и около 200 — согласно другим источникам. [385]

После впечатляющей демонстрации 1976 г. власти стали препятствовать их проведению разными способами, варьируя меры из года в год: то обнесут памятник Пушкину и сквер вокруг него забором — «ремонтные работы», то проведут превентивные домашние аресты потенциальных участников демонстрации и задержания их на работе с помощью начальства. [386] В 1981 г. и превентивные аресты были широкими, и на площади Пушкина подготовились: все пространство у памятника было запружено дружинниками и кагебистами в штатском. Лишь нескольким демонстрантам удалось протиснуться к памятнику и снять шапки. Около 50 человек были задержаны на подступах к Пушкинской площади и доставлены в ближайшее отделение милиции. Здесь они и провели демонстрацию — в назначенное время обнажили головы.

Видимо, не уменьшилось, а, может быть, даже увеличилось число приверженцев правозащитного движения за пределами Москвы.

Росту оппозиционных настроений способствовало ухудшение экономического положения в стране и непопулярная в народе внешняя политика СССР, особенно война в Афганистане. Это просвечивает в уже цитированной статье С. Цвигуна. Он пишет в свойственном советским руководителям стиле, что прежде иностранные разведки делали свою ставку на «лидеров», теперь же они пытаются оказать растлевающее влияние на массы, играя

> *«... на вопросах снабжения населения некоторыми видами продовольственных товаров, а также на отдельных недостатках в организации медицинского и бытового обслуживания трудящихся».* [387]

О настроениях в народе Цвигун, конечно, лучше информирован, чем «Хроника», несмотря на некоторое расширение ее информационных каналов.

Расширение географических пределов информации в «Хронике» произошло несмотря на почти поголовное удаление из Москвы известных правозащитников, что очень существенно сдерживало приток новых информаторов из провинции и нерусских республик — они просто не знали, к кому обращаться. Найти правозащитников было нелегко и в лучшие времена. «Хроника» № 53 (август 1979 г.) сообщает об усилиях, предпринятых жителем г. Северодвинска А. Рустамовым: узнав несколько имен из радиопередач, он пять лет подряд приезжал в Москву и обращался в справочное бюро и в милицию, разыскивая этих людей, но безуспешно. Лишь летом 1979 г. ему помог связаться с Московской Хельсинкской группой посетитель Приемной Верховного Совета СССР. [388] Почти полное исчезновение возможных адресатов таких обращений очень затруднило сохранение информационной «цепочки».

* * *

В хельсинкский период правозащитное движение выдвинулось в сложном конгломерате оппозиционных сил, заинтересованных в демократизации советского общества, на роль их собирателя, объединителя. Хотя его ведущие деятели вовсе на это не претендовали, другие движения стихийно сгруппировались именно вокруг правозащитных открытых ассоциаций на общей идеологической основе, которой стало требование соблюдения гражданских прав. Но хельсинкский период продемонстрировал также, что стихийно сформировавшиеся организационные формы работы правозащитников, хорошо приспособленные для выживания движения в периоды усиления репрессий, недостаточны для успешного осуществления его объединительной роли в период активизации независимой общественной жизни. Кустарность организационных форм правозащитного движения может стать тормозом общего успеха при наступлении нового периода такой активизации.

Беззащитность открытых ассоциаций перед репрессиями, обнаружившаяся как только советские правители перестали считаться с Западом, не могли не породить разочарования во всегда проповедовавшейся правозащитниками открытости и мирных методах независимой общественной деятельности и не вызвать сомнений в разумности ориентации на поддержку Запада.

Установка на объединительную роль правозащитного движения в благоприятный для инакомыслящих период в будущем требовала соответствующей корректировки идеологии, ее конкретизации и в то же время расширения: разработки подхода к национальным проблемам, большего внимания к экономическим проблемам советского общества и т.д.

Здесь нова сама постановка вопроса.

Зачинатели правозащитного движения постоянно подчеркивали, что оно — «вне политики», что их цель — не какой-то результат в будущем, а лишь продиктованное возмущенным нравственным чувством нарушение рабьего молчания сейчас, по каждому случаю попрания человеческих прав и достоинства человека, несмотря на отсутствие надежды на преодоление зла в данном конкретном деле и безотносительно к тому, возможен ли успех в будущем.

Но ветеранов-правозащитников стараниями КГБ почти не осталось на свободе, а новые люди по-иному отнеслись к доставшемуся им наследию.

Правозащитное движение в начале 80-х годов изменилось не только в персональном плане, но и по социальному составу. Его зачинатели в подавляющем большинстве принадлежали к московской творческой и гуманитарной интеллигенции. Постепенно к ним примыкали техническая интеллигенция и рабочие. В хельсинкский период новый приток дала в основном техническая интеллигенция, «белые» и «синие» воротнички. Эти прослойки заметно увеличились даже среди московских правозащитников, а в провинции с самого начала правозащитники были из этих социальных страт. Увеличение доли активистов из провинции в общем составе правозащитников соответственно повлияло на их социальный состав. В этом же направлении работало сближение правозащитного движения с другими движениями инакомыслящих и переход некоторой их части в правозащитное движение — большинство их участников тоже принадлежали к этим трем стратам.

Начиная с 1976 г. среди арестованных по политическим мотивам более 40% приходилось на рабочих, а вместе с технической интеллигенцией и «белыми воротничками» они составляли внушительное большинство.[*]

Однако представляли правозащитное движение перед соотечественниками и перед Западом по-прежнему выходцы из московской интеллигенции, по ним судили о правозащитном движении и внутри страны и вне ее. Эти люди создали правозащитному движению его престиж, выделили его среди остальных, так что зачастую происходило смешение терминов, и правозащитниками называли всех инакомыслящих в СССР, представляя их себе такими же, какими были наиболее известные правозащитники. Начиная с 1981-1982 гг. почти полностью сменились и они, это было уже новое поколение участников движения. Эти новые люди в большинстве не удовлетворялись лишь нравственным противостоянием, пафос которого культивировался зачинателями правозащитного движения. Новые люди хотели пусть не немедленного, но практического результата своей борьбы, они искали пути его достижения.

Это привело к изменению духа движения, его изначальных импульсов, его установок. Возможно, в будущем это будет способствовать преодолению слабых сторон движения, поможет его практическим успехам, но в начале 80-х годов изменение первоначального состава больше ощущалось в понижении нравственного и интеллектуального уровня правозащитного движения.

Новые люди начали в самиздате дискуссию о будущем правозащитного движения и о его приспособлении к стоящим перед ним задачам, о преодолении недостатков, выявившихся в хельсинкский период. Эти проблемы волнуют не только правозащитников, но и активистов других движений и просто думающих людей, которым небезразличны судьбы страны. Среди участников дискуссии в самиздате есть и симпатизирующие правозащитникам и враждебные им — это определяется, как правило, общей установкой автора: в том, видит ли он благо в демократическом развитии СССР или отрицает его пригодность для советского общества. Далеко не всеобщим является признание правозащитного движения единственной силой, способной сыграть объединяющую роль разнородных оппозиционных элементов, стоящих на демократических позициях. Хельсинкский период, выявивший объединительную способность правозащитного движения,

---

[*] Только «вторая культура» в Ленинграде сохранила свой первоначальный социальный состав, большинство ее деятелей по-прежнему принадлежат к гуманитарной интеллигенции.

был слишком короток. К тому же многим заметнее была слабость движения и неприспособленность его деятелей к той ведущей роли, в которой они неожиданно для себя оказались, чем потенциальные возможности правозащитной идеологии в пестром советском обществе. Однако среди доброжелателей правозащитного движения почти единодушна вера в его неизбывность и заинтересованность в преодолении его слабостей. [389]

Неизбежным последствием расправы с открытыми ассоциациями было оживление надежд на подполье, особенно среди молодежи. Видимо, подпольные группы возникли в начале 80-х годов в провинции и даже в Москве, где их не было более 15 лет. О нынешних подпольщиках свидетельствуют листовки и надписи, появляющиеся время от времени. Так, в сентябре 1981 г. в Новочеркасске распространялись листовки с призывом

> *«... потребовать от нашего правительства не вмешиваться во внутренние дела других государств»,* [390]

а в годовщину Октябрьской революции в том же 1981 г. в Москве на улице Жуковского появились надписи: «Свободу Польше и Афганистану!» и лозунги против всевластия КПСС [391] — таких случаев известно немало.

С 1980 г. в самиздате вышло несколько документов программного характера. Они исходили от групп, название которых включает слова «демократия», «демократический», и которые не сообщают ни имен, ни даже численности своих членов, только место создания группы: Украина, [392] Прибалтика, [393] Москва. [394] Характерно, что в датированном июлем 1981 г. заявлении о создании в Москве «Инициативной группы за народную демократию» очерк истории независимого общественного движения начинается с 70-х годов и с открытых ассоциаций. Авторы заявления подпольной ИГ расценивают свой отказ от открытости и замену правозащитных целей политическими («установление народной демократии») как следующий, более совершенный этап движения инакомыслящих. Им просто неизвестно, что подпольные кружки были довольно широко распространены в СССР с середины 50-х годов и до середины 70-х и за 20-летие не оставили по себе никакого следа, что это — пройденный этап, не оправдавший себя.

Однако анонимность общественной деятельности стала свойственна в 80-х годах не только «зеленой» молодежи из-за ее неопытности — к анонимности вынуждены были прибегнуть после арестов их членов и некоторые открытые ассоциации.

После ареста основателей Христианского комитета Глеба Якунина и Виктора Капитанчука оставшиеся на свободе члены Комитета заявили, что он пополнился новыми членами, но назвали только их численность, не сообщая фамилий, так как справедливо полагали, что в противном случае новые члены Комитета тоже будут арестованы (см. стр. 183-186).

Московская Хельсинкская группа и Фонд помощи политзаключенным не делали таких заявлений, они просто отказались от формальной кооптации новых членов, хотя, конечно, и в эти ассоциации пришли новые люди на смену утраченным сотрудникам. Таким образом эти группы стали включать и объявленных и анонимных работников. Созданная летом 1980 г. правозащитная группа пятидесятников объявила лишь число своих членов, но не их фамилии (см. стр. 162-163) и т.д.

Правозащитники вовсе не настаивают на полной открытости всякой деятельности, они лишь утверждают, что открытая деятельность необходима для нравственного здоровья общества, без нее оно задохнется, и сами показывают пример подвижничества и самопожертвования ради продолжения такой деятельности даже в самых неблагоприятных условиях.

С тенденцией к уходу в подполье и к анонимности сосуществует неуничтожимое стремление к открытым формам общественной активности, рвущейся наружу, постоянно заталкиваемой внутрь усилиями карательных служб и все-таки не прекращающаяся.

В ноябре 1980 г. семеро московских литераторов (Филипп Берман, Евгений Клементович, Евгений Козловский, Владимир Кормер, Евгений Попов, Дмитрий Пирогов и Владимир Харитонов) послали в Моссовет заявления с предложением создать при Моссовете клуб «Беллетрист» для молодых, не печатавшихся литераторов с независимым журналом «Каталог». Они составили первый сборник этого журнала для обсуждения в клубе. Через несколько дней к ним пришли с обысками, изъяли этот журнал, а заодно и их литературные архивы и самиздат. [395] В декабре 1981 г. был арестован Евгений Козловский, который опубликовал две свои повести в русском журнале «Континент», выходящем в Париже. [396] Его освободили до суда после покаянного письма в газету, [397] но о клубе речь более не шла.

Такая же попытка создания независимого клуба литераторов имела место в Иркутске и с таким же результатом — там был арестован писатель Борис Черных. [398]

Однако в Ленинграде события развивались успешней. 7 декабря 1980 г. деятели «второй культуры» объявили о создании профсоюза работников творческого труда и 20 декабря провели конференцию авторов и редакторов самиздатских журналов. [399] После долгой торговли с КГБ состоялся компромисс: о профсоюзе забыли, зато начались переговоры о создании городского комитета литераторов при Ленинградском отделении Союза писателей. Группа неофициальных литераторов по предложению работников КГБ написала примерный устав горкома. [400] Заказчики сочли его слишком неортодоксальным. К концу 1981 г. после долгих переговоров был создан Клуб-81 при доме-музее Достоевского, объединивший авторов и редакторов самиздатских журналов [401] — видимо, кагебисты сочли удобным для себя такой путь контроля. Возможно, к этому решению подтолкнули их перипетии с независимым женским клубом «Мария».

Этот клуб возник в начале 1980 г., сразу после разгрома журнала «Женщина и Россия», редакторы которого — Юлия Вознесенская, Татьяна Горичева и Наталья Малаховская — были отправлены в эмиграцию. [402] Клуб стал издавать журнал «Мария». [403] В отличие от остальных ленинградских журналов, традиционно далеких от «политики», «Мария» имеет критическую направленность и посвящена очень близким к жизни проблемам положения женщины в советском обществе. Членов клуба замучили обысками и допросами, а Н. Лазареву и Н. Мальцеву арестовали. [404]

В Москве в начале 1982 г. была предпринята попытка создать чисто правозащитную группу «Гласность» с очень скромной задачей — оглашать случаи нарушения правил рассмотрения жалоб трудящихся в официальные инстанции. Инициаторы создания этой группы Всеволод Кувакин и Михаил Иконников имели в виду не кооперироваться ни с правозащитниками, ни с «заграницей» и направ-

лять бюллетень Группы только в официальные учреждения. Однако замысел был пресечен в апреле 1981 г. изъятием на обыске у Иконникова материалов так и не родившейся группы. [405]

Видимо, попытки создания неофициальных ассоциаций стали довольно распространенным явлением в СССР, так как в статье С. Цвигуна, на которую я уже ссылалась, он пишет о попытках создания

> *«...в противовес существующим общественным объединениям и организациям трудящихся различных «союзов», «обществ», «клубов», «театров», «семинаров» из антиобщественных элементов».* [406]

Единственная открытая независимая группа, объявленная в Москве в 1981 г., — Группа разделенных супругов. Эту группу создали люди, состоявшие в браке с иностранцами. Только длительные голодовки летом 1982 г. помогли большинству членов группы добиться разрешения на выезд. [407]

4 июня 1982 г. в Москве возникла открытая общественная группа, которая, возможно, станет началом нового направления усилий независимой общественности — Группа за установление доверия между СССР и США (см. стр. 132 в главе «Еврейское движение на выезд в Израиль»). Эту группу создали 11 советских граждан, в большинстве — отказники. Цели группы совпадают с целями многомиллионного движения за мир на Западе, но самое важное — они встретили понимание в собственной стране: декларация группы была распространена в Москве, в Ленинграде, Риге, Таллинне, Нальчике, Рыбинске и Владимире и под ней поставили подписи более 900 человек. Такие же группы возникли в Ленинграде, Одессе и Новосибирске. [408] Это немало, если учитывать, что выступившие в поддержку нежелательной властям Группы — это те, кто не просто поддерживает ее цели, но и не боится заявить об этом.

Все попытки создания открытых ассоциаций, сделанные в начале 80-х годов, были вне сложившегося круга правозащитников; каждая из них имеет свою цель, но все они представляют собой осуществление гражданских прав явочным порядком и используют опыт, накопленный правозащитниками.

Для самиздата 80-х годов тоже характерна разнонаправленность, пестрота мнений и приток новых сил на место разгромленных.

В 1979 г. стал выходить социалистический, неомарксистский журнал «Левый поворот» (1981 г. он сменил название на «Социализм и будущее»), в 1980 г. — тоже социалистический журнал — «Варианты». Это показывает, что социал-демократическое направление, господствовавшее в ранней самиздатской публицистике и почти замершее к середине 70-х годов, нашло новых сторонников. Эти журналы не объявляли имена своих составителей, их авторы выступали под псевдонимами.

6 апреля 1981 г. в связи с изданием этих журналов были арестованы шестеро московских интеллигентов (Андрей Фадин, Борис Кагарлицкий, Павел Кудюкин, Юлий Хавкин, Владимир Чернецкий и Михаил Ривкин) и Андрей Шилков из Петрозаводска. Их обвинили в «антисоветской пропаганде», однако заступничество руководителей западных компартий и согласие «раскаяться» привело к освобождению от суда всех, кроме Шилкова и отказавшегося от раскаяния Ривкина. [409]

С другой стороны, в Москве в том же 1981 г. стал выходить журнал «Многие лета» под редакцией «национал-большевика» Геннадия Шиманова; его имя стоит на обложке журнала (см. главу «Русское национальное движение», стр. 325-326). Между этими крайними мировоззренческими точками — неомарксизмом и взглядами Шиманова — расположился весь спектр идей самиздатских авторов. Как и следовало ожидать, приверженцев крайних точек зрения немного. Общий тон самиздатской публицистики остался демократическим, либеральным, терпимым, плюралистическим.

Из информационных изданий самиздата к концу 1983 г. сохранилась лишь «Хроника текущих событий», из толстых московских журналов — лишь исторический сборник «Память» (см. стр. 264-265). На место разгромленного журнала «Поиски» в 1980 г. пришел тонкий журнал «Поиски и размышления». Новый журнал, как и «Поиски», назвал себя «свободным московским журналом» и принял двойную нумерацию, — его первый выпуск имел номер 9 и в скобках (1). Редколлегия «Поисков и размышлений» заявила, что она рассматривает свою деятельность как прямое продолжение «Поисков» — негосударственного, непартийного журнала,общественной трибуны, которая предоставлена всем направлениям политической, религиозной и философской мысли. Однако редколлегия «Поисков и размышлений» отказалась от «героически открытой» позиции редакции «Поисков», объявившей имена и адреса своих участников.

> *«Такая позиция, несомненно, благородна, но представляется практически неосуществимой», —*

писали члены редколлегии «Поисков и размышлений». [410] В 1980-1981 гг. вышли 8 выпусков этого журнала.

В 1979 г. стал выходить журнал «Поединок», публиковавший переводы материалов из западной прессы, интересные советскому читателю, но недоступные ему; [411] но и он из-за преследований прекратился на 4-м выпуске.

Вместо не увидевшего свет «Каталога» в 1981 г. стал выходить альманах «Наш современник» — с анонимной редакцией и авторами, печатающимися под псевдонимами. [412]

Выдающимся событием в самиздате начала 80-х годов стал «сахаровский сборник», выпущенный к 60-летию Андрея Дмитриевича и опубликованный позднее издательством «Хроника» в Нью-Йорке. [413]

На обложке — фотография Сахарова, распространявшаяся в Москве в день его рождения (21 мая) в виде листовки — было роздано более 5 тысяч фотографий. [414] Составители сборника пишут, что в нем объединились авторы разных поколений, литераторы и ученые, верующие и атеисты — все наше пестрое время, которое Владимир Корнилов назвал «сахаровским». [415] В сборнике собраны поздравления Сахарову — «слова любви, высказанные вслух» (Г. Владимов, Л. Чуковская, В. Войнович, Г. Померанц, свящ. С. Желудков и др.) — и оценка современниками жизненного подвига Сахарова, его роли в духовном раскрепощении, прозрении нашего общества, его облагораживающего влияния на мир. Кроме приветствия и посвященных Сахарову литературных произведений в сборник включены отзывы специалистов о научной деятельности Сахарова, отрывки из его собственных статей и статистическое исследование об отношении советских людей к общественной деятельности Сахарова.

Самиздат 80-х годов обогатился несколькими статьями самого Сахарова, среди них — «Ответственность ученых» и «Открытое письмо академику Александрову». [416] Обращаясь к коллегам в СССР и на Западе, Сахаров призывает их исполнить долг каждого ученого — выступить в защиту справедливости, высших интересов человечества и конкретных жертв насилия. Несколько статей Сахарова, написанных в Горьком, посвящены проблемам сохранения мира. [417]

В Ленинграде продолжались возникшие в 1976 г. «37» и «Часы», а также реферативный журнал самиздата «Сумма» (1979 г.). К ним прибавились: «Северная почта», «Метродар», «Северная Пальмира», «Диалоги» и журнал женского клуба «Мария» (вышло два выпуска). [418]

Если раньше московская самиздатская публицистика была почти сплошь политической, а ленинградская — почти сплошь философской и религиозной, то в 80-е годы в московском самиздате появилась философская и религиозная струя, а в ленинградской — политическая, они сблизились.

Прежде правозащитные документы и работы либерального толка почти полностью исчерпывали содержание самиздатской публицистики. В 80-е годы к ним добавился поток религиозной и философской литературы, более всего — православной и шире — христианской, но и другой самиздат вплоть до учения мантра-йоги. Из политических направлений в самиздате стало заметным русское национальное. Оно представлено всеми оттенками: работы в духе патриотизма — национализма — шовинизма. Самиздат отражает колоссально возросший интерес к отечественной истории и истории вообще, что указывает на работу над сознанием настоящего и отражает размышления о будущем страны. [419] На эти же процессы указывает появление в самиздате социологических опросов на такие темы, как отношение к польскому профсоюзу «Солидарность», [420] к правозащитному движению, к Сахарову. [421]

Из этих опросов (к сожалению, несовершенных из-за трудных условий их проведения) выяснилось, что около 60% населения не осведомлены о теме опроса и равнодушны к ней, а осведомленные делятся приблизительно поровну на относящихся положительно и относящихся отрицательно. Это показывает, что среди людей, интересующихся общественными проблемами и ищущих соответствующую информацию, олицетворяемое Сахаровым правозащитное движение успешно «конкурирует» с могущественной партийно-государственной пропагандистской машиной.

Появились в самиздате прежде почти полностью в нем отсутствовавшие работы на практически ценные для читателей темы: например, инструкция Игоря Геращенко, как найти в телефоне подслушивающее устройство и обезвредить его. [422] Необычайна и статья С. Пробатовой о советских органах социального обеспечения, [423] заметки «простых работяг» о настроениях в их среде — письмо Михаила Зотова из Тольятти о собрании на молокозаводе по поводу польских событий и записки московского рабочего Николая Алексеева о штурмовщине, всяких «починах», об отношении к советской внешней экспансии и к «Солидарности» [424] и др.

С 1980 г. резко и повсеместно возросло число обысков. Их целью после почти полного искоренения открытых ассоциаций стал в основном самиздат. Только в Москве и только 6 апреля 1982 г. было более 50 обысков в связи с самиздатом и произошло 12 арестов [425] — беспрецедентные для столицы цифры за весь послесталинский период. Но репрессии бессильны справиться с распространением

самиздата, и это подтвердили результаты обысков в 80-е годы — самиздата было обнаружено больше, и он разнообразней, чем в прошлые годы. Наступление на самиздат велось не только в Москве, но и в Ленинграде, Калуге, Обнинске, Одессе, Воронеже, Киеве, Смоленске, Новосибирске, Иркутске, Куйбышеве, Свердловске, Красноярске, Калинине и др. городах. [426] И всюду находили самиздат. Техническая база его стала совершенней — не только машинопись, но и ксерокопирование, но особенно расширилось фотокопирование. В какой-то мере это объясняется усилением проникновения в страну в 70-е годы тамиздата. Самиздатская машинопись из-за плохого качества бумаги, ленты, копирки плохо поддается фотокопированию, а делать фотокопии с книг быстрее, чем перепечатывать их.

Обыски в Томске и в Калуге раскрыли «изготовителей» самиздата. На этих примерах можно представить особенности сети циркулирования неподцензурной литературы в больших городах.

В Калуге 20 августа 1980 г. состоялся обыск у 72-летнего пенсионера Георгия Георгиевича Демидова. У него изъяли пишущую машинку, письма и книги, написанные им в течение 20 лет.

В 1937 г. Демидов, тогда — доцент Харьковского университета, кандидат технических наук , был арестован по сфабрикованному политическому обвинению и пробыл 15 лет в колымских лагерях. После смерти Сталина он был реабилитирован, жил в Ухте, работал на заводе, а когда вышел на пенсию, поселился в Калуге. После освобождения он начал писать воспоминания. Его рукописи составляют много томов. Эти три книги под общим названием «От рассвета до сумерек», трилогия «Повести о 37-м годе» и два сборника рассказов «Чудная планета» (о колымской каторге) и «Неволя музы». Демидов не размножал и не распространял свои произведения, но друзьям давал их читать. Эти книги перекочевали в архивы КГБ. [427]

В 1981 г. с лета в Калужское КГБ стали вызывать на беседы выпускницу Калужского пединститута Татьяну Белову. По ее словам, кагебисты посоветовали ей прекратить встречи с ее знакомыми Анатолием и Светланой Верховскими. Но встречи эти продолжались, как и беседы Беловой в КГБ. По ее признанию, на допросах она не всегда бывала осторожна в высказываниях, но всегда говорила правду.

— Вы ведь сами говорите, что не скрываете своих убеждений, — оправдывалась перед друзьями Татьяна.

В результате она по окончании института получила назначение в одну из лучших школ Калуги, а Анатолий Верховский 27 апреля 1982 г. был арестован.

Анатолию Верховскому 38 лет. По образованию он — геолог. Впервые попал в поле зрения КГБ в 1978 г., тогда у него на обыске изъяли самиздат. После этого ему пришлось уйти с работы, и он стал работать сторожем. При аресте у Верховского снова обнаружили самиздат и тамиздат и черновики его собственных произведений. Он был осужден на 3 года лагеря общего режима за «клевету на советский строй».

В день ареста Верховского прошли обыски у его знакомых — два в Калуге, четыре в Обнинске, три в Москве и один — в Свердловске, куда перебирались Верховские — жена Анатолия Светлана уже была там.

Среди калужских друзей Верховского один — по специальности историк-архивист, тоже работал сторожем. И бригадиром сторожей был их приятель — член

Союза писателей. После ареста Верховского бригадиру посоветовали потихоньку уволиться, что он и сделал, подавшись в маляры.

Другой знакомый Верховского в Калуге, подвергнувшийся обыску, Дмитрий Марков. Он тоже историк-архивист, но работал фотографом. Он уже имел неприятности с КГБ в начале 70-х годов: Петр Якир дал на него показания, что Марков имел касательство к распространению «Хроники текущих событий». В 1982 г. у Маркова изъяли более 200 фотопленок самиздата и тамиздата. В феврале 1983 г. Марков был арестован (вместе с С. Григорьянцем). По этому делу, как и по делу Верховского, прошли многочисленные обыски в Москве, Калуге, Боровске и в Обнинске. Один из знакомых Верховского в Москве, подвергшийся обыску, — начальник отдела НИИ радиоэлектроники М. Середа — был сначала уволен из института, а затем арестован — за размножение самиздата на ксероксе. Многочисленные допросы пережили знакомые Верховского Елена Фролова (Калуга) и Олеся Запальская (Обнинск) — у Фроловой нашли рукописи Верховского, а у Запальской — самиздат и тамиздат в виде книг, машинописи, негативов и фотокопий — в протоколе было 277 наименований.

Дело Верховского как-то соприкасалось и с делом о Бюллетене «В» (Григорьянц) и в то же время — с делом о ксерокопировании религиозной литературы (см. главу «Православные», стр. 187-188). По этому делу, как и по делу Верховского, вызывали на допросы священника Валерия Суслова, который живет в Москве, а служит в Калуге. [428]

О начале «томского дела» сообщила «Хроника» № 63: 1 апреля 1981 г. пятеро сотрудников КГБ нагрянули с обыском в оранжерею цветочного хозяйства Томска и провели там обыск у сторожа С. Божко. Нашли несколько фотокопий с книг тамиздата. Провели допросы самого Божко и пятерых его знакомых, у них нашли самиздат и тамиздат. Видимо, какую-то ниточку кагебисты ухватили и до конца года разматывали клубок.

В декабре они провели сразу 32 обыска — у студентов и у преподавателей университета, у сотрудников научно-исследовательских институтов Томска. Эти обыски дали большой улов и самиздата и тамиздата — тоже в основном в фотокопиях. В течение двух месяцев то одного, то другого вызывали на допросы и, наконец, напали на след.

1 февраля 1982 г. были арестованы Валерий Кендель и Анатолий Чернышов.

Кенделю 35 лет, он закончил аспирантуру по кафедре философии в Томском университете и работал научным сотрудником в университетской лаборатории конкретных исторических исследований. Впервые его причастность к самиздату обнаружилась в 1980 г. Его уволили из лаборатории, и он стал работать на прокладке теплотрассы. Во время обыска по «тепличному делу» в апреле 1981 г. у него нашли самиздат, но тогда это осталось без последствий. На обыске в день ареста у него извлекли фотокопии религиозной и философской литературы.

Арестованному в один день с Кенделем Анатолию Чернышову около 40 лет. Он сотрудник Томской городской прокуратуры, заведовал лабораторией судебной экспертизы. Перед арестом у него провели обыск не только дома, но и на работе, и из служебного сейфа изъяли большое количество не только фотокопий, но и фотопленок с самиздатских и тамиздатских книг — по социологии, религии, философии, а также по йоге, каратэ и т.д.

В день ареста Чернышова и Кенделя прошли обыски у их знакомых более чем в 20 местах. Среди обысканных был Александр Ковалевский — 52-летний канди-

дат физико-математических наук, заведующий лабораторией биологии и биофизики в Томском университете. У него изъяли самиздат и тамиздат и в оригиналах и в фотокопиях — художественную литературу, информационные издания и т.д., а также фотоаппараты и пишущую машинку. Одновременно был проведен обыск у 50-летнего рабочего завода резиновой обуви Николая Карташова — у него тоже нашли и самиздат и тамиздат. На допросах Карташов объяснил, что это хранил у него Ковалевский (сын Карташова работал в лаборатории, которой заведовал Ковалевский).

9 февраля Ковалевский был арестован. А еще через месяц снова прошло несколько обысков и был арестован четвертый самиздатчик — историк Виктор Арцимович. Он работал переводчиком в томском институте геофизики. Кроме большого количества самиздата, у Арцимовича изъяли книги по философии и истории, тома сочинений Маркса и Энгельса на немецком языке с подчеркнутыми местами и заметками на полях и рукопись под названием «Противоречие на противоречии» — критический анализ работ Маркса. Впоследствии Арцимович был обвинен в авторстве этой работы.

Обыски и допросы по делу томских самиздатчиков прошли в Москве, Ленинграде, Красноярске, Омске и Барнауле. На допросах москвичей кагебисты интересовались не только их знакомствами в Томске, но и их эмигрировавшими друзьями — видимо, пытаясь найти пути проникновения в Москву, а из Москвы в Томск.

Можно проследить, что обыскам по «томскому делу» подверглись во всех городах участники самодеятельной комплексной экспедиции по исследованию Тунгусского метеорита и знакомые членов этой экспедиции. Эта экспедиция действует с 1958 г. Из Томска в ней принимал активное участие Ковалевский.

Суд состоялся в конце сентября. Всем обвиняемым была предъявлена статья 190-1 УК РСФСР, т.е. «клевета на советский государственный и общественный строй». Единственным обвиненным в авторстве самиздата был Виктор Арцимович. Его признали невменяемым и направили на принудительное лечение в спецпсихбольницу. Анатолия Чернышова обвинили не только по статье 190-1, но и по статье 162 — «занятие запрещенным промыслом» и приговорили к 3,5 годам лагеря. Видимо, именно его сочли изготовителем фотокопий самиздата и тамиздата, распространявшихся в Томске. Ковалевский и Кендель обвинялись лишь, так сказать, в потреблении самиздата и его распространении, но не в изготовлении — они получили по 1,5 года лагеря. [429]

* * *

Именно из-за беспримерного для послесталинского времени размаха репрессий в 1980-е годы можно утверждать, что власти оказались бессильны справиться с инакомыслием, вернуть общество в «додиссидентское» состояние. Репрессиями была снята видимая часть цепочки — открытые общественные ассоциации, но скрытые звенья сохранились и функционируют (сбор и распространение информации о положении с правами человека в СССР, самиздат, помощь политзаключенным и другим жертвам репрессий), и в эту деятельность наряду с прежними втягиваются новые люди. Это означает, что при малейшем ослаблении давления вновь появятся и открытые формы инакомыслия — возможно, в каком-то новом организационном виде более зрелые, более разработанные на основании пре-

жнего опыта — подспудная работа мысли, обмен идеями и информацией, ставший возможным благодаря самиздату, не проходит бесследно.

А.Д. Сахаров в статье «Тревожное время», написанной уже в горьковском заточении (июль 1980 г.), писал:

> *«Лозунг «Народ и партия — едины» — не вполне пустые слова. Но из этого же народа вышли защитники прав человека, ставшие против обмана, лицемерия и немоты, вооруженные только авторучками, с готовностью к жертвам и без облегчающей веры в быстрый и эффективный успех. И они сказали свое слово, оно не забудется, за ними моральная сила и логика исторического развития... Их деятельность будет продолжаться в той или иной форме, в том или ином объеме. Дело тут не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания».* [430]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Амальрик, Андрей. Записки диссидента. Ардис, 1982, с. 39.
2. Чалидзе, Валерий. Права человека и Советский Союз. Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1974, с. 70.
3. Буковский, Владимир. И возвращается ветер... Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1978, с. 118.
4. Там же, с. 126.
5. См., например, Мальцев, Юрий. Вольная русская литература, 1955-1975 гг. Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1976.
6. Подсчитано мною, по: Ю. Мальцев. Вольная русская литература.
7. «Синтаксис», под ред. М. Розановой и А. Синявского. Париж, 1978, № 1, с.с. 3-5.
8. Буковский, В. Цит. соч., с. 124.
9. Там же, с.с. 124-129; Осипов, Владимир. Площадь Маяковского, статья 70. — В кн.: «Три отношения к родине», Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1978; Аннотация: «Хроника текущих событий» (вып. 16-27), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 17, с. 85.
10. «Грани», под ред. Н. Тарасовой, Франкфурт-на-Майне, 1966, №61, с.с. 14-15.
11. Архив Самиздата радио «Свобода», Мюнхен (АС), № 552, т. 8.
12. «Грани», 1965, № 58, с.с. 95-193.
13. Буковский, В. Цит. соч., с.с. 109-116.
14. Левитин-Краснов, Анатолий. Родной простор. Тель-Авив, 1982; Амальрик, А. Цит. соч.; Буковский, В. Цит. соч.; Григоренко, Петр. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, изд-во «Детинец», 1982.
15. Цит. по: Михайлов, Михайло. Лето московское 1964. Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1967, с. 48.
16. «Политический дневник», под ред. Роя и Жореса Медведевых. Амстердам, Фонд им. Герцена, 1972, т. 1; 1975, т. II; Аннотация: «Хроника текущих событий» (вып. 26-17); вып. 21, с.с. 261-262.
17. «Политический дневник», т. II, предисловие Ж. Медведева; В: Рой Медведев. Как создавался «Политический дневник», В: СССР: Внутренние противоречия, Нью-Йорк, Chalidze Publications, 1982, вып. 6, с.с. 147-154.
18. Михайлов, М. Цит. соч., с. 30.
19. Аржак, Николай. «Говорит Москва» . Повести и рассказы. Нью-Йорк, Inter-Language Literary Associates, 1966.
20. Михайлов, М. Цит. соч., с. 51.
21. Орлов, Юрий. Автобиографическая заметка — «Хроника защиты прав в СССР», под ред. В. Чалидзе, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», январь-март 1977, вып. 25, с.с. 72-75.

22. Григоренко, П. Цит. соч., с.с. 453-482.
23. Бабенышева, Сара. Цена прозрения. — В: «СССР: Внутренние противоречия», под ред. В. Чалидзе. Нью-Йорк, изд-во Chalidze Publications, 1981, с.с. 255-283.
24. Пименов, Револьт. Один политический процесс. — «Память», исторический сборник, Москва 1977 — Париж 1979, ИМКА-Пресс, вып. 2, с.с. 160-262; вып. 3, Москва 1978 — Париж 1980, с.с. 7-119.
25. Рождественский, С.Р. Материалы к истории самодеятельных политических объединений в СССР после 1945 г. — «Память», Москва 1981 — Париж 1982, вып. 5, с.с. 231-149; Вайль, Борис . Особо опасный. Overseas Publications, Лондон, 1980; «Процесс четырех», сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой, под ред. Павла Литвинова. Амстердам, Фонд им. Герцена, 1971, с.с. 7-9.
26. Буковский, В. Цит. соч., с.с. 138-145; Осипов, В. Цит. соч., с.с. 65-86.
27. Рождественский, С.Р. Цит. соч., с. 229.
28. Григоренко, П. Цит. соч., с.с. 489-523.
29. Терц, Абрам. Мысли врасплох. Нью-Йорк, изд-во И.Г. Раузена, 1966; Фантастический мир Абрама Терца. Лондон, Международное литературное содружество, 1976; Аржак, Н. Цит. соч.
30. Цит. по: «Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля». Составитель — А. Гинзбург. Франкфурт-на-Майне. «Посев», 1967, с. 61.
31. Есенин-Вольпин, Александр. Весенний лист. Нью-Йорк, изд-во Ф.А. Прегера, 1961.
32. Буковский, В. Цит. соч., с. 229.
33. «Белая книга...», с.с. 80-82.
34. Там же, с.с. 64-67, 80-87, 95-100, 117-130, 148-166, 341-344, 385-387.
35.Стенограмма общемосковского собрания писателей 31.10.1958 «Новый журнал», Нью-Йорк, № 83.
36. АС № 166, т. 2 (Л. Чуковская); № 170-173, т. 3 (письмо А. Солженицына к съезду писателей и письма поддержавших его писателей); № 124, т. 2 (Л. Копелев); № 26, т. 1 (Г. Свирский); № 134, т. 2 (письмо 43 детей репрессированных коммунистов); № 131, т. 2 (Р. Медведев); № 99 т. 1 (П. Якир); № 360, т. 5. Аннотация — «Хроника текущих событий» (вып. 1-15), вып. 12, с.с. 391-393. А. Сахаров, В. Турчин и Р. Медведев — Брежневу.
37. «Правосудие или расправа?» Сборник документов под ред. П. Литвинова, Лондон, Overseas Publications Interchange, 1968, с.с. 6-7; АС № 273, т. 4.
38. «Процесс четырех», с.с. 69-70.
39. «Правосудие или расправа?» Аннотация: «Хроника текущих событий» (вып. 1-15), вып. 5, с. 80.
40. «Процесс четырех», с.с. 255-263.
41. См. открытые письма №№ 1-30 в «Процессе четырех», ч. IV, и №№ 32-44 в ч. V.
42. Амальрик, А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, Фонд им. Герцена, 1970, с. 12.
43. Амальрик, А. Записки диссидента, с. 37.
44. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 1, с.с. 8-14; вып. 2, с.с. 21-32; вып. 5. с.с. 90-98.
45. «Процесс четырех», с.с. 260-263.
46. «Таймс», Лондон, 12.1.1968, редакционная статья.
47. Dear Comrade; Pavel Litvinov and the Voice of Soviet citizens in Dissent. Edited by Karel van Het Reve, New York-Tel-Aviv-London-Toronto-Tel-Aviv, Pitman Publishing Corp., 1969.
48. Амальрик, А. Записки диссидента, с.с. 11-13, 66-68.
49. Сахаров, Андрей. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. В: А. Сахаров. О стране и мире. Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1976, с.с. 139-179. Аннотация: «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 5, с.с. 80-81.
50. Амальрик, А. Нежеланное путешествие в Сибирь. New York. Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1970. Амальрик, А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстер-

дам, Фонд им. Герцена, 1970; Марченко, Анатолий. Мои показания. Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1969; Гроссман, Василий. Все течет... «Посев», 1970; Чуковская, Лидия. Опустелый дом. Париж, «Пять континентов», 1965; Чуковская, Л. Спуск под воду. Нью-Йорк, изд-во Чехова, 1972; Ерофеев Венедикт. Москва-Петушки. «Ами», 1973 № 3; Солженицын, А. Раковый корпус. Сочинения, Париж, ИМКА-Пресс: т. II; Солженицын, А. В круге первом. Сочинения, т.IV; Максимов, Владимир. Семь дней творения. «Посев», 1971; Бродский, Иосиф. Остановка в пустыне. Нью-Йорк, изд-во Чехова, 1970; Горбаневская, Наталья. Стихи. «Посев», 1969; Коржавин, Наум. Времена, «Посев», 1970.

51. Например, случай Бурмистровича — см. «За пять лет. Документы и показания». Составил П. Смирнов, Париж, La Press libre, 1972, с.с. 125-126.

52. А.Д. Сахаров. О советском обществе. — В: «О стране и мире», Нью-Йорк. Изд-во «Хроника», 1976, с. 43; А.Д. Сахаров. Ответы на вопросы иностранного корреспондента. — В: «Тревога и надежда». Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1978, с. 32; А.Д. Сахаров. Интервью корреспонденту «Ассошиэйтед Пресс» Джорджу Крымски. — Там же, с. 46.

53. «Хроника текущих событий», вып. 1-15 и вып. 16-27, Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979; вып. 28-64, 1974-1983 — Нью-Йорк, изд-во «Хроника».

54. «Хроника текущих событий» (вып. 1-15), вып. 5, с. 102.

55. «Хроника текущих событий» (ХТС), вып. 38, с. 77.

56. «Хроника защиты прав в СССР», под ред. В. Чалидзе, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», вып. 31, с.с. 66-67.

57. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 5, с.с. 102-103.

58. Там же, вып. 7, с.с. 131-135.

59. Там же, вып. 11, с. 291; (вып. 16-27), вып. 21, с.с. 255-257.

60. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 5, с.с. 85-86.

61. См. сноску 50.

62. Горбаневская, Н. Полдень. Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1970, с.с. 65-82; «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 3, с.с. 55-56.

63. Там же, вып. 4, с.с. 59-66.

64. Там же, вып. 3, с. 50. Полный текст письма: Марченко, А. Мои показания, Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1973. Приложения, с.с. 368-375.

65. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 3, с.с. 50-51.

66. Там же, с. 51. Полный текст: АС № 108, т. 2.

67. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 3, с.с. 53-54<P8>.

68. Там же, вып. 7, с. 148.

69. Там же, вып. 3, с. 52.

70. Там же, вып. 6, с. 119.

71. Там же, вып. 9, с. 205.

72. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 20, с.с. 224-225.

73. «Хроника текущих событий», (вып. 1 -15), вып. 8, с.с. 176-177. «Инициативная группа по защите прав человека в СССР». Сборник документов. Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1976, с.с. 5-9.

74. «Инициативная группа...», с. 5.

75. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 8, с.с. 175-176; вып. 10, с.с. 236-238.

76. Там же, вып. 10, с.с. 242-248; «Инициативная группа...», с. 11.

77. Там же, вып. 11, с.с. 313-314; «Инициативная группа...», с.с. 15-20.

78. Там же, вып. 14, с.с. 450-451; Полный текст: «Инициативная группа...», с. 21.

79. «Инициативная группа...», с.с. 26-32, 42.

80. «Документы Комитета прав человека». Нью-Йорк, The International League for the Righs of Man, 1972; ХТС, вып. 17, с.с. 41-43.

81. «Документы Комитета прав человека», с.с. 13-18; ХТС, вып. 17, с. 42.

82. «Документы Комитета прав человека», с.с. 245-252.

83. «Документы Комитета прав человека», с.с. 67-122(1); 56-66 (2); 125-237 (3); «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 26, с. 460 (5); «Хроника защиты прав в СССР», вып. 5/6, 1974, с.с. 51-54 (6).

84. «Общественные проблемы», Москва, 1970, вып. 5, раздел III: АСТ 16 (Колядицкая); ХТС, вып. 24, с.с. 379-380; Чалидзе, В. Права человека и Советский Союз, Приложения, с.с. 213-247 (церковь в Нарофоминске).
85. Рождественский, С.Р. Цит. соч.
86. Там же.
87. Песков, Н. Дело «Колокола», — « Память», исторический сборник. Москва, 1976 — Нью-Йорк 1978, вып. 1, с.с. 269-284.
88. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 1: с.с. 17-20; «Вольное слово», Франкфурт-на-Майне, «Посев», вып. 22, 1976 (материалы суда и программа ВСХСОН).
89. «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника» (ХТС), вып. 46, с.с. 101-102.
90. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 9, с. 20; вып. 33, с. 45.
91. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 26, с. 434.
92. Свидетельство Владлена Павленкова.
93. Ронкин, Валерий. Хахаев, Сергей. Прошлое, настоящее и будущее социализма.— В: «Поиски», Париж, изд-во «Поиски», 1981, с.с. 7-30.
94. «Синтаксис» № 1, с. 4.
95. Пименов, Р. Цит. соч., «Память», вып. 2, с.с. 234-240; Вайль, Б. Цит. соч., с.с. 135-145.
96. Кононова, Наталья. Лицо Петербурга. «Ковчег», под ред. А. Крона и Н. Бокова. Париж, 1978, № 1, с. 68.
97. Эткинд, Е. Записки незаговорщика. Лондон. Overseas Publications Int., 1977, с.с. 140-155.
98. Орлова, Раиса. Фрида Вигдорова. СССР: Внутренние противоречия», вып. 3, с.с. 316-323; Запись суда, составленная Ф. Вигдоровой. В: Эткинд, Е. Цит. соч., приложения, с.с. 437-466; см. также с.с. 155-172.
99. Эткинд, Е. Цит. соч., с.с. 172-181.
100. Песков, Н. Цит. соч., с.с. 278-280.
101. «Процесс четырех», с.с. 267-269, 327-328, 481-484.
102. АС № 273, т. 4.
103. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 11, с. 331; вып. 14, с. 443.
104. Там же, вып. 3, с. 58; вып. 5, с.с. 88-90.
105. Там же, вып. 7, с. 146; вып. 9, с.с. 222-223; вып. 12, с. 398.
106. Там же, вып. 4, с. 73.
107. Там же, вып. 9, с. 205.
108. Там же, вып. 15, с.с. 479-483; «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 16, с.с. 6-9; Вайль, Б. Цит. соч., с.с. 345-349.
109. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 18, с.с. 110-112.
110. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 8, с.с. 182-183; вып. 9, с.с. 213-215; (вып. 16-27), вып. 16, с.с. 15-16.
111. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 8, с. 178.
112. Там же, вып. 9, с. 232.
113. Там же, вып. 10, с. 271; вып. 11, с.с. 329-330.
114. Там же, вып. 14, с.с. 446-447.
115. Свидетельство Владлена Павленкова.
116. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 6, с. 112; (вып. 16-27), вып. 16, с. 249; вып. 18, с.с. 135-136; вып. 19, с. 187.
117. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 5, с. 94; вып. 6, с.с. 112-113.
118. Там же, вып. 10, с. 249; вып. 13, с.с. 381-384.
119. Там же, вып. 7, с. 146; вып. 10, с.с. 249-250; вып. 11, с. 314; вып. 14, с.с. 437-438; «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 16, с. 18.
120. Свидетельство Владлена Павленкова.
121. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 12, с.с. 351-352; вып. 14, с. 439.

122. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 24, с.с. 362-363.
123. Там же, вып. 19, с.с. 186-187.
124. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 12, с. 352; вып. 14, с.с. 431-433.
125. Свидетельство Владислава Узлова; ХТС, вып. 33, с. 46.
126. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 24, с.с. 366-367; ХТС, вып. 33, с.с. 38, 45; «Список политзаключенных СССР», под ред. Кронида Любарского, Мюнхен, «Вести из СССР», вып. 4, по состоянию на 1 мая 1982 г.
127. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 9, с.с. 212-213; вып. 11, с.с. 310-314.
128. Там же, вып. 11, с. 331; вып. 13, с.с. 384-387.
129. Там же, вып. 8, с.с. 186-187; вып. 13, с.с. 387-388.
130. Шрагин, Борис. Оппозиционные настроения в научных городках. — В: «СССР: Внутренние противоречия», 1981, вып. 1, с. 107.
131. Амальрик, А. «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», с. 12.
132. «Процесс четырех», с.с. 324-326.
133. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 2, с. 30.
134. Шрагин, Б. Цит. соч., с. 109.
135. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 2, с. 30.
136. Там же, вып. 8, с.с. 183-184.
137. Там же, вып. 11, с.с. 314-315.
138. Там же, вып. 6, с. 120.
139. Цит. по: Шрагин, Б. Цит. соч., с. 119.
140. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 8, с. 194; вып. 9, с. 206; вып. 12, с. 363.
141. Там же, вып. 10, с.с. 248-249.
142. Там же, вып. 15, с. 483; ХТС, вып. 33, с. 38.
143. «Правосудие или расправа?», Лондон, Overseas Publications Int., 1968.
144. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 1, с.с. 1-3; «Процесс четырех», с.с. 55-263; см. сноску 62 и «Полдень», с.с. 65-82.
145. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 8, с.с. 158-165; вып. 11, с.с. 307-308, 302-303; вып. 14, с.с. 415-417.
146. Там же, вып. 13, с. 393-395; вып. 8, с.с. 170-171.
147. См., например, там же, вып. 5, с. 88; вып. 7, с.с. 137-139; вып. 8, с.с. 168-172; вып. 9, с.с. 210-212; вып. 10, с.с. 256-258; вып. 11, с.с. 308-310 и т.д.
148. Там же, вып. 8, с.с. 176-177; «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 18, с. 109; вып. 23, с. 305; вып. 26, с. 459; «Инициативная группа...», с.с. 9-10, 13, 17-19, 26-27, 31, 36, 41.
149. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 22, с. 282; «Документы Комитета прав человека», с.с. 221-232, 236-237.
150. Буковский, В. Цит. соч., с.с. 171-198, 228-245.
151. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 19, с.с. 152-153.
152. Там же, вып. 23, с.с. 309-315; Буковский, В. Цит. соч., с.с. 347-349.
153. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 11, с.с. 307-308.
154. Там же, с. 336.
155. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 24, с.с. 350-352.
156. Там же, с.с. 353, 351.
157. Там же, с. 351.
158. Там же, вып. 26, с.с. 431-432.
159. Якир, Петр. Детство в тюрьме. Лондон, изд-во Макмиллана, 1972; Аннотация: «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 27, с. 508.
160. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 25, с. 392.
161. ХТС, вып. 29, с.с. 38-39.
162. Там же, с. 38.
163. ХТС, вып. 28, с.с. 13-14.
164. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 27, с. 351.

165. ХТС, вып. 30, с.с. 74-75.
166. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 27, с. 479.
167. Там же, с.с. 478-479.
168. ХТС, вып. 28, с.с. 7-8.
169. ХТС, вып. 29, с. 49.
170. Там же, с.с. 50-53.
171. ХТС, вып. 30, с.с. 71-72.
172. ХТС, вып. 29, с.с. 53-55.
173. Там же, с.с. 53-54; Красин, Виктор. Суд. Нью-Йорк, изд-во Chalidze Publications, 1983.
174. Там же, с. 45, 63, 80-81.
175. ХТС, вып. 30, с.с. 69-71.
176. Там же, с. 71.
177. Там же, с.с. 72-73.
178. Там же, с.с. 94-95.
179. Там же, с. 69.
180. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 27, с.с. 500-501; ХТС, вып. 28, с. 31.
181. ХТС, вып. 28, с. 64.
182. «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 27, с. 501.
183. «Хроника защиты прав в СССР», вып. 2, с.с. 48-50; вып. 3, с.с. 49-50; вып. 4, с.с. 39-40.
184. Буковский, В. Цит. соч., с. 28.
185. См., например, ХТС, вып. 30, с. 97; вып. 39, с.с. 30, 34-35; вып. 41, с.с. 39-40.
186. ХТС, вып. 38, с. 43; «Хроника защиты прав в СССР», вып. 38, с.с. 59-68; Текст Статуса политзаключенных см.: Кузнецов, Эдуард. Мордовский марафон. Книготоварищество «Москва — Иерусалим», 1979, с.с. 242-250.
187. ХТС, вып. 38, с.с. 50-51, 53; вып. 43, с.с. 14-15; вып. 48, с. 57; вып. 51, с. 64; вып. 55, с. 26; вып. 60,<P8> <P6>с. 81; вып. 63, с.с. 170, 183, 190.
188. ХТС, вып. 42, с. 59.
189. ХТС, вып. 33, с.с. 3-8.
190. ХТС, вып. 30, с. 102; «Хроника защиты прав в СССР», вып. 7, с. 9; вып. 3, с.с. 20-22.
191. ХТС, вып. 33, с.с. 61-62.
192. ХТС, вып. 32, с. 3.
193. New York Times, 7 февраля 1974 г., Цит. по: «Хроника защиты прав в СССР», вып. 3, с.с. 20-22.
194. ХТС, вып. 32, с.с. 63-70; «Хроника защиты прав в СССР», вып. 7, с.с. 14-19.
195. ХТС, вып. 29, с.с. 48-49; Амальрик, А. Записки диссидента, с.с. 254-279.
196. ХТС, вып. 32, с.с. 21-23; вып. 34, с.с. 6-9.
197. Цит. по: ХТС, вып. 32, с. 64.
198. «Ведомости Верховного Совета СССР», № 9, 1973. Цит. по: «Хроника защиты прав в СССР», вып. 1, с.с. 56-57; см. также вып. 7, с.с. 23-24.
199. Кузнецов, Э. Дневники. Париж, Les Editeurs Reunis, 1973; Анн: ХТС, вып. 30, с.с. 108-109.
200. ХТС, вып. 29, с.с. 44, 50, 78-79.
201. «Хроника защиты прав в СССР», вып. 4, с.с. 15-17.
202. «Хроника защиты прав в СССР», вып. 5/6, с. 17.
203. ХТС, вып. 29, с.с. 79-80.
204. А.Д. Сахаров. О стране и мире, с.с. 141-180.
205. Там же, с. XIX; А.Д. Сахаров. Тревога и надежда. Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1978, с.с. 7-8; А.Д. Сахаров. Движение за права человека в СССР и Восточной Европе — цели, значение, трудности. — «Континент», под ред. В. Максимова, № 19, 1979, с. 173.
206. А.Д. Сахаров. О стране и мире, с. 3.
207. Там же, с.с. 116-119.

208. Войнович, Владимир. Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина. Париж, ИМКА-Пресс, 1981; Владимов Георгий. Верный Руслан. Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1975. Медведев, Рой. К суду истории. Нью-Йорк, Alfred Knopf, 1974; Медведев, Жорес. Биологическая наука и культ личности (АС-456,); Медведев, Ж. Тайна переписки охраняется законом. «Международное сотрудничество ученых и национальные границы». Лондон, изд-во Макмиллана, 1972; Турчин, В. Инерция страха. Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1977; Олицкая, Екатерина. Мои воспоминания, т. 1-2. Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1971; Гинзбург, Евгения. Крутой маршрут. Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1967; Мандельштам, Надежда. Воспоминания. Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1970 (третье издание — 1976); Померанц, Григорий. Неопубликованное (без выходных данных); Лев Венцов (Б. Шрагин). Думать! (АС № 497, т. 7); Алексеев, Геннадий. Обращение к гражданам Советского Союза о возрождении сталинизма и мерах борьбы с ним (1968 г.) — АС № 80, т. 1; Комаров, Валентин. Открытое письмо о советской оккупации Чехословакии. — АС № 69, т. 1; «Общественные проблемы», под ред. В. Чалидзе, вып. 5-15 (АС, т. 16) «Правосудие или расправа?» под ред. П. Литвинова, Лондон, Overseas Publications Interchange, 1968; «Процесс четырех», под ред. П. Литвинова, Амстердам, Фонд им. Герцена, 1971; Горбаневская Н. Полдень; «Мое последнее слово». — В: Вольное слово», вып. 14-15, 1974.

209. ХТС, вып. 32, с. 96.

210. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 14, с.с. 446, 488; « Хроника защиты прав в СССР», вып. 2, с.с. 5-6.

211. ХТС, вып. 32, с. 6. Полный текст: «Хроника защиты прав в СССР», вып. 7, с.с. 6-7.

212. ХТС, вып. 32, с.с. 90-91; «Инициативная группа...», с.с. 38-50.

213. ХТС, вып. 33, с.с. 3-8.

214. Там же, с. 8.

215. «Хроника защиты прав в СССР», вып. 11, с. 28.

216. АС № 360, т. 5. Аннотация: «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 12, с.с. 391-393.

217. Аннотации: ХТС, вып. 30, с.с. 103-104.

218. ХТС, вып. 34, с.с. 3-5; вып. 36, с.с. 3-9.

219. ХТС, вып. 38, с.с. 14-25.

220. «Известия», 25 октября 1975 г. Цит. по: ХТС, вып. 38, с. 5.

221. ХТС, вып. 38, с.с. 3-4.

222. Там же, с. 4.

223. Там же, с. 3.

224. ХТС, вып. 39, с.с. 65-69.

225. ХТС, вып. 40, с.с. 8-28.

226. Глезер, Александр. Человек с двойным дном. Париж, изд-во «Третья волна», 1979, с.с. 95-127; Нечаев, Вадим. История Оскара Рабина. — «Континент», № 21, с.с. 323-338.

227. ХТС, вып. 34, с.с. 61-62; Глезер, А. Искусство под бульдозером. Лондон, Overseas Publications Interchange.

228. ХТС, вып. 53, с.с. 163-165.

229. Там же, с.с. 117-119; Алексеева Людмила, Юрий Орлов — руководитель Московской Хельсинкской группы. — «Континент», Париж, изд-во «Континент», 1979, с.с. 186-192.

230. Полный текст: «Дело Орлова», сборник документов под ред. Людмилы Алексеевой. Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1980, с.с. 201-205.

231. «Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР». Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1977, вып. 1, с.с. 5-7.

232. Цит. по: Френдли Алфред мл. «Хельсинкская комиссия» Конгресса США. — «Хроника защиты прав в СССР», вып. 23/24, с.с. 17-20.

233. Там же, с.с. 17-18.

234. ХТС, вып. 44, с. 28.

235. «Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР», вып. 1, с.с. 52-64.

236. «Сборник документов Общественной группы...», вып. 3, с.с. 52-58 (отчет Лидии Ворониной о поездке в общины пятидесятников); вып. 4, с.с. 6-11 (доклад Аркадия Полищука на основе поездки в общины пятидесятников).

237. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 6, с. 119 (1968 г.); вып. 11, с. 325 (1969 г.); «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 24, с.с. 368-369 (1971 г.); ХТС, вып. 35, с. 46 (1974 г.); ХТС, вып. 38, с. 77 (1975 г.); ХТС, вып. 43, с.с. 21-23 (1976 г.); ХТС, вып. 48, с.с. 156-157 (1977 г.); ХТС, вып. 52, с. 122 (1978 г.); ХТС, вып. 55, с.с. 58-60 (1979 г.); ХТС, вып. 60, с.с. 95-96 (1980 г.); ХТС, вып. 63, с.с. 236-237 (1981 г.): «Вести из СССР», 1982, вып. 23/24, № 25 (1982 г.).

238 ХТС, вып. 43, с.с. 5-14; Буковский, В. Цит. соч., с.с. 3-8, 69-72, 378-384.

239. ХТС, вып. 40, с.с. 119-121.

240. «Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР», вып. 4, с.с. 42-43; см. также ХТС, вып. 44, с.с. 39-40. Алексеева Л. Руководитель МХГ Юрий Орлов. «Континент», № 21, с.с. 189-193.

241. ХТС, вып. 44, с. 39.

242. Заявление Госдепартамента США. Цит по: «Хроника защиты прав в СССР», вып. 25, с. 11.

243. ХТС, вып. 44, с.с. 6-27; Алексеева, Л. Цит. соч., — «Континент», № 22, с.с. 195-214.

244. ХТС, вып. 44, с.с. 103-105.

245. ХТС, вып. 44, с. 97.

246. ХТС, вып. 50, с.с. 5-21; «Дело Орлова», с.с. 123-251; ХТС, вып. 45, с. 23 (М. Маринович и М. Матусевич); с.с. 5-9 (М. Ланда); вып. 46, с.с. 26-28 (З. Гамсахурдиа и М. Костава); вып. 47, с.с. 20-27 (Л. Лукьяненко и П. Винс); с.с. 31-32 (Р. Назарян и Ш. Арутюнян); вып. 49, с.с. 7-9 (Г. Гольдштейн).

247. ХТС, вып. 46, с.с. 16-22 (суд — М. Руденко и А. Тихий); вып. 50, с.с. 22-78 (З. Гамсахурдиа, М. Костава, А. Гинзбург, А. Щаранский, В. Пяткус, Л. Лукьяненко); с.с. 97-99 (В. Слепак); ХТС, вып. 51, с.с. 5-14 (Р. Назарян); ХТС, вып. 55, с.с. 5-7 (В. Стрельцов, П. и В. Сичко, Ю. Литвин, О. Бердник); ХТС, вып. 56, с.с. 25-27 (второй суд М. Ланда); с.с. 64-65 (П. Розумный, М. Горбаль); с.с. 70-72 Э. Арутюнян); ХТС, вып. 57, с.с. 15-22 (В. Некипелов); с. 57 (В. Калинниченко); ХТС, вып. 58, с. 67 (А. Статкявичюс); с. 74 (О. Гейко); ХТС, вып. 60, с.с. 24-27 (Л. Терновский); ХТС, вып. 61, с.с. 33-34 (О. Мешко); ХТС, вып. 62, с.с. 14-27 (Т. Осипова); с. 70 (И. Кандыба); с.с. 78-80 (В. Вайчюнас, М. Юрявичюс); «Вести из СССР», 1982, вып. 7, № 1 (И. Ковалев).

248. См. «Процесс четырех», под ред. П. Литвинова, Амстердам, Фонд им. Герцена, 1971.

249. См. Информационные бюллетени по делу Орлова и Гинзбурга №№ 1-4 (АС № 3051, вып. 29/77; № 3266, вып. 23/78; № 3399, вып. 41/78; № 4568, вып. 6/82); «Дело Орлова», с.с. 53-74; Аннотации: ХТС, вып. 44, с.с. 114-119; вып. 46, с.с. 90, 97; вып. 47, с.с. 142-167; вып. 49, с.103; вып. 51, с.с. 189-193; вып. 62, с. 171.

250. См. Сборники документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, вып. 1-7.

251. Информационный бюллетень Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, №№ 1-24 (АС № 3045, вып. 28/77; № 3088, вып. 1/78; № 3225, вып. 18/78; № 3270, вып. 24/78; № 3299, вып. 27/78; № 3119-3320, вып. 30/78-31/78; № 3328, вып. 33/78; № 3350, вып. 35/78; № 3448, вып. 2/79; № 3487, вып.7/79; № 3537, вып. 12/79; № 3631, вып. 22/79; № 3737, вып. 36/79; № 3738, вып. 36/79; № 3833, вып. 3/80; № 3946, вып. 15/80; № 3961, вып. 15/80; «Вольное слово», 1981, вып. 41-42, (№№ 1-5, 7-9); см. также сноску 273.

252. ХТС, вып. 41, с.с. 13-14; вып. 42, с.с. 5-6; вып. 43, с.с. 53-54; 56-62.

253. ХТС, вып. 43, с.с. 56-57; Блох, Сидней. Реддавей, Питер. Диагноз: инакомыслие, Лондон, Overseas Publications Interchange, 1981, с.с. 325-326.

254. ХТС, вып. 45, с.с. 62-64; вып. 46, с.с. 77-78; вып. 47, с. 135; вып. 48, с.с. 92-93.

255. Блох, С., Реддавей, П. Цит. соч., с.с. 255-320.

256. ХТС, вып. 47, с.с. 154-155; Блох С., Реддавей П. Цит. соч., с.с. 328-333.

257. ХТС, вып. 50, с.с. 79-87; Информационный бюллетень Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, № 9.

258. ХТС, вып. 50, с. 79;вып. 56, с. 31.

259. ХТС, вып. 50, с. 86.

260. ХТС, вып. 56, с.с. 32-37; вып. 60, с. 22; вып. 61, с.с. 16-18.

261. ХТС, вып. 58, с.с. 15-20 (В. Бахмин); ХТС, вып. 60, с.с. 24-27 (Л. Терновский); ХТС, вып. 61, с.с. 12-15 (А. Подрабинек); ХТС, вып. 63, с.с. 7-14 (И. Гривнина); там же, с.с. 14-17 (Ф. Серебров).

262. ХТС, вып. 51, с. 166; вып. 52, с.с. 78-79; вып. 53, с. 133; вып. 54, с.с. 33-34; вып. 56, с. 104.

263. ХТС, вып. 61, с.с. 18-20; вып. 62, с.с. 27-34.

264. ХТС, вып. 54, с. 110.

265. ХТС, вып. 53, с. 139.

266. Информационный бюллетень группы «Право на эмиграцию» («Листы»), 1980 (АС № 4274, вып. 15/81).

267. Свидетельство Вадима Баранова, члена группы «Выборы-79».

268. «Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР», вып. 1, с.с. 52-55. Аннотация: ХТС, вып. 45, с.с. 52-55.

<P6M%2>269. «Сборник документов Общественной группы содействия...», вып. 3, с.с. 5-19. Аннотация: ХТС, вып. 46, с.с. 89-90.

270. «Сборник документов Общественной группы содействия...», вып. 1-7.

271. См. сноску 249.

272. Информационный бюллетень № 1 Комитета защиты Татьяны Великановой. Москва, 12 декабря <%7>1979 г. В: «Вольное слово», вып. 38, Франкфурт-на-Майне, изд-во «Посев», 1980. См. также АС № 4170-4172, вып. 5/82; № 4555-4556, вып. 5/82.

273. См. ссылку 251. Аннотация: ИБ № 1 — ХТС, вып. 46, с. 98; ИБ № 9 — ХТС, вып. 51, с.с. 183-184; ИБ № 24 — ХТС, вып. 60, с. 119.

274. Информационный бюллетень Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР, №№ 1-16. См. «Вольное слово», вып. 41-42, 1981 (№№ 8-10), а также АС № 3511, вып. 10/79; № 3765, вып. 40/79; № 4577, вып. 7/82. Аннотации: ИБ № 8 — ХТС, вып. 56, с. 141; ИБ № 9 — ХТС, вып. 57, с. 110; ИБ № 10 — ХТС, вып. 60, с. 119; ИБ № 11 — ХТС, вып. 62, с.с. 177-178.

275. Информационный бюллетень Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ), №№ 1-29. (АС № 3669, вып. 27/79; № 4293, вып. 17/81; № 4370, вып. 27/81; № 4527, вып. 17/82; №№ 4621-4622, вып. 15/82; № 4628, вып. 17/82; № 4692, вып. 26/82; № 4711, вып. 30/82; № 4806, вып. 3/83; № 4824, вып. 15/83. Аннотации: ИБ № 11 — ХТС, вып. 61, с. 105; ИБ № 12, 13 — ХТС, вып. 62, с. 178.

276. См. сноску 266.

277. См. сноску 225.

278. Аннотация: ХТС, вып. 46, с.с. 92-94; вып. 47, с.с. 159-161.

279. «Память», исторический сборник, вып. 1, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1978; вып. 2, Париж, ИМКА-Пресс, 1979; вып. 3, там же, 1980; вып. 4 там же, 1981; вып. 5, Париж, Editions la Presse libre, 1982. Аннотации: вып. 1 ХТС, вып. 42, с.с. 97-99; вып. 2 ХТС, вып. 51, с.с. 202-203; вып. 3 ХТС, вып. 52, с.с. 140-142.

280. «Память», вып. 1, с. IX.

281. «Память», вып. 1, с.с. V-VII.

282. «Поиски», свободный московский журнал, вып. 1, Нью-Йорк, изд-во «Детинец», 1979; вып. 2 — Париж, изд-во «Поиски», 1980; вып. 3 — там же, 1981; вып. 4 — там же,

1982. Аннотации: вып. 1-3: ХТС, вып. 51, с.с. 203-204; вып. 4-5: ХТС, вып. 52, с.с. 139-140; вып. 6-8: ХТС, вып. 56, с.с. 141-143.

283. «Поиски», вып. 1, с. 1.

284. «В защиту экономических свобод», под ред. Буржуадемова. Аннотации: вып. 1 — ХТС, вып. 49, с.с. 101-102; вып. 8 - ХТС, вып. 54, с.с. 146-147. Опубликованы: А. Каценелинбойген. Цветные рынки и советская экономика. «СССР: Внутренние противоречия», вып. 2, с.с. 54-132; — К. Буржуадемов. Я обвиняю. — Там же, с.с. 223-247.

285. Аннотации: «Сумма», 1979, №№ 1-2 — ХТС, вып. 53, с.с. 178-179; №№ 3-4 — ХТС, вып. 55, с.с. 143-144; 1980, №№ 1,2 — ХТС, вып. 61, с. 105.

286. «Метрополь», изд-во «Ардис», 1979.

287. ХТС, вып. 52, с.с. 118-121; вып. 54, с.с. 126-127.

288. См. Н. Кононова. Лицо Петербурга. — «Ковчег», Париж, 1978, № 1, с. 76.

289. «37», вып. 1-6. — Аннотации: ХТС, вып. 43, с. 105; вып. 7-8 — ХТС, вып. 48, с.с. 173-174. См. также Н. Кононова. Цит. соч., с.с. 77-78.

290. «Художественный архив», вып. 1-2. Аннотация: ХТС, вып. 43, с.с. 105-106. См. также Н. Кононова. Цит. соч., с.с. 76-77.

291. «Женщина и Россия», № 1 — «Вольное слово», вып. 38, Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1980. Аннотация: ХТС, вып. 55, с. 71.

292. См. Вознесенская, Ю. Комментарий и письма из Ленинграда. — «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1982, № 5, с.с. 27-28.

293. Нечаев, В. Нравственное значение неофициальной культуры. — «Поиски», № 1, с.с. 305-313. Глезер, А. Искусство под бульдозером, Лондон, с.с. 9-43.

294. Там же, с. 41; Кононова, Н. Цит. соч., с.с. 76-77.

295. ХТС, вып. 32, с.с. 21-23 (арест М. Хейфеца); с.с. 67-70 (увольнение Е. Эткинда); вып. 34, с.с. 6-9 (суд Хейфеца); с. 22 (арест В. Марамзина); вып. 35, с.с. 16-21 (суд Марамзина); см. также Эткинд, Е. Цит. соч.

296. Кононова, Н. Цит. соч., с.с. 73-76.

297. ХТС, вып. 38, с.с. 86-87.

298. ХТС, вып. 42, с. 10.

299. «Грани», Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1978, № 108, с.с. 151-164.

300. ХТС, вып. 42, с.с. 10-12.

301. ХТС, вып. 43, с. 23.

302. Там же, с.с. 35-40; «Грани», № 108, с.с. 151-164.

303. ХТС, вып. 43, с.с. 36, 38, 101.

304. ХТС, вып. 45, с. 12.

305. Нечаев, В. История Оскара Рабина. — «Континент», 1979, вып. 21, с. 336.

306. ХТС, вып. 53, с.с. 176-177.

307. Вайль, Б. Цит. соч.; ХТС, вып. 53, с.с. 63-65, 154-157; ХТС, вып. 63, с.с. 43-54.

308. ХТС, вып. 40, с.с. 129-130.

309. ХТС, вып. 51, с. 35.

310. Там же, с.с. 34-37; вып. 53, с.с. 35-39.

311. ХТС, вып. 53, с.с. 160-161.

312. ХТС, вып. 53, с. 38.

313. ХТС, вып. 55, с.с. 9-11.

314. ХТС, вып. 51, с. 162.

315. Алексеева, Л. Обзор важнейших событий. — «Хроника защиты прав в СССР», 1979, вып. 36, с. 42; Список политзаключенных СССР. Вып. 4 по состоянию на 1 мая 1982 г.

316. «Процесс четырех», с.с. 484-489.

317. Амальрик, А. «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», с. 12.

318. ХТС, вып. 30, с. 84.

319. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 8, с.с. 196-197.

320. Там же, вып. 11, с. 315.

321. ХТС, вып. 32, с.с. 6, 78-79.

322. ХТС, вып. 34, с. 61.
323. ХТС, вып. 34, с.с. 24-26.
324. ХТС, вып. 38, с.с. 34-39.
325. ХТС, вып. 40, с.с. 54-70.
326. ХТС, вып. 36, с. 60; вып. 38, с.с. 30-31.
327. ХТС, вып. 37, с. 27.
328. ХТС, вып. 43, с. 23.
329. ХТС, вып. 44, с. 116.
330. ХТС, вып. 41, с. 29; вып. 42, с.с. 28-30.
331. См. сноску 330; ХТС, вып. 44, с.с. 32-33.
332. ХТС, вып. 42, с.с. 28-30.
333. ХТС, вып. 47, с.с. 140-141.
334. ХТС, вып. 56, с.с. 66-67.
335. ХТС, вып. 63, с. 95; вып. 64, с.с. 35-36.
336. ХТС, вып. 53, с. 53.
337. Там же, с.с. 53-54.
338. ХТС, вып. 51, с.с. 37-38.
339. ХТС, вып. 53, с.с. 54-56.
340. ХТС, вып. 55, с.с. 19-21; вып. 57, с.с. 47-48.
341. ХТС, вып. 58, с.с. 89-92; вып. 62, с.с. 43-44.
342. «Вести из СССР», 1982, вып. 18 № 12 и 11; 1983, вып. 17 № 7.
343. ХТС, вып. 51, с.с. 38-39, 23-27.
344. ХТС, вып. 56, с. 123; «Вести из СССР», 1980, вып. 2 № 11.
345. ХТС, вып. 52, с. 124.
346. ХТС, вып. 52, с. 30; вып. 64, с. 104.
347. ХТС, вып. 45, с.с. 103-104.
348. ХТС, вып. 40, с.с. 130-131.
349. ХТС, вып. 60, с. 21.
350. ХТС, вып. 47, с.с. 134-135; «Вести из СССР», 1982, вып. 19, № 82.
351. ХТС, вып. 51, с.с. 15-21, 40-43.
352. ХТС, вып. 53, с.с. 58-60.
353. ХТС, вып. 54, с.с. 5-12, 96-98.
354. ХТС, вып. 55, с.с. 14-17.
355. Там же, с. 52.
356. Там же, с. 25.
357. Там же, с. 24.
358. Там же, с.с. 21-22.
359. Там же, с.с. 18-19, 21.
360. ХТС, вып. 56, с.с. 5-22.
361. ХТС, вып. 57, с.с. 50-54; вып. 60, с.с. 100-106; вып. 62, с.с. 152-154; «Вести из СССР», 1981, вып. 21, № 6; вып. 22, № 27; вып. 23/24, № 12; 1982, вып. 2, № 38; вып. 7, № 30; вып. 20/21, № 9; вып. 23/24, № 24.
362. ХТС, вып. 56, с.с. 41-42.
363. См. сноску 354 и ХТС, вып. 56, с.с. 37-41.
364. «Вести из СССР», 1982, вып. 17, № 1.
365. «Хроника текущих событий»,(вып. 1-15), вып. 4, с.с. 59-64 (Лариса Богораз); вып. 6, с.с. 104-107 (Ирина Белогородская); вып. 11, с.с. 303-304; вып. 15, с.с. 474-479; «Хроника текущих событий», (вып. 16-27), вып. 16, с.с. 20-21 (Ирина Каплун и Ольга Иофе); (вып. 1-15), вып. 11, с. 305; вып. 13, с.с. 379-381 (Валерия Новодворская); вып. 15, с.с. 456-474 (Наталья Горбаневская); (вып. 16-27), вып. 23, с.с. 315-317 (Надежда Емелькина); ХТС, вып. 29, с.с. 49-50; вып. 30, с. 71 (второе дело Ирины Белогородской): ХТС, вып. 46, с. 59 (Мальва Ланда).
366. ХТС, вып.58, с.с. 5-13.

367. ХТС, вып. 56, с.с. 25-27.

368. См., например, случаи Александра и Кирилла Подрабинеков, Александра Болонкина (ХТС, вып. 61, с.с. 12-15, 64-71; «Хроника защиты прав в СССР», вып. 45-46, 1982. В: «СССР: Внутренние противоречия», вып. 5, с.с. 270-271).

369. ХТС, вып. 62, с. 9 «Хроника защиты прав в СССР», вып. 43-44. В: «СССР: Внутренние противоречия», вып. 3, с.с. 352-353.

370. См., например, о суде над Ю.Ф. Орловым (ХТС, вып. 50, с.с. 17-18); над Татьяной Осиповой (ХТС, вып. 62, с. 22).

371. ХТС, вып. 61, с.с. 19-20 (Анатолий Корягин); вып. 55, с. 23 (Виктор Некипелов); вып. 61, с.с. 16-17 (Феликс Серебров); вып. 62, с.с. 49-50 (Всеволод Кувакин).

372. См. суды: Юрия Орлова (ХТС, вып. 50, с.с. 5-21), Анатолия Щаранского (там же, с.с. 42-67), а также Александра Подрабинека (ХТС, вып. 61, с. 12), Владимира Сичко (ХТС, вып. 61, с. 34).

373. См. суды: Иды Нудель (ХТС, вып. 50, с. 96), Иосифа Бегуна (там же, с. 104), Анатолия Корягина (ХТС, вып. 62, с. 28).

374. См. суд Татьяны Великановой (ХТС, вып. 58, с.с. 12-13), Вячеслава Бахмина (ХТС, вып.58, с.с 15-16); Юрия Гримма (ХТС, вып. 58, с.с. 64-67).

375. ХТС, вып. 626, с. 128 (В. Балахонов и М. Казачков); с. 131 (М. Морозов); с. 134 (К. Подрабинек).

376. Анатолий Марченко. Последнее слово (неполный текст) — «Посев», январь 1982, с.с. 14-15. Полный текст — АС № 4646, вып. 20/82.

377. Цвигун, Семен. О происках империалистических разведок. — «Коммунист», Москва, изд-во «Правда», 1981, № 14, с. 98.

378. ХТС, вып. 60, объявление на титульном листе «Выпуск 59 конфискован»; вып. 61, с 27.

379. «Вести из СССР», 1983, вып. 6 № 33; вып. 12 № 33; АС № 4905, вып. 17/83.

380. «Вести из СССР» под редакцией Кронида Любарского, Мюнхен, выходят с 1979 г.

381. ХТС, вып. 60, с.с. 39-40, 91; вып. 61, с.с. 27-28; вып. 62, с.с. 57, 162-163. См. также «Хроника защиты прав в СССР», вып. 45-46. В: «СССР: Внутренние противоречия», вып. 5, с. 263.

382. ХТС, вып. 63, с.с. 62-63, 239-240; «СССР: Внутренние противоречия», вып. 3, с. 350; вып. 5, с.с. 263-264; вып. 7, с. 242.

383. ХТС, вып. 56, с. 134.

384. Там же, с. 19.

385. ХТС, вып. 60, с.с. 95-96 (1980 г.). Сборник документов Общественной группы содействия... вып. 8, документ МХГ № 188.

386. См. сноску 237.

387. Цвигун, С. Цит. соч., с. 98.

388. ХТС, вып. 53, с. 159.

389. См., например, ответы на вопросы французского журнала «Альтернативы» (АС № 4653, вып. 22/82).

390. «Вести из СССР», 1982, с. 9 № 31.

391. Там же, № 32.

392. АС № 4070, вып. 32/80; № 4164, вып. 45/80.

393. «Вести из СССР», 1981, вып. 21, № 34; вып. 23/24, № 35; «Посев», декабрь 1981, с.с. 1-3. Полный текст: АС № 4503, вып. 47/81.

394. «Вести из СССР», 1981, вып. 21, № 35. Полный текст: «Посев», январь 1982, с.с. 19-24.

395. ХТС, вып. 60, с. 30.

396. Козловский, Евгений. Красная площадь. — «Континент», №№ 30-31, 1981; Он же. Диссидент и чиновница. — «Континент», № 27, 1981.

397. «Хроника защиты прав в СССР», №№ 45-46. В: «СССР: Внутренние противоречия», вып. 5, с. 269.

398. «Вести из СССР», 1982, вып 13, № 12; вып. 23/24, № 8,

399. «Хроника защиты прав в СССР», вып. 40, с. 47.
400. ХТС, вып. 61, с.с. 95-96.
401. «Хроника защиты прав в СССР», вып. 45-46. В: «СССР: Внутренние противоречия», вып. 5, с. 272.
402.. «Мария» — журнал российского независимого женского клуба «Мария» . Ленинград — Франкфурт-на-Майне, 1981, № 1.
403. ХТС, вып. 55, с. 71.
404. ХТС, вып. 60, с. 36. См. также: «СССР: Внутренние противоречия», вып. 5, с. 273.
405. ХТС, вып. 62, с.с. 48-51.
406. Цвигун, С. Цит. соч., с. 99.
407. «Хроника защиты прав в СССР», вып. 41, с. 20; «СССР: Внутренние противоречия», вып. 5, с.с. 290-291; вып. 7, с. 276.
408. «СССР: Внутренние противоречия», вып. 5, с.с. 259-261; вып. 7, с.с. 240-242.
409. Там же, вып. 5, с.с. 266-267; ХТС, вып. 64, с. 18.
410. «Поиски и размышления», №№ 1-4, Париж, изд-во «Поиски», 1980. Аннотации: на № 1 (9) и № 2(10) ХТС, вып. 57, с.с. 110-111; № 3 (11) 8 (16) ХТС, вып. 61, с.с. 104-105.
411. ХТС, вып. 56, с. 28; вып. 57, с. 32; вып. 61, с.с. 101-102.
412. «Вести из СССР», 1982, вып. 2, № 40.
413. «Сахаровский сборник», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1981.
414. Там же, титульный лист.
415. Там же, с. 10.
416. А.Д. Сахаров. Ответственность ученых. — Там же, с.с. 35-42.
417. А.Д. Сахаров. Что должны делать США и СССР, чтобы сохранить мир. АС № 4410, вып. 33/81. Обращение к Пагоушской конференции. — АС № 4721, вып. 31/82; Открытое письмо Сиднею Дреллу. — АС № 4976, вып. 25/83.
418. ХТС, вып. 56, с. 144.
419. См., например, АС № 4653, вып. 22/82.
420. Пухов, С. Отношение москвичей к профсоюзу «Солидарность» — «СССР: Внутренние противоречия», вып. 2, 1981, с.с. 248-254.
421. Максудов. Что вы думаете о Сахарове? — «Сахаровский сборник», с.с. 233-242.
422. ХТС, вып. 62, с. 176.
423. ХТС, вып. 62, с. 58.
424. ХТС, вып. 62, с.с. 176-177; АС № 4413, вып. 34/81.
425. ХТС, вып. 64, с.с. 18-21.
426. ХТС, вып. 58, с.с.83-87; ХТС, вып. 62, с.с. 42-44; ХТС, вып. 63, с. 62; ХТС, вып. 64, с.с.11-16, 33-36.
427. ХТС, вып. 61, с. 28.
428. ХТС, вып. 64, с.с. 15-16; «Вести из СССР», 1983, вып. 6 № 20; вып. 15 № 4; вып. 16 № 16.
429. ХТС, вып. 62, с. 57; вып. 64, с.с. 11-12; «Вести из СССР», 1982, вып. 19, № 3; 1983, вып. 7, № 18; вып. 18, № 30.
430. А.Д. Сахаров. Тревожное время. — «Сахаровский сборник», с. 32.

СОЦИАЛИСТЫ

В 1956 году, после XX съезда, инакомыслие, в том числе политическое, накапливавшееся до той поры подспудно, выплеснулось наружу и стало разрастаться лавинообразно. Этот процесс очевиден даже из анализа советской печати (в то время цензурные ограничения были несколько смягчены) и из самиздата. Мемуарная литература (Петр Григоренко, Юрий Орлов, Владимир Буковский, Револьт Пименов, Борис Вайль, Раиса Орлова) дополняет картину настроений в советском обществе тех лет. [1] Ниспровергатели советской системы среди инакомыслящих были крайне редки, единичны, а диапазон критики — и в официальной литературе, и в самиздате — укладывался в понятие «демократический социализм». Одна часть критиков делала упор на демократию, а другая — на социализм, но социалистическое мировоззрение было господствующим с первых признаков проявления несогласия и до конца 60-х годов.

Теоретически тогдашние социалисты не были едины. Можно выделить несколько основных течений диссидентского социализма.

Самым представительным и известным был неформальный круг, выразителем настроений которого стал московский историк Рой Медведев.

Общая основа взглядов сторонников этого направления определяется тем, что они считают его одним из проявлений внутрипартийной позиции. В «Книге о социалистической демократии» (1972) Рой Медведев рассматривает это течение в главе, которая так и называется: «Внутрипартийные течения и вопрос об единстве партии». Он называет течение, к которому сам принадлежит «партийно-демократическим» [2] и так определяет его социальный состав:

«Данное течение в настоящее время практически совершенно не представлено в самых высших органах партийного руководства. Однако можно предположить, что и здесь имеется ряд деятелей, которые ... в иных условиях и при ином окружении могли бы составить важную поддержку именно партийно-демократическому течению. Немало сторонников данного течения имеется среди работников партийного и государственного аппарата на его различных уровнях, особенно среди тех сравнительно молодых работников, которые пришли в аппарат после XX и XXII съездов партии. Партийно-демократическое течение имеет сегодня немало сторонников среди научных работников: экономистов, философов, социологов, историков и других. Оно пользуется сочувствием среди части научно-технической интеллигенции, среди части литераторов и в других группах творческой интеллигенции. Отдельные группы, которые можно было бы отнести к этому

течению, имеются среди старых большевиков, особенно среди тех, кто вернулся из ссылки и заключения сталинских лет». [3]

Автор отмечает близость этого течения к позициям итальянской, испанской, австралийской и некоторых других коммунистических партий. Партийно-демократическая концепция признает «правильным» ленинизм и политику большевиков в ленинский период, т.е. с момента основания партии и, по крайней мере, до начала 20-х годов, и не приемлет «сталинизм», возлагая на Сталина и его ближайшее окружение вину за искажение социалистической сути советского государства. Тем не менее они признают совместную советскую систему социалистической по сути, по ее «фундаменту», отрицая, что СССР является обществом развитого социализма, как утверждает официальная идеология. [4]

Для вступления советского общества в фазу развитого социализма, по Медведеву, следует в основании этого здания заменить то, что

«...в силу разных причин устарело, обветшало и даже подгнило, достаточно быстро и вместе с тем с величайшей осторожностью». [5]

Основным направлением этих изменений должна быть демократизация советской системы. Расхождения между сторонниками партийно-демократического направления были, в основном, по поводу степени необходимой демократизации. Диапазон во мнениях был от свободы высказываний на партийных собраниях, — и то до момента принятия решения, после чего меньшинство должно подчиниться, — до многопартийности с полной свободой печати и вообще открытости общества по образцу свободного мира.

Сам Медведев заявлял себя сторонником широкой социалистической демократии для всего общества, и верил в неизбежность такой демократизации в связи с требованиями экономического и технического прогресса, научно-технической революцией и изменениями социальной структуры советского общества. [6] Эта демократизация, считал он, произойдет не сама собой, а лишь в результате политической борьбы и политического давления на «автократический режим». Конкретные пути расширения демократии в советском обществе, предлагаемые Медведевым, — выработка соответствующей теоретической платформы, разработка марксизма-ленинизма применительно к современности и поиск конструктивных путей демократизации экономики, образования, структуры власти и т.д.; это должна быть мировая борьба в конституционных рамках; распространение этих идей способами, найденными обществом в советских условиях, — через самиздат и, по возможности, через официальные каналы: выступления на собраниях, а если удастся — и в официальной печати, организация давления на консервативные и реакционные элементы правящей партии со стороны народа и интеллигенции. Медведев надеялся, что такое давление постепенно приведет к изменениям в аппарате власти и формированию в нем влиятельных групп, которые поддержат программу партийно-демократического направления и процесс демократизации. [7] Таким образом может возникнуть союз

«...между лучшей и наиболее активной частью интеллигенции и всего народа, с одной стороны, и лучшей частью аппарата, с другой». [8]

Что конкретно имеет Медведев в виду под давлением народа и интеллигенции в конституционных рамках, можно понять из положительной оценки им петиционных кампаний 1966-1968 гг. и в то же время — неодобрительного отзыва о правозащитном движении, хотя оно и представляет собой, как признает Медведев, попытку давления на власти в конституционных рамках. Тем не менее Медведев называет его «оппозицией экстремистского толка», отмечая крайнюю разнородность во взглядах участников этого движения, в которое входят

«... и сторонники партийно-демократической программы, и люди, открыто объявляющие себя противниками ленинизма и коммунистической партии»,

Медведев утверждает, что

«...позитивная платформа правозащитного движения состоит из чрезмерно радикальных и даже анархистских предложений». [9]

Распространение идей партийно-демократического течения происходило благодаря широким дружеским и деловым связям его сторонников — в личных беседах и с помощью издававшегося с 1964 года Р. Медведевым «Политического дневника» («...таинственное издание, как предполагают, нечто вроде самиздата для высших чиновников», по характеристике Сахарова). [10]

Сочувствовавшая демократическим преобразованиям гуманитарная элита имела доступ в спецхраны научных библиотек, что позволяло знакомиться, во всяком случае, с коммунистической прессой других стран. Имелись и личные контакты с коммунистами из-за рубежа: среди сторонников партийно-демократического направления были люди, которым разрешались зарубежные поездки, они виделись и с приезжавшими в СССР коммунистами из разных стран. Особенно тесными были связи с Чехословакией — об этом свидетельствуют материалы «Политического дневника», а также заметка в «Хронике текущих событий»:

«Летом 1975 г. Лев Вячеславович Карпинский, заведующий редакцией научного коммунизма издательства «Прогресс», был исключен из партии.
Л.В. Карпинский — сын известного деятеля революционного движения В. А. Карпинского (1880-1965 гг.), работавшего вместе с В.И. Лениным, позднее — члена ВЦИК. Л.В. Карпинский был в начале 1960-х годов секретарем ЦК ВЛКСМ по идеологии, а затем, так же как в свое время его отец, членом редколлегии «Правды». После опубликования в»Комсомольской правде» его статьи (а соавторстве с Ф. Бурлацким) «На пути к премьере», посвященной театральной цензуре, он был выведен из редколлегии «Правды» и работал в секретариате «Известий», затем в институте социологии АН СССР и, наконец, в «Прогрессе».
Карпинского исключили из партии после того, как в его рабочем столе обнаружили стопку отпечатанных на машинке научных статей, заметок и эссе по социологии, политической экономии, экономике. Среди этих материалов — 11 экземпляров письма, отправленного из Праги и адресованного Карпинскому. Автор письма — Отто Лацис, сотрудник журнала «Проблемы мира и социализма». Лацис излагает свои взгляды на некоторые острые проблемы общественных наук. И письмо, и другие найденные материалы выдержаны в духе марксизма и лояльны по тону. Одно из главных обвинений, которые предъявлялись Карпинскому, — количество экземпляров письма.

Лацис исключен из партии и уволен с работы.
Карпинский после исключения из КПСС также снят со своего поста». [11]

В 50-60-е годы влияние Роя Медведева, его брата Жореса и их окружения было существенным фактором общественной жизни московской интеллигенции. А.Д. Сахаров, находившийся в то время на самой верхушке советской иерархической пирамиды, в 60-е годы был нередким гостем Роя Медведева. Сахаров писал в автобиографической заметке 1973 г.:

«Как бы ни складывались наши отношения и принципиальные разногласия в дальнейшем, я не могу умалить их роли в своем развитии». [12]

В 1970 году А.Д. Сахаров совместно с Роем Медведевым и Валентином Турчиным обратился к советскому руководству с письмом, убеждая решиться на демократизацию советской системы [13]. Александр Солженицын тоже был вхож в медведевский круг в те же 60-е годы и тоже испытал на себе влияние его идей (рассуждения об этическом и христианском социализме в «Раковом корпусе»).

Спад обаяния этого советского варианта «социализма с человеческим лицом» произошел в конце 60-х годов.

Увеличивалось расстояние между Медведевым и его приверженцами, не сдвинувшимися с прежних позиций, и теми, кого со временем стали называть правозащитниками — у большинства их взгляды сформировались под

«...грохотом танков на улицах непокорившейся Праги». [14]

Вторжение в Чехословакию разрушило надежду на смягчение советского режима и способствовало массовому пересмотру прежними сторонниками партийно-демократического направления оценки советской системы как системы социалистической — одни перестали считать ее таковой, другие перестали вкладывать положительный смысл в самое понятие социализма.

Отлив сочувствующих от партийно-демократического направления был очень быстрым, и в 1972 году Медведев писал, что это направление

«...является в настоящее время самым слабым из партийных и внепартийных течений», [15]

а наиболее заметным к тому времени течением стало «западническое», связанное с «Размышлениями о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» А.Д. Сахарова. [16] Самой большой потерей партийно-демократического направления был сам А.Д. Сахаров, но не только он — год за годом Медведев терял своих единомышленников и даже прежних личных друзей: они или прекращали общественную активность или включались в правозащитное движение, перенеся акцент своих стремлений с социалистических на демократическо-правовые (Раиса Лерт, Валентин Турчин, Петр Егидес и др.). Очевидно также расхождение во взглядах в 70-е годы оставшегося на прежних позициях Медведева с его давним единомышленником, писавшим под псевдонимом Александр Зимин. В 1981 году вышла в Нью-Йорке в русскоязычном издательстве «Chalidze Publications» написанная в 1976-1977 гг. книга Зимина «Социализм и неостали-

низм». Зимин утверждает, что теперешний советский строй, который он называет неосталинизмом, — не стихийное завершение попытки социалистического строительства, начатого Лениным и большевистской партией после Октябрьской революции, а уход от него и результат сознательного изменения этого замысла Сталиным — в нынешнем СССР все

«...пронизывается интересами и стремлениями, традициями, амбициями и мифологией Российского государства, унаследованными от капиталистического и даже докапиталистического прошлого», [17]

и в нынешнем мире капитализм является демократической альтернативой чудовищному порождению сталинизма. Зимин пишет:

«Общественный строй в СССР, ныне именующий себя реальным социализмом, не только далек от подлинного социализма, ...Этот строй ...не содержит в себе объективных закономерностей и тенденций возврата на путь развития в направлении социализма, а его политически властвующая элита не заинтересована в таком развитии».

Но это и не капитализм. Это общество, зашедшее в тупик. [18]

Хотя большинство непартийных и партийных единомышленников покинули Медведева, они сохранились в среде советской бюрократии и среди обслуживающей аппарат гуманитарной интеллигенции. Об этом свидетельствует очевидная из публикаций Медведева 70-80-х годов его осведомленность о деталях советской внешней и внутренней политики, а также о событиях в мире власть имущих. [19] Сохранил Медведев и веру в партийно-демократическую идеологию. В 1972 году он, несмотря на продолжавшийся отлив сторонников, писал, что можно рассчитывать на быстрое развитие партийно-демократического направления, что оно в течение 70-х годов может превратиться из «настроения» в массовое общественное движение, получив поддержку студенчества и молодежи вообще. [20] В случае такого развития событий Медведев полагал, что проведение «серьезной программы демократических реформ» можно будет осуществить лет за 10 [21] и что общество развитого социализма может быть создано в СССР в течение 70-х годов, [22] а бесклассовое коммунистическое — к концу XX века или в начале XXI. [23]

У Медведева были некоторые основания для оптимизма относительно возможностей партийно-демократического направления, поскольку и после массового разочарования в советском режиме идея демократического социализма сохранила обаяние не только для небольшой части советской и партийной бюрократии. Неудовлетворенные советской деятельностью одиночки и небольшие неформальные группы, изучавшие классиков марксизма и размышлявшие над их творениями в поисках «настоящего» социализма, очень многочисленные в 50-60-х годах, не перевелись и в 70-е годы. Такие правдоискатели составляли значительную часть политзаключенных и в хрущевские и в брежневские времена. Об одном таком кружке среди армейских офицеров в начале 50-х годов писал впоследствии в своей автобиографии Юрий Орлов (к счастью, там обошлось без арестов). Члены кружка пришли к выводу, что в СССР «диктатура пролетариата» заместилась «диктатурой бюрократии». [24]

Была среди социалистов и организованная часть — подпольные и полуподпольные кружки и организации, почти полностью молодежные. В большинстве случаев каждый такой кружок был замкнут в себе, лишь некоторые из них были связаны с двумя-тремя другими такими же кружками и связи эти не шли далее совместных совещаний. Эти юноши нового послевоенного поколения были искренними марксистами, социалистами и патриотами, они стремились не к ниспровержению существующего строя, а к его улучшению возвращением к «настоящему» «ленинскому» социализму или к реформе «по югославскому образцу».

В Москве самым крупным и деятельным был кружок Льва Краснопевцева, составившийся из выпускников исторического факультета МГУ. Его основали в мае 1957 года 7 выпускников исторического факультета МГУ с целью добиваться последовательной десталинизации, либерализации в политике и в экономике. Члены кружка вели теоретическую работу по выяснению исторических корней сталинизма и большевизма в целом. Они завязали связи с польскими «ревизионистами», делали попытки связаться с оппозиционным движением Гариха в Восточной Германии. Они подготовили листовку с призывом к борьбе за социалистическое обновление в духе XX съезда КПСС и распространили 500 экземпляров этой листовки в разных районах Москвы. В августе 1957 года 9 членов кружка были арестованы. Кроме них по делу проходили еще 12 человек. [25] Такими же были кружки Виктора Трофимова и Михаила Молоствова в Ленинграде.

Таким же был ленинградский кружок выпускников Технологического института. В бытность студентами его участники, борясь с преступностью, входили в комсомольскую бригаду по патрулированию улиц. Там они и подружились. Их программным документом стала книга, написанная членами кружка Валерием Ронкиным и Сергеем Хахаевым «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата». Книга была написана в 1962 году, и очень близка идеям Милована Джиласа о «новом классе», хотя авторы смогли прочесть эту работу Джиласа лишь в 1965 году. После их ареста следствие установило 88 человек из десяти разных областей, прочитавших книгу Ронкина и Хахаева (ее размножили фотоспособом). Кроме того, группа распространяла листовки, а в 1965 году стала издавать журнал «Колокол». При подготовке третьего выпуска члены кружка были арестованы.

Такая же судьба постигла группу студентов и преподавателей в Горьком, написавших с марксистских позиций работу «Социализм и государство» и устроивших ее коллективное обсуждение, [27] и Марксистскую партию нового типа в Рязани в 1968 году, [28] и столь же немногочисленных членов Партии истинных коммунистов в Саратове, [29] и Демократический союз социалистов. Этот союз состоял из студентов Кишиневского института искусств и молодых школьных учителей. Они соорудили печатный станок, отпечатали на нем 1300 экземпляров газеты «Правда народа» и распространили (в 1964 году) в Кишиневе и в Одессе. [30] Была разгромлена и Партия борьбы за реализацию ленинских идей в Ворошиловграде в 1970 году, [31] и созданный в 1963 году на Дальнем Востоке среди военных Союз борьбы за возрождение ленинизма. Его основатель генерал Петр Григоренко писал листовки, критикуя советскую действительность за отступления от «истинного», ленинского социализма. Одну такую листовку он раздавал, стоя в полной генеральской форме, у проходной московского завода «Серп и молот», рабочим, идущим на работу. [32]

Однако к концу 60-х годов Григоренко, сохранив коммунистические убеждения, стал активистом правозащитного движения, а к середине 70-х годов — антикоммунистом. [33]

В период активности правозащитного движения подпольная деятельность почти прекратилась, в Москве социалистические кружки перевелись, в провинции их стало меньше, но сторонники социализма сохранились в Ленинграде.

24 февраля 1976 года, в день открытия XXV съезда КПСС, с галереи Гостиного Двора на Невском проспекте четверо юношей сбросили около 100 листовок, написанных от руки печатными буквами: «Да здравствует новая революция! Да здравствует коммунизм!».

Были задержаны студенты-первокурсники Андрей Резников, Александр Скобов, Аркадий Цурков и десятиклассник Александр Фоменко. Их исключили из комсомола и из учебных заведений. [34]

В апреле 1976 года группа, назвавшая себя Ленинградской школой, куда вошли эти юноши, утвердила платформу-тезисы, в которой заявлялось о начале ее деятельности,

«...направленной на преобразование существующего общества»

на основе марксизма и ради достижения коммунизма. Советский строй группа называла государственно-монополистическим капитализмом. Конкретно намеченные преобразования должны были заключаться в

«... отстранении от власти класса государственной бюрократии»

в результате классовой борьбы трудящихся во главе с интеллигенцией. [35]

Тогда же, в 1976 году, члены группы организовали молодежную коммуну, сняв половину дома на окраине Ленинграда. Здесь проходили дискуссии, обменивались самиздатом, здесь останавливались приезжающие из других городов приятели.

Весной 1978 года группа, теперь называвшая себя «левой оппозицией», стала выпускать журнал «Перспективы» (вышло два выпуска). В октябре 1978 года намечалась конференция, на которую пригласили единомышленников из Москвы, Горького и из других городов. [36] Но начались обыски и допросы, задевшие около 40 человек. В течение октября были арестованы Александр Скобов (студент исторического факультета ЛГУ) и Аркадий Цурков (студент физического факультета), а несколько позже — Алексей Хавин (студент-медик). [37] Аркадий Цурков, получивший по приговору 5 лет лагеря строгого режима и 2 года ссылки, заявил в последнем слове, что после освобождения будет продолжать борьбу. Друзьям, собравшимся у здания суда, он крикнул: «Да здравствует демократическое движение!»

После разгрома коммуны ее участники Ирина Цуркова и Александр Скобов примкнули к независимому профсоюзу СМОТ. Когда арестовали два состава Совета представителей СМОТ, они оба вошли в его третий состав и оба оказались в заключении. [38]

В декабре 1979 года состоялся суд над членами молодежной группы, назвавшейся Союз революционных коммунаров (рабочий Владимир Михайлов, художник Алексей Стасевич и студентка Алевтина Кочнева); они тоже жили коммуной на снятой квартире. Коммунары писали на стенах зданий лозунги типа «Демократия — не демагогия!» и «Долой госкапитализм!», а также распространяли ли-

стовки с разъяснением, что все зло в мире — в наличии государства, частной собственности и семьи, и с призывом объединиться в мировую организацию для искоренения антигуманности. Судили их за «хулиганство». Подсудимые заявили о своей солидарности с французскими студентами, выступившими в 1968 году. [39]

Во второй половине 70-х годов, после двадцатилетнего перерыва вновь возникло объединение социалистов в Москве. Оно родилось в той же социальной среде, в которой в 50-60-е годы пользовалось успехом партийно-демократическое направление. Три ведущих деятеля объединения были: Андрей Фадин и Павел Кудюкин — сотрудники Института мировой экономики и международных отношений; Борис Кагарлицкий — аспирант института театрального искусства. Они, как и другие участники объединения, в силу происхождения имели связи в советском и государственном аппарате, в среде гуманитарной элиты. Отец Фадина был референтом ЦК КПСС в Норвегии, отец Кагарлицкого — известный советский литературовед, специалист по английской и американской научной фантастике. По возрасту участники этого объединения (30 лет и моложе) — второе поколение социалистической оппозиции послесталинского времени.

Первым практическим делом этого кружка был самиздатский периодический журнал «Варианты», основанный в 1977 году. [40] Вначале этот журнал, как и «Политический дневник» Медведева, предназначался для узкого круга, для «своих», но он был не информационным, как «Политический дневник», а теоретическим. Авторы «Вариантов», согласно информационному изданию правозащитников Бюллетеню «В», вели дискуссию

«...по поводу судеб марксистского наследия и социалистических идей в современном мире, прежде всего в России, опыта западных социал-демократических партий, опыта сближения интеллигенции и рабочего класса». [41]

Состояние массового сознания в СССР в 80-е годы делало эту задачу чрезвычайно трудной. Корреспондент французского журнала «Альтернативы» осенью 1980 года собрал мнения представителей различных социальных слоев советского общества о советском диссенте,задавая им, в частности, вопрос:

— Что значит быть социалистом сегодня в Советском Союзе?

Ответы были таковы: рабочий (грузчик), 32 года:

— Настоящий социалист — понятие из кино. В жизни не встречал.

Бывший рабочий, люмпен, 33 года:

— С этим понятием не сталкивался.

Студентка технического института, 19 лет:

— Не знаю.

Журналист, 35 лет:

— Социалист — понятие весьма растяжимое и совершенно абстрактное, из области идеального, как и многие другие понятия типа «социализм» (особенно — с человеческим лицом: почему-то более, чем 60-летняя история страны, в которой победила идеология марксизма и коммунисты пришли к власти, ничему не научила поклонников этих внежизненных схем).

Православный публицист, 31 год:

— За 60 лет советской власти слово «социализм» настолько дискредитировано, что вызывает, как правило, только отрицательные эмоции. [42]

Для внедрения идей социализма в массовое сознание Павел Кудюкин и Борис Кагарлицкий в 1979 году создали самиздатский журнал «Левый поворот», который затем был переименован в «Социализм и будущее». К сожалению, ни один выпуск «Вариантов» и других социалистических журналов не достиг Запада. О «Левом повороте» и «Социализме и будущем» можно судить лишь по рецензии их 15 выпусков. [43]

Анонимный автор рецензии называет «Варианты» политическим родственником «Левого поворота», но считает взгляды «Вариантов» несколько более широкими. Рецензент пишет, что они исповедуют

«...социализм демократический, и чтобы он был экономически эффективным».

На первом плане такая примерно основополагающая идея: «Реформы сверху под давлением снизу».

Рецензент, тоже социалист и марксист, считает оправданной ставку «Левого поворота» на обращение «к молчаливому большинству» и создание организационной базы движения — независимые профсоюзы, журнал, подпольная библиотека и т.д., но он критикует редакцию за «чрезмерные восторги» по поводу западных «левых» и за «левую риторику».

«Левый поворот», а затем «Социализм и будущее» выходили, примерно, в ста экземплярах и распространялись, по крайней мере, к 1982 году в Москве и еще в трех городах. Сотрудники «Вариантов» и «Социализма и будущего» пытались достать шрифт и наладить подпольную типографию для увеличения тиража обоих журналов. [44]

О взглядах этой группы социалистов дает представление их самоназвание «еврокоммунисты» и объемный труд Бориса Кагарлицкого (под псевдонимом В. Краснов) «Диалектика надежды», законченный в мае 1981 года — история развития социалистических идей в России, их применения на практике от создания социал-демократической партии и победы Октябрьской революции до наших дней. [45] Книга свидетельствует о хорошем знакомстве автора не только с работами Маркса и Ленина, но и с западной литературой и с самиздатом и с тамиздатом.

В коллективном ответе на вопросы французского журнала «Альтернативы» члены редакции «Вариантов» энергично заявляли, что

«...с современной властью не может быть никакого сближения»,

но в отдаленной перспективе они надеялись, что при достаточно остром кризисе властвующий блок расколется и определенная его часть пойдет на сотрудничество с оппозиций (опыт Чехословакии 1968 года, Испании после 1976 года, Бразилии после 1978 года, Польши в 1980-1981 гг. и т.д.).

Они надеялись на вызревание новых форм, возможностей и масштабов оппозиционной деятельности в 1980-е годы, когда наряду с традиционным диссидентством (так они называли правозащитное движение) будут расти полулегальные независимые объединения — клубы, профсоюзы и т.п. и одновременно возникнет социалистическое подполье. Свое место они видели именно в организации этого подполья, полагая это развитием прежних диссидентских установок в изменившихся условиях. [46]

Для этого была задумана Федерация демократических сил социалистической ориентации. [47]

6 апреля 1982 года были арестованы Андрей Фадин, Павел Кудюкин, Борис Кагарлицкий, Юлий Хавкин, Владимир Чернецкий, а несколько позже — Михаил Ривкин в Москве и Андрей Шилков в Петрозаводске. [48] Их обвинили в «антисоветской пропаганде» и в создании антисоветской организации, но — случай почти беспрецедентный — заступничество западных коммунистических и социалистических партий и согласие «раскаяться» привело к освобождению от суда всех, кроме Шилкова и отказавшегося от раскаяния Ривкина. [49]

Неизвестно, сколько групп объединяла Федерация, тем более — сколько их по всей стране. Но идея этой Федерации возникла не на пустом месте. В конце 70-х годов, примерно тогда же, когда возник журнал «Варианты», в литовском самиздате появился неомарксистский журнал «Перспективос» — за его выпуск были осуждены Витаутас Скуодис, Гинтаутас Ешмантас и Повилас Печелюнас. [50] В то же время в Латвии Юрис Бумейстер возродил (в подполье, конечно) Латышскую социал-демократическую партию. [51]

В Москве, в Ленинграде и в русской провинции надписи на стенах и листовки начала 80-х годов свидетельствовали о наличии подпольщиков-социалистов. Несколько таких кружков были раскрыты: группа «Новый путь», распространявшая листовки в Москве на Красной Пресне, [52] социалистическая группа в Выборге, [53] Инициативная группа Ветрова в Куйбышеве. [54] Известна также группа социалистов вокруг сборника «Социалист-82» [55] (псевдоним издателя — Марк Болховской). Большинство из одиннадцати статей этого сборника (тоже подписанные псевдонимами) посвящены доказательствам несоциалистической природы советской системы. Практические действия, предпочитаемые этой группой, можно представить себе из статьи Я. Васина о польских событиях 1980 года, которые автор называет «социалистической по целям революцией» и о которых он пишет как об «оптимальном» пути массового ненасильственного сопротивления и классовой организации. Он весьма одобряет призыв не громить комитеты ПОРП, а создавать собственные. [56]

Еще один коллективный труд авторов-социалистов— появившаяся в самиздате в конце 1983 года статья «Избирательная системы в СССР и морально-политическое единство советского общества», подписанная «Марксистской общественной группой 68- 80». Цифры эти указывают на идейную ориентацию группы — на Пражскую весну (1968 г.) и на польский профсоюз «Солидарность» (1980 г.). [57]

В самиздате 80-х годов заметно участились по сравнению с 70-ми годами произведения марксистского и социалистического направления. Обнаруживают литературный талант и широкую образованность произведения Марка Болховского. [58] К социалистическому направлению относится и работа Н. Аргуни «Русские социалисты и будущее России», [59] критика работ Маркса с марксистских же позиций Виктора Арцимовича (Томск) «Противоречие на противоречии», [60] и работа физика Евгения Андрюшина «Положение рабочего класса в СССР» — анализ проблемы с марксистских позиций; [61] и критика с тех же марксистских позиций, внешней и внутренней политики КПСС в работе «Погаснувший рассвет» Германа Обухова, [62] исследование геолога Георгия Хомизури «История Политбюро ЦК КПСС»; [63] статья студента философского факультета МГУ Малинина «Марксизм-ленинизм в лице его главный пророков» и др. Социалистическое направление в СССР имеет четкую демократическую окраску. Социа-

листы наряду с правозащитниками и пацифистами противостоят антидемократическим направлениям диссента — сталинизму, шовинизму и фашизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Григорий Свирский. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления. (1946-1976). Новая литературная библиотека, Overseas Publications, London, 1979;Abraham Rothberg. The Heirsof Stalin. Dissidence and the Soviet regime, 1953-1970. Cornell University Press, Ithaca London, 1972; Петр Григоренко. В подполье можно встретить только крыс. Нью-Йорк, издательство «Детинец», 1981; Юрий Орлов. Автобиографическая заметка. Хроника защиты прав в СССР, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», № 25, с.с. 72-75; Владимир Буковский. И возвращается ветер..., Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1979; Револьт Пименов. Один политический процесс. «Память», исторический сборник. Москва Париж, ИМКА, вып. 2, с.с. 7-119; Борис Вайль. Особо опасный. London Overseas Publications, 1980; Раиса Орлова. Воспоминания о непрошедшем времени. Ardis, 1984.

2. Рой Медведев. Книга о социалистической демократии. Амстердам — Париж, Фонд имени Герцена, 1972, с. 63.

3. Там же, с.с. 65-66.

4. Там же, с. 100.

5. Там же, с. 399.

6. Там же, с. 371.

7. Там же, с. 373.

8. Там же, с. 374.

9. Там же, с.с. 92-93.

10. Сахаров о себе. — А. Сахаров. О стране и мире. Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1976, с. X.

11. «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника» (ХТС), вып. 37, с.с. 51-52.

12. Сахаров о себе, с. IX.

13. А.Д. Сахаров, В.Ф. Турчин, Р.А. Медведев. Письмо руководителям партии и правительства. 19 марта 1970 г. — Архив самиздата радио «Свобода» (АС), Мюнхен, № 360, т. 5.

14. А. Сахаров. Послесловие к Памятной записке. — В: О стране и мире, с. 133.

15. Р. Медведев. Цит. соч., с. 65.

16. А. Сахаров. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. — В: О стране и мире, с.с. 141-180.

17. А. Зимин. Социализм и неосталинизм. Нью-Йорк, Chalidze Publications, 1981, с. 157.

18. Там же, с.с. 170, 173-174.

19. Roy Medvedev. Khrushchev. Doubleday, 1983; Roy Medvedev. Brezhnev: A Bureacrat's Profile. — Dissent, Spring 1983; Roy Medvedev. Whither Dissent? — A Chronicle of Human Rights in the USSR No. 48, pp. 13-16.

20. Рой Медведев. Цит. соч., с. 66.

21. Там же, с.с. 374-375.

22. Там же, с. 400.

23. Там же, с. 369.

24. Юрий Орлов, с. 86.

25. С.Р. Рождественский. Материалы к истории самодеятельных политических объединений в СССР после 1945 года. — «Память», вып. 5, с.с. 231-249.

26. Н. Песков. Дело «Колокола». — «Память», вып. 1, с.с. 269-284.

27. Хроника текущих событий, вып. 1-15. Амстердам, Фонд им. Герцена, вып. 5, с. 94; вып. 6, с.с.<P8M> 112-113.

28. Там же, вып. 12, с. 352; вып. 14, с.с. 431-433.

29. Там же, с.с. 351-352; вып. 14, с. 439.

30. С.Р. Рождественский, с.с. 276-283.
31. ХТС, вып. 33, с. 46.
32. П. Григоренко. Цит. соч., с.с. 502-504.
33. П. Григоренко. Цит. соч., с.с. 483-546.
34. ХТС, вып. 40, с.с. 129-130.
35. ХТС, вып. 51, с. 35.
36. Там же, с.с. 34-37; вып. 53, с.с. 35-39.
37. ХТС, вып. 53, с.с. 160-161.
38. «Вести из СССР. Права человека» под ред. Кронида Любарского. Мюнхен, 1982, вып. 23/24 № 1; 1983, вып. 2, № 31.
39. ХТС, вып. 55, с.с. 9-11.
40. Ответы независимого альманаха «Варианты» (Москва) на вопросы журнала «Альтернатива» (Париж). — «Форум» (под редакцией Владимира Малинковича, Мюнхен), № 1, с. 33.
41. Бюллетень «В», вып. 74, № 49 (Архив издательства «Хроника»).
42. Ответы советских граждан на вопросы журнала «Альтернатива» — «Форум», № 1, с.с. 3-32.
43. Архив самиздата радио «Свобода» № 4694, вып. 26/82.
44. Бюллетень «В» — 83, № 48 (архив изд-ва «Хроника»); «Вести из СССР», 1982, 20/21, № 7.
45. В. Краснов. Диалектика надежды (архив журнала «Проблемы Восточной Европы» под ред. Ф. и Л. Силницких, Нью-Йорк).
46. «Форум», № 1, с.с. 42-44.
47. «Вести из СССР», 1-1982, вып. 20/21, № 7; 1983, вып. 21, № 1; В. Краснов. Предисловие 12 мая 1981 г., с. 1.
48. ХТС, вып. 64, с. 18; Вести из СССР, 1982, вып. 10, № 1; вып. 12, № 3.
49. АС № 5072, вып. 42/83; Вести из СССР, 1983, вып. 21, № 1.
50. ХТС, вып. 60, с.с. 66-68.
51. Интервью с председателем заграничного комитета социал-демократической партии Латвии Бруно Калныньшем. — «Форум», № 4, с.с. 67-74.
52. «Вести из СССР», 1983, № 32.
53. Там же, 17, № 8.
54. Там же, 1982, 18, № 12; 1983, 17, № 7; 1984, 5, № 5; 7, № 7.
55. «Социалист — 82» (самиздат). — «Форум», № 3, с.с. 60-80.
56. Там же, с. 77.
57. Архив самиздата радио «Свобода» (АС) № 5112, вып. 48/83.
58. Марк Болховской. Судьба революционно-социалистической интеллигенции в России. «СССР: Внутренние противоречия» под ред. Валерия Чалидзе. Нью-Йорк, Chalidze Publications, вып. 5, с. с. 192-235; Болховской. Катаев и революция. — АС, № 4412, вып. 34/81; Болховской. Утопии в космический век. — АС № 4391, вып. 30/81.
59. Н. Аргуни. Русские социалисты и будущее России. — «Форум», № 4, с.с. 156-176.
60. ССЕ, № 64, р. 12.
61. Вести из СССР, 1983, 6, № 16.
62. Там же, 19, № 6.
63. Там же, 1984, 5, № 7.

ДВИЖЕНИЕ
ЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА

Это движение проявилось гораздо позже национальных, религиозных и правозащитного, его начало относится к 1978 г., и к началу 80-х годов оно не вышло из зачаточного состояния. Однако события в Польше показали перспективность рабочего, а точнее — профсоюзного движения в стране, социально-экономическая система которой подобна советской, и это обусловило повышенный интерес к аналогичным явлениям в СССР. Иногда по отношению к Советскому Союзу это движение называют «рабочим», но это неверное определение, если под «рабочими» понимать «синие воротнички», так как в движении за социально-экономические права участвуют не только рабочие, а в СССР рабочие даже не составляют в нем большинства, как это было в Польше.

Однако неверно и утверждение, что советские рабочие общественно пассивны. Только правозащитное движение на самом раннем его этапе было почти сплошь интеллигентским. Но, по моим подсчетам, уже с 1976 г. среди осужденных за правозащитную деятельность рабочие составили более 40%. Что касается национальных и религиозных движений, то в каждом из них значительную часть участников всегда составляли рабочие, а в некоторых (крымскотатарское движение за возвращение в Крым, немецкое движение за выезд в ФРГ, религиозные движения баптистов, пятидесятников и адвентистов) — основной контингент. [1] Однако ни в одном из диссидентских движений классовая принадлежность участников не проявлялась в характере требований, все эти движения сосредоточены на достижении гражданских, а не социально-экономических прав. Даже те движения, в которых рабочие составляют большинство, не выдвигали специфически рабочих и вообще каких-либо социальных требований. Долгое время не выдвигало их и правозащитное движение, тоже сосредоточенное на гражданских и политических правах.

Долгое время самиздат почти не обращался к социально-экономическим проблемам. С 1965 г. была известна запись лекции советского экономиста А. Г. Аганбегяна «О советской экономике». В 1970 г. появилось Открытое письмо Брежневу А. Сахарова, В. Турчина и Р. Медведева, настаивавших на необходимости демократизации системы, поскольку без этого невозможно преодоление отставания советской экономики и научно-технического развития от Запада. Этой же проблеме посвящено письмо к Брежневу Юрия Орлова. [2] Однако эти работы были основаны на собственной оценке авторами общего положения в стране, они не были реакцией на выступления в защиту социальных прав, потому что не было связи между правозащитным движением и людьми, заявлявшими социальные требования.

В СССР были волнения на экономической почве, которые власти подавили оружием. Наиболее известны такие волнения в Новочеркасске в 1962 г. [3] Были они и в других местах, но о них нет информации от непосредственных свидетелей событий. Большинство этих волнений относится к началу 60-х годов, но даже смутные сообщения стали известны гораздо позже. Тогда еще не было правозащитного движения, которое создавало налаженные каналы информирования советской и мировой общественности о событиях, замалчиваемых официальными источниками. Однако забастовки и другие выступления рабочих имели место и позже, когда эти каналы уже действовали, и информация, скажем, о религиозных и национальных движениях систематически поступала к правозащитникам, но не о выступлениях по социально-экономическим мотивам.

Информационный орган правозащитников — «Хроника текущих событий» — помещала все достоверно известные ей сведения о выдвижении социально-экономических требований. Таких случаев с 1968 г., когда стала выходить «Хроника», оказалось всего несколько. Первое такое сообщение появилось в 8-м выпуске «Хроники».

В поселке Березки под Киевом, где жили в бараках рабочие ГЭС, в мае 1969 г. вновь избранный домовый комитет под председательством майора в отставке Ивана Грещука провел собрание рабочих поселка и постановил обратиться в ЦК КПСС с жалобой на начальство ГЭС, которое не использовало средства, предназначенные на ремонт бараков, а в новые дома вселяло начальство и близких к нему людей, но не рабочих. Письмо в ЦК подписали 600 жителей поселка. Грещук во главе избранной делегации отправился с этим письмом в Москву. В июле он был там арестован. Рабочие написали второе письмо — с требованием освобождения Грещука, но он был признан невменяемым и отправлен в спецпсихбольницу. ХТС не имеет сведений, как долго он там находился. Известно лишь, что в 1975 г. он вновь был арестован за «клевету на советский строй» и в 1983 г. еще находился на «излечении». [4]

Следующее такое сообщение появилось в «Хронике» вып. № 39 (1975 г.) — о забастовке водителей автобусов в Шяуляе (Литва). Затем «Хроника» № 42 (1976 г.) поместила сообщение об «итальянской забастовке» на Кировском заводе в Ленинграде. Около 400 человек, являясь на работу, на самом деле не работали, давая лишь 4-5% плана. Забастовка была вызвана плохим обращением начальства с заключенными, работавшими на заводе. «Хроника» № 49 (1978 г.) сообщила о забастовке на Каунасском комбинате резиновых изделий. [5]

С 1980 г. сообщения о забастовках участились, что объясняется ухудшением экономической ситуации в СССР и, возможно, в какой-то мере влиянием польских событий (особенно это относится к Прибалтийским республикам). Были сообщения о забастовках в Горьком и в Тольятти, [6] в Тарту и в других местах Эстонии, [7] несколько забастовок произошло в Киеве. Об одной из них известно, что руководили ею вновь избранные партком и профком. [8]

Как правило, советские забастовки не выставляют ни политических, ни общих социально-экономических требований, как это было начиная с 50-х годов в Венгрии, Польше и других восточноевропейских странах. Наиболее частые причины забастовок — необоснованное снижение расценок, повышение норм выработки или невыплата премиальных. Забастовщики предъявляют обычно только одно это требование: вернуть старые расценки или старые нормы выработки, выплатить премии. К забастовавшим тут же является комиссия из местного партий-

ного (а иногда и советского) начальства. Требования бастующих, как правило, удовлетворяются. Начальник, чье распоряжение вызвало забастовку, получает выговор или его даже увольняют. В последнее время участились случаи, когда к требованиям о расценках или выплате премиальных добавляются требования улучшить продовольственное снабжение в городе (поселке). Тогда в это место на какое-то время подкидывают больше мяса или масла.

Прибывшее на месте забастовки начальство выступает перед рабочими в роли их защитников от зарвавшегося заводского бюрократа (или бюрократов), и забастовщики обычно подыгрывают в этом фарсе — кто по неумению взглянуть на проблему шире, а кто — лукавя ради достижения непосредственной цели забастовки.

Если инициаторы забастовки не соблюдают это правило игры — исходить из того, что в «рабочем государстве» власть на стороне рабочих, то нельзя ждать удовлетворения требований — наоборот, начинаются «проработки» и увольнения, а то и арест инициаторов (обычно их потом признают невменяемыми, тоже из пропагандистских соображений: в СССР среди рабочих недовольными могут быть лишь сумасшедшие). Так случилось и с И. Грещуком. Такова же судьба донецких инженеров Владимира Клебанова и Алексея Никитина, которые попали в психбольницу за то, что попытались у себя на шахтах создать группы по защите прав рабочих, для наблюдения за выполнением трудового законодательства и правил техники безопасности. [9]

Попытки сформулировать общие требования в социально-экономической области предпринимались по крайней мере с середины 50-х годов, но исходили они не от забастовщиков, а от небольших групп или даже одиночек, действовавших подпольно. Среди этих деятелей были интеллигенты, выставлявшие требования по марксисткой традиции (группа Краснопевцева в Москве, раскрытая в 1957 г.; группа «Колокол», раскрытая в 1967 г. в Ленинграде; группа в Горьком, 1970 г.; листовки А. Болонкина в Москве за подписью «Гражданский Комитет» в 1972 г.) [10] В некоторые подпольные группы входили и интеллигенты, и рабочие — в Алма-Ате, Рязани, Свердловске, Красноярске, Керчи, Ворошиловграде и других местах в конце 60-х — начале 70-х годов. [11] Эти группы в своих программах и распространяемых ими листовках выставляли и общедемократические требования (свобода слова, печати, освобождение политзаключенных и т.д.), и социальные (повышение заработной платы рабочим и стипендий студентам, улучшение жилищного положения и т.п.). Но подпольность препятствовала налаживанию их связей с окружающими и с правозащитниками и делала эти группы неэффективными. Информация о нарушениях социальных прав и о случаях борьбы за эти права, известная участникам подпольных групп, оставалась неизвестной за пределами поселка, города, и, следовательно, не встречала отклика и поддержки.

В 70-е годы было предпринято несколько попыток предать гласности тяжелое положение трудящихся в Советском Союзе.

Одесский рабочий Леонид Серый в 1976 году и Анатолий Марченко в 1977 г. написали открытые письма на эту тему, обращаясь к зарубежным профсоюзам. Инженер из Донецка Алексей Никитин пригласил в Донецк американских корреспондентов и сумел организовать их встречу с шахтерами, которые рассказали им о своей тяжелой жизни, за что А. Никитин снова попал в спецпсихбольницу.

Первой правозащитной ассоциацией в СССР, издавшей документы о положении в области социально-экономических прав, стала Московская Хельсинкская

группа. В дополнении к документу № 7 МХГ писала об арестах среди рабочих в связи с забастовкой в Рижском порту в мае 1976 г. В декабре 1976 г. МХГ издала документ № 13 «Требования эмиграции по политическим и экономическим причинам со стороны рабочих». Этот документ составлен по заявлениям в Группу пяти рабочих с просьбой помочь им эмигрировать в любую капиталистическую страну, так как в СССР они не могут честным трудом прокормить свои семьи. В документе подчеркивалось бессилие советских профсоюзов как защитников интересов трудящихся. [12] К этой теме МХГ возвращается в документе № 85, представляющем собой обзор — «Нарушения социально-экономических прав человека в СССР. Право на труд»:

> *«Наибольшим нарушением прав рабочих и служащих является отсутствие у них реальной возможности защищать свои интересы. В советском законодательстве нет права на забастовку, любая попытка коллективного выступления жестоко подавляется. Имеющиеся в СССР отраслевые профсоюзы есть по сути образование партийно-государственное, они не являются организацией рабочих для борьбы за повышение уровня жизни и улучшения условий труда... Профсоюзы в СССР занимаются вопросами производства, выполнения плана, укрепления дисциплины, воспитательной и идеологической работы... и лишь в самом ничтожном объеме защищают интересы рабочего»*. [13]

С начала 1978 г. социально-экономическая тематика стала занимать заметное место в документах МХГ. Документ № 36 является откликом на создание Свободного профсоюза трудящихся. МХГ подчеркивает полную законность этой ассоциации. Документ № 37 посвящен социальному обеспечению по болезни. Указывается на зависимость пенсий от трудового стажа и на их мизерность, особенно у тех, кто рано утратил трудоспособность. В документе № 85 отмечается, что в стране существует никак не учитываемая безработица и отсутствует пособие по безработице; низкий уровень заработной платы основной массы населения; использование женского труда на тяжелых работах; существование разных форм принудительного и полупринудительного неоплачиваемого труда; сверхурочные работы для выполнения плана, «субботники», посылка горожан на работы в колхозы и т.п.; резкое ограничение выбора места работы из-за системы трудовых книжек и прописки.

В нескольких документах отмечается дискриминация в области труда разных категорий граждан — инвалидов (№ 38), верующих (№ 23), бывших политзаключенных (№№ 6 и 46), добивающихся эмиграции (№№ 47 и 159), членов независимых общественных ассоциаций (№№ 47, 75-77, 96).

В документах МХГ содержится информация о существовании принудительного труда в СССР в широких масштабах. Кроме системы принудительных работ для большинства трудящихся, о которых говорилось в документе № 85 (см. выше), существует система принудительного труда в связи с наличием в советском законодательстве статьи о «тунеядстве» (документ № 47). В «тунеядстве» можно обвинить каждого, кто живет на нетрудовые доходы. В судебной практике вопрос о «нетрудовых доходах» по существу не исследуется. Часто этот закон используется против инакомыслящих (которых перед этим увольняют с работы и не дают возможности трудоустроиться). Так, 20 марта 1978 г. был осужден к 1 году лишения свободы член Грузинской Хельсинкской группы кандидат наук кибернетик Гри-

горий Гольдштейн, который после подачи заявления о выезде в Израиль был уволен и жил на свои трудовые сбережения. Таких случаев известно очень много. Чтобы избежать осуждения за тунеядство, специалистам высокой квалификации после увольнение (например, в связи с желанием эмигрировать) приходится искать любую работу, пусть тяжелую и низкооплачиваемую.

В документе № 63 поднимается вопрос о принудительном труде колхозников, лишенных возможности при желании выйти из колхоза. В документе № 85 отмечаются особо тяжелые условия их труда: ненормированный рабочий день, отсутствие оплачиваемых отпусков. [14] Особое место среди документов МХГ занимает документ № 87, составленный политзаключенными Уральских лагерей. Руководитель МХГ Юрий Орлов в предисловии к этому документу дает оценку численности заключенных всех категорий в Советском Союзе, на основании опросов заключенных и собственных наблюдений. Орлов полагает, что заключенные всех категорий составляют в СССР около 5 миллионов человек, т.е. 2% населения страны — все они включены в принудительный труд. Эти люди и их семьи

«... не менее ощутимая часть трудящихся, чем безработные и их семьи на Западе», —

заключает Ю. Орлов. [15]

Первой открытой ассоциацией, выступившей с социальными требованиям, стал Свободный профсоюз, созданный в феврале 1978 г. Импульс к созданию профсоюза возник в своеобразной среде «жалобщиков». Это люди, которые в течение долгого времени (некоторые по нескольку лет) добиваются восстановления своих нарушенных прав. Они многократно приезжают в Москву и проводят долгие часы в приемных Верховного Совета, ЦК партии, прокуратуры, ВЦСПС и т.д. Здесь перезнакомились будущие учредители Свободного профсоюза.

Инициатором создания первого в СССР независимого профсоюза стал уже упоминавшийся донбасский инженер Владимир Клебанов. Выйдя из психбольницы, он не смог добиться восстановления на работе, стал обращаться с жалобами по этому поводу в разные инстанции, и так оказался среди жалобщиков. Первым их совместным действием были коллективные заявления в разные советские инстанции с изложением дела каждого из них и общими выводами о невнимательности советских бюрократов к нуждам трудящихся — ответов они не получили. В конце 1977 г. 25 человек подписали «Открытое письмо к мировой общественности об истинном положении рабочих и служащих в канун 60-летия СССР». Они писали:

«Мы — советские люди из разных слоев общества, ... разных национальностей и из разных уголков страны ... мы — это многочисленная армия советских безработных, выброшенных за ворота предприятий за право на жалобу, за право на критику, за право на свободу слова... Сколько нас? Мы думаем, нас десятки тысяч, сотни тысяч... Сегодня страдаем мы — завтра любой гражданин СССР может стать членом нашего коллектива и мыслить по-нашему». [16]

Это письмо было передано Клебановым и несколькими жалобщиками иностранным корреспондентам на специально устроенной пресс-конференции. Каждый из присутствовавших на пресс-конференции рассказал корреспондентам свою историю. Они просили передать копии письма в Организацию Объединенных

Наций и на Белградскую конференцию государств-партнеров по Хельсинкским соглашениям.

Эти люди, говорившие от имени советских трудящихся, тем самым выступали как правозащитники. Но они не имели прочных контактов с правозащитниками, и более того — относились к ним с предубеждением. И сам Клебанов, и его товарищи неоднократно подчеркивали, что не имеют ничего общего с «диссидентами», что их цель —

> *«... помогать успешному строительству коммунизма и бороться с бюрократией и волокитой».*

В какой-то мере эти заявления были наивной попыткой уберечься от расправы, которая, как они знали, ждет «диссидентов»; но в какой-то мере эти заявления отражали самосознание жалобщиков. Вот как характеризует участников этой пресс-конференции (ставших вскоре основателями Свободного профсоюза) Евгений Николаев, помогавший Клебанову и его товарищам через своих знакомых правозащитников встретиться с западными корреспондентами:

> *«Подписанты, которые добивались своих прав, не являлись диссидентами в общепринятом значении этого слова. Это — обычные советские люди... Они стремились вернуться в ту официальную советскую колею жизни, из которой они были выброшены произволом местных властей. Они не собирались заниматься правозащитной деятельностью и политикой в общегосударственном и мировом масштабе».* [17]

Не обладали они не только психологией правозащитников, но и их опытом. По сообщению Николаева, вскоре после пресс-конференции человек 20-30 подписавших обращение, переданное западным корреспондентам, попросились во главе с Клебановым на прием в КГБ. Они объясняли там, что они не выступают против советской власти, а лишь стремятся к разрешению каждый своего дела, и поэтому их не должны наказывать. С ними беседовали очень любезно, но не со всеми сразу, а поодиночке. Каждому обещали решить его дело благоприятно, но просили не предпринимать никаких шагов вроде пресс-конференции, а ждать. Жалобщики разъехались по домам. Однако КГБ не спешил выполнять свои обещания. Люди снова стали съезжаться в Москву и снова, уже небольшими группами, ходили в КГБ и в другие инстанции, добиваясь удовлетворительного ответа каждый на свою жалобу. Но против них начались репрессии — их вылавливали по Москве и некоторых помещали в психбольницы, некоторых — осуждали на 15 суток якобы за мелкое хулиганство, а некоторых выслали по месту жительства под конвоем. У остальных взяли подписку о выезде из Москвы. Клебанов, которого ненадолго поместили в психбольницу, по выходе оттуда предложил своим товарищам создать профсоюз для совместной борьбы за свои права — он уже не надеялся на КГБ. В январе 1978 г. Клебанов распространил устав Ассоциации свободного профсоюза защиты рабочих и направил копию Устава в Международную организацию труда с просьбой о поддержке Свободного профсоюза. [18]

Однако и здесь сказалась его неопытность. Чтобы придать новой ассоциации больший вес, он стремился привлечь в нее как можно больше людей, а для этого убеждал каждого, что, поскольку создание профсоюза не противоречит закону, у

них нет оснований опасаться преследований. Записалось около 200 человек. [19] Но большинство составляли люди, не готовые к испытаниям, неизбежным в советских условиях для зачинателей независимой общественной ассоциации. Поэтому естественно, что как только Клебанов и два его ближайших помощника были арестованы, [20] профсоюз распался.

Но создатели профсоюза произнесли вслух то, о чем, видимо, уже многие задумывались или говорили шепотом, и разгром этой ассоциации не прервал начатого ее участниками дела. Сыграло роль и то обстоятельство, что радиостанции, работающие на Советский Союз, уделили начинанию Клебанова много внимания.

В апреле 1978 г. была предпринята новая попытка создания профсоюза. Несколько правозащитников (Всеволод Кувакин, Юрий Гримм, Александр Иванченко и др.) направили в Президиум Верховного Совета СССР, в Совет Министров и в ЦК КПСС заявление с требованием зарегистрировать на основании действующих нормативных актов Независимый профсоюз трудящихся СССР. Копии были направлены в Международную организацию труда и в Международную конфедерацию свободных профсоюзов. Ответа они не получили ниоткуда. [21]

Тогда один из инициаторов создания «легального» профсоюза Всеволод Кувакин, юрист по образованию, создал Рабочую группу защиты трудовых и социально-экономических прав человека в СССР (5 человек). Группа не проводила пресс-конференций и вообще никак о своем создании официально не заявляла, но стала подготавливать и предавать гласности обзоры о положении в этой области права в СССР: о нарушениях права на труд, о несоответствии уровня социального обеспечения международным нормам, о несоответствии советского трудового законодательства соответствующим международным договорам и соглашениям, в которых принял участие Советский Союз. Часть этих обзоров публиковалась в журнале «Поиски» (о нем см. стр. 265), часть — в самиздатских сборниках «В защиту экономических свобод» (см. стр. 265). Группа Кувакина делала очень нужную подготовительную работу, но это ни в коем случае не была организация профсоюзного типа. Планы создания профсоюзной организации продолжали горячо обсуждаться и среди правозащитников и среди «социал-демократов».

После долгих дискуссий было решено не лимитировать и без того слабые возможности какими-то политическими рамками, и создать правозащитную организацию, которая объединила бы людей самых разных профессий и убеждений. Так родился СМОТ — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся. Целью СМОТа было оказание правовой, моральной и материальной помощи своим членам. Для этого внутри СМОТа намеревались создать «кооперативные» объединения — кассы взаимопомощи, объединения для покупки или аренды домов в загородной местности для совместного пользования, для создания детских садов там, где их нет или не хватает, и даже для товарообмена (скажем, посылать из Москвы в другие города чай или сгущенное молоко, имеющиеся в Москве, в обмен на свиную тушенку, которая есть в некоторых районах Восточной Сибири, но отсутствует в Москве). Кроме того, при СМОТе должны были действовать «рабочие группы», собирающие и обобщающие информацию о положении в области социально-экономических прав в информационных бюллетенях.

Структурно СМОТ должен был представлять объединение самостоятельных групп, не менее пяти членов в каждой — жителей одного города или поселка или работников одного учреждения, предприятия. Каждая такая группа сама должна

была определять свое «поле деятельности», исходя из местных условий и своих возможностей. Каждая группа выделяла представителя в координационный орган СМОТ, и обнародовались только фамилии представителей. Они не должны были представлять списки членов своей группы и даже не должны были объяснять, кто они такие — лишь называть их численность. [22]

При создании СМОТ (28 декабря 1978 г.) были объявлены имена 8 представителей: Людмила Агапова (инженер), Владимир Борисов (электрик), Лев Волохонский (рабочий), Александр Иванченко (инженер), Евгений Николаев (географ), Валерия Новодворская (библиотекарь), Владимир Сквирский (геолог), Альбина Якорева (студентка, исключенная из института). Вскоре к ним присоединились еще шестеро: Вадим Баранов (шофер), Николай Никитин (шофер), Валентин Самойлов (пенсионер) и Николай Розанов (инженер), а через несколько месяцев — Наталья Лесниченко (машинистка) и Всеволод Кувакин (юрист). Но вскоре трое были арестованы (Владимир Сквирский, Николай Никитин и Лев Волохонский), двое эмигрировали (Евгений Николаев и Вадим Баранов), а несколько человек через некоторое время покинули СМОТ без особого нажима властей. При этом только Волохонский и Никитин передали свои группы другим представителям. [23] Остальные или забросили их или группы распались (если они вообще существовали). Принцип несообщения имен участников делал невозможным учет численности участников СМОТ и создавал простор для безответственных заявлений.

Ни одно из начинаний взаимопомощи на кооперативных началах осуществлено не было. Реально деятельность СМОТ проявилась в выпуске Информационного бюллетеня, однако и Бюллетень оказался не таким, каким был задуман. Первые выпуски почти целиком посвящены преследованиям основателей СМОТ, и в этом смысле они походили на информационные издания правозащитников, отличаясь от них, однако, резкими выпадами в адрес партийных и государственных органов и «нелояльными» характеристиками самой системы. Это не только облегчало преследование участников СМОТ, но и отпугивало от него его потенциальных сторонников.

Позднее в Информационных бюллетенях СМОТ стали появляться материалы на социально-экономические темы (о перебоях в снабжении в разных городах, о росте цен на продовольствие на рынках, о введении нормированного снабжения в разных местах и т.п.). [24] Это указывает на стремление издателей информационного бюллетеня СМОТ приблизить его к интересам массового читателя и в то же время на появление каких-то собственных каналов информации.

17 июня 1982 г. в Москве были арестованы издатели ИБ СМОТ Валерий Сендеров (математик, после увольнения из школы работал сторожем), Владимир Гершуни (рабочий, бывший политзаключенный) и Илья Гельцер (студент Института стали и сплавов). На обысках у них были изъяты, кроме бюллетеней СМОТ и материалов к ним, у Гельцера — листовки СМОТ (о продовольственной программе КПСС, призывы бойкотировать субботники, обращения в защиту А.Д. Сахарова), а у Сендерова — еще и листовки НТС (Народно-трудовой союз — эмигрантская политическая организация, программа которой включает изменение государственного и социального строя СССР). В момент ареста Сендеров заявил себя членом этой организации. В связи с этими арестами были проведены многочисленные обыски в Москве, Киеве и в Ленинграде, где 13 июня был арестован литератор Вячеслав Долинин, а 22 июня — филолог Ростислав Евдоки-

мов. При аресте Евдокимов, как и Сендеров, заявил, что считает себя членом НТС. [25] Таким образом, если учредители Свободного профсоюза во главе с Клебановым всячески подчеркивали свою лояльность и отмежевывались от «диссидентов», некоторые участники СМОТа — организации по замыслу политически нейтральной, — ассоциировались с НТС, не скрывающей своей нелояльности к советской системе. Правда, вступление в НТС было частным решением двух членов СМОТ. Другие, напротив, публично заявляли об отрицательном отношении к этой организации (Волохонский) или нейтральности по отношению к ней (Скобов). Видимо, по этому поводу внутри СМОТ существовали разногласия и велись горячие споры.

Между тем преследования СМОТа продолжались. 11 сентября 1982 г. произошли обыски в нескольких деревнях Новгородской области, где в лесничестве работал освободившийся из лагеря Лев Волохонский и несколько его друзей. 8 декабря Волохонский был арестован. На следующий день после его ареста был объявлен новый состав Совета представителей СМОТ: москвич Николай Уханов, ленинградцы Татьяна Плетнева, Александр Скобов, Ирина Цуркова, Владимир Сытинский, Русакова и Павлов (последняя фамилия — псевдоним).

В Ленинграде в нескольких местах на стенах зданий появились надписи: «Свободу Волохонскому!» «Свободу политзаключенным!». В Перми и в Иваново распространялись листовки за подписью СМОТ с призывом бойкотировать субботник 18 декабря. 20 декабря в Ленинграде снова прошла серия обысков и были арестованы Александр Скобов и Ирина Цуркова (об их причастности к «левой оппозиции» см. в главе «Правозащитное движение», стр. 271). [26]

12 июня был арестован Николай Уханов. После этого Совет Представителей СМОТ опубликовал заявление, что впредь не будет объявлять имена своих новых членов. [27]

Однако и после всех этих арестов Информационный бюллетень СМОТ продолжал выходить, только после выпуска № 35 выпуски перестали нумероваться, на них указывается лишь время выхода в свет. [28]

Еще одна попытка открытой ассоциации в защиту социально-экономических прав бала предпринята 25 октября 1978 г., когда Московская Хельсинкская группа объявила на своей пресс-конференции о создании Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР. ИГ инвалидов основали Юрий Киселев (Москва), Валерий Фефелов (Юрьев-Польский) и Файзулла Хусаинов (Чистополь). Цель группы — сбор и распространение информации о положении инвалидов в СССР, обращение с ходатайствами в компетентные органы об улучшении системы обеспечения инвалидов и помощи им, а также — из-за отсутствия ответов из соответствующих советских инстанций — обращение за поддержкой в международные организации инвалидов. Но главной своей целью ИГ инвалидов объявила создание Всесоюзного общества инвалидов.

Участники ИГ инвалидов стали подвергаться преследованиям с момента создания Группы (обыски, допросы, клеветнические и угрожающие статьи в местной прессе, лишение водительских прав, повреждение инвалидных транспортных средств и т.д.), однако Группа не свела свои функции к самозащите. ИГ стала выпускать Информационный бюллетень, [29] в котором публиковала свои документы и материалы о положении инвалидов, в том числе письма инвалидов, приходившие в Группу из разных мест. ИГ инвалидов разработала и распространяла среди инвалидов социологическую анкету об их положении и нуждах и

провела опрос по поводу создания Всесоюзного общества инвалидов. Все опрошенные поддержали идею об обществе, которое действовало бы вне бутафорской опеки официальных органов социального обеспечения и имело бы свой печатный орган для обсуждения волнующих инвалидов вопросов.

Инициативная группа инвалидов была принята как филиал в Международное общество инвалидов, информировала международную общественность о положении инвалидов в СССР и получала из-за рубежа периодические издания с информацией о положении инвалидов в других странах, проспекты приспособлений для передвижения и самообслуживания инвалидов разных категорий. В январе 1982 г. на Украине была создана аналогичная Инициативная группа защиты прав инвалидов — в нее вошли 9 человек, но вскоре, не выдержав шантажа и угроз, четверо членов Украинской группы ее покинули.

Власти активно боролись с распространением влияния Инициативной группы инвалидов — известно о «беседах» кагебистов с инвалидами в Москве, Одессе, Черниговской области, в Молдавии и в Казахстане, во время которых посулами и угрозами добивались отказа от общения с ИГ. [30] В 1981 г. был арестован и осужден на 5 лет лагеря строгого режима инвалид Николай Павлов за обнародование через ИГ инвалидов свидетельства об ужасных условиях в лагере для инвалидов-заключенных. [31] Инвалид войны Василий Первушин (Новосибирск) был насильственно госпитализирован в психбольницу за обращение с требованием улучшить положение инвалидов, сократив расходы на вооружение и направив сэкономленные средства на помощь инвалидам. [32] В 1983 г. под угрозой ареста вынуждены были эмигрировать члены ИГ инвалидов Валерий Фефелов и его жена Ольга Зайцева.

Наряду с открытыми ассоциациями в защиту социально-экономических прав в те же годы известно несколько анонимных призывов к трудящимся бороться за свои права. Кроме листовок СМОТ не участвовать в субботниках, такие листовки распространялись и помимо СМОТ. В Москве на Красной Пресне в апреле 1983 г. появились листовки «левооппозиционной группы» «Новый путь» такого же содержания. В Эстонии в 1981-1982 гг. были сделаны попытки с помощью листовок призвать к получасовой демонстрации-забастовке с политическими и социально-экономическими требованиями. Листовки были подписаны: «Демократический национальный фронт Советского Союза» (смотри главу «Эстония», стр. 62-63). В середине 1983 г. в Воронеже были арестованы слесарь А. Высотский, грузчик В. Пантелеев и Т. Матвеева, дважды распространившие на воронежских заводах листовки (подписанные «Воронежский Хельсинкский комитет») с призывом к забастовкам и «демонстрациям молчания» по примеру эстонских рабочих. [33]

Одновременно с организационными попытками борьбы за социально-экономические права — со второй половины 1970-х годов — интенсифицировался процесс осмысления социально-экономических проблем в самиздате. Видимо, углубление кризисного состояния советской экономики стимулировало поиски выхода, это перестало быть заботой только специалистов. В это время в московском самиздате появились сборники «В защиту экономических свобод». Их составитель выступал под псевдонимом К. Буржуадемов (позднее выяснилось, что это был московский инженер-экономист Виктор Сокирко). С середины 70-х годов публикации на социально-экономические темы стали появляться в самиздатских журналах «Поиски», «Поиски и размышления», в историческом сборнике «Память». [34]

В работах М. Руденко «Экономические монологи» и Ю. Орлова «Возможен ли социализм нетоталитарного типа?», появившихся в середине 70-х гг., рассматриваются социально-экономические основы советского общества. [35] Появились и работы по отдельным социально-экономическим проблемам. Сотрудник Института физики Академии наук СССР Евгений Андрюшин был арестован в апреле 1982 г. и осужден на 3 года лагеря строгого режима и 2 года ссылки за работу марксистского толка «Положение рабочего класса в СССР». В конце 70-х гг. выступил со своими очерками Лев Тимофеев, впоследствии собравший их в брошюру «Технология черного рынка, или крестьянское искусство голодать». Проблемам сельского хозяйства была посвящена и статья Л. Лариной «Сельское хозяйство в СССР» (1979 г.). Работа 1978 г. «Бедность народов» (под псевдонимом Адам Кузнецов) представляет собой анализ советской «антиэкономики» на материалах советской прессы, выясняются причины неэффективности работы во всех сферах советского хозяйства и его управления. Впоследствии автор эмигрировал и опубликовал эту работу за рубежом под названием «Без буржуев» и под своим именем — Игорь Ефимов. [36]

Участились в самиздате и попытки анализа природы советской системы. В 1977 г. вышла работа Александра Зимина (псевдоним) марксистского толка «Социализм или неосталинизм». Автор доказывает, что советское общество не является социалистическим, так как оно — классовое и антагонистическое. Эксплуататорским классом Зимин считает партийно-советскую бюрократию, а эксплуатируемых делит на класс заключенных (государственные рабы), крестьянство (эксплуатируемое на феодальный манер, с применением внеэкономического принуждения и прикрепления к земле), рабочих и интеллигенцию. Интересно, что киевский рабочий Н. Погиба, не читавший ни Зимина, ни даже «Новый класс» М. Джиласа (эта книга ходила с 60-х годов в самиздатском переводе), самостоятельно разработал ту же схему классовой структуры советского общества, включая класс заключенных, которых он тоже назвал государственными рабами. [37]

В 1983 г. самиздат пополнился записью выступлений на официальном семинаре экономистов в Москве академика Т.И. Заславской, утверждавшей то же самое, что и Сахаров, и Орлов и другие исследователи социально-экономических проблем советского общества в самиздате, а именно — что без либерализации «производственных отношений» невозможно вывести советскую экономику из кризиса. [38]

С конца 70-х и в 80-е годы социально-экономические проблемы Советского Союза интенсивно разрабатывались в тамиздате. Состояние движения за социально-экономические права в СССР освещено в брошюре, составленной В. Чалидзе «СССР — рабочее движение?». Чалидзе переиздал в основанном им издательстве русскоязычных книг в Нью-Йорке ставшую редкой книгу Петра Гарви «Профессиональные союзы в России в первые годы революции (1917-1921 гг.)». С 1981 г. В. Чалидзе начал выпускать проблемный журнал «СССР: Внутренние противоречия», в каждом выпуске которого — материалы на социально-экономические темы. [39]

* * *

Движение за социально-экономические права в СССР и в теоретическом, и в практическом плане сделало лишь первые шаги. Вряд ли можно рассчитывать на его быстрый успех, однако у него есть перспектива.

Образовательный уровень и правосознание массы советских трудящихся сейчас неизмеримо выше, чем в 30-е годы, когда была заложена основа нынешней социально-экономической системы, с тех пор почти не претерпевшей существенных изменений. Свое бесправие ясно сознают все слои советского населения. Нарушение прав трудящихся — постоянное и настолько всеобщее явление, что можно назвать его жизненной нормой. Официальные профсоюзы функций защиты прав трудящихся не выполняют. Поступающие в суд дела об увольнениях довольно часто кончаются восстановлением на работе из-за незаконности увольнения, а, как правило, эти увольнения производятся с согласия местного профсоюза. Профсоюзы никогда не проявляют инициативы в области законодательства: ВЦСПС ни разу не внес ни одного законопроекта об облегчении условий труда, о повышении его оплаты т.д., но известно, что с санкций ВЦСПС были ограничены льготы за непрерывный стаж работы и введены другие стеснения прав трудящихся. Однако утверждать, что в массе советские трудящиеся, осознавая свое бесправие, осознают и необходимость защиты своих прав от «начальников» и готовы это делать — значит принимать желаемое за действительное.

Социальная безысходность породила повальное пьянство как способ ухода от действительности, алкоголизм принял ужасающие размеры, стал национальным бедствием. Более энергичные стремятся найти выход в одиночку: сделать карьеру или хотя бы приспособиться — наладить отношения с непосредственным начальством, прирабатывать, подворовывать и т.п. Духовный поиск приводит в церковь. Обычно это сопряжено с обострением национальных чувств как у русских, так и у нерусских. У русских социальная ущемленность зачастую компенсируется имперскими амбициями. При почти всеобщем осуждении советского проникновения на Кубу, в Африку и другие экзотические для русского человека области Земли («зачем их кормить, когда самим жрать нечего»), вторжение в Чехословакию в 1968 г. значительная часть народа одобрила («мы их освободили, а они...»). Есть свидетельства, что и польская «Солидарность» не вызывала общего сочувствия даже среди рабочих. В конце 1980 г. появился такой анекдот:

«— Что такое международная солидарность?

— Это когда есть нечего в Туле, а бастуют в Гданьске».

Московский рабочий Николай Алексеев в открытом письме (1981 г.) сообщает о таком диалоге:

«— Ты слышал, что там поляки вытворяют? — спросил меня товарищ, с которым мы возвращались с завода домой. И не дожидаясь ответа, с раздражение добавил: «Давить их уже пора!» — «Да как ты смеешь так говорить?! Это такие же рабочие, как и мы. Они борются за свои права. Кто тебя научил этой чуши?» — «Никто, я сам так думаю. Мы не лучше живем, однако не бастуем, не подрываем обороноспособность. А их наверняка извне подстрекают». [40]

Однако и Н. Алексеев не одинок в сочувствии «Солидарности». Известны результаты неофициального опроса об отношении к «Солидарности» — опрос проводился в Москве и в близлежащих больших городах и охватил 618 человек разных социальных слоев. Около 60% опрошенных не располагали достаточной информацией, чтобы иметь собственное мнение, около 20% отозвались о «Солидарности» отрицательно, и столько же — положительно. [41] О зреющем понимании необходимости независимых профсоюзов свидетельствуют и сообщения о

поддержке Свободного профсоюза и СМОТ из разных мест. Таких случаев известно несколько десятков, но мы мало знаем о советской провинции — вероятно, таких случаев гораздо больше. Об этом можно судить по статье заместителя председателя КГБ С. Цвигуна, который жаловался, что несознательные люди устраивают всякого рода «союзы» — видимо, имелись в виду профсоюзы, но такое в советской печати Цвигуну вымолвить невозможно. [42]

Власти боятся любой инициативы в защите социально-экономических прав, и страх этот усилился в связи с событиями в Польше и с ухудшением экономического положения в СССР. Людей будут отвращать от любых попыток эти права отстаивать, во-первых, жестоким подавлением таких попыток в самом зародыше, чтобы показать безнадежность такого пути, а, во-вторых, — при необходимости власти будут выступать в роли защитников прав трудящихся от нижестоящих руководителей, не останавливаясь перед тем, чтобы пожертвовать авторитетом и даже уволить отдельных представителей номенклатуры для сохранения социального мира (уже отмечалось, что и сейчас суды довольно часто берут сторону уволенного, а не его начальства), и, видимо, такая политика будет иметь успех. И все-таки движение за социально-экономические права имеет большое будущее. По широте потенциальной базы участников движение за социальные права в контексте советской системы столь же всеобъемлюще, как правозащитное. Все советские граждане — трудящиеся, и все они имеют одного работодателя — государство (или колхозы, целиком подчиненные государству), взаимоотношения с которым регулируются общим для всех категорий трудящихся трудовым законодательством, нарушаемым властями по отношению ко всем категориям трудящихся примерно одними и теми же способами. Вследствие этого основные социальные интересы всех категорий трудящихся очень близки. Этим и объясняется пестрота социального состава независимых организаций профсоюзного типа, включающих представителей многих социальных слоев. Из 43 учредителей Свободного профсоюза известен социальный статус 31-го. Среди них — 14 рабочих, 8 служащих, 9 — лица массовых интеллигентских профессий (инженеры, учителя, медицинские работники). [43] Еще менее «рабочим» является состав СМОТ (см. на стр. 317 перечень членов Совета представителей СМОТ).

По сути и по методам движение за социально-экономические права является правозащитным.

За 60 лет существования советской власти оказалось способным выжить и даже развиваться только сопротивление на правовой основе. На этой платформе с самого начала стояло правозащитное движение, счастливо нашедшее ахиллесову пяту системы. Эту платформу ныне приняли все национальные и религиозные движения. Я полагаю поэтому, что не минует ее и движение за социальные права.

Думаю, что и в смысле структуризации это движение пойдет в том же направлении, что и остальные диссидентские движения: не дифференцируясь по классам, оно будет расширяться, вбирая в себя новые слои советского общества, раздвигая в связи с этим диапазон своих требований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Л.М. Алексеева. Инакомыслие в СССР — опыт статистического анализа. «СССР: Внутренние противоречия», под ред. В. Чалидзе, Нью-Йорк, 1983, Chalidze Publications, вып. 8, с.с. 5-61.

2. А.Г. Аганбегян. О советской экономике. — «СССР: Внутренние противоречия», вып. 6, с.с. 169-174; А.Д. Сахаров, В. Турчин, Р. Медведев. Письмо руководителям партии и правительства, 19 марта 1970 г., — Архив Самиздата, Радио «Свобода», Мюнхен,С № 360, т. 5; Ю.Ф. Орлов. Открытое письмо Л.И. Брежневу. — «Дело Орлова», составитель Л. Алексеева, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1980, с.с. 201-205.

3. А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. — Сочинения. Париж, ИМКА — Пресс, 1980, т. 7, с.с. 526-533.

4. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), Амстердам, Фонд м. Герцена, 1979, вып. 8, с.с. 192-193, 343; Список политзаключенных СССР, вып. 5, по состоянию на 1 мая 1983 г., под ред. К. Любарского, Мюнхен — Брюссель, 1983, с. 81.

5. «Хроника текущих событий», Нью-Йорк, изд-во «Хроника» (ХТС), вып. 39, с. 57; вып. 42, с. 82; вып. 49, с.с. 50-51.

6. Горький — Times (Лондон, 6 августа 1980); Тольятти — «New York Times», 17 ноября 1981 г.

7. «Вести из СССР. Права человека», под ред. К. Любарского, Мюнхен — Брюссель, 1980, вып. 20, № 1.

8. «Вести из СССР», 1981, вып. 5, № 33; вып. 12, № 29; вып. 22, № 33; 1982, вып. 9, № 29-30; вып. 19, № 37.

9. ХТС, вып. 48, с. 160 (Клебанов); «Список политзаключенных СССР», вып. 5; ХТС, вып. 61, с. 85 (Никитин).

10. «Память», исторический сборник, Париж, ИМКА-Пресс, 1982, вып. 5, с.с. 231-249 (группа Краснопевцева); «Память», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1978, вып. 1, с.с. 269-284 («Колокол»); стр. 276-278. В главе «Правозащитное движение» (группа в Горьком); «Вольное слово», Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1973, вып. 7, с.с. 95-106 (Болонкин).

11. ХТС, вып. 33, с.с. 38, 45-47.

12. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1977, вып. 2, с.с. 19-20, 39-54.

13. Там же, вып. 6, с. 80.

14. Там же, вып. 16 с.с. 77-82 (документ № 6); вып. 4, с.с. 6-11 (№ 23); вып. 5, с.с. 22-23 (№ 38); с.с. 33-40 (№№ 46-47); вып. 6, с.с. 48-59 (№№ 75-77); с.с. 125-126 (№ 96); вып. 8 (№ 159).

15. Там же, вып. 6, с.с. 85-86.

16. «СССР — рабочее движение», составитель В. Чалидзе. Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1978, с.с. 34-35.

17. Т. Николаев. К истории возникновения Свободного профсоюза. — «Хроника защиты прав в СССР», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», вып. 35, с. 30.

18. Там же, с.с. 29-30.

19. «СССР — рабочее движение», с.с. 61-64.

20. ХТС, вып. 48, с. 159.

21. Г. Высотин, В. Середа. Вчера, сегодня и завтра Независимого профсоюза. — «Хроника защиты прав в СССР», вып. 41, с. 47.

22. Там же, с.с. 47-52.

23 .Там же, с.с. 49-50.

24. АС № 4626, вып. 16/82 (Информационный бюллетень СМОТ № 16); № 4621-4622, вып. 33/82 (ИБ №№ 18, 19); №№ 4711, 4728, 4729, вып. 33/82 (ИБ №№ 25-27); № 4752, вып. 37/82 (ИБ № 29); № 4806, вып. 3/83 (ИБ № 30); Аннотации: ХТС, вып. 61, с. 105 (ИБ № 10); ХТС, вып. 62, с. 178 (ИБ №№ 12, 13); ХТС, вып. 63, с.с. 242-243 (ИБ №№ 14-25); ХТС, вып. 64, с.с. 114-115 (ИБ №№ 32-34).

25 .ХТС, вып. 64, с.с. 21-26; «Посев», Франкфурт-на-Майне, изд-во «Посев», 1982, № 7, с.с. 2-3; «Вести из СССР», 1983, вып. 7, № 4.

26. «Вести из СССР», 1983, вып. 11, № 1; вып. 2, № 31.

27. Там же, вып. 11, № 1.

28. Там же, вып. 18, № 42.

29. ХТС, вып. 51, с.с. 151-154; Информационный бюллетень ИГ защиты прав инвалидов в СССР, №№ 1-16. См. «Вольное слово», вып. 41-42, 1981 (№№ 8-10), а также АС N 3511, вып. 10/79; № 3765, вып. 40/79; № 4577, вып. 7/82. Аннотации: ИБ № 8 — ХТС, вып. 56, с. 141: ИБ № 9 — ХТС, вып. 57, с. 110; ИБ № 10 — ХТС, вып. 60, с. 119; ИБ № 11 — ХТС, вып. 62, с.с. 177-178; ИБ № 12, 13 — ХТС, вып. 63, с. 241. ИБ № 14 — ХТС, вып. 64, с. 114.

30. ХТС, вып. 63, с.с. 75-76; ХТС, вып. 64, с.с. 11-112.

31. Список политзаключенных СССР, вып. 5, с. 140; А. Зеляков (псевдоним). Памяти забытых и погибших зэков-инвалидов. — «Хроника защиты прав в СССР», вып. 42, с.с. 61-64.

32. «Вести из СССР», 1983, вып. 18, № 7.

33. «Вести из СССР», 1983, вып. 16, № 2.

34. «Поиски. Свободный московский журнал». Москва — Париж, изд-во «Поиски», №№ 1-4; «Поиски и размышления», Москва — Париж, изд-во «Поиски, №№ 1-4; «Память. Исторический сборник», Москва — Париж, изд-во Edition la Press Libre, №№ 1-5.

35. Орлов, Ю.Ф. Возможен ли социализм нетоталитарного типа? — В: сб. «Самосознание», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1976, с.с. 279-304.

36 .«Вести из СССР», 1983, вып. 6, № 16; Тимофеев, Лев. Технология черного рынка или крестьянское искусство голодать. Товарищество зарубежных писателей, США, 1982; Ларина, Л. «Сельское хозяйство СССР» (аннотация) — ХТС, вып. 54, с. 146; Ефимов , Игорь. Без буржуев. Франкфурт-на-Майне, изд-во «Посев», 1979.

37. Зимин, Александр. «,Социализм или неосталинизм?» Нью-Йорк, Chalidze Publications, 1981; Погиба, Николай. Открытое письмо Украинской правозащитной группе. АС № 4321, вып. 22/81.

38. Заславская, Т.И. Доклад на научном семинаре в Москве, апрель, 1983.

39. «,СССР — рабочее движение?» составитель В. Чалидзе, Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1978, Гарви, Петр. Профессиональные союзы в России в первые годы революции (1917-1921). Нью-Йорк, Chalidze Pablications, 1981; «СССР: Внутренние противоречия», под ред. В. Чалидзе, Нью-Йорк, вып. 1-8, 1981-1983.

40. Алексеев, Николай. Заметки рабочего. АС № 4413, вып. 34/81.

41. Пухов, С. Отношение москвичей к профсоюзу «Солидарность». — «СССР: Внутренние противоречия», вып. 2, с.с. 248-254.

42. Цвигун, С. О происках империалистических разведок. — «Коммунист». Москва, изд-во «Правда», 1981, № 14, с. 98.

43 . Обращение членов профсоюза. — «СССР — рабочее движение?», с. 61.

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Официальная идеология дореволюционной России была заключена в формуле «православие, самодержавие и народность». Революция изменила эту формулу на «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Этот лозунг был продиктован верой в скорую мировую революцию. Эти надежды и необходимость сохранения целостности многонационального состава прежней Российской империи обусловили подчеркнутый интернационализм советской официальной идеологии вплоть до второй мировой войны. Реальная политика центрального советского правительства по отношению к нерусским нациям и политика по отношению к коммунистическим партиям других стран и в довоенные годы определялась отнюдь не интернационализмом, а интересами укрепления и расширения советского государства и усиления центральной власти в нем, но делалось это под лозунгами интернационализма, искусно приспособленными к потребностям «первого в мире государства рабочих и крестьян»:

«...что хорошо для СССР, то хорошо для мирового пролетариата и для будущей мировой революции».

Возрождение русской национальной идеи произошло спонтанно в годы войны с фашистской Германией. Первым выразителем этой идеи на официальную потребу стал Сталин. Во время войны он отбросил проповедь интернационализма и обращался к народу с напоминаниями о победах великих русских полководцев прошлого, а после окончания войны поднял знаменитый тост за русский народ, показав тем самым, что и впредь намерен эксплуатировать национальное чувство русских. Соответственно сориентировалась и советская пропаганда. С тех пор русский национализм постоянно присутствует в официальной советской политике, приспособившись к ее целям в виде национал-большевизма. [1] Однако советские правители не могут позволить себе быть последовательными русскими националистами. Выделение всесоюзным правительством русского народа из остальных вызывает негативную реакцию у этих остальных народов, способствует нарастанию среди них сепаратистских тенденций. Поэтому власти то поощряют проявления русского национализма, то более или менее резко одергивают слишком увлекшихся, по их мнению, русофилов. Но, хотя и с отступлениями, русская национальная идея крепнет в советской пропаганде и официальной культуре. Среди ее приверженцев немало талантливых людей (Андрей Тарковский, Василий Шукшин, Владимир Солоухин, Виктор Чалмаев, Петр Палиевский и др.).

Национализм представителей центральной власти вызывает недовольство не только у нерусских народов, но и у части русской интеллигенции, особенно у старшего поколения, воспитанного самой же советской властью в духе интернационализма. С другой стороны, непоследовательность в проведении национальной линии вызывает недовольство шовинистически настроенных кругов истэблишмента и части русской интеллигенции, культивирующей национальные чувства.

Первым выразителем национал-большевизма в самиздате стала «группа Фетисова».

В работах Фетисова историческое развитие человечества представлялось как борьба порядка и хаоса, причем хаос воплощался в еврейском народе, две тысячи лет наводившем беспорядок в Европе, пока на пути этого хаоса не стали германские и славянские начала — тоталитарные режимы Гитлера и Сталина, которые Фетисов оценивал как положительные исторические факторы. В экономическую программу Фетисова входила деиндустриализация и дезурбанизация Европейской части СССР, восстановление там старинной крестьянской общины. Промышленность же предполагалось перенести в Сибирь и туда же переселить рабочих. «Хроника текущих событий» констатировала, что идеи Фетисова имеют последователей среди технической интеллигенции, приверженной идеям технократии, и гуманитарной интеллигенции, а также среди малообразованных людей, жаждущих простых и сильных средств преобразования мира. Группе Фетисова был свойственен крайний антидемократизм. Так, относительно писателей Синявского и Даниэля, общественная защита которых стала началом правозащитного движения, Фетисов заявлял, что их следует расстрелять. В 1956 г. Фетисов вышел из КПСС в знак протеста против начавшейся было тогда десталинизации.

Весной 1968 г. Фетисов и трое его сторонников (архитекторы Быков, Антонов и Смирнов) были арестованы и помещены в психиатрические больницы. [2]

Взгляды этого же шовинистического направления отражал анонимный самиздатский документ конца 60-х годов «Слово нации». [3] Под ним стояла подпись «Русские патриоты». Авторы «Слова» ожесточенно полемизируют с отечественными (и всякими иными) либералами, обвиняя их в бессилии и губительности их идей для России. «Русские патриоты» ратовали «за чистоту расы», которую портит «беспорядочная гибридизация», за «возрождение великой, единой и неделимой России» и православия как национальной русской религии.

Линию Фетисова и «Слова нации» продолжал Геннадий Шиманов — московский интеллигент, работающий лифтером и ставший плодовитым самиздатовским автором. Известно несколько десятков его статей. [4] В них изложена шимановская доктрина о преодолении переживаемого ныне Россией духовного кризиса. Этот кризис вызвали, по Шиманову, следующие причины: «крах коммунистической утопии», «ничтожество имеющихся западных путей, неспособных привлечь к себе никаких симпатий», «индустриально-экологический кризис», «военная опасность со стороны Китая» и «внутренние процессы буржуизации и духовно-нравственной деградации». [5] Шиманов скорбит о происходящем на его глазах вырождении русской нации, полнейшей дезориентации русских в жизни, семейном развале, душевной неустойчивости, пьянстве, разврате, бесперспективности. [6] Русские должны возродиться духовно, вернуть мощь и славу своей нации, чтобы она могла исполнить свое историческое предназначение, ради которого и ниспослал Бог России и русским все перенесенные ими испытания: реформы Петра Первого, Октябрьскую революцию, ГУЛаг и т.д. Все эти

жертвы будут оправданы только всемирным распространением аскетической и духовной цивилизации возрожденного в православии христианства.

Концепция Шиманова — не столько в обличении нынешнего советского режима, как у Солженицына, сколько в использовании религиозной и тоталитарной природы этого режима для органического соединения ленинизма (главным образом его учения о партии) с православием. Только

> *«...советская власть, приняв Православие, ... способна начать великое преображение мира»,* [7]

она может стать инструментом создания тысячелетнего царства на земле именно в силу своей высочайшей, никогда прежде невиданной единодержавности.

Будущее русское православное государство, как и нынешний СССР, по Шиманову, должно остаться идеократическим, т.е. иметь единую исключающую малейшее инакомыслие идеологию и

> *«...развитую нервную систему в лице партии, охватывающую весь общественный организм до каждой его чуть ли не мельчайшей клеточки. ...Если предположить грядущую трансформацию коммунистической партии в православную партию Советского Союза, мы получили бы действительно идеальное государство», —*

пишет Шиманов. [8]

> *«Это идеальное государство исполнило бы историческое предназначение русского народа. Речь должна идти о православизации всего мира и, как следствие этого, — об известной русификации его».* [9]

Соответственно решает Шиманов проблему национальностей внутри СССР.

> *«Советский Союз — это не механический конгломерат разрозненных наций, ... а мистический организм, состоящий из наций, дополняющих взаимно друг друга и составляющих во главе с русским народом малое человечество — начало и духовный детонатор для человечества большого»,* [10]

которое будет увеличиваться в процессе «православизации» мира. Однако эта форма национал-большевизма, как всякая крайность, не имеет широкого распространения.

Национал-большевизм советского истеблишмента выдвигает на первый план не православие, как это делает Шиманов, а имперскую идею, великодержавность. Внутри страны по отношению к нерусским нациям это оборачивается дискриминацией и русификацией, подчинением экономических и всех прочих интересов отдельных наций интересам целого — СССР, где русский народ провозглашается, согласно официальной формуле, «первым среди равных». Во внешней советской политике национал-большевики из советского истэблишмента — за предельное расширение влияния СССР во всем мире, любыми средствами (военные вторжения, пропаганда, шантаж, терроризм и т.д.), за рост военного могущества СССР, за всеобщее устрашение. Эта идеология резко антизападная и антидемократическая. Шовинизм сочетается с досадой перед достижениями Запада и бояз-

нью попасть в зависимость от него, а также с убеждением, что демократические преобразования в СССР ослабят динамизм внешней советской политики и чреваты успехами сепаратистских тенденций в нерусских советских республиках и в странах Восточной Европы, включенных в советский блок.

С этим опасным и уродливым проявлением национального чувства сосуществует нормальный русский патриотизм. Этот патриотизм никогда, разумеется, не умирал, а в годы войны он, естественно, обострился. На этом чувстве играл Сталин, обращаясь к примерам из русской истории. В послевоенные годы постепенное умирание официальной марксистской доктрины сопровождалось усилением национальной идеологии — это было естественным способом заполнения духовного вакуума. Произошло обращение интеллигенции, особенно гуманитарной ее части, к традиционным национальным ценностям. Распространился обычай ездить во время отпусков по старорусским городам и на Север, где наиболее сохранилась старина. В этих поездках любуются русской природой и старой архитектурой, собирают иконы и предметы народного искусства, скажем, прялки. Стало модным украшать этими вещами городские квартиры. За этой модой у некоторых стоит серьезный интерес к национальной культуре — не только к искусству, но и к философии, и к православной религии. Эта часть русской интеллигенции стала ставить под сомнение марксистскую интерпретацию русской и мировой истории и обратилась к трудам историков досоветского времени — Карамзина, Татищева, Ключевского, а также познакомилась с произведениями русских философов — дореволюционных и покинувших родину после революции — В. Соловьева, Н. Бердяева, Л. Шестова, В. Франка, Г. Федотова и др. Одновременно началось возрождение православной традиции, нередко — именно как национальной религии русских (см. об этом главу «Православные»). На этой почве была предпринята попытка организационного объединения для преобразования СССР на национально-православной основе — в 1964 г. в Ленинграде. Это была тайная организация «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа» (ВСХСОН). [11] Организация эта возникла из дружеского общения нескольких студентов Ленинградского университета. Ее главой стал Игорь Огурцов, японист по образованию. Огурцов — личность выдающаяся, судя по тому авторитету и любви, которыми он пользуется не только у своих товарищей по Союзу, но у всех, с кем сводила его судьба в заключении (в 1967 г. он был осужден на 15 лет лагеря и 5 лет ссылки).

К моменту ликвидации ВСХСОНа органами КГБ в организации было 26 человек — это немало для тайной организации в советских условиях. [12]

Идеологией членов ВСХСОН стало разработанное ими социал-христианство или «христианский социализм» («третий путь — не коммунизм и не капитализм») — проекция христианской этики на преобразование общественной и экономической структуры советского общества. ВСХСОНовцы имели в виду устранение советского тоталитаризма и восстановление «здорового равновесия между личностью, обществом и государством», причем важное место отводилось восстановлению личности. В сложении социал-христианства основную роль играли идеи Бердяева, раннего Владимира Соловьева и Достоевского.

По мысли членов ВСХСОН, революционизм с детства внедрен в сознание советского человека системой общественного воспитания. Поэтому достаточно осознания насильственного характера и лживости господствующей системы, чтобы революционный заряд поменял свой знак, обратился против нее. Исходя из

этого, главную задачу ВСХСОН видел в том, чтобы наметить путь духовного обновления и предложить модель будущего государства, которое мыслилось как национальное и христианское. Модель эта описана в программе ВСХСОН.

Важное место не только в общественной, но и в государственной жизни отводилось церкви, которая трактовалась как «свободная община верующих». [13]

По программе, христианский характер государства воплощался в Верховном Соборе, который должен был состоять на треть из лиц высшей православной иерархии, и на две трети — из пожизненно выбираемых «выдающихся представителей нации». Верховный Собор не имел бы административных функций и не обладал бы правом законодательной инициативы, но имел бы право вето на любой закон или действие правительства, не соответствующие принципам социал-христианства. Глава будущего государства должен был избираться Верховным Собором и утверждаться голосованием населения, он был бы подотчетен Народному собранию. [14]

Основой экономики в этом будущем государстве должны были стать самоуправляющиеся национальные корпорации и индивидуальные сельские хозяйства, но земля принадлежала бы государству и лишь выделялась бы в индивидуальное пользование. Главные отрасли промышленности — электроника, транспорт и др. — тоже были бы государственной собственностью. Наемный труд разрешался бы только на паритетных началах. [15]

Мысли эти и самое направление поисков были необычны для середины 60-х годов. Тогда большинство людей в СССР, размышлявших о будущем страны, шли по пути марксистского анализа, и поиски выхода тоже были отмечены печатью марксистского мышления. Отличие ВСХСОН от других тайных организаций молодежи 60-х — начала 70-х годов состояло не только в отказе от марксистской идеологии. Хотя практически эта организация занималась, как и марксистские молодежные кружки, «сбором книг, перепечаткой их и переводами с целью взаимного ознакомления», в уставе ВСХСОН было записано, что каждый член этой организации — «не только пропагандист и организатор, но и солдат». ВСХСОН мыслил себя как некий воинствующий орден, который должен быть готов возглавить антикоммунистическое движение в России и насильственную революцию против существующего порядка, если таковая начнется. [16] Это определяло строгую конспиративность ВСХСОН: его члены были разбиты на тройки, и каждый знал лишь второго члена тройки и ее старшего. Конспирация не спасла Союз от раскрытия.

В политических лагерях и тюрьмах, куда попали после суда члены ВСХСОН, у них почти не было единомышленников. Большинство политзаключенных составляют представители нерусских национальных движений — украинцы и прибалты, а также верующие. но не православные, а главным образом протестанты (баптисты, пятидесятники, адвентисты), участники правозащитного движения и люди, пытавшиеся бежать на Запад. Общение всхсоновцев с остальными заключенными привлекло к ним несколько сторонников, но и для них не прошло бесследно.

Вскоре по выходе из заключения, в июне 1974 г., активный участник ВСХСОН Леонид Бородин сказал на пресс-конференции корреспондентам западных газет, что сейчас, пожалуй, ни один член Союза не принимает его программу полностью, и этот отход совершился не в каком-то общем направлении, а у каждого по-своему. Из общения с участниками нерусских национальных движений выяви-

лась несостоятельность программы ВСХСОН, сосредоточенной на выработке модели русского национального государства с православием в качестве государственной религии, практически без учета того обстоятельства, что Советский Союз является государством многонациональным, и его народы исповедуют не только православие и даже не только христианство. В программе ВСХСОН нерусскому и неправославному населению посвящены лишь две фразы:

«Все известные религии должны пользоваться правом беспрепятственной проповеди и свободного публичного отправления культа (но не делить власть с православным духовенством в Верховном Соборе) и «Христианской культуре присущ сверхнациональный характер, который в нашу эпоху сыграет решающую роль в деле сближения народов в единую человеческую семью». [17]

Кроме того, есть такой пункт в программе:

«Странам, в которых временно находятся советские войска, может быть оказана помощь в национальном самоопределении на основе социал-христианства». [18]

Следовательно, это право не распространяется на народы, входящие в состав СССР.

А если какие-то народы не захотят в «единую семью»? Или пока этот, видимо, не быстрый процесс «сближения» будет длиться? Один из лидеров ВСХСОН Евгений Вагин, находящийся на Западе, и сейчас отстаивает сохранение всех народов, входящих в СССР, в будущем российском государстве, но на вопросы анкеты, устроенной украинским журналом «Сучасність», как он мыслит статус нерусских народов в этом будущем государстве, Вагин отвечать отказался, ссылаясь на сложность проблемы. [19]

Общение с участниками правозащитного движения поколебало убеждение всхсоновцев в преимуществах тайной организации. В лагерях они имели возможность изучить многочисленные попытки такого рода. Общий опыт показывал, что раскрытие таких организаций происходит довольно быстро — всем им удается действовать самое большое около двух лет. ВСХСОН при его строгой конспирации тоже был раскрыт через год после основания, когда в него входило лишь около десятка членов. Из материалов следствия всхсоновцы узнали, что этому способствовал донос одного из вошедших во ВСХСОН — Александра Гидони (сейчас он в Канаде, издает русский журнал «Современник»). В КГБ Гидони посоветовали продолжать контакты и начали аресты лишь через два года, когда число членов Союза перестало расти. [20] Основатели ВСХСОН убедились, что нелегальность, не помогая выжить, затрудняет установление связей с сочувствующим окружением и снижает эффективность усилий.

Разумеется, открытость возможна лишь для деятельности, не включающей насилие в арсенал своих средств. Но бывшие всхсоновцы перестали быть исключением и в этом отношении. Это подтвердил тот же Леонид Бородин в заявлении, сделанном в январе 1977 г., когда власти попытались приписать диссидентам взрывы в московском метро:

«Сегодня все, кто именует себя инакомыслящими, будь то либерально-демократическая часть или национально-религиозное направление, — все крайне отрицательно относятся даже к менее радикальным средствам». [21]

После ликвидации ВСХСОН русское национальное движение пошло в общем русле диссидентского движения как отрытое мирное течение.

В отличие от нерусских национальных движений, участники которых постоянно предпринимают попытки организоваться для осуществления своих замыслов преобразования национальной жизни, русское национально-религиозное направление после ликвидации ВСХСОН (в 1967 г.) не предпринимало таких попыток. Практические действия приверженцев этого направления не определялись спецификой их взглядов и были чисто правозащитными. Так, Солженицын в 1967 г. выступил с обращением к съезду советских писателей, призывая участников съезда потребовать отмены цензуры. [22] Он стал корреспондентом Комитета прав человека в СССР, основанного А. Сахаровым, В. Чалидзе и А. Твердохлебовым (см. главу «Движение за права человека», стр. 217-218). В этот же Комитет вошел в качестве его члена «почвенник» Игорь Шафаревич. Он выполнял обязанности члена Комитета наряду с остальными и сделал доклад о советском законодательстве в области религии. Солженицын дал высокую оценку правозащитной деятельности Сахарова и указал на ее очистительную роль в современной советской жизни, предложив Сахарова кандидатом на Нобелевскую премию мира. [23]

Другие приверженцы национально-религиозного направления солидаризировались с правозащитным движением главным образом подписями под письмами в защиту жертв политических преследований — как своих единомышленников, так и правозащитников. Эти подписи были частым и постоянным явлением до 1978 г.

Объединительным центром русского национального направления в 1971-1974 гг. был журнал «Вече». [24]

Редактором-составителем «Вече» стал Владимир Осипов, историк по образованию. Осипов был одним из зачинателей поэтических чтений на площади Маяковского в Москве и издателем одного из самых ранних (1960 г.) самиздатских журналов «Бумеранг». В 1961 г. Осипов был арестован «за антисоветскую пропаганду» вместе с Эдуардом Кузнецовым (впоследствии ставшим активистом еврейского движения за выезд в Израиль), Ильей Бокштейном и Анатолием Ивановым, и отбыл срок в лагерях (7 лет — см. главу «Правозащитное движение», стр. 196-197). В лагере, где были собраны участники всех направлений диссента, развившегося и дифференцировавшегося в эти годы на различные направления, Осипов пришел к выводу, что «спасение русской нации важнее гражданских прав». [25] Он вышел из лагеря убежденным русским националистом. Через 10 лет после первого ареста и через 3 года после освобождения он начал издание журнала «Вече», который он определил в редакционной статье как «русский патриотический журнал». Осипов заявил, что цель журнала в том, чтобы

«... возродить и сберечь национальную культуру, моральный и умственный капитал предков, ... продолжить путеводную линию славянофилов и Достоевского». [26]

Девять выпусков этого журнала, отредактированные Осиповым, освещали проблемы русской национальной жизни, культуры, религии, охраны памятников русской истории и охраны среды обитания. Манифест этого журнала существенно отличается от «Слова нации» с его проповедью расизма, государственного деспотизма и великодержавности. Национализм «Веча» выступал не столько как

политическая идеология, а скорее как определенное отношение к русской истории, культуре, православию, вполне сочетаемое с демократизмом.

Осипов писал о себе в открытом письме Шиманову (апрель 1973 г.):

«Лично я не принадлежу к «демократам», но отношусь с большим уважением к лучшим, искреннейшим из них... Прямое высказывание мнений, выступления против злоупотреблений и попрания конституции, лояльность, защита государства перед лицом внешней опасности — таковой представляется мне линия поведения русского патриота в настоящее время». [27]

В другой статье, осуждая «въевшуюся привычку к сталинизму», Осипов писал:

«Инициативная группа, Комитет прав человека, открытые письма, журналы — слава Богу, мы понемногу начинаем преодолевать страх. Нас вдохновляет мужество Григоренко, Огурцова, Буковского». [28]

Сам выбор героев противостояния показателен: убежденный коммунист Григоренко, христианин и русский патриот Огурцов, активист правозащитного движения Буковский.

В другой своей статье Осипов утверждал:

«Всем должна быть дана свобода мнений. Верующие и атеисты, националисты и демократы, сионисты и антисемиты, консерваторы и коммунисты — все должны иметь право высказать свою точку зрения». [29]

Разумеется, плюрализм Осипова распространялся и на его единомышленников. Осипов стремился сделать «Вече» трибуной всех оттенков русского национального и православного течений. Политические симпатии некоторых авторов «Веча» не совпадали с его собственными. Так, один из авторов, Анатолий Иванов, печатавшийся под псевдонимом Скуратов, подельник Осипова по процессу 1961 г., тоже проделавший эволюцию в сторону национализма, привнес в журнал юдофобство и сталинские симпатии, вовсе не свойственные самому Осипову, а сподвижник Фетисова Антонов в статье «Учение славянофилов — высший взлет народного самосознания в России в доленинский период» утверждал идеи национал-большевизма, [30] которые тоже не были в русле идей самого Осипова.

Тем не менее объединение вокруг «Веча» таких разных авторов было возможно ввиду существенной общности их идеологии, несмотря на разницу в оттенках. Александр Янов выделил пять положений, общих для всех них. Все они считают основой современного кризиса человечества секуляризацию, отход от христианства как монопольной формы идеологии (1); все они указывают на Запад как на место порождения и оплот секулярности (2); все они верят, что русский народ является главной опорой православия, имманентно ему присущего, и надеются, что, освободившись от секулярной марксистской теории, привнесенной с Запада, русские спасутся от «желтой опасности» с Востока (3); все они полагают, что единственная истинная свобода — внутренняя свобода христианина, для ее обретения несущественны политические режимы и социальные системы (4); все они враждебны интеллигенции, так как именно через нее западная секулярность проникает в Россию. Этот тонкий чужеродный слой («образованщина» — по Солже-

ницыну) сбивает русский народ с его особого, свыше предназначенного ему пути.(5) [31]

Эти положения в разном соотношении, действительно, входят в кредо всех приверженцев русского национального направления, цементируя его и сближая националистов из советского истеблишмента с национально настроенными диссидентами. Однако спектр мнений от либерального национализма до шимановского национал-большевизма все-таки очень широк, и его оказалось трудно совместить в одном журнале.

Осипов не имел прочной поддержки среди авторов и даже среди сотрудников «Веча», гораздо более категоричных и менее терпимых к чужим мнениям и разницам в оттенках. Недоброжелатели Осипова выносили свои разногласия и личные антипатии и подозрения на страницы журнала и распространяли через самиздат открытые письма и заявления против Осипова. Нечеткость позиции и дрязги снижали престиж «Веча». В какой-то момент противоречия в редакции стали неодолимыми. В девятом выпуске Осипов опубликовал заявление, что слагает с себя обязанности редактора и прекращает журнал. Но редакция заявила, что будет продолжать издание «Веча», сохраняя прежнее направление. Осипов же стал выпускать журнал «Земля», близкий к «Вечу», но с большим уклоном в сторону христианства. [32] Он успел подготовить лишь один выпуск; при подготовке второго — 28 декабря 1974 г. он был арестован. [33]

Под письмом в защиту Осипова поставили свои подписи не только приверженцы русского национального направления (в частности, И. Шафаревич и бывшие члены ВСХСОН), но и известные правозащитники: Турчин, Орлов, Ковалев, Великанова, Ходорович, а также активисты еврейского движения за выезд в Израиль Агурский и Воронель. Академик Сахаров призвал выступить в защиту Осипова всех, кому дороги принципы свободы мысли, хотя и подчеркнул, что не разделяет взглядов Осипова. [34]

На суде над Осиповым обвинение строилось на основе показаний членов редколлегии «Веча», которые выступали там в качестве свидетелей. Осипов получил 8 лет лагеря строгого режима. [35]

Национально-православный журнал пытался продолжить бывший всхсоновец Леонид Бородин, который стал выпускать «Московский сборник», перенявший в значительной степени портфель «Веча», но не его демократические потенции. Среди авторов «Московского сборника» был Геннадий Шиманов, но не было «противовеса» его идеям, подобного статьям Осипова. В апреле 1975 г. «Московский сборник» прекратил существование после конфискации третьего выпуска. [36]

Периодические журналы «Вече», «Земля» и «Московский сборник» продвинули процесс формирования современного русско-православного мировоззрения. Однако определяющая роль в его разработке принадлежит А.И. Солженицыну. В сентябре 1973 г. он написал и отослал адресатам «Письмо вождям Советского Союза». [37]

Солженицын обращался к властителям многонационального Советского Союза с тем, что он считал «спасением и добром» для народа, к которому по рождению принадлежат они и он, т.е. русский к русским, в надежде, что они»небезнациональны» и что они, как и он, «подчинены преимущественной заботе» о судьбе русского и украинского народов. Он предлагал «вождям Советского Союза» «своевременный выход из главных опасностей, ждущих нашу страну в ближайшие

10-30 лет». Такими опасностями он считал войну с Китаем и гибель общую с западной цивилизацией.

Солженицын писал, что война с Китаем продлится не менее 10-15 лет и унесет не менее 60 миллионов человек с советской стороны — после такой войны

«...русский народ практически перестанет существовать на планете».

Причины этой надвигающейся опасности — идеологические:

«...претензия единомысленно трактовать коммунистическое учение и в нем вести именно за собою все народы мира».

Как избежать этой опасности? — Отказаться от марксистской идеологии.

Солженицын напоминает, что во время второй мировой войны Сталин сменил эту идеологию «на старое русское знамя, отчасти даже на православную хоругвь» — и мы победили. В войне с Китаем придется сделать то же самое, но в военное время это может оказаться трудно.

«Насколько же разумнее этот самый предохранительный поворот сделать уже сегодня».

Солженицын верит:

«Отпадет идеологическая рознь, и советско-китайской войны скорее всего не будет вовсе».

Вторая опасность — не военная. Нападение с Запада нам не грозит, никто не собирается нападать на нас с Запада, да к тому же

«...западный мир как единая весомая сила перестал противостоять Советскому Союзу, да даже почти перестает и существовать... катастрофическое ослабление западного мира и всей западной цивилизации... это главным образом результат психологического и нравственного кризиса «гуманистической» западной культуры и системы мировоззрения».

Но гибелен и для Запада и для СССР экологический кризис, который наступит очень скоро, если не отказаться от «жадной цивилизации вечного прогресса», которая «уже захлебнулась и находится при конце». Чтобы избежать этой опасности, тоже нужно прежде всего отказаться от официальной марксистской идеологии. Солженицын призывает выйти из «многостороннего тупика западной цивилизации»; он пишет, что

«... такой колосс как Россия, да со многими душевными особенностями и бытовыми традициями вполне может поискать и свой особый путь в человечестве», а не «тащиться западным буржуазно-промышленным и марксистским путем». «Русская надежда — на выигрыш времени и выигрыш спасения» — на неосвоенном еще Северо-Востоке — «Эти пространства дают нам надежду не погубить Россию в кризисе западной цивилизации»,

и одновременно — освоенный Северо-Восток станет форпостом против китайской опасности.

Солженицын призывал советских вождей прекратить трату сил на экспансию во всех странах света:

«Нам надо залечить наши раны, спасти свое национальное тело и свой национальный дух..., где уж нам заниматься всею планетой».

Он предлагает сократить средства на подготовку войны, прекратить ненужные космические исследования и пустить эти средства на освоение северо-востока, создать там «стабильную экономику», не повторяя ошибок «непрерывного прогресса». При этом должны быть на первом месте

«... соображения... нравственного, здорового развития народа, освобождения женщины от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправления школы, детского воспитания, спасения почвы, вод, всей русской природы, восстановления здоровых городов».

Что касается будущего политического устройства Советского Союза, Солженицын объясняет, что он противник всяких революций и вооруженных потрясений. Не поклонник он и «буйного разгула демократии», царящего на Западе, а тем более не поклонник демократии российской.

«У нас в России по полной непривычке демократия просуществовала всего 8 месяцев — с февраля по октябрь 1917 года... кадеты и социал-демократы... оказались неприспособленными к ней прежде всего сами, тем более была не подготовлена к ней Россия. А за последние полвека подготовленность России к демократии и многопартийной парламентской системе могла еще только снизиться...
Тысячу лет жила Россия с авторитарным строем, и к началу XX века еще весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа. ... Русская интеллигенция, больше столетия все силы клавшая на борьбу с авторитарным строем, — чего же добилась огромными потерями и для себя и для простого народа? Обратного конечного результата».

И Солженицын задает вопрос:

«Так, может быть, следует признать, что для России этот путь неверен или преждевременен? Может быть, на обозримое будущее, хотим мы этого или не хотим, назначим так или не назначим, России все равно сужден авторитарный строй? Может быть, только к нему она сегодня созрела?»

И продолжает, уже утвердительно:

«Невыносима не авторитарность — невыносимы произвол и беззаконие... Пусть авторитарный строй — но основанный не на «классовой ненависти» неисчерпаемой, а на человеколюбии».

Среди политических проблем, нуждающихся в немедленном разрешении, Солженицын предлагает: освободить «узников», отказаться от «психиатрического

насилия», от негласных судов, от лагерей, и допустить свободную соревновательность всех идеологических и нравственных течений в частности, всех религий, свободное искусство, литературу, философские и нравственные, экономические и социальные исследования, снять опеку с Восточной Европы и не удерживать насильственно в пределах страны «окраинные нации».

Солженицын не передал это письмо в самиздат — он ждал ответ. «Ответом» был арест Солженицына и выдворение его из страны. [38]

После этого в самиздате появилось открытое письмо Солженицына, призывавшее всех, кому дороги судьбы родины, «жить не по лжи» — отказаться от какого-либо участия в жизни официального общества, от какой бы то ни было поддержки официальной идеологии. [39] Однако этот призыв прошел почти незамеченным. Видимо, потому, что диссиденты разных толков уже отринули официальную идеологию и построили свою жизнь в соответствии с велениями своей совести, а те, кто не вдохновился этим живым примером, остались глухи и к солженицынскому призыву.

Одновременно Солженицын распорядился передать в самиздат «Письмо вождям Советского Союза». Оно вызвало огромный интерес, в его обсуждении участвовали люди самых разных взглядов. Вскоре вышел сборник с 14-ю статьями — откликами на этот документ, [40] но сборник далеко не охватывал всех появившихся на эту тему материалов.

Более всего привлек внимание тезис Солженицына о неподготовленности советского общества к демократии. высказанный им в «Письме вождям» не категорически, а предположительно, в форме вопроса, как бы открытого для обсуждения. Но приверженцы русской национальной идеи, сгруппировавшиеся вокруг «Веча», писали о предпочтительности для России авторитарной власти и нежелательности, чуждости демократии уже без знака вопроса:

> *«Русскому человеку мучительно недоверие, лежащее в основе выборной системы, а также расчетливость, рационализм демократии. Русскому человеку нужна цельная правда, и он не может представить ее себе склеенной из социал-христианской, социал-демократической, либеральной, коммунистической и прочих правд».* [41]

Солженицынское «Письмо вождям Советского Союза» стало программным документом формировавшегося русского национального движения — от наиболее демократических его участников до консервативных. Программу, предложенную Солженицыным, признали и Осипов, и Шафаревич, и бывшие всхсоновцы, и Скуратов. Лишь Г. Шиманов отверг ее за «либеральность». [42] «Письмо вождям Советского Союза» сплотило русское национальное движение, «унифицировало» его идейно. Однако это же «Письмо» провело глубокую борозду между приверженцами этого движения и правозащитниками, для подавляющего большинства которых идеалом является правовое демократическое государство — это тоже выявила дискуссия по «Письму вождям». [43] (см. стр. 242-243»).

Высылка Солженицына и арест Осипова были тяжелыми ударами по национально-православному движению. Эти акции сопровождались очередными гонениями на официальных («легальных», как их называют их сторонники) неославянофилов. Однако они завоевывают все более прочные позиции в подцензурной печати. Особенно заметно это было в связи с празднованием 600-й годовщины

Куликовской битвы (1380-1980), когда «почвеннические» и шовинистические мотивы стали ведущими на страницах многих советских журналов.

Единственным коллективным публицистическим выступлением приверженцев либерального крыла русского национального движения был сборник «Из-под глыб», [44] появившийся в самиздате в ноябре 1974 г. Этот сборник был подготовлен в основном еще с участием Солженицына и продвинул разработку мировоззрения либеральных «почвенников». Сборник этот показывает спектр взглядов приверженцев национального направления — от Евгения Барабанова, призывающего к активному переустройству советского общества в духе христианской этики вместе с правозащитниками, до автора, обозначенного инициалами «А.Б.», который осуждает правозащитную деятельность как суетное вторжение в мирские дела.

После прекращения «Московского сборника» национально-православное движение не проявляло себя в какой-либо систематической издательской деятельности, если не считать журнала Г. Шиманова «Многие лета», появившегося в московском самиздате с ноября 1980 г.

Однако тогда, в 1974-1975 гг., разногласия между участниками русского национального движения и правозащитниками проявились лишь в теоретических спорах, практическая же деятельность оставалась совместной и продолжалась в правозащитном русле. С начала 1977 г. притягательным центром правозащитной деятельности сторонников русского национального направления стал Христианский комитет защиты прав верующих (см. главу «Православные», стр. 183-185). Его основатель Глеб Якунин склонен к национальным эмоциям, его многолетние усилия были строго направлены на освобождение православной церкви из-под мертвящего давления атеистического государства. Но поскольку приверженность православию является обязательной компонентой нынешнего русского национального направления, естественно, что к Христианскому комитету тяготели и люди, для которых православие неотделимо от их национальных устремлений.

Отход сторонников русского национально-религиозного направления от правозащитной деятельности наметился в 1978 г. В это время усилились репрессии против правозащитников, а это обычно сопровождается отходом «попутчиков». Но в данном случае усиление репрессий было не основной причиной, а лишь катализатором расхождения, имевшего политическую подоплеку. Дело в том, что к этому времени среди сторонников национально-религиозного направления уже утвердилось отрицательное отношение к правовому государству и к демократии как к нежелательному для России будущему.

В интервью И. Шафаревича корреспонденту газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» в мае 1978 г., отвечая на вопрос, какие течения он различает среди диссидентов, Шафаревич предложил новое определение понятия «инакомыслящий», «диссидент»:

«Понятие «диссидент» очень расплывчато и, безусловно, нуждается в уточнении... Мне кажется, что ... в нашей стране все люди прежде всего разделяются на два типа. Первые — это те, кто чувствует, что его судьба неразрывно связана с судьбой его страны, кто ощущает себя ответственным лично за ее будущее. Вторые — это все остальные. Я не хочу сказать, что первый тип и есть диссиденты... Под западное понятие «диссидент» подходят лишь те из них, кого жизненная установка привела к явному столкновению с аппаратом власти... И все

же основным представляется мне не факт столкновения с властями, прежде всего бросающийся в глаза, а мотив этого столкновения: не внешнее действие, а внутренняя его причина».

Отсутствие заботы о «внешнем действии» логически объясняет и ответ на следующий вопрос: «К какой общественной и политической альтернативе нынешней системы вы склоняетесь?»:

«Что нам нужно — это максимум духовных изменений при минимуме изменений внешних... Нужен возврат к Богу и к своему народу, ощущение общенациональных целей и чувство ответственности перед историей и будущим своей страны...». [45]

Несмотря на отсутствие практической деятельности, национально-религиозное мировоззрение не только сохранилось, но его сторонники умножились — распространение этих взглядов и эмоций продолжалось, в основном, в домашних и дружеских беседах. Эта пассивная позиция восторжествовала если не теоретически, то практически.

Возможно, именно отказ от «внешних действий» и от стремления к «внешним изменениям» способствовало умножению сторонников русского национального направления, особенно в 80-е годы. В связи с резким усилением преследований всех видов оппозиционной деятельности угасли надежды на ее успех в обозримом будущем. Это толкало замкнуться в себе, в дружеском кругу, а именно к этому и свелась, за редкими исключениями, позиция «почвенников», как стали себя называть приверженцы русского национального движения.

Дальнейшая разработка этого мировоззрения по-прежнему осуществляется в основном признанным духовным вождем этого направления Александром Солженицыным. [46] Из наиболее значительных произведений других авторов назову книгу Ф. Светова «Отверзи мне двери», статьи В. Тростникова, Б. Михайлова. [47] Что касается издательской деятельности этого направления, то она сосредоточилась, в основном, в тамиздате.

После появления Солженицына на Западе ощутимо усилилась поддержка национально-религиозного направления «первой» и «второй» волнами русской эмиграции, что отразилось в русскоязычной периодике. Русское национальное направление представлено журналами «Вестник христианского русского движения», журналом «Вече» (под редакцией бывшего всхсоновца Евгения Вагина), русское национальное направление поддерживает НТС-овский журнал «Посев» и даже «Континент», по замыслу долженствующий быть рупором всех направлений инакомыслия в СССР и в восточноевропейских странах. [48]

Разработка формы правления для будущей России приверженцами русского национального движения имеет почти исключительно негативную направленность: и в самиздате и в тамиздате усилия сосредоточились на критике слабых сторон и пороков демократии — и американской, и всех видов западноевропейской, и недолгой русской (8 месяцев в 1917 г.), так что уже достаточно четко определено, что все это не годится для будущей России, и тут среди «почвенников» нет расхождений. Однако позитивные поиски специфически русской государственности не дали к настоящему времени однозначного результата. Часть сторонников русского национального направления склонилась к монархии как к традиционно русскому способу правления, но большинство приняло идею об

«авторитарной власти», не уточняя, что именно под этим разумеется. Видимо, это решение не выкристаллизовалось еще в предпочтение какой-то конкретной из известных (или новой) формы авторитаризма.

Сдвиг либерального крыла национального русского направления «вправо» уменьшил разрыв между ним, «легальными славянофилами» и национал-большевизмом. Одновременно увеличился разрыв между правозащитным демократическим движением, национальными движениями нерусских народов и неправославными религиозными движениями, с одной стороны, — и русским национальным, — с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об истории русского национал-большевизма, см. Агурский, М. Идеология национал-большевизма. ИМКА-Пресс, Париж, 1980.

2. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 7, с.с. 137-139.

3. «Слово нации» — Архив Самиздата, Радио «Свобода», Мюнхен (АС), № 590, т. 8; «Вече», под ред. Е. Вагина и О. Красовского. Франкфурт-на-Майне, 1982, № 3. Аннотация: «Хроника текущих событий» (вып. 16-27), Амстердам, Фонд им. Герцена, 1979, вып. 17, с. 87.

4. Архив Кестон-Колледжа, Лондон; АС № 1132, т. 22; № 1733-1736; 1801; 1846; 2045-2046; 2218; 2466; 2086; вып. 43/82.

5. Шиманов, Геннадий. Как понимать нашу историю и к чему в ней стремиться (АС № 2086), с. 9.

6. Шиманов, Г. Против течения, с. 62 (Архив Кестон-Колледжа).

7. Шиманов, Г. Как понимать нашу историю..., с. 10.

8. Шиманов, Г. Идеальное государство, с. 14 (АС № 2218).

9. Шиманов, Г. Москва — третий Рим. (Архив Кестон-Колледжа).

10. Шиманов, Г. Как понимать нашу историю..., с. 14.

11. «Хроника текущих событий», (вып. 1-15), вып. 1, с.с. 17-20; «Вольное слово», Франкфурт-на-Майне, «Посев», вып. 22-ВСХСОН (материалы суда и программа).

12. ВСХСОН (материалы суда и программа), с. 10.

13. Там же, с.с. 15, 92.

14. Там же, с.с. 103-104.

15. Там же, с.с. 93-96.

16. Там же, с.с. 17, 16.

17. Там же, с.с. 101, 92.

18. Там же, с. 108.

19. Анкета «Сучасності» по национальному вопросу. Комментарий составителей анкеты (Л. Алексеева и В. Белоцерковский). — «Сучасність», Нью-Йорк, изд-во «Пролог», 1980, №№ 7-8, с. 107.

20. Свидетельство Л. Бородина.

21. ХТС, вып. 44, с. 39.

22 .Солженицын, А. Письмо съезду писателей. — Архив Самиздата, Радио «Свобода», № 170, т. 3.

23. Солженицын, А. Мир и насилие. — Солженицын, А.И. Публицистика, Париж, ИМКА-Пресс, 1981, с. 133.

24.«Вече», под ред. Владимира Осипова, Москва, 1971-1974 гг., №№ 1-9 (самиздат). Аннотации: «Вече» № 1 — «Хроника текущих событий» (вып. 16-27), вып. 18, с.с. 143-144; № 2 — там же, вып. 20, с.с. 235-238; № 3 — там же, вып. 22, с.с. 299-300; № 4 — там же, вып. 24, с.с. 385-386; № 5 — там же, вып. 26, с.с. 461-462.

25. Об Осипове см.: Хейфец, Михаил. Русский патриот Владимир Осипов. — «Континент», под ред. Владимира Максимова, Париж, 1981, вып. 27-28.

26. «Вече» № 1. Цит. по: «ХТС», вып. 18, с. 144.

27. Осипов, Владимир. Открытое письмо Геннадию Шиманову. — «Вольное слово», вып. 17-18, с.с. 16, 18.

28. Осипов, В. Трус не играет в хоккей. — В сб. «Три отношения к родине», Франкфурт-на-Майне, «Посев», 1978, с. 111.

29. Осипов, В. Секрет свободы. — Цит. по: ХТС, вып. 24, с. 373.

30. «Вече», №№ 1-2. Цит. по: ХТС, вып. 20, с.с. 235-236.

31. Янов, Александр. Идеальное государство Геннадия Шиманова. — «Синтаксис», № 1,с.с. 50-51.

32. См. «Вольное слово», вып. 20 (из журнала «Земля», №№ 1-2), «Посев», 1975. Аннотация: ХТС, вып. 35, с.с. 48-49.

33. ХТС, вып. 34, с.с. 27-29.

34. Там же, с.с. 29-30; ХТС, вып. 37, с.с. 9-10.

35. ХТС, вып. 37, с.с. 7-9; см. также Хейфец, М. Цит. соч.

36. «Московский сборник», под ред. Леонида Бородина, Москва, 1974-1975, №№ 1-3 (самиздат); АС № 2050; ХТС, вып. 36, с. 7.

37. Солженицын, А. Письмо вождям Советского Союза. — Солженицын, А. Публицистика. Париж, ИМКА-Пресс, 1981, с.с. 134-167.

38. ХТС, вып. 32, с.с. 3-7.

39. Солженицын, А. Жить не по лжи.

40. «Что ждет Советский Союз?» (сборник статей по поводу «Письма вождям»). Москва, 1974 (самиздат). — АС № 1801, 1848, 2450, вып. 43/82. Аннотация: ХТС, вып. 34, с.с. 74-82.

41. Цит. по: ХТС, вып. 34, с. 77.

42. См. ХТС, вып. 34, с.с. 78-79.

43. См. А.Д. Сахаров. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». — А. Сахаров. «О стране и мире», Нью-Йорк, изд-во «Хроника», 1976, с.с. 109-122.

44. «Из-под глыб», Париж, ИМКА-Пресс, 1974.

45. Цит. по: ХТС, вып. 51, с.с. 197-198.

46. Солженицын, А. Публицистика, статьи и речи. Париж, ИМКА-Пресс 1981; «Вестник РХД», № 137, Париж, 1982; № 138, 1983; № 139, 1983.

47. Светов, Феликс. Отверзи ми двери. Париж, Les Editeurs Reunis, 1978; Тростников, В. Мысли перед рассветом. Париж, ИМКА-Пресс, 1980; Михайлов, Б. О современном эстетизме. — «Вестник РХД», № 134, с.с. 246-270.

48. «Вестник РХД», под ред. Никиты Струве, Париж; «Вече», под ред. Е. Вагина и И. Красовского, Мюнхен; «Посев», общественно-политический журнал, Франкфурт-на-Майне, изд-во «Посев»; «Континент», под ред. Владимира Максимова, Париж, изд-во «Континент».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Работу над этой книгой я начала в 1979 году и закончила в 1983-м. Я писала ее как современник событий, в ней изложенных. Когда была поставлена последняя точка в последней главе «Истории...», вопрос Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» казался риторическим, а СССР — незыблемым. Но 1984 год, год выхода в свет первого издания этой книги, оказался последним годом последнего — застойного — периода советской истории, он ознаменовался чередой похорон советских генсеков. В марте следующего, 1985-го, года генеральным секретарем правящей партии стал Михаил Горбачев, и начались события, предопределившие конец советской эпохи. Так получилось, что в «Истории инакомыслия в СССР» его новейший период описан полностью, до своего завершения вместе с завершением существования породившего его советского строя.

Провозглашенная М.С.Горбачевым перестройка была обусловлена не напором снизу, для этого независимые общественные движения были слишком слабы. Перестройка была предопределена развалом экономики страны вследствие непосильного для нее военно-политического соревнования с ведущими странами современного мира. Однако национальные движения в советских республиках сыграли существенную роль в распаде СССР — с одной стороны, ускорив это событие, а с другой — придав ему мирный характер, поскольку участники этих движений были ориентированы сами и ориентировали своих сограждан на мирные формы освобождения от советского гнета.

Особенно важную роль в мирном характере распада СССР и постсоветского развития сыграло правозащитное движение. Принципиальный отказ правозащитников от насилия, проповедуемый ими в течение двух десятилетий до начала перестройки, сделал этот принцип доминирующим в советском обществе. Это сыграло большую роль в сознательном отказе большинства россиян от попыток насильственного удержания стремящихся к отделению народов, как того требовала воинствующая советская идеология, всегда исповедовавшая диктат насилия над несогласными.

Самое яркое свидетельство влияния правозащитной идеологии на становление российской государственности — Конституция РФ, принятая в 1993 году. Эта конституция отвергла извечный российский принцип взаимоотношений власти и граждан — «человек для государства» и утвердила обратный: «государство для человека». Часть 2 Конституции РФ — о правах и свободах граждан — гарантирует им такие же права и свободы как в самых передовых в этом отношении странах современного мира. К тому же Российская Федерация подписала основные международные документы по правам человека, в том числе Европейскую конвенцию, и в 1996 году стала членом Совета Европы, тем самым взяв на себя обязательства стремиться к достижению европейских стандартов в области прав человека. Это создало прочную юридическую базу для правозащитного движения в России, что в значительной мере предопределило его бурный рост. Другая причина этого бурного роста — несоответствие действительного положения с правами человека в стране с высокими нормами, заявленными в Конституции и в международных обязательствах. Естественно стремление активной части общества принудить государство и его чиновников, постоянно нарушающих права человека по весьма укорененной в стране традиции, исполнять собственную конституцию и международные обязательства. Российское правозащитное движение, как и правозащитные движения в других государствах на территории бывшего СССР, продолжает традиции правозащитного движения, народившегося в Москве в середине 1960-х годов, и формирует собственные традиции. Эти движения ждут своих летописцев.

Научно-популярное издание

Людмила Михайловна Алексеева
ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ В СССР
НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД

по заказу Московской Хельсинкской группы
107045, Москва, Б. Головин пер., д. 22.
mhg-main@umail.ru
Тираж 1000 экз. Для бесплатного распространения.